PG
2013
A65
vol. 47
1889

Sbornik.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

47

ТОМЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1889 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1889_47

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVII.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1889.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1889 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

При учрежденіи въ 1883 году, съ Высочайшаго соизволенія, преміи имени профессора А. А. Котляревскаго на пожертвованныя вдовою его средства, Отдѣленіе русскаго языка и словесности опредѣлило издать собраніе сочиненій этого замѣчательнаго ученаго, большею частью разсѣянныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ и притомъ появлявшихся часто подъ разными псевдонимами. Желая такимъ образомъ спасти отъ забвенія труды, которые еще надолго сохранятъ свое достоинство и значеніе, Отдѣленіе выпускаетъ нынѣ 1-й томъ этого собранія. Очеркъ біографіи Котляревскаго будетъ помѣщенъ при одномъ изъ послѣдующихъ томовъ.

Январь 1889 г.

Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося столѣтія его грамматикѣ.

1855.

Сегодня, 20-го декабря, второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ празднуетъ столѣтнюю годовщину замѣчательнѣйшаго явленія въ исторіи своей ученой дѣятельности — Русской грамматики Ломоносова.

На этотъ праздникъ высшаго ученаго сословія, безъ сомнѣнія, откликнется съ сочувствіемъ всякій, кому дорого родное слово. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ сказать только нѣсколько словъ въ воспоминаніе незабвеннаго труда Ломоносова на пользу науки русскаго слова.

До сихъ поръ еще не оцѣненъ вполнѣ подвигъ Ломоносова: его грамматика, непростительнымъ образомъ, забыта: ее читаютъ немногіе; другіе же, не исключая нѣкоторыхъ новѣйшихъ грамматистовъ, не хотятъ даже вспомнить, чѣмъ обязаны они ей! Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, предположивъ ознаменовать столѣтнюю годовщину первой Русской грамматики — новымъ изданіемъ ея [1]), конечно воздастъ должное заслугѣ Ломоносова и достойнымъ образомъ оцѣнитъ трудъ его; мы же ограничимся однимъ общимъ взглядомъ на дѣло Ломоносова въ отношеніи къ наукѣ русскаго языкознанія.

---

1) Извѣстія 2-го Отдѣл. Императорской Академіи Наукъ, т. 4-й, вып. 5-й, р. 252. Протоколъ засѣданій.

Не будемъ останавливаться на томъ, какой переворотъ въ литературномъ языкѣ былъ сдѣланъ Ломоносовымъ, какъ собственнымъ примѣромъ сумѣлъ онъ утвердить за русскимъ языкомъ права гражданства въ литературѣ и опредѣлить его отношенія къ языку церковно-славянскому. Всѣмъ извѣстно, какъ съ Ломоносова началась та рѣчь, которою мы пишемъ донынѣ и будемъ писать; мы займемся его теоретическими трудами для русскаго слова, его грамматикой, разсужденіемъ о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ, планомъ его филологическихъ занятій. Они были слѣдствіемъ преобразованія литературнаго языка; въ нихъ Ломоносовъ выражалъ теоретически то, что́ прежде совершилъ на практикѣ; ими онъ, такъ сказать, ограждалъ отъ всякой непріязни свое литературное дѣло. Какъ это дѣло было во всѣхъ отношеніяхъ ново и неожиданно, такъ и теоретическій трудъ его былъ первымъ опытомъ Русской грамматики, началомъ, изъ котораго, впослѣдствіи, развилась вся теорія русскаго языка. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, Ломоносовъ является одинъ, почти не имѣя предшественниковъ; въ обоихъ отношеніяхъ ему принадлежитъ, по праву, честь устроителя русскаго языка и создателя собственно Русской грамматики.

Какъ ни мало имѣемъ мы свидѣтельствъ о томъ, по какимъ грамматическимъ руководствамъ учились *язычной мудрости* предки наши, но все же и по существующимъ даннымъ можно утвердительно сказать, что до Ломоносова не было и не могло быть *Русской* грамматики. Это подтверждается какъ характеромъ древняго русскаго образованія и литературы, такъ и дошедшими къ намъ отъ того времени грамматическими руководствами.

На какомъ же языкѣ воспитывались наши предки?

Одну изъ задачъ современной славянской филологіи, задачу, полное рѣшеніе которой нынѣ едва ли возможно, составляетъ вопросъ о разграниченіи двухъ стихій нашего древняго письменнаго языка: церковно-славянской и собственно-русской.

Историческія условія неразрывными узами связали эти двѣ стихіи въ одинъ сплошной языкъ, какой мы встрѣчаемъ во всѣхъ

памятникахъ древней русской литературы: имъ писаны лѣтописи, поученія пастырей церкви, житія св. угодниковъ Божіихъ, самыя свѣтскія произведенія, каковы: Слово о Полку Игоревѣ, посланіе Даніила Заточника и др. Никто, кажется, не станетъ утверждать, что языкъ этихъ произведеній, сколь бы ни была значительна въ немъ русская стихія, есть языкъ собственно русскій; никто также не станетъ оспаривать и того, что онъ существенно отличенъ отъ языка устныхъ произведеній русскаго народа, языка, который очень близокъ къ разговорной рѣчи. Поэтому, нѣтъ никакихъ причинъ не принять того мнѣнія, что на Руси встарь было два языка: церковно-славянскій и русскій.

Назначить точные предѣлы употребленію того и другого нѣтъ никакой возможности: во многихъ случаяхъ эти двѣ стихіи древняго русскаго литературнаго языка такъ нераздѣльно, крѣпко сливаются одна съ другою, что рѣшительно нѣтъ средствъ, безъ опасенія посягнуть на цѣлостность древнихъ формъ того или другого языка, указать на то, что̀ именно въ нихъ церковно-славянскаго и что̀ собственно русскаго... Подобный анализъ, впрочемъ, едва ли можетъ быть названъ вполнѣ необходимымъ, — и наши изслѣдователи языка славянскаго на мѣсто его ставятъ другую, болѣе важную задачу: обозначеніе вліянія русскаго элемента на церковно-славянскій [1]).

«Loquendum est Russice, scribendum — Slavonice», говоритъ одинъ иностранецъ XVII столѣтія о нашемъ языкѣ того времени, и эти слова его, какъ нельзя лучше, могутъ быть приложены и къ болѣе отдаленной древности: языкомъ вѣры, литературы и вообще всего, что̀ сколько-нибудь выступало изъ колеи обыденной жизни въ древней Руси, былъ языкъ церковно-славянскій; языкомъ же разговора, ежедневнаго употребленія— языкъ собственно русскій. Понятно отсюда, въ какомъ отношеніи стояли оба языка къ дѣлу *ученія книжнаго*, дѣлу, къ ко-

1) В. И. Григоровича. Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка. Казань, 1852 г., р. 14—15.

торому прилежали пастыри церкви и люди книжные — дѣятели литературы: языкъ русскій, ограниченный сферою домашняго быта, уступалъ право гражданства языку образованности—церковно-славянскому. Поэтому-то и всѣ древнѣйшія грамматическія руководства славянскаго языка имѣли основаніемъ своимъ языкъ перевода книгъ Св. Писанія.

Вѣроятно, грамматическія правила церковно-славянскаго языка были въ большомъ ходу въ старину, и ими пользовались старинные переводчики Св. Отцевъ церкви и вся *книжная чадь*[1]); иначе, какъ объяснить эту необыкновенную правильность и послѣдовательность въ употребленіи формъ древняго славянскаго языка, какую встрѣчаемъ мы въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ русскаго, болгарскаго и сербскаго изводовъ? Но отъ древности дошло къ намъ мало славянскихъ грамматикъ—и то, по большей части, копіи съ греческихъ. Такъ Іоаннъ экзархъ Болгарскій, въ своемъ переводѣ Дамаскина *Объ осмихъ честьихъ слова*[2]), уже предлагаетъ и нѣкоторыя замѣтки о церковно-славянской рѣчи, примѣняя ихъ къ греческимъ правиламъ; а сокращеніе грамматическаго опыта о буквахъ Константина, философа Костенческаго, по замѣчанію его издателя, имѣетъ образцомъ своимъ подобное же сочиненіе греческаго грамматика Мануила Мосхопола, подражая которому, философъ Костенческій пытался подвести подъ греческую теорію звуки церковно-славянскаго языка[3]). Въ такомъ чисто-греческомъ направленіи продолжала развиваться граматика славянская и далѣе: Ἀδελφότης, *грамматика доброглаголиваго эллино-славянскаго языка*, написанная *студейми* Львовской школы въ 1591 г.; грамматика

1) В. И. Григоровича. Статьи, касающ. древн. слав. языка. Казань, 1852, p. 25—31.

2) К. Калайдовича, Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. М. 1824 г., p. 76, 79, 130—1.

3) В. И. Григоровича. Статьи, касающ. etc., p. 32. Въ этихъ *словесахъ вкратцѣ*, избранныхъ отъ книги Константина Костенческаго, насъ останавливаетъ указаніе на Терновскіе и Рессавскіе изводы грамматическихъ правилъ древняго славянскаго языка для людей книжныхъ, чѣмъ лучше всего доказывается существованіе подобныхъ правилъ въ древности. См. стр. 36—38, 48—49.

протоіерея *Лаврентія Зизанія* 1596 г., хотя и писанная на малороссійскомъ книжномъ нарѣчіи; *Грамматики славянскія правильное Синтагма* Мелетія Смотритскаго, напечатанная впервые въ 1618 г.[1]).—Всѣ они обыкновенно брали готовую схему греческой грамматики и подъ ея правила подводили теорію церковнославянскаго языка... Русскій элементъ является только уже въ московскомъ изданіи грамматики Смотритскаго и состоитъ въ замѣнѣ нѣкоторыхъ *необыкновенныхъ* флексій и формъ церковнославянскаго или польскаго языка — великорусскими; ибо «наста нужда собрати отъ различныхъ въ кратцѣ сію граматіку, съ приложеніемъ *простыхъ* реченій, понеже въ ней (Мелетіевой) *обдержатся славянская реченія Россійски въ малѣ разумѣваема*»[2]). Иностранецъ Лудольфъ, кажется, первый далъ перевѣсъ русской стихіи предъ церковно-славянскою въ своей Grammatica Rossica. Oxonii 1696 г. Не отказывая автору этой грамматики въ извѣстной долѣ *пониманія* тогдашняго состоянія русскаго языка, мы, однако, не можемъ приписать ему какое бы ни было вліяніе на Ломоносова. Если послѣдній дѣйствительно зналъ грамматику Лудольфа, то въ ней ему нечѣмъ было воспользоваться: Лудольфъ едва зналъ нашъ языкъ и напечаталъ свою грамматику, — употреблю счастливое выраженіе Каченовскаго, — единственно для пробы новыхъ славянскихъ буквъ, отлитыхъ въ Оксфордѣ.

Въ такомъ состояніи находилось русское языкознаніе, когда Ломоносовъ взялся установить теорію русскаго слога[3]). Опыты

1) Я не упоминаю о мнимой критической грамматикѣ, написанной на сербскомъ и сличенной съ языками русскимъ, польскимъ, кроатскимъ и нарѣчіемъ бѣлорусскимъ. См. Калайдовича, Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, р. 120—1. Она не имѣла хода въ нашемъ отечествѣ и, вѣроятно, не была извѣстна Ломоносову; равнымъ образомъ не останавливаюсь я и на правилахъ словенской орѳографіи, напечат. у Калайдовича, стр. 255—276, и предлагающей правила не языка, а правописанія только.

2) Слова изъ предисловія къ сокращ. Мелетіевой грамматикѣ, сдѣланной въ 1723 г. Ѳ. Максимовымъ, стр. 3.

3) Превосходно охарактеризовалъ это состояніе русской грамматики крестьянинъ Посошковъ, сказавъ, что «нынѣ напечатано въ Москвѣ тысячъ пять, шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія». Соч. Посошкова, изд. Погодина. М. 1842 г., стр. 11.

предшественниковъ въ этомъ отношеніи, какъ видно, немногимъ могли служить ему, если бы онъ самъ не имѣлъ въ себѣ силы создать русскую грамматику, осуществить въ теоріи то, что́ было сдѣлано имъ же, прежде, на практикѣ. Всѣ предшествовавшіе ему грамматисты (кромѣ Лудольфа) давали исключительный перевѣсъ церковно-славянской стихіи надъ русскою, рабски держась правилъ греческой грамматики и подводя подъ нихъ всѣ самобытныя, исконныя особенности церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Такое насилованіе славянскаго языка, такое посягательство на лучшія древнѣйшія его формы только изъ-за того, чтобы сдѣлать его *равнымъ* эллинскому языку, имѣло сильное, хотя и отрицательное вліяніе на Ломоносова: оно заставило его измѣрить глубину и силу обоихъ языковъ, зорко всмотрѣться въ ихъ особенности. Плодомъ этого было разсужденіе о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ и Россійская грамматика, которой сегодня исполнилось сто лѣтъ. Ломоносовъ приступилъ честно къ дѣлу, безъ преднамѣренія *возвысить* достоинство своего языка натяжкою его флексій и синтаксиса на формы языка греческаго [1]). Онъ оставилъ этотъ обычай прежнихъ грамматистовъ, и тѣмъ самымъ призналъ уже самостоятельность двухъ языковъ, или двухъ стихій древняго литературнаго русскаго языка, церковно-славянской и русской. Отправляясь отъ мысли, общей всѣмъ грамматистамъ-практикамъ, «что общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а особливая, какова Россійская грамматика, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему и разсудительному его употребленію» [2]), Ломоносовъ, естественно, долженъ былъ дать перевѣсъ русской стихіи, но не въ ущербъ церковно-славянской, являющейся въ его философіи языка русскаго необходимою, существенною частію его, чѣмъ-то нераздѣльнымъ, свя-

1) Россійская грамматика Ломоносова, 1-е изд. 1755 г., стр. 20, 21, 24 и 28. И во всемъ своемъ трудѣ почти на каждой страницѣ Ломоносовъ явно возстаетъ на подчиненіе языка славянскаго формамъ греческой грамматики.

2) Россійская грам. 1-е изд. 1755 г. Спб., стр. 38.

заннымъ историческими воспоминаніями и условіями, освященнымъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ протекшей русской жизни. Такъ явилась *первая* собственно Русская грамматика: стихія русская легла въ основу ея, церковно-славянская же явилась дружною помощницею... Дѣйствительно, достаточно одного легкаго знакомства съ грамматикою Ломоносова, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, и мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь изъ нея два, три мѣста, подтверждающія это мнѣніе. О родительномъ падежѣ единственнаго числа сущест. им. род. мужеск. § 167: «Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ родит. *у* и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ *словенскаго отходятъ;* а словенскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ *а*: размахъ, размаху и пр.». О дѣепричастіи, § 351: «Дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у *точныхъ россійскихъ* глаголовъ, *нежели* у тѣхъ, которые *отъ словенскихъ происходятъ;* и напротивъ того, дѣепричастія на *я употребительнѣе у словенскихъ*, *нежели у россійскихъ*. Напримѣръ, лучше сказать *толкаючи*, нежели *толкая;* но напротивъ того, лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаючи...*» и пр. (стр. 125). Итакъ съ Ломоносова началась первая русская грамматика; методъ, употребленный имъ въ разложеніи стихій языка, былъ методомъ въ то время общимъ всему европейскому языкознанію: школа Готшеда, съ ея чисто-практическимъ воззрѣніемъ на науку языка, какъ на средство правильно говорить и писать, съ одной стороны; философское начало, внесенное въ науку Куръ-де-Жебленомъ съ другой, составили тотъ методъ и воззрѣніе на языкъ, которыми характеризуется грамматика Ломоносова.

Ограничившись преимущественно практическою стороною дѣла и достигая въ извѣстной степени своей цѣли, это воззрѣніе на языкъ не исчезло и понынѣ, несмотря на плодотворные успѣхи сравнительно историческихъ разысканій В. Гумбольдта, Боппа, братьевъ Гриммовъ въ наукѣ языковѣдѣнія. Наши грамматисты-практики въ этомъ отношеніи недалеко ушли отъ Ломоносова и, будучи обязаны его грамматикѣ фундаментомъ, на-

чаломъ своихъ трудовъ, они, съ одинаковымъ правомъ, могутъ вести и начало своего метода, взгляда на языкъ, отъ той же грамматики Ломоносова. Вотъ значеніе грамматическаго дѣла Ломоносова для нашихъ русскихъ грамматистовъ-практиковъ. Созданіемъ собственно Русской грамматики не ограничивается подвигъ Ломоносова: предчувствуя важное значеніе для науки народныхъ (областныхъ) словъ и выраженій, Ломоносовъ внесъ ихъ въ свою грамматику и тѣмъ положилъ камень во главу угла современной науки русскаго языкознанія. Современники не поняли этой мысли Ломоносова и упрекали его въ томъ, что «онъ московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ», что «въ его грамматику вошло множество порчи языка»[1]) и пр.; ближайшіе потомки не обратили на нее (мысль Ломоносова) вниманія, и только наука, благодаря своимъ успѣхамъ въ настоящее время, оправдала ее и воздала ей должное.

Такова, по нашему мнѣнію, заслуга Ломоносова для русскаго языкознанія: онъ первый, повторяю, создалъ русскую грамматику, далъ языку русскому право гражданства въ литературѣ, опредѣлилъ его отношеніе къ языку церковно-славянскому, предложилъ правила для практическаго его употребленія и, наконецъ, указалъ на лучшій путь въ наукѣ языка, на значеніе народнаго элемента.

Великъ этотъ подвигъ Ломоносова, установителя, наряд-чика русскаго языка; вѣчно памятенъ онъ для потомства, благодарныхъ чувствъ котораго къ своему незабвенному поэту и грамматисту достойнымъ органомъ является сегодня высшее русское ученое сословіе, празднуя столѣтіе первой русской грамматики!

---

1) Сочиненія Сумарокова, изд. Нов. Ч. 10-я, стр. 5 и слѣд.

„О лѣтописи Якимовской", П. А. Лавровскаго.

1856.

Въ наукѣ русской исторіи едва ли сыщется хоть одинъ вопросъ, которому бы назначена была такая злая судьба, какъ вопросу о Лѣтописи Якимовской! Каждая черта русской исторіи, особенно древней, какъ бы ни была она мелка, вызываетъ не только вниманіе, но и строгій, ученый споръ; почти каждый вопросъ въ русской исторической наукѣ имѣетъ свою литературу, своихъ защитниковъ и враговъ. Якимовская Лѣтопись можетъ похвалиться только этимъ послѣднимъ, да и здѣсь, какъ хвалиться тѣмъ, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, оно покажетъ одну общую къ себѣ невнимательность! Въ то время, когда лѣтопись преподобнаго Нестора, какъ памятникъ русской исторіи, когда родовой и общинный бытъ, какъ ея явленія — вызывали и вызываютъ такіе жаркіе ученые споры и разнообразныя мнѣнія, въ это время, заклейменный позорнымъ именемъ Татищевскаго подлога, отрывокъ Якимовской Лѣтописи не находилъ ни друзей, ни враговъ: ей вѣрили и не вѣрили, находили въ ней истину и отрицали ее; все это дѣлалось, какъ говорится, спустя рукава. Это былъ одинъ изъ самыхъ сонныхъ вопросовъ русской исторической науки. Только въ послѣднее пятнадцатилѣтіе вопросъ о Якимовской Лѣтописи началъ вступать въ свои права, и предъявилъ справедливыя требованія на вниманіе ученыхъ.

Академикъ П. Г. Бутковъ въ своей «Оборонѣ и т. д.» первый оправдалъ нѣкоторые факты отрывка Якимовской Лѣтописи. За нимъ преосвященный Макарій (1846 г.), профессоръ С. М. Соловьевъ (1851 г.) и нѣкоторые другіе, оправдывая въ своихъ историческихъ трудахъ все болѣе и болѣе многія извѣстія этой лѣтописи, успѣли утвердить въ другихъ вѣру къ ней, и тѣмъ самымъ указали на необходимость подробнаго изслѣдованія вопроса о Якимовомъ отрывкѣ. И вотъ выходитъ новый

трудъ г. Лавровскаго: «Изслѣдованіе о Лѣтописи Якимовской», о которомъ постараемся дать отчетъ читателю, на сколько позволитъ статья газетнаго фельетона.

Еще прежде, мѣсяца за два до полученія книги г. Лавровскаго, прочли мы въ Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемомъ Н. В. Калачовымъ (книга 2, пол. 1-я), статью профессора С. М. Соловьева: «Писатели Русской Исторіи 18-го вѣка», гдѣ помѣщена подробная характеристика дѣятельности Татищева. Личность и дѣятельность Татищева такъ тѣсно связаны съ вопросомъ о сохраненномъ имъ отрывкѣ Якимовской Лѣтописи, что, говоря о первомъ, нельзя обойти второго, и г. Соловьевъ посвящаетъ ему нѣсколько (23, 25, 38, 39) страницъ своей статьи. Разсматривая только одну сторону вопроса, именно участіе Татищева въ сохраненіи отрывка и его добросовѣстность въ этомъ случаѣ, профессоръ непререкаемыми доводами снимаетъ черное пятно, наложенное на его полезную, изумительную своею громадностью дѣятельность Шлецеромъ съ братіей. Статья профессора превосходна во всѣхъ отношеніяхъ, и мы совѣтуемъ прочесть ее съ трудомъ г. Лавровскаго, къ которому и возвращаемся. Изслѣдованіе о Лѣтописи Якимовской авторъ начинаетъ изложеніемъ судебъ этого вопроса въ исторической наукѣ. Здѣсь находится очень вѣрное опредѣленіе характера дѣятельности Шлецера по отношенію къ русскимъ писателямъ исторіи вообще и Татищеву въ особенности; потомъ слѣдуетъ глава объ открытіи Лѣтописи Якимовской (17—22), какъ внѣшнія доказательства ея неподдѣльности; далѣе разборъ первой половины Якимовской Лѣтописи, вмѣщающей въ себѣ событія до-Рюриковскаго времени (22—43), разборъ второй половины ея съ событіями времени историческаго (43—81) и наконецъ заключеніе въ пользу отрывка. Еслибъ было принято дѣлать приговоры a priori, мы сказали бы, что сочиненіе г. Лавровскаго, при всѣхъ своихъ ученыхъ достоинствахъ (а ихъ очень много), не есть послѣднее слово русской исторической науки о Лѣтописи Якимовской, и

заставляетъ желать новаго, полнѣйшаго переслѣдованія вопроса.

Пушкинъ гдѣ-то сказалъ: «Писателя надо судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ». Г. Лавровскій избралъ задачею своего разысканія вопросъ о Якимовомъ отрывкѣ: «Я намѣренъ, говоритъ онъ, предпринять обозрѣніе этого памятника (Яким. Лѣт.) въ *цѣломъ его* составѣ и *во всей подробности*» (стр. 17). — И мы требуемъ отъ его труда полнаго, всесторонняго изслѣдованія о Лѣтописи Якимовской!... Находимъ ли мы это въ изслѣдованіи г. Лавровскаго? Нисколько! Еслибъ г. Лавровскій избралъ своею задачею одну защиту достовѣрности Якимова отрывка... тогда, ни слова: трудъ его былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ; теперь же, прочитавъ его, мы можемъ, кажется, только вынести полное убѣжденіе въ неподдѣльности этого отрывка и въ томъ, что онъ значительно восполняетъ пробѣлы въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ преподобнаго Нестора. Но, можетъ быть, нашъ голословный приговоръ покажется многимъ изъ читателей слишкомъ строгимъ и неубѣдительнымъ. Поэтому позвольте намъ войти въ небольшія подробности о томъ, чего именно, по нашему крайнему убѣжденію, недостаетъ въ трудѣ г. Лавровскаго. Авторъ ограничилъ разборъ 2-й части Якимовскаго отрывка одними фактами (стр. 80), которыхъ нѣтъ въ лѣтописи Нестора. Почему? Вѣроятно потому, что въ лѣтописи преподобнаго Нестора, по словамъ одного изъ нашихъ ученыхъ (К. Д. Кавелина), нѣтъ ни одного слова, которое бы не было критически объяснено лучшими изслѣдователями нашей исторіи, потому что объяснять слова Нестора теперь едва ли не значитъ то же самое, что повторять старое... Подобное оправданіе такого ограниченія предмета своего разсмотрѣнія дѣйствительно могло было быть принято, еслибъ г. Лавровскій, какъ мы уже сказали, взялъ въ задачу только защиту достовѣрности отрывка; но, рѣшая вопросъ о Лѣтописи Якимовской въ цѣломъ ея составѣ и подробностяхъ, спрошу: можетъ ли подобная оговорка быть допущена? Развѣ часть равна

или составляетъ одно и то же, что́ цѣлое? Да и всегда ли объяснять извѣстія Нестора значитъ говорить старое? Но положимъ, что это и дѣйствительно такъ: все же слѣдовало, по крайней мѣрѣ, указать на факты Якимова отрывка, подобные съ Несторовыми, показать отношеніе между ними и, если можно, прояснить сказаніемъ Якима преподобнаго Нестора, и наоборотъ. Это самый видный пробѣлъ въ сочиненіи г. Лавровскаго. Особенную важность придаетъ авторъ Якимову отрывку для исторіи русской церкви, относительно первоначальнаго распространенія христіанства и борьбы его съ язычествомъ. Мысль вполнѣ справедливая и уже тѣмъ самымъ вызывающая невольный вопросъ: въ чемъ же именно эта важность и драгоцѣнность отрывка? какія новыя событія передаетъ онъ намъ? На это въ изслѣдованіи г. Лавровскаго мы встрѣтили голословный отзывъ въ полстраничку, не болѣе! Мы не будемъ долго останавливаться на частныхъ мнѣніяхъ и догадкахъ автора, по большей части, если не вполнѣ справедливыхъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ вѣроятныхъ: скажемъ только, что и въ нихъ можно найти не мало спорнаго и неубѣдительнаго. Особенно это должно сказать о замѣчаніяхъ г. Лавровскаго касательно первоначальнаго вліянія христіанскихъ элементовъ на руссовъ, еще не просвѣтившихся святымъ крещеніемъ. Г. Лавровскій оканчиваетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: «Будемъ признательны къ памяти несправедливо запятнаннаго упрекомъ въ подлогѣ Татищева, передавшаго потомству отрывокъ Якимовскій и сообщившаго о немъ свои замѣчанія. Я, съ своей стороны, почту себя счастливымъ, если всѣмъ этимъ разсужденіемъ хотя на одну черту содѣйствовалъ раскрытію несправедливости этого укора» (стр. 84). Если только это было цѣлью автора, то мы, съ своей стороны, поздравляемъ его съ полнымъ успѣхомъ... Но русская историческая наука еще ждетъ полнаго изслѣдованія о Якимовской Лѣтописи; трудъ г. Лавровскаго, какъ первый твердый шагъ къ этому, представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ для будущаго изслѣдователя. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанной ака-

демикомъ П. Г. Бутковымъ подробной записки о Якимовомъ отрывкѣ, ради пользы науки, желая, чтобы и самый отрывокъ былъ изданъ вторично, во всеобщее пользованіе, чего, при рѣдкости Исторіи Татищева, лишены очень и очень многіе. Въ заключеніе скажемъ, что трудъ г. Лавровскаго, истинное пріобрѣтеніе русской исторической науки, содержитъ въ себѣ много свѣтлыхъ мыслей и блестящихъ догадокъ. Изъ уваженія къ этимъ-то достоинствамъ рѣшились мы высказать откровенно наши замѣчанія, надѣясь, что г. Лавровскій не приметъ ихъ въ дурную сторону.

По поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основьяненкѣ.

1856.

При современномъ состояніи исторіи русской словесности, когда каждый вопросъ ея находитъ даровитыхъ и надежныхъ истолкователей, опытный глазъ не можетъ не примѣтить на страницахъ ея значительнаго пробѣла: до сихъ поръ не воздано должное младшей сестрѣ и спутницѣ русской литературы — словесности малороссійской, или украинской; изслѣдователи ставили въ тѣни всѣ ея явленія или вовсе не упоминали о нихъ, считая ихъ незначительными случайностями.

Мы не будемъ входить въ опроверженіе подобнаго мнѣнія, не станемъ также защищать литературную состоятельность языка украинскаго; но попытаемся въ немногихъ словахъ показать, что въ ней есть своя жизнь и свое развитіе, что она имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ общей исторіи русской литературы, какъ необходимая, законная часть ея.

Обыкновенно говорятъ, что литература вызывается вслѣдствіе потребностей извѣстнаго народа или общества; что она служитъ правдивымъ откликомъ, удовлетвореніемъ этимъ потребностямъ. Въ Малороссіи дѣло было наоборотъ: вызванная историческимъ движеніемъ русской литературы, безъ всякихъ потребностей со стороны общества, украинская словесность про-

будила въ немъ эти потребности и сдѣлалась его нравственною и эстетическою школой.

Всѣмъ извѣстна усиленная дѣятельность, какую встрѣчаемъ мы въ русской литературѣ конца прошедшаго и начала текущаго столѣтія. Литературная производительность испытала себя во всевозможныхъ родахъ и видахъ прозы и поэзіи; между другими были и пародіи на древнихъ и новыхъ классиковъ. Видно уже, что прежнее благоговѣйное удивленіе къ нимъ замѣнилось другимъ, немного насмѣшливымъ взглядомъ. Осиповъ первый, сколько извѣстно, выворотилъ на изнанку Энеиду, и это не замедлило отозваться на противоположномъ концѣ русскаго міра, въ Малороссіи: и тамъ явилась *перелиціованная* Энеида, первое *литературное* произведеніе на малороссійскомъ языкѣ.

Всякій согласится, что перелиціованная Энеида уже никоимъ образомъ не могла быть вызвана потребностями украинскаго общества, вовсе непричастнаго литературному движенію русскаго сѣвера; напротивъ, она была плодомъ современнаго направленія собственно русской словесности, а для самого автора — не болѣе, какъ литературною шуткою, забавою.

Кто не знаетъ, что въ Энеидѣ Котляревскаго удержаны только латинскія имена лицъ; все же прочее: ходъ разсказа, названіе мѣстностей, обычаи и нравы — все это совершенно малороссійское. Но при всей, повидимому, вѣрной выдержанности въ изображеніи малороссійскаго характера въ перелиціованной Энеидѣ, мы не можемъ назвать это произведеніе вполнѣ малороссійскимъ, народнымъ: уже одно то, что оно, какъ мы сказали, было явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ совершенно посторонними причинами, — значительно уменьшаетъ права его на народность; далѣе, вглядываясь въ него пристальнѣе, мы не встрѣтимъ того милаго простодушія, того природнаго юмора, который составляетъ отличительную черту малороссійскаго народнаго характера. Взглядъ автора, имѣющій цѣлью смѣшить своихъ читателей во что бы то ни стало, выставляющій, потѣхи ради, во очію міра, все съ смѣшной стороны — совершенно про-

тивенъ кореннымъ чертамъ украинскаго характера. Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь — да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя! За то, перелиціованная Энеида вызвала другіе литературные опыты на украинскомъ нарѣчіи, вызвала произведенія Артемовскаго-Гулака и пробудила, если хотите, въ южно-русскомъ обществѣ того времени (каково бы оно ни было) участіе къ литературѣ. Это самое важное историческое значеніе Энеиды Котляревскаго. Какъ мало шли такія пародіи къ Малороссіи, доказательствомъ служитъ то, что написавъ разъ свою смѣхотворную поэму, авторъ оставилъ всѣ другія подобныя попытки, и послѣдующія его произведенія уже изображали семейную жизнь украинца. Это были: опера *Наталка-Полтавка* и комедія *Москаль Чаривникъ*. Нѣкоторые [1]) находятъ въ *Наталкѣ-Полтавкѣ* устарѣлую сентиментальность прошлаго вѣка; напротивъ: въ ней столько жизни, простоты и драматичности, и все совершается въ такой обыденной сферѣ, безъ всякихъ запутанныхъ завязокъ и развязокъ, такъ полно малороссійской природы и легкаго юмора, что рѣшительно не узнаешь въ творцѣ ея автора перелиціованной Энеиды! Нельзя сказать того же о комедіи *Москаль-Чаривникъ*: она гораздо ниже и слабѣе, по выполненію, «Наталки-Полтавки».

Для насъ очень замѣчательно такое отступленіе старѣйшаго дѣятеля украинской литературы на другую, болѣе твердую дорогу; Котляревскій попалъ прямо въ цѣль: сдѣлалось яснымъ, что въ сферѣ пародіи едва ли возможно истинно народное развитіе украинской словесности, что для этого есть другая надежнѣйшая сторона, какъ бытъ и жизнь народа: отсюда дѣлается понятнымъ послѣдующее направленіе украинской литературы, ограничившейся такимъ воспроизведеніемъ народнаго быта, и

---

1) См. *Молодикъ* за 44 годъ, статью Іеремія Галки: «*Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ*», стр. 165. Это, сколько мы знаемъ, единственная статья о малороссійской словесности, статья весьма замѣчательная.

въ этомъ-то направленіи, думаемъ, лежитъ зародышъ тѣхъ живыхъ произведеній Гоголя, которыя по праву могутъ быть названы малороссійскими.

За авторомъ украинской Энеиды выступаетъ на литературную сцену даровитый Артемовскій-Гулакъ. Его ставятъ въ числѣ подражателей Котляревскаго и указываютъ на единственную его пьесу: переводъ *Рыбака*, Гёте, какъ на исключеніе, не подходящее подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы отличаются стремленіемъ къ пародіи. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы произведенія Гулака-Артемовскаго были совершенно чужды пародіи, но она является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма: содержаніе уже измѣнилось, и стóитъ только сравнить перелиціованную Энеиду Котляревскаго съ передѣлками Гораціевыхъ сатиръ г. Артемовскаго, чтобы увидѣть всю разницу между ними. По нашему мнѣнію, въ ходѣ украинской литературы произведенія г. Артемовскаго-Гулака представляютъ значительный шагъ впередъ. Правда, что заключенная въ тѣсномъ кругу переводовъ или передѣлокъ изъ древнихъ писателей, они не были богаты внутреннимъ содержаніемъ и не представляли ничего полнаго, художественнаго; но вы не встрѣтите въ нихъ ни одной черты, которая бы могла обличить ихъ не-малороссійское происхожденіе. Подъ бойкимъ перомъ его, какъ бы наперекоръ историческимъ условіямъ, латинскій нарядъ пришелся по вкусу малороссійской натурѣ: она въ немъ немного странна на первый взглядъ съ ея философскими увѣщаніями: оставить жизнь и смерть въ покоѣ, да подумать о томъ, есть ли горилка, съ ея забавными шутками; но все это искренно и чуждо циническихъ продѣлокъ предшествовавшей пародіи и такъ согласно съ малороссійскимъ народнымъ характеромъ, что нельзя отказать въ особенномъ значеніи передѣлкамъ г. Гулака-Артемовскаго и не признать ихъ въ тѣсномъ смыслѣ народными. Такая самостоятельность произведеній г. Артемовскаго выступаетъ еще виднѣе въ его басняхъ.

Романтическое направленіе русской словесности также не

осталось безъ слѣда въ молодой украинской литературѣ: мы упоминали уже о балладѣ *Рыбакъ*, переведенной изъ Гёте: это, безспорно, лучшее произведеніе г. Артемовскаго: оно сдѣлало бы честь любому изъ малороссійскихъ писателей. Особенно замѣчательна здѣсь та свободная гибкость стиха, съ какою авторъ передаетъ трудности нѣмецкаго произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ большой мастеръ своего дѣла и то, что́ на языкѣ другого явилось бы непремѣнно въ простонародной одеждѣ, у него получаетъ простую, но изящную форму. Удачная попытка ввести романтическое начало въ нововозникающую украинскую литературу вызвала баллады Л. Боровиковскаго въ томъ же направленіи, хотя и не съ менѣе успѣшнымъ исполненіемъ.

Съ легкой руки этихъ писателей явились и другіе, болѣе или менѣе даровитые. Появленіе историческаго элемента въ русской литературѣ дало мысль о возможности внесенія этого элемента въ малороссійскую словесность. Честь первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ Гребенкѣ, и хотя опытъ перевода *Полтавы* Пушкина на родное нарѣчіе не могъ быть вполнѣ удаченъ, тѣмъ не менѣе, рано или поздно, онъ долженъ былъ принести свои плоды.

Не отступая отъ прежняго направленія украинской литературы, Гребенка въ то же время нѣсколько измѣнилъ характеръ его и сблизился тѣснѣе съ сѣверною русскою словесностію: это видно изъ его *Присказокъ*, гдѣ очень мѣтко схвачены многія черты народнаго характера. Но, избравъ такой родъ поэзіи, какъ басня, Гребенка является болѣе человѣкомъ и писателемъ общества, чѣмъ народнымъ; отъ того мы видимъ у него часто ѣдкую иронію и сатиру, несвойственную малороссіянину.

Объемъ газетной статьи не позволяетъ намъ подробно говорить обо всѣхъ дѣятеляхъ украинской словесности, и мы ограничимся только главнѣйшими: они немногочисленны.

Почти въ одно время съ появленіемъ въ свѣтъ сборниковъ народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ гг. Срезневскаго и Максимовича, явились и сказки (*Украиньскы казкы*) Запорожца

Матьрынки. При всей ограниченности своего объема, эта книжка, замѣчательная по чистотѣ и правильности языка, достаточно показываетъ, что народныя произведенія вступили въ свои права и уже считалось не предосудительнымъ сдѣлать ихъ содержаніемъ литературныхъ произведеній и дать приличную литературную обработку формѣ ихъ — задача, еще не вполнѣ разрѣшенная и въ наше время.

Но рѣдкому изъ украинскихъ писателей досталась въ удѣлъ такая обширная дѣятельность и вліяніе на общество, какъ Квиткѣ, болѣе извѣстному подъ своимъ псевдонимомъ «Основьяненко», по поводу жизнеописанія котораго мы и предлагаемъ эти краткія замѣтки объ украинской словесности.

Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго его малороссійскими повѣстями и разсказами, многіе придали уже слишкомъ большое значеніе его произведеніямъ.

Теперь, по прошествіи болѣе нежели десяти лѣтъ со смерти автора, мы можемъ смотрѣть на дѣло хладнокровнѣе и въ своемъ сужденіи ближе подойти къ истинѣ. Основьяненко писалъ по-малороссійски и по-русски; но мы обратимъ наше вниманіе только на его произведенія перваго разряда, оставляя на собственный судъ читателя русскія повѣсти, каковы: *Панъ Халявскій*, *Похожденія Столбикова* и др.

Мы имѣли случай замѣтить, что уже Гулакъ-Артемовскій въ своихъ немногихъ превосходныхъ стихотвореніяхъ очень мѣтко и удачно схватилъ многія черты малороссійскаго народнаго быта. Основьяненко встрѣчаемъ на томъ же пути; какъ человѣку съ талантомъ и прозаику, ему было легче, чѣмъ его предшественнику, подробнѣе и ярче рисовать картину народной жизни. Къ этому присоединилось еще сильное вліяніе литературы собственно-русской, гдѣ въ ту пору впервые появились *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и *Миргородъ*, Гоголя, произведенія, уже по одному своему содержанію столь близкія и родныя малороссіянину. Это былъ рѣшительный моментъ, сообщившій новыя силы украинской литературѣ и обусловившій все дальнѣйшее ея

движеніе. Во главѣ этого-то движенія мы встрѣчаемъ Основьяненко вмѣстѣ съ авторомъ *Думъ* и баллады: *Утоплено*. Украинская жизнь, столь богатая чистою поэзіей въ повѣстяхъ Гоголя, приковала къ себѣ сильное патріотическое дарованіе Основьяненка: онъ весь посвятилъ себя воспроизведенію этой жизни и, надо признаться, въ этомъ его важнѣйшая заслуга въ молодой, еще не окрѣпшей украинской словесности.

Сфера чувства, такъ сказать, сердечная, дотолѣ почти невѣдомая въ малороссійской словесности, широко раскрывается во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Основьяненка, и съ этой стороны его можно назвать вполнѣ народнымъ романистомъ. Мы укажемъ въ этомъ отношеніи на его *Марусю* и на другую его повѣсть *Ганнусю*, которыя, при всемъ своемъ несходствѣ въ главнѣйшихъ мотивахъ, сходятся въ глубокомъ чувствѣ, одушевляющемъ то и другое произведеніе, и въ непогрѣшительной вѣрности народному характеру.

Мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ Основьяненкѣ создателя малороссійской литературы, явленія которой, какъ мы видѣли, восходятъ къ болѣе раннему времени и были порождены историческимъ развитіемъ русской литературы; но мы можемъ смѣло сказать, что онъ былъ создателемъ литературнаго украинскаго общества: молодое поколѣніе выросло и воспиталось на его произведеніяхъ, а старѣйшее перестало стыдиться своего роднаго языка. Но отдавая справедливость достоинствамъ и заслугамъ Основьяненка, не забудемъ и его недостатковъ: они, по большей части, состоятъ въ невыдержанности характеровъ. Дѣло въ томъ, что онъ не былъ художникомъ. Оттого при изображеніи любви простой украинской *дивчыны*, онъ такъ часто сбивается на искусственную сентиментальность, едва ли возможную въ быту простолюдина. Съ возбужденіемъ въ обществѣ участія и вниманія къ литературнымъ произведеніямъ украинскаго нарѣчія, нашлись и таланты, способные отвѣчать на такое участіе, оправдать и поддержать его новыми литературными предпріятіями.

Вообще время 1830—40 годовъ текущаго столѣтія было временемъ самой богатой и удачной дѣятельности молодыхъ украинскихъ писателей; кружокъ ихъ, имѣя во главѣ Основьяненка, дружно пыталъ свои силы на невоздѣланномъ еще полѣ украинской словесности и произвелъ много замѣчательныхъ явленій. Мы укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ: съ одной стороны вліяніе литературы русской и сочиненія Основьяненка вызвали прекрасныя произведенія: Тополи «*Чары*», Галки — *Переясливсканичь* (трагедія), *Сава Чалый* (драматическія сцены), и породили не мало сборниковъ, или альманаховъ, гдѣ соединялись труды даровитыхъ писателей. Таковы: *Снипъ*, изданный г. Корсуномъ, *Ластивка* — г. Гребенки, *Украинскій Сборникъ* — г. Срезневскаго, къ общему сожалѣнію остановившійся на 1-й книжкѣ, *Южный Русскій Сборникъ* — г. Метлинскаго. Съ другой стороны, счастливые опыты въ стихахъ автора *Думъ*, поэзія котораго пришлась такъ по сердцу украинцамъ, и Амвросія Могилы указали другимъ тотъ путь, на которомъ встрѣчаемъ талантливаго Забѣллу, отчасти Чужбинскаго, Галку. Все это время было, такъ сказать, красной порою молодой украинской словесности. Оставаясь вѣрною направленію старѣйшаго своего вожатаго — русской литературы, она начинала уже свой самобытный путь, за правоту котораго заранѣе можно было ручаться, судя по глубокому сочувствію, съ какимъ встрѣчены были эти зародыши новаго направленія читающимъ украинскимъ обществомъ. Но съ прекращеніемъ дѣятельности писателей, стоявшихъ во главѣ такого литературнаго движенія русскаго юга, молодая словесность его приходитъ въ упадокъ и едва ли не возвращается къ блаженнымъ временамъ циническихъ продѣлокъ: являются сочиненія безъ смысла и грамоты, писанныя какимъ-то чудовищнымъ языкомъ, каковы дюжинныя издѣлія гг. Карпенокъ и др., пустые стишонки, плодъ не вдохновенія, а мучительнаго усилія и труда. Были, правда, два-три стихотворенія, не походящія на подобныя фабрикаціи; но и они страдаютъ совершеннымъ отсутствіемъ искренности, теплоты,

которыя такъ неразлучны съ народнымъ южно-русскимъ характеромъ и принадлежатъ ему по преимуществу.

Такимъ образомъ, сколько позволило время и мѣсто, мы пытались показать направленіе молодой словесности русскаго юга и ея права на мѣсто въ исторіи общей русской литературы, права тѣмъ болѣе дѣйствительныя и законныя, что она была рождена, вскормлена, вырощена старшею сѣверною сестрою своею и отразила на себѣ главные моменты развитія послѣдней.

Исключить эту, правда, скромную спутницу русской словесности изъ исторіи послѣдней едва ли возможно, не погрѣшая противъ исторической полноты.

Что чувствомъ и мыслью согрѣты лучшія произведенія южнорусской словесности, въ этомъ едва ли усомнится кто-либо, знакомый съ нею лично, а не съ чужого голоса; наконецъ, что она необходимое звено русской литературы, законная часть ея, — это также, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Но при всемъ томъ, спросимъ: имѣетъ ли право историкъ русской литературы на невниманіе къ ней? Кончая эти легкія замѣтки, отъ души желаемъ, чтобы исторія русской литературы отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сказать два-три слова о самомъ сочиненіи г. Данилевскаго, вызвавшемъ эти замѣтки.

Въ русской литературѣ время отъ времени появляются сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ раскрытіе жизни того или другого писателя. Подобныхъ явленій нельзя не встрѣчать съ полнымъ участіемъ: въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть почтеннѣе стремленія объяснять литературное значеніе писателя его жизнью, и могутъ ли, наконецъ, быть для насъ вполнѣ понятны произведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, если въ ихъ жизни не поищемъ объясненія имъ? Этимъ, по нашему мнѣнію, опредѣляется тотъ кругъ, въ предѣлахъ котораго долженъ постоянно держаться біографъ писателя, если онъ не хочетъ изъ своего труда сдѣлать романъ или сухой послужной литературный списокъ. Мы позволимъ себѣ спросить: къ чему послужитъ подробное изло-

женіе жизни писателя, не обнаружившаго такого прочнаго, капитальнаго вліянія на литературу и общество, писателя, какъ говорятъ, второстепеннаго; онъ имѣлъ, положимъ, нѣкоторую долю вліянія на читающую публику въ свое время, и занялъ небольшой уголокъ въ исторіи словесности. Чего же болѣе? Или современность, не всегда внимательная къ заслугамъ предшествовавшихъ писателей, забыла ихъ и ей нужно напоминать это, оправдать писателя, ввесть въ права ему принадлежащія? Подъ такимъ только условіемъ, думаемъ, и возможна хорошая біографія писателя второстепеннаго. Эта же мысль, кажется, руководила г. Данилевскаго.

Дѣйствительно, Квитка, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими писателями, забытъ современною критикою, хотя въ свое время имѣлъ довольно много читателей, даже поклонниковъ. Но какъ исполнилъ свою задачу г. Данилевскій? Объяснивъ самымъ скромнымъ образомъ вліяніе постороннихъ лицъ на литературную дѣятельность Квитки, онъ переходитъ прямо къ обзору украинской литературы до него, понимая, что писателя нельзя разсматривать безъ связи съ предшествовавшими литературными явленіями.

«Украинская литература, говоритъ онъ, начинается на-«родной пѣсней и сказкой.... Украинская сказка — это украин-«ская эпопея. Здѣсь все туземное, обыденное, едва подернутое «оттѣнкомъ фантастическимъ. Иногда залегаютъ сюда и краски «*чуждой странъ жизни* (?), вымыслы иныхъ народовъ. Сказка «степная (?!) говоритъ только о тѣхъ картинахъ и событіяхъ, «которыя проходятъ предъ глазами простолюдинъ (?), которыя «затрогиваютъ его творческую *мыслительность*, почти не отры-«вая его отъ домашняго порога, огорода, его вишневаго сада, «степи, плуга и воловъ (?!). Пѣсня и сказка украинскія соста-«вляли степную ходячую лирику и эпосъ, задолго до появленія «книжной дѣятельности въ *степяхъ* (!). *Печатная* (??!) *не-украин-«ская литература начинается, какъ и вездѣ* (?), *лѣтописцами*» (стр. 37). Было бы большимъ анахронизмомъ въ настоящее

время говорить о несправедливости подобнаго мнѣнія, какъ видно, составленнаго на скорую руку, безъ всякаго вниманія къ фактамъ народныхъ сказаній, и мы предоставляемъ самому читателю взвѣсить небольшую и уже общеизвѣстную долю истины въ словахъ г. Данилевскаго. Затѣмъ мы находимъ въ біографіи довольно подробный списокъ сочиненій, писанныхъ съ оттѣнкомъ южно-русскаго нарѣчія и размѣщенныхъ въ немъ безъ соблюденія всякой послѣдовательности: напр., за хроникой Ѳеодосія Софоновича, произведеніемъ XVII вѣка, стоитъ извѣстный *Изборникъ Святослава* — 1057 г. (?). Наконецъ, приводится подобный же списокъ произведеній, уже принадлежащихъ исключительно южно-русской литературѣ. Отъ дальнѣйшей оцѣнки ихъ г. Данилевскій видимо воздерживается, ограничиваясь двумя, тремя словами, по большей части полными чистой напраслины. О началахъ, въ духѣ которыхъ развивалась украинская литература, ея характерѣ и значеніи — ни слова; о связи съ нею произведеній Квитки — еще менѣе! Весь этотъ библіографическій обзоръ произведеній украинской словесности является какимъ-то отрывкомъ, вставленнымъ здѣсь безъ всякаго отношенія къ послѣдующему. Оставляемъ подобное странное явленіе безъ объясненія, сожалѣя о томъ, что г. Данилевскій не выполнилъ того, что́ долженъ былъ имѣть въ виду! Впрочемъ, къ чести автора біографіи Основьяненка должно сказать, что онъ остался вѣренъ этому первому началу и во всемъ послѣдующемъ описаніи литературной жизни Квитки ограничивается тѣмъ, что подробно излагаетъ отношенія его къ журналамъ и журналистамъ, словомъ — всю, такъ сказать, экономическую или коммерческую часть литературной дѣятельности и отношеній Квитки — и нигдѣ, ни слова о немъ, какъ писателѣ, и его произведеніяхъ. Въ концѣ своего труда г. Данилевскій даже отказывается отъ этого и предоставляетъ себѣ говорить объ этомъ въ другое время! Спрашивается, что́ за дѣло читателю до частной жизни человѣка, носившаго имя Г. Ѳ. Квитки, и какой интересъ въ этой жизни однообразной, незаманчивой, если она лишена того, что́ могло бы

вложить въ нее *душу живу*, лишена разбора и оцѣнки его литературной дѣятельности? Ужъ если браться за подобный трудъ, то не лучше ли, вмѣсто кабинетной жизни писателя, взять, напримѣръ, жизнь какого-нибудь человѣка, богатую романическими приключеніями: здѣсь, по крайней мѣрѣ, больше пищи и простора бойкому перу г. Данилевскаго; а писать біографію Основьяненка, безъ вниманія къ его произведеніямъ — право дѣло, неблагодарное, если не безполезное. Все, что́ г. Данилевскій могъ собрать о жизни Квитки, все это довольно тщательно (хотя по большей части не вѣрно) сведено въ одно мѣсто, и съ этой стороны сочиненіе его болѣе или менѣе удовлетворительная компиляція; остальное же, что́ долженъ былъ выполнить г. Данилевскій въ своемъ трудѣ и къ чему имѣлъ достаточныя средства (какъ напр., очень важныя письма Квитки), наконецъ, главная цѣль біографіи — совершенно не достигнуты: литературное значеніе произведеній Основьяненка не пріобрѣло подъ перомъ своего защитника правъ гражданства въ литературѣ русской; напротивъ, подверглось новымъ смѣлымъ нареканіямъ, — и въ этомъ отношеніи мы даже нѣсколько согласны съ этими послѣдними, относя ихъ вполнѣ къ неудачному защищенію Основьяненка г. Данилевскимъ, чѣмъ дѣйствительно къ самому писателю, заслуживающему полнаго вниманія историка литературы. Въ заключеніе отъ души пожелаемъ г. Данилевскому бо́льшаго успѣха въ предпринимаемомъ имъ новомъ сочиненіи о философѣ Сковородѣ, чтобы будущіе читатели его не имѣли права сказать: «Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus.»

Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ.

1856.

Въ ряду памятниковъ старинной жизни русскаго народа одно изъ скромныхъ мѣстъ принадлежитъ лубочнымъ картинкамъ. Непривлекательныя по грубому, неразвитому искусству и ограниченныя по содержанію, онѣ не возбуждаютъ вниманія даже и теперь, когда каждая черта старины подвергается тщательному анализу. Такова, по крайней мѣрѣ, судьба ихъ въ литературѣ, гдѣ мы можемъ указать одно только имя г. Снегирева, снисходительно удѣлившаго нѣсколько часовъ времени, чтобы заявить ихъ существованіе предъ наукою. Болѣе 30 лѣтъ[1]) прошло съ тѣхъ поръ, а лубочныя изображенія все еще ждутъ достойной оцѣнки и объясненія. Причина этого, мы думаемъ, скрывается въ особенномъ характерѣ нашего стремленія къ *народности*... Народность въ жизни, народность въ наукѣ и искусствѣ, народность, какъ предметъ науки — вотъ ходячія современныя мысли наши! Мы до того озабочены и увлечены ими, что намъ некогда даже оглянуться и спросить самихъ себя: откуда такой наплывъ *народоманіи?*

А между тѣмъ вопросъ, поставленный одинъ разъ, не можетъ долго оставаться безъ посильнаго рѣшенія уже и потому, что обойдя его, мы умышленно, недобросовѣстно откажемся отъ надежнаго пути къ открытію истины.

Гдѣ же и въ чемъ начало такого народнаго движенія? Въ исторіи западной Европы мы помнимъ пору, когда все національное было предметомъ самаго жаркаго, слѣпаго поклоненія—это

---

1) Свои мысли о лубочныхъ картинкахъ г. Снегиревъ первоначально высказалъ еще въ 1822 году въ Отечеств. Записк., изд. Свиньина, т. XII, № 30, стр. 85; гораздо подробнѣе та же статья явилась въ Москвитянинѣ 1841 г., № 5, стр. 131; а чрезъ 4 года, обогащенная многими неизвѣстными фактами, она вошла въ «Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи», изд. Д. В, 1845 г., стр. 191—221. Замѣчательно, что тогда же этотъ предметъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго Якова Гримма.

эпоха всѣмъ извѣстнаго романтизма. При всей исключительности своего направленія, она можетъ быть названа одною изъ плодотворныхъ эпохъ новой исторіи и для общественной жизни и для науки. Мало того, что романтическое движеніе разбудило дремлющія силы народовъ, оно само наложило на себя руку, само заявило свою собственную несостоятельность и указало средства выйти изъ исключительности, порожденной одностороннимъ развитіемъ силъ: такія средства давала наука. Наука существовала давно; но не ранѣе, какъ въ эпоху романтизма она получаетъ свое полноправіе, вступаетъ въ живую связь съ народною жизнью и открываетъ въ ней стороны прежде негаданныя. Это было необходимымъ слѣдствіемъ обращенія къ изученію протекшей народной жизни и ея памятниковъ: все, что́ носило на себѣ печать человѣческаго творчества, все останавливало строгое вниманіе ученыхъ и получало законное объясненіе.

Европейскій романтизмъ и въ своей исключительности не забылъ человѣчества и неутомимо работалъ на него. Далеко не то встрѣчаемъ мы у насъ: сѣмена европейскаго романтизма, занесенныя на нашу далекую почву, получили совсѣмъ иное развитіе и приложеніе. Въ то время, когда Европа уже отказывалась отъ своего увлеченія и въ ней возникали иные серіозные вопросы и требованія, мы горячили свое воображеніе мертвыми романтическими фантомами и, воспламенившись не по разуму, вымыслили народность въ наукѣ, позабыли, что наши западные учители, отъ которыхъ приняли мы стремленіе къ народности, сами давно уже отказались отъ тѣхъ узкихъ опредѣленій ея, какія поддерживаемъ мы. Неужели намъ суждено повторять только *зады*, давно пройденные Европою, и съ холоднымъ безстрастіемъ смотрѣть на борьбу, которою такъ тревожно занята она теперь?

Все это говоримъ мы къ тому, чтобы показать причину, почему многія проявленія нашей народности (а въ числѣ ихъ и лубочныя картинки) остаются невоздѣланными: или западная наука на нихъ не обратила вниманія, или мы не могли безъ ея руководства приняться за дѣло сами, будучи небогаты всякаго рода

элементарными познаніями; во всякомъ случаѣ, вотъ, думаемъ мы, причина, почему наши лубочныя изображенія не объяснены до сихъ поръ надлежащимъ образомъ; самая статья г. Снегирева, несмотря на всѣ свои достоинства, не могла возбудить живого интереса къ изученію ихъ, потому что ограничивается почти одною библіографическою стороною дѣла и представляетъ сухой перечень картинокъ, безъ всякаго объясненія и оцѣнки ихъ внутренняго значенія и смысла: въ ней тщательно сведены всѣ свидѣтельства объ исторіи графическаго искусства въ Россіи, не менѣе тщательно и вѣрно высказаны общія соображенія; но богатый матеріалъ нисколько не исчерпанъ; скажемъ болѣе, онъ выставленъ въ такомъ свѣтѣ, что у читателя пропадаетъ охота къ дальнѣйшему изученію. Мы разумѣемъ здѣсь не мнѣніе, въ сущности довольно мѣткое, г. Снегирева, а тотъ способъ, съ какимъ у него выставлены факты; ибо одно голое заглавіе картины не можетъ дать яснаго понятія о ней, и, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою ненадежную почву для общихъ выводовъ и заключеній: читателю приходится, по большей части, вѣрить на слово, потому что онъ лишенъ всякой возможности повѣрить мнѣніе почтеннаго автора фактами здѣсь же, на мѣстѣ.

Драгоцѣнное собраніе лубочныхъ картинъ, принадлежащее Императорской Публичной Библіотекѣ [1]), доставило намъ возможность и средства къ ихъ изученію. Плодами его желали бы мы подѣлиться съ читателями Московскихъ Вѣдомостей. При настоящихъ средствахъ науки, мы, конечно, не можемъ взять на себя трудной обязанности окончательнаго рѣшенія вопроса о русскихъ лубочныхъ изображеніяхъ: на это потребовалось бы много времени, и еще болѣе тяжелыхъ занятій не для всѣхъ доступными источниками. Мы ограничиваемъ нашу задачу болѣе скромнымъ желаніемъ: представить главнѣйшія черты жизни русскаго чело-

1) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится два собранія лубочныхъ картинъ, принадлежавшихъ гг. Погодину и Далю. Особенно замѣчательно первое (въ него вошли картины, собранныя гг. Снегиревымъ и Шателинымъ) рѣдкою коллекціею картинъ XVII вѣка.

вѣка по фактамъ, предлагаемымъ этими произведеніями его досужаго искусства.

Отсылая интересующихся исторіею лубочнаго искусства къ статьѣ г. Снегирева, мы позволимъ себѣ въ настоящемъ случаѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ и значеніи лубочныхъ картинъ.

Не много свѣтлыхъ точекъ можемъ мы указать въ русской литературѣ временъ протекшихъ, не много встрѣтимъ мы въ ней такихъ явленій, которыя съ живою народною рѣчью соединяли бы художественную сторону, которыя бы могли развить глубокое, но вѣрное природѣ эстетическое чувство простолюдина.

Оторванная отъ національной почвы, богатая литературная дѣятельность древней Руси безраздѣльно посвятила всѣ лучшія живыя силы свои духовному направленію. Оно зашло къ намъ изъ Византіи, и въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ своей жизни на русской почвѣ, ни на шагъ не отступило отъ своего родового типа и ни на минуту не измѣнило его первоначальному характеру. Строго аскетическое въ своемъ основаніи, сильное вѣрою и увлеченіемъ, оно являлось передъ глазами молодого неорганизованнаго общества, какъ обличитель его прежней языческой жизни и всѣхъ ея убѣжденій, какъ строгій голосъ, зовущій къ новой. Но старыя вѣрованія и убѣжденія не легко уступаютъ мѣсто новымъ: при полномъ господствѣ семейнаго начала, доходившаго всегда до деспотизма, при полномъ несуществованіи личности человѣка и отсутствіи личныхъ убѣжденій, благотворное вліяніе христіанства не скоро заставило русскаго язычника отказаться отъ обаянія старины и убѣжденій, освященныхъ вѣрою рода и племени, всосанныхъ имъ съ молокомъ матери.

Христіанская вѣра стала рѣшительнымъ протестомъ противъ этого древняго языческаго порядка вещей; она начала борьбу, вызывая изъ скромныхъ монастырей своихъ рыцарей на проповѣдь и просвѣщеніе темныхъ язычниковъ.

Тихій, ровный ходъ русской жизни былъ нарушенъ: старыя убѣжденія еще крѣпко держались силою преданія, новыя не на

столько привились, вошли въ сознаніе, чтобы вытѣснить старыя. Было здѣсь какое-то странное примиреніе вещей, въ сущности между собою непримиримыхъ[1]). Ясный знакъ, что полнота[2]) жизни уже и тогда не существовала и что апатія къ умственной дѣятельности заступила мѣсто прежняго стройнаго развитія мыслей и вѣрованій, хотя и исключительныхъ, но все же живыхъ, а иногда и глубоко человѣчныхъ.

Въ этомъ явленіи, думаемъ мы, кроется объясненіе многихъ событій древней русской жизни.

Недаромъ же въ XVII столѣтіи раздавался скорбный голосъ благочестиваго *христолюбца*, что христіане живутъ *двоевѣрно*, поклоняясь христіанскому Богу и принося жертвы идоламъ[3]); недаромъ каждый вѣкъ былой жизни русской доноситъ къ намъ цѣлый рядъ обличительныхъ словъ и поученій пастырей церкви, силившихся искоренить язычество, еще не потерявшее своего поэтическаго обаянія въ народѣ.

Русская поэзія была темною стороною жизни нашихъ предковъ. Еще отъ временъ незапамятныхъ, старинныя эпическія преданія пустили свои корни глубоко въ нравы и обычаи народа, и, какъ всякое дѣятельное начало жизни, успѣли войти во всѣ житейскіе интересы, и такъ съ ними срослись, что любая забава, сама по себѣ и невинная, отзывалась уже вредною стариною, потому только, что пробуждала грубыя силы къ живѣйшему выраженію наслажденія жизнію, выраженію, безъ сомнѣнія, столь же грубому, какъ и самыя силы.

Особенно тяжело было жить подъ гнетомъ устарѣвшихъ суевѣрій, когда съ одной стороны то запугивается воображеніе чарами, то на каждомъ шагу обманывается умъ въ своихъ лжи-

---

1) То же самое замѣтно и въ народной литературѣ, лучшимъ доказательствомъ чему служатъ извѣстные духовные стихи (см. № 9, 4 ч., Чтеній Общ. Ист. и Др.), гдѣ языческія преданія стоятъ наряду съ христіанскими и нисколько не стѣсняютъ другъ друга.

2) См. въ Русской Бесѣдѣ, № 2, статью г. Самарина о народномъ образованіи.

3) См. Востокова: Описаніе рукописей Румянц. Музея, стр. 229.

выхъ убѣжденіяхъ, и когда, съ другой стороны, за всякую бѣсовскую прелесть грозитъ наказаніе. Не говоря уже объ этомъ внѣшнемъ бѣдствіи, въ самомъ душевномъ расположеніи къ примѣтамъ, чарамъ, заклинаніямъ, языческимъ празднествамъ, есть что-то гнетущее, сковывающее. Подобное расположеніе можно признать за то первоначальное, смутное ощущеніе, изъ котораго уже въ эпоху миѳическую народъ стремится выйти, изъявляя свое освобожденіе цѣлымъ рядомъ эпическихъ сказаній, и чѣмъ полнѣе это освобожденіе, тѣмъ оно свѣтлѣе и радостнѣе, и тѣмъ художественнѣе эпическія произведенія народа [1]). Но русская жизнь, а съ нею и русская поэзія рано пережила эту свѣтлую эпоху: энергическія мѣры къ истребленію народныхъ суевѣрій лишили эпическую поэзію миѳической основы ея, удаляя отъ всякаго участія въ народной жизни какъ дѣло *мірское*, недостойное христіанина. Миѳъ развиваться не могъ. Сказки, переплетенныя небылицами, считались дѣломъ постыднымъ, непозволительнымъ. Но уже самая энергія нападеній свидѣтельствовала еще о всеобщемъ господствѣ суевѣрія. Эпическія созданія, хотя и лишенныя миѳа, сами собою слагались въ жизни, какъ бы по привычкѣ [2]); но они не развивались, не творились народомъ и представляли собою какъ бы новыя варіаціи на старыя, остывшія поэтическія темы. Эпоха народнаго творчества кончалась; оно останавливалось не само по себѣ и не вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности, а вслѣдствіе историческаго перерыва. Односторонее развитіе прошлой литературы было чуждо и непонятно народу; а такія произведенія словесности русской, какъ Пѣснь о походѣ Игоря, нѣкоторыя древнія народныя пѣсни, сказанія, пословицы и преданія, считались по невѣжеству бѣсовскимъ навожденіемъ, были контрабандою въ литературѣ и всегда останутся частными случайными явленіями, не имѣвшими ника-

1) Эта характеристика древней русской жизни взята нами изъ превосходнаго сочиненія профес. Ѳ. И. Буслаева: «Русская поэзія XVII вѣка». 1852, стр. 22—23.

2) Тамъ же, стр. 33.

кой солидарности съ развитіемъ общей, книжной русской литературы. Правда, что литературная дѣятельность древней русской жизни не всегда ограничивалась одними стѣнами монастырскими; но характеръ образованности въ теченіе всего стараго періода нашей исторіи оставался по преимуществу духовнымъ, и всякій писатель, даже изъ свѣтскаго сословія, не могъ уклониться отъ общаго пути и подчинялся господствующему реторическому направленію[1]). Напрасно думаютъ, что древняя русская жизнь или тѣ стороны ея, которыя имѣли право на литературную обработку, могли дать матеріалъ для созданія народнаго романа, напрасно приписываютъ отсутствіе его одной неразвитости литературнаго дѣла[2]). Нѣтъ, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась литература въ древней Руси, при отсутствіи начала личности, не могъ возникнуть самобытный романъ, какимъ видимъ мы его у народовъ западныхъ. Самый типъ женщины, часто свѣтлый и грандіозный въ народной поэзіи, не былъ живымъ типомъ древней нашей жизни; онъ удержался въ народной памяти скорѣе силою привычки, чѣмъ дѣйствительностію, въ которой, подъ вліяніемъ отрицательнаго взгляда на женщину, развитаго старинными грамотниками, не было мѣста любви, уваженію, признанію въ ней человѣческаго достоинства. Романъ требуетъ живыхъ типовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни современнаго общества, связанныхъ съ нимъ близкими интересами, — этого не могла дать народная поэзія: старинные типы ея, хотя и полные жизни, были не болѣе какъ преданіе и незапамятная старина, а *новая* женщина, какою является она и въ жизни и въ поэзіи народной, была лишена индивидуальныхъ особенностей.

На переходѣ съ XVI въ XVII столѣтіе, дремлющая литература наша обновляется новымъ, свѣжимъ дыханіемъ. Откуда же

---

1) См. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по 2 отд. 1855 года, т. 4, выпускъ 7, статья г. Пыпина: «Старинныя сказки о царѣ Соломонѣ», стр. 339—340.

2) См. Современникъ 1854 г., № 12, статьи г. Пыпина о романахъ въ старинной русской литературѣ, стр. 62—65.

явилось оно? Прежде всего возможность подоонаго обновленія заключалась въ томъ переворотѣ, который такъ незамѣтно приготовлялся тогда въ литературѣ: вѣкъ народнаго творчества кончился, а миѳическая основа его уступала свои права историческому началу; мало по малу, шагъ за шагомъ неотразимая сила современности брала верхъ надъ фантазіей, погруженною въ темныя языческія преданія, и въ XVII вѣкѣ мы уже видимъ преобладаніе историческаго начала, хотя и въ старинной, спокойной, ровной эпической формѣ.

Появленіе историческаго элемента указало и дало почувствовать необходимость чего-то новаго, что́ могло бы оторвать литературную дѣятельность отъ старой рутины и спасти благіе зачатки будущаго литературнаго развитія. Но поставленный особнякомъ, историческій элементъ не могъ развить изъ себя самого ничего прочнаго, быть можетъ потому, что самая жизнь, которую рисовалъ онъ, не могла дать достойнаго содержанія для литературнаго произведенія. Чувствовалась необходимость такого начала, которое бы повѣяло живымъ духомъ на омертвѣлое тѣло и возбудило бы его къ самодѣятельности. Это дыханіе жизни пришло къ намъ съ Запада и было слѣдствіемъ нашего благотворнаго сближенія съ нимъ.

Какъ ни мало художественнаго элемента носили въ себѣ повѣсти и сказки, перешедшія къ намъ съ Запада чрезъ Польшу, но это одинъ изъ самыхъ капитальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительныхъ фактовъ русской литературы. Она не имѣла ни средствъ, ни силъ отвѣчать на нѣкоторые, только что зарождавшіеся общественные вопросы, которые, какъ бы ни были еще незрѣлы, все-таки стремились найти себѣ выраженіе, и здѣсь-то лежитъ причина необходимости какого-нибудь внѣшняго вліянія, которое бы восполнило недостатокъ собственной производительности [1]).

Не говоря многаго о потребностяхъ, вызвавшихъ передѣлку

---

1) Статья г. Пыпина. Соврем. 1854 г., № 12, стр. 66.

иностранныхъ романовъ и повѣстей на русской почвѣ, мы укажемъ только на благодѣтельныя слѣдствія ея. Народное начало радостно пріютилось подъ сѣнью такихъ переводовъ и мало по малу начало обнаруживать признаки жизни. Въ сказаніяхъ ли о премудромъ царѣ Соломонѣ, или Александрѣ Македонскомъ, въ повѣсти ли о славномъ Бовѣ Королевичѣ — время отъ времени кое-гдѣ слышатся русскіе мотивы, сообщая всему произведенію нѣсколько иной характеръ, не похожій на тотъ, который оно имѣло въ подлинникѣ. Причина, почему эти литературныя заимствованія принялись у насъ и получили довольно обширное значеніе, заключалась въ довольно близкомъ сродствѣ ихъ съ нѣкоторыми мотивами нашей народной поэзіи, — и романъ, переведенный или передѣланный съ чужого образца, ставился иногда совершенно на ряду съ произведеніями народной фантазіи. Такъ незамѣтно терялъ переводъ черты чужой жизни и замѣнялъ ихъ другими, взятыми изъ русскаго быта. Эти знакомыя подробности заставляли читателя забывать о происхожденіи книги, и сочувствіе къ ней возрастало особенно, когда герой ея, не лишенный извѣстной доли нравственныхъ достоинствъ, овладѣвалъ чувствомъ читателя и своими славными подвигами поддерживалъ его участіе въ судьбѣ своей [1]).

Такъ было у насъ въ XVII вѣкѣ, и къ этому-то времени относится появленіе лубочныхъ картинъ. Онѣ явились, строго говоря, немного ранѣе, еще въ XV столѣтіи, но только съ XVII получаютъ онѣ нѣкоторое право гражданства въ литературѣ [2]).

---

1) См. Отеч. Записки 1855, № 2-й, статья г. Пыпина: «Очерки старинной русской литературы», стр. 109. — Его же, Соврем. 1854 г., № 12-й, стр. 75—76.

2) Древнѣйшая лубочная картина, какую мы знаемъ, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и помѣщена въ витринѣ одной изъ залъ ея. Ее относятъ къ XV столѣтію. Рисунокъ грубъ и уродливъ; онъ представляетъ бабу-ягу, ѣдущую на свиньѣ, на битву съ крокодиломъ. Замѣчательно, что однимъ изъ первыхъ предметовъ для лубочныхъ картинъ русскаго народа была эта любимица народной поэзіи — баба-яга. См. также письменное свидѣтельство о началѣ лубочнаго искусства, въ ст. Снегирева, въ Сбор. Валуева, стр. 191—192.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: насколько и какъ высказалась въ лубочныхъ изображеніяхъ русская народная жизнь? Были ли они остатками доживающаго свой вѣкъ чистаго народнаго творчества и родились между народомъ, подобно тому, какъ рождается пѣсня, сказка, или были дѣломъ уже искусной руки? Мы не обинуясь станемъ на сторонѣ второго предположенія, и хотя между строками и грубыми фигурами лубочныхъ картинъ почти невозможно разглядѣть индивидуальныя черты производителей, тѣмъ не менѣе не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что они стояли выше, выдѣлялись изъ остальной массы народа, для которой предназначали свои произведенія. Не говоря уже о томъ, что лубочное искусство, какъ искусство ремесленное, требовало знанія техники, чего нельзя предполагать въ цѣлой народной массѣ, мы укажемъ на многіе факты въ лубочныхъ изображеніяхъ, которые могли явиться не иначе, какъ подъ рукою искуснаго, свѣдущаго грамотника. Таковы иностранные повѣсти и романы, въ такомъ огромномъ количествѣ и въ разныхъ редакціяхъ вошедшіе въ лубочныя наши изданія. Но будучи произведеніями *искусства*, лубочныя изображенія, какъ мы замѣтили, совершенно свободны отъ индивидуальныхъ вліяній своихъ производителей. Уже самый выборъ предмета, ограниченный кругомъ заимствованныхъ повѣстей или старинныхъ отеческихъ разсказовъ, народныхъ анекдотовъ и преданій, не допускалъ никакихъ личныхъ взглядовъ производителей, и если въ лубочныхъ изображеніяхъ не видимъ мы народнаго творчества движущимся, то встрѣчаемъ на каждомъ шагу присутствіе его: оно какъ бы окаменѣло въ нихъ, остановилось, оно расплывается, но не идетъ впередъ, не творитъ новаго, хотя и окрашиваетъ своимъ цвѣтомъ ненаціональное, хотя и сообщаетъ ему русскій колоритъ.

При всемъ, повидимому, скудномъ содержаніи и ограниченномъ кругѣ своего вліянія, лубочныя изображенія представляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ фактовъ русской литературной жизни; самая благотворная, живая потребность вызвала ихъ появленіе:

это — жажда народнаго просвѣщенія. Люди грамотные образовывали себя чтеніемъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ. Имъ не нужны были эти грубые рисунки съ давно извѣстными надписями, они имѣли свои библіотеки; но темный простолюдинъ не пользовался такимъ счастливымъ преимуществомъ, и лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ удовлетворить его умственнымъ требованіямъ были лубочныя изображенія. Они замѣнили ему грамотность или, лучше сказать, были русскимъ народнымъ книгопечатаніемъ. Соединяя слова съ образомъ грубымъ, часто уродливымъ, но выразительнымъ и никогда не оскорбляющимъ чувствъ простолюдина, они тѣмъ сильнѣе привязывали его къ себѣ, затрогивали его мыслительную струну. Содержаніе лубочныхъ картинъ такъ же разнообразно, какъ и начала, дѣйствовавшія тогда въ русской литературѣ. Главное осталось за прежнимъ духовнымъ направленіемъ, и сюда относится цѣлый огромный отдѣлъ картинъ духовнаго содержанія; но и свѣтскія начала высказались во всей полнотѣ.

Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, лубочныя картинки представляютъ собою дорогой и любопытнѣйшій фактъ русской литературы: онѣ могутъ быть названы необходимымъ посредствующимъ звеномъ, которымъ связываются старый и новый періоды русской литературы; онѣ захватываютъ своимъ содержаніемъ и ту и другую часть ея и краснорѣчиво говорятъ о близости того всеобщаго обновленія, творцомъ и великимъ мастеромъ котораго является немного спустя Петръ Великій [1]).

Первоначальною основою картинъ служили по большей части рукописныя повѣствованія; лубочныя изображенія только упрощали разсказъ и, дѣлая его наглядным, придавали ему нѣкотораго рода драматисмъ. Въ сущности это была другая форма литературной дѣятельности, но перенесенная на народную почву, доступная и понятная простолюдину; это была его грамота, его

1) Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о картинкахъ, принадлежащихъ XVII вѣку.

литература въ pendant къ книжной дѣятельности избранныхъ. Мы говорили уже, что въ лубочныя изображенія вошли многія сказки и повѣсти не туземнаго происхожденія, какъ наприм. извѣстный Бова Королевичъ[1]). Такое явленіе какъ нельзя яснѣе указываетъ ту связь и тѣ отношенія, въ какихъ находились лубочныя картинки къ литературнымъ требованіямъ современной эпохи, и какимъ искреннимъ голосомъ откликались онѣ на эти требованія. Не мало и чисто-народныхъ произведеній, встрѣчаемыхъ въ рукописныхъ сборникахъ или взятыхъ прямо изъ устъ народа, находимъ мы въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ. Это, безспорно, самый цѣнный отдѣлъ ихъ; къ сожалѣнію, онѣ рѣдко встрѣчаются въ старинной наивной простотѣ своей: часто на одной и той же картинѣ, подлѣ національныхъ мотивовъ встрѣчаемъ изреченія древнихъ мудрецовъ и другія вставки.

Но за то въ картинкахъ XVIII вѣка являются совершенно новыя начала, предвѣстники Фонвизина и Сумарокова. Сатира, иногда ѣдкая и злая, народный смѣхъ не всегда опрятный и чистый — вотъ два главные источника воодушевленія лубочнаго искусства. Вообще взглядъ его на жизнь крайне односторонень и поверхностенъ; балагурство и смѣхъ (часто одно желаніе смѣшить) не имѣютъ удержу и не знаютъ границъ: самыя невинныя явленія, какія-нибудь скромныя свадьбы, гулянья являются предъ нами въ смѣшномъ, а иногда и въ грязномъ видѣ. Но подъ этою потѣхою, подъ этими чертами народнаго остроумія, искусный глазъ можетъ подмѣтить нѣсколько любопытныхъ историческихъ фактовъ. Стоя на рубежѣ двухъ эпохъ русской жизни,

---

1) Buovo d'Antono (Фр. Beuves de Hantone), извѣстный герой романа изъ цикла пѣсенъ о Карлѣ Великомъ, см. Russische Volksmärchen, übersetzt von An. Dietrich. 1831 г. Предислов. Якова Гримма, стр. IX. Для того, чтобы узнать что-нибудь объ этомъ любопытномъ отдѣлѣ русскихъ сказокъ (т. е. о переводныхъ), мы должны пользоваться *нѣмецкими* переводами. Намъ говорятъ о необходимости *народнаго* воззрѣнія; а о томъ, чтобъ было на что глядѣть, и не подумаютъ. Соберите сначала матеріалъ, изучите его, а воззрѣніе придетъ само собою не изъ народности, а изъ *свѣтлой* головы *человѣка*, обогащеннаго познаніями и согрѣтаго святою любовью къ человѣчеству.

новой и старой, лубочныя изображенія, какъ мы замѣтили, не свободны ни отъ той, ни отъ другой: въ нихъ еще такъ ясно видна старина, иногда въ борьбѣ съ новымъ началомъ, чаще какъ вѣрная спутница народной жизни, неизмѣнно идущая рука объ руку съ нею и теперь, когда уже измѣнилось столь многое и многое. На такихъ-то немногихъ чертахъ хотимъ мы остановиться и по нимъ взглянуть на жизнь русскаго человѣка.

Не всегда окажется она свѣтлою; но таково уже свойство того матеріала, который положили мы въ основаніе нашего очерка. Пусть люди, требующіе поклоненія старинѣ, винятъ не насъ, а народное искусство за его нѣсколько отрицательный взглядъ на жизнь.

Въ жизни и характерѣ народа часто бываютъ черты, яркою полосою проходящія чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ его исторіи: какъ-то неохотно и безъ особеннаго упорства уступаютъ онѣ времени и новымъ началамъ. Нужды нѣтъ, что источникъ такого порядка вещей затерянъ въ далекой старинѣ, что народъ не помнитъ его, что держится онъ одною привычкою, да силою внѣшнею. Нужды нѣтъ! Онъ силенъ своею стариною и легко выноситъ вѣковыя бури!

Такъ родовыя и семейныя отношенія, едва ли не главнѣйшее начало общественной жизни древняго русскаго человѣка, до сихъ поръ еще не утратили своей гнетущей, тяжелой силы. Хотя природныя политическія формы русской родовой общины довольно рано получили юридическое значеніе; но начала, опредѣлявшія гражданскую жизнь этой общины, начала, подъ которыми развивалась она, остались тѣ же и попрежнему подчиняли весь ходъ ея своимъ вѣковымъ тяжелымъ опредѣленіямъ [1]). Разверните страницы знаменитаго Сильвестрова *Домостроя* или его *Вождя по жизни*, прочтите *Повѣсть о Горѣ и Злочастіи*, русское народное произведеніе XVII вѣка, и вы увидите, что патрі-

---

1) См. Современникъ 1847 г., № 1-й, статью г. Кавелина, стр. 15, 37.

архальныя родовыя отношенія составляютъ основу, краеугольный камень этихъ произведеній и жизни, ими изображаемой. Спокойная, едва замѣтная въ своемъ теченіи, она поддерживала ихъ и давала имъ силу непреложнаго закона. Случалось иногда, что личность, ища себѣ простора, порывала сѣти, которыми ее опутывали кровныя отношенія; но такія одинокія явленія были только нарушеніемъ закона, тяготѣвшаго надъ цѣлою жизнію. Притомъ, весь бытъ такъ былъ сложенъ по кровнымъ началамъ, что о другихъ отношеніяхъ, кромѣ родственныхъ, и понятія не было [1]).

Трудно опредѣлить, когда именно начали ослабѣвать эти суровыя отношенія; но, сколько можно судить по письменнымъ памятникамъ, до самаго Петровскаго переворота [2]) мы не встрѣтимъ ни одной уступки съ ихъ стороны и не укажемъ въ нихъ никакого смягченія. Возьмемъ, напримѣръ, послѣдній вѣкъ допетровской Руси; кровныя начала выступаютъ въ видѣ злого демона Горя Злочастія, карающаго несчастнаго бражника, не взявшаго благословенія родительскаго и отказавшагося отъ *роду* и *племени*. Не покорился молодецъ отцу съ матерью, и за то долженъ былъ поклониться и покориться нечистому Горю Злочастію. Но если старинная поэзія приписывала такое отступленіе

---

1) Ibidem, стр. 36, 44.

2) Одинъ изъ достойныхъ питомцевъ Петровской реформы обращается къ своему сыну съ слѣдующими словами, касающимися самаго чувствительнаго пункта родственныхъ притязаній: *Хотя въ супружествѣ и любви никто болѣе разсуждать не можетъ, какъ сочетавающійся* и для того на власть родителей и кормилицъ закономъ узда положена, чтобы силою и противу воли къ сочетанію не принуждали, однако въ такомъ великомъ дѣлѣ, на которомъ не мало благополучія нашего зависитъ, самому себѣ, наипаче же человѣку не искусившемуся вѣрить не *можно*... и для того нужно употреблять совѣтъ людей искусныхъ и пр. (Духовная В. Н. Татищева, писан. 1733 г., изд. 1773 г., стр. 19—20). Сравните съ этимъ дружескимъ совѣтомъ отца сыну—суровыя, почти деспотическія институціи супружескихъ обязанностей *Домостроя* и *Вождя по жизни*, отнимающихъ право даже на собственное счастіе, подчиняя всѣ сердечныя влеченія сужденію черствыхъ стариковъ и посторонихъ *добрыхъ людей*. Далѣе Татищевъ говоритъ *о любви*, какъ началѣ, связующемъ семейную жизнь. Это что-то неслыханное дотолѣ. Стр. 298.

отъ воли родителей, отъ роду и племени, только тому, что молодецъ былъ:

«Въ то время и малъ и глупъ,
«Не въ полномъ разумѣ и несовершенъ разумомъ»,

то отсюда едва ли можно заключать, что молодецъ *дѣйствительно* былъ не *въ полномъ разумѣ* и только *сдуру*, оставивъ отца съ матерью, бѣжалъ въ чужую сторону [1]); народное чувство не могло иначе понять этого поступка, какъ подъ угломъ зрѣнія *неполнаго молодецкаго разума*; но мы смотримъ на дѣло нѣсколько иначе: въ чертахъ старинаго русскаго бражника, оставившаго родъ и племя, замѣтна нѣкотораго рода борьба; онъ бросаетъ отчій домъ не потому, чтобъ его тянуло что-то невѣдомое, а потому, что *личность* вступала въ свои права; правда, она не могла окончательно освободиться отъ рода и племени, но все же представляетъ собою живой протестъ его тяжелымъ насиліямъ и, если Горе Злочастіе, какъ отраженіе нечистой совѣсти самаго добраго молодца, караетъ его и тяжелымъ камнемъ ложится на сердце, призывая его къ старому порядку вещей, то винить въ этомъ должно развѣ одно только время, не допускавшее развитія личности: ей не было простора и, разъ отказавшись отъ рода и племени, она не находила другого успокоительнаго пріюта, какъ избрать *спасенный* путь и окончательно разорвать свои связи съ обществомъ.

Мы сочувствуемъ такому протесту личности противъ суровыхъ насилій родовыхъ и семейныхъ началъ; она не уцѣлѣла и изнемогла въ борьбѣ; но оправданіемъ ей служила занимавшаяся заря новаго порядка вещей, новаго умственнаго движенія, дѣятельности котораго, немного спустя, открылось обширное поприще.

Въ образѣ кроткаго наставленія выходитъ семейное начало не на борьбу, а на увѣщаніе заблудшихъ, на предостереженіе

1) См. Русскій Вѣстникъ 1856 г., № 14-й, статью г. Буслаева.

ихъ отъ пагубныхъ слѣдствій своеволія. Ясный знакъ, что въ эпоху, предшествовавшую реформѣ Петра, оно было еще во всей своей силѣ, не предвидѣло опаснаго врага въ немногихъ отщепенцахъ, и если чуяло новое зарождавшееся начало свободной воли, то не придавало ему никакого особеннаго значенія.

То же можно встрѣтить и въ лубочныхъ картинкахъ, къ которымъ мы и обращаемся теперь, послѣ небольшаго отступленія.

Лубочное искусство не тронуло младенчества и юности русскаго человѣка, всегда однообразныхъ, ровныхъ въ своемъ теченіи: неразумный младенецъ не предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, онъ руководится родомъ, и только игры да *необузданная борзость* напоминаютъ намъ будущаго свободнаго человѣка. Патріархальность семейныхъ и родовыхъ отношеній всею силою налегла на жизнь древняго русскаго человѣка, подъ ея строгимъ началомъ развивался онъ до той поры, когда склонность къ женскому полу (или къ *беззаконію*, какъ говаривали встарь)[1]) начинаетъ одолѣвать его природу, когда въ этой всегда покорной головѣ является смѣлая мысль о женитьбѣ. Благо, если онъ здѣсь не выйдетъ изъ воли родителей и выберетъ себѣ молодую хозяйку, ту, которую *укажетъ* ему родъ его; если онъ исполнитъ то, что́ *приказываютъ*, и не поддастся своему *суетному* сердечному влеченію: вѣдь молодецъ глупъ и неразуменъ, молодъ да неопытенъ; его нужно наставить на путь жизни, нужно выбрать ему жену, и не ту, которую любитъ онъ, а побогаче, да познатнѣй — и благо, повторимъ, если молодецъ не ослушается голоса опыта, забудетъ свои сердечныя привязанности и начнетъ жить, какъ велитъ родъ и люди старые. Напротивъ, горе тому, кто захочетъ жить своимъ умомъ-разумомъ: обстоятельства ли поставили его внѣ подчиненныхъ отношеній, самъ ли онъ, вольной волею, вырвался на свободу, во всякомъ случаѣ — горе ему: всѣ мечты его и предпріятія клиномъ сходятся къ дѣйствитель-

1) См. лубочную картину: Распредѣленіе человѣческой жизни по седмицамъ.

ности, и невидимая рука караетъ его *дерзкое своеволіе*. Такой типъ встрѣчаемъ мы въ лубочныхъ изображеніяхъ на первомъ планѣ.

Предъ нами русскій молодецъ. Природа не обидѣла его разумомъ: онъ знаетъ кое-что, знаетъ и людей немного, успѣлъ присмотрѣться къ житью-бытью ихъ — и вотъ время эти наблюденія приложить къ дѣлу. Онъ задумалъ жениться. Толпой нахлынули къ нему свахи; каждая предлагаетъ свою невѣсту, не скупясь на разныя похвалы и обѣщанія. Кого выбрать? Послѣдовать сердечному влеченію, но оно не входило въ кодексъ чувствъ и мыслей стариннаго русскаго человѣка, и лубочное искусство вообще не могло представить себѣ молодца подъ вліяніемъ такого враждебнаго начала. Приходится *разсудить* дѣло, и вотъ какія мысли влагаетъ оно въ уста молодца: «богатую взять — станетъ попрекать; хорошую взять — много будутъ люди знать; умную взять — не дастъ слова сказать; церковнаго чину взять — кутейникомъ станутъ звать; изъ посадскихъ взять — много надобно вина содержать; грамотницу взять — станетъ праздники разбирать; изъ дворянства взять — много убору содержать; изъ приказныхъ взять — надобно приказный порядокъ знать; изъ холопства взять — отъ компаніи отстать; худую взять — стыдно въ люди показать; изъ крестьянства взять — станутъ пересмѣхать; убогую взять — нечѣмъ содержать; старую взять — часто съ нею хлопотать; солдатку взять — много станутъ люди знать; пьяницу взять — будетъ крадучи вино покупать; иноземку взять — не умѣетъ крестьянски работать». Положеніе дѣйствительно трудное! А все отъ молодости, да неопытности! Нѣтъ, «кто хочетъ по *нраву* выбирать, тому вѣкъ женату не бывать; надобно *спроситься у добрыхъ людей*». Это заключительное слово лубочной картины есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основная тема ея: молодецъ не для чего иного былъ поставленъ ею въ такія затруднительныя обстоятельства, какъ для того, чтобы собственнымъ плачевнымъ опытомъ убѣдить себя и другихъ въ несостоятельности всѣхъ своихъ свободныхъ предпріятій и въ непреложной непо-

грѣшимости совѣтовъ добрыхъ людей. Къ такому общему наставительному мотиву сводили старинные русскіе люди свои поученія [1]): строгое обличительное слово древней Руси измѣнило нѣсколько свой важный тонъ и, снисходя къ потребностямъ большинства, приняло литературный свѣтскій характеръ; но, какъ бы не надѣясь на ясность приводимаго примѣра, какъ бы опасаясь, что смыслъ его не будетъ понятенъ всѣмъ, оно, въ видѣ заключительнаго слова, ставитъ серіозное, ничѣмъ не прикрытое увѣщаніе. Очевидно, что вся эта сцена есть одна изъ варіацій на старую, давно заданную тему; но посмотримъ на нее нѣсколько ближе.

При всей тяжелой опекѣ надъ мыслью, какую видимъ мы въ основѣ нѣкоторыхъ подобныхъ лубочныхъ изображеній, опекѣ, которая всякое движеніе и попытку самостоятельной мысли считала преступленіемъ, нельзя съ участіемъ не остановиться на другой ихъ сторонѣ и не отдохнуть на ней отъ тяжелаго чувства, навѣяннаго смысломъ картины. Мы говоримъ о женщинѣ. Правда, нашъ герой слишкомъ невыгодно смотритъ на нее, его стоически-равнодушный взглядъ на женитьбу, не согрѣтый никакимъ благороднымъ чувствомъ и проникнутый сарказмомъ, является намъ чѣмъ-то формальнымъ, унижающимъ достоинство женщины; онъ напоминаетъ намъ тяжелую руку педанта-грамотника и недавнее время полнаго отрицанія ея человѣческаго достоинства; если бы мы остановились на каждой чертѣ монолога нашего молодца, мы получили бы очень немного свѣтлыхъ, пріятныхъ результатовъ; тѣмъ не менѣе, самая мысль: *серіозно* подумать о томъ, кого выбираешь себѣ въ подруги, какъ нельзя болѣе утѣшительна и могла возникнуть только при новыхъ началахъ, какихъ не было въ жизни древняго русскаго человѣка.

Безотрадно и непривѣтливо смотрѣлъ онъ на женщину: для него «жена не самостоятельное существо, имѣющее свой соб-

1) Вспомнимъ, какое значеніе придавалось въ древней русской жизни наставленіямъ добрыхъ и старыхъ людей. См. *Домострой*, стр. 108 и др., *Вождь по жизни*. См. Сахарова: Сказанія рус. нар., т. 2; русскія свадьбы, стр. 111, 116.

ственный разумъ и волю, но жалкое созданіе, не достигшее нравственнаго и умственнаго совершеннолѣтія и не имѣющее ни способности, ни силы когда-либо его достигнуть, постоянно зависимое отъ мужа, не только въ быту семейномъ и общественномъ, но и въ жизни духовной, постоянно имъ поучаемое, наставляемое во всемъ, какъ жить и дѣйствовать, какъ думать и чувствовать, даже что́ говорить и какъ отвѣчать на предлагаемые вопросы» [1]).

Конечно, при такомъ взглядѣ на женщину и на семейную жизнь, старинный русскій человѣкъ не долго стѣснялъ себя вопросомъ о *счастіи*, и, если порою возникалъ подобный вопросъ, то онъ былъ не болѣе, какъ вопросомъ *покоя*, спокойствія, потому что злая жена есть «проказливая на святыхъ клеветница, «сатанамъ праздникъ, покоище змѣиное, увѣтъ дьявольскій, безъ «исцѣленія болѣзнь, коза неистовая, вѣтеръ сѣверный, день не«настный, гостиница жидовская!» [2]).

Но въ картинѣ, приведенной нами, при всей видимой грубости ея смысла, видно что-то поболѣе одного желанія покоя; женщина является здѣсь какъ лицо живое, имѣющее играть не послѣднюю роль въ семейной жизни. Здѣсь лубочное искусство, по нашему мнѣнію, впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою: вмѣсто того, чтобы, слѣдуя своему саркастическому, узкому взгляду на женщину, отнять у нея право на всякое значеніе, оно выдвигаетъ ее на первый планъ и дѣлаетъ предметомъ серіознаго раздумья для молодца! Здѣсь вліяніе старины и новое, еще не окрѣпшее начало, не въ борьбѣ другъ съ другомъ, а какъ-то странно соединились вмѣстѣ, вовсе не подозрѣвая, что одно изъ нихъ исключаетъ другое.

Выборъ сдѣланъ удачно или нѣтъ, покажетъ будущее; а теперь нашего молодца занимаетъ самый щекотливый вопросъ

---

1) См. статью г-на Буслаева о *Горѣ-Злочастіи*. Рус. Вѣстн. 1856, № 13, стр. 40 и слѣд., гдѣ эта характеристика подтверждена неопровержимыми доказательствами.

2) Рукописная Пчела XVII-го в. и ст. г. Буслаева (Русск. В., № 13-й, стр. 45).

во всѣхъ женитьбахъ, приданое. Что́ сулятъ жениху родители невѣсты? Онъ пришелъ къ нимъ въ домъ, и, по русскому обычаю, подносятъ ему прежде всего рюмку водки; а за тѣмъ подаютъ роспись самому приданому. «Слушай, женихъ, не вертись; а что написано, не сердись!» Не знаемъ, что́ сказалъ женихъ, прочтя длинный рядъ вещей приданаго; разсердился ли онъ, или, посмѣясь вдоволь надъ русскимъ остроуміемъ, оставилъ въ покоѣ невѣсту и ея удивительное приданое, мы не знаемъ этого; но, во всякомъ случаѣ, не рѣшаемся привести здѣсь эту длинную роспись, опасаясь оскорбить чье бы то ни было облагороженное чувство: здѣсь русское балагурство достигаетъ крайняго своего развитія и переходитъ прямо въ циническое. Возьмемъ нѣсколько самыхъ умѣренныхъ примѣровъ на выдержку. Вотъ какія вещи обѣщаетъ *роспись* приданаго жениху: *изъ платья*: «кожаная сармара, да светошная харя; нагольный тулупъ, а жениху горшокъ на п...; *уборъ на голову*: сундукъ съ бѣльемъ, а невѣста съ бѣльмомъ; ароматъ съ духами, да табакерка съ блохами; *уборъ около постели*: пологъ браной, и тотъ разорваной; а невѣста бѣла, пригожа и румяна, будто обезьяна; а лѣта... она не такъ старыхъ лѣтъ, только 24 зубовъ нѣтъ». Но довольно. Многое и многое запрещаетъ намъ продолжать наши выписки. Пусть любопытные справятся съ подлинникомъ картины: тамъ, по крайней мѣрѣ, виденъ товаръ лицомъ.

Для насъ, которымъ такъ часто приходится встрѣчаться въ жизни съ подобными произведеніями русскаго юмора, для насъ они имѣютъ только отрицательное значеніе. Пусть смѣется русское искусство, пусть этотъ смѣхъ будетъ грязенъ немного; но былъ бы онъ смѣхомъ искреннимъ, въ которомъ просвѣчиваетъ жизнь; а въ этомъ нельзя отказать свѣтскимъ произведеніямъ лубочнаго искусства.

Полной жизни русскаго человѣка, ни семейной, ни холостой, не рисуетъ намъ лубочное искусство: оно останавливается на тѣхъ чертахъ ея, которыя особенно поразительны для него, особенно какъ-то выдвигаются впередъ, представляя собою какую-то во-

піющую антиномію съ тѣмъ однообразнымъ ходомъ, какимъ означила себя старинная русская жизнь. Эти черты составляютъ какъ бы исключительную пищу лубочнаго искусства. То рѣзкій, острый смѣхъ, то глубокая грусть и обличительное слово, напоминающее собою далекую старину, поперемѣнно слышатся въ нихъ и сообщаютъ всей этой картинной галлереѣ до того неопредѣленный и пестрый характеръ, что рѣшительно трудно подвести ихъ подъ извѣстныя рубрики и разсматривать послѣдовательно: мы остановимся на тѣхъ явленіяхъ, которыя составляютъ предметъ особой любви лубочнаго искусства.

Семейная жизнь не богата въ лубочныхъ картинкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какою стороною своею могла она войти въ нихъ? Ея однообразіе не возбуждало ничьего любопытства. Переходъ отъ затруднительныхъ обстоятельствъ, какими сопровождалась женитьба молодца (о другихъ женитьбахъ лубочное искусство ничего не знаетъ), къ *спокойной* семейной жизни, безъ препятствій и неудовольствій, былъ бы слишкомъ скоръ и невѣроятенъ. Бѣды молодца, вышедшаго изъ повиновенія родительскаго, не оканчивались тѣмъ, что онъ выбралъ себѣ невѣсту; нѣтъ, онѣ только что начинались здѣсь и первымъ слѣдствіемъ, продолженіемъ ихъ, была разладица съ женой и ея невѣрность. Дѣйствительно, только картины подобнаго смысла и встрѣчаются въ лубочной галлереѣ: искусство не сдѣлало непослѣдовательнаго скачка и осталось вѣрно характеру своего перваго типа. Глядя на такія картины, мы видимъ въ нихъ продолженіе давно знакомыхъ мотивовъ: не спросилъ молодецъ совѣта у добрыхъ старыхъ людей, выбралъ онъ самъ себѣ подругу — и вотъ ему достойная награда, вотъ печальныя слѣдствія такого своеволія. «Мужъ за то свою жену бьетъ, зачѣмъ она, негодная, никогда дома не живетъ», а между тѣмъ, когда мужъ исполняетъ эти непріятныя операціи надъ женою, любовникъ ея глядится въ окно къ нимъ и грозитъ заплатить мужу тою же монетою. Такія картины не рѣдки; мужъ ли начнетъ волочиться за чужою женою, жена ли измѣнитъ мужу— исходъ одинъ: драка, побои и пр. Другою стороною намъ не

открывается семейная жизнь въ лубочныхъ картинкахъ, и потому-то она такъ не богата содержаніемъ. Но олицетворяя въ образѣ женской невѣрности и семейной разладицы Немезиду, карающую молодца за своеволіе, лубочное искусство не забыло и стариннаго объясненія причины такого явленія семейной жизни; его держались встарину всѣ люди книжные, «когда мужъ отъемлетъ у жены надлежащее ей, тогда сатана возгнѣтаетъ огонь въ домостроительствѣ и ссоры»; дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ лубочныхъ картинкахъ всѣ супружескія несогласія и ссоры приписываются вмѣшательству сатаны; но если мы спросимъ о значеніи такого вмѣшательства злого демона въ дѣла жены и мужа, мы снова придемъ къ *ихъ своеволію* или другому какому-нибудь нарушенію стараго порядка вещей, которымъ издавна велась жизнь стариннаго русскаго человѣка: ибо не иному чему, какъ внушенію нечистаго духа приписывалось подобное отступленіе отъ обычая, и въ томъ и въ другомъ случаѣ молодецъ былъ только невольною жертвою сатанинскихъ внушеній. Такъ смотрѣло на это дѣло лубочное искусство, такъ смотрѣла и вся древняя Русь; они и не подозрѣвали, что это *своеволіе* героя было первымъ симптомомъ освобождающейся личности.

Посмотримъ теперь на отдѣльные эпизоды русской жизни, разбросанные въ лубочной галлереѣ.

Какъ въ народной пѣснѣ или сказкѣ невозможно бываетъ подмѣтить индивидуальныя черты личности перваго творца ихъ, такъ и лубочное искусство, несмотря на свое позднѣйшее искусственное происхожденіе, рѣдко окрашено чьими бы то ни было личными убѣжденіями. Жизнь народа, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, всегда цѣлостна и вѣрна сама себѣ; она не можетъ двоиться, не можетъ раздѣлить себя на двѣ половины, изъ которыхъ одна бы любила себя, другая ненавидѣла, одна исповѣдывала любовь къ себѣ, а другая тѣми же устами издѣвалась сама надъ собою. Потому-то мы почти не встрѣчаемъ картинъ, проникнутыхъ ироніей и *сознательною сатирой*; лубочныя изображенія смѣются, но незлобиво и безъ задней мысли. Само собою

разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ не отразилась тяжелая рука сухого дидактика и которыя по своему характеру близко подходятъ къ народу и его понятіямъ. Изъ такихъ картинъ мы знаемъ не много. На первомъ планѣ стоятъ комическія изображенія раскольниковъ, ихъ странная исповѣдь, ихъ споры и взаимныя обличенія; далѣе мы видимъ цѣлый рядъ картинъ, финаломъ которыхъ бываетъ почти всегда драка или какое-нибудь другое непріятное приключеніе. Вотъ, напримѣръ, изображеніе: *мысли вътреныя*, которое представляетъ русскаго мужика, несущаго продавать куриныя яйца. Увлеченный заманчивымъ сцѣпленіемъ мыслей о выгодѣ и будущихъ благахъ, онъ роняетъ корзину, а съ нею и всѣ сладкія надежды, навѣянныя смѣлымъ полетомъ его фантазіи; а вотъ слѣдствія карточной игры, гдѣ Савоска съ Парамошкой бросились другъ другу въ волосы, да такъ плотно сцѣпились, что посторонніе добрые люди должны были разливать ихъ водою...

Особенное распространеніе въ русскомъ лубочномъ мірѣ получили картины семика и масленицы, этихъ любимыхъ праздниствъ народа, когда его свободный характеръ и природныя наклонности, до тѣхъ поръ сдерживаемые суровыми трудами и нуждами, развертываются и высказываются во всей природной своей наготѣ. Простое изложеніе содержанія картины всего ближе можетъ познакомить насъ со взглядомъ народа на его *честный, широкій праздникъ* [1]).

Знакомы ль вы съ народнымъ русскимъ праздникомъ масленицы, какимъ онъ является на всемъ пространствѣ русскаго міра? Лубочная картина представляетъ собою только стереотипное его изображеніе. Прежде всего должно замѣтить, что народная фантазія олицетворила семикъ и масленицу въ образѣ добраго молодца и красной дѣвицы и поставила ихъ въ отношенія самыя близкія: не стѣсняя себя и не боясь людского зазору,

1) Мы говоримъ здѣсь объ одной масленицѣ. Семикъ вошелъ въ лубочныя изображенія не какъ самостоятельный праздникъ, а какъ аттрибутъ масленицы.

семикъ во очіювсѣхъ обнимаетъ масленицу и держитъ къ ней такую рѣчь: «Душа ты моя масленица, перепелиныя твои косточки, бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса — русая коса, тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка, кеточка, ясочка, перепелочка»[1]). Такими словами встрѣчаетъ семикъ масленицу; она въѣзжаетъ на русскій дворъ съ музыкой — и ей гостепріимно подносятъ блины да пряженцы. Санныя катанья и попойки съ ихъ необходимыми послѣдствіями встрѣчаютъ ее, они же и провожаютъ; добро бы все дѣло окончилось одною кулачною потѣхою, да круговою трепкою безъ членовредительствъ, нѣтъ! Русскій человѣкъ напередъ знаетъ и прехладнокровно высчитываетъ все, что́ ожидаетъ его при проводахъ масленицы, знаетъ — и въ то же время напивается самымъ отчаяннымъ образомъ. «Мы станемъ, говоритъ онъ, довольно подпивать, *чтобъ намъ себя не познать*, скакать и плясать яко коза; а другимъ *подбиты* будутъ глаза — а *хоча и съ себя что заложить*, а масленицу проводить, чтобъ по ней *не тужить*, дабы и впредь съ радостью получить». И лубочныя картины живо рисуютъ намъ всѣ слѣдствія такой логики.

Мы еще будемъ говорить о тѣхъ чертахъ русскаго народнаго характера, какія виднѣются изъ-за его хмелемъ отуманенной натуры; а теперь бросимъ взглядъ на вторую половину жизни человѣка, поскольку она высказалась въ лубочномъ искусствѣ.

35 лѣтъ (по другимъ картинамъ 50) — вотъ средина жизни человѣка, высшая ступень ея лѣстницы: отсюда нѣтъ другого шага, какъ внизъ, нѣтъ другого пути, какъ только обратный.

---

1) Замѣчательно, что эти слова взяты лубочными картинками изъ народныхъ причитаній, какія влагаютъ въ уста семику крестьянскія дѣти при встрѣчѣ масленицы. Такъ какъ эти нѣжныя слова сами по себѣ не имѣютъ смысла, то мы дополнимъ ихъ небольшою выпискою..... «ясочка, кеточка, тыжъ моя перепелочка, пріѣзжай къ намъ въ тесовый домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться». Ясно, что все это относится къ приглашенію масленицы... См. Сахарова, Ск., т. 2, Рус. годов., 71—5.

Въ это время человѣкъ является мужемъ-домостроителемъ; всѣ страсти, обуревавшія его, угомонились, и онъ сдѣлался вѣрнымъ супругомъ и заботливымъ отцомъ семейства. Старость близится нечувствительно — и только изрѣдка мысль о будущемъ да теплое, хотя и тоскливое, воспоминаніе о былomъ заставляютъ его задуматься: «Три вещи этого міра устрашаютъ меня, говоритъ онъ словами лубочнаго сказанія: первая — что я долженъ умереть, другая — не знаю когда, и третья — не знаю, гдѣ буду и что станется со мною по смерти». На закатѣ днейъ его, прелесть жизни снова овладѣваетъ всѣмъ его существомъ; но жизнь уже не можетъ дать ему многаго — и онъ спѣшитъ насладиться въ ней тѣмъ, чѣмъ можетъ, жадно пересматривая накопленныя деньги... Жалкая жизнь, ясный знакъ нецѣлости умственныхъ силъ! Теряя память, старикъ достигаетъ крайняго душевнаго разстройства и цѣлые дни проводитъ въ безчувственномъ, животномъ состояніи спячки. Въ 80 лѣтъ прерываются всѣ нити, привязывавшія его къ жизни: хилый и слабый, этотъ преждевременный, живой мертвецъ движется на костыляхъ, служа постояннымъ предметомъ насмѣшекъ для малыхъ, неразумныхъ отроковъ; лучшее *упованіе* его — посохъ и стулъ; а желаніе — послѣднее разумное желаніе, смерти; она не медлитъ — и безропотно, спокойно уводитъ свою жертву, напоминая страшное memento mori всякому, кто ощущаетъ таинственное ея присутствіе.

Въ такомъ порядкѣ расположилъ древній русскій человѣкъ свои наблюденія надъ жизнью: они, какъ видно, не богаты и не представляютъ собою ничего такого, что бы могло выразить особенный взглядъ русскаго народа на жизнь; одно только невозмутимое, ровное спокойствіе, неразлучное съ нимъ во всѣхъ фазахъ его жизни, отсутствіе вспышекъ и бурной порывистой дѣятельности напоминаютъ собою что-то близкое, родное русскому характеру, сложившемуся подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ.

Мы съ намѣреніемъ поставили этотъ серьозный, унылый взглядъ на постепенное разложеніе человѣческой натуры вслѣдъ

за картиною веселаго вакхическаго праздника русской масляницы, чтобы показать контрастъ въ самомъ тонѣ и колоритѣ обоихъ представленій. Невозможно повѣрить даже, чтобы они принадлежали одному и тому же взгляду и были написаны подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей. Отъ русскаго народнаго праздника перейти къ такому строгому взгляду на жизнь едва ли могъ русскій человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ!

Не можемъ утверждать, дѣйствительно ли картины, изображающія человѣческую жизнь по седмицамъ и періодамъ, не русскаго происхожденія; но смѣло скажемъ, что по своему взгляду и характеру онѣ принадлежатъ тому началу, къ которому, вопреки истинѣ, хотятъ привязать русскую народность. Мы говоримъ о началѣ дидактическомъ. Его-то духомъ до конца проникнуты всѣ лубочныя картинки, изображающія періоды человѣческой жизни, и многія, многія другія....

Но остановимся еще нѣсколько минутъ на томъ, какъ глядитъ старинный русскій человѣкъ на смерть. Въ этомъ взглядѣ есть что-то оригинальное, характеристическое. Смерть и разрушеніе издавна были предметомъ глубокаго раздумья для человѣчества: лучшія произведенія художниковъ и поэтовъ обязаны имъ своимъ мрачнымъ одушевленіемъ. Народъ, какъ ни привязанъ онъ къ жизни, не можетъ избѣгнуть темнаго обаянія мысли о смерти: въ его преданіяхъ и сказкахъ постоянно является это костлявое существо, «которое съ радостью вырываетъ у жизни свои жертвы и, по большей части, въ такую минуту, когда онѣ, увлекшись дѣлами житейскими, вовсе не думаютъ о приближеніи роковой гостьи»[1]). Русское лубочное искусство нерѣдко выводитъ на своихъ картинахъ страшный образъ смерти съ косою; но рѣдко, или почти никогда не сообщаетъ ей того глубокаго смысла, съ какимъ является она въ западномъ искусствѣ. Народная мысль и фантазія не олицетворила въ образѣ смерти ничего страшнаго и не вникла въ ея таинственную натуру; русскій человѣкъ не

1) См. Русскій Вѣстникъ, № 14, стр. 310, 311.

возмущается ея приходомъ: онъ или слишкомъ преданъ пьянству, погруженъ въ жизнь матеріальную и ни на мигъ не могъ оторваться отъ нея, или смотрѣлъ на смерть спокойнымъ взоромъ отшельника; при такомъ положеніи, страшная смерть теряетъ свое мистическое значеніе и является однимъ пустымъ олицетвореніемъ конца жизни; ибо только человѣкъ, понимающій жизнь, знающій цѣну ей, человѣкъ съ свѣжимъ чувствомъ можетъ понимать все страшное значеніе этого неземного пришлеца. Чтобы яснѣе выразить нашу мысль, возьмемъ на выдержку двѣ русскія картины смерти и сравнимъ ихъ съ произведеніемъ западнаго искусства. «Скупецъ сидитъ считая червонцы — и за этимъ занятіемъ застаетъ его смерть. Онъ ни мало не испугался ея прихода, ему не страшно ни за себя, ни за свое богатство: онъ хладнокровно, и съ видимымъ желаніемъ пооораторствовать, разсуждаетъ о своей бѣдѣ, сожалѣя только о томъ, *что его душа весьма грѣшна*». «Ты же, смерть, говоритъ онъ, безобразна и страшна внезапу ко мнѣ пришла, образомъ своимъ страшишь и скоро ко мнѣ спѣшишь, скрыта бо твоя труба и коса, понеже ходишь нага и боса.... вижу бо, что ты суха и худа: а бѣжать отъ тебя не знаю куда» и пр.

Вотъ другая картина подьячаго, которыи по привычкѣ и хладнокровію протягиваетъ руку къ смерти за взяткою, ни мало не робѣя предъ ея образомъ и оставаясь до конца вѣрнымъ служенію своей черной жизни. Взгляните на картину Гольбейна: смерть, одѣтая въ костюмъ de la folie, схватываетъ за руку молодую королеву въ то время, когда она выходитъ изъ своего дворца для прогулки. Ужасъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ и отражается на искаженныхъ чертахъ лица ея; дама, ее сопровождающая, въ отчаяніи призываетъ небо на помощь; а вѣрный шутъ тщетно силится защитить свою госпожу отъ смерти и оттолкнуть это безобразное, костлявое существо[1])... Вся картина

1) Oeuvres de Jean Holbein. 1-re partie. Le triomphe de la mort, par Chr. Mechel. Basle. 1780.

исполнена мрачнаго, невыразимаго ужаса; кажется, будто слышишь эти вопли отчаянія и страха за жизнь, которая такъ дорога, и здѣсь только, встрѣтившись лицемъ къ лицу со смертью, понимаешь всю цѣну и прелесть ея! Таково живое чувство и пониманіе жизни въ произведеніи Гольбейна, но какъ неразвито это чувство въ лубочныхъ картинахъ! Явленіе смерти не страшило русскаго человѣка: онъ поддавался ей съ безжизненною апатіей. Жизнь сама убила его и сдѣлала нечувствительнымъ къ ея радостямъ. Оттого-то такъ блѣдно и развѣ только безобразно явленіе смерти.

Какъ бы ни была жалка жизнь человѣка, какъ бы ни были суровы труды и несчастія, надъ нимъ тяготѣющія, его природа не лишена способности время отъ времени стать выше повседневной прозаической дѣйствительности и живымъ ключемъ пробиться сквозь толстую ея кору. Эти яркія вспышки, напоминающія моментъ поэтическаго вдохновенія и творчества, эта порывистая, кипучая жажда дѣятельности — одинъ изъ могучихъ историческихъ двигателей; нужно только указать ей прямую дорогу, дать здоровую пищу, иначе она впадетъ въ гибельныя крайности, которыя не оправдаетъ ни чье нравственное чувство. Что же даетъ толчокъ и опредѣляетъ направленіе человѣческой дѣятельности, способной къ добру и злу? Дѣйствительность всегда съ неотразимою силою влечетъ къ себѣ человѣка и указываетъ ему дорогу, по которой онъ долженъ итти, и если индивидуальная природа его расходится съ тѣмъ положеніемъ, какое даетъ ему настоящее, онъ нерѣдко дѣлается жертвой послѣдняго. Такъ и въ древней Руси все изнемогало въ борьбѣ съ настоящимъ, сложившимся подъ вліяніемъ историческихъ событій. Обыденная жизнь древняго русскаго человѣка застыла, окаменѣла въ своихъ формахъ, его минутныя человѣческія вспышки, не видя надежной опоры въ настоящемъ, направились въ дурную сторону и развили ее до крайности. Съ этой точки зрѣнія смотримъ мы на

одинъ изъ гибельныхъ пороковъ русскаго народа — пьянство. Конечно, служеніе ему скоро обратилось въ тупую страсть и сдѣлалось порокомъ безсознательнымъ; но начальная причина, какъ намъ кажется, лежитъ въ непривѣтливомъ характерѣ дѣйствительности; ибо самые животные пороки человѣка всегда имѣютъ разумную причину и никогда не являются незваными.

Г. Буслаевъ, въ своей превосходной статьѣ о древнемъ стихотвореніи Горѣ-Злочастіи, посвятилъ нѣсколько любопытныхъ страницъ изображенію того, какъ смотрѣли пастыри церкви и старинный русскій грамотникъ на гнусный порокъ — пьянство. Съ самыхъ древнихъ временъ нашей исторической жизни, начиная съ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго до начала XVIII столѣтія, г. Буслаевъ, въ статьѣ своей, проводитъ непрерывный рядъ увѣщаній и обличеній противъ пьянства, и благодаря этой живой, искусной характеристикѣ, нашъ взглядъ на древнюю русскую жизнь значительно расширился и прояснился. Отсылая нашихъ читателей къ статьѣ г. Буслаева, мы позволимъ себѣ, въ настоящемъ случаѣ, сдѣлать нѣкоторыя къ ней дополненія, на основаніи рукописныхъ сборниковъ и лубочныхъ картинъ.

Въ XVII вѣкѣ, когда особенно стала у насъ распложаться свѣтская литература, преимущественно повѣствовательно-нравоучительнаго содержанія, весьма часто переписывалась сатира на пьянство подъ названіемъ: *Повѣсть о высокоумномъ хмелю и худоумныхъ пьяницахъ*, или *Повѣсть о хмѣльномъ питіи, велми душеполезна* (Рус. Вѣстн., № 13, стр. 20). Г. Буслаевъ приводитъ любопытныя выписки изъ Повѣсти о хмѣльномъ питіи по рукописи Моск. Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ. При всей занимательности и важности, какую имѣетъ эта повѣсть, она далеко уступаетъ въ своемъ достоинствѣ другой, сходной съ нею и по содержанію, и по главнѣйшимъ мотивамъ, *Повѣсти о высокоумномъ хмелю*, о которой упоминаетъ г. Буслаевъ. Мы приводимъ ее здѣсь почти всю, слѣдуя исправнѣйшему тексту

рукописи Императорской Публичной Библіотеки [1]). Повѣсть начинается издалека:

«Бѣ нѣкій человѣкъ, живяше бо въ дебріихъ и сотвори себѣ хижу и живяше въ ней много лѣтъ, и въ некое время не ста у него пищи и иде той мужъ искати себѣ на потребу снѣди, и ходяше по лесу много и абіе обрете стоящу яблонь велми добру и взя отъ того древа едино яблоко и вкуси и бысть сытъ велми и нача яблоки собирати съ яблони той и узрѣ на яблони траву, обвилась около древа и сорва травы той едину смоквицу и нача итти отъ тое травы глаголъ сицевъ: человѣче, знаешь ли ты меня и слыхалъ ли еси про меня? И человѣкъ той ста изумѣлся, нападе на него ужасъ великій и нача вопрошати той человѣкъ: кто есть ты, гласы испущаешь, азъ бо тя не знаю — повѣжь ми. И гласъ бысть отъ тое травы: глаголю тебѣ человѣче, азъ бо есмь хмель. И рече человѣкъ той: кто ты хмель и какую силу знаешь въ себѣ? И глаголъ бысть отъ травы тоя: глаголю тебѣ, человѣче, азъ бо есмь хмель и начну ти всю тайну свою, слыши мои глаголъ и внимай, азъ бо есмь силенъ боле всѣхъ плодовъ земныхъ, отъ корени есмь сильнаго и многоплоднаго и племяни великаго; а мати моя сотворена Богомъ, а имѣю у себя ноги тонки, а утробу не ожерчиву, а главу есми имѣю высоку, а языкъ многоглаголивъ, а умъ розной, а очи себѣ имѣю мрачніи, завидливъ; а самъ я спѣсивъ велми и богатъ; а руцѣ мои держатъ землю всю, а таковъ нравъ имею: аще которой человѣкъ станетъ меня держаться, ... князь или бояринъ, ... или чернецъ, или черница, или купецъ, или мужъ или жена, всякаго чину человѣкъ учнетъ только меня держаться, первое доспѣю его блудникомъ и къ Богу не молебника, и на молитву не встанлива, и умъ его отыму, начнетъ безъ ума ходити и вставъ онъ спохмелья немо-

1) Сборникъ статей скорописью XVII и XVIII вѣка, отдѣл. XVII, № 41, стр. 34 и слѣд. Сколько намъ извѣстно, это единственная цѣльная повѣсть о высокоумномъ хмелю: двѣ другія, извѣстныя по рукописямъ Румянцовскаго Музея, №№ 363 и 370, только сокращенія этой, и притомъ исполнены вставокъ, нравоучительныхъ изреченій и пр.

жетъ, на постелѣ своей стонетъ и глава болитъ, и очи его свѣта не видятъ, и руки его дрожатъ и на душѣ его мутится, и дѣлать ничего не хочетъ, и ничто ему доброе на умъ нейдетъ, только душа его жадаетъ какъ бы напитися. Аще у котораго человѣка лучится гостемъ званымъ быть на обѣдѣ друзьямъ и сердоболямъ, а буде меня не станетъ, тутъ бо (то) нѣсть ни радости ни веселія: той бо и обѣдъ не честенъ и не похваленъ; аще у коего обѣда пребываю — тутъ бо многи радости и веселія; той бо и обѣдъ честенъ и славенъ всѣхъ людей пребывающихъ въ дому его, аще кто напьется и похмелья испіетъ чашу, а потомъ жадаетъ и другую, и потомъ иныя многія испиваютъ, и какъ напиваются во вся дни, а я въ ту пору отрину отъ него доброе и воздвигну на него помыслъ бѣсовскій, и потомъ введу его въ большую погибель и учиню его горда и (ленива?), и напущу на него тягость большую, и пойдетъ изъ него во пьянство всякая неподобная рѣчь, и станетъ со всякимъ браниться и задираться, покажется ему, что онъ силенъ добрѣ и богатъ и лучше всѣхъ. Азъ бо тебѣ глаголю, человѣче, аще который князь или бояринъ учнетъ меня держаться, то азъ доспѣю его у Бога невмилости, а у царя не вжалованьи и сотворю его хуже нищаго и убогаго; аще опився умретъ, и та душа его будетъ въ огнѣ негасимомъ, а тѣло у церкви не положатъ; а покамѣсть онъ живъ и напився станетъ сидѣть и пить до полуночи а спать до полуночи и на людей учнетъ воспалятися, тогда вси людіе его сироты и вдовицы восплачутся и разбѣжатся отъ его пьянства. Еще глаголю тебѣ, человѣче: аще которой матерой человѣкъ учнетъ меня держаться — азъ бо сотворю его ленива и руки его станутъ дрожать и дѣлать ничего не восхощетъ, и сотворю его злымъ пьяницею хуже всѣхъ людей, и учнетъ пить и пропьется весь, а жена и дѣти пойдутъ въ міръ, а домъ его весь разорю и не будетъ жилища его ничего, *и родъ и племя* отъ него отступятся. Еще глаголю тебѣ, человѣче, аще учнетъ меня держаться которой гость или купецъ, всякъ торговой человѣкъ, и азъ сотворю его безумна, и животъ свой весь растерзаетъ и пропьетъ, и бу-

детъ ходить въ вѣтчаной ризѣ и во издраннехъ сапозехъ и станетъ себѣ заимывать у котораго господина и ему никто не дастъ и повѣритъ, и не дадутъ видя его пьянство, и родъ и племя отъ него отступятся. Еще глаголю тебѣ, человѣче: аще учнеть меня держаться которой бояринъ, доспѣю его у государя въ ненависти, и будетъ онъ ни дворянинъ, ни селянинъ, и умъ его отниму, начнетъ безъ ума ходити и безъ призору умретъ. Еще глаголю тебѣ, человѣче: аще которая жена учнетъ меня держаться, сотворю ея злу пьяницу: имеетъ она пити таясь мужа своего, и наведу на нее похоть тѣлесную и потомъ введу ее въ большую погибель и въ большой позоръ, и будетъ она отъ Бога отлучена и отъ людей въ посмѣхъ. Еще глаголю тебѣ, человѣче: ко всѣмъ людямъ, всякому чину мужамъ и женамъ, кто станетъ держаться (меня), азъ таковъ нравъ имѣю: добро все отъ него отставлю и наведу на него все худое, и учнетъ по дворамъ ходить и пить.... Слыхалъ ли еси ты, человѣче, о пьяницахъ? Пьяница есть примѣненна къ свиньѣ, свинья бо гдѣ не (в)идетъ, ино рыломъ потыкаетъ, тако и пьяница: аще въ которомъ дворѣ пьютъ, тутъ стоитъ и слушаетъ, пьютъ ли въ томъ дворѣ, и спрашиваетъ, въ которомъ дворѣ пьютъ, и стоитъ у воротъ и зачнетъ просить пити, а сорома нѣтъ и стыда не имѣетъ, только въ умѣ своемъ имѣетъ какъ бы напиться; а въ которомъ дворѣ пьютъ и ему не дадутъ, и отойдетъ отъ двора того и зломыслитъ на господина дому того, бранитъ не подобною лаею и никого не боится, и онъ никого не почитаетъ, самъ бранится и со всякимъ задирается, покажется ему, что онъ силенъ добрѣ и богатъ лучше всѣхъ.... (въ рукописи пропускъ). Сильный человѣкъ силы отстанетъ, а храбрый мечю преданъ бываетъ, а здравый немощенъ, а многолѣтній скоро умираетъ безъ суда Божія; аще кто пьянъ умретъ, и тѣло его у церкви не положатъ и пѣнія Божія не будетъ, а душѣ мука злая. Пьянство умъ отнимаетъ, рукодѣлія портитъ, прибыли теряетъ, пьянство князя сотворяетъ во убожество и землю его пусту творитъ, и домъ наводитъ пьянствомъ, мастеромъ умъ отнимаетъ: не можетъ смыслить дѣла своего и сотво-

ряетъ его во убожество; пьянство же отъ жены мужа отлучаетъ и жену отъ мужа, пьянство ноги отнимаетъ, въ бездонную бѣду человѣка вводитъ, пьянство зрѣніе очей отнимаетъ, пьянство къ церкви Божіей не пуститъ, честь князю не даетъ, Богу молиться не даетъ. Вѣдай себѣ, человѣче: на комъ худое платье, то пьяница, или нагъ ходитъ — то пьяницажъ, кричитъ кто или вопитъ — то пьяница, кто убился или самъ ногу или руку переломилъ — то пьяница, или голову сломилъ, кто душѣ губительство сотворитъ — то пьяница; кто въ грязи увалялся или убился, кто до смерти самъ зарѣзался — то пьяница, негоденъ Богу и человѣкомъ пьяница, только единому діаволу, и людямъ всѣмъ постылъ пьяница, языкъ дологъ у пьяницы, что есть недоброе — то все пьяница. Какъ его въ животѣ не станетъ, и его въ огонь кинутъ, въ муку волокутъ пьяницу, черви ѣдятъ пьяницу, мразъ великъ пьяницу, разными учнутъ муками мучить пьяницу, съ сатаною въ огнѣ царствуетъ пьяница. О человѣче, яко же азъ глаголю тебѣ сія вся, заповѣдая словеса моя, вонми во уши своя, отложи прочь отъ себя смоквицу сію, яко же еси сорвалъ, да не увидиши зла надъ собою. Онъ же той мужъ, слыша отъ тоя травы гласъ глаголющъ сицевы словеса, и пристрашенъ бысть велми удивяся, что отъ травы тоя исходитъ глаголъ человѣческой, и верзе онъ смоквицу на землю и пойде той человѣкъ въ хижицу свою и несе яблока на пищу себѣ и размышляя: великое чюдо показася мнѣ, слышахъ бо азъ отъ плода» и пр. и пр. Далѣе Повѣсть о высокоумномъ хмелю говоритъ о томъ, какъ этотъ человѣкъ, внявъ увѣщаніямъ хмеля, не пилъ вина и чрезъ то обрѣлъ душѣ своей спасеніе. Такова поразительная картина жизни тѣхъ, кто учнетъ держаться хмеля.

Мы привели эту повѣсть не только потому, что она представляетъ довольно цѣльное литературное произведеніе и значительно дополняетъ характеристику, сдѣланную г. Буслаевымъ; она имѣетъ для насъ другое значеніе, чисто литературное. Изъ лубочныхъ картинъ, сколько знаемъ, ни одна не имѣла такого обширнаго значенія и распространенія, какъ изображеніе пьянства

и его послѣдствій. Повѣсть о высокоумномъ хмелю, нами приведенная, послужила основною темою всѣхъ такихъ картинъ: каждая изъ нихъ представляетъ собою или сокращеніе этой повѣсти [1]), или обработку отдѣльнаго мотива ея: она полное, стройное произведеніе; лубочныя картинки — разрозненные, отдѣльные члены ея, онѣ выросли и создались на ея почвѣ и по ея плану.

Такіе апоѳеозы хмеля, конечно, не были созданіями чисто-народными и обязаны своимъ происхожденіемъ людямъ образованнымъ (въ тогдашнемъ смыслѣ, разумѣется), грамотникамъ; но кто же откажетъ имъ во многихъ національныхъ мотивахъ и истинности изображенія?

Когда вы взглянете на это богатое собраніе картинъ и вглядитесь въ ихъ содержаніе, предъ вами откроются многія любопытныя черты древней русской жизни, черты грустныя и жалкія, но живыя и не требующія длинныхъ объясненій. Вы видите передъ собою бѣдный сколокъ человѣка, у котораго, по слову Анахарсиса (?), «отъ злаго запойства зубы заржавлены, лицо обрюзгло, очи помраченныя, забвеніе разума, руцы и ноги трясутся, сны страшливые, ночи мятежныя.»

Въ этой мрачной вереницѣ картинъ, куда ни взглянете вы, куда ни обратитесь, вездѣ встрѣтите безобразное запойство съ его гнусными атрибутами: вотъ двое добрыхъ людей, скорбя душою, совѣщаются, какъ бы отвести зло отъ пьяницы и возвратить его къ жизни и труду; а хмельной бражникъ спитъ тревожнымъ сномъ, возлѣ него стоятъ штофы съ водкою, рюмка и

---

1) Всего чаще встрѣчаются въ лубочной галереѣ цѣльныя картины о высокоумномъ хмелю; содержаніе ихъ, правда, немного сокращено, но въ этомъ виноваты сами рукописи, гдѣ эта повѣсть по большей части является въ сокращенномъ видѣ и съ многими интерполяціями; а что лубочныя картинки на свои листы переносили эту повѣсть изъ рукописей, доказательствомъ служатъ тѣ нравственныя изреченія Анахарсиса, Кирилла Философа (?), и пр., которыми оканчиваются рукописныя повѣсти о высокоумномъ хмелю и которыя отсюда перешли въ лубочныя изображенія. Мы уже прежде говорили (см. ст. 1-ю), что такое заимствованіе было явленіемъ вполнѣ необходимымъ и законнымъ.

кусокъ хлѣба, вскочилъ онъ да въ вино усъ обмочилъ — и безобразная вакханалія возобновляется: пьетъ онъ чашу первую съ похмелья, вторую во здравіе, третью въ веселіе, четвертую въ сытость, пятую въ пьянство.... и такъ напивается онъ по вся дни. Вотъ еще болѣе поразительная картина пьяной женщины: ея слабая женственная натура дошла до послѣдней крайности искаженія, въ дикихъ чертахъ ея уже не замѣтно ничего человѣческаго и сторонніе люди бьютъ ее палками да каменьями.

Иногда лубочныя картинки разсказываютъ цѣлыя исторіи, дополняя словами то, чего не могла выполнить неискусная рука лубочнаго мастера. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Жилъ былъ честный мастеровой, но захотѣлъ онъ съ бѣсомъ поводиться, всегда въ пьянствѣ и прохладѣ находиться. Сразу понялъ нечистый діаволъ, какого вѣрнаго слугу пріобрѣтаетъ онъ въ мастеровомъ, ставитъ онъ сѣти ему и побуждаетъ его не отставать. Пьетъ бражникъ, не замѣчая бѣсовскихъ козней, и, отяжелѣвъ блюетъ, и спитъ, валяяся въ грязи; только лишь встать ему и образумиться, какъ поднесетъ ему бѣсъ опохмелья— и снова пьетъ мастеровой, не чуя, что часъ его близокъ: подхватилъ его бѣсъ и помчалъ, а мастеровой даже и не закричалъ, посадилъ его въ такой домъ, что выходитъ оттуда смрадъ, тамъ ему быть — и вѣчно въ аду съ сатаною жить».

«Нѣкоторый человѣкъ пьяница пропился на кружку до нага, не знаетъ онъ, что бы пропить ему; а пить хочется! Былъ бы купецъ — онъ продалъ бы душу свою; и пріиде къ нему діаволъ во образѣ человѣческомъ и рече ему: что человѣче думаеши? Что я не знаю, что съ себя пропить: аще былъ бы купецъ — продалъ бы душу свою; и рече діаволъ: да что тебѣ дати денегъ — что хощеши? И давъ діаволъ денегъ пьяницѣ и сѣлъ онъ и нача пити, и не помышлявше о душѣ своей, и приближися вечеръ, и тогда рече діаволъ съ прочими людьми: аще кто купитъ коня — подобаетъ взяти и узда; а вы сторонніе люди свидѣтели, купилъ у сего человѣка душу, подобаетъ взяти и тѣло. И на всѣхъ человѣкъ внезапу нападе страхъ велій; діаволъ же,

взявъ пьяницу, потащи его сквозь полъ во адъ на вѣки вѣчныя муки.»

Но лубочное искусство и здѣсь остается вѣрно своему шутливому характеру: посреди множества мрачныхъ картинъ, испещренныхъ увѣщаніями Кирилла Философа (?), Анахарсиса и проч., полными укоризны и строгаго обличенія, вы встрѣчаете шутку, снисходящую къ людскимъ слабостямъ. Мы выписываемъ здѣсь надпись къ одной изъ подобныхъ картинъ, называемой: *Аптека цѣлительная съ похмелья.*

«Она содержитъ въ себѣ такія зелья, которыми лечатъ съ похмелья, токмо въ ней водка, вино, медъ, пиво; да надлежитъ оныя разумно употреблять, чтобъ и послѣдняго ума не потерять; а именно, по три раза въ сутки, безо всякой смутки: первое поутру, какъ станетъ свѣтъ призывать другая къ себѣ въ привѣтъ (?), второе предъ обѣдомъ, съ своимъ ближнимъ сосѣдомъ, третье съ молодцами послѣ полудни — и тоже въ праздникъ и въ будни; а коли гулящіе дни случатся, пускай въ аптекѣ проспятся, чѣмъ въ другое мѣсто ходить опохмелиться или на улицѣ валиться.»

Здѣсь еще яснѣе выступаетъ то различіе, какое замѣтили мы въ характерѣ лубочныхъ изображеній: одни изъ нихъ непосредственные представители русскаго народнаго духа, возникаютъ среди народа и ничѣмъ не измѣняютъ ему; другія — произведенія грамотниковъ. Русскій народъ говоритъ: «пей да дѣло разумѣй» или «пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ» и вообще смотритъ на этотъ порокъ снисходительно [1]); грамотники клеймили пьянство изреченіями древнихъ учителей, ибо для нихъ русскій порокъ былъ однимъ изъ симптомовъ нечистаго навожденія!

---

1) Рус. Вѣстн., № 13, стр. 19, ст. г. Буслаева. Въ лубочныхъ картинкахъ часто встрѣчается исторія о пьющемъ и непьющемъ, т. е. разговоръ нравственнаго содержанія, гдѣ непьющій такъ излагаетъ свою теорію: «предъ обѣдомъ хорошую рюмочку хватилъ, взялъ прѣсной икры, закусилъ и послѣ вина покушавши въ препорціи напьюсь, да на постелю отдохнуть повалюсь; а вставши похожу, да на добрыхъ людей погляжу.»

Теперь, если мы остановимся на тѣхъ мрачныхъ картинахъ безобразнаго порока, которыя привели мы выше, и спросимъ снова о ихъ народной сторонѣ, о томъ, на сколько въ этихъ темныхъ, печальныхъ сценахъ высказался русскій характеръ, мы должны будемъ войти въ небольшое сравненіе и для этого воспользуемся тѣмъ же историческимъ типомъ молодого Гельмбрехта, который приведенъ г. Буслаевымъ въ его статьѣ.

Гельмбрехтъ вездѣ и во всемъ дѣйствуетъ сознательно: онъ оставляетъ отчій домъ и идетъ затѣмъ, чтобы пожить на просторѣ, покутить, поразбойничать, его сознаніе ни на минуту не оставляетъ его посреди самыхъ черныхъ, злодѣйскихъ поступковъ. Дома не сидится ему, потому что эта скромная жизнь не удовлетворяетъ его; не удивительно, что онъ бросился въ грабежъ и разбой и въ нихъ нашелъ себѣ нѣкотораго рода удовлетвореніе. Но чѣмъ болѣе среди разврата и этихъ сознательныхъ преступленій виднѣется актъ свободной воли человѣка, чѣмъ болѣе всѣ его преступленія падаютъ на одну его личность, на его собственную отвѣтственность, тѣмъ болѣе эта отвѣтственность, тѣмъ сильнѣе противъ него протестуетъ наше нравственное чувство; но не таковъ русскій бражникъ: въ его зломъ запойствѣ мы не встрѣчаемъ, правда, ничего такого, что бы могло возбудить наше участіе къ нему; но этотъ тупой, безобразный порокъ, которому онъ такъ безропотно предается, при всѣхъ грязныхъ, отвратительныхъ своихъ послѣдствіяхъ, имѣетъ въ чертахъ своихъ что-то невольное, что привязываетъ къ себѣ бражника и не даетъ ему возможности освободиться отъ него, *опознаться* и оставить свое злое запойство; онъ — жертва своего порока, безъ борьбы уступающая ему побѣду. Конечно, ничтоженъ тотъ человѣкъ, который не можетъ управлять своими пагубными привычками и сдерживать свои дурныя, грязныя наклонности, онъ не имѣетъ права на наше уваженіе, еще менѣе на нашу симпатію: его безхарактерная кротость слишкомъ уступчива въ борьбѣ съ дѣйствительностію, слишкомъ наклонна къ ничтожеству, которое такъ легко умѣютъ находить русскіе бражники въ пьянствѣ

до полусмерти[1]); но если они не возбуждаютъ къ себѣ уваженія, то, по крайней мѣрѣ, нельзя отказать имъ въ нашемъ состраданіи, въ жалости.

Актъ свободнаго, самостоятельнаго предпріятія, хотя бы оно было направлено и въ дурную сторону, показываетъ уже полное самообладаніе и присутствіе *жизни*. Таковъ Гельмбрехтъ. Онъ постоянно и вездѣ выдерживаетъ свой характеръ, онъ не робѣетъ предъ жестокостями и разбоемъ, но и не грязнетъ въ нихъ безвозвратно; онъ кутитъ и буянитъ, а не напивается до полусмерти, не забывается въ пьянствѣ. Ничего подобнаго не видимъ мы въ русскихъ бражникахъ. Прежде всего они не окрашены никакими личными красками, и сколько бы ни встрѣтилось ихъ, всѣ они до единаго походятъ другъ на друга и притомъ до малѣйшихъ подробностей: кажется, всѣ они вышли изъ одной школы и строго придерживаются правилъ и преданій какого-то общаго своего учителя: до такой степени въ нихъ нѣтъ ничего личнаго, самостоятельнаго. Въ ихъ характерѣ видится что-то вялое, тупое: это страсть, низошедшая на степень животнаго инстинкта, привычки. Здѣсь уже нѣтъ и не предвидится возможности кореннаго исправленія, нѣтъ другаго исхода, какъ медленное самоубійство и безобразная смерть или окончательный разрывъ всѣхъ связей съ обществомъ. Это «*плачъ безъ надежды, грусть безъ отрады, печаль безъ утѣхи*[2])». Совершенное отсутствіе жизни, замѣчаемое въ чертахъ русскаго запойства, лишаетъ человѣка послѣдней отрады въ этомъ безобразномъ порокѣ — сознанія; оно не входило, правда, въ кодексъ понятій и чувствъ стариннаго русскаго человѣка, но все же время отъ времени пробивалось и нарушало издавна заведенный ровный ходъ его жизни. Такого сознанія былъ лишенъ русскій бражникъ: онъ пилъ, самъ не вѣдая почему, и былъ по большей части недоступенъ никакому увѣщанію. Привычка къ пьянству, незваная и

1) См. статью г. Буслаева, Русск. Вѣстн., № 14, стр. 299.
2) См. статью г. Снегирева, въ Валуевскомъ Сборникѣ, стр. 208.

непрошеная, какъ-то укоренилась въ немъ безсознательно, онъ только былъ безропотною, печальною жертвою судьбы, олицетворяемой въ видѣ буйнаго и высокоумнаго хмеля. Его пьянство было пьянство *кроткое*[1]), но уже по своей кротости мелкое, почти безстрастное, не способное выродиться ни во что доброе, не буйный кутежъ, а гнусная привычка, и если позволено искать генеалогію этой привычки, то мы не дадимъ ей въ родоначальники пиры князя Владимира и его богатырей, хотя она выродилась и отступила отъ этого грандіознаго типа. Мы не поставимъ также наряду съ нею того чувства, въ какомъ русскій (нынѣшній) въ минуту грустнаго самозабвенія поетъ разгульную пѣсню «сиюму кувшину, что размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину». Такого рода жизненный разгулъ не по плечу старинному русскому бражнику лубочныхъ картинъ. Его *кроткое пьянство* обмельчало. Можетъ быть, нѣкоторые упрекнутъ лубочное искусство во лжи, а насъ въ намѣренномъ преувеличеніи: мы оправдаемся голосомъ одного изъ благонамѣренныхъ просвѣщенныхъ людей Петровскаго времени:

. . . . «Еще не обѣдалъ
Тогда народъ и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло; а почти ужь улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. Узрѣвъ то разъ первой,
Чаялъ, что моръ былъ у васъ; да не пахло стервой.
И видѣлъ, что прочіе тѣхъ не отбѣгали
Тѣлъ люди и многіе изъ нихъ подымали
Руки ины головы тяжки и румяны.
Не давала слабость ногъ встать; словомъ всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не трезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, — ногами сильнѣе[2])», и пр. и пр.

---

1) См. Русск. Вѣст., статью г. Буслаева, № 13, стр. 20.

2) См. 5 сатиру Кантемира, изданіе Толстаго. Спб. 1836, стр. 74, и особенно 77, стих. 2, 3, 4.

Таковъ былъ старинный русскій бражникъ, жертва дурного отсѣда старинной нашей жизни. Поднять его, дать средства оправиться и посмотрѣть на себя, былъ призванъ Петръ Великій: онъ прервалъ эту неестественную жизнь, печальную, не обѣщавшую добраго исхода, и ему-то народъ русскій обязанъ возможностію нравственнаго воспитанія въ будущемъ.

Мы взяли только немногія, существенныя черты лубочныхъ картинокъ. Можетъ быть, эти черты слишкомъ безотрадны; но это не наша вина, а вина самого лубочнаго искусства. По самому объему газетной статьи, мы не могли остановиться на всѣхъ любопытныхъ частностяхъ (а ихъ не мало) лубочныхъ картинъ; но онѣ не опровергаютъ, а подтверждаютъ наши заключенія. Безпристрастный глазъ, не отуманенный ложнымъ патріотизмомъ, и свѣжее чувство не найдутъ ничего страннаго въ этихъ очеркахъ старинной народной жизни. Сыны новаго времени, мы не должны вступать въ сдѣлку съ стариною отжившею, разрушившеюся; для насъ она имѣетъ значеніе только по отношенію къ настоящему и то, благодаря Петровской реформѣ, одною своею отрицательною стороною. Увлеченіе и пристрастіе нигдѣ такъ не пагубно и не приноситъ такого страшнаго вреда, какъ въ исторіи: оно дерзко смѣется надъ людскою логикою, здравымъ смысломъ и дѣлаетъ изслѣдователя послушнымъ рабомъ его неправыхъ внушеній. Не удивляться безсмысленно и благоговѣть, не безразсудно поносить и отыскивать преднамѣренно *скверну*, а цѣнить и обсуживать, положа руку на сердце, должны мы, и въ этомъ, надѣемся, намъ не откажутъ наши читатели. Мы одушевлялись не слѣпою любовью *къ старинѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ*[1]), а любовью къ истинѣ.

---

1) См. въ Русск. Бесѣдѣ, кн. 2, статью г. Безсонова.

Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ.

1856.

Дополненіе къ статьѣ: «Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ».

Имѣя въ виду результаты, какіе можно извлечь изъ лубочныхъ изображеній относительно проявленій старинной русской жизни, мы мало обращали вниманія на частныя черты ихъ и довольствовались одними яркими фактами, вездѣ придерживаясь этой строго-исторической почвы. Ни предѣлы газетной статьи, ни средства наши не позволяли намъ взяться за подробное изслѣдованіе о лубочныхъ произведеніяхъ русскаго народа. Возвращаясь снова къ тому же предмету, мы ограничимся нѣкоторыми дополнительными фактами, воздерживаясь, по возможности, отъ всякихъ заключеній и выводовъ. Прежде всего считаемъ необходимымъ повторить то, что мы сказали о характерѣ лубочныхъ картинъ въ предшествовавшихъ статьяхъ. Онъ съ перваго взгляда поражаетъ насъ своею двойственностію: народная жизнь съ ея отправленіями не была исключительнымъ предметомъ содержанія лубочнаго искусства; скажемъ болѣе, она входила только, какъ небольшая часть, и занимала очень скромное мѣсто въ лубочной галлереѣ, наполненной картинами духовнаго содержанія, по правиламъ котораго развивалась вся русская литература до XVIII вѣка. Правда, и въ изображеніяхъ духовныхъ кое-гдѣ замѣтны проблески русской жизни; но они отражаются такъ слабо и блѣдно, что нѣтъ никакой возможности по нимъ заключать о первичномъ типѣ. Иначе и быть не могло: возвышенность религіознаго взгляда на жизнь, какой встрѣчаемъ мы почти въ каждомъ произведеніи древней русской словесности, не позволяла низойти до обыденныхъ мелочей и постоянно держала мысль въ сферѣ высшей, внѣ земныхъ треволненій и всякихъ случайностей. Такимъ образомъ, русскія лубочныя картины, по своему содержанію, распадаются на двѣ половины: одна изъ нихъ изображаетъ народную жизнь, какъ она есть, не прикры-

тою, не принаряженною въ праздничный костюмъ; другая изображаетъ намъ одну только сторону русской жизни, указывая идеалъ, примѣръ для подражанія. Картины первой половины принадлежатъ чисто русскому народному воодушевленію и выхвачены прямо изъ жизни; картины втораго отдѣла принадлежатъ къ воодушевленію извѣстной массы людей въ русскомъ обществѣ, грамотниковъ, дидактиковъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на факты лубочныхъ картинъ того и другого отдѣла.

Русская жизнь въ лубочныхъ картинкахъ народнаго содержанія выражается какъ-то отрывочно, афористически, болѣе случаями и происшествіями, чѣмъ цѣльнымъ взглядомъ на міръ. Мы говорили уже о картинахъ: *Разсужденіе холостаго человѣка о женитьбѣ* и *Роспись приданому, тебѣ молодцу удалому*, и привели изъ надписей къ нимъ столько выписокъ, сколько позволяли намъ литературныя приличія; въ отношеніи же самыхъ картинъ мы замѣтимъ нѣкоторыя отличія въ редакціяхъ: такъ картина *Разсужденіе холостаго человѣка о женитьбѣ* иногда представляетъ на сценѣ его одного или съ свахами, которыя держатъ въ рукахъ портреты невѣстъ; иногда же каждой изъ его мыслей вслухъ соотвѣтствуетъ приличная картина; такъ, напримѣръ подъ стихомъ: *грамотницу взять — станетъ праздники разбирать,* представлена женщина со святцами въ рукахъ; при словахъ: *пьяницу взять — будетъ крадучи вино покупать* — находимъ картину пьяной женщины, возлѣ которой, на столѣ, стоятъ бутылки съ водкою и т. п. Конечно, неразвитое лубочное искусство не всегда удачно выражаетъ въ рисункѣ то, что заключается въ изреченіи; но, по большей части, эти изображенія очень мѣтки и прямо переносятъ васъ на точку зрѣнія простолюдина. Въ картинѣ *Разсужденіе холостаго человѣка о женитьбѣ*, мы находимъ только его собственныя мысли; въ уста свахъ лубочное искусство не влагаетъ ни одного слова: онѣ безмолвно стоятъ по сторонамъ и прислушиваются къ рѣшеніямъ молодца. Такой пропускъ лубочное искусство взялось исправить въ другой своей картинѣ: *Реестръ о дамахъ и прекрасныхъ дѣвицахъ:* свахи

показываютъ жениху портреты невѣстъ, награждая послѣднихъ не очень лестными эпитетами, напр. *Аксинья — винца испить охотница*; *пирожная мастерица — Ѳеодора*; *криножная* (?) *блудница — Нимфодора*, и пр. Само собою разумѣется, что эти коротенькія изреченія не могутъ дать никакого понятія о томъ, что заключается въ остальныхъ (а ихъ не мало), и только люди, близко знакомые съ обыденными эпитетами русскаго народа, могутъ нѣкоторымъ образомъ догадываться, что такое поразсказали свахи доброму молодцу о невѣстахъ. Картина *Роспись приданаго* имѣетъ также свои редакціи, хотя и безъ всякаго измѣненія въ рисункѣ: прибавленія касаются надписей, но нѣтъ никакой возможности познакомить съ ними читающую публику.... Къ картинамъ, имѣющимъ предметомъ женитьбу, относится изображеніе или лучше разговоръ въ лицахъ *старухи свахи и дурака старика*: сваха пришла ему высватать невѣсту, а онъ держитъ къ ней цѣлую рѣчь прибаутками и кончаетъ ее слѣдующими словами: «*я имѣю приворотной корень и видя твою дурацкую рожу, приведу къ тебѣ съ рогами козу*». Есть цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ отдѣльныя происшествія или случаи. Мы приведемъ важнѣйшія изъ нихъ: они говорятъ сами за себя и лучше всего показываютъ народный взглядъ на жизнь:

1. *Борьба медвѣдя съ бабою*. Пошла баба въ лѣсъ грибковъ сбирать; а на встрѣчу ей медвѣдь идетъ: позволь, баба, съ собою мишкѣ побороться. — Ей, боюсь, мишка, шубка разорвется. Позволила баба медвѣдю съ собою побороться, розорвалъ онъ ей шубку и бросился бѣжать отъ криковъ и брани. Картина представляетъ бабу, лежащую на землѣ въ живописномъ положеніи; а медвѣдь удираетъ отъ нея что есть мочи.

2. *Молодецъ и женщина, пекущая блины*. Въ лубочной галлереѣ не мало картинъ подобнаго содержанія, но мы должны ограничиться однимъ общимъ заглавіемъ ихъ, не рѣшаясь входить въ изложеніе частностей, почти всегда грубо-циническаго, грязнаго содержанія. Таковы еще картины:

3. *Разговоръ молодца съ своею любовницею*, гдѣ, не говоря

уже о надписи, одинъ рисунокъ показываетъ нарушеніе самыхъ основныхъ законовъ стыдливости.

4. *Расправа мужа съ женою*, которую онъ бьетъ, зачѣмъ она, негодная, дома не живетъ....

5. *Мужикъ, крадущій пѣтуха.* Женщина бьетъ его рогачемъ и кричитъ: «Отдай, б.... сынъ, моего пѣтуха, вѣдь не сыта будетъ твоя требуха. — Молчи, баба, полно (?), я зашелъ не съ той улицы, не забылъ бы взять всей твоей курицы; а я тебя не слушаю и одинъ его, сжаря, скушаю.

6. *Какъ баба лѣчитъ животъ мужику горшками.* Пришла баба полѣчить Еремку и накинула на него горшки, стала у Еремки выходить грыжа, и какъ крикнетъ онъ на бабу: ахъ.... вытащила у меня весь животъ; бросила горшки свои бѣдная баба и пустилась бѣжать отъ испуга....

7. *Какъ Прохоръ да Борисъ, поссорились, подрались*, за полы взялись руками, ребра и бока щупали кулаками.

Мы считаемъ излишнимъ исчислять всѣ подобныя картины; каталогъ ихъ читатель найдетъ у г. Снегирева на 207—8 стран. его статьи (Валуев. Сбор.). Приведенныя нами изображенія достаточно показываютъ особенность русскаго взгляда на обыденныя явленія: рѣзко противоположный унылому, строгому настроенію старинныхъ грамотниковъ, онъ выбиралъ для своего воодушевленія (если это можно назвать воодушевленіемъ) предметы самые грубые, но по самой своей сущности предлагавшіе широкій просторъ его балагурству, не стѣснявшіе его рѣзкій смѣхъ никакими посторонними условіями.

Во 2-й статьѣ нашей мы говорили о картинахъ, изображающихъ русскую масляницу. Эти картины очень многочисленны, хотя рисунокъ почти всегда одинаковъ. Вверху помѣщена встрѣча масленицы съ семикомъ, а подъ ними нѣсколько маленькихъ изображеній того, какимъ образомъ русскій народъ проводитъ масляницу. Чаще другихъ встрѣчаются картины попоекъ и ихъ слѣдствій: пьяные блюютъ, приговаривая, что имъ нечего тужить за масляницею, дабы впредь съ радостью ее получить; или же,

разгоряченные виномъ, они схватываютъ другъ друга за волосы и въ такомъ положеніи, образуя собою цѣлый хороводъ, начинаютъ пляску. Извѣстная повѣсть о *высокоумномъ хмелю* встрѣчается въ лубочной галлереѣ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ и почти безъ разницы редакцій. Приведемъ описаніе этой картины. Въ заглавіи стоитъ стихъ: азъ есмь хмель силенъ, высокая голова, болѣе всѣхъ плодовъ земныхъ, а подъ стихомъ картина, представляющая хмель, вьющійся по дереву; плоды его срываютъ мущина съ женщиной. Вся картина раздѣляется на двѣ половины, и въ каждой изъ нихъ помѣщено по нѣскольку небольшихъ картинъ съ надписями. Въ заглавіи лѣвой стороны стоитъ: бесѣдуетъ Анахарсисъ Философъ, сице глаголетъ вопросъ: кое возмездіе человѣку въ излишнимъ питіи.... зубы заржавели, лицо обрюзгло, очи помраченные, забвеніе разума, руци и нози трясутся, сны страшливые, ночи мятежныя.

1-я картина. На сценѣ четыре лица: двое изъ нихъ шепчутся между собою, а третій раскрываетъ пологъ постели и показываетъ спящаго пьяницу, около котораго стоитъ столъ, на немъ штофы съ водкой, рюмка и кусокъ хлѣба; подпись гласитъ: аще кто содружится со мною, доспѣю его блудника и къ Богу не молебника, въ нощи сонлива—и на молитву ленива.

2-я картина. На постелѣ въ комнатѣ спитъ пьяница, а около него представленъ князь, вцѣпившійся въ волосы своего слуги и бьющій его палкою. На столѣ стоятъ: водка, хлѣбъ, соль. Подпись: аще содружитси со мною князь или боляринъ.... и пр. Вообще должно замѣтить, что надписи, взятыя изъ извѣстной повѣсти о *высокоумномъ хмелю*, входятъ въ картину не иначе, какъ въ сокращеніи, необходимомъ, по самому объему картины. Правая сторона изображенія хмеля носитъ слѣдующее заглавіе: Слово Кирилла Философа ко всякому человѣку: тако глаголетъ хмель: не освоивайте (?) мене — добро будетъ вамъ, азъ есмь хмель имени велика и много позна, имѣю у себя ноги тонки; а главу высоку; а утробу необъядчиву.

1-я картина — пьянство клериковъ. Замѣчательно, что иногда

лубочная картина предлагаетъ намъ то, чего не находится въ повѣсти о *высокоумномъ хмелю* — и въ этомъ случаѣ — служитъ дополненіемъ къ ней. Такъ, напримѣръ, названная нами картина: пьянство клериковъ, не представляетъ отдѣльнаго цѣлаго эпизода въ напечатанной нами повѣсти о *хмелю*; напротивъ того, въ лубочной картинкѣ является съ характеромъ самостоятельнаго мотива.

2-я картина представляетъ пьянаго купца, котораго поднимаютъ рабочіе люди.

3-я картина — пьянаго мастероваго, котораго хозяинъ гонитъ палкою.

4-я картина открываетъ предъ нами двухъ пьяницъ. Одинъ, отяжелѣвъ, сидитъ, а другой точитъ изъ бочки. Подпись: съ похмелья голова болитъ, очи не видятъ. Вся картина заключается двумя нравоученіями, изъ которыхъ одно помѣщено подъ картиной съ правой, другое съ лѣвой стороны. Нравоученіе первое: тѣмъ же, братіе, подобаетъ о сихъ плакать паче нежели о мертвыхъ; умершій бо престаетъ отъ грѣха, пьяница же на всякъ день умираетъ грѣхомъ, связуетъ его діаволъ вся чувства, руци и нози и уста и очи ослѣпляетъ — и въ полдни ему конецъ бываетъ. Насъ же да сохранитъ Господь отъ того.

Нравоученіе съ лѣвой стороны: тако въ словѣ Іоанна Златоустаго о пьянствѣ: егда учи діаволъ бѣсы своя глаголя имъ: шедше поучайте христіанъ на пьянство и на запойство, въ пьяныхъ бо вся воля моя, трезвіи божіи суть: а пьяніи — мои есть: азъ же не радуюся о жертвахъ поганыхъ, что о христіанахъ пьяныхъ: трезвіи почитаютъ Господа; а пьяніи работаютъ діаволу и творятъ волю его.

Если повѣсть о *высокоумномъ хмелю* и не была произведеніемъ строго-народнымъ, то ея лубочныя редакціи съ картинками показываютъ народный взглядъ на пьянство — и въ этомъ смыслѣ представляютъ важные факты для воспроизведенія картины стариннаго русскаго бражничества. На этомъ-то основаніи мы позволили себѣ въ предыдущихъ статьяхъ нѣкоторыя заклю-

ченія и выводы о русскомъ пьянствѣ. Чтобы еще болѣе подтвердить ихъ, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о другихъ изображеніяхъ русскаго запойства. Апоѳеоза хмеля на лубочныхъ листкахъ, какъ мы сказали, имѣетъ не много редакцій. Самая замѣчательная изъ нихъ состоитъ въ сокращеніи стиховъ и въ отсутствіи отдѣльныхъ картинъ; часто картина представляетъ самостоятельную передѣлку повѣсти о хмелѣ, даже стихи подъ рукою грамотника получаютъ иной оттѣнокъ, хотя старинный мотивъ остается одинъ и тотъ же. Вотъ стихи этой картины: «Аще содружится со мною великій властелинъ, и я учиню его, аки глупый поселянинъ; аще содружится со мною кая власть, постигнетъ его лютая напасть; аще содружится со мною черница — и она будетъ въ монастырѣ непостоянная жилица; аще купецъ со мною содружится, то купля его вскорѣ потребится; аще подъячій содружится со мною, то вся злая постраждетъ надъ собою; аще солдатъ или приставъ содружится — то всегда батогами оскорбится; аще рабъ или холопъ со мною содружится — во истину мерзокъ господину явится; аще ремесленникъ со мною содружится — то ремесло его вскорѣ погубится. Аще содружится со мною кая жена — и она будетъ мужу строптивая змѣя; аще со мною какого чина мужъ содружится — и онъ въ великихъ нуждахъ будетъ находиться; аще поселянинъ со мною содружится, то все село его пусто сотворится — и рости станетъ вмѣсто пшеницы кропива, а онъ начнетъ желать вина и пива». (См. у г. Снегирева, стр. 204.)

Въ нашей 3-й статьѣ мы привели двѣ картины русскаго запойства: о мастеровомъ, который вдался бѣсу, и пьяницѣ, утащенномъ изъ кружка діаволомъ. Дополнимъ наши выписки еще нѣсколькими любопытными чертами:

1-я картина, озаглавленная: *о пьянствѣ сказать безъ примѣсу, какъ нѣкто изъ мастеровыхъ вдался бѣсу*, представляетъ мастероваго за столомъ со штофами. Чортъ съ рогами подноситъ ему бутылку, откуда высматриваетъ змѣя съ жаломъ.... Другая половина той же картины изображаетъ діавола, уже несущаго

на своей спинѣ мастероваго въ адъ, изъ котораго исходитъ дымъ и огонь. Картина оканчивается, по обыкновенію, нравоученіемъ: «Всякъ того стерегись — и во адскія сѣти не вались. Братіе! отстанимте пьянства и злаго запойства: когда намъ по вся дни упиватися — то и до смерти не проспатися; уже супостатъ нашъ діаволъ трезвъ есть, а не пьянъ; ищетъ поглотить пьяныхъ и лежащихъ, аки мертвыхъ — жалости ради пьянственной».

2-я картина, изображающая пьяницу, утащеннаго изъ кружка діаволомъ, открываетъ предъ нами шинокъ — и въ немъ множество людей. Сидитъ пьяница голый и къ нему подходитъ діаволъ съ предложеніями — и началъ пить нагой пьяница, не помышляя о душѣ своей, и приблизился вечеръ и тогда рече діаволъ къ прочимъ людямъ: аще кто купитъ коня, да подобаетъ взяти и узда; а вы сторонніе люди свидѣтели: купилъ у сего человѣка душу — подобаетъ взяти мнѣ и тѣло. И на всѣхъ человѣкъ внезапу нападе страхъ велій; а діаволъ взялъ пьяницу, потащивъ сквозь полъ во адъ на вѣки вѣчныя муки. Картина представляетъ группу людей, недвижныхъ отъ ужаса, какой произвела на нихъ діавольская логика. Изъ подъ пола видѣнъ грѣшникъ — пьяница, сидящій въ огнѣ во рту у діавола.

Картина *сонъ пьянаго на масляницѣ съ большаго перехмѣлья* — переноситъ насъ въ шинокъ съ бочками и штофами. Цѣлыя толпы людей, молодые и старики, дѣти и женщины, предаются пьянству: одни точатъ вино изъ бочекъ, другіе пьютъ его рюмками, стаканами и цѣлыми корцами.

Приведенные нами факты достаточно оправдываютъ, думаемъ мы, наши заключенія о характерѣ стариннаго порока — *злаго запойства*, и намъ нѣтъ надобности останавливаться на нихъ долѣе и продолжать это обозрѣніе; мы перейдемъ теперь къ остальнымъ нашимъ выводамъ и поищемъ для нихъ такого же фактическаго подтвержденія. Говоря о томъ смыслѣ и значеніи, какое получаетъ образъ *смерти съ косою* въ русскихъ лубочныхъ изображеніяхъ, мы имѣли въ виду большинство случаевъ, и не могли остановиться на той картинѣ, которая противорѣчитъ нашему

взгляду. Эта картина встрѣчается въ лубочной галлереѣ довольно часто и носитъ названіе: *храбрый воинъ Аника*. Сильный и храбрый воинъ Аника ѣздилъ по чисту полю и пріиде къ нему смерть— и рече ему: о, человѣче, азъ къ тебѣ пришла погубити тебя — и рече Аника воинъ: что ты за баба, что за пьяница, я тебя не боюсь и кривыя твоея косы и оружія не страшусь; азъ есмь воинъ, ѣзжу по чисту полю — и много побилъ царей и королей и сильныхъ богатырей.... а азъ къ тебѣ пришла погубити тебя. Потомъ Аника воинъ въ силѣ своей изнеможе и рече: о смерте, мати моя — дай мнѣ сроку на годъ — и рече смерть: нѣтъ тебѣ ни на полгода! и рече Аника — о смерте, дай мнѣ сроку хоть на 3 мѣсяца — нѣтъ тебѣ ни на три недѣли; дай мнѣ сроку хоть на 3 дни—нѣтъ тебѣ ни на три часа; дай мнѣ сроку хоть на часъ— нѣтъ тебѣ, ни на полъчаса — и подкоси его смерть кривою косою...». Эта *единственная* картина нисколько не противорѣчитъ нашимъ заключеніямъ о характерѣ *смерти* въ русскихъ лубочныхъ изображеніяхъ: прежде всего она поражаетъ насъ безукоризненною возвышенностію своего содержанія, чуждою всего обыденнаго, грязнаго, составляющаго постоянный предметъ лубочныхъ изображеній. Герой Аника, славный и сильный воинъ, какъ-то не нарокомъ или по преданію зашелъ въ лубочную галерею и представляетъ въ ней эпически-серьозное, исключительное явленіе, не имѣющее ничего общаго съ остальными произведеніями: оно никакъ не уничтожаетъ нашихъ выводовъ о смерти, подтвержденныхъ многими другими фактами и находящихъ себѣ полное оправданіе въ лубочныхъ картинкахъ втораго отдѣла — производителями и творцами которыхъ были грамотники. Къ нимъ-то мы обращаемся теперь.

1) *Картина*, озаглавленная: *Четыре вещи послѣднія*, съ надписями: «Симъ молитву дѣетъ, Хамъ пшеницу сѣетъ, Афетъ власть имѣетъ — смерть всѣмъ владѣетъ», представляетъ зракъ смерти, гробъ, олицетворенное время съ крыльями, догарающую свѣчу и другіе предметы, напоминающіе намъ о тлѣнности, но не раскрывающіе намъ цѣну жизни и ея радостей. Самая кар-

тина греческаго происхожденія, и въ доказательство мы позволимъ себѣ небольшое сближеніе. Въ одной рукописной книгѣ XV в., греческаго инока Діонисія, находимъ слѣдующее изображеніе *несмысленной* жизни и *обманчиваго міра*. Въ срединѣ круга помѣщена фигура міра или, скорѣе, времени; а вокругъ времена года въ мужескомъ видѣ и знаки мѣсяцевъ; наружный кругъ содержитъ въ себѣ лѣстницу человѣческой жизни о семи ступеняхъ — и каждая имѣетъ приличную надпись; такъ около имени ребенка въ 7 лѣтъ стоятъ слова: когда-то я достигну вершины; около имени мужа въ 28 лѣтъ, который сидитъ на престолѣ въ коронѣ съ скипетромъ въ рукѣ, стоитъ: кто царь на землѣ, если не я, или, кто сильнѣе меня? — При имени старика стоятъ слова: о смерть, кто можетъ избѣгнуть тебя? Внизу картины находимъ въ могилѣ огромнаго дракона, который держитъ въ своихъ лапахъ человѣка; а около другой могилы стоитъ *смерть* съ словами: всепоглощающая пропасть и смерть [1]). Еще ближе къ греческой картинѣ наше расположеніе жизни по седмицамъ. Картина представляетъ лѣстницу: пять ступеней ея ведутъ на верхъ, а остальныя пять — внизъ, въ могилу.

1-я седьмица — младенецъ, и ничего не разумѣетъ.

2-я седьмица — игры, рѣзвость, младенцы въ куклы играютъ; понеже злу невинны бываютъ.

3-я седьмица — человѣкъ вступаетъ въ 21 годъ своего существованія и получаетъ тѣлесныя похоти и склонность къ женскому полу.

4-я седьмица — человѣкъ помышляетъ о женитьбѣ до 28 лѣтъ, о собраніи богатства и хорошей жизни, потомъ почувствуетъ суету суетствій міра сего.

5-я седьмица — мужъ домостроитель — 35 лѣтъ, средина человѣческой жизни отсюда начинается сходъ по лѣстницѣ внизъ.

6-я седьмица — человѣкъ увядаетъ нечувствительно до 42 лѣтъ.

---

1) Piper, Mythologie der christ. Kunst, II, p. 336—7.

7-я седьмица — человѣкъ груститъ, прошедшее вспоминая.

8-я седьмица — человѣкъ, едва достигаетъ 58 лѣтъ, ослабѣваетъ всѣми силами.

9-я седьмица продолжается до 93 лѣтъ, когда человѣкъ впадаетъ въ крайнее изнеможеніе.

10-я седьмица. Человѣкъ помышляетъ о смерти и о будущей жизни.

Не мало встрѣчается лубочныхъ картинъ, изображающихъ жизнь по седмицамъ: иногда каждая седмица изображается особою картиною; иногда же всѣ седмицы представляются въ общей картинѣ возраста человѣческаго, въ лицахъ, часто разнятся онѣ между собою въ счетѣ годовъ и во взглядѣ на значеніе годовъ въ развитіи жизни человѣческой; но характеръ и главнѣйшіе мотивы картинъ поражаютъ своимъ согласіемъ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько отдѣльныхъ изображеній — періодовъ человѣческой жизни: картина человѣческой жизни въ 60 лѣтъ выводитъ прядущую старуху, въ очкахъ, и старика, считающаго червонцы; въ 70 мы встрѣчаемъ того же старика, но уже на костыляхъ, оправдывающаго русскую поговорку: старость — не радость. Въ 80 лѣтъ, картина изображаетъ намъ старика не въ своемъ умѣ, ослабѣвшаго памятью и погруженнаго въ спячку. Въ 90 лѣтъ, старикъ уже не можетъ двигаться — и лучшее его упованіе — посохъ и стулъ; наконецъ, приходитъ послѣдняя седмица, 100 лѣтъ жизни, а за нею и смерть съ крыльями; она поражаетъ стрѣлою одного, а другаго беретъ за руку. На лицахъ стариковъ отражается совершенное спокойствіе: смерть приходитъ въ такую минуту, когда они нечувствительны уже ни къ чему земному [1])!

---

1) Для библіографовъ позволю себѣ въ настоящемъ случаѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: Московскія Вѣдомости, имѣвшія всегда такой обширный кругъ читателей, въ свою очередь обнаружили извѣстную долю вліянія на лубочныя картины и дали содержаніе нѣкоторымъ изъ нихъ. Такъ встрѣчаются картина изверженія Везувія, съ ссылкою на описаніе его въ Моск. Вѣд. 1766 г., № 40;

Два вопроса русской исторической науки.

1857.

(Письмо къ редактору газеты Молва по поводу изданія русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго [1]).

Вы не ошиблись, милостивый государь, въ томъ сочувствіи, какое должно встрѣтить предпринимаемое изданіе народныхъ русскихъ пѣсенъ. Ваше извѣстіе о Сборникѣ покойнаго П. В. Кирѣевскаго, приготовляемомъ къ скорому выходу въ свѣтъ г. Якушкинымъ, пробудило много дорогихъ надеждъ, много свѣтлыхъ вѣрованій въ великую будущность русской исторической науки. Въ вашемъ извѣстіи мы видимъ не простую газетную замѣтку, схваченную на лету и чрезъ десятыя руки, часто невѣрную и почти всегда незначительную, нѣтъ! въ немъ мы находимъ посильный отвѣтъ на тотъ вопросъ, который съ давняго времени лежитъ у насъ на душѣ — и не находитъ удовлетворенія. Безъ сомнѣнія, мы ни на минуту не отчаивались въ участи собранія П. В. Кирѣевскаго: — добытое честнымъ и тяжелымъ трудомъ никогда не исчезнетъ безслѣдно — мы даже думали, что чѣмъ болѣе положено времени и усилій на приготовленіе изданія, тѣмъ послѣднее будетъ исправнѣе и безукоризненнѣе; но съ тѣхъ поръ, какъ была издана первая часть его, заключающая въ себѣ *духовные стихи*, наши ожиданія приняли нетерпѣливый характеръ, не умѣряемый даже превосходными отрывками, помѣщенными на страницахъ *Московскаго Сборника* (1852) и *Русской Бесѣды*. Вотъ почему ваша вѣсть (Молва, № 3) имѣла для насъ живое значеніе, вотъ почему въ настоящемъ

картина страшнаго урода, привезеннаго въ Барселону съ ссылкою на М. В. 1760 г., № 55; картина кита, видѣннаго въ Бѣломъ морѣ (М. В. 1760 г., № 58); подвигъ гренадера Фанагорійскаго полка. Проспись Суворова (М. В. 1805 г., № 97, и пр.). Хотя картины, почерпнутыя изъ Моск. Вѣдомостей, касаются незначительныхъ случаевъ и происшествій, однако одинъ этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ популярности Моск. Вѣд. въ прошломъ столѣтіи.

[1]) *Молва* 1857, мая 4, № 4. Подпись: 28 апрѣля. *Городской читатель Молвы.*

случаѣ я рѣшаюсь обратить къ вамъ слово скромной душевной благодарности. Конечно, вы очень хорошо понимаете и сознаете значеніе народныхъ пѣсенъ для нашей исторической науки; понимаютъ ли, сознаютъ ли это другіе, пользуются ли ими изслѣдователи, занимающіеся старинными судьбами нашего отечества? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Ихъ историческіе труды, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень почтенные и полезные, представляютъ въ этомъ случаѣ рѣшительные и замѣтные пробѣлы: въ немногихъ изъ нихъ говорится о народныхъ пѣсняхъ — и то такимъ скромнымъ образомъ, что можно подумать, что мы или вовсе не богаты ими, или онѣ не представляютъ ничего замѣчательнаго и важнаго. Конечно ни вы, ни я, съ этимъ не согласимся, а съ нами вмѣстѣ — и всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ нашею богатою народною поэзіею. Это замѣчательное явленіе современной исторической науки повело за собою нѣкоторую односторонность взгляда на весь старинный бытъ нашего отечества. Дѣйствительно, какъ не полна и — если позволите такъ выразиться — *прерывиста* картина его, начертанная на основаніи однихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и сухихъ правительственныхъ актовъ, въ ней не достаетъ главнаго, именно: какъ народъ понимаетъ самого себя, свою собственную жизнь, свои бытовыя отношенія и условія, — безъ этого не только не полна исторія, но она не можетъ даже существовать, какъ художественная картина народной жизни, широкій разливъ которой не подходитъ ни подъ какія, заранѣе придуманныя, логическія формы. Мѣрять все на одинъ *юридическій* аршинъ — такая же односторонность, какъ и идеализація, отыскивающая въ историческихъ событіяхъ и фактахъ то, чего въ нихъ нѣтъ и, по общественнымъ условіямъ, быть не могло; и то, и другое — крайности, мѣшающія спокойному, художественному историческому созерцанію. За примѣромъ позвольте мнѣ обратиться въ самую глубь давно прошедшихъ вѣковъ русской жизни, къ первому періоду ея исторіи. За исключеніемъ географическихъ и территоріальныхъ опредѣленій, всегда по-

стоянныхъ и неизмѣнныхъ, за вычетомъ нѣсколькихъ извѣстій иностранныхъ и русскихъ, занесенныхъ въ лѣтопись съ чужого голоса или по преданію — что находимъ мы на страницахъ исторіи о судьбахъ русской земли до пришествія сѣверныхъ нарядчиковъ? Гдѣ тотъ періодъ нашей исторіи, который на чужомъ языкѣ называется героическимъ, на нашемъ можетъ быть также удачно названъ — богатырскимъ? Не говорите, что это явленіе чуждо русскому духу; оно — обще всѣмъ индоевропейскимъ племенамъ — и наша народность въ то время еще не успѣла получить того рѣзкаго обособленія, съ характеромъ котораго мы видимъ ее въ вѣка послѣдующіе, и сохранила полную память своего индоевропейскаго происхожденія. Греки имѣли свою героическую эпоху, ясно и цѣльно выразившуюся въ ихъ безсмертныхъ эпическихъ созданіяхъ, Германцы — свою, сказавшуюся въ пѣсняхъ древней Эдды и средневѣковыхъ героическихъ поэмахъ: куда же скрывалось это золотое поэтическое время, это свѣжее утро нашихъ историческихъ предковъ — Славянъ? Или оно прошло безслѣдно и не положило въ сокровищницу исторіи ни одной лепты, ни одного скромнаго приношенія. Гдѣ оно? Историки молчатъ о немъ, потому что оно не вписано въ старинныя хартіи, не встрѣчается ни на страницахъ иноческихъ *повѣстей временныхъ лѣтъ*, ни въ правительственныхъ актахъ, ни въ завѣщаніяхъ князей и т. д.; но народная память лучше всякихъ письменныхъ документовъ сохранила намъ величественные образы этого героическаго, богатырскаго періода народной жизни — и если первой страницей исторіи должна быть географическая ландкарта, то введеніемъ, истиннымъ началомъ русской народной исторіи должна быть наша богатырская былина, суровые типы которой замыкаютъ темную миѳическую старину и открываютъ народу новые историческіе пути. Такимъ образомъ только одна народная пѣсня можетъ, до нѣкоторой степени, возстановить цѣлый потерянный періодъ русской исторіи; а этотъ юный поэтическій періодъ такъ значителенъ и важенъ! Если и теперь, по истеченіи цѣлаго десятка вѣковъ, на Сѣверѣ и въ глубинахъ

Сибири, простолюдинъ съ любовью поетъ про славныхъ своихъ витязей и богатырей, то что же было въ ту эпоху, когда народъ въ богатырскіе образы отливалъ свою собственную человѣческую мощь и сущность, когда эти образы были для него дороги и близки, когда онъ чувствовалъ ихъ *живое* значеніе, любовался ихъ нравственною физіономіею, понималъ сердцемъ ихъ высокій смыслъ и значеніе.

Къ сожалѣнію, современная наука не обратила почти никакого вниманія на героическій періодъ нашей исторіи и, сколько можно судить по отрывочнымъ замѣчаніямъ, не признала даже за нимъ права отдѣльнаго самостоятельнаго существованія. Первая и главная причина этого лежитъ, конечно, въ незрѣлости самой науки; но были и другія обстоятельства, много способствовавшія распространенію такого односторонняго взгляда на древнѣйшій періодъ нашей исторіи. Позвольте мнѣ, милостивый государь, для нихъ попросить вашего снисхожденія на нѣсколько минутъ времени; быть можетъ, и эти легкія замѣчанія не совсѣмъ окажутся безполезными.

Прежде всего о незрѣлости науки. Винить тутъ, кажется, некого: историки скромно работаютъ и воздѣлываютъ небольшіе участки огромнаго историческаго поля; имъ нѣтъ ни времени, ни охоты заходить въ далекую чащу миѳическихъ временъ; они не привыкли къ этой работѣ и не знакомы ни съ методомъ, ни съ пріемами для такого опаснаго предпріятія, они оставляютъ это спеціалистамъ филологамъ и лингвистамъ, людямъ исключительно себя посвятившимъ изученію доисторической отечественной старины; но опытные лингвисты — такъ немногочисленны въ нашей наукѣ, самая лингвистика такъ молода и принуждена бороться съ такими трудностями, вольными и невольными, что нельзя не поудержаться на время отъ всякаго празднаго слова на науку и ея честныхъ труженниковъ: наука не можетъ дѣлать скачковъ, она зрѣетъ постепенно, по мѣрѣ открытія матеріала и усвоенія, обработки его. Безсмысленно было бы упрекать науку въ косности тогда, когда у ней нѣтъ здоровой пищи, матеріала; а въ

такомъ именно положеніи, если сказать правду, находится русская наука относительно народной поэзіи. За исключеніемъ *Древнихъ Россійскихъ стихотвореній*, собранныхъ извѣстнымъ Киршею Даниловымъ, у насъ нѣтъ ни одного *порядочнаго* и обстоятельнаго изданія народныхъ пѣсенъ; вездѣ мы встрѣчаемъ подновленный языкъ, измѣненный строй народной рѣчи, неумѣнье точно передать слышанное — и отсюда искаженіе первоначальнаго смысла; иногда посреди мѣрной благозвучной народной рѣчи попадаются нѣсколько стиховъ совершенно противныхъ народному духу и языку и видимо принадлежащихъ чьему-то постороннему вдохновенію, и т. д. Всѣми этими качествами съ присоединеніемъ еще многихъ другихъ — изобилуютъ наши сборники и преимущественно извѣстный сборникъ Сахарова, въ его *Сказаніяхъ русскаго народа*. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что старинные сборники Чулкова, Прача несравненно выше, по своему достоинству, всѣхъ новѣйшихъ; но они давно уже успѣли сдѣлаться библіографическою рѣдкостью и недоступны большинству нашей образованной публики. Вотъ почему ваше извѣстіе о собраніи Кирѣевскаго пробудило въ насъ свѣтлыя надежды на возможность возрожденія перваго героическаго періода нашей исторіи! Зная, сколько честнаго труда положилъ на это дѣло покойный собиратель, зная опытность ихъ издателя и имѣя предъ глазами еще съ 47-го года прекрасное начало самаго изданія, мы имѣемъ полное право ожидать отъ этого богатаго собранія многихъ добрыхъ плодовъ для русской исторической науки. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ — и я позволю себѣ только указать на доисторическій періодъ жизни русскаго народа, вопросъ о которомъ стоитъ, такъ сказать, на очереди въ наукѣ и требуетъ неукоснительнаго разрѣшенія. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, это — задача историка-лингвиста и, понятно, съ какимъ чувствомъ онъ долженъ смотрѣть на осуществленіе своего дорогаго чаянія, направленнаго прямо къ собранію П. Кирѣевскаго. Этимъ, однако, не ограничится все доброе, что можетъ принести это предпріятіе:

своевременное его изданіе, быть можетъ, разрѣшитъ одинъ изъ тѣхъ важныхъ педагогическихъ вопросовъ, который, съ легкой руки г. Греча и его послѣдователей, получилъ особенное значеніе въ современной ученой литературѣ. Мы говоримъ объ обученіи грамматикѣ родного языка. Старинная грамматическая школа, въ лицѣ своего старѣйшины, бросила анаѳему на народную русскую рѣчь, называя ее площадною и тривіальною и запрещая учащемуся поколѣнію прикасаться къ ней изъ опасенія испортить свою рѣчь простонароднымъ элементомъ. Все это, конечно, — печальныя слѣдствія незнакомства съ нашею народною поэзіею и непониманія ея истинныхъ красотъ. Изданіе сборника Кирѣевскаго, безъ сомнѣнія, явится законнымъ судьею (juge compétent) въ рѣшеніи возникшаго, по этому поводу, спора. Тогда, можетъ быть, появится русская грамматика, построенная на чисто-народной основѣ и достойная тѣхъ ожиданій, съ какими — вотъ уже 20 лѣтъ — обращаются къ ней учащіе и учащіеся. Будемъ же надѣяться, что пріятныя ожиданія, пробужденныя вашею замѣткою, въ скоромъ времени исполнятся и принесутъ давно желаемые плоды и новые успѣхи нашей отечественной науки. Въ заключеніе, милостивый государь, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за ваше снисходительное вниманіе къ этимъ легкимъ замѣчаніямъ, вызваннымъ вашимъ же литературнымъ извѣстіемъ.

28-го апрѣля

Сказанія о русскихъ богатыряхъ.

1857.

Русская исторія начинается отрицаніемъ стараго. Въ первые вѣка своего историческаго существованія Русь испытала сильный внутренній переворотъ, исполнившій всю послѣдующую ея исторію столь вопіющихъ антиномій и такого страннаго совмѣщенія несовмѣстимаго. По своей духовной высотѣ, христіанство было прямо противоположно чувственному, живому характеру

язычества; его величіе, чуждое земныхъ треволненій, оскорблялось языческими вѣрованіями и обрядами, въ основаніи которыхъ лежало простое поклоненіе природѣ и ея явленіямъ. Борьба была неизбѣжна — и какая продолжительная, упорная борьба! Разверните страницы лѣтописи и житія подвижниковъ нашей церкви, прислушайтесь къ голосу проповѣдниковъ и смиренныхъ обличителей мірской суетности—нашихъ отшельниковъ, и предъ вами развернется живая картина поразительныхъ усилій съ одной стороны и упорной стойкости съ другой.

Новыя начала не скоро пустили свои корни въ жизнь. Они пришли изъ чужбины и хотѣли вытѣснить обычаи и вѣрованія, любимые и уважаемые народомъ.

Названія этихъ живыхъ обычаевъ глубоко коренились въ языкѣ народа и были освящены исконнымъ употребленіемъ; лѣса, горы, болота имѣли для него свое религіозное значеніе. Отъ всего этого народъ долженъ былъ отказаться: все чтимое и уважаемое имъ преслѣдовалось какъ грѣхъ и преступленіе. Высокія слова любви и нравственнаго ученія были непонятны и недоступны душѣ язычника, его чувственная природа не доросла еще до пониманія идеи новой религіи и, не отказавшись отъ обаяній темной старины, сдѣлалась *двоевѣрною*, покланялась Перуну, Хорсу, Мокоши наравнѣ съ христіанскимъ Богомъ, приносила жертвы идольскія, смѣшивала *чистыя молитвы съ проклятымъ моленіемъ идольскимъ* [1]). Слѣды такого смутнаго состоянія умовъ мы встрѣчаемъ еще въ 16 и 17 столѣтіяхъ. Но живое воззрѣніе на природу, воспитанное язычествомъ, утратилось гораздо ранѣе; обычаи, повѣрія, преданія, потерявъ свою жизненность, низошли на степень привычки, тѣмъ болѣе тяжелой для души, чѣмъ менѣе въ ней сохранилось старинной эпической юности и красоты. Съ

1) См. Слово Христолюбца по рукописи 16-го вѣка Румянцов. музея. Описаніе Востокова, стр. 228—9. Впрочемъ, *двоевѣріе* было явленіемъ общимъ всей Западной Европѣ въ эпоху борьбы христіанства съ язычествомъ. Мы встрѣчаемъ его и у Норманновъ, Нѣмцевъ, Англо-Саксовъ. См. Jacob Grimm, Deutsche Mythologie. 1854 г., I, стр. 6—7.

одной стороны, темные образы невѣдомыхъ силъ, порожденныхъ суевѣріемъ и предразсудками, съ другой—постоянная боязнь наказанія за бѣсовскую прелесть—тяжелымъ гнетомъ ложились на душу народа и отражались въ жизни его самымъ печальнымъ образомъ. Почти то же самое должно замѣтить и относительно народной поэзіи. Ея основа, ея образы сложились и опредѣлились въ эпоху, предшествовавшую христіанству. Послѣднее застало ее въ полномъ цвѣтѣ юности и не могло оправдать ея уже потому, что она была дѣломъ еретическимъ, была порожденіемъ старины, хранилищемъ ея откровеній. Новыя начала породили и воспитали другую литературу, не допускавшую подобныхъ искусительныхъ обращеній къ старинѣ и языческому преданію; благодаря ей, мы имѣемъ самыя вѣрныя и положительныя свѣдѣнія о протекшей жизни нашего отечества. Ибо лѣтопись, если иногда и нисходила до языческой старины, то только за тѣмъ, чтобы похулить за дѣла сатанинскія и предостеречь другихъ отъ русалій, скомороховъ, забавъ трубами и пѣсенъ бѣсовскихъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, можетъ быть, скрывается причина юридическаго характера нашей древней лѣтописи, замѣнившей старинное преданіе, значительно уже поколебленное новыми началами.

Чуждаясь всего земнаго, возвышенный аскетическій духъ первыхъ вѣковъ нашей христіанской жизни не могъ предложить новой основы для поэзіи, дѣла исключительно мірскаго, языческаго. Она долгое время питалась тѣми корнями, которые были глубоко сокрыты въ ея старинѣ: прежними вѣрованіями и языческимъ міросозерцаніемъ.

Правда, съ теченіемъ времени привходили сюда и новыя начала и произвели цѣлый отдѣлъ такъ называемыхъ духовныхъ стиховъ; но стоитъ взглянуть на любое произведеніе въ этомъ родѣ, чтобы убѣдиться, какъ изъ-за новой одежды ярко свѣтится старинное преданіе и сообщаетъ всей картинѣ какой-то неопредѣленный колоритъ *двоевѣрія*. Замѣтимъ кстати, что эти стихи никогда не были собственностью цѣлаго народа и возникли уже во времена позднѣйшія, когда народное творчество истощалось и

поэзія держалась силою обычая, привычки, не производя ничего новаго и едва-едва сохраняя старое. Но въ первые вѣка нашей исторіи мы находимъ народную поэзію во всей юной свѣжести и красотѣ ея. Она сохранилась даже до нашего времени и не утратила своего стариннаго колорита. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ наши *сказанія* о *богатыряхъ* или *герояхъ*.

Въ 4-й книгѣ Русской Бесѣды истекшаго года помѣщена статья г. К. Аксакова: «О богатыряхъ временъ князя Владиміра, по Русскимъ пѣснямъ». Цѣлью этой статьи, по словамъ самого автора, не было изслѣдованіе или разсужденіе о богатыряхъ, а только изложеніе возможно полное и стройное богатырскихъ пѣсенъ и характеристика богатырей. Не смотря на это ограниченіе, статья представляетъ столько оригинальнаго, что имѣя въ виду высказать нѣсколько мыслей о томъ же предметѣ, мы позволимъ себѣ иногда обращаться къ мнѣніямъ г. Аксакова, тамъ, гдѣ они, по нашему крайнему разумѣнію, представляются невѣрными.

Вопросъ о происхожденіи сказаній о герояхъ и богатыряхъ, о началѣ ихъ и дальнѣйшемъ развитіи—рѣшался различно. Одни находили, что основаніемъ ихъ служили древнѣйшія сказанія о богахъ, которые, съ теченіемъ времени, теряли свой первоначальный видъ и принимали земныя, чувственныя формы, другіе—влагали въ нихъ историческую истину, подъ вліяніемъ свободной фантазіи народа, принявшую видъ чудеснаго происшествія, изукрашенную вымысломъ. Къ такимъ мнѣніямъ изслѣдователи были приведены нѣкоторыми частными фактами—и въ этомъ отношеніи нельзя отказать имъ въ извѣстной справедливости; но несостоятельность ихъ является при первомъ взглядѣ на цѣлое, на то, что мы называемъ полнымъ цикломъ историческаго народнаго эпоса. Въ самомъ дѣлѣ, если сказанія о герояхъ и богатыряхъ были простымъ овеществленіемъ сказаній о богахъ, если самые герои и богатыри были только низведенные на землю небожители, то какимъ образомъ стирается ихъ индивидуальная и народная сторона, содержаніе сказаній расширяется, теряетъ

свою опредѣленность и свой колоритъ и получаетъ видъ чего-то безформеннаго, безжизненнаго. Не менѣе непрочно и историческое объясненіе. Во всемъ циклѣ эпическихъ сказаній едва можно отыскать нѣсколько именъ собственно историческихъ, да и то съ такими странными анахронизмами и смѣшеніями, что плодомъ всѣхъ попытокъ исторически объяснить сказанія о богатыряхъ и герояхъ бываютъ или несбыточныя надежды на будущее время [1]), или полное убѣжденіе въ исторической недостовѣрности этихъ сказаній.

Предметъ этотъ имѣетъ такую важность для насъ относительно главнаго предмета нашей статьи, что мы позволимъ себѣ войти въ небольшія подробности и отсюда уже опредѣлить нашу точку зрѣнія на богатырей, сущность богатырства (Heldenthum) вообще и русскаго въ особенности.

Сказанія о похожденіяхъ и подвигахъ героевъ и богатырей у насъ общи со всѣми Индо-Европейскими племенами, Нѣмцами, Галлами, даже Греками и Индѣйцами. Они различаются между собою содержаніемъ и представленіемъ, но отъ всѣхъ вѣетъ общій духъ племеннаго до-историческаго сродства, ясно обозначающій ихъ родственную природу.

Поэтому, прибѣгая къ сближеніямъ русскихъ сказаній съ нѣмецкими и т. д., мы только расширяемъ нашъ кругозоръ, увеличиваемъ средства къ открытію истины, нисколько не посягая на оригинальность и самобытность сказанія; ибо, по нашему мнѣнію, все то самобытно и *народно*, что истинно и принято нами вслѣдствіе убѣжденія въ его разумности и необходимости, гдѣ бы оно ни выросло и воспиталось: у Нѣмцевъ ли, у Французовъ, или въ средостѣніи сыновъ Поднебесной имперіи.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ изъ первыхъ знатоковъ народной поэзіи упрекалъ современныхъ ему истори-

---

1) Русская Бесѣда, № 4, статья г. К. Аксакова о богатыряхъ и проч. стр. 56.

ковъ въ неправильномъ пониманіи характера историческаго сказанія и преданія.

Въ то время, когда одни факты, содержаніе которыхъ видимо принадлежитъ къ области народныхъ сказаній, вносятся безъ затрудненій въ достовѣрную исторію, какъ событія дѣйствительно случившіяся,—другіе, во всемъ сходные съ первыми, съ презрѣніемъ отбрасываются въ сторону, какъ жалкій вымыселъ разстроеннаго воображенія или ребяческая забава празднолюбцевъ. Время значительно смягчило силу подобныхъ упрековъ, и истинная наука уже отличаетъ сказочный характеръ событія отъ дѣйствительнаго и указываетъ каждому изъ нихъ свое особое мѣсто въ общей исторіи народа. Но есть изслѣдователи, для которыхъ упрекъ Гримма еще не утратилъ своего значенія: они заботливо отыскиваютъ строгую историческую истину и событіе тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ, гдѣ вмѣсто событія находимъ миѳъ, вмѣсто свидѣтельства — сказаніе или темное преданіе, истину относительную вмѣсто истины реальной. Къ числу такихъ изслѣдователей, какъ намъ кажется, принадлежитъ отчасти и г. Аксаковъ; по крайней мѣрѣ, такъ мы понимаемъ его усилія согласить противорѣчія нашихъ богатырскихъ сказаній и тѣ историческія оправданія и толкованія, къ какимъ прибѣгаетъ онъ въ случаяхъ, когда факты противорѣчатъ его заранѣе сложившимся убѣжденіямъ.

Смѣшивая сказаніе съ исторіей, мы теряемъ изъ виду его существенный характеръ, придаемъ ему вещественную, земную истину, которой оно не имѣетъ, и отрицаемъ ту духовную истину, которая составляетъ его сущность. Сказаніе (сага) идетъ совершенно другимъ путемъ и смотритъ на вещи другими глазами, нежели исторія: ему недостаетъ того жизненнаго человѣческаго чувства, которымъ такъ сильно дѣйствуетъ на насъ исторія, за то оно умѣетъ соглашать и возводить всѣ частныя отношенія до спокойной эпической ясности.

Между исторіею и сказаніемъ—такое же отношеніе, какое соединяетъ добродѣтель дѣйствительной жизни съ добродѣтелью

поэзіи. Счастливъ народъ, когда исторія его вмѣстѣ съ поэтическими сказаніями имѣетъ, подобно дню, свое утро и свой вечеръ, когда его протекшая жизнь, не всегда доступная слабому зрѣнію современной науки, полно и ясно раскрывается въ его сказаніяхъ и преданіяхъ. Не нужно забывать, что сказанія о героическихъ, богатырскихъ временахъ русской жизни записаны не ранѣе начала прошлаго столѣтія [1]), и что мы не имѣемъ того непрерывнаго преданія о геройхъ и богатыряхъ, которымъ, начиная съ 6-го вѣка и кончая нашею современностію, такъ богата нѣмецкая литература [2]). Это внушаетъ изслѣдователю особенную осторожность и умѣренность въ историческихъ выводахъ. Принять наши сказанія о богатыряхъ такъ, какъ они дошли до насъ, мы не можемъ уже и потому, что въ нихъ господствуетъ смѣшеніе самыхъ разнородныхъ вещей: понятій и взглядовъ, событій и даже цѣлыхъ эпохъ. Критика здѣсь такъ же необходима, какъ и при разборѣ какого либо историческаго памятника; но критеріумъ и пріемы ея должны быть другіе; здѣсь почти невозможна повѣрка фактовъ фактами же: нужно понять цѣлое и проникнуть въ сущность сказанія, чтобы всѣ мелкія частности и неточности получили надлежащій смыслъ и объясненіе. Здѣсь все зависитъ отъ точки зрѣнія на предметъ. Историческій анализъ и сближенія облегчаютъ доступъ къ нему; но только свѣтлый взглядъ на дѣло снимаетъ недоразумѣнія, не разрѣшимыя обыкновеннымъ путемъ исторической критики.

Какъ въ древнѣйшихъ сказаніяхъ германскихъ племенъ мы уже встрѣчаемъ нѣкоторые строго историческіе факты и географическія опредѣленія, такъ и въ сказаніяхъ о русскихъ богатыряхъ мы встрѣчаемъ много лицъ, замѣченныхъ исторіею, каковы напримѣръ самъ сказочный князь Владиміръ, его дядя Добрыня

---

1) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. М. 1818. Предисловіе Калайдовича, стр. 1—11.

2) См. превосходное сочиненіе Вильг. Гримма, Die Deutsche Heldensage, 1829 г., гдѣ собраны хронологически и оцѣнены всѣ преданія и извѣстія о нѣмецкихъ геройхъ.

Никитичъ, Ставръ бояринъ, о которомъ лѣтопись подъ 1118 годомъ, согласно съ стариннымъ стихотвореніемъ, повѣствуетъ, что онъ былъ заключенъ въ темницу Владимиромъ Мономахомъ. Не упоминая уже о множествѣ положительныхъ географическихъ опредѣленій, мы укажемъ на сказаніе глубокой древности, принесенное русскими Славянами, вѣроятно, еще съ мѣста ихъ перваго историческаго пребыванія, о Дунаѣ и его женѣ, отъ котораго и рѣка Дунай получила свое названіе. Такое соприкосновеніе дѣйствительной исторіи съ сказаніемъ относится къ тому времени, которое не дѣлаетъ различія между поэзіей и исторіей, когда еще не утратилась свѣжесть преданія и невозможно сомнѣніе въ его истинѣ. Сказаніе допускаетъ историческое лицо въ свою область или привязываетъ свой собственный разсказъ къ дѣйствительному происшествію (какъ напр. повѣсть о заключеніи Ставра). Поводомъ къ этому можетъ служить сходство именъ (какъ имени Владимира Мономаха съ Владимиромъ Святымъ въ той же исторіи) или сходство самыхъ происшествій. Намъ нѣтъ нужды слѣдить за измѣненіями русскихъ сказаній подъ вліяніемъ историческихъ событій: они очевидны для всякаго. Сказаніе, основа котораго видимо была заложена во времена, предшествовавшія исторіи, продолжало еще свою жизнь въ народѣ, принимая близко къ сердцу всѣ его интересы. Такимъ образомъ, является и орда, и царь Иванъ Васильевичъ, и Ермакъ Тимоѳеевичъ (стихотворенія записаны въ Сибири), и Скопинъ-Шуйскій, и Петръ Великій съ его боярами. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ объясняются прямымъ непосредственнымъ историческимъ вліяніемъ; другія, каковы имена народовъ: Татаръ, Турокъ, тѣми представленіями, въ какія любила облекать фантазія народа его столкновенія съ иноземцами. Должно замѣтить, что это послѣднее обстоятельство было однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ созданіи богатырскихъ типовъ и ихъ подвиговъ. Фантазія въ богатыряхъ своихъ олицетворила борьбу лучшей части народа со всѣмъ злымъ, которымъ, по его понятіямъ, бываетъ полна всякая земля въ это время. Великаны вмѣстѣ съ змѣями и другими чудовищами были порожде-

ніемъ этого злаго на землѣ, а въ формы великановъ, какъ извѣстно, народъ облекалъ чужеземцевъ, нарушавшихъ покой его непосредственной жизни. Русскіе богатыри являются вовсе не защитниками новыхъ началъ въ борьбѣ съ старыми, какъ обыкновенно думаютъ; нѣтъ, они сами живутъ еще стариною, но только свѣтлою стариною; они очищаютъ ее отъ духа тьмы, ихъ эпоха—есть эпоха полнаго торжества человѣка и освобожденія его сознанія изъ подъ гнета грубыхъ космическихъ силъ природы. Такимъ образомъ, русскіе богатыри—противъ своей воли—сдѣлались поборниками новыхъ началъ въ борьбѣ со старыми. Это вліяніе уже чисто историческое, позднѣйшее, и когда *испытующее созерцаніе* историка говоритъ о радости, такъ не впору осѣнившей русскій народъ тѣхъ временъ, радости, представителями которой являются богатыри: оно или не хочетъ вникнуть въ характеръ эпохи, или гордо переноситъ ощущенія *личной* радости на весь народъ [1]). Здѣсь мы встрѣчаемся съ противорѣчіемъ, которому нѣтъ и не можетъ быть выхода и соглашенія: новыя начала явились какъ противоположность чувственной, грубой старинѣ, они чуждались всего земнаго; а между тѣмъ ихъ защитники и рыцари отличаются глубоко-чувственнымъ характеромъ, избыткомъ матеріальной силы и часто грубыми, несмягченными нравами. Ихъ подвиги, дышащіе полнымъ разгуломъ язычества, оскорбили бы величіе самого дѣла, требовавшаго рукъ болѣе чистыхъ и непорочныхъ, противопоставлявшаго матеріальной силѣ—не матеріальную силу, а подвиги самоотверженія и глубокаго христіанскаго смиренія, подвиги чисто-духовные.

Если христіанство есть главная основа всего Владимирова міра, то какимъ образомъ согласить съ нимъ язычество, которое такъ ярко свѣтитъ въ характерѣ богатырей и русскихъ сказаній о нихъ, какимъ образомъ самъ Владимиръ является въ народной фантазіи какъ чистый язычникъ, еще не проникнутый свѣтомъ христіанскаго ученія? Или возродившееся язычество

---

7 1) См. указанную статью г. Аксакова, стр. 8.

заслонило христіанскій образъ Владимира, первоначально существовавшій въ народной фантазіи? Но на такое неосновательное предположеніе едва ли согласится и г. Аксаковъ. Какимъ образомъ попечительные пастыри наши употребляли такія неимовѣрныя усилія искоренить язычество и своею честною кровью свидѣтельствовали чистоту своихъ убѣжденій, когда уже въ самый вѣкъ введенія христіанской вѣры народъ съ такою радостію оставлялъ все старое и проникался новымъ ученіемъ? Мысль несбыточная и невѣрная! Она противорѣчитъ историческимъ фактамъ и естественному развитію всякаго ученія, тѣмъ болѣе такого высоко-нравственнаго ученія, каково ученіе христіанское, къ принятію котораго были такъ мало приготовлены русскія племена, погруженныя въ поклоненіе темнымъ силамъ природы и стихійнымъ явленіямъ! Притомъ, отказаться отъ старины—не такъ легко, какъ обыкновенно думаютъ: она противъ нашей воли прорвется въ нашихъ дѣйствіяхъ, невѣданно и негаданно явится тамъ, гдѣ ее и ожидать нельзя; отъ нея намъ трудно освободиться даже и теперь, когда мы, вотъ уже скоро два вѣка, пользуемся плодами европейской цивилизаціи, когда мы пережили многое и сознали несостоятельность многаго; что же было тогда, въ эпоху пробужденія перваго сознанія, когда настоящее народа вполнѣ зависѣло отъ прошедшаго, когда онъ жилъ, можно сказать, тѣмъ матеріаломъ, который заготовилъ себѣ еще прежде? Все это хорошо извѣстно г. Аксакову — и, несмотря на это, онъ не задумался принести историческіе факты въ жертву своей псевдо-исторической мысли, сложившейся подъ вліяніемъ какого-то внутренняго наитія... Оттого въ статьѣ его, при всей ея занимательности, встрѣчаются многія мысли, какъ кажется, несообразныя съ существомъ и характеромъ предмета, о которомъ онъ говоритъ. Такъ напримѣръ, онъ оправдываетъ казнь Добрыни надъ Мариною обычаемъ всѣхъ богатырей того времени, говоритъ объ отсутствіи аристократическаго права породы между богатырями, и вообще очень тонко изслѣдуетъ всю психологическую сторону характера русскихъ богатырей, тогда какъ одинъ взглядъ на эту эпоху глу-

бокой древности, эпоху вполнѣ миѳическую, дѣлаетъ излишними, если не вредными, подобныя историко-психологическія толкованія и оправданія. Приписывать сказанію, сагѣ историческую истину такъ же несправедливо и несообразно съ требованіями исторической науки, какъ и вносить въ достовѣрную исторію созданія народной фантазіи и воображенія. Эпоха миѳическая естъ разсвѣтъ исторіи народа, но еще не исторія: въ ней нѣтъ событій, нѣтъ опредѣленнаго времени и пространства для нихъ, здѣсь мы находимъ образы, сложившіеся неизвѣстно когда и какъ. Смотрѣть на это время должно другими глазами, мѣрить его иною мѣрою, отличною отъ обыкновенно употребляемой въ исторической критикѣ. Историческій анализъ поможетъ вамъ отдѣлить позднѣйшіе наросты, но мало окажетъ помощи въ стремленіи постигнуть духъ старины и проникнуть въ ея сокровенные тайники; они останутся непонятными до тѣхъ поръ, пока вы не низойдете до самаго свѣжаго родника, хранилища старинныхъ вѣрованій и откровеній — родного языка; до тѣхъ поръ, пока вы сближеніями съ родственною доисторическою стариною прочихъ индо-европейскихъ народовъ—не научитесь понимать и цѣнить надлежащимъ образомъ свои собственныя сокровища.

Сказанія о русскихъ богатыряхъ создались не вдругъ и не въ эпоху Владимира Святого: они были плодомъ всей предыдущей жизни народа, лебединою пѣснью, если можно такъ выразиться, народнаго творчества, еще питавшагося соками старинаго преданія. Отдѣлите въ нихъ все случайное, привнесенное послѣдующими вѣками и образовавшееся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ,—и вы поймете ихъ настоящій характеръ, вы встрѣтитесь лицомъ къ лицу съ глубокою стариною, еще не успѣвшею обособиться и получить русскій народный характеръ, стариною общею всему Индо-Европейскому племени.

Такимъ образомъ, чтобы понять природу русскихъ богатырей, нужно отдѣлить новое отъ стараго и дать каждому свое особое приличное мѣсто; такое разграниченіе необходимо уже и потому, что безъ него мы смѣшаемъ самые разнородные пред-

меты, и богатыри потеряютъ для насъ то живое значеніе, какое они имѣли въ народѣ; они будутъ непонятными образами, игрою народной фантазіи безъ участія въ жизни, безъ вліянія на развитіе народнаго сознанія. А между тѣмъ эпоха полнаго развитія русскаго богатырства есть одна изъ важнѣйшихъ эпохъ духовной жизни русскаго народа. Она подготовлялась исподоволь и издалека и только при Владимирѣ получила полнѣйшее выраженіе и развитіе. Историческій Владимиръ, его дружина приняли миѳическіе образы, и рядомъ съ историческою жизнью народа шла своимъ чередомъ прежняя миѳическая жизнь народа со всѣми старинными своими отправленіями.

Дѣйствительность имѣла вліяніе на созданіе народнаго воображенія и въ свою очередь подчинялась его вліянію и часто принимала миѳическую окраску. Приведенные нами примѣры такого взаимнаго вліянія исторіи и сказанія какъ нельзя лучше подтверждаютъ мысль о томъ, что эпоха Владимира для народа была продолженіемъ старинной жизни, даже, позволю себѣ сказать, полнѣйшимъ ея довершеніемъ, предѣломъ, далѣе котораго въ своемъ развитіи она не шла, и подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ начала снова возвращаться къ тѣмъ темнымъ временамъ грубаго подчиненія космическимъ силамъ природы, освобожденіе отъ которыхъ она такъ радостно отпраздновала въ лицѣ своихъ богатырей.

Слѣдовательно, отыскивать строго историческіе корни и причины сказаній о богатыряхъ и ихъ подвигахъ — значитъ противорѣчить характеру эпохи, въ которую слагался ихъ образъ, эпохѣ миѳической, жизнью которой народъ жилъ еще во времена Владимира, когда его богатыри получили полные опредѣленные образы и очертанія.

Но возникаетъ еще одинъ любопытный вопросъ: какъ и по какимъ причинамъ центромъ русскихъ богатырей является сказочный Владимиръ? Подобно валлійскому Артуру, за *круглымъ столомъ* котораго собираются рыцари и герои, составляющіе его свиту, въ теремѣ князя Владимира за такимъ же *круглымъ* сто-

ломъ собираются братья, *названные* русскіе могучіе богатыри. Они ѣдятъ, пьютъ, прохлаждаются и развлекаютъ свое *красное солнышко*. Онъ (опять сходно съ королемъ Артуромъ) выдумываетъ разныя игры, даетъ порученія своимъ богатырямъ настрѣлять ему гусей къ обѣду, *лебедей*, сѣрыхъ уточекъ, женитъ ихъ и вообще является душою всего этого общества, его средоточіемъ.

Изслѣдователи, принимающіе историческое объясненіе происхожденія русскихъ богатырей и сказаній о нихъ (нѣмецъ Больтцъ [1]), а за нимъ г. Аксаковъ), приписываютъ это обстоятельство вліянію новыхъ началъ, представителемъ которыхъ явился впослѣдствіи историческій князь Владиміръ; но такое объясненіе противорѣчитъ характеру послѣдующаго развитія и распространенія новыхъ началъ на Руси, и самому историческому факту того времени. Въ лицѣ сказочнаго Владиміра, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, мы не находимъ *ни одной* черты, которая бы напоминала или указывала въ немъ представителя новыхъ началъ. Въ противоположность рѣзкимъ типамъ своихъ богатырей, онъ лицо безцвѣтное, безхарактерное, которому и въ голову не приходятъ тѣ интересы, о которыхъ онъ, какъ историческій дѣятель, заботился впослѣдствіи. Въ этомъ отношеніи онъ немного сходенъ съ Валлійскимъ Артуромъ, который также, сидя на креслѣ, дремлетъ въ бездѣйствіи и рѣдко принимаетъ участіе въ подвигахъ своихъ героевъ. Но посмотрите на Карла Великаго, другого героя-государя. Какъ рѣзко отличается онъ отъ язычниковъ Владиміра и Артура! [2]). Это уже христіанскій циклъ сказаній или древній, но измѣнившійся подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій. Историческіе подвиги и предпріятія Карла Великаго имѣли сильное вліяніе на образованіе сказаній о немъ. Онъ

1) Boltz, Ueber das Altrussische Heldenlied. 1854. Стр. 9—10.

2) Впрочемъ, Артуръ еще иногда является съ оттѣнкомъ христіанскаго вліянія; у Владиміра же, какимъ мы видимъ его въ пѣсняхъ, о христіанствѣ нѣтъ и помину.

герой вполнѣ христіанскій, и первое мѣсто въ его интересахъ принадлежитъ христіанству, къ распространенію котораго направлены всѣ дѣйствія и подвиги его самого и рыцарей его блестящаго двора. Оттого, можетъ быть, такъ высокъ его образъ и такъ славны его личные подвиги, память о которыхъ передаютъ намъ многія сказанія.

Нужно искать другой причины такого концентрированія русскихъ богатырей вокругъ стола Владимира.

Мы полагаемъ, что это должно приписать двумъ обстоятельствамъ, изъ которыхъ одно было туземное, другое принадлежало обычаямъ тѣхъ племенъ, откуда пришли первые князья.

Съ появленіемъ русскихъ племенъ на сцену исторіи, языческія вѣрованія продолжали свое развитіе, съ ними вмѣстѣ развивался и народный историческій эпосъ, образы богатырей получили опредѣленныя человѣческія формы, ихъ подготовило историческое преданіе, часто очень древнее, и миѳологія, достигшая уже степени антропоморфизма. Старинныя сказанія о богатыряхъ получили свой окончательный видъ въ самую эпоху введенія христіанства, хотя и независимо отъ него, и народъ,—позволимъ себѣ сдѣлать предположеніе,—соединилъ своихъ богатырей около Владимира только потому, что видѣлъ въ немъ представителя дружины, который, по сказанію лѣтописи, пиры *творяше людямъ своимъ по вся недѣля*. Но это предположеніе наводитъ насъ на мысль о дружинѣ, постоянно встрѣчающейся въ нашихъ богатырскихъ пѣсняхъ. Самъ богатырь есть по преимуществу дружинникъ и немыслимъ безъ подвиговъ безъ дружины. Русское сказаніе свои представленія связало съ историческимъ фактомъ, дружину богатырей съ дружиною князя Владаміра. Это первое историческое вліяніе, какое испытали образы нашихъ могучихъ богатырей.

Приведемъ слова перваго знатока народной поэзіи: «Народное сказаніе любитъ, чтобы съ нимъ обращались дѣвственными руками; кто неосторожно и непочтительно касается его, предъ тѣмъ оно не раскроетъ своихъ страницъ и не повѣетъ на него

своимъ завѣтнымъ благоуханіемъ. Въ сказаніи кроется такой богатый родникъ развитія и цвѣта, что достаточно съ нимъ и не вполнѣ познакомиться, но только въ его природной красотѣ, чтобы быть вполнѣ удовлетворену.

«Всякая посторонняя примѣсь портитъ и безобразитъ его. Тотъ, кто захочетъ въ народное сказаніе внести что нибудь чужое, долженъ проникнуться свѣжею невинностію народной поэзіи и глубоко вникнуть въ тайны языка, чтобы создать для него слово (рѣчь) и не выдать своего подлога»[1]).

Одинъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ писателей слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ человѣческую природу въ отношеніи ко всему окружающему: «Человѣкъ — величайшее чудо изъ всѣхъ чудесъ, великое, неизслѣдимое таинство божества! Мы не можемъ понимать этого, не знаемъ какъ говорить объ этомъ; но мы можемъ, если захотимъ, чувствовать и знать, что это дѣйствительно такъ. Всѣ эти истины нѣкогда лучше чувствовались, нежели теперь. Юныя племена міра, — свѣжія и простодушныя какъ дѣти, — и вмѣстѣ съ тѣмъ уже глубокіе и серьозные люди, не воображали себѣ, что давая всему ученыя названія, они уже уразумѣли все и въ небѣ и на землѣ. Нѣтъ! юныя племена пристально и долго, съ ужасомъ и удивленіемъ всматривались во все; они живѣе чувствовали, что̀ есть божественнаго въ человѣкѣ и природѣ, они могли поклоняться природѣ, и человѣку болѣе, нежели чему другому въ природѣ. Я смотрю на поклоненіе героямъ, какъ на великій отличительный элементъ въ этомъ древнемъ воззрѣніи — и то, что̀ называлъ я въ язычествѣ разнообразіемъ, вышло изъ множества различныхъ источниковъ, изъ всякаго рода удивленія — удивленія звѣздѣ и другимъ предметамъ природы. Но поклоненіе героямъ было самымъ главнымъ кор-

---

1) Grimm's Deutsche Mythologie. Vorrede.

немъ всего этого, самымъ подземнымъ корнемъ, изъ котораго всѣ другіе получаютъ себѣ питаніе и растительность. Если поклоненіе какой-нибудь звѣздѣ имѣло въ себѣ смыслъ, то не гораздо ли большій смыслъ должно было имѣть поклоненіе герою, безграничное удивленіе великому человѣку» [1]).

Вдохновенное созерцаніе поэта-историка, нѣтъ сомнѣнія, заводитъ его слишкомъ далеко, когда онъ, въ порывѣ безграничнаго удивленія великимъ людямъ, видитъ во всей исторіи человѣчества только исторію героевъ, великихъ людей, и низводитъ народъ на степень страдательнаго начала, какихъ-то слѣпыхъ силъ, которыми двигаютъ избранники, великіе люди; но въ главномъ его слова какъ нельзя лучше объясняютъ намъ сущность героическаго періода русской жизни и его богатырей. Въ самомъ дѣлѣ, не то ли же безграничное удивленіе и поклоненіе человѣческой сущности олицетворила фантазія русскаго народа въ своихъ богатыряхъ, и не было ли созданіе ихъ торжествомъ человѣка надъ грубою природою — однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ нравственной и духовной жизни народа? Долгій и трудный путь предстояло пройти сознанію народа, пока оно достигло этого радостнаго момента. Чувство зависимости, первая причина языческой религіи, особенно сильно сказалось въ отношеніяхъ народа-младенца къ природѣ. Тѣ явленія ея, условіямъ и вліянію которыхъ подлежалъ человѣкъ, предъ которыми онъ чувствовалъ свое безсиліе, были первыми предметами его поклоненія, и чѣмъ неотразимѣе и страшнѣе сила ихъ, тѣмъ болѣе чувства тяжелой зависимости въ его первоначальныхъ языческихъ вѣрованіяхъ, тѣмъ безотраднѣе и мрачнѣе они. Оттого на первой ступени народной жизни находимъ мы подчиненіе космическимъ силамъ природы; оттого на ряду съ свѣтлыми образами находимъ мы темныя представленія о зломъ, губительномъ началѣ, которое ведетъ постоянную борьбу съ добрыми, благодѣтельными

1) См. Th. Karlyle, Ueber Helden, Heldenverehrung und das Heldenthümliche in der Geschichte. Deutsch von Neuberg. Berl. 1853, стр. 19.

божествами. Все развитіе народной миѳологіи заключается въ постепенномъ освобожденіи сознанія изъ-подъ тяжелаго, сковывающаго гнета темныхъ космическихъ силъ природы: свѣтлые образы мало по малу выясняются и получаютъ опредѣленный видъ. Здѣсь мы не встрѣчаемъ уже того безотраднаго чувства, которое охватываетъ язычника, заставляя его преклоняться предъ губительною, грозящею силою: онъ не боготворитъ ее, какъ прежде, не приноситъ ей умилостивительной жертвы, не возсылаетъ моленія, а обращается къ своимъ свѣтлымъ, добродѣющимъ богамъ и отъ нихъ ждетъ защиты отъ зла и покровительства. Это одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи развитія языческихъ вѣрованій. Народъ придаетъ своимъ добрымъ богамъ человѣческія свойства и качества, и такимъ образомъ прежнему темному поклоненію противопоставляетъ поклоненіе своей собственной сущности. Небожители мало по малу низводятся на землю и сближаются съ людьми, и вслѣдъ за ними герои или богатыри, какъ посредники между небомъ и землею.

Созданіемъ богатырей, героевъ, народная миѳологія достигаетъ высшаго своего развитія. Человѣческая сущность вступаетъ въ свои права и въ лицѣ героя празднуетъ свою побѣду надъ темными враждебными силами природы.

Такъ понимаемъ мы сущность героизма и таково, по нашему мнѣнію, значеніе богатырей въ исторіи народовъ.

Что такое герой, или богатырь? Нѣчто среднее между богами и человѣкомъ. Чѣмъ древнѣе эпосъ, тѣмъ необходимѣе присутствіе въ немъ боговъ. Сущность героизма состоитъ въ борьбѣ и побѣдѣ: герой или богатырь, существо, которое борется со зломъ, совершаетъ безсмертныя дѣла и достигаетъ до божеской чести. Въ богатырѣ преобладаетъ человѣческое. Герой подверженъ страданіямъ, ранамъ и смерти, отъ которыхъ, по представленіямъ старины, не были свободны даже боги. Въ героѣ человѣкъ дѣлается полубогомъ. Происхожденіе богатыря и героя,—въ отличіе отъ другихъ демоническихъ существъ, наполняющихъ пропасть между богами и человѣкомъ,— есть

вполнѣ человѣческое: германскій Сигфридъ, нашъ Илья Муромецъ и др. происходятъ отъ обыкновенныхъ людей, и только немногіе изъ нихъ, какъ валлійскій Мерлинъ, нашъ Волхъ Всеславьевичъ, имѣютъ отчасти демоническое происхожденіе, и оттого природа ихъ такъ рѣзко отлична отъ природы другихъ богатырей-человѣковъ. Они принадлежатъ къ древнѣйшимъ богатырскимъ типамъ и ведутъ свое происхожденіе или отъ миѳическаго змѣя, состоявшаго въ связяхъ съ обыкновенными смертными (Волхъ Всеславьевичъ), или отъ какого другого демоническаго существа (Мерлинъ).

Рожденіе богатыря ознаменовывается необычайными явленіями: вѣщіе орлы пѣли, и шумно стремились съ горъ ручьи священной воды, когда родился скандинавскій герой Гельги, подобно тому, какъ при рожденіи Волха Всеславьевича «подрожала сыра земля, сотряслося славно царство индѣйское, а и синее море сколебалося дня ради рожденія богатырскаго молода Волха Всеславьевича: рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи, куницы по островамъ». Иные богатыри, возрастая не по днямъ, а по часамъ, съ раннихъ лѣтъ дѣтства начинаютъ оказывать свою нечеловѣческую силу: братъ Бальдера — Вали, едва рожденный, неумытый и нечесанный, подымается на месть за смерть брата своего; шведскія пѣсни разсказываютъ о женщинѣ, которая послѣ долгой беременности родила двухъ близнецовъ: одинъ изъ нихъ чешетъ свои золотыя кудри, другой добываетъ мечъ и оба отправляются на скорую месть. Такъ Волхъ Всеславьевичъ черезъ полтора часа по рожденіи говоритъ, какъ громъ гремитъ, и проситъ свою сударыню матушку спеленать его въ крѣпки латы булатные, а на буйну голову положить золотой шеломъ, по праву руку палицу, а и тяжку палицу свинцовую вѣсомъ въ триста пудъ. Мотивъ такого быстраго возрастанія богатырской силы отзывается глубокою древностію и прямо роднитъ богатыря съ богами, которые, какъ Меркурій, Аполлонъ, самъ

Зевсъ, — разомъ переступали предѣлы естественнаго человѣческаго возрастанія, назначенные природою. Народная фантазія перенесла аттрибуты божества на своихъ героевъ, указывая тѣмъ ихъ высшую природу. Къ сожалѣнію, время и обстоятельства почти не сохранили такихъ древнихъ богатырскихъ типовъ, и кромѣ указаннаго Волха, развѣ еще сынъ царя Саула Леванидовича нѣкоторымъ образомъ можетъ дать понятіе о природѣ подобнаго богатырскаго образа; но на немъ уже замѣтно вліяніе чисто сказочныхъ началъ... Другіе богатыри, подобно могучимъ столѣтнимъ дубамъ, растутъ туго, но прочно. Нашъ Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ, не владѣя ни руками, ни ногами. Приходятъ къ нему калики перехожіе и просятъ у него напиться. Илья въ первый разъ въ жизни встаетъ и приноситъ имъ по великой братинѣ пива и вина крѣпкаго. «Выпей самъ», говорили калики перехожіе. Когда Илья выпилъ, они спросили его: «Слышишь ли, Илья, силу свою?» — «Слышу». — «Какъ велика твоя сила?» — «Кабы былъ столбъ отъ земли до неба, я перевернулъ бы всю землю». — «Много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ. Поубавимъ силы!» Опять послали его за пивомъ, и еще дали ему выпить, и силы въ немъ поубавилось, кабы на семую часть. — «Будетъ съ него!» сказали калики. Въ такомъ же бездѣйствіи долгое время оставался и скандинавскій герой Гельги; онъ былъ нѣмъ и безъ имени до тѣхъ поръ, пока валькирія Свава не развязала ему языка. Сообразно съ сущностію богатырей, героевъ, необходимо, чтобы юность ихъ обезображивалась какимъ нибудь недостаткомъ, отъ котораго они сразу освобождаются, и сила ихъ, до сихъ поръ сдерживаемая, удвояется. Замѣчательно, что эту непобѣдимую силу богатырь получаетъ отъ существъ миѳическихъ, каковы въ сказаніи объ Ильѣ — наши калики перехожіе, или въ пѣсняхъ Эдды о Гельги и Свавѣ — валькиріи. Одинъ датскій герой, испивъ изъ рога, данаго ему эльфами, получаетъ силу двѣнадцати человѣкъ; подобные же мотивы можно найти и въ норвежскихъ сказкахъ, ими опредѣляется природа богатыря и героя, существенно отличная и отъ

боговъ, которые не требуютъ такого рукоположенія, какъ существа свободныя и всемогущія, и отъ обыкновенныхъ людей, лишенныхъ высокой божеской природы, и не вкусившихъ таинственнаго напитка [1]).

Не рожденные, а вырѣзанные изъ утробы матери дѣти дѣлаются богатырями, таковы: иранскій Рустемъ, по сказанію, сохранившемуся въ книгѣ царей у Фердоуси, Тристанъ, по старинному сказанію у Эйльгарда, шотландскій Макдуфъ и сынъ нашего Дуная Ивановича, который могъ бы быть въ семь семерицъ получше и поудалѣе своего батюшки, если бы далъ онъ ему еще сроку на три часа и не вырѣзалъ преждевременно изъ утробы матери [2]).

Видъ и образъ героевъ также отличны отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Древнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ способность превращаться въ звѣрей. Такъ нѣмецкіе Сигмундъ и Синфіотли, отецъ и сынъ, долгое время были волками и вели дикую, животную жизнь [3]); валлійскій Мерлинъ, чтобы помочь королю Артуру, долженъ былъ принимать различные образы: старика, карлика, даже оленя [4]). Волхъ Всеславьевичъ уже десять годовъ поучался ко премудростямъ: а и первой мудрости учился обертываться яснымъ соколомъ; ко другой-то мудрости учился обертываться сѣрымъ волкомъ; ко третей-то мудрости учился Волхъ обертываться гнѣдымъ туромъ — золотые рога [5]). Съ такими представленіями о превращеніяхъ тѣсно связаны многіе позднѣйшіе сказочные мотивы объ участіи животныхъ или птицъ въ предпріятіяхъ ге-

---

1) Русскія народныя сказки, Сахарова, стр. 65—7; Аѳанасьева, вып. I, стр. 115—121; Буслаева, Эпическая поэзія, въ Отеч. Зап. 1851 г., № 7, стр. 24; Grimm's Deutsche Mythologie, I, стр. 345; его же, Lieder d. alten Edda, 1815, стр. 31 и слѣд.

2) Grimm's Deutsche Mythologie, I, 361. Не знаемъ, на какомъ основаніи Як. Гриммъ относитъ нашего Добрыню Никитича къ числу героевъ, вырѣзанныхъ изъ утробы. См. Русская Бесѣда, кн. IV, ст. г. Аксакова, стр. 36.

3) W. Grimm, Deutsche Heldensage, 1829, стр. 337.

4) Villemarqué, Contes populaires des anciens Bretons, стр. 44.

5) Кирша Даниловъ, стр. 47.

роевъ. Начало ихъ восходитъ ко временамъ глубокой древности, когда чувство младенчествующаго народа придавало животнымъ особенное значеніе, едва ли не равное своей собственной, человѣческой природѣ. Здѣсь кроется первая причина миѳическихъ сказаній о превращеніяхъ людей въ животныхъ, сказаній, распространенныхъ у всѣхъ народовъ, и сюда же относятся древнѣйшія саги о томъ, что звѣри и птицы вскармливаютъ оставленныхъ на произволъ судьбы героевъ.

Кромѣ того, самый человѣческій видъ героевъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей: ихъ сверхъестественная, высокая природа свѣтитъ изъ глазъ, какъ у скандинавскаго Сигурда или у нашего Чурилы Пленковича [1]). Вырѣзанный изъ утробы жены Дуная — сынъ ихъ имѣлъ по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, во лбу у него *солнце красное*, на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды [2]), а въ сказкахъ романскихъ народовъ и нѣмцевъ мы находимъ много дѣтей, рожденныхъ съ звѣздою на челѣ, что́ имѣетъ тѣсную связь съ миѳическими представленіями, по которымъ чело существа сверхъестественнаго, героя (какъ Сервія Туллія) или божества (какъ Аполлона), окружалось лучами свѣта, знаменующими ихъ высокую природу [3]). Русскіе богатыри съ теченіемъ времени постепенно теряли тотъ необыкновенный видъ, какой они имѣли въ началѣ; только нѣкоторые изъ нихъ — и то не вполнѣ — удержали черты сверхъестественнаго происхожденія и образа, остальные сблизились съ простыми смертными, приняли ихъ образы и отличаются отъ нихъ только своею силою да подвигами, безъ чего они пришли бы въ окончательное забвеніе у народа и утратили бы свою живую оригинальную физіономію.

Одна изъ необходимыхъ принадлежностей богатыря есть его *вѣщій конь*, съ которымъ онъ совѣтуется и ведетъ бесѣду. Язы-

---

1) Памятники великорусскаго нарѣчія. 1855, стр. 3.
2) Тамъ же, стр. 78.
3) Grimm's Deutsche Mythologie, I, стр. 364.

ческая миѳологія видѣла въ конѣ нѣчто священное и придавала ему сознаніе и участіе въ судьбахъ человѣка. Для богатыря конь — вѣрный товарищъ его подвиговъ, его лучшій другъ и хранитель. Въ затруднительныхъ случаяхъ жизни богатыря ему помогаетъ конь его, предостерегаетъ отъ бѣды, извѣщаетъ о случившемся. Такія черты во множествѣ встрѣчаются въ сказаніяхъ у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ: довольно вспомнить Ахиллова коня Ксанфа, Сигурдова коня — Грани, съ которымъ разговариваетъ Гудруна по смерти своего мужа, Шараца — коня сербскаго королевича Марка, и коней нашихъ богатырей — Добрыни Никитича, извѣщающаго, что его жена, не дождавшись назначеннаго срока, идетъ замужъ за Алешу Поповича, и добраго коня-бурочка Ивана Гостиннаго сына, выручившаго изъ бѣды своего хозяина [1]). Въ сказкахъ, представляющихъ во многихъ случаяхъ позднѣйшій видъ нашихъ богатырскихъ былинъ, мы встрѣчаемъ коня, постояннаго помощника сказочнаго героя.

Такимъ образомъ многія черты русскихъ богатырскихъ сказаній своею стариною восходятъ къ далекимъ временамъ доисторическаго сродства народовъ, и если бы русскій богатырскій эпосъ возникъ во времена позднѣйшія, подъ вліяніемъ новыхъ началъ, постепенно входившихъ въ русскую жизнь со времени князя Владимира, то такое поразительное соотвѣтствіе эпическихъ мотивовъ имѣло бы видъ пустой игры случая, а самъ эпосъ, рожденный помимо вѣковыхъ интересовъ народа, утратилъ бы все свое жизненное значеніе и явился бы праздникъ созданіемъ воображенія.

Мы провели параллель между нѣкоторыми старинными чертами нашихъ богатырей и героевъ другихъ индоевропейскихъ племенъ, и наша мысль о глубокой древности русскаго историческаго эпоса получила нѣкоторое оправданіе въ указанномъ со-

1) Кирша Даниловъ. Др. Рос. Стих., стр. 57—59; Русская Бесѣда, кн. IV, ст. г. Аксакова, стр. 21.

отвѣтствіи героическихъ типовъ; но этимъ еще не исчерпываются тѣ важныя причины, на основаніи которыхъ мы рѣшились дать нашимъ богатырямъ значеніе миѳологическое и ихъ явленіе отнести къ одному изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія народной жизни и сознанія въ эпоху до-историческую. Мы позволимъ себѣ войти еще въ нѣкоторыя частныя сближенія. Много сидитъ богатырей нашихъ въ терему у великаго князя Владимира. На богатырской скамьѣ сидитъ и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша Поповичъ, и Иванъ Гостинный сынъ, и Добрыня Никитичъ, и наконецъ Илья Муромецъ. Дворъ князя Владиміра всегда открытъ: на дворѣ его княженецкомъ врыты дубовые столбы, въ столбы ввернуты булатныя кольца. Пріѣзжаетъ богатырь, привязываетъ ретиваго коня къ булатному кольцу, потомъ идетъ въ свѣтлую гридню, кланяется князю со княгинею и на всѣ четыре стороны. Великій князь спрашиваетъ богатыря о родѣ и племени, велитъ поднести или самъ подноситъ турій рогъ меду сладкаго. Богатырь выпиваетъ, садится на богатырскую скамью и пируетъ. Среди пированія, въ тотъ часъ, какъ будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ въ полупирѣ, Владимиръ князь распотѣшится, ходитъ по своей гриднѣ, расчесываетъ черныя кудри и предлагаетъ подвиги богатырямъ. Одинъ изъ нихъ вызывается, выпиваетъ подносимую чашу, и тогда разгоралася его утроба богатырская и могучія плечи расходилися. Богатырь ѣдетъ въ дальній путь на трудный подвигъ и прославляетъ вновь свою богатырскую силу [1]). Таковъ общій очеркъ русской богатырской эпопеи. Сказочный князь Владиміръ-Красное Солнышко является средоточіемъ, центромъ всѣхъ богатырскихъ типовъ. Такой мотивъ, почти необъяснимый съ точки зрѣнія исторической, признающей родовую общину народною и политическою формой жизни русскихъ племенъ того вре-

1) Мы излагаемъ этотъ общій очеркъ русской эпопеи словами г. Аксакова (стр. 7—8) съ немногими измѣненіями и опущеніемъ того, что, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ характеру древнѣйшаго эпоса или вовсе не относится къ нему

мени, находитъ удовлетворительное разрѣшеніе въ сближеніи съ типами героевъ другихъ племенъ. Не говоря уже о Карлѣ Великомъ, христіанскомъ героѣ, государѣ цѣлаго цикла средневѣковыхъ сказаній, образовавшихся уже подъ видимымъ вліяніемъ историческихъ событій, мы укажемъ на другихъ. Какъ въ теремахъ у ласковаго князя Владимира бывало пированье, почетный пиръ, столованье, почетный столъ на многихъ князей, бояръ, могучихъ богатырей, такъ въ великолѣпныхъ палатахъ у датскаго короля Гродгара пировала дружина его ежедневно, при громкомъ и веселомъ шумѣ гостей, или же внимала пѣснямъ пѣвца, и только къ вечеру уходилъ король съ королевою, а витязи оставались и проводили ночь въ спокойномъ снѣ. Эти витязи повсюду сопутствовали королю, и онъ раздавалъ имъ сокровища, гривны и кольца, оружіе и коней [1]). Такъ же и валлійскій король Артуръ живетъ въ своемъ стольномъ городѣ Керлеонѣ на Ускѣ, вокругъ него собираются доблестные рыцари: они составляютъ его дворъ и блестящую свиту, участвуютъ въ его пиршествахъ и сидя за *круглымъ* столомъ, разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ и подвигахъ. Какъ средоточіе рыцарскаго общества, первый между ними, Артуръ, отличается высокими царственными и рыцарскими добродѣтелями. «Для своихъ рыцарей, говоритъ норманскій труверъ XII вѣка Васъ, Артуръ создалъ воинскій уставъ *круглаго стола*, о которомъ въ народѣ ходятъ многія сказанія. Всѣ пирующіе за нимъ были равны, какова бы ни была ихъ должность и званіе, всѣмъ одинаково прислуживали и подносили кушанья, и никто не могъ похвастать, что занимаетъ мѣсто познатнѣй своего сосѣда: между ними не было ни перваго, ни послѣдняго.... Всѣ, искавшіе славы, приходили ко двору Артура со всѣхъ сторонъ» [2]). Какъ доблестный

---

1) Pfeiffer, Germania, Vierteljahrschrift, 1856, кн. 4, ст. Бутервека о Беовульфѣ, и русское изложеніе этой поэмы, г. Буслаева, Русск. Вѣст., № 5-й, 1857.

2) Villemarqué, Contes populaires des anciens Bretons, I, стр. 13—14, 233—234.

рыцарь, Артуръ участвуетъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ и личными подвигами оправдываетъ любовь къ нему народа и богатырей. Къ сожалѣнію, такихъ свѣтлыхъ типовъ, каковы Гродгаръ и Артуръ, не сохранили русскія богатырскія сказанія, предоставленныя узкому развитію исключительной національности, отчужденной отъ общечеловѣческихъ интересовъ, и *личность* нашего сказочнаго Краснаго-Солнышка походитъ на типы героевъ другихъ народовъ лишь своими наклонностями къ пиршествамъ, за которыми скрылись всѣ другія его качества... Тѣмъ не менѣе, замѣчательна эта аналогія въ сказаніяхъ разныхъ племенъ и народовъ: она приводитъ къ мысли о существованіи этихъ образовъ въ эпоху до-историческую, когда, можетъ быть, индоевропейское племя не распадалось еще на отдѣльные народы... Имѣли ли эти царственные типы происхожденіе реальное, историческое, или были только отраженіемъ народнаго взгляда на міръ и гражданскія отношенія, взгляда религіозно-поэтическаго, фиктивнаго — вопросъ иной, отвѣчать на который еще не можетъ современная наука; по крайней мѣрѣ, отсюда мы можемъ извлечь тотъ положительный результатъ, что типъ сказочнаго Владимира долженъ быть возведенъ ко временамъ отдаленнымъ, и что если онъ является съ именемъ этого извѣстнаго князя, то это было дѣломъ случая и особыхъ историческихъ обстоятельствъ, можетъ быть, тѣхъ самыхъ, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ. Такъ или иначе, но только Владиміръ-Красное Солнышко нисколько не противорѣчитъ нашему мнѣнію о до-историческомъ происхожденіи русскихъ богатырскихъ сказаній и миѳологическомъ значеніи нашихъ богатырей. Типъ сказочнаго Владимира до того лишенъ всякихъ яркихъ индивидуальныхъ красокъ, что его можно отнести къ любому времени и народу, и русская природа въ немъ сказывается развѣ только тѣмъ, что онъ, распотѣшившись, «ѣстъ, пьетъ, прохлаждается и ничьихъ челобитныхъ не слушаетъ»; но это уже черты *историческія*...

Сущность героизма, сказали мы прежде, состоитъ въ борьбѣ и побѣдѣ. Герой, или богатырь, одаренъ громадною силою, и

онъ направляетъ ее противъ существъ сверхъестественныхъ, олицетворившихъ въ себѣ темныя, губительныя природныя силы. Народная фантазія потому то и придала своимъ героямъ высокія качества и поставила ихъ посредниками между небомъ и землею, чтобы они могли достойно низложить нечистую силу и разогнать тьму, одѣвавшую народное сознаніе. Для побѣды надъ сверхъестественнымъ необходимо существо сверхъестественное: обыкновенные смертные изнемогутъ въ борьбѣ неровной, падутъ подъ гнетомъ губительной космической силы, которую народная фантазія представляла себѣ не иначе, какъ въ образѣ злаго демоническаго существа.— Побѣда свѣта надъ тьмою, благодѣтельнаго, животворящаго добра надъ губительнымъ зломъ уже совершилась на языческомъ Олимпѣ: небожители изгнали оттуда темную силу, она укрылась въ мрачные лѣса, дикія ущелья горъ, болота, и продолжаетъ вредить мирнымъ жителямъ земли. На освобожденіе отъ нея народная фантазія вызываетъ богатыря, человѣка необыкновеннаго, природа котораго отмѣчена высшими чертами. Въ этомъ существѣ, выросшемъ среди насъ, воспитавшемся въ нашемъ обществѣ и нашихъ интересахъ, народная фантазія олицетворила свою собственную сущность или, лучше сказать, возвратила ей человѣческія права, до того подавляемыя и подчиненныя смутному поклоненію темнымъ явленіямъ природы, признала превосходство человѣка надъ неразумною природою. Такъ какъ народное сознаніе поражалось матеріальною, физическою стороною природныхъ явленій и приписывало вредъ ихъ вліянію физической силы злыхъ демоническихъ существъ, то понятно, почему богатыри являются апоѳеозою грубой физической силы: губительному насилію они противопоставляютъ такое же насиліе. Вообще въ кругъ понятій того времени, еще не распавшихся на отдѣльныя силы и направленія, не входило вліяніе нравственное: оно предполагаетъ значительное отвлеченіе и является въ народной жизни гораздо позже, какъ слѣдствіе новыхъ началъ; но въ ту пору человѣкъ и народъ жили цѣльною, непосредственною жизнью; вліяніе природы фи-

зической имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ на него и вліяніе нравственное; вотъ почему тотъ глубоко ошибся бы, кто въ нашихъ богатыряхъ видѣлъ бы одно воплощеніе грубой матеріальной силы и не обратилъ бы вниманія на глубокій психологическій и историческій фактъ, лежащій въ основаніи богатырскихъ типовъ.

Наши богатыри, изъ которыхъ трое: Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ, наиболѣе сохранили черты древности, борются, одерживаютъ побѣду надъ злыми демоническими существами, каковы: Змѣй Горынчище, Тугаринъ Змѣевичъ, баба Горынинка и др., прямо вводящими насъ въ эпоху языческую. Въ дѣтствѣ Добрыня ходилъ купаться на Израй-рѣку; тамъ унесъ его Змѣй Горынчище и хотѣлъ его огнемъ спалить и хоботомъ ушибить; но Добрыня убилъ Змѣя, зашелъ въ его пещеры бѣлокаменныя, нашелъ много злата, серебра, а его малыхъ дѣтушекъ всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ и освободилъ свою любимую тетушку Марью Дивовну. Такой мотивъ, основанный на древнѣйшемъ миѳическомъ значеніи, какъ самого богатыря, такъ и *Змѣя* Горынчища, встрѣчается во многихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ: англо-саксонская поэма IX вѣка о Беовульфѣ представляетъ намъ этого героя сначала въ борьбѣ съ чудовищемъ Гренделемъ и его матерью, обитающею въ морскихъ палатахъ, а потомъ и съ огненнымъ Змѣемъ-Горыничемъ (beorges weard, стражъ горы), стерегущимъ золотое сокровище, которое схоронилъ тамъ послѣдній изъ королевскаго рода Скильдовъ. Сходство англо-саксонскаго Беовульфа съ нашимъ миѳическимъ Добрынею простирается даже на нѣкоторыя частныя черты, указывающія въ сказаніи о Добрыни ясные слѣды *того же самаго преданія*, о которомъ повѣствуетъ англо-саксонская поэма. Такъ и Беовульфъ и Добрыня — отличные пловцы, одинъ совершаетъ свой подвигъ на морѣ, другой на Израй-рѣкѣ, оба вступаютъ въ борьбу съ чародѣйкою, съ соумышленницею нечистой силы и пріятельницею самого Змѣя, какою является мать Гренделя и наша Марин

Игнатьевна[1]). Освобожденіе женщины изъ рукъ нечистой силы или какого либо чудовища тоже принадлежитъ къ числу старинныхъ мотивовъ, которыми пользуются сказанія о герояхъ и богатыряхъ. Добрыня Никитичъ освобождаетъ свою тетушку Марью Дивовну[2]) изъ пещеры Змѣя Горынчища; а въ нѣмецкихъ сказаніяхъ Дитрихъ такимъ же образомъ освобождаетъ изъ рукъ карлика Гольдемара королевскую дочь Гертлину и женится на ней[3]). Впослѣдствіи этотъ мотивъ получилъ обширное распространеніе въ сказкахъ и хотя много потерпѣлъ отъ той свободы, съ какою обращались разсказчики съ матеріаломъ, но видимо сохранилъ на себѣ слѣды своего первичнаго эпическаго типа[4]). Отголосокъ его мы позволимъ себѣ видѣть также въ одной пѣснѣ про Алешу Поповича и сестру его, гдѣ первый, извѣщенный чернымъ ворономъ, освобождаетъ сестру свою отъ двухъ татаръ, которые, полонивъ ее, хотѣли увезти къ себѣ въ Орду и отдать за татарина: за дороднаго, за хорошаго — въ косу сажень[5]). Въ другихъ пѣсняхъ, гдѣ сохранилась память о Добрынѣ, онъ является съ тѣмъ же характеромъ героя миѳическихъ временъ, но съ замѣтнымъ оттѣнкомъ историческихъ и этнографическихъ условій: такъ въ состязаніяхъ съ татарами царя Батыя онъ стрѣляетъ въ чистое поле по дубу и стрѣла расшибла дубъ, залетѣла въ пещеру *бѣлокаменную*, *убила змѣя троеглаваго;* другая пѣсня, записанная въ сборникѣ Кирши Данилова, говоритъ о томъ, какъ Добрыня, по просьбѣ Владимира князя, съѣздилъ въ дальны Орды немирныя и очистилъ дорогу

---

1) Pfeiffer, Germania, 1856, кн. IV, статья Бутервека о Беовульфѣ. См. также Русск. Вѣст., № 5, ст. г. Буслаева о Древ. Россійск. стихотвор., стр. 61 и слѣд., 348—351.

2) Самое имя: *Дивовна* указываетъ на существо миѳологическое, см. г. Буслаева: Эпическая поэзія, ст. 1, стр. 20—2, Отечествен. Зап. 1851 г., № 7-й.

3) W. Grimm., Deutsche Heldensage, стр. 338.

4) См. Русскія народныя сказки, изд. Аѳанасьева, т. I, №№ 5, 14; т. II, №№ 21, 22, 24 и друг.

5) Памятники великороссійскаго нарѣчія. 1855, стр. 79—82. Сличи у Кирши Данилова пѣсню о Михайлѣ Казариновѣ, стр. 203—214.

прямоѣзжую до его тестя любимаго, грозна короля Эммануила Эммануиловича: *вырубилъ чудь бѣлоглазую, прекротилъ Сорочину долгополую, Черкесъ, Калмыковъ, Татаръ, Чюкчей всѣхъ и Алюторъ*... Слѣдовательно, здѣсь грозная сила богатыря была направлена уже не противъ чудовищъ, змѣй и проч., а противъ народцевъ, сосѣдившихъ съ русскими племенами; но стоитъ только перенестись въ понятія эпохи, чтобы въ Чуди, Калмыкахъ, Татарахъ и другихъ скромныхъ иноплеменныхъ народцахъ увидѣть ту же нечистую силу, какая олицетворяется и въ змѣяхъ, бабахъ-горынинкахъ и т. д. Самыя названія вражескихъ народовъ остались въ языкѣ нарицательнымъ именемъ великана: такъ Щудь (Чудь), Обръ (Польск. olbrzym, Лужицкое hobor), Сполинъ, или Исполинъ, Волотъ, или Велетъ — первоначально названія народовъ, потомъ получили общее значеніе великановъ[1]). Тотъ же самый процессъ народнаго мышленія заставилъ русскій народъ смотрѣть на враждебныя племена, которыя окружали его, какъ на фантастическія злыя существа, очищать отъ которыхъ русскую землю есть прямая обязанность богатыря, существа свѣтлаго, связаннаго тѣсными узами съ интересами своего племени. Вмѣсто чудовищныхъ исполиновъ, историческое происхожденіе которыхъ уже изгладилось изъ народной памяти, здѣсь мы встрѣчаемъ Татаръ, Чукчей, Козаръ и др. народцевъ, возведенныхъ народною фантазіею до сверхъестественныхъ, громадныхъ размѣровъ. Такъ Калинъ царь прислалъ къ князю Владимиру «Татарина выше всѣхъ, а мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень, голова на Татаринѣ съ пивной котелъ, который котелъ сорока ведеръ; промежъ плечами косая сажень».

Главный подвигъ Алеши состоитъ въ убійствѣ Тугарина Змѣевича, существа миѳическаго, состоящаго въ родствѣ съ Змѣемъ. Это его единственный подвигъ и, можно сказать, един-

1) Ст. г. Аксакова, Рус. Бесѣда, т. IV, стр. 17—18; Grimm's Mythologie, стр. 700 и слѣд. См. также г. Буслаева, Эпическ. поэзія, ст. I, стр. 24—5, Отеч. Зап. 1851 г., № 7.

ственная древняя черта во всемъ характерѣ этого героя; даже богатырская сила въ немъ уступаетъ мѣсто хитрости, посредствомъ которой онъ и одерживаетъ побѣду надъ Тугариномъ. Въ Ильѣ Муромцѣ старинное преданіе сохранилось свѣжѣе и чище: мы уже говорили о его юности, какъ онъ сидѣлъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ, не владѣя ни руками, ни ногами, и разомъ всталъ на богатырскіе подвиги. Онъ совершаетъ ихъ нѣсколько: избиваетъ силу невѣрную татарскаго царя Калина и силу Литовскую, облегавшую городъ Кидошъ; беретъ въ плѣнъ Соловья-Разбойника и потомъ убиваетъ его, побѣждаетъ сильнаго богатыря Казарина, одна ископыть (подкова) коня котораго была величиною съ полпечи и т. д.

Съ такимъ характеромъ являются и герои другихъ индоевропейскихъ племенъ. Какъ Сигфридъ, такъ и Дитрихъ, сражаются съ змѣями, драконами, и убиваютъ ихъ. По народнымъ понятіямъ, вся земля была нѣкогда населена звѣрями и змѣями: проѣзжій витязь, пробираясь по дремучимъ лѣсамъ и толкучимъ горамъ, наѣзжалъ на стада звѣриныя и змѣиныя, на сѣрыхъ волковъ на рыскучихъ и на змѣй огненныхъ. Много физическихъ, естественныхъ бѣдствій приписано было народнымъ воображеніемъ этимъ нечистымъ существамъ: они насылали морозъ, засуху, болѣзни и всячески вредили человѣку. Преданіе о змѣяхъ, какъ хранителяхъ сокровищъ, существахъ злобныхъ, встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ народной поэзіи: пѣсни древней Эдды разсказываютъ намъ, какъ Сигурдъ убилъ змѣя Фафнира и овладѣлъ сокровищемъ, которое стерегъ онъ [1]). Нѣмецкіе драконы и норвежскіе *тролли* владѣютъ богатыми замками и сокровищами, похищаютъ женщинъ и пожираютъ людей. У Славянъ лютые миѳическіе змѣи живутъ въ горахъ: какъ чешскій богатырь Трутъ въ «Судѣ Любуши» убилъ лютаго змѣя въ горахъ Кръконоши, такъ и Добрыня Никитичъ убилъ змѣя

1) Grimm's Lieder d. alten Edda, стр. 77 и слѣд.

Горынчища и бабу *Горынинку*, миѳическую хранительницу сокровища [1]).

Олицетворяя въ богатыряхъ доброе человѣческое начало, очищающее землю отъ всего злого, фантазія русскаго народа олицетворила въ нихъ и свою человѣческую личность, приблизила ихъ къ себѣ, дала имъ опредѣленную физіономію, тогда какъ злыя существа, какъ Тугаринъ Змѣевичъ, остаются на степени безразличнаго, чудовищнаго. Съ какою любовью народныя сказанія останавливаются на каждой чертѣ жизни и физіономіи богатыря, и какъ кратко, неопредѣленно говорятъ они о Тугаринѣ Змѣевичѣ и Соловьѣ Разбойникѣ, этомъ миѳическомъ существѣ, гнѣздо котораго раскинулось на девяти дубахъ! Видно, что ихъ образы были такъ же смутны, какъ было смутно и самое сознаніе народа, пока не явились могучіе, сильные богатыри.

Остановимся еще на одномъ явленіи русскаго богатырскаго міра, явленіи, безъ котораго картина этого міра была бы неполна и односторонняя. Что бы ни говорили о древней русской женщинѣ, какихъ бы усилій ни употребляли, чтобы возвысить и облагородить въ глазахъ читателя этотъ типъ, которому дѣйствительная современная жизнь не давала простора, такія личности, какъ жена Ставра и Настасья Королевишна, представляютъ плохое и ненадежное основаніе.

Ни по условіямъ бытовымъ и гражданскимъ, созданнымъ подъ вліяніемъ родовыхъ отношеній, ни по общему закону историческаго развитія невозможно такое ниспаденіе древней русской женщины отъ полной свободы и самостоятельности, какое хотятъ видѣть въ героическихъ типахъ русскихъ амазонокъ, къ подчиненности и рабскому повиновенію, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ современные писатели русскіе и иностранные.

---

1) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 365.

Положимъ, что вслѣдствіе татарскаго ига, вліянія юга, усложненія самыхъ интересовъ и гражданскихъ отношеній, положеніе женщины измѣнилось и она, избѣгая насилій, заперлась въ теремѣ, *добровольно* отреклась отъ общества мужчинъ и *сумѣла* подавить въ себѣ всѣ лучшія человѣческія чувства и сердечныя движенія; но что служитъ намъ порукою въ томъ, что эти суровыя отношенія были когда-то легки и свободны, на основаніи какихъ свидѣтельствъ *утвердимъ мы за русскою женщиною независимость и равныя права съ мужчиною?*[1]) Существованіе въ народной поэзіи такихъ типовъ, какъ Настасья Королевишна, жена Ставра боярина, Василиса Микулишна, еще ничего не доказываетъ въ пользу гаданія о независимой самостоятельности древней русской женщины. Какъ богатырь есть созданіе народной миѳологіи и не походитъ на обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и жены-воительницы принадлежатъ къ созданію народнаго воображенія: онѣ служатъ мотивомъ, дополняющимъ картину русскаго богатырскаго міра, и доказываютъ только, что освобожденіе человѣческой сущности изъ-подъ темнаго космическаго обаянія совершилось въ народномъ сознаніи полно и цѣлостно, обнимало и мужчину и женщину; но это только фиктивная сторона народной жизни, это его *сознаніе*, *историческая возможность*, а не *историческая дѣйствительность*. Поэтому напрасно, кажется намъ, нѣкоторые изслѣдователи [2]) въ такихъ явленіяхъ, каковы образъ жены Ставра и Настасьи Королевишны, видятъ строгій историческій фактъ самостоятельности и воинственности древнихъ славянскихъ женщинъ: этого не допускаетъ и дѣйствительность, въ которой, особенно во времена языческія, женщина пользовалась почетомъ, но никогда не была *равна* въ своихъ правахъ мужчинѣ, и самый характеръ исторической поэзіи, которая въ употребленіи своихъ средствъ стоитъ выше обыденной дѣйствительности и относится свободно къ историческому матеріалу,

1) Рус. Бесѣда, № 4-й, ст. г. Аксакова о богатыряхъ, стр. 9.

2) Тамъ же и Шульгинъ: О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. 1850 г., стр. 67 и слѣд.

придавая ему гигантскіе, фантастическіе размѣры, необходимые для полнаго осуществленія своихъ замысловъ. Поэтому-то богатырскіе женскіе образы мы встрѣчаемъ вмѣстѣ съ мужскими въ сказаніяхъ почти всѣхъ родственныхъ народовъ, какъ въ пѣсняхъ древней Эдды, въ поэмѣ о Нибелунгахъ и др. Сходство многихъ частныхъ мотивовъ въ русскихъ женскихъ богатырскихъ типахъ съ нѣмецкими и скандинавскими ясно указываетъ намъ эпоху, въ которую создались они: Брунгильда, по сказанію о Нибелунгахъ, положила зарокъ не выходить замужъ ни за кого, развѣ за того, кто побѣдитъ ее и превзойдетъ въ искусствѣ лукать копьемъ, бросать огромнымъ камнемъ и проч.; тогда она, съ лишеніемъ дѣвства, потеряетъ уже и свою сверхъестественную силу. Король Гунтеръ не могъ противостоять ея громадной силѣ и своею побѣдою былъ обязанъ Сигфриду и его плащу-невидимкѣ (Tarnkappe). То же самое видимъ мы и въ нашихъ богатырскихъ сказаніяхъ. Пѣсня о женитьбѣ князя Владимира передаетъ намъ, какъ богатырь Дунай добываетъ ему невѣсту, Афросинью Королевишну, дочь грознаго короля Этмануила Этмануиловича, заключенную въ высокомъ терему за тридесять замками булатными, а себѣ жену, другую дочь короля Этмануила, Настасью Королевишну, которая съ тѣмъ и отпросилась у батюшки, что кто *побьетъ* ее, за того ей дѣвицѣ и *замужъ* итти. Послѣдняя видимымъ образомъ напоминаетъ сѣверную Брунгильду, какою мы видимъ ее въ пѣсняхъ древней Эдды и въ поэмѣ о Нибелунгахъ; напротивъ, первый типъ женщины, Афросинья Королевишна, напоминаетъ тѣхъ очарованныхъ валькирій и царевенъ, которыхъ освобождаютъ изъ заключенія герои и богатыри.

Таково, по нашему мнѣнію, значеніе и смыслъ древнѣйшаго періода сказаній о русскихъ богатыряхъ: здѣсь матеріалъ ихъ окончательно сложился. Но кромѣ этого, древнѣйшаго, такъ сказать, миѳическаго періода русскихъ богатырскихъ сказаній, въ нихъ можно отличить другой, историческій. Мы упоминали уже о томъ, какъ образы древнѣйшихъ миѳическихъ чудовищъ были

перенесены народною фантазіею на историческихъ татаръ и на другихъ враждебныхъ иноплеменныхъ народцевъ. Содержаніе народнаго эпоса далеко еще не истощилось, когда на его первичный языческій матеріалъ подѣйствовали историческія событія и произвели ту странную смѣсь разнородныхъ элементовъ, которая въ такомъ обиліи встрѣчается въ произведеніяхъ древней русской словесности, не только свѣтскихъ, но и духовныхъ.... Такъ, напримѣръ, извѣстные *духовные* стихи, напечатанные Кирѣевскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, явнымъ образомъ смѣшиваютъ древнѣйшія, чисто миѳологическія представленія съ христіанскими понятіями, а иногда на языческой основѣ развиваютъ цѣлое христіанское событіе или происшествіе[1]).

Живой источникъ богатырскихъ сказаній мало по малу истощался: первый ударъ ему нанесли христіанскія идеи, исподоволь входившія въ жизнь стариннаго русскаго человѣка. Утративъ свое жизненное значеніе, языческіе богатырскіе типы вмѣстѣ съ тѣмъ утратили и ту обаятельную силу, которою они привязывали къ себѣ младенческую душу язычника, заставляя его вѣрить въ дѣйствительность повѣствуемаго богатырскаго подвига; они низошли на степень стародавняго преданія, сохраняемаго въ народной памяти какъ обломокъ стройнаго цѣлаго. Собственно миѳическая, живая сторона богатырскихъ образовъ уже не могла развиваться на прежнемъ основаніи: для нея недоставало ни пищи, ни внутренней силы. Правда, богатырскіе типы измѣнялись вмѣстѣ со временемъ и историческими обстоятельствами, но измѣненія эти были не органическія и скорѣе скрадывали старинные грандіозные образы, нежели выясняли ихъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ сверхъестественныхъ героевъ-полубоговъ являются простые люди, въ природѣ которыхъ почти не замѣтно того высшаго блеска, какимъ отмѣчены старинные

---

1) Чтенія и пр., кн. 9, 1847 г., стр. 146—47, 152—154. Кирша Даниловъ, стр. 349; сравни Grimm's Deutsche Sagen, №№ 419 и 401.

герои-богатыри; историческія событія и дѣйствительныя происшествія пріурочиваются къ извѣстнымъ миѳологическимъ представленіямъ, или вставляются въ широкую раму какого-нибудь эпическаго мотива; жены-воительницы уступаютъ мѣсто исторической женщинѣ извѣстной эпохи. Народное творчество постепенно слабѣетъ и можетъ возродиться только подъ условіемъ литературной обработки, какую сообщаетъ народному эпическому матеріалу искусная рука образованнаго поэта-писателя.

Удаленіе отъ живого источника преданія и первоначальнаго смысла богатырскихъ сказаній даетъ полную волю народной фантазіи; сказочныя начала окончательно перестраиваютъ богатырскіе типы и часто сообщаютъ имъ такіе формы и размѣры, которые не имѣютъ ничего общаго съ ихъ первоначальнымъ значеніемъ. Такимъ образомъ, историческія обстоятельства съ одной стороны, вліяніе *сказочнаго*, фантастическаго начала съ другой— вотъ тѣ пути, по которымъ проходитъ богатырское сказаніе во время *историческаго* періода своего существованія. Ясно, что этотъ періодъ мы не можемъ назвать дальнѣйшимъ органическимъ продолженіемъ жизни богатырскаго сказанія: твердо сложившееся еще въ миѳическую эпоху, оно могло только *измѣняться*, но не *развиваться*, могло пройти сквозь цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ вліяній историческихъ и литературныхъ, могло утратить всѣ признаки своего стариннаго миѳическаго происхожденія; но никогда не имѣло силы вызвать изъ души давно угасшія вѣрованія въ богатырей и наивныя чаянія блага отъ ихъ побѣды..... Поэтому тотъ видъ богатырскихъ сказаній, въ которомъ они сохранились до нашего времени, далеко не первоначальный: по мѣрѣ накопленія новаго матеріала постепенно стирались старинныя черты, древнее мѣшалось съ новымъ, миѳическое съ историческимъ, все это принимало *сказочныя*, фантастическія формы — и вотъ объясненіе всѣхъ анахронизмовъ нашихъ богатырскихъ пѣсенъ; вотъ, по нашему мнѣнію, обстоятельства, которыя долженъ принять во вниманіе изслѣдователь.

Объясненіе богатырей, какъ существъ миѳологическихъ,

олицетворяющихъ въ себѣ освобожденіе народнаго сознанія изъ-подъ гнетущей власти грубыхъ природныхъ силъ, не исключаетъ, однако, возможности другого объясненія, историческаго. Мы попытаемся стать на эту точку зрѣнія, и для этого обратимся къ статьѣ г. Аксакова о богатыряхъ[1]) и подвергнемъ критикѣ тѣ немногіе выводы и соображенія, какіе встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ ея. «Первое и главное, говоритъ г. Аксаковъ, что́ «выдается изъ міра Владиміровыхъ пѣсенъ, это христіанская «вѣра; она постоянно и всюду основа жизни... всѣ богатыри — «православные (вѣроятно и Волхъ Всеславьевичъ тоже?), и по«стоянно повторяется богатырское присловье, когда пріѣзжаетъ «православный витязь къ неправославному государю:

Нѣтъ у тя Спасова образа,
Некому у тя помолитися, —
А и не за что тебѣ поклонитися.

«Вмѣстѣ, и согласно съ началомъ христіанской вѣры, вы«дается начало семейное, основа всего добраго на землѣ. Бога«тыри почтительны къ отцу и матери. Такъ Добрыня, отправ«ляясь на трудный подвигъ, проситъ благословленія у матери; «такъ заступается за мать Горденъ, такъ съ родительскимъ бла«гословеніемъ ѣдетъ на подвиги Илья Муромецъ. Но особенно «ярко проявляется то же начало въ *позднѣйшей* пѣсни Новгород«ской объ удаломъ Васильѣ Буслаевѣ: Василій съ своею дру«жиною перебилъ почти весь Новгородъ въ заранѣе условленной «съ нимъ схваткѣ; тогда мужики (мужи?) Новгородскіе идутъ къ «его матери просить защиты; она посылаетъ за сыномъ дѣвушку «чернавушку; та идетъ, схватываетъ Василья за руки и тащитъ «къ матери, которая сажаетъ его за замки и затворы. Какъ бы «ни *старались* въ словѣ «тащить» найти другой смыслъ, отноше«нія сыновнія Василья къ матери очевидны.

---

1) Въ кн. 4-й Русской Бесѣды за прошлый годъ.

«И такъ, сила богатырская является у насъ, осѣненная чув-«ствомъ православія и чувствомъ семьи, безъ чего не можетъ «быть истинной силы» (стр. 9—10).

Вотъ два главнѣйшіе историческіе результата, выведенные г. Аксаковымъ изъ подробнаго разсмотрѣнія жизни и подвиговъ нашихъ старинныхъ богатырей. Если мы примемъ этотъ способъ объясненія богатырей, какъ личностей, дѣйствительные подвиги которыхъ сохранились въ народной памяти, то должны будемъ отвести имъ опредѣленное время и указать на эпоху сложенія сказаній о нихъ. И то, и другое г. Аксаковъ относитъ ко времени князя Владимира и характеризуетъ эту эпоху двумя главными началами: чувствомъ православной христіанской вѣры и чувствомъ семьи. Перенесемся на его точку зрѣнія и провѣримъ фактами эти два положенія. Относительно перваго прежде всего представляется слѣдующая мысль: если нашъ богатырскій міръ уже въ первое время своей жизни развивался на христіанской основѣ, если языческіе мотивы являются только какъ неорганическая посторонняя примѣсь, то отчего во все время своей жизни въ устахъ народа русскаго, уже подъ видимымъ вліяніемъ христіанскихъ идей, богатырскія сказанія не утратили своего языческаго колорита, отчего эта посторонняя примѣсь не исчезла, какъ нѣчто несущественное, и до сихъ поръ не уступила своего мѣста тѣмъ новымъ началамъ, которыя г. Аксаковъ ставитъ во главу и основу нашего богатырскаго міра? Если бы сказаніе было создано на новой основѣ, оно бы прежде всего постаралось развить ее и мало по малу отказалось бы отъ языческой старины, занесенной какъ-то случайно и не имѣвшей питательнаго корня въ народныхъ понятіяхъ... Но вмѣсто этого, что встрѣчаемъ мы въ нашихъ богатырскихъ сказаніяхъ? По мѣрѣ того, какъ въ народную жизнь проникали новыя начала, останавливалось и развитіе богатырскихъ пѣсенъ, онѣ нисходили на степень стародавняго преданія и принимали въ себя только то изъ новаго, что гармонировало съ старинными эпическими представленіями; стоитъ только сравнить нѣкоторые изъ историче-

скихъ духовныхъ стиховъ (какъ напр. о Ѳедорѣ Тиронѣ, о Егоріи Храбромъ и др.) съ ихъ книжнымъ источникомъ, чтобы увидѣть, какъ народная фантазія пріурочивала книжный разсказъ къ эпическимъ стариннымъ мотивамъ и, въ случаѣ надобности, передѣлывала его по своему, не подчиняясь новому, а напротивъ подчиняя его себѣ и пользуясь имъ точно такъ же, какъ встарину миѳическими представленіями, уже начинавшими тогда приходить въ забвеніе. Слѣдовательно была другая, болѣе древняя, жизненная основа нашихъ богатырскихъ сказаній, чѣмъ та, о которой говоритъ г. Аксаковъ, ея-то жизнью и жило наше богатырское сказаніе; все другое привзошло уже впослѣдствіи, какъ необходимый отпечатокъ времени и историческихъ условій. Эта основа такъ ярко свѣтитъ во всѣхъ, даже позднѣйшихъ нашихъ историческихъ пѣсняхъ, что нужно *особое* воззрѣніе, чтобы не замѣтить ея и дать ей мѣсто случайной неорганической прибавки. Намъ кажется, что г. Аксаковъ недостаточно вникъ въ древнѣйшую сущность русскаго богатырскаго эпоса и не взвѣсилъ относительной важности его составныхъ элементовъ; въ противномъ случаѣ онъ не оставилъ бы безъ вниманія его главнаго значенія и не выдвинулъ бы на первый планъ несущественнаго. Ошибка г. Аксакова произошла изъ той точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на русскій богатырскій міръ; она была слѣдствіемъ того метода, которому слѣдовалъ авторъ, метода, неприложимаго и несостоятельнаго въ отношеніи къ эпическимъ народнымъ сказаніямъ. Сказаніе не лѣтопись, и богатырскіе типы не дѣйствительныя историческія лица.

Описывая качества сказочнаго Краснаго-Солнышка, князя Владимира, г. Аксаковъ какъ-то оставляетъ въ тѣни его супругу, княгиню Апраксѣевну, и видимо воздерживается отъ изложенія любопытныхъ подробностей въ ея отношеніяхъ къ миѳическому Тугарину и къ атаману сорока каликъ; такое, можетъ быть, невольное опущеніе повело его къ неправильному заключенію о значеніи семейнаго начала въ русскомъ богатырскомъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вглядѣться въ образъ ска-

зочной супруги князя Владимира, чтобы увидѣть въ ней вопіющую антиномію крѣпости и святости семейныхъ отношеній, о которыхъ съ такою увѣренностію говоритъ г. Аксаковъ. И какимъ образомъ оправдаетъ онъ другіе, подобные же факты, содержаніе которыхъ онъ передаетъ съ такою опредѣленностію и отчетливостію? Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе яркіе. Отправляясь на подвигъ, Добрыня даетъ заповѣдь женѣ своей Настасьѣ: ждать его шесть лѣтъ, не дождется — двѣнадцать лѣтъ, а потомъ итти хоть за князя, хоть за боярина; не ходить только за брата названнаго, за молодого Алешу Поповича. Настасья не дождалась назначеннаго срока и пошла замужъ за Алешу Поповича, за бабьяго пересмѣшничка, за судейскаго перелестничка. Добрыня возвращается на свадебный пиръ, беретъ назадъ свою жену, приговаривая своему брату названному: «Здравствуй *женимшись*, да не съ кѣмъ спать»[1]). Однажды на пиру Владимиръ князь посылаетъ Чурилу Пленковича звать къ себѣ въ гости князей и бояръ; Чурила всѣхъ обошелъ, всѣхъ позвалъ, зашелъ къ Бермятѣ Васильевичу, къ его молодой женѣ, къ Катеринѣ прекрасной, и *позамѣшкался* тамъ. Владимиръ князь ждетъ его, что долго замѣшкался; наконецъ, спустя немного, пришелъ Чурила Пленковичъ — и началось пированье: пили, ѣли, прохлаждалися на веселомъ пиру, и наконецъ разъѣхались по домамъ. Князья и бояре поутру пошли къ заутренѣ; въ то утро выпала пороша снѣгу, и нашли они свѣжій слѣдъ; удивляются князья и бояре: или заяцъ скакалъ, или бѣлъ горностай. А другіе усмѣхаются и говорятъ: это не заяцъ скакалъ и не бѣлъ горностай — это шелъ Чурила Пленковичъ къ старому Бермятѣ Васильевичу, къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрас-

---

1) Замѣчательно, что это сказаніе о свадьбѣ жены съ другимъ во время отсутствія законнаго мужа и о томъ, какъ онъ успѣваетъ предупредить самый бракъ — встрѣчается у всѣхъ Индо-Европейскихъ племенъ и въ поразительно сходныхъ чертахъ. Особенное распространеніе оно нашло у нѣмцевъ. См. Grimm's Deutsche Sagen, № 439, 520; срав. Вука Караджича Српске народне піесме, т. 3, стр. 170—2.

ной. Въ другой редакціи той же пѣсни про Чурилу Пленковича [1]) еще подробнѣе разсказываются отношенія этого богатыря къ женѣ Пермитьева (Бермяты) и тѣ уловки, на какія поднималась она, чтобы обмануть своего мужа. Этого, думаемъ, достаточно, чтобы видѣть, что второе положеніе г. Аксакова, не менѣе перваго, стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, имъ же самимъ приводимыми. Возраженіе, что факты, приводимые нами — исключенія, незначительныя отступленія отъ цѣлаго, проникнутаго семейными началами — едва ли можетъ имѣть мѣсто; ибо тогда представляется обратный вопросъ: не были ли частностями и тѣ факты, на которыхъ опираетъ свое положеніе г. Аксаковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ очень не много? Во всякомъ случаѣ, строить цѣлое мнѣніе о важности семейнаго начала, *основы всего добраго на земли*, на однихъ сыновнихъ отношеніяхъ богатыря къ матери — не слишкомъ ли смѣлое и опасное предпріятіе? Не значитъ ли это то же, что́ говорить о высокомъ нравственномъ и общественномъ значеніи древней русской женщины, основываясь на одномъ почетѣ и уваженіи, какимъ, безспорно, пользовались древнія *Новгородскія вдовы* [2]). Вѣдь и у народовъ Востока, на самой низкой ступени человѣческаго развитія, у кочевниковъ-монголовъ встрѣчаемъ мы такія же сыновнія отношенія; а между тѣмъ кто скажетъ, что тамъ умѣютъ уважать нравственное достоинство женщинъ? Кровная связь не есть еще семейство, основанное на христіанскихъ началахъ; въ ней нѣтъ еще того, что́ составляетъ душу послѣдняго [3]). Вотъ почему мы думаемъ, что второе положеніе г. Аксакова не только находится въ противорѣчіи съ фактами, но даже и съ первымъ положеніемъ, о несостоятельности котораго мы уже говорили выше.

---

1) Памятники Великорусскаго нарѣчія. Спб. 1855, стр. 108—111.

2) Молва, № 2, стр. 18—19.

3) Во многихъ случаяхъ въ нашемъ богатырскомъ мірѣ совершаются языческіе обряды брака вокругъ куста ракитова; а вслѣдъ затѣмъ настоящій христіанскій бракъ. Вотъ лучшее доказательство *двоевѣрія*. См. ст. Аксакова, стр. 30—35.

Такимъ образомъ, ложный взглядъ на весь богатырскій періодъ русской исторіи невольно вовлекъ изслѣдователя въ нѣкоторыя противорѣчія и неправильные выводы: на пути ему представлялось множество вопросовъ, которыхъ онъ, какъ историкъ, не могъ обойти и не предложить на нихъ посильнаго отвѣта; отсюда напрасные хлопоты оправдать казнь Добрыни надъ Мариною; отсюда цѣлая теорія отношеній Ильи Муромца къ королевичу Збуту и его матери; отсюда, наконецъ, желаніе выставить свѣтлое значеніе семьи и женщины въ древней русской жизни, вступленіе въ которую открываетъ русскій народный пѣвецъ слѣдующею прелюдіей:

«Благословите, братья, старину сказать,
«Какъ бы старину стародавную.
«Какъ бы въ стары годы, прежніе,
«Во тѣ времена первоначальныя,
«А и сынъ на матери снопы возилъ,
«Молода жена въ припряжи была;
«Его матушка обленчива,
«Молода жена разрывчива.
«Молоду жену свою поддерживалъ,
«Онъ матушку свою подстегивалъ
«Своимъ кнутикомъ воронанныимъ,
«Изорвался кнутикъ — онъ березиной [1]).

1) Кирша Даниловъ, стр. 517.

Новыя изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности.

1857.

Недавно появились въ свѣтъ первые три тома «Исторіи Русской Церкви» преосвященнаго Макарія, обнимающіе періодъ времени отъ введенія христіанства въ Россіи до 1240 года.

Высокій интересъ предмета, до сихъ поръ мало обработаннаго, безпристрастный взглядъ человѣка просвѣщеннаго и отчетливое знакомство съ рукописными источниками — даютъ новому сочиненію пр. Макарія значеніе первокласснаго историческаго труда, а обиліе занимательныхъ подробностей, новыхъ мыслей и открытій въ области древне-русской письменности — дѣлаютъ эту книгу необходимою для каждаго интересующагося протекшими судьбами нашего отечества.

Не ограничиваясь предѣлами церковной, іерархической исторіи, авторъ сумѣлъ коснуться самыхъ жизненныхъ вопросовъ современной исторической науки и предложилъ болѣе или менѣе удовлетворительное ихъ разрѣшеніе. Какъ вторая или третья попытка, въ этомъ родѣ, нарисовать полную картину христіанской жизни нашего отечества, «Исторія Русской Церкви» пр. Макарія не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, извиняемыхъ отчасти временемъ и настоящимъ состояніемъ русской исторической науки, гдѣ вопросъ о византійскомъ вліяніи до сихъ поръ не находитъ ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, но будущій историкъ и всякій занимающійся русскою стариной не разъ съ благодарностію помянетъ достойный трудъ пр. Макарія, пролившій такъ много свѣта на этомъ тернистомъ пути, а современная наука не можетъ не встрѣтить его съ чувствомъ полной, глубокой признательности. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинство и значеніе «Исторіи Русской Церкви» будутъ оцѣнены въ непродолжительномъ времени знатоками отечественной исторіи;

а потому, оставляя въ сторонѣ всякія преждевременныя сужденія, мы позволимъ себѣ, въ настоящемъ случаѣ, сказать нѣсколько словъ о трудахъ того же автора, касающихся исторіи нашей древней словесности. Бо́льшая часть изъ нихъ была помѣщена на страницахъ «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности» и отсюда цѣликомъ внесена въ новое сочиненіе со многими важными выписками изъ древнѣйшихъ рукописей и библіографическими указаніями на источники.

Изслѣдованія пр. Макарія относятся преимущественно къ поучительному отдѣлу нашей древней литературы, къ проповѣдникамъ и пастырямъ церкви, каковы: преподобный Ѳеодосій Печерскій, Кириллъ Туровскій и др. Авторъ очень подробно излагаетъ содержаніе ихъ поученій и молитвъ, и предлагаетъ собственныя замѣчанія о ихъ литературномъ характерѣ и достоинствѣ, объ отношеніи ихъ къ современному обществу и той средѣ, для которой предназначались они, — однимъ словомъ, въ его очеркахъ мы имѣемъ полное обозрѣніе сочиненій нашихъ духовныхъ писателей съ точки зрѣнія церковнаго историка. Въ этой необходимой односторонности, условленной характеромъ цѣлаго сочиненія, находится, по нашему мнѣнію, главное достоинство литературныхъ обозрѣній пр. Макарія; какъ лицо духовное, близко знакомое съ исторіею развитія христіанскаго богословія, онъ могъ яснѣе понимать сочиненія такихъ писателей, какъ Кириллъ Туровскій, могъ живѣе чувствовать то впечатлѣніе и вліяніе, какое производили на окружающее общество его поученія. Дѣйствительно, его приговоры, основанные на честномъ изученіи дѣла и близкомъ знакомствѣ съ предметомъ, имѣютъ для насъ особую цѣну и значительно отличаются отъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ мнѣній нашихъ историковъ литературы. Мы постараемся въ немногихъ словахъ познакомить съ ними читателей «Русскаго Вѣстника.»

Въ судьбахъ нашей древней поучительной словесности можно замѣтить два главныя направленія: теоретическое и практиче-

ское. Первое стремилось къ тому, чтобы сдѣлать истины новой вѣры осязательными и доступными для непросвѣщенныхъ язычниковъ, укоренить въ душѣ ихъ первыя представленія христіанскихъ догматовъ и живыми примѣрами объяснить имъ сущность новаго ученія. Практическое же направленіе давало вещественное значеніе этимъ духовнымъ идеямъ, непосредственно вводило въ жизнь и указывало на ихъ примѣненіе. Первое имѣло поучительный характеръ, второе — обличительный. Представителями этихъ двухъ направленій, по всей справедливости, можно назвать двухъ писателей-пастырей: Кирилла, епископа Туровскаго, и Ѳеодосія, преподобнаго игумена Печерскаго.

Начнемъ съ послѣдняго, какъ старѣйшаго по времени и представителя практическаго направленія.

«Сочиненія великаго игумена Печерскаго (1062—1074), которыя донынѣ остаются извѣстными большею частью только по имени [1]), и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса. Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму — девять поученій, сказанныхъ собственно кіевопечерскимъ инокамъ; къ третьему — два посланія къ князю Изяславу; къ четвертому — двѣ молитвы къ Богу».

Всѣ сочиненія Ѳеодосія, по мнѣнію пр. Макарія, отличаются совершенною простотой и краткостію, но проникнуты жизнію и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ ихъ обличительный и вмѣстѣ глубоко-наставительный; языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и не чуждый вліянія языка народнаго.

---

1) Извѣст. Ак. Наукъ, т. 4, в. VI. 1855. Это было писано тогда, когда сочиненія Ѳеодосія, напечатанныя во 2-й книгѣ «Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію», еще не являлись въ свѣтъ, но были извѣстны пр. Макарію, какъ издателю ихъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Русской Церкви» находятся нѣкоторыя сочиненія Ѳеодосія, не вошедшія въ прежнее изданіе и напечатанныя съ дипломатическою точностію, чѣмъ, къ сожалѣнію, не можетъ похвалиться изданіе Академіи.

Чтобы подтвердить эту характеристику, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько частностей, прямо характеризующихъ то время, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Ѳеодосій.

Язычество было еще во всей своей силѣ, и народъ, называясь народомъ христіанскимъ, продолжалъ прежнюю, старинную жизнь, воспитанную на языческихъ преданіяхъ, и не имѣлъ силы отказаться отъ обаяній старины. Объясняя народу значеніе *казней Божіихъ*, каковы: нашествіе иноплеменниковъ, бездождіе, голодъ, Ѳеодосій обличаетъ въ нечестіи своихъ соотечественниковъ, убѣждаетъ ихъ покаяться и жить по-христіански, а не по-языčески: «напримѣръ, не по-языčески ли мы поступаемъ, говоритъ онъ, когда, встрѣтивъ чернѣца или черницу, или свинью, или лысаго коня, возвращаемся назадъ? Такого суевѣрія держатся по наученію отъ дьявола. Иные вѣрятъ чиханію, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ дьяволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, рѣзоиманіемъ (мздоимствомъ?), приклады (постомъ или лихвою?), воровствомъ, лжею, завистью, клеветою, *зубами* (дракой?), *скоморошествомъ*, гуслями и другими играми и непотребными дѣлами». Указывая на частныя заблужденія и пороки, Ѳеодосій особенно возстаетъ противъ пьянства и грабежа: «осматривай руки твои и испытывай, продолжаетъ онъ, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства: если ты грабилъ и бралъ лихву и корчемный откупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ-либо... то не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла... О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злого бѣса; черезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ дьяволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Дьяволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычниковъ, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія. Ангелы же святые,

пришедши, повѣдали св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо иное пьянство злое, а иное питіе въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію»... Въ другомъ своемъ поученіи къ народу Ѳеодосій снова вооружается противъ господствовавшаго тогда пьянства и обычая пѣть тропари за чашами, приводитъ правила св. отцовъ, запрещающія пьянство, и указываетъ на то унизительное положеніе, до какого доходитъ пьяница, отдавая себя на посмѣяніе всѣмъ людямъ: «Бѣсный страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по своей волѣ и подвергается вѣчной мукѣ. Къ бѣсному придетъ іерей, сотворитъ молитву, — и прогонитъ бѣса; а къ пьяному хотя бы сошлися іереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, — то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства.»

Видно, что подобныя увѣщанія были вызваны насущными потребностями современнаго общества и той среды, пастыремъ которой былъ Ѳеодосій. Съ одной стороны языческія вѣрованія не охотно уступали мѣсто новымъ началамъ, исподоволь проникавшимъ въ жизнь; съ другой — самые нравы эпохи, нравы грубые, не сдерживаемые никакимъ нравственнымъ закономъ, пораждали множество пороковъ и заблужденій, съ которыми не могли примириться высокія христіанскія требованія нашего знаменитаго подвижника. Потому-то его поученія къ народу имѣютъ характеръ по преимуществу обличительный; они направлены или противъ язычества, или противъ частныхъ пороковъ, каковы пьянство, грабежъ, корчемный откупъ и др. Къ сожалѣнію, до насъ дошли только два такія поученія къ народу, остальныя же девять обращены уже исключительно къ кіево-печерскимъ инокамъ. Монахъ Кіево-Печерской лавры, преподобный Несторъ, въ своей лѣтописи, посвятилъ нѣсколько одушевленныхъ страницъ описанію родной обители и жизни ея подвижниковъ. Имѣя въ виду благое назиданіе потомству, онъ выставилъ лишь свѣтлую сторону монастырской жизни и не коснулся слабой. Поученія игумена Ѳеодосія восполняютъ этотъ недостатокъ, достой-

нымъ образомъ заканчивая ту живую картину современнаго общества, какую встрѣчаемъ мы въ его очеркахъ, полныхъ любви и кроткаго обличенія. Кромѣ частныхъ отношеній и поводовъ, по которымъ написаны они, кромѣ указанія нѣкоторыхъ недостатковъ иноческой современной жизни, поученія преподобнаго Ѳеодосія предлагаютъ богатѣйшій матеріалъ для возсозданія всего древне-русскаго монастырскаго быта и имѣютъ особенную цѣну для историка нашей церкви. Преосвященный Макарій очень удачно воспользовался ими въ своемъ новомъ сочиненіи, но изслѣдователь, слѣдящій за движеніемъ литературной жизни нашего отечества, едва ли найдетъ многое въ этихъ поучительныхъ наставленіяхъ, замѣчательныхъ развѣ краткостью и изящною простотой своей формы, составляющею отличительный характеръ всѣхъ сочиненій преподобнаго Ѳеодосія.

«Поучая народъ и братію, преп. Ѳеодосій поучалъ нерѣдко и самихъ князей не только словомъ, но и чрезъ писанія. Преп. Несторъ свидѣтельствуетъ о посланіяхъ его къ великому князю Святославу и въ особенности объ одномъ весьма великомъ посланіи, въ которомъ старецъ сильно обличалъ князя за похищеніе имъ кіевскаго престола у брата своего Изяслава. Къ сожалѣнію, всѣ эти посланія не дошли до насъ. Сохранились только два посланія къ великому князю Изяславу».

Первое посланіе имѣетъ своимъ предметомъ рѣшеніе двухъ вопросовъ: можно ли въ день воскресный, *сже есть недѣля*, закалать вола, или овна, или птицу, или что другое, и ѣсть ихъ мясо? Ѳеодосій разрѣшаетъ эти вопросы примѣрами изъ священной исторіи. Вообще характеръ вопросовъ, по замѣчанію пр. Макарія, указываетъ на самыя первыя времена нашей церкви. Другое посланіе — гораздо важнѣе перваго — разсуждаетъ о вѣрѣ варяжской или латинской. Здѣсь Ѳеодосій исчисляетъ князю разныя отличія латинской вѣры отъ православной, говоритъ о *недобрыхъ* обычаяхъ латинянъ, а затѣмъ учитъ его, какъ должно держать себя по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Въ этомъ посланіи обозначились тѣ рели-

гіозные вопросы, какіе занимали нашихъ князей и за разрѣшеніемъ которыхъ они обращались къ пастырямъ и учителямъ церкви. «Надобно однако замѣтить, говоритъ пр. Макарій, что между обвиненіями на латинянъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а отнюдь не ко всей Римской церкви, или даже представляются не совсѣмъ вѣрными. Это могло произойдти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Ѳеодосій судилъ о заблужденіяхъ латинянъ только по слухамъ, и отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя взводили тогда на латинянъ въ Греціи и вообще на Востокѣ».

Такимъ образомъ всѣ сочиненія преп. Ѳеодосія написаны не на какія-либо отвлеченныя или произвольно придуманныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ и, изображая умъ и сердце самого писателя, не мало обрисовываютъ и его время. Онъ, какъ мы уже замѣтили, можетъ быть названъ представителемъ исключительно практическаго направленія нашей древней поучительной словесности, того направленія, задача котораго состояла въ осуществленіи и примѣненіи къ явленіямъ грубой чувственной жизни язычника высокихъ уроковъ христіанской нравственности. Кирилла Туровскаго назвали мы представителемъ другаго направленія — теоретическаго. Оно сказалось всего болѣе въ его словахъ, произнесенныхъ имъ во храмѣ предъ народомъ. «Каждое изъ этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ большею частью выражена какая-либо общая мысль, не всегда однакожъ удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія большею частью распространяетъ, нѣкоторыя простыя и несложныя со-

бытія представляетъ въ образной драматической формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и нерѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова.... Вообще о словахъ святителя Туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хорошія и даже прекрасныя, но цѣлаго, вполнѣ выдержаннаго и современнаго слова нѣтъ ни одного; что въ нихъ довольно искусственности и изысканности, какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій, — слѣдовательно недостаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія». (Изв. т. 5, в. 5, р. 228).

Таково мнѣніе пр. Макарія о словахъ Кирилла Туровскаго. Дѣйствительно, разсматриваемыя съ литературной точки зрѣнія, его церковныя поученія поражаютъ обиліемъ иносказательныхъ, символическихъ толкованій и витіеватаго риторизма; они едва ли могли быть доступны пониманію того общества, для котораго предназначались; стремленіе объяснять самыя простыя истины и событія метафорическими уподобленіями, игривая фантазія и иногда витіеватый языкъ, сообщаютъ его поученіямъ видъ загадочности и неопредѣленнаго символизма.

Но если символизмъ поученій Кирилла Туровскаго много вредилъ ихъ относительному литературному достоинству и общедоступности, то все же въ немъ нельзя не видѣть личнаго литературнаго дарованія и оригинальности. Для того, чтобы укоренить въ душахъ новопросвѣщеннаго общества высокія нравственныя идеи христіанской вѣры, проповѣдники того времени обыкновенно прибѣгали къ уподобленіямъ и символамъ, заимствуя ихъ изъ тѣхъ теологическихъ представленій, какія были въ ходу у западныхъ и восточныхъ современныхъ духовныхъ писателей; стоитъ только сравнить любое непонятное поученіе туровскаго святителя съ византійскою теологическою наукой XI и XII

вѣка [1]), чтобъ отыскать въ ней его полное объясненіе и оправданіе. Къ сожалѣнію, пр. Макарій не обратилъ должнаго вниманія на этотъ и важный и любопытный предметъ, и оттого въ его изслѣдованіяхъ почти не замѣтно тѣхъ живыхъ связующихъ нитей, какія соединяли нашу духовную словесность съ ея византійскимъ прототипомъ.

Сочиненія Кирилла Туровскаго, обращенныя къ инокамъ, отличаются тѣмъ же характеромъ символизма и нравственнаго аскетизма, но представляютъ уже менѣе непонятнаго и иносказательнаго: въ нихъ виднѣе мысль, хотя и она часто находится подъ сильнымъ вліяніемъ воображенія и фантазіи. За то молитвы его запечатлѣны простотой, естественностію, и проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ.

Кромѣ сочиненій Кирилла Туровскаго, дошедшихъ до насъ и несомнѣнно ему принадлежащихъ, есть еще сочиненія его *потерянныя*, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ остающіяся въ неизвѣстности, и есть сочиненія *сомнительныя*, приписываемыя ему безъ достаточныхъ основаній. Имъ посвящаетъ пр. Макарій послѣднюю главу своего литературнаго очерка. *Обзоръ редакцій кіево-печерскаго патерика, преимущественно древнихъ* (Извѣст. т. V, вып. 3), принадлежащій тому же автору, представляетъ очень подробное изложеніе различныхъ редакцій этой замѣчательной книги относительно одной только внѣшней формальной стороны ея. «Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого-либо человѣка. Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не писали Патерика. Первый составилъ только житіе преп. Ѳеодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ печерскихъ. Второй написалъ свое посланіе къ частному лицу, въ назиданіе которому упомянулъ о нѣкоторыхъ сподвиж-

1) Въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Пипера (Mythologie und Symbolik d. christlich. Kunst) и Вольфганга Менцеля (Christliche Symbolik) мы находимъ цѣлую обстоятельную исторію христіанскихъ символическихъ представленій, предлагающую множество любопытныхъ данныхъ для сближенія и разъясненія такихъ сочиненій, каковы поученія Иларіона и Кирилла Туровскаго.

никахъ печерскихъ. Третій хотя предназначалъ свое посланіе для чтенія всѣхъ братій Печерской обители, но повѣствуетъ также только о нѣкоторыхъ подвижникахъ печерскихъ и дѣлаетъ обращенія къ частному лицу....». Всѣ редакціи кіево-печерскаго Патерика относительно историко-литературныхъ условій «оказываются болѣе или менѣе несовершенными, потому что ни одна изъ нихъ не сохранила сочиненій Нестора, Симона и Поликарпа о печерскихъ подвижникахъ безъ измѣненій, а нѣкоторыя даже измѣнили ихъ значительно. И въ этомъ отношеніи сравнительно-лучшими редакціями можно назвать: Арсеньевскую, Акакіевскую, Кассіановскую....; но несправедливо требовать, чтобы составители Патерика заботились только сохранить въ подлинномъ видѣ означенныя сочиненія Нестора, Симона и Поликарпа, когда эти сочиненія написаны разными лицами и съ разными цѣлями, не имѣютъ между собой связи и единства, а два обращены притомъ къ частнымъ лицамъ. Нѣтъ, долгъ составителей Патерика былъ тотъ, чтобы изъ разныхъ сочиненій о печерскихъ подвижникахъ составить одинъ общій сборникъ, который бы, по возможности, соотвѣтствовалъ идеѣ Патерика, представлялъ собою одно опредѣленное цѣлое и обращенъ былъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ...— и въ этомъ случаѣ всѣ редакціи Патерика оказываются болѣе или менѣе совершенными, потому что всѣ могли болѣе или менѣе достигать своей цѣли, доставляя христіанамъ назидательное чтеніе о подвижникахъ печерскихъ».

Будемъ надѣяться, что преосвященный Макарій, ученый, обладающій громадными свѣдѣніями и рѣдкимъ историко-критическимъ талантомъ, такимъ же образомъ оцѣнитъ и внутреннее литературное достоинство редакцій Патерика печерскаго и ихъ различныя измѣненія. Прочное начало этому уже положено въ его новомъ историческомъ трудѣ, счастливаго продолженія котораго, безъ сомнѣнія, съ нетерпѣніемъ ждетъ вся образованная русская публика.

Мистеріософія бардовъ Бретани.

1857.

Le mystère des bardes de l'île de Bretagne ou la doctrine des bardes Gallois du moyen âge sur Dieu, la vie future et les transmigrations des âmes. Par A. Pictet. 1856 г., 82 стр.

При современномъ направленіи исторической науки въ Европѣ, когда каждый городъ, каждое сколько-нибудь замѣчательное мѣстечко находитъ своего историка-біографа, было бы очень странно, если бы цѣлое, нѣкогда огромное и могучее племя не привлекло на себя вниманія историковъ.

Правда, что значеніе кельтовъ въ европейской цивилизаціи и ихъ дѣятельное участіе въ судьбахъ средневѣковой Европы рано сдѣлались предметомъ серіознаго изученія западныхъ историковъ; но скудость народныхъ памятниковъ, трудность языка, значительно отошедшаго отъ общаго индоевропейскаго корня, самая шаткость стариннаго историческаго метода, давали глухіе, по большей части невѣрные отвѣты на пытливые запросы молодой науки.

Въ такомъ колеблющемся положеніи находилось дѣло до начала текущаго столѣтія, когда сравнительно-историческій методъ въ изученіи языка и народности вывелъ изслѣдователей на свѣжій воздухъ и указалъ имъ прямую дорогу. Съ тѣхъ поръ каждый годъ, ежели не каждый мѣсяцъ, приноситъ что-нибудь новое: новое открытіе, новый взглядъ, новую мысль; старое, давно-извѣстное подвергается пересмотру и является въ обновленной одеждѣ.

При такомъ направленіи, началъ мало-по-малу выясняться и старинный кельтскій міръ съ своею въ высшей степени оригинальною физіономіей.

Реставрація его, говоря вообще, гораздо моложе реставраціи остальныхъ народностей великой индо-европейской семьи; по-

этому въ исторіи его до сихъ поръ еще такъ много неяснаго, неполнаго, отрывочнаго; но это только начатки: окончательные же плоды и успѣхи остаются за грядущими поколѣніями.

Кельтское племя еще не окончило своего историческаго поприща и въ чистотѣ уцѣлѣло на двухъ небольшихъ клочкахъ земли Франціи и Англіи: тотъ же языкъ, тѣ же нравы, обычаи, преданія роднятъ эти остатки великой народности, разобщенные старинными политическими событіями [1]).

Чисто-сціентифическій вопросъ скоро нашелъ отголоски и въ самой жизни: съ появленіемъ ученыхъ изслѣдованій о языкѣ, литературѣ, исторіи кельтовъ, съ превосходными собраніями старинныхъ пѣсенъ и повѣстей Арморики, пробудились среди народа и многіе умственные и нравственные интересы, мысль о необходимости просвѣщенія, науки, литературы. Такое единство науки и жизни, свидѣтельствующее о степени зрѣлости народа, сообщаетъ кельтскимъ занятіямъ тотъ живой современный интересъ, котораго не имѣютъ занятія другими отжившими историческими народностями.

Оправдываясь этимъ, мы рѣшаемся на первый разъ познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ небольшимъ, но чрезвычайно важнымъ памятникомъ кельтской старины, изданнымъ въ истекшемъ году, съ французскимъ переводомъ и любопытнымъ комментаріемъ А. Пикте, извѣстнаго автора сочиненія о сродствѣ кельтскаго языка съ санскритскимъ.

Этотъ единственный памятникъ средневѣковой литературы имѣетъ своимъ предметомъ понятія бардовъ о существѣ Бога, составѣ вселенной, переселеніи душъ и человѣческомъ назначеніи, словомъ, это—краткое изложеніе ихъ религіозной философіи.

---

1) На народномъ праздникѣ, данномъ въ 1839 г. въ знакъ любви и племеннаго единства французскими кельтами своимъ валлійскимъ братьямъ, присутствовалъ *слѣпой бардъ*, импровизировавшій стихи во славу великаго кельтскаго племени. См. Villemarqué, Contes populaires des anciens Bretons, t. I. préface. Это тотъ же почтенный остатокъ эпической старины, который до сихъ поръ еще сохранился у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи.

Онъ составляетъ часть неизданной рукописи подъ названіемъ: *Таинство Бардовъ острова Бретани* (Cyfrinach Beirdd Ynys Prydain), заключающей въ себѣ собраніе различныхъ наставленій бардовъ о поэзіи, музыкѣ (собственно пѣніи), вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ. Рукопись, заключающая въ себѣ мистическія тріады бардовъ [1]), принадлежитъ къ концу XVII столѣтія; всѣ остальныя статьи не восходятъ далѣе половины XVI и писаны новымъ языкомъ, однако древность ея основы признана всѣми знатоками кельтской народности, каковы: Ганри Мартенъ, Яковъ Гриммъ, и друг. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ издатель, какъ объяснить существованіе у средневѣковыхъ кельтовъ такой оригинальной религіозной системы, основаніемъ которой служитъ ученіе о переселеніи душъ по смерти, если не принять родственной связи ея съ друидическимъ ученіемъ, имѣвшимъ то же самое вѣрованіе?... Откуда явилось у бардовъ такое полное, глубокое, оригинальное ученіе, если не отъ ихъ предшественниковъ друидовъ, вѣрованія которыхъ долгое время, по крайней мѣрѣ въ тайнѣ, противились введенію христіанства? Тайныя общества бардовъ, уцѣлѣвшія въ Галліи вопреки непрерывнымъ вторженіямъ римлянъ, англо-саксовъ и англичанъ, съ стойкостію, свойственною кельтамъ, сохранили остатки старинныхъ народныхъ вѣрованій, и тріады, о которыхъ идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія были послѣднимъ ихъ проявленіемъ.»

Но это однако, какъ мы думаемъ, вовсе не значитъ, чтобъ онѣ представляли старинную друидическую систему: христіанство необходимо должно было имѣть значительное вліяніе на этотъ родъ тайной религіи, сохраняемой бардами болѣе какъ почтенное національное воспоминаніе, нежели какъ дѣйствительное ученіе. Только этимъ вліяніемъ можно объяснить тотъ характеръ чистоты, возвышенности и гуманизма, который поражаетъ въ этихъ тріадахъ и который стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи

1) Памятникъ, о которомъ мы говоримъ, изложенъ въ видѣ тріадъ или афоризмовъ, развиваемыхъ въ тройственной формѣ, вѣроятно, для лучшаго удержанія ихъ въ памяти.

съ варварскими сторонами стариннаго друидическаго культа (р. 16—19).

Но вліяніе христіанства не было прямымъ, непосредственно дѣйствующимъ началомъ въ мистическомъ ученіи бардовъ: оно только очистило, возвысило древнія понятія о Богѣ, вселенной, безсмертіи души и др. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о св. Троицѣ, ни о личности Іисуса Христа, ни объ искупленіи, нѣтъ также никакихъ намековъ на средневѣковыя понятія объ адѣ, чистилищѣ, раѣ,—понятія, которыя играютъ такую важную роль въ народной поэзіи и сказаніяхъ другихъ племенъ.

Обратимся теперь къ самому памятнику. Его можно раздѣлить на двѣ части: первая, заключающая въ себѣ 11 тріадъ, не представляетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и болѣе или менѣе подходитъ къ ученіямъ другихъ, уже извѣстныхъ, религіозныхъ и философскихъ системъ; за то 12 тріада и слѣд. поражаютъ насъ яркостью изложенныхъ въ нихъ понятій и самою оригинальностію терминологіи. Мы приведемъ въ переводѣ важнѣйшія изъ тріадъ, придерживаясь какъ можно ближе подлинника, и въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгая къ комментарію ученаго издателя.

Тр. XII. «Три круга существованія: 1) *кругъ пустаго пространства*, гдѣ, кромѣ Бога, нѣтъ никакого существа ни живаго ни мертваго, и перейдти который никто кромѣ Бога не можетъ; 2) *кругъ переселенія*, гдѣ всякое живое существо находится въ состояніи смерти, и человѣкъ его перешелъ; и 3) *кругъ блаженства*, гдѣ всякое живое существо находится въ состояніи жизни, и человѣкъ чрезъ него переходитъ на небо».

Тр. XIII. «Три состоянія живыхъ существъ: *состояніе ничтожества въ безднѣ* (Annwn), *состояніе свободы въ человѣчествѣ* и *состояніе любви* или *блаженства въ небѣ*».

Тр. XIV. «Три необходимыя фазы всякаго существованія по отношенію къ жизни: *начало въ безднѣ* (Annwn), *переселеніе* въ *кругѣ переселенія* (Abred) и *полнота въ небѣ* или *кругъ блажен-*

ства (Gwynfyd), и внѣ этихъ трехъ фазъ ничто не можетъ существовать кромѣ Бога».

Эти три тріады составляютъ главную тему мистическаго ученія бардовъ: слѣдующія занимаются дальнѣйшимъ развитіемъ частностей и свойствъ каждаго круга отдѣльно; что же касается до *бездны,* то это не иное что̀, какъ самая низшая точка *круга переселенія*, это хаосъ, содержащій въ себѣ сѣмена всякой жизни: каждая вещь тамъ существуетъ предвѣчно, но въ состояніи мрака и неустройства, это противоположность *состоянію свободы въ человѣчествѣ* и точка отправленія для переселенія душъ, отъ которой постепенно восходятъ онѣ къ свѣту и жизни. Такое ученіе встрѣчаемъ мы еще въ древности у гностиковъ, Ἄβυσσος которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ *бездны* (Annwn) кельтическихъ бардовъ.

Тр. XVII. «Три причины необходимости круга переселенія: *развитіе вещества всего живаго; развитіе познанія всякой вещи* и *развитіе* нравственной силы, чтобы восторжествовать надъ всѣмъ противнымъ и надъ врагомъ (Cythraul, діаволъ) и чтобы освободиться отъ *злаго* (Drwg)».

Тр. XVIII. «Три первоначальныя бѣдствія въ кругѣ переселенія: *необходимость*, *потеря памяти* и *смерть*».

На самой низшей точкѣ *круга переселенія*, въ безднѣ, царитъ мрачная *необходимость*. Приходя къ самосознанію, человѣкъ становится свободнымъ существомъ, но онъ обреченъ смерти, и ежели не возвысился на столько, чтобъ освободиться изъ *круга переселенія*, онъ умираетъ, чтобы возродиться въ другой формѣ, и теряетъ память о своей прошлой жизни. Только тогда человѣку возвращается память о ней, когда онъ освободится изъ *круга переселенія*; въ настоящей жизни—это удѣлъ немногихъ исключительныхъ натуръ.

Тр. XIX. «Три необходимыя условія для достиженія полноты знанія: *перейти въ кругъ переселенія*, *перейти въ кругъ блаженства* и *привести на память все прошедшее* со времени пребыванія въ *безднѣ*».

Тр. XX. «Три вещи неизбѣжно соединены съ состояніемъ пребыванія: въ кругѣ переселенія *преступленіе закона* (грѣхъ), *освобожденіе* отъ смерти предъ *злымъ* (Drwg) и *врагомъ* (Cythraul), *увеличеніе жизни* и *блага* чрезъ отдаленіе отъ *злаго* въ освобожденіи отъ смерти».

Тр. XXVI. «Три вещи необходимо низводятъ человѣка въ кругъ переселенія, если бы даже въ другомъ отношеніи онъ и привязался къ доброму: *гордость*, чрезъ которую онъ падаетъ въ *бездну*, *неправда*, которая доводитъ его до равносильнаго проступка, и *недостатокъ любви*, чрезъ который онъ дѣлается подобенъ животному. Отсюда онъ начинаетъ новое переселеніе въ кругу человѣчества».

Освободившись изъ круга переселенія, бардъ Таліесинъ въ своихъ поэмахъ разсказывалъ, какъ онъ, поочередно, принималъ различныя формы вещей и животныхъ, прежде чѣмъ явился въ своей собственной. Онъ былъ мечомъ, щитомъ, топоромъ, сохою, лопатою, лампою, струною изъ лиры, лодкою, мостомъ, гвоздемъ изъ щипцовъ, книгою и даже однимъ написаннымъ словомъ, потомъ: пнемъ, губкой, каплей дождевой воды, хлѣбомъ, взросшимъ на горѣ, и т. д. Въ этой послѣдней формѣ онъ былъ сжатъ, высушенъ и потомъ съѣденъ курицею съ красными когтями и разорваннымъ гребешкомъ; въ ея желудкѣ онъ провелъ 9 дней и ночей. Что же касается до животныхъ формъ, то онъ попеременно принималъ виды: собаки, оленя, быка, жеребца, вепря, козла, пѣтуха, ящерицы, змѣи и т. д. Такимъ образомъ понятія бардовъ о переселеніяхъ обнимали всѣ царства природы и всѣ эпохи исторіи, и ежели бы мы знали всѣ подробности ученія древнихъ друидовъ о переселеніяхъ, мы бы, вѣроятно, нашли много любопытныхъ сближеній съ индійскимъ метемпсихозомъ. Перейдемъ теперь къ *кругу блаженства* и посмотримъ на него нѣсколько ближе.

Тр. XXXI. «Три главнѣйшія преимущества *круга блаженства: отсутствіе зла*, *отсутствіе нужды* и *отсутствіе смерти*».

Тр. XXXII. «Три вещи будутъ возвращены человѣку въ кругѣ *блаженства*: *первобытный духъ*, *первобытная любовь* и *первобытная память* — безъ этого для него не можетъ быть блаженства».

Тр. XLI. «Три вещи постоянно растутъ: *огонь или свѣтъ*, *просвѣщеніе или истина*, *духъ или жизнь*. Эти вещи подконецъ возьмутъ верхъ надъ всѣми прочими, и тогда кругъ переселенія будетъ уничтоженъ».

Тр. XLII. «Три вещи постоянно уменьшаются: *мракъ*, *заблужденіе* и *смерть*».

Тр. XLIII. «Три вещи усиливаются со дня на день, и стремленіе къ нимъ становится все болѣе и болѣе: *любовь*, *знаніе* и *правда*».

Тр. XLIV. «Три вещи слабѣютъ со дня на день, и противорѣчіе имъ увеличивается все болѣе и болѣе: *ненависть*, *неправда* и *невѣжество*».

Тр. XLV. «Три полноты блаженства *въ кругѣ блаженства*: *имѣть свойство всякаго качества съ отличнымъ совершенствомъ*, *обладать всякаго рода геніемъ*, *съ совершеннымъ геніемъ любить всѣхъ любовью первой степени*, то-есть любовью Бога. Эти три вещи составляютъ полноту *неба* и *круга блаженства*».

Тр. XLVI. «Три необходимыя свойства Бога: *безконечность въ отношеніи къ самому себѣ*, *конечность по отношенію къ концу* и *полное согласіе со всякимъ состояніемъ существованія въ кругѣ блаженства*».

Таковъ любопытный обломокъ мудрости бардовъ. Уже изъ нашихъ небольшихъ извлеченій читатели могутъ видѣть его важное значеніе для исторіи развитія духа человѣческаго въ темный періодъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, когда сложившіяся народности индо-европейскаго племени озарились первыми лучами христіанской религіи.

Очеркъ исторіи русской поэзіи, г. Милюкова.

Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1858.

1858.

Историческія судьбы нашей старинной письменности и литературы сдѣлались теперь предметомъ общаго вниманія и дѣятельнаго изученія. Хотя медленно, но шагомъ прочнымъ идетъ впередъ молодая наука, разгоняя мало-по-малу фантастическій полумракъ, одѣвающій наше *доброе старое время*, съ его незатѣйливыми жизненными интересами и неприхотливыми требованіями. Явленіе въ высшей степени утѣшительное! Призраки старины, привлекательные въ своей неопредѣленной, туманной обстановкѣ, созданія разстроеннаго воображенія, навѣянныя непривѣтливою современностью, исчезаютъ при свѣтѣ наступающаго дня и даютъ дорогу новому, трезвому взгляду на прошедшее, равно чуждому и болѣзненнаго восторга при созерцаніи небывалыхъ красотъ старины и предубѣжденной, ни на чемъ не основанной, укоризны.

Дѣйствительно, только въ этой неопредѣленной рамѣ, при полной свободѣ фантазіи и воображенія, не стѣсняемыхъ никакими историческими фактами, при полномъ невниманіи къ жизненнымъ интересамъ современности — старое время и его формы принимаютъ тотъ привлекательный видъ, въ какомъ они являются передъ глазами нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, колебля, быть можетъ, и безъ того шаткую, нравственную вѣру ихъ въ современнаго человѣка и тѣ начала, какія исповѣдуетъ онъ. Примиряя этотъ разладъ, наука возвращаетъ насъ изъ міра утопій къ дѣйствительности: въ этомъ ея живое современное значеніе, ея гражданскій, общественный смыслъ и характеръ. Признавъ одинъ разъ законное участіе ея въ жизненномъ дѣлѣ, человѣкъ уже заранѣе обезопасилъ себя отъ темныхъ вну-

шеній дурно-направленной фантазіи и больнаго воображенія: подозрительныя, лихорадочныя симпатіи къ старинѣ уступаютъ мѣсто спокойному вниманію къ историческимъ судьбамъ своего отечества, и жизнь идетъ своимъ чередомъ, не смущаемая призраками прошедшаго, съ сознаніемъ недостатковъ настоящаго и вѣрою въ очищеніе будущаго.

Такова связь современной науки съ жизнію. Она только-что зачинается... и умѣренность въ требованіяхъ является здѣсь, какъ законная необходимость, прямо вытекающая изъ настоящаго положенія науки и литературы въ нашемъ отечествѣ. Въ дѣлѣ всеобщаго благотворнаго освобожденія отъ авторитета прошедшаго — наука исторіи русской литературы принимаетъ самое дѣятельное участіе, наравнѣ съ исторіею государственныхъ и народныхъ учрежденій и, отчасти, съ исторіею развитія формъ религіозной жизни.

Правда, развитіемъ литературнымъ небогата — чтобъ не сказать совершенно бѣдна — древняя Русь, но уже одинъ трезвый взглядъ на причину этого явленія даетъ достаточный поводъ къ убѣжденію въ глубокой антинаціональности и нравственномъ вредѣ тѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ исключительно совершалось развитіе литературнаго дѣла въ Россіи до Петра I-го. А это убѣжденіе кладетъ могильный камень на заманчивую, но вполнѣ ложную теорію о существованіи какого-то особаго просвѣщенія въ древней Руси и высокой цивилизаціи, присущей русскому народу, даже и въ тѣ времена, когда, по сказанію Нестора: «люди живяху звѣриньскимъ образомъ, живоуще скотьски: оубиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака оу нихъ не бываше» и т. д. (Лавр. с. с. 8). Отсюда новый, свѣтлый взглядъ на народную жизнь, отсюда и прямыя практическія мѣры, могущія дѣйствительно облегчить осложненныя вѣками житейскія отношенія.

Но работа только-что начинается: недостатки неизбѣжны; часть изъ нихъ будетъ, конечно, извинена временемъ и положеніемъ, въ какомъ находился изслѣдователь, другая падетъ на

его личную отвѣтственность; не во власти частнаго человѣка отвратить первое обстоятельство; второе, напротивъ, даетъ полную свободу къ разномыслію, поправкѣ или отчетливой критикѣ.

Въ такомъ положеніи мы позволяемъ себѣ въ лѣтописяхъ исторіи отечественной литературы, на первый разъ, отмѣтить сочиненіе г. Милюкова, какъ трудъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Первое изданіе его явилось еще въ 1847 году и было встрѣчено общимъ вниманіемъ образованной публики. Нужно вспомнить господствовавшее направленіе критики того времени, чтобъ понять этотъ вполнѣ заслуженный успѣхъ: отвлеченныя понятія нѣмецкой эстетики и философіи Гегеля, бывшія въ такомъ ходу въ русской критикѣ 1837—1843 годовъ, отживали свое послѣднее время: на мѣсто мертвой буквы и сухихъ логическихъ формулъ спекулятивнаго взгляда на искусство, подымались вопросы общественные, слышалось горячее слово за права женщины, подвергались пересмотру понятія нравственныя и т. д.; вездѣ жизнь брала верхъ и отрывала критику отъ пустой рутины, выводя ее на широкое общественное поле... При такомъ живомъ характерѣ литературной критики абсолюты, эстетики, а съ ними и самая идея абсолютнаго искусства скоро должны были утратить всякое вліяніе на господствующія литературныя понятія; затѣмъ пришло строгое изученіе факта, подъ вліяніемъ новаго животворнаго метода, которымъ давно уже пользовалось естествовѣдѣніе, и это былъ отходный часъ старинной эстетики, ея *de profundis*: если обломки этого, нѣкогда стройнаго, зданія и уцѣлѣли гдѣ-нибудь до нашего времени, то это — или привычка, или упорная, отсталая старина, вѣчно живущая заднимъ числомъ и задними мыслями.

Книга г. Милюкова явилась въ свѣтъ именно въ эту горячую пору возбужденія и постановки общественныхъ вопросовъ въ литературѣ, когда наступалъ послѣдній разсчетъ съ пустыми, неприложимыми къ жизни мыслями и понятіями: она была живымъ, популярнымъ отвѣтомъ на новыя, зарождавшіяся требованія, и этой современности своего взгляда и своего направле-

нія обязана общимъ сочувствіемъ публики. Была, правда, еще и другая причина: посреди множества учебниковъ и руководствъ, по большей части плачевнаго свойства, составленныхъ изъ лоскутьевъ разныхъ цвѣтовъ и временъ, писанныхъ кайдановскимъ слогомъ, книга г. Милюкова рѣзко выдѣлялась своимъ изящнымъ изложеніемъ, идущимъ дружно рука-объ-руку съ образованнымъ вкусомъ и способностью анализа. Можно сказать безъ преувеличенія, что это была первая попытка систематическаго изложенія развитія русской поэзіи, отъ которой вѣяло жизнью дѣйствительною, не подрумяненной неумѣреннымъ родолюбіемъ, не пріодѣтой въ неуклюжую одежду византійскаго анахорета: здѣсь слышалось живое слово, живая мысль, проходившая чрезъ всѣ отдѣльные части и эпизоды, въ дѣйствительности, быть можетъ, не всегда органически связанные между собою. Дѣло автора, впрочемъ, ограничивалось только мастерскою передачею, популяризированіемъ того умственнаго капитала, который находился въ обращеніи въ русской литературѣ сороковыхъ годовъ: оригинальной мысли нѣтъ въ его сочиненіи; но кто знаетъ, какъ, погнавшись за оригинальностью, легко прійти къ тѣмъ заключеніямъ патологическаго свойства, которыми изобилуютъ произведенія нѣкоторыхъ *оригинальныхъ* русскихъ ученыхъ, тотъ легко пойметъ причину, по которой историкъ русской поэзіи въ 1847 году предпочелъ скромную работу приведенія въ порядокъ и систематическаго популярнаго изложенія накопленнаго литературнаго матеріала болѣе скользкому и не для всѣхъ доступному пути — самостоятельной разработкѣ фактовъ. Наука исторіи русской словесности еще такъ молода, такъ невоздѣлана, что, взявшись за разработку факта, нужно напередъ отказаться отъ попытки систематическаго изложенія не только общаго развитія письменности и поэзіи, но даже какого-нибудь отдѣльнаго періода ея; иначе эта система выйдетъ невѣрна или, по крайней мѣрѣ, односторонняя.

Книга г. Милюкова, какъ résumé succinct всего, сдѣланнаго на этомъ поприщѣ до 1847 года (время перваго ея изда-

нія), вполнѣ достигаетъ своей цѣли, и лучшее тому доказательство — во вниманіи публики, о которомъ мы говорили выше. Правда, и для своего времени она не чужда была нѣкоторыхъ недостатковъ, но ихъ заслоняла современность общаго направленія, изящная форма, живой, одушевленный взглядъ на предметъ; недостатки прошли почти незамѣченными, и сочиненіе съ этой стороны стоитъ внѣ всякихъ упрековъ. Теперь, чрезъ десять лѣтъ, оно является вторымъ изданіемъ. Въ десять лѣтъ, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, наука далеко шагнула впередъ. Что жь авторъ? Внесъ ли онъ въ свой трудъ эти новыя приращенія? поставилъ ли его въ-уровень съ современнымъ состояніемъ науки? озаботился ли сообщить своей книгѣ тотъ интересъ современности, съ какимъ она встрѣчена была десять лѣтъ назадъ?

Не смотри на объявленіе заглавнаго листка, что второе изданіе *дополнено*, мы, не обинуясь, отвѣтимъ на вышепредложенные вопросы отрицательно. Направленіе, общій смыслъ книги — все еще живы и современны: наше время, можетъ быть, пошло далѣе; но основы остаются тѣ же, тѣ же чаянія, та же вѣра въ человѣка, въ его будущее, въ независимость отъ авторитета и т. д.; но въ прежней стройной системѣ уже замѣтны слабыя стороны: прежнія ошибки обнажились и кажутся тѣмъ разительнѣе, чѣмъ далѣе отходятъ отъ результатовъ, добытыхъ современною наукою; иное требуетъ поправки, дополненія, другое — коренной передѣлки, и вообще впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія, оставляетъ мѣсто многимъ желаніямъ и требованіямъ, которымъ нѣтъ отвѣта въ книгѣ г. Милюкова.

Съ полнымъ сочувствіемъ къ направленію сочиненія, мы позволяемъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности и остановиться на тѣхъ пунктахъ, которые, по нашему крайнему разумѣнію, поставлены авторомъ въ ненадлежащемъ свѣтѣ и не соотвѣтствуютъ современному взгляду на науку и ея послѣднимъ выводамъ.

Начнемъ съ различія въ характерѣ древней и новой русской

поэзіи, неясное сознаніе котораго повело автора къ одностороннему взгляду на весь древній періодъ нашей поэзіи.

Литературная, поэтическая дѣятельность, возникшая у насъ вмѣстѣ съ петровскимъ переворотомъ и вслѣдствіе его, развилась не изъ народныхъ началъ, какъ у народовъ Западной Европы, а выросла и воспиталась на чужой почвѣ.

Систематическое преслѣдованіе, какому подвергался народный элементъ, сохранявшійся въ народной пѣснѣ, обычаѣ, обрядѣ въ теченіе цѣлыхъ десяти вѣковъ жизни, небогатой ни государственнымъ, ни общественнымъ развитіемъ, имѣло неизбѣжнымъ слѣдствіемъ то, что сфера народныхъ началъ въ эпоху петровской реформы, при постоянномъ приливѣ новыхъ мыслей, новыхъ запросовъ и требованій, оказалась слишкомъ узкою для выраженія общественныхъ интересовъ; она не могла подняться и стать въ уровень съ обществомъ, которое въ нѣсколько десятковъ лѣтъ переживало цѣлыя столѣтія; народный элементъ не пошелъ далѣе лубочныхъ суздальскихъ издѣлій, а между тѣмъ общественные вопросы назрѣвали и выходили въ литературу, пріодѣтые въ чужое платье, съ чужимъ именемъ и, всего чаще, съ явными признаками постройки по чужому образцу.

Во всей литературѣ нашей XVIII столѣтія только и было живаго, что вопросъ общественный; и вотъ, слѣдовательно, та точка зрѣнія, тотъ point de départ, который самъ собою представляется историку новой русской поэзіи и вообще литературы. Вопросъ общества, вопросъ жизни — это главное, а форма, пріемы творчества, самыя нравственныя понятія находятъ себѣ достаточное объясненіе во вліяніи того или другого французскаго поэта или философа. Немногія, и притомъ случайныя, исключенія не уничтожаютъ истины этой мысли: общее направленіе оставалось все-таки подражательнымъ и — въ добрый часъ! — оно принесло свои плоды: указало и отчасти исправило многія общественныя язвы и тѣ вопіющія антиноміи тогдашнему взгляду на человѣка, которыми полнилось еще русское общество послѣ татарскаго кнута и кулачнаго права, получившаго особенное раз-

витіе въ тяжелыя времена общественныхъ смутъ и неурядицъ. Итакъ, въ новой русской поэзіи, прежде всего вопросъ общественный; но то ли встрѣчаемъ мы въ древней, въ тѣ далекія времена, отъ которыхъ дошло къ намъ такъ немного поэтическихъ памятниковъ, когда ѣдкая сатира была чужда простому, наивному чувству простолюдина, когда ее употребляли въ дѣло только одни книжники, воспитанные на чтеніи разной схоластической ветоши, и то затѣмъ, чтобъ похулить злыхъ жонъ да какое-нибудь *бѣсовское игрище съ срамными, студными пѣснями и нечестивымъ плясаньемъ*? Конечно, въ то время все, о чемъ говорилъ народъ, чему вѣрилъ онъ, было вопросомъ общественнымъ, народнымъ; но тогда это слово не имѣло того узкаго значенія, до котораго оно низошло теперь: его смыслъ былъ совершенно иной, и подводить подъ одинъ уровень старое съ новымъ значитъ, по малой мѣрѣ, навязывать старинѣ нѣчто ей непринадлежащее, чуждое; отнимать у ней то, что она дать можетъ, и требовать того, о чемъ и въ голову не заходило этой наивной старинѣ. Самъ авторъ чувствовалъ справедливость подобнаго разграниченія: «характеръ древней нашей поэзіи (говоритъ онъ) не могъ имѣть ничего общаго съ характеромъ новой, потому что одна выражала постоянный застой неподвижныхъ идей, а другая — безпрерывный прогрессъ быстраго развитія» (с. 6). Не находя такого развитія въ нашей древней поэзіи, не встрѣчая въ ней общественной мысли, постановки общественныхъ вопросовъ, авторъ ограничивается чисто-литературною, эстетическою оцѣнкою ея произведеній. Пріемъ совершенно вѣрный, но, по отношенію къ старинѣ односторонній! Односторонность его видна въ каждомъ сужденіи, въ каждой мысли автора, изъ которыхъ очень многія смѣлы и рѣшительны, но очень немногія выдерживаютъ строгую литературную критику. Можно сказать положительно: на сколько вѣрна и мѣтка оцѣнка произведеній новаго періода русской поэзіи, на столько слабъ и одностороненъ очеркъ древняго. За десять лѣтъ предъ этимъ явленіе это было очень понятно и законно, но теперь оно стоитъ въ

рѣзкомъ противорѣчіи и съ современнымъ состояніемъ науки и съ повѣсткою о *дополненіяхъ*, какія авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать при новомъ изданіи своей книги. Уваженіе къ направленію и таланту г. Милюкова обязываетъ насъ подтвердить наше мнѣніе о его книгѣ подробнымъ разборомъ тѣхъ сторонъ ея, которыя на нашъ взглядъ оказываются не всегда вѣрными или, по крайней мѣрѣ, допускаютъ другой взглядъ и другое объясненіе.

Всѣ ошибки автора, по нашему мнѣнію, выходятъ изъ одной главной: изъ неправильнаго, устарѣлаго взгляда на сущность и характеръ поэзіи первобытной, народной и вообще всего такъ-называемаго эпическаго періода народной жизни, со всѣми жизненными его отправленіями.

Вглядитесь въ это *доброе старое время*, войдите въ его умственные и нравственные интересы, поймите эту жизнь тихую, безъ внутреннихъ потрясеній, безъ борьбы, и вы увидите, какъ мало она имѣетъ общаго съ тѣми началами, которыя вошли въ русское общество со времени петровской реформы! Нравственныя основы, которыми велась старинная русская жизнь, сложились еще въ эпоху незапамятную и съ теченіемъ времени приняли форму твердаго обычая, обряда, становившагося болѣе и болѣе непонятнымъ для народа. Этому смутному, но тѣмъ не менѣе обаятельному впечатлѣнію, какое производилъ на душу простолюдина темный миѳическій обрядъ или обычай, преданіе или народная пѣсня, всосанная съ молокомъ матери и передаваемая свято и неприкосновенно изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну — старина обязана тою изумительною стойкостью, съ какою она противится новымъ началамъ, исподоволь входящимъ въ жизнь. Простолюдинъ неохотно оставляетъ обычай, закрѣпленный силою привычки и безотчетнаго вѣрованія, неохотно мѣняетъ свой темный заговоръ, или миѳическое заклинаніе, на раціональныя средства, добытыя успѣхами наукъ положительныхъ. Итакъ, чтобъ понять характеръ наивной старины, ея нравственные интересы, ея поэзію, недовольно одной эстетической, лите-

ратурной оцѣнки народнаго памятника: нужна еще оцѣнка нравственная, религіозная, необходимо стать въ близкое соприкосновеніе со всѣми разнообразными проявленіями народной жизни въ языкѣ, какъ полнѣйшемъ выраженіи народнаго взгляда на человѣка и окружающую природу, въ народной пѣснѣ, сказкѣ, пословицѣ, преданіи или же обычаѣ и обрядѣ, твердо устоявшемъ, вопреки многовѣковымъ жизненнымъ крушеніямъ и переворотамъ.

Народный языкъ и народная поэзія — вотъ два хранителя жизни народной, вотъ тѣ нравственные воспитатели, отъ которыхъ предки наши получали *силу и разумъ*, которые дѣлали ихъ гражданами извѣстной земли и извѣстнаго народа. И изслѣдователь, говоря о древнѣйшей народной поэзіи, долженъ прежде всего обратиться къ этимъ двумъ живымъ источникамъ. По нимъ, и только по нимъ однимъ, возможна реставрація первобытной народной жизни, ея поэтической стороны, выразившейся въ пѣснѣ, въ юридическомъ обычаѣ и т. д.

Этотъ неизживаемый нравственный капиталъ, на которомъ впослѣдствіи развиваются цивилизація, литература и искусство, мало-по-малу приводится къ сознанію современною наукою. Труды, совершенные на этомъ поприщѣ нѣмецкими учеными, нашли отголоски и въ нашей литературѣ, и теперь уже какъ-то странно читать, напримѣръ, слѣдующую эстетическую характеристику русской народной поэзіи, какую находимъ мы въ книгѣ г. Милюкова: «отличительный характеръ нашихъ пѣсенъ — глубокая тоска, проникнутая сердечнымъ страданіемъ, и отчаянный разгулъ, полный самозабвенія. Въ каждомъ словѣ ихъ слышны слезы горючія, которыя рѣжутъ душу, какъ булатный ножъ, видна тоска, которая падаетъ на сердце, какъ туманъ на сине море. Въ нихъ мать плачетъ, какъ рѣка льется, слезы сестры текутъ, какъ ручей; сердце дѣвушки милый другъ безъ солнца сушитъ, безъ мороза знобитъ, радости ея разноситъ буйный вѣтеръ по чисту полю; добрый молодецъ въ слезахъ родится, въ слезахъ крестится, и во всю жизнь, какъ былинушка въ чистомъ

полѣ, шатается его безпріютная головушка... Съ другой стороны, если въ пѣсняхъ нашихъ вы видите русскаго человѣка въ минуту веселости, то не ищите въ немъ того тихаго усладительнаго веселья, которое рождается отъ полноты душевнаго удовольствія и счастія: вы найдете въ немъ только буйную, дикую радость человѣка, который хочетъ забыть вѣчную печаль свою и потопить ее въ грубомъ упоеніи» (стр. 301); или выше: «Въ русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ вы видите всю обширную и суровую сторону, которая досталась намъ въ удѣлъ, съ ея широкими полями, покрытыми травою шелковою и цвѣтками лазоревыми, съ ея дремучими лѣсами, колеблющимися отъ буйнаго вѣтра, съ ея сыпучими снѣгами, надъ которыми виднѣется только черная ель, да бѣлая береза; гдѣ весной поетъ жаворонокъ на проталинкѣ, лѣтомъ краснѣетъ калина-малина и летаютъ ясный соколъ, сизый голубь, да лебедь бѣлая, а зимой все занесено снѣгомъ, и мертвая, печальная тишина прерывается только крикомъ вóрона, да свистомъ мятели. Въ этихъ пѣсняхъ и сказкахъ вы находите всю Русь: тутъ и свѣтлый Дунай, и тихій Донъ, и кормилица Волга и государь великій-Новгородъ и каменна Москва; тутъ разгульная жизнь волжскихъ разбойниковъ и удалые наѣзды храбрыхъ казаковъ... Словомъ, въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ вся допетровская Русь, съ ея ростомъ и дородствомъ, съ ея нравами и обычаями, съ ея вѣрою и повѣрьями, съ ея грустью и разгуломъ, Русь не напудренная, не нарумяненная схоластикою, но, какъ мать родила, съ своимъ удовольствіемъ и грубостью, съ своею рѣчью и ухватками» (стр. 26—27). И далѣе, все въ подобномъ же родѣ. Положимъ, что эти заманчивыя характеристики вѣрны; но даютъ ли онѣ понятіе о существѣ и свойствѣ нашей народной поэзіи? вводятъ ли онѣ насъ въ сферу народныхъ интересовъ? дѣлаютъ ли яснымъ для насъ значеніе пѣсни въ народной жизни? Конечно, нѣтъ! Народная поэзія, по своей основѣ и характеру, совершенно отлична отъ поэзіи, являющейся въ эпоху цивилизаціи подъ перомъ человѣка образованнаго. Тогда какъ послѣдняя, плодъ личнаго труда, сводится къ основѣ

эстетической и имѣетъ задачею или постановку извѣстнаго общественнаго вопроса, или воспроизведеніе какого-нибудь явленія изъ жизни природы и человѣка, первая, какъ произведеніе не одной какой-нибудь личности, а цѣлаго народа, обнимаетъ всѣ его нравственные и религіозные интересы: въ ней народъ находитъ дополненіе своему нравственному существованію, и она сопутствуетъ ему на всѣхъ путяхъ жизни отъ колыбели до могилы; какъ кормилица, она поучаетъ его простодушно и наивно, безъ задней мысли и затаеннаго хохота; она чужда всякой напередъ задуманной цѣли и далека отъ всякаго сатирическаго раздраженія. Такой просторъ, такая ширь не по плечу позднѣйшей поэзіи, высиженной съ перомъ въ рукѣ и носящей отпечатокъ личнаго воззрѣнія поэта. Какъ все истинное, великое, народная поэзія не подходитъ подъ одну эстетическую или литературную мѣрку, она бьетъ черезъ край и захватываетъ всю жизнь со всѣми ея проявленіями. Тотъ, кто остановится на одной эстетической оцѣнкѣ ея, не возвысится до полнаго круга обнимаемыхъ ею интересовъ; онъ не пойметъ ея истиннаго значенія и представитъ характеристику, пожалуй, вѣрную, но одностороннюю и могущую повести къ ложнымъ заключеніямъ. «Народная поэзія (говоритъ одинъ изъ первыхъ знатоковъ ея) любитъ, чтобъ съ нею обращались дѣвственными руками; кто неосторожно и непочтительно касается ея, передъ тѣмъ она не раскроетъ своихъ страницъ и не повѣетъ на него своимъ завѣтнымъ благоуханіемъ. Въ ней кроется такой богатый родникъ развитія и цвѣта, что достаточно съ нею и не вполнѣ познакомиться, но только въ ея природной красотѣ, чтобъ быть вполнѣ удовлетворену» (Grimm's Deutsche Myth. p. XII). Мысли эти и у насъ не новость: онѣ неоднократно были высказываемы въ нашей литературѣ, и г. Милюковъ, не ходя далеко и взявъ въ пособіе одни русскіе источники, могъ бы расширить свой взглядъ на народную поэзію; но тогда, вѣроятно, ему пришлось бы переработать всю первую часть его «Очерка», обнимающую судьбы нашей древней поэзіи. Оставивъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало за десять лѣтъ передъ

этимъ, авторъ тѣмъ самымъ навлекъ на себя упрекъ не только въ односторонности, но и въ несовременности.

Одна ошибка рождаетъ другую. Узкая, ограниченная исключительно эстетическою стороною, точка зрѣнія на народную поэзію повела автора къ фактическимъ ошибкамъ и невѣрностямъ. Такъ, напримѣръ, имъ совершенно не понято значеніе языческой миѳологіи въ нашей народной поэзіи. Народная поэзія зарождается вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и отражаетъ въ себѣ всѣ главнѣйшія его видоизмѣненія. Она сама — миѳологія, вѣрованіе; только вѣрованіе въ художественной формѣ, гласно исповѣдуемое устами цѣлаго народа, его *profession de foi* въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Состояніе религіознаго сознанія, выразившееся въ сказаніяхъ объ исполинахъ и богатыряхъ, кажется автору только необузданной фантазіей, исполненной преувеличенія и грубости. Отправляясь отъ устарѣлаго взгляда на сущность эпической поэзіи, онъ изумляется, находя въ нашихъ пѣсняхъ, вмѣсто *классическихъ* героевъ, «чудовищныхъ исполиновъ, олицетворящихъ одну матеріальную силу, богатырей, которые еще въ дѣтствѣ кого за руку схватятъ, у того рука прочь, кого за голову возьмутъ, у того голова долой, которые мечутъ въ ротъ по цѣлой ковригѣ хлѣба и запиваютъ чашею зелена вина въ полтора ведра; у которыхъ голова съ пивной котелъ и такъ тверда, что на ней не шевелятся кудри отъ ударовъ пятидесятипудового чингалища, у которыхъ между плечъ укладывается косая сажень, а между глазъ калена стрѣла» и т. д. (стр. 36—37). Еслибъ авторъ захотѣлъ познакомиться съ народною поэзіею прочихъ родственныхъ намъ племенъ, преимущественно нѣмецкихъ, въ большей чистотѣ и свѣжести, нежели другія, сохранившихъ свои эпическія произведенія, то онъ нашелъ бы и тамъ тѣ же проявленія преувеличеній и грубости и, можетъ быть, еще въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Что-жь? неужели все это — произведеніе досужей фантазіи и празднаго воображенія, неимѣвшихъ основанія въ дѣйствительности?

Г. Милюковъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что

типы *классическихъ* героевъ, какъ бы ни было высоко ихъ художественное значеніе, уже носятъ на себѣ слѣды литературной обработки и значительно отходятъ отъ той первобытной эпической свѣжести, какою отмѣчены суровые образы героевъ скандинавской Эдды и русскихъ богатырскихъ пѣсенъ. Эти послѣднія ближе къ природѣ, свѣжѣе и яснѣе выражаютъ несдержанныя стремленія народнаго сознанія, освободившагося изъ-подъ тяжелаго гнета космическихъ природныхъ силъ, которому такъ долго покорялось наивное, простое чувство простолюдина.

Вообще авторъ смотритъ на эпическую народную поэзію съ точки зрѣнія старинной теоріи искусства, нынѣ почти повсемѣстно отвергнутой. Оттого у него и пѣсня и сказка не памятники народной жизни, не произведенія, вышедшія непосредственно изъ условій быта народа, его религіи, взгляда на жизнь— словомъ, не живая часть духовной дѣятельности народа, въ правду и истину которой онъ вѣруетъ, какъ въ самого себя, и на которой онъ отводитъ душу отъ житейскихъ заботъ и печалей, а сочиненіе, составленное по задуманному плану подъ вліяніемъ часто внѣшнихъ, случайныхъ причинъ. Мы наклонны думать, что въ дѣйствительности авторъ былъ далекъ отъ этого устарѣлаго взгляда; но взглядъ этотъ проглядываетъ какъ бы ненарокомъ въ каждомъ его сужденіи о народной поэзіи. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ на два, болѣе замѣчательные. Механическое (если можно такъ выразиться) раздѣленіе поэзіи на роды и виды, принятое на-слово нашими учебниками, высказалось въ сужденіи автора о нашихъ народныхъ сказкахъ: «Сказки наши (говоритъ онъ) отличаются тѣмъ же самымъ характеромъ какъ и пѣсни, съ тою разницею, что въ нихъ, *какъ въ поэзіи эпической, требующей бо́льшаго общественнаго развитія* (??) всѣ недостатки должны были выразиться яснѣе и еще ярче показать безплодіе и грубость тогдашней жизни» (стр. 36). Не замѣчая въ нашихъ сказкахъ ничего иного, кромѣ фантазіи, исполненной преувеличеній и грубости, г. Милюковъ осуждаетъ

чудесную стихію ихъ за отсутствіе граціи. Это *чудесное* со времени Горація, до французскихъ псевдоклассическихъ теоретиковъ включительно, имѣло свое особое, самостоятельное мѣсто въ литературномъ кодексѣ: къ нему прибѣгалъ всякій, кто покушался на многотрудный подвигъ эпическаго пѣснопѣнія. Взглянувъ на него съ эстетической стороны, авторъ невольно становится на псевдоклассическую почву. Онъ забываетъ, что въ основѣ эпическаго *чудеснаго* лежитъ не одна пустая фантазія, а жизненный фактъ, народное вѣрованіе; иначе, какъ объяснить эту живучесть преданія, которая поддерживаетъ его цѣлыя тысячелѣтія вопреки успѣхамъ цивилизаціи и положительныхъ знаній? Если и теперь еще народныя массы вѣрятъ въ истину передаваемаго сказкой, пѣсней, то что же было въ ту отдаленную эпоху, которую мы называемъ доисторическою, въ вѣкъ народнаго эпическаго творчества, когда еще не существовало разлада между словомъ и мыслью, убѣжденіемъ и дѣломъ? Безъ этой внутренней цѣлости и жизненной вѣры въ самого себя гибнутъ всѣ умственные и нравственные его интересы, и жизнь сводится на тяжелую колею рутины и тупой привычки.

Чудесное — это та далекая старина, откуда для каждаго народа идетъ начало его обычаевъ и пѣсенъ. Безъ такой отдаленности исчезаетъ это *святилище* (Heiligthum), отъ котораго человѣкъ долженъ зависѣть: что народъ творитъ изъ своей собственной среды и чего касается рука его, то теряетъ уже для него свое обаяніе, становится обыкновеннымъ. Народъ не любитъ отдѣлять *чудесное* отъ *природнаго*. Его фантазія легко мирится и съ тѣмъ и съ другимъ; а вѣрованіе дѣлаетъ *чудесное* нашею собственностію, родовымъ наслѣдіемъ, которое съ незапамятныхъ годовъ принесли наши предки съ собою и укрѣпили за нами; мы владѣемъ имъ и снова передадимъ нашимъ потомкамъ. Только та пѣснь нравится намъ, которая всосана съ молокомъ матери и жила съ нами подъ одною кровлею; только тотъ обычай, то право вѣрно и безошибочно, которое взято изъ благочестивой старины.

Въ сказкахъ, однакожъ, *чудесная* стихія уже не имѣетъ этого живаго значенія. Сказка — не первобытная эпическая форма народной поэзіи, какъ пѣсня, гдѣ непосредственно высказывается народное вдохновеніе, а переходъ отъ поэзіи къ прозѣ, къ позднѣйшей повѣсти, роману, новеллѣ. Она еще коренится на старинной эпической основѣ, пользуется ея мотивами, такъ же чужда личнаго элемента, личной мысли разсказчика, но уже представляетъ бо́льшую или меньшую степень литературной обработки матеріала; поэтому-то въ ней открыто такое широкое мѣсто фантазіи разсказчика, которая, однако, никогда не сходитъ съ стариннаго эпическаго настроенія.

Взявъ въ разсчетъ эти обстоятельства, авторъ, нѣтъ сомнѣнія, взглянулъ бы на дѣло нѣсколько иначе и его эстетическаго чувства не оскорбило бы отсутствіе граціи *чудеснаго* въ нашихъ народныхъ сказкахъ.

Но всего ошибочнѣе мнѣніе автора о духовныхъ стихахъ: «Происхожденіе ихъ (говоритъ онъ) нѣсколько отлично отъ происхожденія народныхъ пѣсенъ и сказокъ: тѣ рождены цѣлымъ народомъ, служили памятникомъ его жизни, сдѣлались всеобщимъ достояніемъ, вездѣ пѣлись и разсказывались; стихи, напротивъ, не составляютъ самобытнаго созданія русскаго народа, но принесены къ намъ первоначально изъ Греціи и оставались чуждыми народу» (стр. 44). Это несправедливо. Если объемъ и распространеніе духовныхъ стиховъ дѣйствительно невелики (чему причина неразвитость нравственныхъ силъ народа и неумѣніе отстоять свои доисторическія преданія отъ напора чужеземныхъ началъ), если и основа ихъ по большей части нерусская, то все же въ сложеніи ихъ нельзя отрицать участія народнаго творчества. Уже одно то, что они носятъ на себѣ явные слѣды народной миѳологіи и вообще народныхъ вѣрованій, достаточно свидѣтельствуетъ о близости ихъ къ народу. Это были, такъ-сказать, пробы стараго эпическаго народнаго генія на новой основѣ, вошедшей въ русскую литературу вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Народное творчество, стѣсненное старинными книжниками

у себя дома, преслѣдуемое, какъ *бѣсовское*, *мірское дѣло*, нашло выходъ въ духовныхъ стихахъ, и отсюда это сочетаніе христіанскаго элемента съ языческимъ. То же явленіе, только въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, мы замѣчаемъ и на Западѣ: не только извѣстная книга монаха Якова *de Voragine Legenda aurea*, но и другія поэтическія произведенія нѣмецкой и французской средневѣковой старины представляютъ тому лучшее доказательство. Даже образовательныя художества, какъ скульптура и живопись, носятъ на себѣ рѣзкіе слѣды этого двоевѣрія: въ типахъ Мадонны видны слѣды *вѣщихъ* жонъ и валкирій, и вообще къ готовому старинному эпическому матеріалу прилагался только новый ярлыкъ, новое названіе. Нѣкоторыя наши *отеческія* книги имѣютъ тотъ же характеръ.

Но перенесемся на точку зрѣнія автора и посмотримъ, на сколько выдержанъ его взглядъ, на сколько онъ вѣренъ самому себѣ. Мы выше имѣли случай замѣтить, что эстетика Гегеля и правой стороны его школы потеряла всякое значеніе предъ геніальными открытіями, совершонными въ области искусства и литературы трудами Вильгельма Гумбольдта, братьевъ Гриммъ и ихъ многочисленныхъ послѣдователей. Для полной философіи искусства еще не настало время, а личныя умозрѣнія, какъ бы ни были они логичны и послѣдовательны, опровергаются первымъ фактомъ, взятымъ изъ дѣйствительности. Г. Милюковъ, поставивъ критеріумомъ для своихъ литературныхъ приговоровъ —эстетику, вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя отвѣтственность въ выдержанности своихъ эстетическихъ воззрѣній и ихъ согласіи съ современнымъ состояніемъ науки. Отъ бо́льшаго или меньшаго выполненія этого условія зависѣло все литературное достоинство первой части его «Очерка». Но, уклонившись отъ правильнаго взгляда на древнѣйшій періодъ народной жизни, авторъ уклонился и отъ здравыхъ эстетическихъ понятій. Мертвая логическая схема Гегеля была, очевидно, далека его, человѣка живого, слѣдившаго вездѣ жизненные вопросы; но такъ какъ жизненныхъ вопросовъ, по его мнѣнію, не оказывалось въ

нашей древней поэзіи, то онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ началамъ отвлеченной эстетики, и изъ этой помѣси гегелизма и своего личнаго живаго чувства составилъ какую-то *juste milieu*, которая по первому впечатлѣнію судитъ очень рѣшительно и говоритъ очень много, но очень немногое. Печальнымъ слѣдствіемъ этого было то, что самыя элементарныя понятія, каковы раздѣленіе поэзіи на роды и виды, ихъ связь и преемственность остановились у автора на степени смутнаго ощущенія неразграниченными, несознанными. Онъ постоянно употребляетъ слова: *поэзія эпическая*, *драма*, *лирика*, *эпосъ*, придавая имъ значеніе, какое можно видѣть въ учебникахъ профессора Зеленецкаго, гдѣ дѣленія и рубрики дошли до изумительныхъ тонкостей. На поэзію онъ смотритъ какъ на нѣчто механическое, не живую, а *отвлеченную* силу. Пѣсню онъ относитъ къ поэзіи лирической, сказку — къ эпической, а о значеніи, связи и преемственности этихъ литературныхъ формъ нѣтъ и помину.

Что же касается отсутствія живыхъ произведеній въ нашей старинной литературѣ, гдѣ бы выражалась общественная мысль, движеніе, то и это несправедливо. Авторъ позабылъ цѣлый отдѣлъ запрещенной литературы, книгъ *отреченныхъ*, апокрифовъ, которыхъ нельзя упрекнуть въ косности, застоѣ или отчужденіи отъ умственныхъ интересовъ. Они одни только и были представителями движенія русской мысли, загнанной непрошеными гостями въ скиты и вертепы лѣсные; они были живымъ протестомъ противъ насилій византійской схоластики и книжной *чади*, и этотъ протестъ иногда отливался въ такую поэтическую народную форму!

Мы думаемъ, что ошибки автора были слѣдствіемъ узкаго воззрѣнія на существо эпической народной поэзіи. Онъ такъ безпристрастно смотритъ на предметъ, что не поддается тѣмъ искусительнымъ грезамъ, которымъ неумѣренно предаются наши каноническіе историки литературы, умѣющіе съ изумительною ловкостью отыскивать глубокій смыслъ и великое значеніе тамъ,

гдѣ ихъ нѣтъ и быть не могло [1]); но дорога, избранная имъ весьма послѣдовательно, само собою привела его къ неправильнымъ заключеніямъ. Оттого, прежде всего, въ первой части его «Очерка» мы находимъ противоестественный порядокъ, или, лучше, не находимъ никакого порядка: сперва говорится объ историческихъ сказаніяхъ Нестора, потомъ о «Словѣ о Полку Игоревѣ» и «Сказаніи о мамаевомъ побоищѣ» и, наконецъ, о народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ.

Народная поэзія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, составляетъ основу, грунтъ тѣхъ немногихъ произведеній нашей литературы, въ которыхъ видна жизнь дѣйствительная. Автору прежде всего слѣдовало привести въ сознаніе этотъ народный капиталъ и потомъ слѣдить за его появленіемъ и измѣненіемъ въ литературѣ и народной жизни. Тогда и сказанія Нестора и «Слово о Полку Игоревѣ» получили бы свой надлежащій смыслъ и значеніе: оба они, особенно послѣднее, рѣшительно необъяснимы внѣ круга народной поэзіи. Избравъ противоестественный порядокъ, авторъ пришелъ и къ противоестественнымъ заключеніямъ: поэтическую сторону хроники Нестора, а равно и «Слово о Полку Игоревѣ», онъ отнесъ къ послѣднимъ остаткамъ героическаго духа, занесеннаго къ намъ воинственными скандинавскими выходцами. Мы нисколько не намѣрены отрицать непосредственнаго вліянія скандинавскаго элемента на историческія сказанія Нестора, но не видѣть въ нихъ ничего кромѣ вліяній, ничего народнаго — этого не дозволяетъ намъ и изученіе Нестора, и современное состояніе науки, уже пришедшей касательно этого вопроса къ такимъ прочнымъ и положительнымъ результатамъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» дѣло еще яснѣе. Все произведеніе отъ начала до конца пропитано народною миѳологіей, вѣрованіемъ и преданіемъ. Неужели скандинавское вліяніе было до того неотразимо, до того сильно, что положило неиз-

1) Послѣдній и самый блистательный примѣръ по этой части мы встрѣчаемъ въ «Русской Бесѣдѣ» за прошедшій годъ, кн. 4, крит. стр. 102.

гладимую печать на вѣковую духовную дѣятельность народа? Мы не усомнимся отвѣчать на это отрицательно. Сходство, какъ бы ни было оно велико и поразительно, еще не доказываетъ вліянія: оно можетъ итти отъ временъ до-историческихъ, отъ эпохи племеннаго единства; иначе поразительное сходство славянскихъ и нѣмецкихъ народныхъ сказокъ пришлось бы объяснять простымъ заимствованіемъ или вліяніемъ одной народности на другую.

Какъ велика и обаятельна сила народности, это доказываетъ лѣтопись того же монаха Нестора. Воспитанный подъ вліяніемъ византійской книжной учености (перешедшей къ намъ чрезъ Болгарію), въ дали и отчужденіи отъ свѣта и всего мірскаго, языческаго, онъ, однако, не могъ устоять противъ народнаго элемента и внесъ въ свою *Повѣсть временныхъ лѣтъ* родныя сказки и преданія, которыя нашъ авторъ принялъ за скандинавскія. Этимъ поспѣшнымъ заключеніемъ онъ лишилъ Нестора лучшаго достоинства, замѣнить котораго не могла даже та картинность, съ какою онъ разсматриваетъ достоинства его историческихъ сказаній.

Разборъ «Слова о Полку Игоревѣ» страждетъ тѣми же недостатками. Вопросъ о значеніи и отношеніи народнаго элемента къ литературной обработкѣ, самый существенный вопросъ, остался нетронутымъ и даже незамѣченнымъ; взамѣнъ этого авторъ предлагаетъ очень остроумное сближеніе памятника съ «Сказаніемъ о Мамаевомъ побоищѣ» — и отдаетъ *эстетическое* преимущество первому. И то, по крайней мѣрѣ, хорошо!

Очеркъ схоластической поэзіи очень остроуменъ и живъ; но онъ бы выигралъ еще болѣе въ истинѣ, еслибъ авторъ сумѣлъ стать на историческую точку зрѣнія и понять современное значеніе схоластической литературы и ея отношенія къ окружающему обществу. Въ одномъ только мы позволимъ себѣ небольшое разногласіе съ авторомъ: онъ дѣлаетъ Симеона Полоцкаго защитникомъ старины, который, въ своей *комидіи-притчи о Блудномъ сынѣ*, въ живомъ примѣрѣ послѣдняго караетъ всякія

покушенія на нововведенія, всякое стремленіе къ новому порядку вещей (стр. 58). Но съ этимъ остроумнымъ объясненіемъ едва-ли можно безусловно согласиться, вспомнивъ, что Симеонъ Полоцкій былъ представитель западнаго вліянія, воспитанникъ Польши и іезуитовъ, и наконецъ другъ Сильвестра Медвѣдева.

Сдѣлаемъ еще одну замѣтку, относящуюся къ первой половинѣ «Очерка»: причину малаго развитія народной поэзіи авторъ видитъ во вліяніи татарскаго ига. Это едва-ли справедливо. Скорѣе это должно приписать византійскому началу и одностороннему направленію нашей книжной дѣятельности въ до-петровское время. Самъ авторъ очень справедливо замѣчаетъ, что «поэзія древнихъ, какъ памятникъ язычества, считалась еретическимъ *гнилословіемъ*, не только ничтожнымъ и безполезнымъ, но даже опаснымъ и вреднымъ. Свѣтская поэзія казалась грѣховною; ее преслѣдовали и гнали какъ язву» (стр. 3). Понятно, что при такомъ секвестрѣ, при постоянномъ страхѣ сказать и сдѣлать что-нибудь преступное, то есть мірское, народное, не было мѣста литературному развитію народной поэзіи и жизненныя силы должны были отупѣть и заглохнуть и помимо татарскаго ига.

Перейдемъ ко второму отдѣлу книги г. Милюкова. Здѣсь разногласія наши съ авторомъ будутъ немногочисленны.

Между новою русскою поэзіей, произведеніемъ петровской реформы, и старинною, воспитанною на широкой народной основѣ, нѣтъ почти никакого средняго связующаго термина, и оттого-то между ними такъ мало общаго. Западныя новеллы и повѣсти, перешедшія къ намъ чрезъ Польшу, восточныя сказки въ болгарскихъ и русскихъ переводахъ и передѣлкахъ стоятъ какъ-то особо, болѣе примыкая къ древней нашей литературной дѣятельности, чѣмъ къ новой. Народныя русскія начала, изрѣдка въ нихъ пробивавшіяся, стѣсненныя въ своемъ развитіи византійскимъ элементомъ, оказываются узкими предъ новыми народившимися потребностями и не даютъ отвѣта на запросы молодаго общества. Отсюда, вмѣстѣ съ проникавшимъ образованіемъ, яв-

ляется и особая литература, литература общества, равно отличная и отъ ходячей народной пѣсни и сказки, и отъ схоластическихъ издѣлій нашихъ старинныхъ книжниковъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ жизненные общественные вопросы должны были выдвинуться на первый планъ, съ ними вмѣстѣ какъ бы выростаетъ и нашъ авторъ: онъ разомъ становится на твердую почву и предлагаетъ по временамъ такія мѣткія характеристики нашихъ писателей прошлаго и нынѣшняго столѣтій, что мы охотно миримся съ нимъ, не смотря на слабость первой части его «Очерка».

И здѣсь, однакожъ, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ невѣрностей и преувеличеній. Отмѣтимъ изъ нихъ только главнѣйшія.

У автора есть своя idée fixe, значительно мѣшающая спокойному, ясному разсмотрѣнію дѣла: своему сочувствію къ сатирическому направленію русской литературы прошлаго вѣка, доведенному до крайности, авторъ приноситъ въ жертву всѣ другія проявленія умственной и литературной дѣятельности. Съ какимъ-то затаеннымъ чувствомъ насмѣшки смотритъ онъ на нашихъ классиковъ XVIII вѣка, на Сумарокова, Княжнина, Хераскова. Если сатира перваго диктуетъ ему нѣсколько сочувственныхъ строкъ (стр. 89—92), то эстетика влечетъ его въ другую сторону (85—86). Между этою Сциллою и Харибдою онъ, повидимому, не знаетъ, какъ управить свой челнъ отъ водоворота, и отсюда эта неспокойная рѣчь, это неумѣнье стать на точку зрѣнія современниковъ и эти не всегда вѣрные приговоры. Такъ, упустивъ изъ виду то обстоятельство, что мѣркою эстетической критики нашего времени нельзя мѣрить такихъ писателей, какъ Княжнинъ, Херасковъ и другіе, онъ засудилъ ихъ на полное забвеніе, между тѣмъ, какъ современники ихъ думали иначе и смотрѣли на нихъ не только съ уваженіемъ, но даже съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ. Положимъ, что мы далеко ушли отъ Княжнина и другихъ; но въ правѣ ли исторія литературы пренебрегать судомъ современниковъ и не покажется ли страннымъ

эта борьба современнаго историка съ тѣнями давно отжившихъ литературныхъ дѣятелей? Неумѣніе стать на историческую точку зрѣнія сообщило всему сочиненію какой-то неровный характеръ, колеблющійся между исторіею и полемическимъ памфлетомъ. Сверхъ этого, его эстетика какъ-то не вяжется съ общественнымъ началомъ, развитіе котораго онъ постоянно слѣдитъ. Онъ принужденъ бываетъ разбивать характеристику писателя на нѣсколько рубрикъ, оставлять одного для другого и потомъ снова обращаться къ первому (стр. 84—82). Это, впрочемъ, уже недостатокъ системы. Сатирическому направленію нашей литературы придано авторомъ такое значеніе, какого оно не имѣло и не могло имѣть по условіямъ общественной жизни того времени. Дѣйствительно, патологическій осмотръ, по словамъ одного писателя, сдѣлался господствующимъ направленіемъ новой русской литературы. Это было новое отрицаніе существующаго порядка вещей, поднявшееся съ глубины пробужденнаго сознанія, крикъ ужаса каждаго поколѣнія, которое боится стать на одну доску съ изнанкою человѣческаго рода, выводимою на сцену нашею сатирой. Въ этой ироніи, гдѣ ничто не пощажено, даже самая личность сатирика — въ этомъ бичеваніи заключается для насъ радость мести и мрачное утѣшеніе; этимъ смѣхомъ мы разрываемъ связь, какая существуетъ между нами и этими созданіями, которыя не умѣютъ ни отстоять варварства, ни принять цивилизацію и которыхъ такъ много на поверхности русскаго общества. Но какъ ни важно значеніе сатиры въ нашей литературѣ, ея усилія остались безполезны для жизни; и теперь, по прошествіи столѣтія, мы стоимъ съ тѣми же вопросами и требованіями, которымъ жизнь не даетъ удовлетворенія и отвѣта. Ясно, что сатира не имѣла для нашего общества того широкаго значенія, какое даетъ ей нашъ авторъ. Но это было уже замѣчено и другими критиками, и потому мы не будемъ останавливаться на этомъ предметѣ; замѣтимъ только, что нигдѣ сатирическій элементъ не проявляется такъ сильно, какъ въ нашей журналистикѣ второй половины прошлаго вѣка. Обративъ на нее вни-

маніе, авторъ могъ бы значительно расширить свой взглядъ и, можетъ быть, избѣжалъ бы тѣхъ голыхъ приговоровъ и заключеній, къ какимъ по необходимости долженъ былъ прибѣгать для того, чтобъ сообщить своему «Очерку» значеніе системы.

Кромѣ общественнаго вопроса, находившаго для себя приличное выраженіе въ сатирѣ, кромѣ пользы практической, въ нашей прежней литературной дѣятельности можно замѣтить особое направленіе, которое можно было бы назвать направленіемъ забавы, удовольствія. Такова, напримѣръ, дѣятельность извѣстнаго Арзамасскаго Общества и другихъ. Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ вниманія на эту рыцарскую сторону нашей прежней литературы, изъ школы которой вышли сначала Карамзинъ, а потомъ Жуковскій и Пушкинъ.

О романтическомъ элементѣ, внесенномъ будто бы въ нашу литературу Жуковскимъ, мнѣніе автора ничѣмъ не отличается отъ общепринятаго. Вездѣ говоритъ онъ о романтическихъ *идеяхъ* нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ (стр. 129, 133), съ которыми познакомилъ русскую публику ихъ талантливый переводчикъ. Сущность этихъ *идей* (?) все та же: «грусть о непрочности жизни и вѣчное стремленіе къ иному существованію души, скорбящей по дѣйствительному и стремящейся къ идеальному». Все это вѣрно, но нисколько не объясняетъ дѣла. Всѣ комментаріи романтизма Жуковскаго сами не всегда свободны отъ его вліянія: за ними всегда остается что-то недосказанное и неудопонимаемое.

Романтизмъ и наше сочувствіе къ нему объясняются, по нашему мнѣнію, всего лучше *родствомъ* его съ элементами нашей народной поэзіи, на которой воспитались и воспитываются многія поколѣнія. Романтизмъ прежде всего не *идея*, а чувство или то смутное обаятельное состояніе, въ какомъ находится всякій, съ вѣрою внемлющій родной легендѣ или сказкѣ, всосанной имъ у груди матери.

Мысль въ сочиненіяхъ Жуковскаго болѣе чѣмъ слаба: въ нихъ почти нѣтъ никакой мысли, строго задуманной. Въ нѣкоторыхъ переводахъ своихъ онъ старается иногда еще возбудить

мысль (часто вопреки автору), и тогда стихотвореніе выходитъ мелко и, во всякомъ случаѣ, далеко не достигаетъ желаемаго...

При оцѣнкѣ Пушкина г. Милюковъ, повидимому, даетъ перевѣсъ эстетикѣ; оттого во второмъ періодѣ его дѣятельности онъ слѣдитъ только вліяніе Байрона, оставляя въ сторонѣ другіе, болѣе важные вопросы, какъ-то: отношеніе его къ окружающему обществу, его взглядъ на жизнь и на общественныя условія.... Между тѣмъ, какъ это самая живая, самая поучительная сторона пушкинской дѣятельности; авторъ самъ чувствовалъ это, давъ въ своемъ «Очеркѣ» мѣсто такому остроумному и вполнѣ справедливому объясненію того разлада между Пушкинымъ и его читателями, который наполняетъ послѣднія скорбныя страницы его жизни. Но самое главное разногласіе наше съ авторомъ «Очерка» будетъ по вопросу о литературномъ и общественномъ значеніи Гоголя. Кажется, пора перестать изумляться крутому повороту въ поэтической дѣятельности Гоголя, начавшемуся съ извѣстной *Переписки* его. Что́ бы ни говорили его почитатели, а между «Мертвыми душами» (т. I) и «Перепиской» нѣтъ никакого жизненнаго противорѣчія. Въ «Мертвыхъ душахъ» онъ былъ весь поглощенъ предметомъ, разнообразіемъ закулисной русской жизни. Онъ рисовалъ какъ художникъ, не имѣя времени одуматься и пораскинуть своимъ умомъ и разумомъ о смыслѣ картинъ, которыя такъ стройно выходили изъ-подъ его кисти и ложились на бумагу... «Выбранныя мѣста изъ Переписки» были плодомъ этого раздумья. По природѣ художникъ объективный, Гоголь никога не былъ человѣкомъ мысли, тѣмъ болѣе мысли современной, оттого вы напрасно будете искать въ немъ той горячей любви къ народу и тѣхъ горькихъ слезъ о его недостаткахъ и заблужденіяхъ, которыя видитъ г. Милюковъ. Въ немъ вы найдете художественные типы Собакевичей, Коробочекъ, Маниловыхъ — словомъ, поэтическую картину русскаго закулиснаго міра — и только! «Этой сознательности соціальной идеи, глубины взгляда на общество и теплоты гуманической любви къ людямъ», которыя видитъ въ немъ авторъ,

вы не отыщете, если только захотите прямо взглянуть на скорбные остатки предсмертной дѣятельности этого величайшаго русскаго художника.

Какое же общее заключеніе сдѣлаемъ мы объ «Очеркѣ исторіи русской поэзіи» г. Милюкова?

Лишенное строгой системы, связанное лишь единствомъ мысли (и то односторонней), а не единствомъ предмета, не чуждое фактическихъ ошибокъ и неточностей, это небольшое сочиненіе — все же пріятное явленіе въ современной русской исторической литературѣ, бѣдной хорошими учебниками и страдающей отсутствіемъ всякаго здороваго направленія. Посреди отсталыхъ теорій и взглядовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ мрачныхъ славянскихъ сновидѣній и восточной схоластики, книга г. Милюкова пріятно поражаетъ своею независимостію отъ авторитета прошедшаго и трезвымъ, непредубѣжденнымъ взглядомъ на вещи. Во уваженіе этихъ рѣдкихъ, въ наше время, достоинствъ, мы и рѣшились указать на тѣ стороны книги, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, оказывались не всегда согласны съ настоящимъ состояніемъ науки или допускали разномысліе.

О нравственной стихіи въ поэзіи.

Соч. Ореста Миллера.

1858.

Съ того времени, какъ исторія литературы впервые получила право гражданства въ наукѣ, и до настоящей минуты, когда рѣдкая изъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія пользуется такимъ общимъ почетомъ и вниманіемъ, какъ она, — многое измѣнилось и въ самыхъ воззрѣніяхъ ея, и въ матеріальномъ ея благосостояніи. Каждый день приноситъ что-нибудь новое. Съ увеличеніемъ числа фактовъ расширился самый взглядъ историка, и старыя, общеизвѣстныя явленія какъ бы обновились и приняли

иной видъ. Стоитъ только взглянуть на новѣйшіе многочисленные труды нѣмецкихъ ученыхъ сравнительно съ трудами ихъ предшественниковъ, чтобы убѣдиться, какъ далеко шагнула наука впередъ въ какія-нибудь десять лѣтъ, подъ вліяніемъ новаго животворнаго сравнительно-историческаго метода.

Отсюда первый вопросъ, представляющійся нашему уму, когда мы имѣемъ дѣло съ трудомъ ученаго содержанія, есть вопросъ о *современности*. Мы требуемъ — и имѣемъ на то полное право, — чтобы сочинитель былъ современенъ своей наукѣ и хорошо знакомъ съ ея наличнымъ капиталомъ. Всякое противорѣчіе только тогда имѣетъ смыслъ и значеніе, когда оно основано на знаніи того, чему противорѣчитъ, и только уполномоченное такимъ знаніемъ оригинальное убѣжденіе автора получаетъ вѣсъ и право на вниманіе, а внѣ его оно относится къ области куріозовъ на ряду съ доморощеною философіей Кифы Мокіевича или судьи, доходившаго *собственнымъ умомъ* до сотворенія міра. Относительно г. Миллера такое требованіе тѣмъ законнѣе, что предметъ его труда — не какое-нибудь спеціальное изслѣдованіе частнаго историческаго явленія, а общій взглядъ на развитіе нравственнаго идеала въ поэзіи; это не пустая игра въ имена, а задача, достойная полнаго вниманія и серіознаго изученія.

Къ сожалѣнію, и съ этой стороны сочиненіе г. Миллера оказывается безотвѣтнымъ передъ нашимъ справедливымъ и законнымъ требованіемъ. Какъ нарочно, онъ сумѣлъ выбрать себѣ такого руководителя, который скорѣе всѣхъ прочихъ могъ подать поводъ къ соблазну и ввести въ искушеніе. Я разумѣю Карла Розенкранца, ученика и послѣдователя Гегеля. Назадъ тому три года, онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Die Poesie und ihre Geschichte. Eine Entwickelung der poetischen Ideale der Völker». Это не иное что, какъ переработка его стариннаго (1832) руководства ко всеобщей исторіи поэзіи: матеріалъ остался почти тотъ же, измѣнился только планъ и взглядъ на исторію поэзіи вообще. Но измѣнился едва ли къ лучшему.

Не смотря на увѣренія г. Миллера[1]), будто сочиненіе Розенкранца замѣчательно именно тѣмъ, что представляетъ въ исторіи поэзіи каждаго отдѣльнаго народа послѣдніе выводы изъ всѣхъ, доселѣ совершенныхъ научныхъ изслѣдованій въ ея области, — мы, не обинуясь, позволимъ себѣ отказать въ этомъ качествѣ книгѣ нѣмецкаго ученаго.

Не отрицая его обширныхъ свѣдѣній и основательнаго вообще знакомства съ новѣйшею литературою предмета, можно сказать положительно, что это знакомство обнаружилось на самой книгѣ лишь богатымъ количествомъ цитатъ, а не дѣйствительно современнымъ взглядомъ на предметъ, и причина этого заключается въ общемъ характерѣ и направленіи всей литературной дѣятельности Розенкранца. Наслѣдовавъ отъ *учителя* уваженіе къ системѣ, къ подведенію всего разнообразнаго содержанія творческой дѣятельности человѣка подъ нѣсколько общихъ рубрикъ, всегда случайныхъ и узкихъ въ отношеніи къ богатому матеріалу, Розенкранцъ раздѣлилъ всю исторію поэзіи на группы, изъ которыхъ каждая, имѣя свои дальнѣйшія подраздѣленія, развиваетъ особый идеалъ.

За общимъ введеніемъ, которое всего менѣе показываетъ вниманіе автора къ послѣднимъ результатамъ науки, онъ вступаетъ въ самую исторію поэзіи и различаетъ въ ней три главнѣйшихъ идеала: красоты, мудрости и свободы. Идеалъ красоты, по его мнѣнію, выражается всего полнѣе у народовъ первобытныхъ (ethnische Völker), къ которымъ принадлежатъ, между прочими, греки, римляне, славяне, кельты и древне-германцы; идеалъ мудрости находитъ свое выраженіе у группы народовъ теистическихъ (theistische Völker), каковы: евреи, арабы, персы и турки; наконецъ, идеалъ свободы принадлежитъ народамъ христіанскаго міра, къ которымъ относятся византійцы, русскіе (!), племена романскія и германскія. Нѣтъ нужды, кажется, долго останавливаться на совершенной произвольности

1) Стр. 10 и 105 книги г. Миллера.

такого логическаго построенія по чисто-внѣшнимъ признакамъ. Несостоятельность и случайность его видна изъ всего дальнѣйшаго изложенія исторіи поэзіи. Довольно замѣтить, что самая мысль объ идеалѣ, какъ объ извѣстномъ отвлеченномъ принципѣ, развиваемомъ народомъ, рѣшительно противорѣчитъ его живому характеру: прямо исходя изъ жизни, онъ ближе и чувствительнѣе касается жизненныхъ интересовъ народа, чѣмъ полагаетъ нашъ нѣмецкій мыслитель, и никогда не можетъ низойдти на степень одной абстрактной мысли, потому что всякая отвлеченность противна живому народному организму, особенно въ эпоху его юности.

Системоманія заслонила отъ ученаго правильный взглядъ на предметъ, и ему какъ бы осталось непонятнымъ живое отношеніе поэзіи къ народной жизни. Оттого для всей исторіи онъ формулировалъ три главныхъ идеала, изъ которыхъ каждый съ равнымъ успѣхомъ можетъ быть относимъ ко всѣмъ народамъ и племенамъ, но ни одинъ не силенъ дать достаточнаго объясненія творческой дѣятельности народа. Это идеалы случайные, не существенные, идеалы, принадлежащіе системѣ, но не племенамъ и народамъ, къ которымъ они пріурочены. Такъ, напримѣръ, *идеалъ мудрости* отнесенъ только къ народамъ теистическимъ, тогда какъ у всѣхъ племенъ и народовъ мы встрѣчаемъ его въ большей или меньшей степени. Наивный взглядъ простолюдина на природу и ея явленія, находящій полное выраженіе въ свѣжихъ эпическихъ формахъ пословицы, примѣты, загадки, поговорки и т. д., — эта «старина стародавняя», по мѣткому выраженію русской пѣсни, — развѣ не та же мудрость, капиталомъ которой такъ упорно-долго ведется жизнь народа, вопреки притоку образованности и цивилизаціи? И что значитъ самый *идеалъ мудрости*? Если этимъ именемъ имѣлось въ виду обозначить особое поэтическое направленіе къ возведенію всѣхъ явленій жизни въ одинъ основной принципъ, то не то же ли явленіе мы находимъ у грековъ въ ихъ древнѣйшей поэтической философіи, у

кельтовъ въ ученіяхъ друидовъ и бардовъ [1]) и у всѣхъ младенческихъ народовъ въ ихъ обычаяхъ, религіозныхъ и юридическихъ учрежденіяхъ?

Способность рефлексіи и мысли не есть исключительная принадлежность одного какого-нибудь народа или племени, и хотя нѣкоторыя условія могутъ дать ей особое, исключительное развитіе, но она всегда останется способностію, прирожденною человѣку. То же самое должно сказать и о двухъ другихъ идеалахъ Розенкранца, — идеалахъ красоты и свободы: высокимъ созданіямъ христіанскаго средневѣковаго искусства и поэзіи мы не можемъ отказать ни въ поразительной красотѣ, ни въ глубокомъ назидательномъ, или, пожалуй, мудромъ дѣйствіи на душу современниковъ; равнымъ образомъ разверните Лукреція или другихъ поэтовъ стоической школы, и вы увидите, что у нихъ тотъ же идеалъ (sacer orbis amor), который Розенкранцъ отдѣлилъ для эпохи позднѣйшей.

Пожертвовавъ системѣ дѣйствительнымъ содержаніемъ, ученый пренебрегъ и необходимымъ разграниченіемъ между поэзіею народной и позднѣйшею дѣятельностію образованнаго поэта-литератора. Нечего и говорить, что смыслъ и значеніе эпическаго періода народной жизни остались при этомъ совершенно непоняты: отвлеченный мыслитель пребылъ вѣренъ системѣ *учителя*, и вся книга получила характеръ логической схемы, единственное достоинство которой заключается въ изложеніи содержанія главнѣйшихъ произведеній поэзіи.

Этого-то ученаго взялъ себѣ въ руководители г. Миллеръ. Онъ обязанъ ему не только главною мыслью своего труда, но и большею частью его матеріала: другихъ новѣйшихъ сочиненій онъ касался только слегка [2]), ибо «изъ существа его задачи само

---

1) См. памятн., недавно изданный Пиктé: Les mystères des bardes. 1856. Bruxelles.

2) Исключеніе дѣлаютъ старое сочиненіе Genthe и превосходное собраніе Jolowicz'a: Polyglotte der Orient. Poesie, съ которыми нашъ авторъ знакомъ довольно близко.

собою явствовало, что для рѣшенія ея спеціальныя изслѣдованія были бы рѣшительно неумѣстны: съ одной стороны *недостаточны*, съ другой *излишни*!»

Слѣдуетъ, однако, оговориться: между Розенкранцомъ и нашимъ авторомъ, при всемъ видимомъ сходствѣ ихъ историко-литературныхъ понятій, есть глубокое и важное различіе.

Многочисленными и долголѣтними трудами по литературѣ, философіи, исторіи Розенкранцъ выработалъ себѣ извѣстный взглядъ на предметъ и счастливо сумѣлъ помирить — на сколько это возможно — спекулятивное направленіе гегелиста съ положительнымъ серіознымъ взглядомъ историка. Мы разумѣемъ добросовѣстную передачу фактовъ и отсутствіе тѣхъ уродливо-рѣзкихъ приговоровъ, какіе встрѣчаются на каждомъ шагу у г. Миллера. Система много повредила нѣмецкому ученому: изъза нея онъ часто жертвовалъ правильностію взгляда (такъ, напримѣръ, поэзію Ирана онъ отдѣляетъ отъ ея индійскаго первообраза и относитъ къ отдѣлу магометанской поэзіи, и т. д.); но этотъ недостатокъ не сдѣлалъ его книги окончательно безполезною при занятіяхъ исторіею поэзіи, тогда какъ сочиненіе г. Миллера можетъ похвалиться этимъ качествомъ вполнѣ и безпрекословно. Розенкранцъ, не выходя изъ заповѣднаго круга системы, почти всегда остается вѣренъ исторической точкѣ зрѣнія; напротивъ, г. Миллеръ почти никогда не слѣдуетъ ей и остается лишь вѣренъ своей основной мысли о великой безнравственности всего рода человѣческаго, «вслѣдствіе несовершенства и паденія сдѣлавшейся его удѣломъ». Отъ различія во взглядѣ произошло различіе и въ характерѣ самыхъ сочиненій. Трудъ Розенкранца, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все же историческое изслѣдованіе, а сочиненіе нашего автора — юридическая докладная записка о безнравственности и поэтическомъ развратѣ нашихъ почтенныхъ предковъ. Тихъ и миренъ да будетъ могильный сонъ ихъ, и да не смутится онъ суетнымъ голосомъ, не уполномоченнымъ ни знаніемъ дѣла, ни прямымъ, безпристрастнымъ взглядомъ на него!

Послѣ этого необходимаго отступленія, обратимся къ самому сочиненію «О нравственной стихіи въ поэзіи», къ его фактической части.

Выше мы видѣли, какъ осторожно обошелъ г. Миллеръ *мелкіе* историческіе факты, обезопасивъ себя мыслью, что «для выполненія его задачи необходимы только явленія крупныя, въ коихъ творческая сила народа выказалась во всей полнотѣ»; теперь, въ исторической части, мы находимъ достаточное объясненіе такого понятія.

Для изслѣдователя, чуждаго постороннихъ внушеній, историческія данныя такъ обязательны, такъ важны, что онъ не рѣшится произнесть своего приговора, не скрѣпивъ его положительнымъ и честнымъ изученіемъ дѣла. Торопливыя, преждевременныя заключенія по двумъ-тремъ, хотя и *крупнымъ*, явленіямъ, обнаруживаютъ или плохое знакомство съ предметомъ, или непростительную уступку въ пользу предубѣжденія или какой-нибудь домашней симпатіи.

Надо отдать справедливость нашему автору въ строгой послѣдовательности и вѣрности однажды принятымъ началамъ. Рѣшивъ заранѣе, что до *извѣстной* исторической эпохи «нравственность каждаго и даже великаго народа болѣе или менѣе односторонняя», онъ поступилъ бы крайне неосмотрительно, если бы рѣшился выйти на широкое, чистое поле историческихъ фактовъ: такимъ рѣзкимъ протестомъ стоятъ они противъ его главной мысли! Но онъ не ходилъ такъ далеко и ограничился только новыми оригинальными варіаціями на тему старыхъ, общественныхъ фактовъ, подводя имъ тѣ удивительные итоги, образчики которыхъ мы имѣли случай показать выше.

Передъ взглядомъ его историческіе факты блѣднѣютъ до того, что онъ принужденъ бываетъ собственнымъ умомъ восполнять ихъ внутреннюю пустоту и длинными нравственными сентенціями скрадывать недостатокъ содержанія. Отсюда произошла такая мозаическая помѣсь личныхъ оригинальныхъ мнѣній съ историческими данными, что неопытный читатель можетъ припи-

сать индійскому Вальмикѣ или греческому Аристофану то, что, по всей справедливости, принадлежитъ только г. Миллеру. Гдѣ же дѣло коснется какихъ-нибудь общихъ выводовъ и заключеній, то онъ, вѣрный своей основной мысли, щедрою рукой разсыпаетъ такія оригинальныя воззрѣнія, которыя невольно приведутъ васъ къ печальному убѣжденію «о великой *ограниченности* человѣческой природы, вслѣдствіе несовершенства и паденія сдѣлавшейся его удѣломъ»

Особенно преслѣдуетъ автора его теорія первобытнаго совершенства. Заговоритъ ли онъ объ олицетвореніи предметовъ природы въ индійской поэзіи — и онъ открываетъ въ немъ «*поэтическое* воспоминаніе о томъ состояніи человѣка, когда природа дѣйствительно была ближе къ нему, когда онъ могъ отдыхать на груди ея, *не опасаясь вреднаго вліянія стихій*, когда въ каждой былинкѣ прозрѣвалъ онъ нѣчто духовное — невидимую силу Божества, постоянно близкаго душѣ человѣка, еще *не помрачившейся злоупотребленіемъ своей воли*» (стр. 38). Разоблачите эту индійскую характеристику и переложите ее на простой русскій языкъ, вы получите въ результатѣ два вывода: первый, вполнѣ справедливый, что было время, когда человѣкъ ближе и непосредственнѣе относился къ природѣ; второй, — что въ это время человѣкъ не опасался вреднаго вліянія стихій и не омрачался злоупотребленіемъ своей воли. Любопытно знать, откуда почерпнулъ г. Миллеръ такія любопытныя метеорологическія и психологическія подробности. «Чистота и теплота чувства любви и *тонкость* въ выраженіи его индійской поэзіи, *безъ сомнѣнія*, есть тоже какъ бы отблескъ первообразнаго состоянія человѣческой природы, которое нашло себѣ пріютъ, не смотря на то, что въ дѣйствительности перевѣсъ чувственной любви уже получилъ право гражданства» (стр. 27). И «чистота, величіе чувствованій, которыя мы встрѣчаемъ въ поэзіи Оссіановой, принадлежитъ (къ) инстинктамъ добра, сохраняющимся въ человѣчествѣ, какъ уцѣлѣвшая доля *первобытнаго его совершенства*» (стр. 106).

Мы очень наклонны повѣрить справедливости такихъ объяс-

неній автора: такъ легко и свободно прилагаются они ко многимъ фактамъ исторіи поэзіи, если бы не случилось двухъ обстоятельствъ, значительно подрывающихъ наше довѣріе: первое — происходящій отсюда отрицательный взглядъ на природу человѣка, и второе — несогласимое противорѣчіе идеи съ историческими явленіями. Все это отразилось и на сочиненіи г. Миллера.

Злоупотребленія воли, темныя дѣйствія воли — вотъ термины, которыми онъ обыкновенно живописуетъ природу человѣка. Самые добрые инстинкты ея онъ не рѣшается приписать ей самой, ея собственнымъ силамъ, а обращается къ своей теоріи и въ ней подыскиваетъ приличное объясненіе. «Человѣкъ отъ природы золъ и своеволенъ, въ немъ борются два противоположныя начала: добра и зла, онъ есть самъ виновникъ своихъ дѣлъ добрыхъ и злыхъ, но чаще злыхъ, ибо онъ осмѣлился свободу своей воли направить противъ закона нравственнаго, онъ палъ, и это паденіе есть корень всѣхъ горестей и превратностей его жизни». Таковъ вообще взглядъ на человѣка русскаго послѣдователя дуалистическаго ученія Зороастра. Иначе и быть не могло. Человѣческій умъ въ своихъ сужденіяхъ руководится исключительно категоріей противоположности, сравненія: коли далекое доисторическое время представляется моимъ глазамъ въ розовомъ свѣтѣ, какъ образецъ или совершенство, то чѣмъ далѣе я отхожу отъ него, тѣмъ болѣе мрака и заблужденія, тѣмъ извращеннѣе становится, въ глазахъ моихъ, человѣческая природа, когда-то свѣтлая и совершенная, а нынѣ руководимая темными дѣйствіями воли, наклонностію ко злу, и т. д. Жаль только, что нашъ авторъ до конца не преслѣдовалъ этой мысли, а остановившись на извѣстной эпохѣ, сдѣлалъ поворотный кругъ назадъ, конечно, опять къ совершенству... Разсматривая человѣка какъ почву, на которой обильно всходятъ плевелы, и находя источникъ этого въ темныхъ дѣйствіяхъ воли, г. Миллеръ не пощадилъ и не сдѣлалъ уступки и въ пользу человѣческой плоти: съ крайнимъ омерзеніемъ онъ отзывается о *незаконномъ равен-*

ствъ правъ плоти и духа и сочувствуетъ, напротивъ, восточнымъ и средневѣковымъ походамъ противъ правъ плоти, вмѣняя въ нравственную обязанность убѣгать всѣхъ соблазновъ *бреннаго* міра сего. Въ самую безвинную красоту онъ мещетъ перуны, какъ красоту преходящую, временную, ничтожную передъ вѣчною красотой духа; воображеніе его, человѣка призваннаго къ жизни духовной, рисуетъ ему подлѣ очаровательной головки страшный и отвратительный черепъ, въ который суждено ей обратиться, можетъ быть, чрезъ нѣсколько лѣтъ; среди благоуханія ароматовъ чудится ему смрадный воздухъ гніенія, и «по самымъ *роскошнымъ* (?) членамъ его какъ бы ползаютъ уже черви, готовые со временемъ уничтожить ихъ красоту» [1]... Но довольно, набросимъ скорѣй покрывало на эту мрачную картину, начертанную искусною кистью нашего автора. Нѣтъ, говоря словами Жоржъ-Сандъ: nous n'avons plus affaire à la mort,— и все это, весь этотъ мрачный взглядъ на природу человѣка такъ далекъ нашего времени, такъ противоположенъ его задачамъ и вѣрованіямъ, что мы находимъ излишнимъ и, скажемъ болѣе, *невозможнымъ* вступать въ споръ съ г. Миллеромъ. Пусть судятъ сами читатели, награждавшіе справедливымъ осужденіемъ тожественное направленіе «Маяка» и извѣстнаго критика комедіи г. Островскаго: «Не такъ живи, какъ хочется». Съ своей стороны мы замѣтимъ только одно. Говоря о положеніи женщины въ средніе вѣка и о супружескихъ отношеніяхъ, авторъ прибавляетъ, что «нравственность этой эпохи была слишкомъ юна, чтобы дорости до такого *мощнаго* чувства долга, которое бы заставляло *любить мужа* только потому, *что онъ мужъ*» (стр. 180). Слишкомъ юна... а наша современность уже слишкомъ стара передъ этимъ требованіемъ: она *переросла* его и оставила далеко за собою автора съ его мощнымъ долгомъ. На-

---

1) Собственныя слова автора, стр. 220. Смотри также стр. 68, 125, 189, 191, 197, 43, 84. Эти мѣста всего яснѣе показываютъ *современность* понятій г. Миллера.

прасно только онъ рѣшается предписывать такое правило, не справясь напередъ — захотятъ ли другіе признать его истину; а все происходитъ отъ темныхъ внушеній *духа*, мысленнымъ очамъ котораго человѣкъ является въ видѣ дикаго звѣря, имѣющаго нужду въ нравственномъ или физическомъ намордникѣ.

Отъ смерти перейдемъ къ жизни, къ противорѣчіямъ мысли г. Миллера съ историческими явленіями и самой съ собою. Это нашъ punctus consolationis, окончательно утверждающій нашу вѣру въ человѣка и убивающій довѣріе къ теоріи первобытнаго совершенства.

Вотъ слова г. Миллера: «По мѣрѣ удаленія отъ поры младенчества человѣчество утрачивало многіе добрые инстинкты; но врожденное нравственное чувство не могло быть утрачено имъ вполнѣ, а прирожденныя уму его высшія понятія не только не оскудѣвали, но, по мѣрѣ того, какъ человѣчество развивалось, становились глубже и зрѣлѣе, хотя иногда и зарождались въ нихъ заблужденія!» (стр. 46). Какъ же это? Чѣмъ болѣе человѣчество развивается и удаляется отъ поры своего младенчества (ибо это удаленіе и составляетъ развитіе), оно теряетъ многіе добрые *инстинкты*, и вмѣстѣ съ тѣмъ его высшія понятія становятся глубже и зрѣлѣе. «Нравственныя понятія во время Софокла, по мнѣнію автора, были зрѣлѣе и глубже, нежели при Омирѣ» (стр. 48), а между тѣмъ Гомеръ ближе къ эпохѣ младенчества греческаго народа и слѣдовательно ближе къ истинному понятію о добрѣ и нравственности. «Несправедливости, насильства, злодѣянія — являются у г. Миллера — какъ *неизбѣжныя* принадлежности всякаго *первобытнаго* общества» (стр. 110), тогда какъ по его теоріи тутъ слѣдовало бы быть высокимъ нравственнымъ качествамъ и истинному понятію о назначеніи человѣка, потому что чѣмъ ближе человѣчество къ эпохѣ своего младенчества, тѣмъ свѣжѣе сохраняются его добрые нравственные инстинкты, тѣмъ менѣе возможности для зла и порока.

Съ одной стороны теоретическое царство абсолютной правды, съ другой — трезвая сфера историческихъ данныхъ влекутъ къ

себѣ нашего автора, и онъ не знаетъ, какъ устоять между двухъ такихъ сильныхъ водоворотовъ. Какъ бы чувствуя свое неловкое положеніе, но не желая поступиться кровною мыслію, онъ беретъ *мудрое* правило средины и допускаетъ такое неприглядное объясненіе: «теперь, *кажется*, уже разочаровались въ этомъ (первобытномъ) обществѣ: оно прекрасно только въ *нѣкоторомъ* смыслѣ, то-есть въ немъ есть уцѣлѣвшія природныя начала добра, которыя часто оскудѣваютъ въ періодѣ *полуразвитія*, но въ немъ и *бездна* зла — слѣдствіе грубости» (стр. 110). И, Боже мой! куда должна дѣваться при такомъ взглядѣ ваша смѣлая и хитрая теорія первобытнаго совершенства: ужъ коли и въ *первобытномъ* обществѣ вы находите *бездну* зла и такую малую толику добра, то не лучше ли, оставивъ сумрачную миѳическую область, когда *люди* не были *людьми*, взглянуть прямо въ глаза человѣку безъ затаенной мысли о паденіи его природы? Тогда бы вы счастливо избѣжали и тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій на какія мы уже указывали и будемъ имѣть случай указать ниже, и нравственныхъ охуλокъ тому, во что̀ глубоко вѣритъ наша современность.

Недалекое знакомство г. Миллера съ наличнымъ капиталомъ исторіи литературы, какъ науки, отразилось на его книгѣ многими печальными явленіями.

Въ исторіи поэзіи каждаго народа не только чрезвычайно важно, но и крайне необходимо, отличать двѣ эпохи, два періода времени, разнящіеся другъ отъ друга какъ по направленію и характеру, такъ и по конечнымъ цѣлямъ. Это эпоха непосредственной художественной дѣятельности народа, эпическій періодъ его жизни, и время позднѣйшей, чисто литературной дѣятельности. Встарину поэзія живѣе касалась народной жизни, чѣмъ во времена послѣдующія. Она составляла необходимую, важнѣйшую часть ея — и ея цвѣтомъ окрашивались даже самыя мелкія житейскія обиходныя подробности. Далекій отъ позднѣйшаго отвлеченнаго пониманія поэзіи, какъ искусства, простолюдинъ, тѣмъ не менѣе, былъ поэтомъ во всѣхъ обстоятельствахъ

жизни: во взглядѣ на видимую природу и свои отношенія другъ къ другу и къ вѣкожизненнымъ богамъ, правящимъ міромъ. Поэзія въ тѣ отдаленныя времена составляла одно нераздѣльное цѣлое съ религіей и всякимъ убѣжденіемъ и широко входила въ народную жизнь, обнимая всѣ ея отправленія. Эта-то живая связь всѣхъ жизненныхъ элементовъ народа съ поэзіей и породила богатство народныхъ сказаній, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, отмѣченныхъ чертами свѣжей, поразительной красоты и составляющихъ нынѣ предметъ особаго вниманія науки.

Понятно, послѣ этого, какое высокое значеніе имѣетъ такъ-называемый эпическій періодъ народной жизни для историка: только здѣсь, въ эту эпоху, поэзія принадлежитъ всему народу сообща и прямо относится къ жизни его, какъ необходимый нравственный элементъ, безъ котораго эта жизнь была бы чрезчуръ бѣдна и непривѣтлива. А далѣе — на сцену выступаетъ дѣятельность частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои частныя цѣли и стремленія, является литература общества, часто рѣшительно противоположная прежней творческой дѣятельности цѣлаго народа. И поэзія теряетъ свое всеобъемлющее значеніе и то прямое отношеніе къ народной жизни, какое имѣла она въ то время, когда была принадлежностію цѣлаго народа и прямо отвѣчала на его жизненныя потребности.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какое высокое значеніе имѣетъ народная поэзія для изслѣдователя, задачею котораго было прослѣдить развитіе нравственной стихіи въ исторіи поэзіи. Кажется, г. Миллеръ самъ чувствовалъ это; по крайней мѣрѣ въ этомъ насъ убѣждаютъ его слова, которыми онъ отдаетъ народной поэзіи нравственное преимущество передъ поэзіей искусственной. «Эта (народная) поэзія, говоритъ онъ, при всей *грубой недоконченности образовъ* (?!), набросанныхъ, впрочемъ, мощною кистью, преимущественно отличается *нравственностію* основнаго начала» (стр. 6.)

Дѣйствительно такъ! Но почему же дѣло и остановилось на этомъ объясненіи? почему г. Миллеръ, понимая высокое значе-

ніе народной поэзіи, отвелъ ей такой малый уголокъ въ своемъ трудѣ и даже не обратилъ вниманія на внутреннее отличіе ея произведеній отъ позднѣйшихъ литературныхъ явленій, принадлежащихъ уже личному вдохновенію образованнаго писателя? Такой печальный фактъ снова приводитъ насъ къ мысли о недалекомъ знакомствѣ автора съ современнымъ состояніемъ исторіи литературы, какъ науки, хотя по нѣкоторымъ цитатамъ мы въ правѣ предполагать въ немъ такое знакомство.

Какъ все высокое, прямо относящееся къ жизни, чуждое лжи и умышленнаго обмана, народная поэзія вся зиждется на чисто нравственной основѣ и имѣетъ конечною цѣлью удовлетвореніе подчасъ чрезъ мѣру возмущеннаго людскою неправдой нравственнаго чувства слушателя, она непосредственно и прямо даетъ отвѣтъ на всѣ живые запросы народа, облегчаетъ грудь отъ накопившихся болей и заботъ, которыми полнится низменная жизнь простолюдина. Возьмите любой сборникъ народныхъ произведеній и вглядитесь въ ихъ заключенія: передъ вами раскроются всѣ симпатіи народа, его нравственный взглядъ на житейскія отношенія; ибо какъ пѣсня, такъ и сказка — сказывается *добрымъ людямъ на послушаніе*, веселымъ молодцамъ на утѣшеніе. Чуждаясь сухой дидактики, эпосъ, тѣмъ не менѣе, высоко нравственъ и поучителенъ.

Закрывъ глаза на этотъ богатый родникъ народнаго творчества, г. Миллеръ добровольно лишилъ себя лучшаго и плодотворнаго матеріала. Но ему, какъ мы показали въ предыдущей статьѣ, желалось не исторической, реальной нравственности; онъ становится выше, на точку зрѣнія нравственности абсолютной, и отсюда уже обозрѣваетъ *крупныя* явленія исторіи поэзіи. Понятно, что съ такихъ горнихъ странъ и народный эпосъ могъ показаться фактомъ мелкимъ, незначительнымъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ мы думаемъ, главнымъ образомъ кроется причина историческихъ ошибокъ автора: его неловкое и неправильное толкованіе фактовъ, неумѣнье отличить явленія дѣйствительно важныя отъ несущественныхъ и, наконецъ, многія оригинальныя

объясненія, происходящія долею и отъ *воспоминанія* о первобытномъ совершенствѣ.

Если нашъ авторъ съ одной стороны — моралистъ, то съ другой — онъ спекулятивный философъ. Въ нашъ практическій вѣкъ, не уважающій отвлеченныхъ и неприложимыхъ къ жизни идей, старинная философская эстетика окончательно утратила свой кредитъ и годъ отъ году приходитъ въ забвеніе. Для полной философіи искусства еще не готовы матеріалы, а строить умозрительную храмину на пескѣ — занятіе не достойное ни современной науки, ни серіознаго человѣка. И, должно сказать правду, всѣ подобныя попытки приводили къ жалкимъ и несостоятельнымъ результатамъ. Стоитъ только припомнить судьбу всѣхъ нѣмецкихъ эстетикъ послѣдняго времени и нашихъ русскихъ подражаній имъ. Выведенныя a priori, онѣ не произвели рѣшительно никакого благаго вліянія на уразумѣніе законовъ искусства и остались непризнанными наукой. Казалось, достаточно такихъ поразительныхъ примѣровъ, чтобы на время, пока не будутъ разработаны матеріалы, повоздержаться отъ эстетическихъ умозрѣній; но сочиненіе г. Миллера убѣдило насъ въ противномъ. Наклонный къ отвлеченіямъ и желая притомъ сохранить оригинальность мысли, онъ строитъ слѣдующее логически-умозрительное зданіе для поэтическихъ произведеній. Приведемъ его собственныя слова: они не много займутъ мѣста.

«Для полнаго овеществленія *поэтической идеи* (?) необхо-
«дима не только сила творчества, но и строгая законченность въ
«самыхъ мощныхъ созданіяхъ его (?!). И въ этомъ отношеніи
«поэзія не рѣдко раздѣляетъ общее несовершенство человѣческихъ
«начинаній. Мы встрѣчаемъ произведенія, высокія по мысли и
«основнымъ ударамъ рѣзца (!), но лишенныя доконченности: та-
«ковы многія произведенія индійской поэзіи, которую мы рѣ-
«шаемся потому назвать *поэзіею мысли* по преимуществу (!?).
«Напротивъ, поэзія греческая можетъ назваться *поэзіею выпол-*
«*ненія*, тогда какъ по возвышенности нравственнаго начала она
«не рѣдко уступаетъ поэзіи индійской. Недоработанностью и не-

«ровностью въ выполненіи отличается преимущественно поэзія «*инстинктивная* (?) или такъ-называемая устно-народная, вы-«ливающаяся изъ творческой силы народа, безъ всякаго *созна-«нія имъ законовъ искусства*[1]), безъ всякаго предваритель-«наго соображенія и *критической* повѣрки умомъ», и т. д. (стр. 6).

Къ чему могутъ послужить подобныя классификаціи исторіи поэзіи? Конечно, ни къ чему. Ваши познанія нисколько не просвѣтлѣютъ отъ нихъ и пониманіе исторіи поэзіи ни на шагъ не подвинется впередъ, а скорѣе придетъ въ бо́льшую запутанность. Дѣло въ томъ, что такое раздѣленіе, подобно тому, какъ мы встрѣчаемъ это и у Розенкранца, есть совершенно внѣшнее, формальное, и давно оставлено наукою. Оно безсильно ввести читателя въ жизненные интересы народа и раскрыть передъ нимъ живую картину его поэзіи и связь ея съ самою жизнью. Поэзія есть живая народная сила; дробить ея произведенія по рубрикамъ — значитъ, по малой мѣрѣ, обращать вниманіе только на одну ея форму и пренебрегать дѣйствительнымъ живымъ содержаніемъ, рѣзать цѣльный организмъ по живому въ угоду своей наклонности къ формальнымъ системамъ и отвлеченнымъ постройкамъ.

Равномѣрно и фактъ *неровности* и *недоработанности* произведеній народной поэзіи есть фактъ несущественный и неважный. Эпосъ обнимаетъ всю жизнь человѣка съ ея тяжелыми и свѣтлыми минутами, и смотрѣть на него съ точки зрѣнія одной формы есть такой же ограниченный и недалекій взглядъ, какъ еслибъ кто сталъ заключать о нравственныхъ качествахъ человѣка на основаніи физическаго признака, ставящаго его на одну линію съ *двуногими* животными. Если цѣлыя сотни поколѣній находили въ народной поэзіи удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ и черпали изъ нея новыя, свѣжія силы для жиз-

1) О, великій Буало! какъ долго твой ученый колпакъ виситъ надъ глазами нашихъ эстетиковъ-умозрителей.

ненной борьбы, то здѣсь вопросъ о формѣ — право, вопросъ пустой и безплодной схоластики.

Комизмъ грековъ и римлянъ авторъ раздѣляетъ на *смѣшное въ положеніи* и *смѣшное въ характерахъ*, не замѣчая, что первое — только предшествующая фаза литературнаго развитія, и фаза далеко не такая низкая, какъ онъ полагаетъ. Увлекшись эстетическою мыслью о необходимости характеровъ въ поэзіи, онъ произноситъ строгій приговоръ надъ Аристофаномъ, говоря, что въ его комедіяхъ «нѣтъ ни одного почти человѣческаго характера, а какое-то собраніе въ отдѣльныхъ людяхъ различныхъ порочныхъ поступковъ, не составляющихъ ничего психологически общаго» (стр. 72). Съ точки зрѣнія отвлеченной — это вѣрно; но потому-то типы Аристофана и были современны и имѣли значеніе, что они указывали на вопіющія отступленія отъ того, чему, по его понятіямъ, должно было быть. Ясно, что нашъ авторъ придаетъ слишкомъ мало значенія соціальному смыслу комедій Аристофана, тогда какъ это первое и самое важное.

Устарѣлая, ложная мысль, лежащая въ основѣ всего труда, видимо крѣпнетъ и мужаетъ, благодаря плохому знакомству автора съ современнымъ состояніемъ науки исторіи литературы. Когда умъ не обремененъ *излишнимъ* знаніемъ, ему бываетъ какъ-то просторнѣе: онъ судитъ рѣшительнѣе и смѣлѣе, безъ той мелочной осторожности, какою напрасно затрудняютъ себя многіе ученые; онъ не боится ошибки, потому что не предчувствуетъ трудности дѣла, за которое берется. Иные выставляютъ это дорогое качество какъ признакъ цѣльности ума, не тронутаго тлетворнымъ дыханіемъ *ложной* науки, другіе называютъ это просто невѣжествомъ; но г. Миллеръ не даетъ ему никакого опредѣленнаго названія, а рѣшается собственною особой выступить на такую дорогу.

Подъ вліяніемъ узкаго взгляда на народную эпическую поэзію, авторъ узко понимаетъ и ея важнѣйшіе историческіе моменты: такъ, напримѣръ, значеніе животнаго эпоса осталось

совершенно неизвѣстно ему, не смотря на то, что онъ много разъ указываетъ на классическую книгу Гримма, Reinhart Fuchs, гдѣ именно находится самое удовлетворительное объясненіе этого любопытнаго и важнаго явленія въ исторіи поэзіи. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ даже прибѣгаетъ къ такому объясненію, простота и умилительность котораго возвращаютъ душу читателя къ первымъ временамъ его дѣтства и школьнаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не почувствовать себя отрокомъ при чтеніи слѣдующаго ланкастерскаго способа разъясненія фактовъ исторіи литературы: «Понятія человѣка объ отношеніяхъ его къ вещественной природѣ и къ міру животныхъ отразились въ индійской поэзіи также съ младенческимъ простодушіемъ. Кто обращалъ вниманіе на маленькихъ дѣтей, тому *должно* быть извѣстно, что дѣти способны дѣлать вопросы какой-нибудь *кошечкѣ*, давать пить деревянной *лошадкѣ*. Дайте ребенку поиграть какимъ-нибудь предметомъ, *и если вамъ* захочется взять его обратно, то скажите только, что этому предмету пора спать, возьмите и положите; и дитя не заплачетъ: оно будетъ вѣрить, что неодушевленный предметъ можетъ спать какъ оно само» (стр. 36). И просто, и хорошо! А между тѣмъ, этимъ наивнымъ объясненіемъ порѣшенъ вопросъ о происхожденіи животнаго эпоса. Правда, ниже говорится еще, «что индійцы, вѣруя въ переселеніе душъ, глядѣли на животныхъ не нашими глазами; для нихъ животное должно было казаться болѣе уважительнымъ, ибо въ немъ могла заключаться душа усопшаго и усопшаго близкаго человѣка»; но вѣроятно этому предположенію самъ авторъ его не придавалъ большаго значенія, послѣдующія его слова служатъ тому лучшимъ и рѣшительнымъ доказательствомъ: въ нихъ онъ прямо — и прибавимъ отъ себя: вполнѣ справедливо — говоритъ, что «явленіе природы олицетворяется на основаніи *своихъ* собственныхъ свойствъ — олицетворяется потому, что человѣкъ въ отношеніи этого явленія къ другому подмѣтилъ что-то похожее на человѣческія отношенія и тотчасъ придалъ имъ человѣческій образъ». Совершенно справедливо! Но зачѣмъ

же г. Миллеръ не остановился здѣсь во-время и не развилъ этой мысли, а обратился снова къ гаданіямъ, по которымъ олицетвореніе предметовъ природы «объясняется — яко бы — только желаніемъ человѣка отпечатлѣть въ поэзіи слѣдъ *первобытной* гармоніи между духовною и вещественною своею природою»..., и къ поэтическимъ воспоминаніямъ о томъ состояніи человѣка, когда еще его воля не принимала злого и мрачнаго характера?

Сатирическій элементъ является въ литературѣ довольно поздно, когда общество уже успѣло познакомиться съ образованностію и стать въ сознательное отношеніе къ своимъ недостаткамъ. Между этимъ состояніемъ и младенческою спокойною жизнью первобытныхъ народовъ почти не существуетъ внутренней связи и преемственности, а только связь внѣшняя: позднѣйшій сказочникъ-баснописецъ пользуется формою стариннаго апологa или сказки и вводитъ въ свое произведеніе жизнь животныхъ только какъ аллегорію, подъ которою кроется извѣстная нравоучительная мысль. Живая вѣра въ разсказываемое приключеніе исчезла вмѣстѣ съ закатомъ эпическаго періода народной жизни, — исчезло и обаятельное впечатлѣніе, производимое на душу разсказомъ; сатира уже стремится по преимуществу къ тому, чтобы расшевелить спящее сознаніе, мало заботясь о формѣ и средствахъ. Басня позднѣйшая есть такой же ложный родъ поэзіи, какъ и позднѣйшій эпосъ, составленный въ подражаніе старинному народному эпосу. Оба они являются въ эпоху относительно позднѣйшую и никоимъ образомъ нейдутъ въ сравненіе съ старинными произведеніями народной поэзіи. Вопреки мнѣнію г. Миллера, старинный эпосъ не есть произведеніе *одного воображенія* (стр. 204), но и глубокой вѣры народа. Оттого онъ всегда истиненъ, всегда даетъ полное удовлетвореніе нравственному чувству народа; онъ шире, *нравственнѣе* — если хотите — всѣхъ позднѣйшихъ издѣлій образованныхъ писателей; онъ входитъ въ жизнь народа не только какъ одинъ изъ важнѣйшихъ ея элементовъ, но и какъ лучшая, *нравственнѣйшая* ея половина, какъ источникъ новыхъ силъ, отъ общенія съ которымъ человѣкъ

обновляется, юнѣетъ. Это подспорье нравственнаго его существованія, часто грубо оскорбляемаго противорѣчіями жизни...

До такого высокаго значенія никогда не доходитъ позднѣйшая литература, и лучшее доказательство тому мы находимъ въ нашей современности. Наша литература, какъ выраженіе общественной жизни, есть цѣлый реперторій непоконченныхъ вопросовъ, залежавшихся и не переданныхъ въ архивъ бумагъ: нарастаютъ новыя требованія, новые запросы, смыслъ и значеніе которыхъ день ото дня становятся шире, а прежнее остается безъ отвѣта. Почти съ каждымъ днемъ являются новыя произведенія и новые производители — и все та же пустота, та же поразительная тщета усилій удовлетворить требованія современности, то же безмолвіе передъ ея жизненными запросами. Золотая средина и останется золотою срединой, мысль не любитъ такихъ нечестныхъ сдѣлокъ à l'amiable и требуетъ или полнаго *практическаго* признанія своей истины, или полнаго отрицанія. Откуда же это?

Эстетики-идеалисты говорятъ, что это происходитъ отъ отсутствія въ жизни и поэзіи идеала, а практики-реалисты — отъ недостатка внутренней энергіи, растратившейся на неровной жизненной дорогѣ. И это вполнѣ справедливо, по крайней мѣрѣ для нашего времени. Это болѣзнь вѣка, болѣзнь историческая. Весь прогрессъ и движеніе настоящей жизни рѣшительно ничтожны передъ огромными завоеваніями мысли. Жизнь практическая все еще повторяетъ зады, заданные Богъ-вѣсть когда разными временными потребностями и случайными причинами: оттого въ груди человѣка остается такъ много мѣста для требованій и желаній, оттого на вопросъ его о хлѣбѣ — жизнь и литература подаютъ ему камень, на требованіе рыбы — отвѣчаютъ змѣей.

Говоря о существованіи такого глубокаго разлада между убѣжденіемъ, литературою и жизнью современности, мы не предпочитаемъ ей старину, не указываемъ на нее, какъ на камень спасенія или путеводную звѣзду, не закашиваемъ *чужого* сѣно-

коса, а только хотимъ указать на различіе въ характерѣ и направленіи древней и новой литературы. Старина всегда останется мертвою стариной и въ тысячу разъ менѣе можетъ дать удовлетворенія современному человѣку, чѣмъ его настоящее, которое, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ быть названо *тоже стариною*. Душѣ живого современнаго человѣка противно въ мрачной темницѣ нравственнаго авторитета, откуда нѣтъ уже выхода на вольный свѣтъ. Потребна особая слабость *мысли*, чтобы рѣшиться замаривать свое *живое* чувство въ душныхъ клѣтяхъ прошедшаго и выставлять приниженіе личности какъ нравственный принципъ и назначеніе человѣка. Мертвымъ не приходится мѣшаться въ дѣла живыхъ, а живымъ не годится ходить за совѣтомъ на кладбище. Тѣни прошедшаго всегда пугаютъ насъ и опека старины всегда вредна для умственнаго совершеннолѣтія. Наша жизнь потому и не красна, что не покончила еще своихъ счетовъ съ прошедшимъ и не подвела общаго итога. Авторитетъ, *каковъ бы онъ ни былъ*, только тогда можетъ имѣть доброе, благое вліяніе, когда онъ не имѣетъ юридическаго обязательнаго характера, когда къ нему относишься свободно, сознательно, какъ равный къ равному — иначе онъ получитъ полицейское значеніе и необходимо, рано или поздно, вызоветъ реакцію, не всегда безопасную и мирную. Слѣпая преданность авторитету — не только слабость, но и порокъ, самый противочеловѣческій, особенно для того, кто имѣетъ возможность и условія самостоятельнаго умственнаго и нравственнаго существованія. По своей природѣ человѣкъ долженъ *вѣрить* въ себя самого, и когда онъ переноситъ эту вѣру на *посторонніе* предметы, тогда онъ добровольно создаетъ себѣ кумира, служеніе которому не оправдаетъ ничье современное чувство. И, странная вещь! Мы вѣримъ старинѣ, а не хотимъ повѣрить современности, не хотимъ понять ея смысла и ближе поразсмотрѣть, куда все идетъ. Но возвратимся скорѣе къ нашему предмету.

Мы говорили, что встарину литература имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ въ позднѣйшее время: она относилась къ

народной жизни прямѣе, дѣйствовала на нее рѣшительнѣе. Не будучи намѣренно нравоучительна, она поучала народъ, воспитывая въ немъ нравственное чувство и добрыя человѣческія стремленія. Этой простой мысли какъ будто не хочетъ понять г. Миллеръ. Оттого онъ, въ своемъ изложеніи исторіи поэзіи, часто приписываетъ многимъ явленіямъ ея такой смыслъ, который, по малой мѣрѣ, принадлежитъ только ему самому. Такъ, напримѣръ, при разборѣ средневѣкового Рейнгарта, онъ говоритъ, «что средневѣковой звѣриный эпосъ имѣетъ *цѣлію* — въ образѣ животныхъ *изобразить нравственное паденіе человѣческой* природы», или нѣсколько выше: «на уподобляемости человѣка животному и зиждется звѣриный эпосъ среднихъ вѣковъ; животныя, въ немъ дѣйствующія, сохраняя свои характеристическія свойства, суть въ то же *время не что́ иное, какъ люди, ниспадшіе до степени* животныхъ» (стр. 223). Рѣшительная неправда! Дѣло было совершенно наоборотъ. Средневѣковой Рейнгартъ есть только позднѣйшая передѣлка стариннаго устнаго народнаго эпоса о жизни и похожденіяхъ животныхъ; мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе явные слѣды его не только у нѣмецкихъ, но и у романскихъ племенъ и у грековъ[1]). Сатирическое направленіе явилось въ немъ не какъ сознательный принципъ, а въ силу весьма обыкновенной причины, по которой литературное произведеніе всегда отражаетъ на себѣ многія черты современной ему жизни. Средневѣковыя сказанія о Рейнгартѣ заимствовали много чертъ изъ современности, но такое заимствованіе случилось безсознательно или, по крайней мѣрѣ, вовсе не изъ нравственныхъ видовъ. Это были новыя пробы созданія исторіи звѣрей на старинной основѣ, весьма различныя отъ позднѣйшей *басни*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы предлагаемъ автору сличить сказанія о средневѣковомъ Рейнгартѣ съ нашими народными сказками. Между ними онъ отыщетъ чрезвычайно много сход-

1) См. Якова Гримма: Über Reinhart Fuchs. Handschreiben an Karl Lachmann. Leipzig. 1840.

наго, но неужели наши сказки будутъ поэтому сознательною сатирой, цѣль которой — исправленіе нравовъ? Очень жаль, что г. Миллеръ, такъ часто цитующій классическую книгу Гримма о Рейнгартѣ, не заблагоразсудилъ прочесть X—XV страницы его предисловія: онъ нашелъ бы тамъ удовлетворительное рѣшеніе вопроса объ *отношеніи* дидактическаго начала къ эпосу; справясь съ этимъ, онъ, вѣроятно, не сталъ бы тратить время на такое подробное объясненіе Рейнгарта, какое встрѣчаемъ въ его трудѣ. Если же нашъ авторъ не былъ согласенъ съ мнѣніемъ Гримма, то почему онъ не изложилъ причинъ такого разногласія? Мнѣніе Гримма принято современною наукой какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и, во всякомъ случаѣ, оно заслуживало или серіознаго вниманія или серіознаго опроверженія. Конечно, при такомъ взглядѣ Рейнгартъ теряетъ для г. Миллера то высокое нравственное значеніе, какое онъ придавалъ ему доселѣ; но мы, довольно знакомые уже съ приговорами автора, не усомнимся пожертвовать *нравственностію* Рейнгарта (по г. Миллеру) — дѣйствительному факту, добытому положительнымъ изученіемъ. Знакомый съ современною наукой исторіи словесности не болѣе какъ *par ouï-dire*, г. Миллеръ и всю средневѣковую литературу разсматриваетъ по особому оригинальному способу.

Средневѣковая европейская литература не есть произведеніе вполнѣ самобытное, независимое отъ чуждыхъ вліяній. Напротивъ. Ранѣе всего она испытала вліяніе классической образованности, а вслѣдъ за тѣмъ явилось и христіанство, вліяніе котораго было еще сильнѣй. Но, безъ сомнѣнія, основою и грунтомъ средневѣковой поэзіи, ея истинною почвой была та совокупность духовныхъ силъ народа, которую мы привыкли называть именемъ *народности*. Развитіе ея исключительно принадлежитъ племенамъ нѣмецкимъ. Кельты и вообще племена романскія довольно рано, вмѣстѣ съ утратою политической независимости, утратили и многія черты народнаго характера, свой родной языкъ и свою поэзію; народности славянская и литовская, при всей свѣжести и

неразвитости, сохранившейся и до нашего времени, находились почти внѣ круга литературнаго движенія среднихъ вѣковъ: однимъ племенамъ нѣмецкимъ суждена была блестящая литературная дѣятельность.

Нѣмецкая народность ни на шагъ не поступилась своей независимостію въ пользу иноземныхъ вліяній, она не утратила своего коренного характера и оставалась главнымъ дѣйствующимъ элементомъ какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи среднихъ вѣковъ. Нашъ авторъ, кажется, чувствуетъ это. При переходѣ отъ поэзіи древняго міра къ новой, средневѣковой, онъ подвергаетъ анализу главные элементы, которые участвовали въ образованіи романтической поэзіи: кельтскій и германскій, восточный, классическій и наконецъ христіанскій. Намъ кажется, что въ такомъ воззрѣніи есть своя доля правды и своя ошибка. Для того, чтобы какое-нибудь вліяніе могло имѣть смыслъ, необходимы среда, предметъ для него. При отсутствіи послѣдняго вліяніе не мыслимо: спрашивается, какъ можетъ вліять извѣстный народъ, если у него нѣтъ предмета для вліянія? Эти простыя элементарныя понятія мышленія тѣмъ не менѣе остались какъ будто неизвѣстны г. Миллеру. Всю романтическую поэзію онъ слагаетъ изъ множества вліяній, не признавая, однако, ни одного изъ нихъ за основу, на которую бы могли вліять другія. Но жизнь и поэзія народа не складываются только изъ однихъ вліяній: у нихъ есть своя положительная сторона, свой фундаментъ, который все-таки остается важнѣе всякихъ вліяній. Г. Миллеръ въ этомъ случаѣ былъ только невольнымъ данникомъ своего формальнаго, отвлеченнаго взгляда на поэзію: оттого онъ не обратилъ никакого вниманія на одинъ чрезвычайно важный пунктъ при изученіи исторіи литературы. Я разумѣю доисторическое сходство преданій, обычаевъ, нравовъ всѣхъ народовъ индоевропейскаго племени. Чтобы безошибочно опредѣлить вліяніе одной народности на другую, необходимо прослѣдить ихъ историческое развитіе и тщательно изслѣдовать ихъ содержаніе: тогда только опредѣлится, что дѣйствительно принадлежитъ вліянію и

что общаго вынесено ими изъ ихъ источника, прежде и помимо всякихъ вліяній. Этого не хочетъ знать нашъ авторъ: онъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ только затѣмъ, чтобы вывести отсюда заключеніе о *вліяніи* — и немудрено, что послѣднему онъ даетъ иногда такое пространство, какого оно не имѣло и имѣть не могло. Такимъ характеромъ отличается по преимуществу его анализъ восточнаго и классическаго элементовъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ предыдущемъ, г. Миллеръ стоитъ далеко позади современной науки, которая давно бросила, за негодностію, старую изношенную мысль объ огромномъ значеніи *вліяній*, особенно на такія сильныя и богатыя народности, какъ народность племенъ нѣмецкихъ.

Понятія г. Миллера о романтизмѣ, какъ переходѣ отъ древняго міра къ христіанскому, скорѣе походятъ на миѳическое гаданье, чѣмъ на серіозный взглядъ историка. А это одна изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи литературы: эпоха перехода народной поэзіи въ поэзію литературную и развитія литературныхъ формъ, которыя эстетикою называются родами и видами. Автору слѣдовало привести въ сознаніе отношеніе народнаго поэтическаго начала къ наслѣдію, завѣщанному отходящимъ старымъ міромъ, и указать, что изъ народной литературы перешло въ письменную и въ какомъ видѣ (напримѣръ, поэма о Нибелунгахъ): вмѣсто этого мы находимъ знакомыя вѣсти о томъ, что «кельты, покоренные римлянами, были покорены римскою образованностію», что «германцы, покорители римлянъ, не смотря на это, были покорены римскою же образованностію», что «среди безпрерывныхъ переселеній, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, смѣшиваясь съ другими племенами, смѣшиваясь съ римлянами, германскія племена должны были постепенно забывать свои народныя преданія; но совершенно исчезнуть они не могли, какъ не могли совершенно исчезнуть и слѣды преданій кельтскихъ»; что «они мѣшались одни съ другими, мѣшались и съ поэтическими преданіями римлянъ, съ одной стороны принимая ихъ характеръ, съ другой — налагая на нихъ

свой собственный», что «поэзія представляетъ рыцарей переносящимися изъ края въ край во мгновеніе ока, принадлежащими, кажется, всѣмъ странамъ и народамъ, или, лучше сказать, никакой странѣ и никакому народу»; что «они живутъ въ какомъ-то особенномъ мірѣ чудесъ, поражаютъ различныхъ чудовищъ, созданныхъ сѣверною и восточною фантазіею, похищаютъ принцессъ, бываютъ плѣняемы феями, молятся въ христіанскихъ храмахъ и носятъ при себѣ восточные талисманы; но, что при всемъ этомъ они строго слѣдуютъ правиламъ одной общей нравственности — своей особой нравственности рыцарской» (стр. 96—7).

Все это комкомъ ложится на голову читателя по мѣрѣ чтенія книги, и напрасно пытался бы онъ понять, къ чему все это клонится, если бы слова: *безнравственность*, *развратъ*, *паденіе*, и т. д., не напоминали о главной мысли автора-моралиста.

Разсматриваемая съ историко-литературной точки зрѣнія, вся фактическая часть труда г. Миллера есть самая жалкая компиляція немногихъ литературныхъ явленій, взятыхъ случайно, безъ всякой связи другъ съ другомъ и пересыпанныхъ пустыми разсужденіями. Изъ всей книги терпѣливый читатель выноситъ смутное и тяжелое впечатлѣніе: какъ-будто видитъ великое переселеніе народовъ, изъ которыхъ многіе шатаются по бѣлу свѣту, не знаютъ куда имъ итти, гдѣ искать родины и пріюта. Все это движется передъ вами механически, какъ въ калейдоскопѣ, безъ опредѣленной цѣли и безъ смысла. Факты вытянуты въ парадную струнку, но между ними нѣтъ и признака единства и внутренней связи; словомъ, нигдѣ не видно живого человѣка, вездѣ на первомъ планѣ — форма, форма и форма, да и та съ изъяномъ [1]).

1) Безъ сомнѣнія, и въ книгѣ г. Миллера есть правильно освѣщенные факты: такъ, напримѣръ, вся I-я глава очень удачна. Здѣсь авторъ отрѣшился отъ своего юридическаго взгляда, мѣряющаго однимъ идеальнымъ аршиномъ и старое, и новое. Но это не болѣе какъ исключеніе, и изъ-за *одной* мысли не стóитъ тратить времени на чтеніе всей книги, тѣмъ болѣе, что эту мысль легко отыскать во всякомъ сносномъ учебникѣ.

Спѣшимъ, однако, предупредить возраженіе. Намъ могутъ сказать, что мы дѣлаемъ слишкомъ голословные приговоры и не вступаемъ въ серіозное опроверженіе взгляда автора на историческіе факты... Но это чистая невозможность: намъ пришлось бы останавливаться на каждой строкѣ, а такая игра, право, не стоитъ свѣчъ, и работа — потеряннаго времени.

Мы ограничимся однимъ и, по нашему убѣжденію, самымъ главнымъ. Это взглядъ автора на миѳологію различныхъ племенъ древняго и новаго міра: здѣсь — средоточіе всѣхъ его ошибокъ и странныхъ взглядовъ, происходящихъ какъ отъ главной анти-исторической мысли, такъ и отъ неблизкаго знакомства съ самымъ предметомъ.

Есть два взгляда на миѳологію, другъ другу противоположные: одинъ изъ нихъ принадлежитъ наукѣ, другой — современной схоластикѣ. Одни думаютъ, что миѳологія есть цвѣтъ, высшее проявленіе духовной жизни народа, въ которомъ сходятся всѣ другія жизненныя отправленія народнаго организма, какъ въ центрѣ. По этому воззрѣнію точное изслѣдованіе жизни народа невозможно безъ глубокаго вниманія къ его миѳологіи; ибо первоначально и поэзія, и право, и всѣ обычаи исходили прямо изъ религіознаго принципа: оттого-то они такъ долго и ненарушимо хранятся въ народной памяти, какъ святыня, на которую налагать руку не смѣетъ частная человѣческая воля.

Другой взглядъ на миѳологію принадлежалъ нашимъ схоластикамъ, воспитаннымъ на чтеніи разной книжной ветоши. Они не могутъ *простить* народу его языческаго заблужденія и караютъ всѣ его старинныя пѣсни, обычаи, называя ихъ срамными и студными обычаями треклятыхъ Эллинъ, пѣснями бѣсовскими и дьявольскимъ навожденіемъ.

Этотъ взглядъ возобновленъ въ послѣднее время г. Миллеромъ, магистромъ русской словесности.

«Миѳологія у всякаго народа составляетъ единственную *безнравственную* сторону его поэзіи» (118), говоритъ онъ, и во всей книгѣ вы ощущаете десницу доморощеной Немезиды, карающую

язычниковъ за ихъ безнравственную миѳологію... По временамъ, однако, Немезида смягчается и впадаетъ въ добродушіе, неприличное ея строгому, суровому лику. Такъ, миѳологія Ирана совершенно нравственна, потому что «различаетъ въ мірѣ два начала — добра и зла, подъ видомъ божествъ свѣта и тьмы» (стр. 137); миѳологія Индіи тоже нравственна, потому что ея тысячерукіе боги напоминаютъ немощному человѣку о его паденіи (стр. 8, 9 и слѣд.); миѳологія грековъ... но здѣсь Немезида, по обычаю праотцевъ, не любившихъ *треклятыхъ* Эллинъ, воспринимаетъ свою кавалерскую фигуру и предаетъ позору ихъ развратную миѳологію... И знаете ли что? Знаете ли, когда эта миѳологія достигла крайней ступени разврата и заразила собой всю греческую жизнь? Именно тогда, когда она достигла высшей ступени своего развитія и сознаніе радостно отпраздновало свое освобожденіе изъ-подъ гнета грубыхъ природныхъ силъ въ антропоморфическихъ образахъ небожителей. «Греческая жизнь — вѣщаетъ г. Миллеръ — *носила въ себѣ неотразимо развращающее начало — мы разумѣемъ антропоморфическую религію грековъ. Въ продолженіе долгаго времени искусство умѣло если не уничтожать, то по крайней мѣрѣ умѣрять ея гибельное вліяніе на нравы*» и т. д. (стр. 76). «*Миѳологія грековъ — безнравственна, и отъ греческихъ боговъ нравственности ожидать нельзя*» (стр. 42, 48).

Боже, что̀ это такое?! Со времени гг. Мартынова и Бурачка, разбиравшихъ сочиненія Пушкина по Кормчей книгѣ и Номоканону, въ русской литературѣ не встрѣчалось еще ничего подобнаго. Гдѣ же и въ чемъ мѣрило для такого нецеремоннаго обращенія съ исторіей, для раздачи лавровыхъ вѣнковъ нравственности однимъ и для бичеванія за безнравственность другихъ? Оно заключается въ той общей идеѣ, о которой мы говорили въ предыдущей статьѣ. Пройдти молчаніемъ значеніе эпическаго періода народной жизни было можно: незнакомство съ современными учеными трудами предлагало къ этому, если не законную причину, по крайней мѣрѣ поводъ; но обойти миѳологію было

невозможно: она наполняетъ собой все содержаніе поэзіи нехристіанскихъ народовъ, — и вотъ г. Миллеръ, подъ наитіемъ темныхъ внушеній духа, приступилъ къ ней съ своими абсолютными запросами: нравственна ли она вообще, и что въ ней можетъ быть признано нравственнымъ и что нѣтъ? Печальные отвѣты на это мы сейчасъ видѣли, и теперь остается узнать причину ихъ.

Причина ихъ — въ отсталости нравственныхъ понятій автора и въ совершенной безпомощности его въ наукѣ исторіи и литературы. Нужно ли приводить примѣры тому и другому, нужно ли говорить, какъ узко смотритъ г. Миллеръ на природу человѣка, на его обязанности, какъ онъ не можетъ справиться съ историческими фактами, и въ скандинавскомъ миѳѣ о храненіи золота зміемъ Фафниромъ и о проклятіи, соединенномъ съ этимъ золотомъ, находитъ только *нравственную мысль о пагубности золота, о тѣхъ бѣдствіяхъ, къ которымъ ведетъ страсть къ нему*; какъ онъ не признаетъ въ скандинавскихъ *богахъ образа*[1]), а видитъ какія-то чудовищныя тѣни, которымъ суждено исчезнуть; какъ онъ, наконецъ, утверждаетъ, что у кельтовъ совсѣмъ не осталось миѳологіи? Все это только показываетъ, что онъ рѣшительно не знакомъ ни съ пѣснями древней и новой Эдды, ни съ поэзіею кельтовъ. А такой фактъ тѣмъ печальнѣй, что имъ приходится намъ заключить нашу статью о книгѣ г. магистра русской словесности.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о такомъ явленіи, какъ разобранная нами книга г. Миллера. Для литературы и общества важно не появленіе ея, а *возможность* появленія: она не одинокое, изолированное явленіе, не фактъ, не имѣющій никакой солидарности съ другими, а плодъ цѣлаго направленія, полнаго неуваженія къ наукѣ и умышленнаго непониманія потребностей современнаго общественнаго образованія. Скажите, какъ иначе назвать эту заматерѣлую во днехъ своихъ жидкую мораль, эти избитыя понятія, отъ которыхъ

1) См. Странствованія Тора въ новой Эддѣ.

вѣетъ могильнымъ холодомъ среднихъ вѣковъ, это дерзкое обращеніе съ исторіей въ угоду своей неисторической мысли? И такія явленія у насъ встрѣчаются сплошь да рядомъ! Нѣтъ, наше общество и литература много вынесли, со многимъ разстались и покончили счеты, но далеко не со всѣмъ, съ чѣмъ слѣдовало бы разстаться, что̀ слѣдовало бы бросить какъ вещь непригодную, если не вредную. Мы такъ привыкли ходить по битой колеѣ абсолютовъ, что намъ бываетъ очень трудно освободиться отъ нихъ даже и тогда, когда несостоятельность ихъ очевидна и несомнѣнна. Мы не можемъ *пріучиться* къ мысли, что мы люди только *извѣстнаго* времени, что царство абсолютовъ — не отъ міра сего и не должно смущать его жителей. Всѣ неудовлетворенныя стремленія и столѣтіями накопившіяся боли возникаютъ въ груди современнаго человѣка, обновляются и сильнѣе прежняго предъявляютъ дѣйствительности свои запросы и требованія. Человѣкъ возвращается къ человѣку:

«Der sich lange selbst vergessen,
Ist am Ziel der Unglücksbahn,
Und der Mensch, der sie durchmessen,
Kommt bei'm *Menschen* endlich an.»

Это живая сторона современности. А за нею стоитъ старина мрачная, закрѣпленная привычкой, гордо озирающая новыя начала, исподоволь входящія въ жизнь.

Пусть она доживаетъ свой вѣкъ! лишь бы только не рядилась въ новую одежду, да не мѣшала современному человѣку итти своею дорогой. Иначе можетъ быть еще хуже, чѣмъ случилось съ книгою г. Миллера.

Исторія русской словесности,

ч. III, *лекціи* С. Шевырева, *ординарнаго академика и профессора. Москва. 1858.*

Русскій народъ и государство.

Исторія русскаго общественнаго права до XVIII ст., соч. В. Лешкова. *Москва. 1858.*

1858.

«Всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ мысли въ нашемъ отечествѣ, извѣстна важнѣйшая распря, которая дѣлитъ ученыхъ и писателей русскихъ на два рѣзко-противоположные стана какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Она касается взгляда на древнюю и новую Русь...

«Теперь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, давшихъ новое движеніе современной русской словесности, при открывшейся возможности мыслителямъ русскимъ выражать свои мнѣнія какъ можно искреннѣе, эта распря достигла всевозможныхъ размѣровъ и раздѣлила мнѣнія на такія двѣ рѣзкія противоположности, какія едва ли когда-нибудь встрѣчались въ нашей умственной жизни.

«Всего непріятнѣе для общества и всего безполезнѣе для самой науки духъ вражды, который раздражаетъ противниковъ. Мы, мало привыкшіе къ умственному движенію въ общественной жизни, не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и благотворной терпимости, на которой противники въ мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга. Кто же помогаетъ намъ яснѣе видѣть и полнѣе обнимать истину, какъ не противникъ нашему на нее воззрѣнію? Онъ долженъ быть для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя истины не ненавистнымъ врагомъ, а желаннымъ гостемъ, который вызванъ нашимъ же къ ней обращеніемъ...

«Трудно человѣку достигнуть до такой высоты разума, но каждый добросовѣстный изыскатель истины долженъ по крайней мѣрѣ стремиться къ ней... Думаю, что въ раздраженной ненависти, съ какою сторонники противоположныхъ мнѣній встрѣчаютъ другъ друга, скрывается и большая часть взаимной неправды ихъ же исключительныхъ воззрѣній» (Пред. кн. г. Шевырева).

Не безъ нѣкотораго удовольствія мы приводимъ въ началѣ нашего отчета эти простыя, но справедливыя слова изъ предисловія новой книги г. Шевырева. Не потому мы дорожимъ ими, чтобъ они заключали въ себѣ что-нибудь особенно-поразительное и новое, но потому, что, выраженныя старымъ бойцомъ *за добрую старину*, они получаютъ краснорѣчивое и поучительное значеніе. Вотъ мы если не у берега, то, по крайней мѣрѣ, на пути къ нему... Долго шло наше общество разными дорогами, не зная, или не рѣшаясь куда обратиться за помощью, съ какой стороны ждать рѣшенія вопросовъ и сомнѣній, которыми тревожно занята наша современность. Одни указывали на старый Западъ, богатый мыслью и житейскими опытами, другіе смутно вѣрили въ Востокъ, будто бы хранящій въ себѣ новые, свѣжіе элементы для всеобщаго соціальнаго возрожденія стараго міра. И въ выборѣ между этихъ двухъ путей, въ борьбѣ, подчасъ оскорбительно-мелочной, въ школьныхъ упражненіяхъ на заданный контроверсъ, проводили дни и наше общество, и наша литература. Пилигримы Востока встрѣчались съ туристами Запада у противоположныхъ полюсовъ и не узнавали другъ въ другѣ ни единоплеменниковъ, ни товарищей въ дѣлѣ общественнаго развитія.

Кажется, эти юношескія забавы приходятъ къ концу: обѣ стороны начинаютъ терять вѣру въ свои принципы и ищутъ чего-то иного. Не говоримъ о тѣхъ людяхъ, для которыхъ убѣжденіе есть только средство высказать упрямство характера, или пробный градусъ самолюбія: такія Коробочки мужеска пола имѣютъ и убѣжденія, близкія къ убѣжденіямъ почтенной *коллеж-*

ской секретарши. Они — печальный остатокъ старины отходящей, которая ревниво держится за свое право старѣйшинства и не хочетъ признать въ возникающемъ юношѣ будущаго сильнаго и свѣжаго дѣятеля. Объ этой завистливой старухѣ не слѣдовало бы даже и упоминать, еслибъ, время отъ времени, она не являлась въ литературѣ и не несла, по счастливому выраженію одного современнаго ритора, *на свой мерзостный костеръ* всего, во что́ глубоко вѣритъ наша современность...

Два-три исключенія не уничтожаютъ истины главной мысли: для крестоносцевъ Востока и рыцарей Запада наступаетъ уже судъ исторіи. *Домашній старый споръ* улегся и теперь мѣсто взглянуть на причину такого явленія.

Не всякому изъ нашихъ читателей будетъ понятно, когда мы скажемъ, что причина непрочности обоихъ направленій заключалась не только въ ихъ односторонности, но и въ неумѣніи стать въ-уровень съ требованіями и задачами эпохи; но всякій ясно увидитъ ихъ несостоятельность, когда мы приведемъ ясныя доказательства этому, взятыя изъ науки самой жизненной, современной. Я разумѣю исторію: на ней, какъ на старомъ яблокѣ раздора, преимущественно сходятся противорѣчія обѣихъ сторонъ.

Наше практическое время уже перестало пугаться вопроса о пользѣ: для него каждое явленіе цѣнится цѣною практической стороны, по мѣрѣ жизненнаго приложенія, пользы. Какую же пользу принесла современная историческая наука для общественной жизни: заставила ли она общество практически разстаться съ отжившимъ обычаемъ, бросить безсмысленную привычку, устарѣлое мнѣніе, которыя путаютъ и сбиваютъ съ толку современнаго человѣка? Съ нѣжною заботливостію подыскивая историческія генеалогіи всякой современной дрязгѣ, наука забыла о жизни. Между убѣжденіемъ, облегчившимся въ послѣднее время до невѣроятія, и жизнью дѣйствительною лежитъ еще ничѣмъ не наполненная пропасть. Оттого исторія у насъ не живая наука, а фактическое знаніе и знаніе далеко не полное и не безпри-

страстное. Посмотримъ на это нѣсколько ближе: за примѣромъ далеко ходить нечего.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія геніальный Гумбольдтъ въ дружеской бесѣдѣ съ нашимъ исторіографомъ высказалъ упрекъ, что, занимаясь судьбами государственной Россіи, онъ какъ будто позабылъ о народѣ, жизнь котораго шла своимъ чередомъ, своею дорогою, самостоятельно и почти всегда независимо отъ политическаго развитія. Упрекъ этотъ, не смотря на очевидную свою истину, до сихъ поръ еще не утратилъ своего смысла и значенія. И въ этомъ случаѣ какое странное и почти непонятное явленіе представляетъ намъ современная историческая наука! При всѣхъ блистательныхъ успѣхахъ ея, совершенныхъ трудами французскихъ и нѣмецкихъ историковъ текущаго столѣтія, при всемъ глубоко-отчетливомъ взглядѣ на цѣлыя эпохи народной жизни, она все еще не можетъ сойти съ того пьедестала, на который поставили ее добрые старики не менѣе добраго стараго времени; ей, повидимому, жаль разстаться съ теплымъ отогрѣтымъ мѣстомъ, съ вершины котораго всѣ событія историческихъ низменностей принимаютъ радужные, игривые оттѣнки и являются взорамъ нашимъ въ видѣ стройной картины, гдѣ главныя мѣста отданы въ полное распоряженіе сильныхъ міра сего. Они, эти вожатаи историческихъ событій, составляютъ главную силу исторіи, а судьба и дѣйствія ихъ — ея содержаніе. Въ лицѣ ихъ — и только ихъ однихъ — человѣчество идетъ впередъ, а остальныя темныя массы покорно слѣдуютъ за этими избранными: здѣсь жизнь и движеніе, а тамъ господство грубой привычки, мертвенность и нравственное коснѣніе.

Наивный Шатобріанъ, съ откровенностію *замогильнаго жителя*, утверждалъ, что Франція среднихъ вѣковъ — монархія безъ народа; что исторія народа не существуетъ, потому что самый народъ не существуетъ; что безполезно искать чего-нибудь тамъ, гдѣ нѣтъ ничего и гдѣ нельзя ничего найти. И онъ только гласно и прямо высказалъ то, чего придерживаются — сознательно или по привычкѣ — еще многіе историки нашего времени.

Оттого и выходитъ, что народъ, его коренной бытъ, его историческая жизнь, быть можетъ, не блестящая и не привлекательная съ перваго взгляда, остаются въ сторонѣ, обойденные и незамѣченные! Въ силу ли принятаго обычая, или просто по неспособности сочувствовать и понимать что-либо *живое*, только многіе историки и до сихъ поръ готовы заниматься всѣмъ и обо всемъ писать, только не о народѣ и его исторіи. Авторъ прекраснаго историческаго труда о французскихъ крестьянахъ, Евг. Боннмеръ, не надивится такому явленію: «Государства, провинціи, страны (говоритъ онъ) имѣютъ свои хроники, герои, великіе люди, преступники — свои біографіи. Полки цѣлой библіотеки ломятся подъ тяжестью томовъ, посвященныхъ одной исторіи пчелъ; шелковичные черви, муравьи, бабочки имѣютъ свои лѣтописи. Ученые знаютъ, какъ живутъ и умираютъ эфемериды, инфузоріи; древесный мохъ и грибы служатъ предметомъ продолжительныхъ и упорныхъ изслѣдованій ученыхъ... Забытымъ остался только человѣкъ!»

И какой человѣкъ! Тотъ, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ своей тяжелой жизни всегда былъ кормителемъ-печальникомъ своей земли, трудами котораго пользовались всѣ сословія и кому все человѣчество обязано возможностію прогресса и цивилизаціи.

Или цѣлые милліоны людей прошли по землѣ, потомъ и трудами удобряя ее, и не заслужили добраго слова памяти, когда такая громкая слава окружаетъ имена опустошителей земли и такая оскорбительная тишина царствуетъ у скромныхъ именъ ея печальниковъ, обработывателей! Этому явленію трудно найти нравственное оправданіе, хотя оно имѣетъ свою разумную причину. Историкъ неохотно пробѣгаетъ скорбныя страницы длиннаго мартирологія, называемаго исторіею поселянина. Ему, изволите видѣть, нужны свѣтлыя, отрадныя стороны человѣческой дѣятельности; а что отраднаго можетъ представить эта лѣтопись тоски, обманутой надежды и неисполненныхъ чаяній?

Такое *нервное* расположеніе русской исторической науки,

извинительное и понятное въ старушкѣ за шестьдесятъ лѣтъ, имѣло очень печальныя слѣдствія. У великаго дѣла, отъ котораго зависятъ всѣ жизненныя отправленія будущаго, мы очутились съ завязанными глазами, не зная, какъ быть! Правда, литература еще въ 1845—1848 годахъ, сколько могла, подымала этотъ вопросъ, но она только указывала на него, а не рѣшала, и ограничивалась посильнымъ воспроизведеніемъ жизненнаго факта, предоставляя читателямъ полную свободу междустрочной литературной догадки, доступной далеко не каждой головѣ и далеко не каждому слуху. Во всемъ этомъ не много хорошаго, но еще хуже то, что литература, къ сожалѣнію, успѣла только выставить хазовые концы самаго дѣла; далѣе она не могла итти, и скоро совсѣмъ замолкла, оставивъ мѣсто однѣмъ надеждамъ на будущее.

Тогда-то историческіе изслѣдователи раздѣлились на два стана: одни отправились на Западъ, другіе на Востокъ, и встрѣтились у полюсовъ. При всей разности въ характерѣ и взглядѣ на предметъ, между ними было, однако, много общаго: они смотрѣли на исторію крайне отвлеченно, и вопросъ жизни сумѣли свести на вопросъ археологіи, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Снова вызваны были тѣни подьячаго Григорія Котошихина и домостроителя Сильвестра, снова повѣяло запахомъ Номоканона и Кормчей Книги. Все это, говоря правду:

Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,

вопросъ, котораго мы и не беремся рѣшить. Но въ то время, когда обѣ стороны мирно отходятъ на покой и наука начинаетъ тѣснѣе сближаться съ жизнью, живѣе принимать къ сердцу ея интересы, мы находимъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этихъ историческихъ партій. Уже изъ самаго легкаго взгляда открывается взаимная односторонность и причины ихъ недолговѣчности. Мы выше говорили о невниманіи историковъ къ быту и жизни народа. Это главный и существенный недоста-

токъ нашей *исторической школы* (западной). Послѣдователи ея вездѣ видятъ не народъ, а государство; все, что̀ исходитъ изъ этого начала, они признаютъ нормальнымъ и законнымъ. Кому неизвѣстны ихъ войны за сельскую общину, за централизацію, войны, обнаружившія отсутствіе историческаго смысла съ одной стороны, и неисторическія наклонности съ другой? За всѣмъ тѣмъ мы думаемъ, что правда все-таки болѣе на сторонѣ *исторической школы*: у послѣдователей ея, по крайней мѣрѣ, остаются свободныя отношенія къ прошедшему; они не несутъ на себѣ его авторитета. Такіе же идеалисты, какъ и ихъ восточные противники въ дѣлѣ историко-органическаго воззрѣнія на такую неисторическую и неорганическую исторію, какова русская — они мирно остановились на полпути и не хотятъ итти далѣе, не доводятъ до конца здравой раціональной мысли, лежащей въ основѣ ихъ историческаго воззрѣнія. Въ народной жизни есть учрежденія, перешагнуть которыя не хочетъ мысль послѣдователей историческаго направленія, и многія изъ такихъ учрежденій уже отжили свое время, хотя и продолжаютъ ходить за ненарушимыя абсолютныя нормы, выше которыхъ ничего нѣтъ и быть не можетъ. Самая мысль *прогресса* поставлена ими какъ-то отвлеченно, безъ отношенія къ живой исторической средѣ. Всякая историческая эпоха имѣетъ свою задачу, мѣрою которой она и должна быть мѣрена. Еслибъ, вмѣсто быстро смѣняющихся поколѣній, существовало только одно, вѣчно юное, вѣчно живущее, еслибъ это прогрессивное движеніе впередъ къ неизвѣстной цѣли совершалось въ кругѣ одной цѣльной жизни, непрерываемой смѣной поколѣній, обмѣномъ матеріи, тогда мысль историческаго прогресса была бы мыслью дѣйствительно живою и двигательною. Но съ мѣною времени мѣняется и человѣкъ. Каждое время, каждая эпоха есть свой особый міръ, имѣющій свои особыя права передъ судомъ исторіи; мѣрять его должно не отвлеченною мѣрою прогресса, а дѣйствительными требованіями и стремленіями той эпохи, ея задачею. «Исторія есть движеніе, непрерывный прогрессъ», и въ безотносительномъ смыслѣ это

фактъ, отрицать который невозможно. Но для кого этотъ прогрессъ и кому облегчаетъ онъ жизнь?

Неужели историческому, реальному человѣку?... Нѣтъ! Были у него и прежде свои радости, свои печали; есть онѣ и теперь. Правда, онѣ значительно измѣнились, сдѣлались другими; но вѣдь и человѣкъ измѣнился, и онъ сталъ другимъ не только нравственно, но даже физически. Ясно, что въ этомъ случаѣ историки становятся на отвлеченную почву, и вмѣсто историческаго, реальнаго человѣка выдвигаютъ идеальную личность какого-то макробіота и по немъ уже прилаживаютъ свои приговоры. И это еще не все! Мысль прогресса доводитъ иногда до самыхъ вредныхъ крайностей, заставляя мириться съ тѣмъ, съ чѣмъ бываетъ такъ трудно помириться человѣку, глядящему на жизнь человѣческими глазами!

Таковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ взглядъ лѣвой стороны нашихъ историковъ, взглядъ робкій, безсильный въ отвѣтѣ на многіе запросы жизни...

Еще безплоднѣе воззрѣніе правой, восточной стороны.

За всѣ вопросы науки они берутся какимъ-то своимъ особеннымъ образомъ и ни одной вещи не могутъ взглянуть прямо и ясно въ глаза; надъ всѣми ими какъ будто тяготѣетъ какой-то тяжелый авторитетъ, котораго они даже и не подозрѣваютъ. Люди не безъ жизненной силы и энергіи, они замариваютъ ее разными анти-историческими воспоминаніями, убѣгая многихъ аномалій современности. Оттого-то такъ пусто и безплодно ихъ ученіе для человѣка новаго по образу мыслей и убѣжденіямъ. Правда, въ мнѣніяхъ ихъ еще свѣтились кое-гдѣ признаки жизни, особенно тамъ, гдѣ рѣчь шла о народѣ, объ общинѣ; но это обманчивые болотные огоньки, не грѣющіе и влекущіе довѣрчиваго читателя въ тину восточной схоластики, откуда такъ труденъ выходъ на вольный Божій свѣтъ... И какъ поучительна для каждаго мыслящаго человѣка судьба ихъ *историческихъ* мнѣній: археологическія сочувствія и разрѣшились археологически. Снова гг. Аксаковъ и Бѣляевъ принялись за сочиненіе

историческихъ эпопей игриваго содержанія; снова отыскали смыслъ тамъ, гдѣ его не было и быть не могло; русскую женщину обратили въ миѳическое лицо и вознесли превыше облакъ ходячихъ; русскій народъ окрестили прежде офиціальнаго принятія христіанства, а русскую общину, основанную на приниженіи личности и патріархальныхъ началахъ, пожаловали въ званіе абсолютной нормальной формы народной жизни отнынѣ и до вѣка.

Все это — Кормчая книга и дурно понятый Гегель съ его спекулятивною школою. Удивительно только, какъ они сошлись и помирились здѣсь!

Итакъ, современная русская историческая наука въ лицѣ обѣихъ противныхъ школъ не много дала для жизни; можетъ быть, она и не могла болѣе дать, находясь, по причинѣ многихъ обстоятельствъ, не вполнѣ въ нормальномъ состояніи.

Но, слава Богу, сказали мы, времена измѣнились! Выше мы привели отзывъ г. Шевырева объ этихъ двухъ противоположныхъ партіяхъ: послѣ многолѣтней ученой дѣятельности авторъ пришелъ къ убѣжденію въ ихъ взаимной неправотѣ и односторонности. На основаніи этихъ словъ, мы наклонны были встрѣтить въ новомъ выпускѣ сочиненія г. Шевырева взглядъ нѣсколько отличный отъ взгляда и метода обработки произведеній русской литературы, какіе находимъ въ предыдущихъ выпускахъ. Тамъ авторъ являлся именно жаркимъ поборникомъ того воззрѣнія, односторонность котораго онъ счелъ нужнымъ обличить въ своемъ предисловіи.

Но слово еще не есть дѣло, и отъ признанія еще далеко до исполненія. Новая книга г. Шевырева печальнымъ опытомъ убѣдила насъ въ томъ, что авторъ ея вышеприведенными словами или хотѣлъ сказать не то, что обыкновенно понимаютъ подъ ними, или же, исповѣдуя литературныя прегрѣшенія восточной категоріи, исповѣдывалъ ихъ только устами. Не далѣе, какъ чрезъ страницу, мы воочію встрѣчаемся съ тѣмъ духомъ вражды, который, по его собственнымъ словамъ, непріятенъ для

общества и безполезенъ для науки. Частное ученое мнѣніе о преждевременности для настоящей поры полной исторіи русской словесности, г. Шевыревъ перенесъ въ сферу вовсе неученую и оповѣстилъ своимъ благосклоннымъ читателямъ, что будто бы профессоръ русской словесности Московскаго университета этимъ мнѣніемъ «отказался отъ возможности передать эту науку съ своей каѳедры». Что̀ подало поводъ къ такой рѣшительной публикаціи? Поле логическаго умозаключенія остается не за г. Шевыревымъ, потому что если въ настоящее время невозможна полная исторія русской словесности, то возможна обработка важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ ея отдѣловъ, и нѣсколько лекцій изъ курса исторіи словесности, напечатанныхъ г. Буслаевымъ въ «Атенеѣ», ясно показываютъ образъ воззрѣнія его на предметъ и прочный критическій мето̀дъ. Если же публикація составлена по какимъ-нибудь слухамъ, то не всякому слуху можно вѣрить, да и у мѣста ли подобные слухи въ ученомъ сочиненіи? Вѣдь этимъ исторія русской словесности становится на ряду съ «Весельчакомъ», «Смѣхомъ», «Пустозвономъ» и тому подобными невинными произведеніями уличной русской музы. Въ другомъ мѣстѣ говорится опять слѣдующее: «Намъ случалось встрѣчать въ печати подобныя охлаждающія мнѣнія касательно новаго періода русской словесности. Въ то самое время, когда я, по смерти Жуковскаго, въ рѣчи университетской опредѣлялъ его значеніе въ русской поэзіи и жизни, авторъ матеріаловъ для его біографіи, печатанныхъ въ петербургскихъ журналахъ (!), говорилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что еще не настало время опредѣлять значеніе поэта, подразумѣвая, *конечно* (!?), подъ этимъ, что надобно *подождать еще, когда онъ соберетъ и напечатаетъ всѣ матеріалы, касающіеся его біографіи* (!). Трудъ автора до сихъ поръ остался неоконченнымъ и, *по его мнѣнію* (?!), даже онъ самъ не имѣлъ бы права опредѣлять значеніе г. Жуковскаго. А между тѣмъ тотъ же самый авторъ предпринялъ сочиненіе полной исторіи русской словесности и обѣщаетъ вскорѣ издать ее, чего мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, *радуясь* новому

труду въ нашей наукѣ». И въ добрый часъ! Почему же и не порадоваться, если есть охота; только зачѣмъ же возмущать эту радость разными неумѣстными и ни на чемъ не основанными предположеніями? Или «мы не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и благотворной терпимости, по которой противники во мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга?»

Да и зачѣмъ вездѣ и во всемъ видѣть одну личность и личность, оцтъ и желчь? На какомъ основаніи, напримѣръ, можно утверждать, что *вооруженная пентархія петербургскихъ журналовъ напала* на первыя двѣ части «Исторіи русской словесности» *преимущественно* только за то, что авторъ ея поставилъ себя въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и «Москвитянинѣ» въ полемическое отношеніе къ этимъ журналамъ?

Неужели во всѣхъ рецензіяхъ только и было, что *слова, слова, слова* и ни капли дѣла? Такой полновѣсный укоръ, въ случаѣ своей справедливости, ложится клеймомъ на всю русскую критику, обвиняя ее въ грубомъ неуваженіи къ наукѣ, въ подчиненіи ея высокихъ цѣлей поползновеніямъ узкаго самолюбія. Къ счастью, это несправедливо: свидѣтель этому публика, слѣдившая за движеніемъ литературы того времени, и самая книга г. Шевырева, гдѣ, хотя тускло и неопредѣленно, но все же отражаются нѣкоторые слѣды вліянія указаній и поправокъ *вооруженной пентархіи петербургскихъ журналовъ*.

Новый выпускъ «Исторіи русской словесности» (преимущественно древней) заключаетъ въ себѣ обозрѣніе литературы XIII, XIV и начала XV вѣковъ. Нужно признаться, вѣка бѣдные литературнымъ развитіемъ, особенно, если принять во вниманіе, что самые замѣчательные памятники этого времени до сихъ поръ остаются извѣстны только лишь очень немногимъ. Г. Шевыревъ чувствовалъ это, и потому, переходя къ XIII вѣку, мы находимъ слѣдующее живописное сравненіе: «Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ татар-

скимъ кочевьямъ. Слова, читаемыя нами подъ 1224 годомъ лѣтописи, объясняютъ намъ это безплодіе: «Томъ же лѣтѣ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языцы незнаеми, ихъ же добрѣ никто не вѣсть кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовутъ я татары» (стр. 17).

Грозное это нашествіе даетъ поводъ автору развернуть подробную и обстоятельную картину нашествія, разсказать жизнь трехъ князей, представителей эпохи, въ которыхъ яко бы олицетворяла Россія въ XIII вѣкѣ мужество, вѣру и терпѣніе — и затѣмъ уже перейти къ немногимъ уцѣлѣвшимъ памятникамъ словесности этого времени. Разсматриваются они въ связи съ церковными событіями, потому что, по мнѣнію г. Шевырева, *мысль о церкви нашей, мысль великая, живая, какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ основа ея силъ нравственныхъ, какъ опора и точка отправленія въ ея умственномъ развитіи; эта мысль лежала во глубинѣ всѣхъ произведеній древняго періода русской словесности* (стр. 16 — 17). Этимъ только мы можемъ объяснить, почему въ новомъ выпускѣ сочиненія г. Шевырева отведено такое широкое мѣсто церковнымъ событіямъ и вообще церковному элементу. По прочтеніи всей книги, можно даже усомниться въ справедливости и достовѣрности ея названія: *Исторія русской словесности.* Ужъ не подозрѣвалъ ли ея авторъ чего-нибудь иного подъ этими словами, напримѣръ, исторіи церковной словесности, гомилетики, иѳики, патристики, или чего-нибудь другаго въ этомъ родѣ? Чрезвычайно подробно разсказываются жизнь и подвиги святителей: Петра митрополита, Сергія Радонежскаго, Алексѣя митрополита, Стефана Пермскаго, Кипріана митрополита, Кирилла Бѣлозерскаго, Георгія Цамблака и Фотія; говорится немного и о ихъ литературныхъ трудахъ (по большей части въ однихъ извлеченіяхъ безъ всякихъ почти объясненій), и все это такимъ образомъ, что недоумѣваешь, съ какой цѣлью и зачѣмъ все это разсказывается здѣсь такъ подробно и такъ краснорѣчиво? Если авторъ имѣлъ въ виду цѣль практическую, назида-

тельную: образцами святости укрѣпить благочестивое чувство своихъ читателей, то зачѣмъ онъ не оговорился объ этомъ заранѣе и придалъ своей книгѣ ученый характеръ и пышный, серіозный титулъ исторіи? Отъ этого нежеланія установить предѣлы и разграничить области духовной дѣятельности древней Руси: церковную, политическую и литературную — произошло то, что бо́льшая половина книги г. Шевырева рѣшительно оказывается безполезною и никакъ не можетъ достигнуть той цѣли, къ которой должна стремиться наука исторіи, то есть представить предъ нами ясную и правдивую картину протекшихъ судебъ и жизни народа. Спора нѣтъ, что всѣ жизненныя отправленія, всѣ сферы духовной дѣятельности народа такъ тѣсно между собою связаны, что становится рѣшительно невозможнымъ никакое рѣзкое разграниченіе; но поэтому уже и не слѣдуетъ отдавать преимущество какой-нибудь одной въ ущербъ всѣмъ прочимъ. А этого-то и не сдѣлалъ г. Шевыревъ. Оттого его книга потеряла много въ ученомъ достоинствѣ и скорѣе можетъ назваться *пріятнымъ чтеніемъ*, послѣ котораго остается одно смутное воспоминаніе, легкое и необременительное для ума, чѣмъ ученымъ трудомъ, вносящимъ что-нибудь положительное, серіозное въ науку. Кому, напримѣръ, не покажется страннымъ въ исторіи русской словесности встрѣтить *психологическое объясненіе кликушъ* приливомъ религіознаго чувства (стр. 108, 156), живописное, но не вездѣ удобопостижимое описаніе мѣстности подвиговъ св. Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ озера являются *кусками голубаго неба, сброшенными на землю въ оправахъ лѣсовъ и полей, гдѣ склонъ неба, простираясь кругомъ, съ любовью* (!) *захватываютъ всѣ дива благословенной земли* (стр. 199). Вообще, новый выпускъ «Исторіи русской словесности» г. Шевырева поражаетъ обиліемъ умилительныхъ подробностей и пластическихъ описаній, можетъ быть, очень занимательныхъ и полезныхъ въ книгѣ для дѣтей перваго возраста, но рѣшительно непригодныхъ тому, кто имѣлъ удовольствіе перешагнуть за эту черту человѣческой жизни. О пропускахъ и фактическихъ недосмотрахъ и говорить нечего,

когда цѣлый отдѣлъ *народности* остался почти нетронутъ, потому что мы не можемъ назвать не только удовлетворительными, но даже сколько-нибудь сносными въ ученомъ отношеніи тѣ скудныя страницы, которыя авторъ удѣлилъ въ 14-й лекціи своей татарскому вліянію въ нашей народной поэзіи. И очень понятно, почему авторъ пренебрегъ народною поэзіею и всѣми литературными явленіями, которыя имѣютъ съ нею какую-нибудь связь, если вспомнить общее направленіе мысли и методъ ученой разработки, употребленной въ «Исторіи русской словесности». Но вотъ что́ становится уже рѣшительно непонятнымъ: «Вникая добросовѣстно (говоритъ г. Шевыревъ) въ письменные и устные памятники нашей словесности, кто же послѣ этого, *кромѣ поверхностнаго верхогляда*, осмѣлится еще сказать, что не было у насъ въ исторіи эпохи татарской и что не оставила она яркихъ слѣдовъ въ жизни нашего народа?» (стр. 299). Знаете ли, въ кого вы бросаете такимъ ретивымъ и поспѣшнымъ приговоромъ? Этого мнѣнія, сколько извѣстно, держался покойный П. В. Кирѣевскій и высказалъ его прямо въ своемъ *Примѣчаніи къ русскимъ народнымъ пѣснямъ*, изданнымъ въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852 г., стр. 354—356. Положимъ, это мнѣніе несправедливо, но зачѣмъ же заранѣе обзывать *поверхностнымъ верхогляломъ* человѣка, честно въ этомъ убѣжденнаго и о которомъ вы сами, въ первомъ выпускѣ вашего труда, отзывались (стр. 236) такъ человѣчески тепло и отъ лица науки благодарили за его безкорыстную любовь къ ней? Или опять мы *не доросли до той благородной и благотворной терпимости, на которой противники въ мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга?!* Когда вышли въ свѣтъ первые два выпуска «Исторіи русской словесности, *преимущественно* древней», кто-то сдѣлалъ очень справедливое сравненіе ихъ съ «Исторіею» Карамзина, находя разницу между ними въ томъ, что «Исторія» Карамзина, по истеченіи тридцати лѣтъ, со времени своего перваго появленія въ свѣтъ, полезна для науки именно тѣмъ, чѣмъ «Исторія русской словесности, преимущественно древней» сдѣлалась полезна со дня своего рож-

денія. Въ этомъ случаѣ разумѣлись обильныя примѣчанія, которыми г. Шевыревъ снабдилъ первый и, въ особенности, второй выпускъ своей «Исторіи». Новая книга его и въ этомъ отношеніи гораздо слабѣе предыдущихъ: ея примѣчанія чрезвычайно скудны, незначительны, и единственный результатъ, какой можно извлечь изъ нихъ — это убѣжденіе, что исторія литературы XIII, XIV и начала XV вѣковъ, лишенная ученой обработки, не подвигается ни на шагъ впередъ новымъ ученымъ трудомъ г. Шевырева, и дѣло остается въ совершенно томъ же видѣ, въ какомъ оно было до выхода въ свѣтъ этого ученаго труда. Какъ ни безотраденъ этотъ выводъ и какъ онъ ни противорѣчитъ приговору самого автора, который созналъ односторонность обѣихъ ученыхъ и литературныхъ партій и по этому самому уже имѣлъ возможность избѣгать ихъ односторонности, но онъ справедливъ, какъ въ этомъ можетъ легко убѣдиться каждый, кто пожелаетъ посвятить нѣсколько часовъ чтенію самой книги. И въ сущности здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Не легко отказаться отъ прежняго убѣжденія, но еще труднѣе практически, самымъ дѣломъ доказать свое отреченіе. Убѣжденіе измѣнилось, но привычка тянетъ человѣка на старое, и въ такомъ разладѣ, въ противорѣчіи между жизнью и убѣжденіемъ, проводятъ дни многіе, часто сами того не замѣчая. Такъ явилось сочиненіе, написанное именно въ самомъ крайнемъ духѣ той партіи, односторонность котораго обличается въ *предисловіи*.

Мы сказали, что обѣ стороны начинаютъ терять вѣру въ свои принципы и ищутъ чего-то иного; это не значитъ, чтобъ онѣ вотъ сейчасъ и нашли его; можетъ быть, еще много времени пройдетъ въ исканіяхъ, но выходъ, рано или поздно, все-таки сыщется. Изъ одной уже *надежды* на это мы не можемъ не быть снисходительными къ такимъ литературнымъ явленіямъ, которыя вполнѣ еще принадлежатъ старому времени. Дѣло критики только указать имъ должное мѣсто въ наукѣ и литературѣ, и съ этою цѣлью мы обращаемъ вниманіе читателей на книгу г. Лешкова: *Русскій народъ и государство. Исторія русскаго обще-*

ственнаго права до XVIII вѣка. По общему направленію своему она близко подходитъ къ книгѣ г. Шевырева, но отличается отъ нея двумя качествами: 1) крайне неправильнымъ, запутаннымъ языкомъ, доходящимъ иногда до такой темноты, какая напоминаетъ нашихъ стилистовъ XVIII-го вѣка, и 2) обстоятельнымъ и отчетливымъ сборомъ фактовъ, недостатокъ которыхъ такъ видимо бросается въ глаза каждому читателю въ книгѣ г. Шевырева. Фактическая сторона книги г. Лешкова, безспорно, лучшая въ своемъ родѣ: трудолюбивый авторъ собралъ все, что́ только можно было изъ нашихъ лѣтописей, юридическихъ памятниковъ, иностранныхъ извѣстій касательно предметовъ общественнаго права въ Россіи за XVIII вѣкъ. Что же касается выводовъ и окончательныхъ заключеній, то здѣсь пусть извинитъ всякій, и даже снисходительный читатель. Они стоятъ въ какомъ-то странномъ противорѣчіи съ тѣмъ честнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ матеріала, какое находимъ мы въ книгѣ автора. Произвольные выводы и ни на чемъ не основанныя заключенія возможны только при отсутствіи близкаго фактическаго знакомства съ предметомъ, когда фантазія и воображеніе, несдерживаемыя никакими разумными границами и за недостаткомъ дѣйствительной насущной пищи, обращаются къ постройкѣ тѣхъ воздушныхъ замковъ, образчики которыхъ мы встрѣчаемъ въ историческихъ мнѣніяхъ гг. Аксакова, Бѣляева, Хомякова и К°. Но въ книгѣ г. Лешкова дѣло выходитъ иначе: и поползновеніе къ безпристрастію есть, и факты собраны отчетливо и добросовѣстно, и даже воодушевленіе, высказывающееся особенною оригинальностію слога; но гдѣ дѣло коснется выводовъ, читатель за то не можетъ понять, откуда такія несовмѣстности: les châteaux en Espagne и русскія лѣтописи, разнузданная фантазія и положительное изученіе!

Для доказательства, обращаемъ вниманіе читателей на тѣ части сочиненія г. Лешкова, которыя всего болѣе и ближе насъ касаются въ настоящее время и стоятъ въ нѣкоторой связи съ книгою г. Шевырева: мы разумѣемъ *народное* образованіе и

просвѣщеніе. Ему г. Лешковъ посвятилъ одну главу своего сочиненія, подъ заглавіемъ: «*Право образованія или о народномъ просвѣщеніи въ Руси*» (стр. 410—447).

Замѣтимъ предварительно, что общія, такъ сказать философскія понятія автора поражаютъ своею темнотою и отвлеченностію; онъ какъ будто является поборникомъ фаталистическаго взгляда на исторію, олицетворяемаго въ видѣ какой-то *идеи*, правящей ходомъ вѣка. Вотъ его слова:... «*идеями* (какими?!) управляются народы и человѣчество. Въ каждомъ народѣ должны быть напередъ даны *тѣ* или *другія идеи*, которыхъ выработка въ понятія и начала должна составить задачу его исторіи. Нѣтъ народовъ безъ преданій, какъ нѣтъ народовъ безъ чаяній и вѣрованій, находящихся въ неразрывной связи съ преданіями, такъ что каждый народъ начинаетъ свою жизнь подъ вліяніемъ свѣта, идетъ отъ свѣта и необходимо ищетъ *извѣстнаго ему* (?) свѣта. И нигдѣ и ничего безъ преданій!» Вслѣдъ затѣмъ, объяснивъ отличіе просвѣщенія народовъ языческихъ отъ христіанскихъ, г. Лешковъ такъ опредѣляетъ просвѣщеніе: «Просвѣщеніемъ называемъ мы *сумму идеи и свѣта, долженствующую* (?) выработаться въ народѣ; образованіемъ — самую работу общества въ этомъ дѣлѣ — самый процессъ воздѣланія и усвоенія идеи и свѣта» (стр. 410, 411).

Здѣсь, какъ видите, цѣлая хитро-сплетенная ткань или домашняя теорія прогресса: и свѣтъ, и идеи, и преданія, и чаянія, и кажущаяся логическая послѣдовательность мысли — все на лицо, чтобъ скрыть тѣ грубые узлы, которые бросаются въ глаза каждому непредубѣжденному читателю.

Но противъ этого фаталистическаго взгляда подымается рѣзкій протестъ съ той стороны, голосъ которой всего менѣе можетъ быть заглушенъ шумихою словъ: мы разумѣемъ исторію. Есть ли исторія какого-нибудь народа — *стремленіе отъ задачи* къ ея разработкѣ? Кто знаетъ эту задачу или кто измѣрилъ ту сумму *идеи* и *свѣта*, которая должна выработаться въ народѣ? И еслибъ дѣйствительно существовала эта задача, напередъ

опредѣленная, предуставленная, то откуда бы такія рѣзкія противорѣчія и отрицанія въ исторіи? Еслибъ каждый народъ начиналъ свою жизнь подъ вліяніемъ свѣта (г. Лешкова), шелъ отъ свѣта и необходимо искалъ *извѣстнаго* ему свѣта, могъ ли бы онъ дойти до того глубокаго отрицанія многихъ преданій, отжившихъ и стоящихъ въ разрѣзъ съ современными потребностями? И передъ ними-то преклоняется г. Лешковъ, нѣжно называя ихъ свѣтомъ, идеею! Мало этого: такимъ взглядомъ онъ даетъ законность тому іудейскому воззрѣнію, въ силу котораго истина существуетъ только для однихъ сыновъ Израиля: задача исторіи каждаго народа напередъ опредѣлена, преданіе (свѣтъ, по г. Лешкову) дано, и онъ не имѣетъ права отступить отъ этого пути, хотя бы созналъ, что вся жизнь его была мракъ и невѣжество. Ничего нѣтъ общечеловѣческаго, все народное... И что же отсюда слѣдуетъ, какъ не дикій фанатизмъ, который печалитъ каждаго образованнаго человѣка при видѣ того, какъ турокъ-мухаммеданинъ, по преданію, остается до сихъ поръ мухаммеданиномъ, а язычники приносятъ кровавыя жертвы своимъ богамъ въ силу того же преданія, которое составляетъ предметъ благоговѣнія для г. Лешкова. Нѣтъ, г. авторъ, или вы шутите, и тогда такія шутки вовсе неумѣстны; или вы бы воздержались выносить передъ-публику эти допотопныя іудейскія воззрѣнія, ложь которыхъ обличилъ еще самъ Спаситель, признавъ братьями всѣхъ людей: и эллина, и язычника, и іудея. Но пусть подивятся наши читатели логической силѣ идеи, какъ довела она нашего автора ad absurdum къ слѣдующему неожиданному и въ наше время непонятному объясненію: «Умственное образованіе было въ рукахъ духовенства, въ рукахъ священниковъ и дьяконовъ, слѣдовательно, распространялось по приходамъ или общинамъ, было общинное. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ школахъ приходскихъ. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его читать и писать, могла

служить основаніемъ и *глубокой мудрости*, потому что онъ читалъ въ ней не Иліаду, не Одиссею, не *вымыслы человѣческіе*, какъ бы ни были они прекрасны, а истинное ученіе о сотвореніи міра, объ искупленіи отъ грѣха человѣческаго рода самою Любовью. Потомъ читалъ онъ проповѣди и поученія св. отцовъ, житія угодниковъ Божіихъ, дѣписанія своего народа, сказанія своихъ паломниковъ и путешественниковъ. Высшія школы нужны были *для облегченія его труда* (?), но и безъ нихъ, при *усиліи самомыслія*, христіанинъ могъ образоваться до степени духовнаго витіи, до *безсмертія* (!) народнаго лѣтописателя. Сколько великаго могла совершить школа времени (русской) Правды — это видимъ мы изъ исторіи перваго русскаго митрополита Иларіона, изъ житія св. Ѳеодосія Печерскаго, изъ дѣятельности перваго лѣтописца Нестора и другихъ лицъ» (стр. 208).

Далѣе, кажется, и идти уже некуда. А между тѣмъ такое мнѣніе, такой взглядъ есть только логическій выводъ изъ общихъ понятій автора о философіи прогресса и просвѣщенія, хотя послѣднія помѣщаются въ книгѣ нѣсколько ниже. Если идея дана одинъ разъ навсегда и становится обязательною, неминуемою, то всякая самодѣятельность въ просвѣщеніи, всякое образованіе и развитіе своихъ способностей посредствомъ *вымысловъ* человѣческихъ есть дѣло лишнее: нужно только понять идею или ту *сумму свѣта*, отъ котораго отправляешься. Послѣ такихъ понятій было бы совершенно излишне распространяться много о взглядѣ г. Лешкова на просвѣщеніе и образованіе древней Руси, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ въ виду «*открытіе новаго въ событіяхъ, а только назначеніе мѣста событіямъ въ сферѣ права*», хотя, по всей справедливости, вышеприведенное мнѣніе имѣетъ полное право на имя диковинной новости, по крайней мѣрѣ для нашего времени.

Противъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые думаютъ, что ученіе въ древней Руси было дѣломъ правительственнымъ, г. Лешковъ выставляетъ какую-то *силу*, производившую явленія образованности, помимо правительственнаго участія, прибавляя, что

не одни монастыри и не одна церковь служили у насъ этою силою. «И какъ могла (говоритъ онъ) исключительно церковная, духовная школа породить результаты иногда исключительно свѣтскіе, частью съ примѣсью язычества, каковы Слово о Полку Игоревѣ, Слово Даніила Заточника, Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о Калкской битвѣ и другія сказанія, вошедшія и не вошедшія въ лѣтопись? И могла ли школа монастыря возбудить вопросъ даже о томъ, кто былъ Кій, перевозчикъ у Кіева, или князь города, и сообщить нашему первому лѣтописцу его точныя свѣдѣнія о древней Россіи, географическія и этнографическія, или его живыя черты для изображенія быта древнѣйшаго населенія, его повѣрій, обычаевъ, образа жизни и т. п.?» (стр. 718).

Все это совершенно справедливо; только намъ кажется, что г. Лешковъ смѣшалъ здѣсь двѣ совершенно различныя вещи, именно: *ученіе книжное*, вошедшее къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и бывшее дѣломъ, безспорно, правительственнымъ, и *великую школу народную*, образовавшуюся еще во времена незапамятныя и неизмѣнно пребывавшую въ русскомъ бытѣ. Оба эти явленія, и по своей сущности и по своему характеру, рѣшительно противоположны и на нашей почвѣ явились началами враждебными, исключающими другъ друга. Стóитъ только вспомнить тѣ преслѣдованія, какимъ подвергался народный языческій элементъ отъ послѣдователей новой школы, чтобъ убѣдиться, что между ними не могло быть того дружнаго согласія, какое хочетъ видѣть г. Лешковъ. И, странная вещь! желая доказать это, онъ прибѣгаетъ къ давно оставленной анти-исторической ипотезѣ: о мирномъ распространеніи у насъ новаго ученія. Вотъ его слова: «Мы знаемъ, что эта вѣра принимается народомъ безъ борьбы и ожесточенія, по одному примѣру князя Владимира и его бабки и по одному его слову: «аще не обрящется кто рѣцѣ (на рѣкѣ) для крещенія, богатъ ли или убогъ, или нищъ или работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». И на основаніи этихъ событій говоримъ, что вѣра принята у насъ не столько по наряду

правительства, сколько по расположенію народа, а потому и книжное ученіе должно было притти въ Русь не столько вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, сколько по своей необходимой связи съ исповѣданіемъ, принятымъ такъ свободно и душевно» (стр. 416—417).

Это уже совершенная напраслина! Опровергать такіе выводы и *умозаключенія* въ настоящее время и совѣстно и странно: они не имѣютъ за собою ни одного положительнаго извѣстія, а безъ этого всякій споръ принимаетъ комическій характеръ. Можно ли спорить съ человѣкомъ, который, глядя на черное, станетъ пресеріозно увѣрять васъ, что это бѣлое, прибѣгая для этого не къ ученымъ парадоксамъ, а единственно къ системѣ голословныхъ утвержденій? А такимъ въ настоящемъ случаѣ является нашъ авторъ, и вотъ лучшее доказательство, какъ система и заранѣе приготовленная мысль можетъ туманить голову человѣка, даже близко знакомаго съ историческими фактами. Съ особенною любовью и внимательностію г. Лешковъ останавливается на судьбахъ древней русской женщины. Здѣсь ловко опущено все, что́ можетъ противорѣчить мнѣнію о высокомъ нравственномъ значеніи ея среди окружающаго общества: нѣтъ ни народныхъ пѣсенъ, ни важныхъ свидѣтельствъ Котошихина и благовѣщенскаго попа Сильвестра, не упомянуты ни единымъ словомъ извѣстія иностранцевъ и т. д., но встрѣчаются небольшія выписки изъ «Слова о женахъ», которое, по мнѣнію автора, должно быть приведено изъ *хронологическаго* въ *логическій* (!) порядокъ (??!) и въ немъ *укладываться* (!) въ умъ всякаго внимательнаго читателя; говорится, что въ *средніе вѣка*, на Западѣ, женщина *содѣлалась* предметомъ *романа* (!), *искательствъ* и *ласкательствъ* (??!), торжествъ и побѣдъ и т. д., и т. д.

И только! И это выдается за юридическій взглядъ на судьбы русской женщины! Нужно быть слишкомъ нетребовательнымъ, или слѣпо вѣрить всему *печатному*, чтобъ удовольствоваться такими фантастическими прогулками г. Лешкова по русской исторіи. Мало-мальски серіозный читатель выноситъ изъ этой части

труда одни упреки и упреки: упреки за потраченное даромъ время, за небрежную обработку (даже въ фактическомъ отношеніи) этой важной части въ исторіи общественнаго права, сравнительно съ другими отдѣлами книги г. Лешкова. Заканчиваетъ авторъ панегирикомъ древнему русскому обществу за то, что пытало вѣдьмъ и колдуній не жомами и испанскими сапогами, а другими, туземными средствами, и сожигало ихъ не на кострѣ, какъ на Западѣ, а въ деревянномъ срубѣ... Противъ этого сказать что-нибудь трудно: все зависитъ отъ личнаго вкуса. Только мы думаемъ, что не мѣшало бы автору напередъ хорошенько обслѣдовать дѣло прежде, чѣмъ приниматься за благодарственные спичи древнему русскому обществу.

Таковъ взглядъ на исторію, общественную и литературную жизнь древней Руси двухъ дѣятелей небольшого кружка послѣднихъ могиканъ восточной школы. Не далеко ушли и ихъ противники: еще недавно одинъ изъ нихъ, вооружившись историко-органическимъ рефракторомъ, такъ немилосердно засудилъ князя А. М. Курбскаго, что еслибъ послѣдній былъ нашъ современникъ, онъ неминуемо попалъ бы въ руки исправительной полиціи. Мы будемъ еще имѣть случай поговорить подробнѣе объ этихъ послѣднихъ явленіяхъ *исторической школы:* на нихъ стоитъ остановиться уже и потому, что для нѣкоторыхъ они до сихъ поръ, вопреки быстрымъ успѣхамъ науки, продолжаютъ служить непререкаемымъ авторитетомъ. Мы такъ молоды въ дѣлѣ умственнаго образованія и науки вообще, что до сихъ поръ не отвыкли отъ праотеческой привычки вѣрить всему печатному на-слово, особенно если при этомъ еще существуетъ наружная ученая обстановка. Пора, кажется, этому и миновать. Нѣкоторыя явленія нашей исторической литературы даютъ поводъ думать, что наши ожиданія *лучшаго* не напрасны и что, пройдя восточныя и западныя мытарства, наука, наконецъ, вступаетъ на прочную историческую дорогу. Объ этихъ явленіяхъ мы будемъ говорить

въ другой статьѣ, а теперь, заканчивая отчетъ о книгахъ гг. Шевырева и Лешкова, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какое отношеніе должна стать русская историческая наука къ двумъ отживающимъ началамъ, памяти которыхъ мы посвятили бо́льшую часть нашей статьи.

Съ европейскою мыслью и образованіемъ насъ сближаютъ не одни историческія, такъ сказать, международныя отношенія, а глубокая внутренняя связь и преемственность. Прямые наслѣдники нравственнаго европейскаго капитала, мы не можемъ и не должны отказываться отъ него, коль скоро захотимъ итти впередъ наравнѣ съ современными требованіями эпохи. Богъ знаетъ, къ чему бы пришло русское общество, предоста́вленное своимъ собственнымъ силамъ, съ тупой привычкой и рутиной вмѣсто образованной сознательности, съ своими полутатарскими понятіями и нравами!

Переворотъ, произведенный Петромъ Великимъ, какъ всякій насильственный переворотъ, имѣлъ свои крайности, свои подчасъ черезчуръ темныя стороны; но историческое его оправданіе въ будущемъ. Можно отрицать — и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вполнѣ справедливо — глубоку́ю обдуманность плана и сознательную цѣль, къ которой стремился Петръ, но едва-ли кто, неповрежденный, станетъ утверждать совершенную безполезность, или даже вредъ его реформы, напротивъ! Доброе нравственное вліяніе ея живо чувствуется въ современномъ человѣкѣ, если только онъ захочетъ взглянуть на себя прямо и безпристрастно. Были и прежде сословныя начала въ русской жизни: государство и централизація легализировали ихъ, многіе чувствовали тяжелую руку вотчинниковъ, государевыхъ холопей, сформированныхъ по образцу византійско-татарскому, но не многіе чувствовали это сознательно и понимали причину зла и его незаконность. Петръ, можетъ быть, безсознательно явился истолкователемъ этого: онъ окончательно порѣшилъ съ сословіями, рѣзко сопоставивъ ихъ лицомъ къ лицу съ остальнымъ народомъ. Отсюда уясненіе ихъ взаимныхъ отношеній, до сихъ поръ еще не приве-

денныхъ къ сознанію и подернутыхъ розовымъ цвѣтомъ патріархальности!

Вотъ, слѣдовательно, точка опоры, гдѣ должна остановиться историческая наука: на реформѣ, предпринятой съ высокою цѣлью облегченія многотрудныхъ жизненныхъ отношеній, наши историки восточной и западной стороны должны протянуть другъ другу руку примиренія, а безъ этого они останутся позади, далеко позади быстро несущейся впередъ современности.

О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ,

преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Рѣчь проф. В. Григоровича. *Казань. 1859.*

1859.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ одно очень странное мнѣніе, которое мы готовы назвать оскорбительнымъ и для науки, и для современнаго человѣка. Говорятъ, или, по крайней мѣрѣ, думаютъ, что изученіе старины, интересы науки должны быть далеки отъ современности: въ этомъ отдаленіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключается залогъ успѣховъ исторической науки, потому что она только тогда достигаетъ возможнаго совершенства, когда перомъ историка управляетъ чувство безстрастія, когда онъ смотритъ на событія и лица ohne Hast und Rast, sine ira et studio. Существованіе такого страннаго мнѣнія доказывается тѣмъ, что настоящіе изслѣдователи нашей старины, дѣйствительно, какъ-то не вмѣру уже погружаются въ туманъ прошедшаго и умываютъ руки предъ всѣми современными интересами, не принимая въ нихъ никакого участія.

Причины такого явленія не трудно найдти: у однихъ — это просто слабость, недостатокъ живаго чувства, которое высохло и поистратилось на изученіе одной буквы, *невѣдуще разума*; у другихъ, людей болѣе живыхъ — это чувство безнадежія достиг-

нуть чего-нибудь положительнаго такимъ путемъ соединенія интересовъ науки съ вопросами современной жизни: встрѣчая верхоглядство и неуваженіе къ наукѣ у тѣхъ, которые девизомъ своей общественной дѣятельности избрали соединеніе народнаго съ общечеловѣческимъ, науки съ жизнью, видя ихъ уступки въ пользу темнаго преданія, а съ другой стороны не замѣчая никакого добраго исхода такой дѣятельности, гдѣ нѣтъ возможности итти путемъ открытымъ и честнымъ, многіе люди, полные энергіи и благихъ стремленій, добровольно отказываются отъ служенія насущнымъ интересамъ и уходятъ въ старину, стараясь сколько возможно забыть современность, и скучную, и тяжелую. Явленіе печальное, мало свидѣтельствующее въ пользу нравственнаго развитія общества!

Какъ бы то ни было, намъ кажется, что, покоряясь горькой необходимости, не слѣдуетъ признавать ея законности: извѣстное событіе, *вынуждающее* насъ на тотъ или другой поступокъ, еще не обязываетъ насъ признавать этотъ поступокъ за истинный и честный, потому что его причина лежитъ не въ человѣческой свободѣ, а въ дѣйствіи, совершенно ей противоположномъ — въ принужденіи. Иное дѣло дѣйствіе, и иное — убѣжденіе. Въ обществѣ, гдѣ первое стѣснено разными календарями да указателями, гдѣ человѣкъ обязанъ дѣйствовать не по собственному побужденію, а по разнымъ предписаніямъ, не можетъ существовать идея гражданской честности въ дѣйствіяхъ; для нея остается только убѣжденіе, коснуться котораго не могла и не можетъ ничья святотатственная рука. Изъ этого неестественнаго положенія вытекаетъ тотъ глубоко-трагическій характеръ нашей современности, которымъ отличается каждое ея явленіе, не лишенное признака жизни. Ложь и истина, принужденіе и свободная мысль — все это идетъ рядомъ, другъ возлѣ друга, почти не замѣчая своей несовмѣстимости; человѣкъ дѣлаетъ одно, а говоритъ другое, и, чаще всего, мыслитъ *третье*, если еще уцѣлѣла въ немъ способность мыслить! Вотъ почему, признавая печальное существованіе современнаго отдѣленія науки отъ жизни

на дѣлѣ, мы думаемъ, что ничто не обязываетъ насъ принять *убѣжденіе въ необходимости и законности его.* Напротивъ, находясь подъ неестественными условіями, повинуясь имъ, мы не должны колебаться въ нравственной ихъ оцѣнкѣ, хотя бы здѣсь скрывалась горькая укоризна нашей нравственной лѣни, хотя бы въ этомъ приговорѣ и слышалось осужденіе самого судіи. Потому-то мы никакъ не можемъ представить себѣ современнаго историка, подобно слѣпой Ѳемидѣ, на вѣсахъ безпристрастія и равнодушія оцѣнивающаго судьбы народовъ: пусть къ этому идеалу стремится и г. Чичеринъ, и другіе, не менѣе знаменитые историки и публицисты: мы не поступимся нашею *вѣрою* въ необходимость и возможность иного взгляда на исторію, въ которомъ бы не было ни неумѣреннаго восточнаго мистицизма, ни черезчуръ умѣренной акуратности и такъ-называемаго безпристрастія!

Не малую поддержу нашему убѣжденію представляетъ прекрасная рѣчь профессора Григоровича, заглавіе которой мы привели выше.

Мы читали ее подъ свѣтлыми и радостными впечатлѣніями: мы думали, что наступило время, когда великая истина о необходимости свободнаго развитія національностей получитъ полное практическое оправданіе; мы вѣрили въ великую побѣду человѣческаго чувства надъ отупѣвшею рутиною и грязными разсчетами; мы жалѣли только, что за святое дѣло взялись такія нечистыя руки... Теперь мы пишемъ отчетъ о рѣчи г. Григоровича подъ вліяніемъ горькаго чувства обманутой надежды, и тѣмъ дороже для насъ эти немногія страницы, отъ которыхъ вѣетъ такою теплотою современнаго чувства, такимъ живымъ человѣческимъ участіемъ къ народнымъ страдальцамъ, что наша надежда, которую такъ грубо оскорбило послѣднее политическое событіе, снова воскресаетъ, и вѣра въ будущее снова даетъ силы для борьбы и горькаго терпѣнія.

Въ послѣднее время мы почти не знаемъ книги, впечатлѣніе которой такъ глубоко западало бы въ душу, какъ эти не-

многіе листки рѣчи г. Григоровича. Какой-нибудь ученый доктринеръ укажетъ, пожалуй, на нѣкоторую поверхностность и краткость въ изложеніи такого важнаго предмета, какъ судьбы Сербіи въ XIV и XV вѣкахъ; но мы далеки отъ такого упрека, потому что на рѣчь г. Григоровича смотримъ совершенно не съ той стороны. Это — одно изъ тѣхъ немногихъ явленій, которыхъ долговѣчность опредѣляется не богатствомъ матеріала, а мыслію, его одушевляющею. Много книгъ и основательнѣе, и ученѣе проходитъ въ общественной жизни даромъ и забывается, какъ никому и ничему не пригодное, но немногія, подобно брошюрѣ г. Григоровича, имѣютъ завидную участь удовлетворять современному чувству, которое особенно дорого цѣнитъ нравственную поддержку въ томъ состояніи грубаго оскорбленія, въ какомъ оно находится нынѣ. Вопросъ, на которомъ остановился г. Григоровичъ, вдвойнѣ намъ близокъ: онъ — вопросъ славянскій. Какъ бы ни разнились наши понятія объ этомъ предметѣ съ понятіями другихъ людей, прилагающихъ откупную систему ко всему славянскому, мы видимъ во всѣхъ этихъ стремленіяхъ доброе предзнаменованіе: время яраго крестоваго похода подъ знаменемъ панславизма прошло, воодушевленіе остыло, и, если мистицизмъ перстами г. Хомякова и до сихъ поръ продолжаетъ помазывать вопросъ славянскій, если до настоящаго времени сюда входитъ болѣе крика, чѣмъ серіознаго дѣла, то и это современемъ, при устраненіи различныхъ препятствій, уступитъ мѣсто свѣтлому человѣческому взгляду на междуславянскія отношенія — взгляду, плодотворность котораго опредѣлится чѣмъ-нибудь попрочнѣе однѣхъ мистическихъ грезъ и не всѣмъ понятныхъ этнографическихъ симпатій. Доказательствомъ этому служитъ то трезвое пониманіе славянскаго вопроса, которое въ общественномъ мнѣніи все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ право гражданства. Славяне мало сдѣлали для исторіи человѣчества, ихъ политическая роль только что начинается, и начинается при такихъ условіяхъ, что, говоря не шутя, они, дѣйствительно, могутъ поддержать старый міръ, нравственнаго разложенія котораго мо-

гутъ не видѣть только сами паціенты, о которыхъ можно сказать словами Лазаревой сестры: «четвородневни суть и уже смердятъ!» Чѣмъ и какъ славянскій міръ послужитъ на пользу человѣчества, судить еще нельзя; но, во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что далеко не тѣмъ, что́ отвергнуто западною наукою, какъ несовременная ложь, какъ обманъ, многообѣщающій и не дающій ничего такого, что́ можно было бы употребить на дѣйствительную пользу человѣка.

Только тогда будетъ плодотворна славянская нива и велика ея будущность, когда она всосетъ въ себя всѣ жизненные соки, выработанные старымъ міромъ, его науку, его мысль. Безъ этихъ залоговъ будущность славянскаго міра ничѣмъ не обезпечена, и его части легко могутъ потеряться, какъ потерялись и исчезли балтійскіе славяне и какъ мало по малу, благодаря усернымъ попеченіямъ австрійской цивилизаціи, теряются и вымираютъ цѣлыя поколѣнія свѣжаго народа. Мы приходимъ къ тому, съ чего начали: необходимо свободное развитіе національностей, усвоеніе плодовъ западной жизни, необходимъ полнѣйшій просторъ человѣческому чувству и слову. На этихъ желаніяхъ мы покамѣсть остановимся; они наполняютъ все содержаніе современнаго славянскаго вопроса; съ такими руководителями будущее прочно пойдетъ далѣе и, вѣрно, не остановится съ грустнымъ раздумьемъ надъ тѣми обломками старины, которые низводятъ такую глубокую скорбь на *души* нашихъ попечителей славянской народности и хранителей *славянскаго чувства любви!* Прежде, чѣмъ остановимся на самомъ содержаніи рѣчи г. Григоровича, укажемъ на его постановку вопроса. Дѣло идетъ вообще о южныхъ славянскихъ народахъ.

«Кто хоть бѣгло (говоритъ профессоръ) слѣдилъ за движеніемъ современныхъ событій и вникалъ въ смыслъ внушеній, которыми двигалась жизнь этихъ несчастныхъ племенъ, конечно, не произнесетъ объ нихъ приговора своего, не взвѣсивъ значенія прошедшихъ и настоящихъ ихъ дѣяній. Быть можетъ, уравновѣшивая ихъ отношенія, былыя съ нынѣшними, безпристраст-

ный судья замѣтитъ съ справедливымъ укоромъ неправду многихъ осужденій, взводимыхъ на нихъ, и въ тревожныхъ движеніяхъ этихъ народовъ усмотритъ послѣдствія давнихъ поощреній. внушенныхъ самими осуждающими.

«Не странно ли слышать нынѣ укоризны этимъ народамъ, послѣ того, какъ въ продолженіе вѣковъ сопротивленіе насилію ислама оправдывалось требованіемъ христіанскаго долга? Не странно ли видѣть услужливость туркамъ тѣхъ, воззванія которыхъ къ свободѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ навсегда напечатлѣлись въ памяти этихъ народовъ?» (стр. 4).

Эту вполнѣ справедливую мысль авторъ доказываетъ многими историческими фактами. Изъ нихъ читатель можетъ видѣть крайнюю политическую безпечность и довѣрчивость южныхъ славянъ и тѣ нечестныя продѣлки, къ какимъ прибѣгали ихъ сѣверные сосѣди для того, чтобъ чужою кровью купить свое временное спасеніе. Отсутствіе нравственнаго стыда дошло до того, что со стороны австрійцевъ слышались и еще до сихъ поръ слышатся обвиненія тѣмъ, которые, можно сказать, на своей спинѣ вынесли политическую самостоятельность Австріи изъ тяжелой борьбы съ османами! Чтобъ дать надлежащій смыслъ такимъ тупымъ обвиненіямъ, г. Григоровичъ останавливается на событіяхъ сербской исторіи преимущественно XIV и XV вѣковъ, потому что въ это время рѣшилась участь сербскихъ славянъ и опредѣлились тѣ начала, за которыя боролись они и которыя условили ихъ дальнѣйшую политическую судьбу. Этимъ, такъ сказать, приводится къ сознанію прошлое и кладется прочный фундаментъ настоящимъ стремленіямъ къ самостоятельности.

«Въ XIV столѣтіи, въ эпоху появленія османовъ въ Европѣ, три начала выражались жизнію народовъ, находившихся въ непосредственныхъ отношеніяхъ между собою. Ими опредѣлялся характеръ борьбы, кончившейся торжествомъ исламизма на всемъ пространствѣ Восточной Римской Имперіи.

«Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой, потребности охранить свою

народность; Византія—на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ; феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

«Славяне, выдержавъ неоднократные удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства, опираясь на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильные духовною самостоятельностію. Но своебытная, юная силами жизнь славянъ, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлость отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чужихъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія османовъ».

Затѣмъ г. Григоровичъ предлагаетъ чрезвычайно мѣткую характеристику византійской политики того времени. Для насъ эта живая страница имѣетъ особую цѣну, потому что наши отношенія къ Византіи, ея вліяніе на нашу гражданственность и вообще весь внутренній бытъ ея до того обезображены бездарными писаніями г. Бѣляева и другихъ чтителей византійскаго начала, до того искажены разными посторонними, отъ редакціи независящими, обстоятельствами, что каждое слово истины очень дорого намъ, привыкшимъ въ этомъ случаѣ имѣть дѣло лишь съ отъявленною лестью и тѣми тупыми попытками защитить ложь, которыя старый посохъ пастырей мѣняютъ на палку дикаго умственнаго насилія и достигаютъ своей цѣли не мытьемъ, такъ катаньемъ.

«Византія (говоритъ профессоръ), съ завистью взирая, среди собственныхъ раздоровъ, на усиленіе славянъ, достигала своего преобладанія, дѣйствуя на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской Имперіи и сознавая свои безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самолюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она *не дорожила просвѣщеніемъ единовѣрныхъ народовъ*, но своимъ вліяніемъ вносила разладъ въ гражданскую ихъ жизнь, дабы легче распоряжаться ихъ довѣріемъ, или возвышаться надъ порождаемыми ею

крамолами. Политика ея, не воодушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ, и жертвами ея были народности. Потерявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣ же начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсиливъ коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію о римлянинѣ придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ гражданъ, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушила имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византійцы не жили общею жизнію, не волновались общимъ чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвлеченной премудрости, доводившей до обольстительной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, византійцы не разъ измѣняли его пользамъ, ввѣряя чужимъ защиту его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе, слѣдственно, народности и усиленіе эгоизма — это главныя черты Византіи въ эпоху водворенія османовъ» (стр. 9—10).

Хотя при этой мѣткой характеристикѣ г. Григоровичъ исключительно имѣлъ въ виду византійскую политику эпохи вторженія османовъ, но смѣло можно сказать, что истина его словъ нисколько не пострадала бы, еслибъ кто вздумалъ утверждать то же самое и о вѣкахъ предшествующихъ, девятомъ, десятомъ и т. д.

Поэтому намъ думается, что такой взглядъ на Византію нашелъ бы себѣ оправданіе и въ русской исторіи. Намъ живо приходитъ теперь на память тотъ энергическій голосъ, который, цѣлымъ поколѣніемъ ранѣе нашего времени, возсталъ противъ мертвящаго вліянія, какимъ надѣлила насъ связь съ дряхлою Византіею. Дѣло шло о томъ, отчего не спорится цивилизація въ Россіи; отчего, выражаясь его же словами, во все продолже-

ніе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ? Отчего мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что́ выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь? Для объясненія такихъ скорбныхъ вопросовъ, этотъ человѣкъ обратился къ исторіи, спрашивая: «что́ дѣлали мы въ то время, когда изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслію религіи возникало величественное зданіе новаго образованія?» Отвѣтъ былъ рѣшителенъ:

«Ведомые злою судьбою, (говорилъ онъ), мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія у Византіи. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства, и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстію. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала, все сосредоточивалось, всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль, всякое побужденіе проявлялось могучею потребностію отыскать одну всемірную идею... Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились, между тѣмъ, у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства»... Глубокая, кровная тоска слышится въ этихъ словахъ: въ нихъ много поразительной правды, но не менѣе и мистической утопіи, которая всегда является тамъ, гдѣ дѣйствительность уже слишкомъ грубо отталкиваетъ человѣка, оскорбляя его самыя нѣжныя, дорогія чувства. Какъ бы то ни было, одинъ разъ воочію цѣлаго свѣта сказано было слово правды и указана истинная причина нашего горемычнаго житья-бытья и нашей безцвѣтной исторіи. Чтожъ? Далеко ли ушли мы въ тридцать лѣтъ? освободили ли мы нашу мысль отъ нравственнаго восточнаго мусора, смотримъ ли мы прямо въ глаза тому, что́ давило силы русскаго народа не менѣе

всякой централизаціи съ ея воеводами, дьяками, подьячими и тому подобною сволочью? Нѣтъ, мы все еще стоимъ съ опущенными глазами предъ Кормчею Книгою и въ ней ищемъ идеала для историческаго разумѣнія судебъ родной земли; мы заранѣе убѣждены въ томъ, въ чемъ трудно убѣдиться, заранѣе прикрѣплены крѣпостными записями къ Востоку, сквозь дырявую мантію котораго видны только интрига и полнѣйшій развратъ. Мы думаемъ, что пора посмотрѣть на дѣло серіознѣе, взглядомъ истинно-историческимъ, котораго не могли бы задобрить никакія напередъ сформировавшіяся понятія. Конечно, ни отъ западной, ни отъ восточной школы нашихъ историковъ этого ждать нельзя: всѣ они не привыкли къ свободѣ отъ предубѣжденій въ пользу или во вредъ какихъ бы то ни было началъ, а потому и не могутъ имѣть историческаго взгляда, для котораго такъ же недостаточно одного полицейскаго убѣжденія въ спасительности централизаціи государства, какъ и патологическихъ гаданій о могуществѣ русскаго народнаго духа. Рѣшенія этого вопроса — насколько онъ доступенъ ради своей скабрёзности — должно ожидать отъ людей, рѣшающихся дать волю собственному умуразуму и собственному современному чувству, не обезсиленному ревностнымъ не по разуму поклоненіемъ всякаго рода авторитетамъ и авторитетикамъ... Возвращаемся къ рѣчи г. Григоровича.

Рядомъ съ вліяніемъ Византіи шло и вліяніе феодализма, который коснулся и земель славянскихъ.

«Препятствуя возниканію сословій, подавляя свободное раз-«витіе гражданства, феодализмъ тамъ, гдѣ народность отстаивала «свое существованіе, дѣйствовалъ косвенно, но не менѣе гибельно. «Его-то вліянію приписываю я возниканіе у южныхъ славянъ «самовольныхъ властелиновъ, людей, мощныхъ своимъ боярством, утверждавшихъ свои притязанія на увѣреніи, что сила «есть право и право есть сила. И эти притязанія особенно обна-«ружились въ Сербіи во второй половинѣ XIV столѣтія».

Борьба съ османами застала Сербію именно въ ту пору,

когда она находилась между этими двумя равно враждебными огнями: Византіею и феодализмомъ, и она, конечно, должна была пасть, тѣмъ болѣе, что сами сѣверные сосѣди ея, вовлекая ее въ борьбу, искали только удобнаго случая для удовлетворенія своего властолюбія насчетъ владѣній Сербскаго царства. Общія черты этой трагической судьбы Сербіи рисуетъ намъ въ своей рѣчи г. Григоровичъ, останавливаясь не столько на изложеніи мелкихъ событій, сколько на ихъ историческомъ значеніи. Пріемъ вполнѣ основательный! Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстна въ подробностяхъ знаменитая Косовская битва и событія, ей современныя, а между тѣмъ всякій ли можетъ правильно оцѣнить ея историческое значеніе, особенно послѣ статьи г. Безсонова въ «Русской Бесѣдѣ» (Лазарица)? Русскому читателю все это предметы небезызвѣстные: онъ имѣлъ случаи познакомиться съ ними изъ перевода г. Бартенева прекрасной «Исторіи Сербіи» Ранке и увѣсистой книги г. Майкова объ исторіи сербскаго языка; но такое знакомство нисколько не ослабляетъ интереса рѣчи г. Григоровича, главное вниманіе которой, какъ мы сказали, обращено не на полноту событій, а на ихъ смыслъ и значеніе. Прежде всего профессоръ входитъ въ нѣкоторыя подробности о политикѣ византійцевъ въ отношеніи османовъ, славянъ и нѣмцевъ. Это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ характеристики ея, приведенной нами выше. Въ стѣсненномъ положеніи, угрожаемые османами, византійцы раздѣлились на три стороны или партіи: одни видѣли спасеніе въ союзѣ съ турками, другіе — съ славянами, а третьи — съ латинянами. «Взвѣсивъ совѣты этихъ трехъ партій, императоръ Іоаннъ Палеологъ заключилъ, что, не предпочитая ихъ другъ другу, можно воспользоваться ими всѣми. Итакъ, посредствомъ духовенства онъ скрѣпилъ союзъ съ Сербіей, подтвердивъ самостоятельность ея церкви подъ условіемъ вѣчнаго мира и взаимной защиты; посредствомъ туркофиловъ онъ завелъ переговоры съ османами о неприкосновенности остальныхъ византійскихъ областей. Внявъ наконецъ представленіямъ о помощи латинъ, онъ отправился лично на Западъ и далъ клятвы

папѣ въ подчиненіи взамѣнъ обѣщанной защиты. Но надежда на эту защиту скоро оказалась тщетною. Вмѣсто ея, византійскій императоръ еще на возвратномъ пути, въ Венеціи, подвергся оскорбленіямъ и, исполненный недовѣрія къ Западу, рѣшился предаться партіи туркофиловъ. Торжество туркофиловъ, основанное на этомъ недовѣріи, нанесло гибельный ударъ Сербіи, союзу которой Византія постыдно измѣнила». Сербы выступили на помощь Византіи и были встрѣчены и разбиты у Адріанополя турками, которые приняли ихъ какъ бы за враговъ своей союзницы (Византіи). Съ этихъ поръ, по замѣчанію автора, османы, ставъ мнимыми защитниками Византіи, начали воевать Болгарію и Сербію, отторгали области, присоединенныя славянами отъ грековъ, и заставили южныхъ и западныхъ властелиновъ, нѣкогда подвластныхъ царю сербскому, признать ихъ владычество. Лишившись своихъ князей въ битвѣ при Адріанополѣ, разоряемая османами и византійскою политикою, Сербія собралась въ самостоятельное государство только при князѣ Лазарѣ. Посреди несчастій и неурядицъ, ее поддерживали сила народнаго духа, народное общеніе, которое было неизвѣстно своекорыстнымъ византійцамъ.

«Это народное общеніе сдерживало своеволіе собственниковъ-властелиновъ, соблазну которыхъ противостояла Церковь. Когда наконецъ османы, послѣдуя внушенію ренегатовъ и отступниковъ, рѣшились растерзать цѣлость Сербіи, то, встрѣченные дружнымъ отпоромъ, только измѣною исторгли побѣду. Не въ народѣ таилась эта измѣна, но въ сердцахъ властелиновъ, буйную мысль которыхъ увлекали примѣръ Византіи и подражаніе феодаламъ. Побѣда османовъ не лишила славы народа сербскаго. Вѣчнаго помина достоинъ Косовскій бой 1389 года, какъ выраженіе народной борьбы за цѣлость государства противъ ислама и его союзниковъ. Этотъ бой есть единственное явленіе того времени, въ которое дѣйствовали только наемныя полчища и кичливые феодалы, ибо онъ на дѣлѣ доказывалъ не защиту личныхъ интересовъ, но охрану достоянія народа» (стр. 16—17).

По паденіи Баязета (при которомъ Сербія еще сохраняла свою цѣлость и народныя права), въ борьбѣ съ грознымъ желѣзнымъ хромцомъ Тимуромъ, казалось, было возможно спасеніе европейскихъ народовъ отъ ига османовъ. «Къ несчастію, зависть Византіи и феодаловъ была причиною, что благополучное время къ освобожденію было невозвратно потеряно». Да и вообще, по мнѣнію г. Григоровича, тогда стремились не къ спасенію народовъ, но къ удовлетворенію самолюбивыхъ притязаній и своекорыстныхъ расчетовъ. Люди, знакомые съ историческою литературою, припомнятъ, что тогда вся почти Европа полнилась проповѣдью и криками объ изгнаніи турковъ. Рѣдко у кого эти крики были дѣйствительно искренними, грудными криками, и мы совершенно согласны съ нашимъ авторомъ, когда онъ даетъ этому явленію слѣдующее мѣткое объясненіе:

«Вопросъ о томъ, возможно ли было тогда изгнаніе турковъ изъ Европы, рѣшается самъ собою для того, кто вникалъ въ ходъ событій, послѣдовавшихъ за паденіемъ Баязета. Изгнаніе турковъ, такъ же часто проповѣдуемое въ XV столѣтіи, какъ и въ XVIII, было лишь темою для реторическихъ возгласовъ, на самомъ дѣлѣ скрывало, какъ всегда, корыстолюбивые замыслы. Возможно ли, чтобъ Византія, равнодушная къ своимъ и чужимъ успѣхамъ въ гражданственности, могла рѣшиться изгнаніемъ турковъ лишить себя надежды распоряжаться судьбами народовъ, противополагая ихъ другъ другу? Возможно ли, чтобы феодальная Европа, открывшая просторъ насилію вассаловъ, снисходила къ потребностямъ угнетенныхъ народовъ? Мысль объ изгнаніи, слѣдственно, османовъ изъ Европы въ XV столѣтіи должна была уступить замысламъ превратить османовъ въ послушное орудіе угнетенія другихъ народовъ. Вотъ почему въ періодъ отъ 1402 по 1423 годъ мы видимъ рядъ непрерывныхъ интригъ, цѣлью которыхъ была личная польза, но не спасеніе народовъ» (стр. 20—21).

Находясь уже подъ вліяніемъ византійской политики и турецкаго оружія, несчастная Сербія не убѣжала и отъ нѣмцевъ:

императоръ германскій и король венгерскій Сигизмундъ, знаменитый тѣмъ, что допустилъ католическому фанатизму сжечь великаго славянскаго апостола свободы религіозныхъ убѣжденій— подъ видомъ защиты и покровительства, нанесъ послѣдній ударъ самостоятельности Сербскаго государства, подчинивъ его своей власти и беззащитно предавъ на разграбленіе османамъ. «Народъ, подавленный темными подвигами своихъ покровителей, метаясь отъ власти къ власти, истомленный, забылъ наконецъ о своей самостоятельности и слѣпо шелъ на встрѣчу своихъ побѣдителей — османовъ». Сербія была поставлена въ такое положеніе, что чья бы ни взяла и кто бы ни выигралъ — османы, или ихъ противники, — «Сербія должна была служить средствомъ расплаты при заключеніи мира». Такъ погибла самостоятельность нѣкогда славнаго царства Сербскаго. Послѣдующею его исторіею уже завѣдываетъ Австрія, съ свойственнымъ ей іезуитизмомъ возмущая славянъ противъ Турціи, обѣщая имъ покровительство и свободу и каждый разъ выдавая головою того, кто съ довѣрчивостью полагался на ея льстивыя обѣщанія и своею кровью защищалъ ея границы, готовыя рухнуть подъ ударами ислама. Нынѣ времена перемѣнились, и, съ должнымъ упадкомъ австрійскаго кредита, исторія начинаетъ признавать великій нравственный подвигъ южныхъ славянскихъ народовъ въ борьбѣ съ османами, ихъ благородную, хотя и гибельную довѣрчивость, неопозоренную никакою нечестностью и никакимъ отступничествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не все же возиться и преклоняться предъ побѣдителями: пора исторіи взглянуть и на побѣжденныхъ и оцѣнить ихъ не тою цѣною, какою пьяный галлъ цѣнилъ побѣжденныхъ римлянъ, восклицая: væ victis! И когда теперь нѣкоторые доктринеры позорятъ всю исторію, говоря, что тотъ правъ, кто наверху, когда этотъ принципъ кулачнаго права вводится въ науку, какъ *историческое воззрѣніе*, въ противоположность какому-то анти-историческому, то этимъ обнаруживается только слабость нравственнаго чувства самихъ историковъ и ихъ узкое пониманіе великихъ историческихъ событій, гдѣ за *верхами горъ*

они не видятъ живой дѣятельности массы, народа, дѣятельности, быть можетъ, не блестящей, трудовой, но близкой къ намъ уже и потому, что всѣ мы стоимъ долу и обязаны трудомъ, который одинъ даетъ право на имя человѣка. Въ такомъ историческомъ пренебреженіи къ народамъ и началамъ, уступившимъ въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ, кроется что-то глубоко-оскорбительное для чувства человѣческаго достоинства, что-то грубое, которому недоступенъ ни нравственный принципъ, ни человѣческія побужденія вообще. Народъ обезсилѣлъ въ неравной борьбѣ; онъ уступилъ честно, не играя совѣстью и не измѣняя своего убѣжденія; онъ поневолѣ склонилъ свою голову передъ грубымъ насиліемъ: его обманули и воспользовались его довѣрчивостью затѣмъ, чтобъ потомъ разорить его, уничтожить его самостоятельность, поработить! Но неужели вы, еслибъ только у васъ уцѣлѣла хотя капля честнаго нравственнаго чувства, неужели вы станете на сторонѣ грубой силы и закричите væ victis? Неужели вы все это оправдаете съ нравственной точки зрѣнія и скажете, что такъ быть должно, а въ вашу лѣтопись только занесете блестящую реляцію о побѣдѣ и побѣдителяхъ, не сказавъ ни слова теплаго участія къ побѣжденнымъ, дѣйствіями которыхъ, можетъ быть, руководило такое близкое и святое намъ чувство, какъ стремленіе къ національной независимости? Оставляемъ это суду вашей собственной совѣсти и вашего нравственнаго чувства; а мы очень рады, что въ рѣчи г. Григоровича встрѣтились именно съ тою теплотою человѣческаго чувства, о которой нѣкогда говорилъ нашъ дорогой Грановскій, какъ о качествѣ, необходимомъ для историка. «Славяне (скажемъ мы въ заключеніе словами г. Григоровича), сознавая суетную дѣятельность враговъ своихъ, не перестающихъ перестраивать народный ихъ характеръ на ладъ своихъ замысловъ, уже давно во взаимности своихъ племенъ поставили условія нравственнаго преобразованія. Взаимность, соединенная съ уваженіемъ къ чужимъ народностямъ, заставляя преодолѣвать предразсудки, отчуждающіе племя отъ племени, внушаетъ также нравственное

участіе, возвышающее народное достоинство, спасающее слабыхъ отъ отступничества, отъ перебѣга въ чужіе ряды. Взаимность, поддерживая состязаніе на поприщѣ развитія, въ успѣхѣ каждаго племени полагая успѣхи цѣлаго поколѣнія, можетъ насъ сдѣлать достойными соперниками просвѣщенныхъ народовъ, которые также дорожатъ судьбою своихъ племенъ на каждомъ мѣстѣ и при различныхъ условіяхъ ихъ жизни. Да будетъ же исходною точкою нашего усовершенствованія взаимность, ознаменованная благоволеніемъ къ общечеловѣческому достоянію, къ истинному просвѣщенію!»

Къ этому теплому желанію мы позволимъ себѣ присоединить и нашъ слабый голосъ: пусть развиваются національныя силы каждаго племени и народа, чтобъ, при свѣтѣ науки, утверждалась между людьми братская взаимность и стихали народныя ненависти и національныя антипатіи, до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, мутящія сознаніе многихъ благородныхъ и честныхъ дѣятелей славянскаго поля!

Въ заключеніе, еще два слова о приложеніяхъ. Въ нихъ напечатаны двѣ сербскія лѣтописи, еще неизвѣстныя въ наукѣ: одна — отрывокъ въ румынскомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ, другая — уже чисто сербской редакціи. Сверхъ того, здѣсь помѣщено шесть сербскихъ и византійскихъ (съ русскимъ переводомъ) грамотъ, касающихся исторіи южныхъ славянъ.

Оканчивая, мы позволимъ себѣ припомнить г. Григоровичу, что онъ когда-то обѣщалъ подарить русскую публику исторіею болгарской церкви, и мы, несмотря на долгія ожиданія, не имѣемъ никакой охоты поступиться этимъ ожиданіемъ, особенно послѣ его живой, превосходной «рѣчи о Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ въ XIV и XV столѣтіяхъ».

О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ.

Рѣчь профессора Ѳ. Буслаева. Москва. 1859. 51 стр. текста и 32 стр. приложеній. Въ 4-ю д. л.

Помните ли вы то время волненій и тревогъ, когда въ нашей литературѣ впервые развернулось знамя *народности*? Какъ все ожило и засуетилось тогда: казалось, этимъ словомъ разрѣшается вѣковой, крѣпко затянувшійся узелъ жизненныхъ противорѣчій и возвращается новая жизнь! «Миновала пора соблазнительнаго космополитизма, говорили тогда, народы перестали копировать другъ друга и хотятъ жить жизнью въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, хотятъ быть истинно-народными». Казалось, былъ найденъ философскій камень, который прочно ляжетъ во главу великаго зданія жизни... Но то была пора юношескаго увлеченія, неумѣряемаго разумомъ и жизненнымъ опытомъ. Это были своего рода крестовые походы нашей литературы; все становилось подъ знамена народности и шло въ обѣтованную землю, незнаемую и никѣмъ неизвѣданную... Здѣсь заключался уже зародышъ будущаго разочарованія: увлеченіе исходило изъ одного предчувствія, а *предчувствіе* такъ легко обманывается! Въ нѣдрахъ народной жизни, бѣдной исторіею и внутреннимъ развитіемъ, подавленной тяжелымъ трудомъ, запутанной цѣлою системою выродившихся обычаевъ и предразсудковъ, въ этой низменной, непривѣтливой жизни думали найти положительныя рѣшенія всѣмъ сомнѣніямъ и пытливымъ запросамъ. Успѣхъ, конечно, не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и годы проходили въ подобныхъ исканіяхъ, а съ ними проходила и пора перваго увлеченія. Убѣжденіе составилось слишкомъ на скорую руку, путемъ темнаго предчувствія, но не опыта и положительнаго изученія. Идея была уже готова и уже дѣйствовала на умы прежде, чѣмъ захотѣли дать отчетъ въ ея дѣйствительномъ содержаніи. Оттого вмѣстѣ съ развитіемъ науки рушились и мечты игриваго воображенія и становилось яснымъ, что народная жизнь вовсе не такъ привлекательна, какъ казалось на горячую голову, что она окружена не ореоломъ славы и свѣта, а трудовымъ, терновымъ вѣнцомъ.

На выручку хладѣющимъ стремленіямъ къ народности явился *панславизмъ*, пародировавшій извѣстное изреченіе *homo sum*... въ «Slavus sum et nil slavici a me alienum puto». Онъ глядѣлъ на дѣло уже нѣсколько шире, но скоро прошелъ, можетъ-быть, потому, что примѣшивалъ въ практическое жизненное дѣло утопію и мистицизмъ, съ которымъ рѣдко кто могъ помириться.

Теперь у немногихъ только уцѣлѣли прежнія стремленія, да и они измѣнились и выродились въ схоластическую доктрину, восполняющую діалектикой недостатокъ дѣйствительной вѣры. Такъ и должно было быть.

Причина такого печальнаго исхода заключалась прежде всего въ недалекомъ или, лучше сказать, въ ложномъ знакомствѣ съ самою *народностью*. На нее смотрѣли сквозь полусвѣтъ патріотическихъ и другихъ горячительныхъ чувствъ; оттого, не отрицая заслугъ этого движенія для общественной мысли, мы должны сознаться, что оно оставило скорѣе черную полосу въ наукѣ и очень мало способствовало ея успѣхамъ, какъ будто здѣсь крылась боязнь, что положительное изученіе, рано или поздно, должно нанести ударъ и разрушить ихъ счастливую утопію, гдѣ такъ весело и легко уму, необремененному излишнимъ знаніемъ.

Люди, чаявшіе обновленія въ купели народнаго духа, отбросивъ *злыя наважденія разума*, руководились однимъ *внутреннимъ чутьемъ* и забывали, что развитіе человѣка никогда не идетъ такимъ болѣзненнымъ путемъ, что оно идетъ путемъ трезваго, опытнаго взгляда и знакомства съ историческимъ развитіемъ самой народности. Реакція ихъ противъ узкаго взгляда на русскую исторію не помогла и не могла помочь дѣлу. Указавъ вопіющія ошибки приверженцевъ централизаціи и государства, *народное воззрѣніе* не осталось у нихъ въ долгу, и само впало въ такую страшную идеализацію, что многіе даже изумились: какъ это можно прозою писать такіе историческіе диѳирамбы?

Вѣщатели *народности* въ жизни, наукѣ, литературѣ и искусствѣ, волей-неволей, становились въ неправильныя отношенія къ наукѣ, замѣняя патріотическимъ экстазомъ недостатокъ

знанія и ученаго метода. Не имѣя никакого права сомнѣваться въ искренности такого пріема, мы должны, однако, признать его совершенную безплодность, безплодность тѣмъ болѣе явную, что до сихъ поръ дѣйствительно плоды его были только отрицательные. Извѣстно, что П. В. Кирѣевскій бо́льшую часть жизни посвятилъ на собираніе *русскихъ народныхъ пѣсенъ* — и что жъ? до сихъ поръ оно все *приготовляется къ изданію*, и мы не имѣемъ ни права, ни возможности говорить или судить о нихъ, а за исключеніемъ этого явленія, кажется, наши печальники народности ни душой, ни тѣломъ неповинны въ современномъ движеніи, направленномъ къ разработкѣ отечественной старины и народности.

За нихъ исполняютъ это ихъ литературные противники — amis les ennemis, между которыми едва ли не первое мѣсто занимаетъ имя г. Буслаева. Въ его трудахъ мы встрѣчаемъ то рѣдкое добросовѣстное изученіе факта, какое только можно встрѣтить у лучшихъ современныхъ ученыхъ Германіи, и тотъ современный неподкупный взглядъ, незапуганный ложнымъ патріотическимъ призракомъ, который дорожитъ только и́стиною, кому бы ни принадлежала ея выработка, *хотя бы даже самимъ нѣмцамъ*. Имѣя надежду въ скоромъ времени поговорить о всѣхъ трудахъ г. Буслаева, касающихся русской старины и народности, обратимся теперь къ его новому труду, заглавіе котораго приведено выше.

Съ первыхъ строкъ на васъ вѣетъ теплотою и яснымъ пониманіемъ потребностей современной науки: у автора она не стоитъ отдѣльно отъ жизни, а приводится въ тѣсную связь съ нею. Обращая вниманіе публики на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ древне-русской литературы, г. Буслаевъ «руководствовался тою мыслью, что ясное и полное уразумѣніе основныхъ началъ нашей народности есть едва ли не самый существенный вопросъ и науки, и русской жизни». Дѣйствительно такъ! Только евнухи въ наукѣ, высохшіе на сухомъ толкованіи буквы — эти доморощенные Вагнеры — могутъ раздѣлять вещи,

между собою такъ тѣсно связанныя, какъ наука и жизнь. За такими, правду сказать, у насъ не бываетъ недостатка: встарину, то-есть лѣтъ за пять предъ симъ, они даже имѣли успѣхъ и многихъ послѣдователей въ обществѣ; но теперь времена поизмѣнились, и періодическимъ многописаніемъ такъ же трудно увлечь публику, какъ роскошными ссылками, въ какія обыкновенно закутывается недостатокъ внутренняго содержанія, или отсталыя, мертвыя мысли, подогрѣтыя разными историческими пряностями въ родѣ *прогресса* (sui generis), *цивилизаціи* (sui generis), *духовнаго просвѣщенія* и т. д. Поэтому, чѣмъ-то роднымъ, близкимъ намъ, современнымъ на насъ пахнуло съ первыхъ строкъ «рѣчи» почтеннаго профессора, и еще до начала чтенія мы могли догадываться, что это будетъ не одинъ мертвый капиталъ, не свалочная книга голыхъ фактовъ, а живыя страницы изъ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. Наша догадка не обманула насъ, и мы теперь съ полнымъ сознаніемъ можемъ сказать, что «рѣчь» г. Буслаева въ настоящее время есть столько же важное пріобрѣтеніе науки, сколько и листокъ изъ современной исторіи: она принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній нашей небогатой, серіозной литературы, за которыми остается репутація движенія въ наукѣ и общественной мысли. Такъ, по крайней мѣрѣ, думается намъ, когда вспомнимъ, какъ отеческою заботливостью неумѣреннаго родолюбія запутаны наши отношенія къ прошедшему! Всякое слово, вносящее свѣтъ въ эту темную область, есть уже великая, современная заслуга, освѣжающая общественное сознаніе. Такова «рѣчь» г. Буслаева: въ ней дѣло говоритъ само за себя и каждый выводъ скрѣпленъ положительнымъ фактомъ; здѣсь является уже не государство и централизація, предъ которыми у насъ падаютъ ницъ по восточному обычаю — это и не патологическія гаданія о великой цивилизаціи, присущей русскому духу отъ Гостомысла до Котошихина включительно; это, наконецъ, и не золотая средина, подъ спасительное воскрыліе которой скрывается полузнаніе — нѣтъ, это свѣжее, здоровое слово человѣка, сочувствующаго великому

движенію современности и помогающаго ему дѣломъ добросовѣстнаго, честнаго изображенія нашего прошедшаго.

Съ перваго взгляда не можетъ не остановить читателя самое заглавіе сочиненія: «О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ». Мы думали до сихъ поръ, что у насъ *народная поэзія* не имѣла ничего общаго съ литературою, что тлетворное восточное начало положило рѣзкую грань между письменностью, собственно-литературою и народнымъ элементомъ, что между ними существовали даже враждебныя отношенія, а теперь открывается возможность не только нѣкотораго ихъ примиренія но и цѣлаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго отдѣла *народной поэзіи въ древне-русской литературѣ*. Г. Буслаевъ предвидѣлъ это недоумѣніе и счелъ необходимымъ дать ему приличное объясненіе, тѣмъ болѣе, что въ прежнихъ своихъ трудахъ онъ самъ держался мнѣнія о глубокомъ разъединеніи нашей древней литературы съ народною жизнью.

«Признавая за всею массой Русскаго народа (говоритъ авторъ) неоспоримое участіе въ исторіи русскаго права, въ исторіи государственной и общественной жизни, въ исторіи русской Церкви, обыкновенно отказываютъ народу въ его содѣйствіи къ развитію собственно литературныхъ идей; потому что привыкли думать, будто книжное ученіе въ древней Руси и процвѣтаніе литературы въ эпоху позднѣйшую есть область совершенно чуждая общей жизни народныхъ массъ, есть частное дѣло немногихъ, сосредоточившихся въ исключительной, имъ однимъ доступной сферѣ. На долю Русскаго народа обыкновенно предоставляютъ только безыскусственную словесность, его пѣсни и сказки, загадки и пословицы, а книжное ученье полагаютъ привилегіею людей избранныхъ, которые сообщали и сообщаютъ неграмотной братіи отъ своего книжнаго просвѣщенія столько, сколько ей потребно, только ради чисто практическихъ цѣлей внѣшняго благочинія и порядка.

«Если бы этотъ печальный взглядъ на нашу литературу и народность нашелъ себѣ оправданіе въ дѣйствительности, то безъ

сомнѣнія, ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся отъ жизни, и того ничтожнѣе была бы народность, которая въ теченіе многовѣковаго существованія нашей письменности не могла привиться къ литературѣ и не умѣла стать съ нею въ уровень.

«Въ утѣшеніе своему національному чувству, смѣло можемъ утверждать, что такой неблагопріятный взглядъ составился только по малому знакомству съ нашею древнею, народною литературою, рукописные памятники которой доселѣ еще не приведены въ общую извѣстность. Все до сихъ поръ изданное изъ нашей старины и объясненное, по преимуществу, касается или исторіи Церкви, или государственныхъ и юридическихъ отношеній. Потому и самая литература древней Руси обыкновенно представлялась сосредоточенною къ немногимъ высшимъ пунктамъ, стоящимъ, по своему, такъ-сказать, офиціальному значенію, выше обыкновенной сферы нравственныхъ интересовъ всей массы народа.

«Строго отдѣляя вопросы чисто-литературные отъ всякихъ другихъ, не можемъ мы, въ отношеніи именно литературномъ, искать у какого бы то ни было народа, въ его простомъ безъискусственномъ быту, ничего другаго, кромѣ поэзіи, и тѣмъ болѣе должны мы искать ее у народа Русскаго, одного изъ племенъ славянскихъ, которыя отъ самой природы такъ счастливо одарены поэтическимъ творчествомъ. Потому вопросъ объ отношеніи народа къ литературѣ приводится въ болѣе опредѣленную форму — *объ отношеніи русской народной поэзіи къ нашей письменности*».

Предметъ совершенно новый и до сихъ поръ, благодаря нашимъ познаніямъ въ рукописной старинѣ, еще никѣмъ не тронутый.

Чего такъ сильно добивались домашніе артисты, когда на самокатѣ русскаго духа они обозрѣвали старину изъ народнаго рефрактора; чего не хотѣли знать наши чиновники исторической литературы, то сказалось само собою при добросовѣстномъ и

основательномъ изученіи дѣла, какъ это мы находимъ у г. Буслаева. Ему принадлежитъ честь первой постановки вопроса; онъ же положилъ и основаніе новому зданію, успѣшное окончаніе котораго, по нашему мнѣнію, зависитъ отъ ближайшаго знакомства съ стариною и дальнѣйшаго общественнаго развитія, которое не станетъ пугаться свѣта и дастъ полную свободу мысли и слову...

Обращаясь къ самому содержанію сочиненія, мы отстраняемъ отъ себя обязанность передавать подробно его содержаніе; довольно указать, что въ немъ новаго и особенно важнаго.

Чтобъ объяснить позднѣйшіе факты народной поэзіи, какіе встрѣчаются въ памятникахъ литературы XVI и XVII вѣковъ, г. Буслаевъ долженъ былъ начать со времени доисторическаго. Въ безыскусственной поэзіи каждаго народа онъ отличаетъ три замѣтные періода: миѳологическій, смѣшанный и собственно-христіанскій. Въ древне-русской литературѣ господствовала поэзія смѣшанная, *двоевѣрная* и христіанская; подробное ихъ разсмотрѣніе авторъ связываетъ съ предыдущимъ, миѳологическимъ, періодомъ, которому посвящаетъ нѣсколько живыхъ одушевленныхъ страницъ. Намъ особенно приглянулось его объясненіе сказанія о томъ, *отчего витязи перевелись на святой Руси*. Вопреки взгляду г. Шевырева, г. Буслаевъ видитъ здѣсь только смѣну одного періода на другой и указываетъ на дальнѣйшій видъ этого преданія въ замѣчательной повѣсти *О дѣвицахъ Смоленскихъ, какъ игры творили*:

«Было отъ города Смоленска (такъ разсказывается въ этой повѣсти) за 30 верстъ по Черниговской дорогѣ, случилось быть на великомъ полѣ безстыдному бѣснованію. Множество дѣвъ и женъ стеклись на бѣсовское сборище, нелѣпое и скверное, въ ночь (?), въ которую родился *пресвѣтлое солнце* — великій Іоаннъ Креститель, первый покаянію проповѣдникъ, его же ради вся тварь неизреченно возрадовалась. А эти окаянныя бѣсомъ научены были. И соизволилъ Господь Богъ обличить ихъ въ поученье человѣкамъ, и послалъ къ нимъ Св. Великомученика Ге-

оргія. Святой явился передъ ними и говорилъ имъ, чтобъ онѣ перестали отъ такого бѣснованія; но онѣ нелѣпо ему возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклялъ ихъ и всѣ онѣ тотчасъ же окаменѣли, и донынѣ на полѣ томъ видимы, стоятъ какъ люди: въ поученіе намъ грѣшнымъ, чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вѣчную».

«Повѣсть эта (прибавляетъ г. Буслаевъ), состоящая въ очевидной связи съ сказаніемъ о превращеніи богатырей въ каменья, сверхъ того, заслуживаетъ полнаго вниманія по любопытному смѣшенію языческаго элемента съ христіанскимъ, по смѣшенію, до такой степени грубому, что *Пресвѣтлое Солнце*, которому по языческимъ обрядамъ дѣйствительно праздновали въ день *Купалы*, какъ эпитетъ, перенесено къ Іоанну Предтечѣ».

Такого рода смѣшеніе встрѣчается на каждомъ шагу въ древней русской литературѣ: бо́льшая часть памятниковъ повѣствовательнаго отдѣла служитъ тому лучшимъ доказательствомъ, и нельзя не пожалѣть, что съ этой точки зрѣнія разработка ихъ почти недоступна современной наукѣ; тогда, по крайней мѣрѣ, затихли бы тѣ гаданія, фабрикаціею которыхъ занимаются у насъ цѣлые классы людей, между ко́торыми пальма первенства принадлежитъ гг. Шевыреву, Лешкову, да ихъ неофиту, г. Оресту Миллеру.

Затѣмъ нашъ авторъ переходитъ къ обозрѣнію и разбору *Бесѣды трехъ святителей*, извѣстному апокрифическому сочиненію, въ которомъ христіанскія понятія и преданія перемѣшаны съ народными миѳами и суевѣріями. Онъ подробно сливаетъ ея мотивы съ языческими представленіями племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ, и показываетъ, какъ эта бесѣда «съ одной стороны, служитъ толкованіемъ художественныхъ средневѣковыхъ символовъ, а съ другой, состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ народною загадкою и съ старинною повѣстью, любившею вплетать загадки съ разгадками въ самую основу сказочной завязки, и какъ отрывки изъ нея были внесены въ старинную азбуку и имѣли вліяніе на первоначальное обученіе грамотѣ». Окончивъ разборъ па-

мятника, г. Буслаевъ касается отношенія его къ книгамъ отреченнымъ и истиннымъ, и здѣсь дѣлаетъ такой, по нашему мнѣнію, чрезвычайно замѣчательный выводъ:

«Бесѣда эта (говоритъ онъ), безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ другими апокрифическими книгами, перешла къ намъ изъ Болгаріи; но съ теченіемъ времени все болѣе или менѣе расширялась въ своемъ объемѣ, принимая въ себя частію поэтическіе элементы народной поэзіи, частію отрывки изъ другихъ *отреченныхъ книгъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе проникалась національными воззрѣніями. Люди со строгими православными убѣжденіями могли смотрѣть презрительно на это наивное собраніе притчей и загадокъ, могли его преслѣдовать съ точки зрѣнія богословской; но такъ обаятельна была поэзія этого памятника, что, несмотря на строгія запрещенія, онъ расходился между русскими грамотными людьми съ самыми странными, противными духу православія, прибавленіями».

Послѣ этого легко можно видѣть, какъ неосновательны гадательныя предположенія нѣкоторыхъ относительно религіозной чистоты народныхъ массъ въ древней Россіи. Несмотря на всѣ преслѣдованія и осужденія, какимъ подвергался народный элементъ отъ старинныхъ книжниковъ, онъ не могъ быть совершенно изгнанъ изъ жизни и сказывался не только въ обширной литературѣ апокрифовъ, но и въ другихъ сочиненіяхъ, повидимому, самаго безукоризненнаго и согласнаго съ духомъ православныхъ убѣжденій характера. Къ народу религія доходила чрезъ полусвѣтъ двоевѣрія: она была далека и отъ своей первобытной чистоты и отъ религіознаго идеала образованныхъ людей древней Руси. Надо умышленно закрыть глаза на всю исторію и окончательно потерять способность разумѣнія, чтобъ въ низменныхъ сферахъ народной жизни искать религіозныхъ принциповъ и отъ нихъ ожидать возрожденія дряхлѣющаго міра: суевѣріе не можетъ принести добрыхъ плодовъ и само имѣетъ нужду въ искорененіи мирнымъ путемъ просвѣщенія.

Возвратимся, однако, къ дѣлу. Самый, по нашему мнѣнію,

любопытный отдѣлъ «Рѣчи» г. Буслаева тотъ, гдѣ говорится о народной поэзіи нашихъ старинныхъ *лѣчебниковъ* и *травниковъ*. Отсылая читателей къ самому тексту, полному интереснѣйшихъ подробностей, мы ограничимся только выпискою одного заговора на *трясавицъ* (лихорадокъ), дочерей царя Ирода: уже его высокое поэтическое достоинство достаточно свидѣтельствуетъ о важности предмета, которому г. Буслаевъ посвящаетъ подробное разсмотрѣніе.

«Трясавицы мучатъ только того, кто предается грѣху, то есть, эти демоны бываютъ насылаемы въ возмездіе за учиненное зло.

«При морѣ Чермномъ (такъ начинается заговоръ) стоитъ столпъ каменнъ; въ столпѣ сидитъ святой великій апостолъ Сисиній и видитъ: возмутилось море до облаковъ, и выходятъ изъ него двѣнадцать женъ простоволосыхъ — окаянное дьявольское видѣніе. И говорили тѣ жены: «Мы Трясавицы, дщери Ирода Царя». И спросилъ ихъ св. Сисиній: «Окаянные дьяволы! Зачѣмъ вы пришли сюда?» Они же отвѣчали: «Мы пришли мучить родъ человѣческій: кто насъ перепьетъ, къ тому мы и привьемся и помаемся — помучимъ его, — и кто заутреню просыпаетъ, Богу не молится, праздники не чтетъ, и вставая пьетъ и ѣстъ рано: тотъ нашъ угодникъ». И помолился Богу св. Сисиній: Господи, Господи! избавь родъ человѣческій отъ окаянныхъ сихъ дьяволовъ! И послалъ къ нему Христосъ двухъ ангеловъ Сихайла и Аноса и четырехъ евангелистовъ. И начали Трясавицъ бить четырьмя дубцами желѣзными, давая имъ по три тысячи ранъ на день. И взмолились имъ Трясавицы: «Святой великій апостолъ Сисиній, и Сихайло и Аносъ, и четыре евангелиста, Лука, Марко, Матѳѣй, Іоаннъ! не мучьте насъ! гдѣ ваши имена святыя заслышимъ, и въ которомъ роду имена ваши прославятся, того мы роду бѣгаемъ за три дня, за три поприща». И вопросилъ ихъ св. апостолъ Сисиній: «что ваши дьявольскія имена?» — Одна говорила: «мнѣ имя Трясея». Другая говорила: «мнѣ имя Огнея»: какъ печь смоляными дровами распаляется, такъ Огнея жжетъ

гѣла человѣческія. Третья говорила: «мнѣ имя Ледея», а Ледея, какъ ледъ студеный, знобитъ родъ человѣческій, и не можетъ отъ него человѣкъ и въ печи согрѣться. Четвертая говорила: «мнѣ имя Гнетея»: Гнетея же ложится у человѣка на ребра и взвиваетъ утробу: а если кто хочетъ ѣсть — пусть ѣстъ: только изъ души у того человѣка вонъ идетъ. Пятая говорила: «мнѣ имя Грынуша»: та ложится у человѣка въ грудяхъ, плечи гноитъ и выходитъ харканьемъ. Шестая говорила: «мнѣ имя Глухея»: та ложится у человѣка въ головѣ, уши закладываетъ и голову ломитъ: и тотъ человѣкъ глухъ бываетъ. Седьмая говорила: «мнѣ имя Ломея»: Ломея же ломитъ, какъ сильная буря сухое дерево, у человѣка кости и спину. Восьмая говорила: «мнѣ имя Пухнея»: Пухнея же пущаетъ отекъ на родъ человѣческій. Девятая же говорила: «мнѣ имя Желтея»: Желтея же, какъ жолтый цвѣтъ въ полѣ. Десятая говорила: «мнѣ имя Коркуша»: та всѣхъ проклятѣе; смыкаетъ ручныя жилы и ножныя вмѣстѣ. Одиннадцатая говорила: «мнѣ есть имя Глядея»: и та всѣхъ проклятѣе: въ ночи человѣку сна не даетъ, и бѣсы приступаютъ къ тому человѣку, и въ умѣ онъ мѣшается. Двѣнадцатая говорила: «мнѣ имя Невѣя»: Невѣя же сестра имъ старѣйшая, плясавица, которая усѣкнула главу Іоанна Предтечи, и та всѣхъ проклятѣе: поймаетъ человѣка и не можетъ тотъ человѣкъ живъ быть. Если случится священникъ, творитъ сію молитву надъ головою болящаго трясавицею: «Во имя Отца и Сына и св. Духа! — Окаянныя трясавицы, заклинаю васъ святымъ великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами: Лукою, Маркомъ, Матѳѣемъ, Іоанномъ!» Потомъ говоритъ: «Ты еси окаянная Трясея, ты еси окаянная Огнея, ты еси окаянная Ледея, ты еси окаянная Гнетея, ты еси окаянная Грынуша, ты еси окаянная Глухея, ты еси окаянная Ломея, ты еси окаянная Пухнея, ты еси окаянная Желтея, ты еси окаянная Коркуша, ты еси Невѣя, сестра старѣйшая! заклинаю васъ святымъ великимъ апостоломъ Сисиніемъ, святымъ Сихайломъ и Аносомъ и четырьмя евангелистами, Лукою, Маркомъ, Матѳѣемъ, Іоанномъ! побѣжите отъ

раба Божія, имрекъ, за три дни, за три поприща, а если не побѣжите отъ раба Божія, имрекъ, и я призову на васъ великаго апостола Сисинія и святыхъ Сихайла и Аноса и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳѣя, Іоанна, и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на день». Проговоря надъ болящимъ трясавицею, священникъ даетъ ему пить воду съ креста, и затѣмъ говоритъ: «крестъ всей вселенной хранитель, крестъ церквамъ красота, крестъ апостоламъ похвала, крестъ царямъ держава, крестъ христіанамъ утвержденіе и недугамъ исцѣленіе, крестъ отцамъ просвѣщеніе и украшеніе, крестъ бѣсамъ прогонитель, крестъ трясавицамъ и идоламъ прогонитель, крестъ есть рабу Божію, имрекъ, огражденіе».

Такіе интересные факты читатель встрѣтитъ почти на каждой страницѣ «Рѣчи» г. Буслаева.

Повѣствовательнаго отдѣла нашей древней литературы авторъ коснулся лишь слегка. Есть, однако, въ этой части труда почтеннаго профессора вещи, относительно которыхъ мы позволили себѣ небольшое разногласіе. Дѣло идетъ о византійскомъ вліяніи.

«Въ настоящее время (говоритъ авторъ) довольно распространено между людьми, впрочемъ, образованными, мнѣніе, будто вліяніе византійское было вообще вредно для развитія и процвѣтанія древней національной словесности; будто, кромѣ книжной схоластики, сковывающей всякое свободное движеніе мысли и чувства, литература византійская ничего не внесла въ нашу древнюю, собственно литературную дѣятельность; будто недостатокъ поэзіи въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ преимущественно объясняется этимъ византійскимъ началомъ, враждебнымъ всему поэтическому, всему восторженному и воодушевляющему къ истинно-художественному творчеству.

«Бѣглый взглядъ на переведенные съ греческаго патерики, распространявшіеся на Руси уже съ XI в., убѣдитъ всякаго въ высокомъ поэтическомъ интересѣ этихъ прекрасныхъ сборниковъ духовно-повѣствовательной литературы. Между древне-русскими

они имѣли такой громадный успѣхъ, что входили не только въ составъ собственно русскихъ повѣствовательныхъ произведеній, но и въ самую жизнь. Нашъ кіевскій патерикъ не остался безъ плодотворнаго вліянія византійскихъ идеаловъ. . .»

Намъ кажется, что и при этомъ любопытномъ фактѣ, объясняющемъ многое изъ нашей древней литературы, вліяніе Византіи какъ на народную жизнь, такъ и на народную поэзію было скорѣе отрицательное, а доказательство тому — отсутствіе собственно-народныхъ литературныхъ произведеній, подобно тѣмъ, какія во множествѣ встрѣчаемъ у племенъ нѣмецкихъ. Вліяніе Византіи на Русь не могло быть инымъ по крайней разности въ степени развитія и нравственныхъ понятій; народа собственно оно не коснулось, но и не повело впередъ, а заморозило схоластикою и, между прочимъ, поселило въ немъ и суевѣріе, отъ котораго народъ такъ долго стремился освободиться.

Разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ области древнерусскаго искусства и въ связи съ нѣкоторыми свѣтскими повѣстями, заключается «Рѣчь» г. Буслаева. Въ приложеніи помѣщены обширныя выписки изъ древнихъ рукописныхъ сборниковъ, служащія какъ бы оправдательною статьею самаго текста. Это — дѣйствительное пріобрѣтеніе науки.

Мы не имѣли въ виду исчерпать богатое содержаніе «Рѣчи» *О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ*, а желали только указать на ея важность и коснуться интереснѣйшихъ ея пунктовъ. Уже изъ этихъ приведенныхъ нами двухъ-трехъ отрывковъ можно видѣть важное значеніе этого труда для науки: онъ въ полномъ смыслѣ открываетъ намъ terram incognitam atque intactam, и, нѣтъ сомнѣнія, оставитъ по себѣ прочный слѣдъ и въ литературѣ и въ жизни. — Да, въ жизни! потому что здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу и знакомимся съ нашею народностью, неподкрашенною красками приходскаго родолюбія и экстаза. Наступаетъ пора зрѣлаго изученія и становятся день-отодня невозможными тѣ мыльные пузыри, надутые своеобразнымъ духомъ, которые такъ долго плавали — и кое-гдѣ еще и теперь

плаваютъ — въ нашей исторической литературѣ. Съ этимъ вмѣстѣ стихаетъ и народная вражда, возможная только при отсутствіи образованія и самопознанія. Наука повсюду укрѣпляетъ благородное чувство и, кажется, надъ могилою, гдѣ исторія похоронила народныя ненависти, уже готова возвыситься масличная вѣтвь мира...

Но нельзя безъ глубокой горечи смотрѣть на тѣ отсталыя явленія, которыя силятся заглушить всеобщее возрожденіе и снова разжечь то, что только лишь теперь угасаетъ, уступая образованію и наукѣ... Эти поскребушки стариннаго мракобѣсія никогда не выступаютъ честно на бой и всегда прикрываются ябедой, клеветой, чтобъ не сказать хуже! Такъ очень недавно мы встрѣтили *обличеніе*, въ которомъ, желая указать религіозныя заблужденія противника, поклонникъ темной старины прибѣгаетъ къ такому странному и въ наше время непонятному, нелитературному способу, и сперва укоряетъ его въ томъ, что онъ осмѣлился имѣть такое разномысліе, и «не смотря настоль явное нарушеніе законовъ гражданскихъ и церковныхъ, почитаетъ себя нечуждымъ нашего гражданства» и т. д. Но, слава Богу, такія явленія у насъ рѣдки, если не единственны: побѣда всегда останется на сторонѣ науки и такихъ свѣтлыхъ, отрадныхъ явленій ея, какова превосходная «Рѣчь» г. Буслаева.

Исторія русской словесности, преимущественно древней, Ст. Шевырева.

Ч. III. Столѣтія: XIII, XIV и начало XV. Москва. 1858. XXX. 405 стр.

1859.

Въ прошломъ году пр. Филаретъ издалъ очень полезную книгу: «Обзоръ русской духовной литературы до 1820 г.»

Въ небольшомъ предисловіи онъ заранѣе оговорился, отстраняя отъ себя всякую попытку написать подробную исторію русской литературы: «для такого сочиненія, говорилъ онъ — въ на-

стоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ, а писать исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ — *дѣло не умное.*»

Вслѣдствіе такого убѣжденія почтенный авторъ и ограничился хронологическимъ обзоромъ русской духовной литературы до 1820 г., мало заботясь о связи и исторической преемственности ея явленій. Этому умѣнію удержаться въ границахъ, остановиться тамъ, гдѣ слѣдуетъ — мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ предъ собою превосходную справочную книгу, за которую не разъ помянетъ благодарностью ея автора всякій, занимающійся исторіею русской словесности.

Выраженная прямо и ясно мысль о томъ, что рано еще писать полную исторію русской литературы, когда для этого не готовы матеріалы, и что рѣшаться на такой подвигъ есть дѣло не умное — встрѣтила сочувствіе въ ученомъ, спеціально себя посвятившемъ изученію литературной жизни нашего отечества. Обращая вниманіе читателей на это вполнѣ справедливое мнѣніе пр. Филарета, г. Буслаевъ высказываетъ свое сочувствіе тому, что «для разработки русской литературы наступила, наконецъ, пора строгаго, положительнаго изученія, фактическаго знакомства съ нашей стариною, когда уже становятся совершенно невозможными всѣ мечтанія и гаданія, основанныя на однихъ досужихъ предположеніяхъ.»

Казалось бы, противъ этого и говорить нечего!

Но въ это самое время г. Шевыревъ приготовлялъ къ печати новый выпускъ своей «*Исторіи* русской словесности», начало которой появилось за двѣнадцать лѣтъ предъ этимъ. Вопросъ, чисто ученый и безобидный, о преждевременности такого труда коснулся его удивительнымъ и весьма-страннымъ образомъ: онъ увидѣлъ здѣсь какое-то *напряженіе охладить вниманіе публики* къ общему труду — и счелъ нужнымъ дать этому огласку въ предисловіи къ своей книгѣ.

Минуя скользкую сферу намековъ и ни на чемъ не основанныхъ предположеній, въ родѣ тѣхъ, что яко-бы профессоръ

русской словесности Московскаго университета своимъ мнѣніемъ отказался отъ возможности передать эту науку съ своей каѳедры и т. д., — мы взглянемъ на то, какъ собственнымъ примѣромъ авторъ утвердилъ возможность для настоящаго времени полной исторіи русской словесности.

Два пути предстояло г. Шевыреву для доказательства главной темы. Онъ могъ или теоретически утвердить необходимость и возможность полной исторіи русской литературы, или практически, доказавъ собственнымъ примѣромъ неосновательность противнаго мнѣнія. Г. Шевыревъ соединилъ оба способа вмѣстѣ. Первому отведено *предисловіе*, второму — самый текстъ книги. Итакъ сначала *о предисловіи*.

На немногихъ страницахъ (всего 8!) помѣщаются доказательства въ пользу необходимой связи изученія общаго съ спеціальнымъ. Доказательства эти состоятъ въ поправкахъ нѣкоторыхъ частныхъ ошибокъ нашихъ изслѣдователей, ошибокъ, открывшихся только тогда, «когда начали изучать памятники исторически въ связи съ другими, принадлежащими тому же столѣтію». Тутъ, кажется, и спору быть не можетъ, — потому что *кто и когда* могъ говорить противъ такого *изученія*? Оно приходитъ само собою, при ближайшемъ знакомствѣ съ памятниками — и человѣкъ, мало-мальски не лишенный способности соображать и дѣлать выводы, необходимо долженъ имѣть какой-нибудь общій взглядъ, какъ результатъ его предварительнаго изученія; противъ этого говорить такъ же странно, какъ и возставать противъ способности мыслить; но имѣетъ ли подобный взглядъ право на имя науки, и можетъ ли онъ быть названъ исторіею? Этотъ вопросъ стоитъ того, чтобы на него обратить серьезное вниманіе. Когда и при какихъ условіяхъ возможна исторія, какъ наука? Прежде всего, конечно, при полномъ знакомствѣ съ историческими данными: только овладѣвъ ими вполнѣ, понявъ ихъ связь и таинственное отношеніе другъ къ другу, можно отважиться на трудное дѣло — исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что каждое время имѣетъ свой идеалъ исторіи; но, если не оши-

баемся, современная наука уже покончила свой расчетъ со всѣми умозрительными теоріями, которыя прежде ходили подъ именемъ *исторіи*. Создать систему по двумъ-тремъ отрывочнымъ фактамъ не такъ трудно, какъ обыкновенно думаютъ: чѣмъ менѣе историческаго матеріала, тѣмъ болѣе свободы воображенію и фантазіи, а съ этими путеводителями чего не сдѣлаешь! Но предъ требованіями новой современной науки — одинъ за однимъ отходятъ уже на покой эти *труды органической мысли*, гдѣ за недостаткомъ насущнаго матеріала всѣ пробѣлы наполняются продуктами игриваго воображенія. Любопытныя и поучительныя только по отношенію къ психологіи своихъ творцовъ, такія явленія становятся день отъ дня рѣже и уступаютъ мѣсто строгому положительному изученію факта съ точки зрѣнія современности. Зданіе не строится безъ матеріала, исторія не создается изъ головы и предполагаетъ полное изученіе данныхъ — и теперь, если со всѣми этими требованіями мы подойдемъ къ русской словесности и спросимъ: возможна ли въ настоящее время ея полная исторія — само собою разумѣется, мы принуждены будемъ отвѣчать отрицательно. Всякому свое — и всякій мѣритъ своею мѣрою: все зависитъ отъ того, кто какъ посмотритъ на дѣло: для иного достаточно двухъ-трехъ фактовъ, чтобы по нимъ вывести *цѣлое умственное древо*, между тѣмъ какъ другой отказывается отъ такого предпріятія, сознавая, что въ настоящее время это *дѣло не умное* — и ведетъ скромную работу, имѣя въ виду лишь одну дѣйствительную пользу.

Не только слабое знакомство съ фактическою стороною исторіи русской словесности, *бо́льшая часть* памятниковъ которой едва извѣстны по имени, но и господство историческихъ предразсудковъ и невѣжество и незрѣлость историческаго метода — до сихъ поръ стоятъ непреоборимою преградою при изученіи исторіи русской литературы. Въ ней есть свои заповѣдныя рощи, которыхъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не можетъ касаться современный изслѣдователь; для другихъ — ему заранѣе подведены итоги и выводы, отступать отъ которыхъ онъ не вла-

стенъ. Часто особое душевное расположеніе изслѣдователя, его заднія мысли туманятъ взглядъ и облекаютъ все въ чудовищныя, фантастическія формы. И при всемъ этомъ намъ говорятъ о возможности въ настоящее время исторіи русской литературы, какъ науки! Нѣтъ! прежде очистите и приведите въ извѣстность матеріалы, оставьте рутину и всѣ постороннія, враждебныя наукѣ мысли, пріобрѣтите право прямо и ясно выражать свои мысли, да тогда — и за дѣло, за полную исторію русской словесности, *исторію* не по названію или ярлыку только, а по глубокому соотвѣтствію жизненнымъ потребностямъ современности, по полнотѣ и солидности историческаго знанія, чуждаго всякихъ гаданій и произвольныхъ предположеній!

Все это — вещи, давнымъ давно извѣстныя всѣмъ и каждому — и, откровенно говоря, мы очень сожалѣемъ, что на нашу долю выпало повторять ихъ; но, видно, это — необходимо, чтобы отстранить недоразумѣніе, могущее возникнуть въ умѣ чигателя при чтеніи предисловія къ книгѣ г. Шевырева.

Теперь обратимся къ самой *исторіи* и посмотримъ, въ какой мѣрѣ авторъ собственнымъ примѣромъ доказалъ необходимость и возможность полной исторіи русской словесности въ настоящее время.

Какая основная мысль всего труда и чего ищетъ авторъ въ литературныхъ произведеніяхъ древней Руси?

Въ исторіи русской словесности, *преимущественно* древней (ч. I, ст. 14—16), мы находимъ на это отвѣтъ ясный и положительный: «раскрыть душу русскаго человѣка въ исторіи его слова» или «видѣть въ словѣ русскомъ *всего* русскаго человѣка» — вотъ мысль, около которой авторъ предположилъ себѣ сосредоточиться и которая, по его мнѣнію, должна собрать въ одно воззрѣніе всѣ произведенія словесности русской. Задача прекрасная, но, не скроемъ — трудная и немного смѣлая: ну, какъ на бѣду русскій человѣкъ *весь*-то и не высказывался въ своемъ словѣ — какъ тогда быть?

Кажется, однако, что этимъ вопросомъ нашъ авторъ не за-

труднялся и безъ дальнѣйшихъ околичностей отнесъ къ душѣ всего русскаго человѣка все, что̀ по всей справедливости принадлежало только душамъ очень немногихъ, и притомъ не вполнѣ русскихъ людей. Яснѣе всего это чувствуется въ новомъ выпускѣ его «Исторіи русской словесности», обнимающемъ XIII, XIV и начало XV столѣтія. Мысль, что литература есть выраженіе народной жизни, была принята г. Шевыревымъ слишкомъ на вѣру; онъ не потрудился хорошенько изслѣдовать, въ какой степени она справедлива по отношенію къ исторіи русской словесности, оставилъ нетронутымъ вопросъ о томъ — существовала ли въ древней Руси такая тѣсная связь между народною жизнію и литературою, какую мы видимъ у народовъ западной Европы, *преимущественно* у Нѣмцевъ. Обративъ должное вниманіе на этотъ пунктъ, г. Шевыревъ отыскалъ бы лучшій критеріумъ для оцѣнки литературныхъ произведеній древней Руси; тогда какъ въ настоящемъ видѣ книга его, во всѣхъ трехъ выпускахъ, поражаетъ именно несоразмѣрностію своихъ частей. Предпочтенія автора замѣтно клонятся въ одну сторону: вездѣ и во всѣхъ произведеніяхъ онъ видитъ церковь и мысль о церкви, и что̀ мало-мальски не подходитъ сюда, то — или совершенно исключается изъ *книги живота*, или находитъ въ ней такое малое, незавидное мѣсто! «Славяно-русское слово — по словамъ г. Шевырева — говорило въ XII в. устами богомольнаго странника, великаго князя, митрополита, *юмориста* (!) — заточника, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника, пѣвца — друга отечества, мужей святыхъ, славившихъ свою обитель, плодотворную чудесами. Въ глубинѣ этихъ произведеній лежитъ одна великая и живая мысль, какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ основа ея силъ нравственныхъ, какъ опора и точка отправленія въ ея умственномъ развитіи — мысль о православной церкви нашей, источникѣ спасенія, и временнаго и вѣчнаго» (стр. 1, т. III). Положимъ, что все это вѣрно! Но неужели этою общею темою исчерпывается все содержаніе русской литературы XII в.?

И какимъ образомъ могло попасть сюда Слово о Полку Игоревѣ, произведеніе далеко не церковнаго происхожденія и характера! Гдѣ же цѣлый организмъ, по временамъ сказывавшійся и въ словесности — организмъ, который мы называемъ общимъ именемъ народности и произведенія котораго существовали независимо отъ канонической литературы? Слабы его элементы и въ первыхъ двухъ выпускахъ «Исторіи русской словесности, преимущественно древней» — еще слабѣе и почти совершенно незамѣтны они въ новомъ (III) выпускѣ, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ.

Для бо́льшаго удобства будемъ слѣдовать порядку самой книги, по лекціямъ.

Лекція одиннадцатая Содержаніе ея составляетъ исторія русской словесности въ XIII вѣкѣ. Прежде всего говорится о двухъ писателяхъ, *связанныхъ дружбою* и единствомъ труда и стоящихъ на границѣ между XII и XIII столѣтіями. Эти писатели — Симонъ и Поликарпъ, сочинители Кіевскаго Патерика. Послѣ краткаго извѣстія о жизни Симона, г. Шевыревъ прямо переходитъ къ его посланію къ Поликарпу и въ краткомъ извлеченіи передаетъ его содержаніе. Главная цѣль Симонова посланія была успокоить честолюбіе Поликарпа и склонить его къ тому, чтобы онъ остался въ монастырѣ. Желая сильнѣе возбудить въ братѣ ревность къ монастырю, Симонъ представляетъ ему примѣры святыхъ его мужей. Нѣтъ нужды много говорить о томъ, сколько любопытнѣйшихъ и важныхъ подробностей предлагаютъ эти жизнеописанія подвижниковъ Печерской обители для характеристики нравовъ, обычаевъ и вообще всего быта эпохи. Къ сожалѣнію, на эту чисто литературную сторону сочиненія Симона нашъ авторъ не обратилъ никакого вниманія. Упомянувъ кратко объ источникахъ, какими пользовался Симонъ при описаніи житій угодниковъ, онъ спѣшитъ перейти къ Поликарпу, и въ тѣхъ же общихъ словахъ излагаетъ его жизнь и содержаніе его посланія къ архимандриту Анкидину. *Образцами святости* на одной печатной страничкѣ ограничивается вся литера-

турная характеристика труда Поликарпа. Нѣсколько изумленный и озадаченный всѣмъ этимъ, читатель спрашиваетъ: гдѣ же Патерикъ Печерскій и что́ такое Патерикъ Печерскій? Отвѣтъ, который предлагаетъ на это нашъ авторъ, едва ли можетъ удовлетворить его: «сочиненіе Кіевскаго Патерика, говорится на 13 страницѣ, восходитъ къ самому началу татарскаго нашествія. Изображеніе подобныхъ примѣровъ святости явилось кстати въ эпоху, когда своекорыстіе, себялюбіе и ненависть, раздирая *утробу* (!) Россіи, привлекали въ нее полчища дикарей самыхъ грубыхъ. Чтеніе Патерика послужило много къ тому, чтобы воспитывать въ духовенствѣ и во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа, въ древнемъ періодѣ его жизни, тѣ добродѣтели, которыми и теперь пока еще твердо наше отечество». И только! На стр. 134—137 осьмой лекціи «Исторіи русской словесности», *преимущественно древней*, гдѣ говорится о Патерикѣ Печерскомъ, мы находимъ тоже очень немного. Но неужели этимъ долженъ ограничиться историкъ литературы, разбирающій едва ли не самый важный памятникъ нашей древней повѣствовательной литературы? Положимъ, что чисто литературная критика, по нѣкоторымъ *домашнимъ обстоятельствамъ*, еще не коснулась самаго содержанія; но зачѣмъ же авторъ не обратилъ никакого вниманія хотя на формальную сторону памятника и не разсмотрѣлъ внѣшняго состава его, или занятый изслѣдованіемъ *органическаго процесса*, *трудомъ мысли*, онъ пренебрегъ *механической сшивной работой* [1]) и оставилъ въ своей исторіи такой странный пробѣлъ, который еще болѣе бросается въ глаза каждому, кто знакомъ съ послѣдними спеціальными трудами по этой части г. Кубарева и пр. Макарія? Послѣ, такъ называемаго, *обратнаго взгляда на XII вѣкъ*, авторъ переходитъ къ татарскому нашествію и его послѣдствіямъ и, сказавъ, что *образованіемъ* своимъ мы дѣйствовали на татаръ, предлагаетъ литературную характеристику трехъ князей, въ которыхъ, по его мнѣнію, оли-

1) IX стр. предисловія.

цетворилась Россія того времени. Все это въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено у автора, рѣшительно не можетъ принадлежать исторіи русской литературы и по всему праву могло бы скорѣе найти приличное мѣсто въ *историческихъ разсказахъ для дѣтей*, чѣмъ въ *трудѣ органической мысли*, называемомъ исторіею русской словесности. Самыя важныя извѣстія, каковы напримѣръ состояніе зодчества на юго-западѣ, едва замѣчены и нисколько не объяснены; тогда какъ другія, совершенно постороннія разсказаны плодовито и краснорѣчиво. Правило митр. Кирилла II, замѣчательнѣйшій памятникъ древней литературы, передающій драгоцѣнныя извѣстія о бытѣ русскихъ племенъ въ означенную эпоху, разобранъ слабо, и то съ одной только церковной стороны. Отношенія, въ какія поставила себя новая религія къ народности русскихъ племенъ, ихъ борьба, взаимное воздѣйствіе, оставлены совершенно безъ вниманія. Оттого произведенія такого замѣчательнаго оратора, какъ Серапіонъ, при всей мастерской передачѣ его проповѣдей у г. Шевырева 34—43, оставляютъ въ умѣ читателя впечатлѣніе смутное: автору слѣдовало ближе ввести читателя въ кругъ тѣхъ понятій, которыхъ держался проповѣдникъ, и ярче освѣтить ту жизнь и тѣ начала, противъ которыхъ онъ ратовалъ. Самыя понятія объ отступленіяхъ отъ нравственнаго закона той эпохи, ясныя для Серапіона, намъ представляются темными и непонятными, безъ ближайшаго ихъ разсмотрѣнія. Живая сторона лѣтописнаго разсказа, которою онъ соприкасается съ народною поэзіей, не оставила въ умѣ автора никакого впечатлѣнія, и выдержки, имъ представленныя, также мало говорятъ о характерѣ и значеніи памятника: во всей этой части намъ попалось одно только справедливое замѣчаніе, именно о личности лѣтописцевъ, которая, вмѣстѣ съ именами ихъ, скрывается въ общемъ духѣ историческаго сказанія. Лѣтописцы позволяютъ себѣ чувство, размышленіе, укоръ, совѣтъ, но не отъ лица своего, а въ силу того общаго начала, которое и *тогда уже* (!) составляло основу русской жизни (53 стр.). Если бы авторъ взглянулъ на это яв

леніе въ связи съ общимъ характеромъ эпохи, онъ бы ясно увидѣлъ, что эта безличность есть остатокъ того времени, когда личность не умѣла отдѣлять своихъ мыслей и интересовъ отъ интересовъ цѣлаго племени. Тогда, можетъ быть, ему бы открылась связь нашей старинной лѣтописи съ народностію, внѣ которой она теряетъ свое литературное достоинство и нисходитъ на степень сухого календаря или записной книжки. Нечего и говорить, что, упустивъ изъ виду широкую народную основу тогдашней жизни, г. Шевыревъ не могъ понять литературнаго значенія цѣлаго отдѣла нашей древней словесности, именно литературы повѣствовательной. Онъ даже въ этомъ случаѣ преступаетъ обыкновенный законъ литературной критики и разсматриваетъ житія не по времени, когда они написаны, а по времени тѣхъ святыхъ мужей, которыхъ жизнь послужила для нихъ предметомъ. Причины, приводимыя имъ, не могутъ быть названы основательными. Если устныя преданія, служившія для составленія житій, и рождались современно святому мужу, то все же съ теченіемъ времени они терпѣли сильное измѣненіе въ устахъ народа и разсказчиковъ. Различныя редакціи одного и того же памятника служатъ тому лучшимъ подтвержденіемъ: чѣмъ позднѣе редакція, тѣмъ болѣе въ немъ отражаются черты новаго времени. Этого, до очевидности простого явленія, кажется, не хотѣлъ понять г. Шевыревъ, и отдѣлъ повѣствовательной литературы въ его *историческомъ* трудѣ ничѣмъ не разнится отъ простого пересказа этихъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древне-русской литературы, какой въ настоящее время издается г. Муравьевымъ.

Историкъ литературы обязанъ имѣть дѣло прежде всего не съ образцами святости, а съ *произведеніями*, которыя рисуютъ намъ эти образцы. Исторія литературы не есть исторія церкви, а нашъ авторъ, кажется, не полагаетъ между ними никакого различія и, забывая литературную сторону, обращаетъ вниманіе преимущественно на церковную. Такъ онъ ограничивается простымъ пересказомъ содержанія такихъ памятниковъ,

каковы: житіе Петра и Февроніи Муромскихъ, Варлаама Хутынскаго, Прокопія Устюжскаго, выбирая изъ нихъ только то, что́ можетъ служить въ назиданіе чи́тателю, и проходя молчаніемъ все, что́ можетъ интересовать его въ историческомъ и литературномъ отношеніи. Мы видимъ предъ собою одни образцы святости; но ни времени, ни среды, ни быта, нравовъ, обычаевъ, какъ они являются намъ въ житіяхъ — мы не находимъ въ новомъ сочиненіи г. Шевырева; о литературной оцѣнкѣ памятника и говорить нечего! Любопытно знать, какую публику и какихъ читателей имѣлъ въ виду авторъ, слѣдуя такому странному и въ наше время непонятному методу!

Вообще у г. Шевырева замѣтно сильное желаніе говорить обо всемъ, только не о литературныхъ произведеніяхъ древней Руси; иначе намъ становится непонятнымъ, почему при изложеніи литературы XIII в. онъ упустилъ изъ виду новооткрытую редакцію слова Даніила Заточника, которая несомнѣнно относится къ XIII в., а не къ XII, какъ полагали прежде и какъ полагалъ самъ авторъ за 12 лѣтъ предъ этимъ въ своей «Исторіи русской словесности, *преимущественно древней*»? Почему, говоря о словахъ Серапіона, епископа Владимирскаго, г. Шевыревъ не упомянулъ о двухъ новыхъ словахъ, приписываемыхъ ему съ замѣчательнымъ вѣроятіемъ и недавно напечатанныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ»? (1858 г. іюль, стр. 472—484). Почему между памятниками письменности, относящимися несомнѣнно къ XIII вѣку (стр. 20—30), не упомянуты: 1) *Паремейникъ* 1271 года Императ. Публичной библіотеки, имѣющій такое важное значеніе для исторіи перевода у насъ книгъ священнаго писанія древнѣйшей редакціи и для исторіи собственно русской письменности и русскаго просвѣщенія, потому, что при немъ находятся похвалы Борису и Глѣбу съ краткимъ извѣстіемъ объ ихъ жизни; 2) *Кормчая книга* 1282 г. Синодальной библіотеки, съ древнѣйшимъ спискомъ *Русской правды*, вопросовъ Кирика, правила митр. Кирилла

и др. ст. [1]); 3) *Служебникъ Варлаама Хутынскаго, Трефологіонъ* 1252 г. [2])?

Оставляемъ нашимъ читателямъ судить: извинительны ли подобные пропуски и недосмотры въ *трудѣ органической* мысли и притомъ, когда самъ мыслитель счелъ нужнымъ въ предисловіи разсказать своимъ читателямъ, что «въ смиренной и тѣсной кельѣ у отца ризничаго синодальной библіотеки, архимандрита Саввы, онъ переписывалъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и др., въ кельяхъ у архимандрита Чудовской обители, Паисія, онъ трудился надъ Евангеліемъ святителя Алексія; въ кельяхъ архимандрита Іоасафова-Волоколамскаго монастыря, Гедеона, онъ работалъ надъ рукописями знаменитой библіотеки по каталогу, вновь составленному подробно, — что онъ пользовался рукописями князя М. А. Оболенскаго, В. М. Ундольскаго и т. д...?!»

Лекція двѣнадцатая. Кромѣ немногихъ страницъ о литературной дѣятельности митрополита Алексія и Стефана Пермскаго, вся эта лекція совершенно не относится къ исторіи русской словесности. Экклезіастическій взглядъ на предметъ повелъ автора къ тому, что онъ очень подробно передаетъ житія 3-хъ знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей и святителей XIV в., Сергія Радонежскаго, Алексія митрополита и Стефана Пермскаго и только; но такъ какъ въ этой главѣ онъ позволяетъ себѣ и нѣкоторые выводы и описанія, то мы и обратимъ наше вниманіе на эту сторону, предполагая, что событія жизни такихъ людей, какъ Сергій, Алексій, Стефанъ, извѣстны если не всѣмъ и каждому, то, по крайней мѣрѣ, большинству нашихъ читателей.

Намъ особенно понравились двѣ вещи: 1) Описаніе жизни и подвиговъ св. Сергія въ пустынѣ, напоминающее собою лучшія страницы поэмъ Оссіана. «Разные звѣри, говоритъ г. Шевыревъ, находили на него (т. е. святого) не только ночью, но и днемъ. Стада волковъ выли и ревѣли кругомъ его кельи. Иногда

---

1) Русскія достоп. ч. I, стр. 18—20.

2) Савва. Указат. 1858, стр. 250—1. 260.

же являлись медвѣди. Отшельникъ благодатію Божіей возвращалъ себѣ силу первосозданнаго человѣка надъ животными, и звѣри покорялись ему. Они приближались къ нему безвредно, окружали его и нюхали. Одинъ медвѣдь даже подружился съ нимъ. Святой выносилъ ему изъ хижины хлѣбъ и клалъ на пень или на колоду; иногда дѣлилъ съ ними вмѣстѣ послѣдній укрухъ свой; иногда, при скудости хлѣба, уступалъ даже свой кусокъ голодному звѣрю; случалось, что монахъ и звѣрь, оба вмѣстѣ, терпѣли голодъ и т. д.», стр. 113—14. 2) И того лучше объясненіе одного, до сихъ поръ не разгаданнаго, психологическаго явленія. Читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы приведемъ это объясненіе въ подлинникѣ, изъ опасенія испортить его сокращеніемъ: «Мы всѣ знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ русскій человѣкъ преклоняетъ свою голову передъ налоемъ Евангельскимъ и внемлетъ понятному громогласному слову благовѣстія; мы знаемъ, съ какимъ внутреннимъ трепетомъ онъ срѣтаетъ во время литургіи пѣснь Иже Херувимскую, и какъ глубоко чувствуетъ свое недостоинство, когда священникъ, приступая къ св. причащенію, изъ алтаря возглашаетъ міру: Святая Святымъ! Въ эти три мгновенія божественной литургіи какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго русскаго. Здѣсь надобно искать перваго объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ *кликуши*. Конечно, бываютъ при этомъ элоупотребленія, часто безобразныя; но должно сказать, что злые люди, къ сожалѣнію, пользуются иногда прекраснымъ, набожнымъ расположеніемъ русскихъ крестьянокъ», стр. 108, 156. За исключеніемъ небольшой темноты въ послѣдней фразѣ, все толкованіе очень ясно и понятно каждому. Новость его и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстная рѣшительность въ тонѣ показываютъ, что авторъ глубоко вникъ въ предметъ и совершенно овладѣлъ имъ, прежде, чѣмъ рѣшился произнести такое сужденіе. Непонятнымъ остается только одно: зачѣмъ оно нашло мѣсто въ исторіи русской словесности?... Зачѣмъ?... Тогда придется спросить: зачѣмъ и вся

двѣнадцатая лекція нашла мѣсто въ исторіи русской словесности... Развѣ для счету?

Лекція тринадцатая обнимаетъ, прежде всего, дѣятельность митрополита Кипріана. Литературные труды его и ихъ содержаніе передаются довольно отчетливо и вѣрно, но нельзя не пожалѣть, что авторъ слишкомъ мало остановился на объясненіи такого замѣчательнаго и важнаго явленія, какъ мысль о близкой кончинѣ міра, мысль, господствовавшая не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Взявъ это явленіе во всемъ его объемѣ, по скольку оно выразилось и въ литературѣ и въ искусствѣ, г. Шевыревъ могъ бы предложить превосходную характеристику этого мрачнаго общественнаго настроенія умовъ въ XIV вѣкѣ, унылые мотивы котораго ясно слышатся и въ прощальной грамотѣ митрополита Кипріана.

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Шевырева о высокомъ значеніи монастырей въ древній періодъ русскаго образованія, мы, однако, не думаемъ, чтобы обязанность историка литературы, относительно этого пункта, состояла лишь въ простой номенклатурѣ или указаніи на общеизвѣстныя отношенія ихъ къ князьямъ и народу. А таковы именно страницы 187—195 книги нашего автора. Тѣсная связь монастырей съ просвѣщеніемъ и литературою почти не замѣтна, а вмѣсто нея читатель знакомится съ многими подробностями, можетъ быть, очень любопытными, но за то совершенно не идущими къ дѣлу. Недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе ощутителенъ въ исторіи русской словесности, что въ послѣднее время русская публика имѣла возможность ближе познакомиться съ этимъ предметомъ по превосходной статьѣ, помѣщенной въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за прошлый годъ, подъ заглавіемъ: «Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи» (Апрѣль). Житіе Кирилла Бѣлозерскаго изложено у автора съ особенною любовью. Вотъ, напримѣръ, описаніе природы того края, гдѣ остановился св. Кириллъ и гдѣ впослѣдствіи возвысилась его славная обитель: «Поля, лѣса, луга, воды соединились здѣсь на огромномъ пространствѣ и образо-

вали на самомъ дѣлѣ одно изъ прекраснѣйшихъ видѣній земли Русской. Съ одной стороны Шексна разлилась самыми роскошными извивами по лугамъ нескончаемымъ; съ другой озера, *какъ куски голубого неба*, сброшенные на землю, въ оправахъ лѣсовъ и полей, въ разныхъ мѣстахъ ее покрыли. А небу *надъ этимъ зрѣлищемъ* во всѣ стороны нѣтъ конца, и склоны его, простираясь кругомъ, кажется, съ любовью захватываютъ всѣ дива благословенной земли» (стр. 199). Кому же принадлежитъ это живописное изображеніе мѣстности — св. Кириллу Бѣлозерскому, который здѣсь основалъ свою обитель, или г. Шевыреву, который, какъ извѣстно, самъ посѣщалъ эти края? Рѣшить довольно трудно, по крайней мѣрѣ г. Шевыревъ оставляетъ читателя въ совершенномъ невѣдѣніи относительно этого пункта. Нельзя не посѣтовать на нашего автора за то, что онъ такъ мало говоритъ о книжкахъ, принадлежавшихъ св. Кириллу Бѣлозерскому и сохранившихся до нашего времени. Уже одно указаніе на ихъ содержаніе, гдѣ между прочимъ помѣщены статьи: о вѣрующихъ въ *гады и звѣри*, *въ часы добрые и злые*, возбуждаетъ въ высшей степени вниманіе и интересъ. Лекція оканчивается стихомъ *объ Іосафѣ царевичѣ*, гдѣ, по мнѣнію автора, отражается пустыня, плодъ русской жизни въ XIV вѣкѣ.

Лекція четырнадцатая. Познакомившись съ внутреннею духовною жизнію русскаго народа въ XIV вѣкѣ, авторъ переходитъ къ состоянію искусствъ, рукописнымъ и литературнымъ памятникамъ того же столѣтія. Тщетно мы искали во всѣхъ трехъ выпускахъ «Исторіи Русской Словесности» какихъ-нибудь положительныхъ разысканій о началѣ русской иконописи и связи ея съ византійскою: нѣсколько строкъ о состояніи живописи въ XI и XII вѣкахъ (вып. 2, стр. 150—151) такъ же кратки и ничего не говорятъ, какъ и простой перечень иконописцевъ въ XIV в. Объ Андреѣ Рублевѣ, который образовалъ свою собственную школу иконописи и котораго *Стоглавъ* ставилъ въ образецъ всѣмъ живописцамъ, даже не сказано ни одного слова. Между памятниками письменности не упомянута «Златая Цѣпь»,

хранящаяся въ библіотекѣ Троицкой Лавры и чрезвычайно важная въ томъ отношеніи, что она есть сборникъ чисто русскаго сочиненія, составленный по образцу сборниковъ византійскихъ того же имени. Напрасно также авторъ не помѣстилъ здѣсь сдѣланнаго имъ же самимъ открытія, именно: Паисіевскаго Сборника, столь любопытнаго и важнаго для исторіи народныхъ русскихъ суевѣрій и языческихъ обрядовъ. Изъ рукописей Синодальной библіотеки опущены г. Шевыревымъ *цѣлыхъ* 4, несомнѣнно принадлежащихъ къ XIV вѣку и означенныхъ годами: 1) *Тріодь цвѣтная* 1311 г., 2) Ирмологъ 1341, 3) Лѣтопись Манассіи 1345, 4) Уставъ Церковный 1398 (См. Саввы, Указ. стр. 276.)

«Посланіе арх. Новг. Василія къ епископу Тверскому Ѳеодору о *земномъ рать*» требовало бы подробнѣйшаго изученія въ связи съ другими подобными чертами народной поэзіи, тѣмъ болѣе что, какъ самое преданіе о-*рать*, такъ и *три цѣлебныя яблока*, добытыя изъ него какимъ-то Ефросимомъ, указываютъ прямо на область народной миѳологіи. Возникшая въ XIV в. въ Псковѣ и Новгородѣ ересь Стригольниковъ вызвала два посланія патріарховъ Константинопольскихъ, Антонія и Нила. Послѣ превосходной главы объ этомъ важномъ явленіи въ сочиненіи г. Руднева: «О ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви до Іоанна Грознаго». М. 1838[1]), нашему автору ничего не оставалось, какъ привести содержаніе самыхъ посланій. Весьма любопытно въ этомъ случаѣ то, что Антоніево посланіе, чего не замѣтилъ г. Шевыревъ, имѣло мало вліянія на Новгородцевъ, которые рѣшительно объявили, что они дали клятву: «пописали грамоты, попечатали и *душу запечатали* не принимать митрополичьяго суда». Обозрѣвъ *посланія* Св. Кирилла Бѣлозерскаго и

1) Странно и почти непонятно, почему эта книга мало извѣстна въ нашей исторической литературѣ, между тѣмъ какъ она не только лучшее сочиненіе по вопросу о ересяхъ и расколахъ, но и превосходный историческій трудъ, обличающій въ ея авторѣ несомнѣнный историческій талантъ и правильный, ясный взглядъ на всю древнюю Русь.

путешествія Стефана Новгородскаго и Пимена митрополита въ Цареградъ, г. Шевыревъ разсматриваетъ подробно Сказаніе о Мамаевѣ побоищѣ. Это едва ли не лучшія страницы въ цѣлой книгѣ: мастерская передача содержанія даетъ полное понятіе о самомъ памятникѣ. Обыкновенно сравниваютъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ съ Словомъ о полку Игоревѣ, и отсюда уже дѣлаютъ заключенія о самомъ произведеніи. Этому слѣдуетъ отчасти и г. Шевыревъ, когда онъ говоритъ слѣдующее: «Что касается до духа сказанія, его главной мысли и характера героя — въ этомъ отношеніи оно гораздо выше Слова» (о полку Игоревѣ). Намъ кажется такой пріемъ не вполнѣ вѣрнымъ. Мы думаемъ, что необходимо первоначально и строго опредѣлить литературныя формы обоихъ произведеній. Внѣшнее заимствованіе или подражаніе здѣсь ничего еще не значитъ и нисколько не даетъ права признавать Слово о полку Игоревѣ за однородное произведеніе съ Сказаніемъ о Мамаевомъ побоищѣ. Къ сожалѣнію, этого вопроса не коснулся г. Шевыревъ, а между тѣмъ обстоятельное рѣшеніе его принесло бы много пользы наукѣ исторіи русской словесности, гдѣ вопросъ о значеніи литературной формы произведеній древняго періода до сихъ поръ остается нетронутымъ и едва замѣченнымъ. Въ заключеніе разсмотрѣнія Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, авторъ выражаетъ слѣдующую мысль: «Возведетъ ли когда-нибудь русскій поэтъ это народное сказаніе въ перлъ созданія художественнаго — рѣшить трудно; но мы скажемъ только, что, изучая поэзію русскую въ этихъ самородныхъ дичкахъ, въ зародышахъ первоначальныхъ, чуждыхъ *всякаго* (?) подражанія и вѣрныхъ одному духу народа, мы замѣчаемъ въ нихъ отсутствіе лжи поэтическаго вымысла, а проникновеніе идеи красоты правдою дѣла (?!), откуда можетъ выработаться новый самостоятельный характеръ русской поэзіи, *болѣе* согласный съ народнымъ духомъ» (стр. 273). Сомнительно! нашей литературѣ не поспѣть и за современностью, а обращаться къ старинѣ и изъ нея черпать вдохновеніе, право, дѣло совсѣмъ не сбыточное. Да если бы кто-нибудь и вдохновился Мамае-

вымъ побоищемъ, то едва ли бы его вдохновеніе нашло сочувственный отголосокъ въ нашемъ обществѣ, которое занято совсѣмъ иными мыслями и побужденіями. Во всей нашей старинѣ, даже и въ самыхъ яркихъ ея явленіяхъ, недостаетъ тѣхъ условій, при которыхъ только и возможенъ историческій романъ или повѣсть, именно: *драматическаго движенія, страсти*, а безъ нихъ всякое изображеніе выйдетъ холодно или же будетъ грѣшить противъ исторической истины.

Литературная характеристика лѣтописей XIV в., по нашему мнѣнію, тоже не вполнѣ удовлетворительна. Остается непзвѣстнымъ, какое значеніе имѣла лѣтопись: частное, государственное, или же народное, гдѣ существовало народное правленіе. Была ли лѣтопись дѣломъ частнаго лица и личнаго произвола, или же она имѣла юридическій офиціальный смыслъ? Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ выраженія въ пользу послѣдняго: такъ, въ концѣ XIII в. Мстиславъ грозитъ берестьянамъ, что онъ записалъ въ *лѣтопись коромолу ихъ*; позднѣе они встрѣчаются и въ Псковской и въ Московской лѣтописи. Все это, взятое во вниманіе, могло бы повесть къ важнымъ выводамъ и заключеніямъ, которыхъ не въ правѣ обойти историкъ литературы, задача котораго должна заключаться главнымъ образомъ въ уясненіи значенія литературнаго памятника. Разсмотрѣніемъ народныхъ пѣсенъ эпохи татарской и татарскихъ словъ въ русскомъ языкѣ заключается четырнадцатая лекція. Здѣсь мы находимъ нужнымъ сдѣлать только одно главное замѣчаніе: авторъ, какъ намъ кажется, не привелъ въ надлежащую ясность отношеній, въ какія стала старинная эпическая основа народной поэзіи къ вліянію татарскому. Пѣсни сложились еще въ эпоху незапамятную, и только *испытали на себѣ вліяніе* татарскаго ига, но не возникли и не создались вслѣдствіе этого вліянія. *Историческіе* татары *только замѣнили* собою миѳическихъ чудовищъ старинной народной поэзіи. Это, по крайней мѣрѣ, должно принять относительно древнѣйшихъ пѣсенъ, и потому нѣкоторыя объясненія автора намъ кажутся случайными или произвольными. Такъ напр., помѣщенная въ Сборникѣ Кирши Данилова пѣсня—

Михайло Козариновъ — напоминаетъ автору безчисленныя страданія русскихъ женъ и дѣвъ въ плѣну у татаръ. Совершенно справедливо! Но вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіе сестры Михаиломъ Козариномъ изъ рукъ трехъ татаръ напоминаетъ намъ древнѣйшія преданія о похищеніи женщинъ и дѣвъ миѳическими чудовищами, змѣями, и освобожденіе ихъ героями и богатырями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, г. Шевыреву стоило только заглянуть въ русскія народныя сказки, издав. г. Аѳанасьевымъ: тамъ бы онъ нашелъ много драгоцѣнныхъ подтвержденій тому, какъ древнѣйшая миѳическая основа народной поэзіи впослѣдствіи принимаетъ историческую одежду, или сглаживается подъ вліяніемъ фантазіи сказочника, не стѣсняемой никакими границами. То же самое должно сказать и объ объясненіи Змѣя Горынчища, зіяющаго огнемъ и полымемъ, который какъ будто бы указываетъ на орду, дышавшую на Русь пожарами (стр. 297). Почему же въ народной поэзіи нѣмецкихъ племенъ герой Дитрихъ изображался съ тѣмъ же *пламеннымъ дыханіемъ*, какъ и нашъ змѣй Горынчище? Кажется, тутъ не было ни татаръ, ни орды, ни особенныхъ пожаровъ! Въ заключеніе приведемъ конечныя слова четырнадцатой лекціи, которымъ не можемъ отказать въ полномъ, глубокомъ сочувствіи: «Варварское насиліе татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ Россіею безъ малаго два вѣка съ половиною, мы должны сознаться, оставило рѣзкіе слѣды на нашей жизни, которыхъ и до сихъ поръ не могли еще изгладить ни христіанская вѣра, ни разумъ всемірнаго образованія. Татарщина еще сильно отзывается въ насъ во всемъ томъ, гдѣ мы обнаруживаемъ неуваженіе и презрѣніе къ человѣчеству, произволъ злоупотребленій личной воли и ералашъ въ дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ».

Лекція пятнадцатая посвящена обзору сочиненій двухъ духовныхъ писателей: Фотія, митрополита Московскаго, и Григорія Цамблака, митрополита Кіевскаго. Обзоръ сочиненій сдѣланъ чрезвычайно подробно, а въ примѣчаніяхъ приведены очень полезныя библіографическія указанія. Вѣрный своей основной

мысли объ *особой* нравственной задачѣ древней Руси, г. Шевыревъ чрезвычайно мало обращаетъ вниманіе на тѣ части посланій митрополита Фотія, которыя касаются общественнаго суевѣрнаго настроенія умовъ, и точно такъ же, какъ и въ тринадцатой лекціи своей, въ очень немногихъ словахъ говоритъ о мысли близкой кончины міра, между тѣмъ, какъ эта мысль одинаково сильно выражается въ произведеніяхъ обоихъ митрополитовъ. Любопытныя увѣщанія Фотія къ народу, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленія, ни зелія, ни вороженья и т. д. — также остались безъ дальнѣйшихъ комментарій. При обозрѣніи сочиненій Григорія Цамблака, хотя и замѣчено слегка о византійской ихъ витіеватости, опущена совершенно ихъ символическая сторона, которая роднитъ ихъ съ поученіями другого духовнаго оратора, Кирилла Туровскаго. Относительно послѣдняго, авторъ немного измѣнилъ свое мнѣніе, и полагаетъ теперь, что церковная пѣснь служила вдохновеніемъ и образцомъ для подражанія, какъ Кириллу Туровскому, такъ и Григорію Цамблаку (стр. 366, 367).

А помнится, въ первый разъ, когда была высказана эта мысль однимъ изъ критиковъ «Исторіи русской словесности, *преимущественно* древней», авторъ ея счелъ нужнымъ огласить ее, какъ произвольное мечтаніе, не основанное ни на какомъ положительномъ изслѣдованіи и противорѣчащее свидѣтельству самого Кирилла [1]). Почему же теперь, согласившись съ ея справедливостью, г. Шевыревъ не привелъ къ тому побудительныхъ причинъ, какъ это онъ сдѣлалъ за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ относительно правописанія мѣстоименія *этъ* и *эти*? (см. Ист. Рус. Слов., преимущ. древней, ч. I, стр. 116).

По прочтеніи всѣхъ, доселѣ вышедшихъ трехъ томовъ «Исторіи Русской Словесности», невольно приходятъ въ голову нѣкоторые вопросы, которыми мы и заключимъ нашъ отчетъ о новомъ выпускѣ.

---

1) Моск. 1848, № 1, Отвѣтъ «Сыну Отечества», стр. 131.

Почему священныя и богослужебныя книги, столь распространенныя въ нашемъ отечествѣ съ древнѣйшихъ временъ и въ многочисленныхъ спискахъ, оставлены безъ всякаго вниманія? Въ «Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней» авторъ коснулся этого вопроса, какъ самъ онъ выражается — только вообще и тогда же вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія, не лишенныя справедливости. Теперь, двѣнадцать лѣтъ спустя, послѣ появленія 2-хъ частей превосходнаго описанія рукописей Синодальной библіотеки, нельзя уже ссылаться на крайнюю необработанность предмета, какъ это сдѣлалъ въ 1847 году г. Шевыревъ въ своемъ «отвѣтѣ» (Москв. 48, № 1) — и читателю не можетъ не показаться чрезвычайно страннымъ постоянное упоминаніе богослужебныхъ книгъ, и ничего о самыхъ книгахъ, ихъ составѣ и исторіи, насколько послѣдняя доступна современной наукѣ. И замѣчательно, что перечисляя памятники письменности, г. Шевыревъ по большей части опускалъ богослужебныя книги!

Почему не упомянутъ даже единымъ словомъ огромнѣйшій отдѣлъ древней исторической литературы: переводные хронографы съ русскими вставка́ми, Палеи, которые являются у насъ очень давно и находятъ многочисленныхъ списывателей и читателей? Само собою разумѣется, занимаясь процессомъ органической мысли, нашъ авторъ не могъ спеціально заняться этимъ неразработаннымъ предметомъ, но зачѣмъ же онъ совершенно упустилъ его изъ виду, тогда какъ самый легкій, поверхностный взглядъ на дѣло могъ бы навести его на вопросы чрезвычайно важные и интересные. Хронографы были для нашихъ предковъ настольною книгою, по которой они учились исторіи, энциклопедіею ихъ историческихъ познаній. И тѣмъ болѣе они должны были найти мѣсто въ III выпускѣ «Исторіи Русской Словесности», обнимающемъ XIII, XIV и начало XV в., что въ XIV в., съ паденіемъ политической самостоятельности Болгаріи и Сербіи, наши литературныя связи съ ними прекращаются, а вмѣстѣ съ ними прекращается и притокъ переводныхъ истори-

ческихъ сочиненій, которыя, поэтому, могли зайти къ намъ только до начала XIV в.

Почему въ исторіи русской словесности, доведенной уже до начала XV вѣка, не нашли мѣста переводныя повѣсти и сказанія, которыя съ давнихъ временъ переходили къ намъ изъ Византіи, чрезъ посредство юго-славянской письменности, и притокъ которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Пыпина, оканчивается въ XIV столѣтіи? Почему, упомянувъ о статьѣ молитвенника Кипріана: «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ», г. Шевыревъ оставилъ безъ всякаго вниманія ея содержаніе и не коснулся обширной литературы апокрифовъ, изъ которыхъ многіе восходятъ къ XIII и XIV столѣтіямъ? (Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, стр. 79). Почему, наконецъ, народныя сказки не заслужили даже простого упоминовенія?

Неужели все это не относится къ исторіи русской словесности?

Обращая преимущественное вниманіе на церковныя событія, г. Шевыревъ во всей книгѣ не представилъ ни одного собственно литературнаго разбора какого-нибудь памятника русской словесности XIII, XIV или XV в., и съ этой стороны его книга скорѣе можетъ быть названа поэтическою исторіею церкви, чѣмъ исторіею русской словесности; даже примѣчанія, обильныя и полезныя во II выпускѣ, въ III чрезвычайно скудны и не могутъ удовлетворить ничьего серіознаго любопытства. Видно по всему, что съ началомъ XIII в., съ татарскимъ погромомъ, авторъ теряетъ путеводную нить, которую до сихъ поръ прочно держалъ въ рукахъ, благодаря многимъ полезнымъ трудамъ своихъ предшественниковъ.

Какое же заключеніе сдѣлаемъ мы о книгѣ г. Шевырева?

То же самое, какое еще сдѣлано было пр. Филаретомъ: «для подробной исторіи русской литературы — въ настоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ; а писать исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ — дѣло не умное.»

Не столько личныя ошибки и недосмотры автора, сколько самая задача его труда, задача преждевременная, а можетъ быть отчасти, и основная точка зрѣнія, дѣлаютъ его трудъ гораздо менѣе полезнымъ, чѣмъ такіе почтенные труды, какъ «Обзоръ» пр. Филарета, который авторъ нашъ опрометчиво назвалъ «механической, сшивной работой».

Богданъ Хмельницкій, сочиненіе Н. Костомарова.

Двѣ части. Изданіе второе, дополненное. (Издатель-книгопродавецъ Д. Кожанчиковъ).

1859.

Кто слѣдилъ за успѣхами русской исторической науки въ послѣднее время, тотъ не могъ не замѣтить одного чрезвычайно страннаго и непонятнаго явленія. Со смертію Карамзина какъ будто исчезъ съ лица земли художественный элементъ, сообщившій такое живое обаятельное значеніе «Исторіи Государства Россійскаго». Все пустилось въ мелочи, утомительныя и скучныя для большинства читателей, не успѣвшихъ проникнуться чувствомъ должнаго почтенія ни къ *тмутараканскому камню*, ни къ *мѣстамъ погребенія Прокопія Ляпунова и князя Пожарскаго*, ни къ самому *значенію слова «Черный боръ!»* Одинъ историкъ, *разлагавшій четыреста лѣтъ русскую исторію по составамъ, по словамъ*, оповѣстилъ-было своимъ читателямъ, что онъ намѣренъ написать такую *исторію*, которая будетъ понятна всякому, и барину и мужику, но тѣмъ дѣло и кончилось. Другіе писали цѣлые томы — и не безъ дѣйствительныхъ достоинствъ, да выходило какъ-то все тяжело для *умовъ непосвященныхъ*. Въ послѣднее время прибѣгнули къ другому способу: захотѣли поддѣлаться подъ Карамзинскую рѣчь — и вышло изъ рукъ вонъ плохо: сказка не сказка, исторія не исторія, а что-то похожее и на то

и на другое. Примѣръ Михайловскаго-Данилевскаго не остался безъ послѣдователей и нашелъ ревностнаго преемника въ г. Щебальскомъ; другой тщится уподобиться краснорѣчивому Кайданову.... Можетъ-быть, всему этому такъ и быть надлежало, только отъ этого не легче.

Никто болѣе насъ не убѣжденъ въ необходимости спеціальныхъ изслѣдованій по русской исторіи; но неужели дѣло должно этимъ и ограничиться! Живая, современная наука, вносящая свѣтъ и просторъ въ душу человѣка — съ смиреніемъ анахорета — отводитъ себѣ добровольно малую частичку земли, и достигаетъ своей цѣли, когда наконецъ, послѣ многотрудныхъ и кропотливыхъ работъ, узнаетъ, что «подъ симъ камнемъ погребено тѣло Прокопіа Ляпунова», или какого-нибудь другого *страдальца* за русскую землю.... Что́ же это такое? И неужели на этомъ должно и остановиться и почесть дѣло рѣшеннымъ?.... Намъ думается, напротивъ, что исторія менѣе всего имѣетъ права на такое исключительное положеніе: наука общественная — она принадлежитъ обществу и не вольна запираться между четырехъ стѣнъ и проводить дни свои у подножія какого-нибудь Рогволодова или тмутараканскаго камня. И какое значеніе для общественной жизни можетъ имѣть она, если въ ней нѣтъ художественнаго элемента, нѣтъ жизни, нѣтъ живой души, а все только одни Ольговичи, да Всеволодовичи въ различныхъ положеніяхъ? Правда, подчасъ иногда и является желаніе изобразить что-нибудь общее, какую-нибудь картину эпохи, а выходитъ тотъ же тмутараканскій камень.... Отъ несчастной привычки видѣть во всѣхъ событіяхъ одну букву, въ исторію заносятъ все, о чемъ говорится въ лѣтописи, и точно въ калейдоскопѣ движется вся масса историческаго хлама, безъ связи и естественной симметріи. Оттого, говоря правду, у насъ до сихъ поръ такъ мало публики, любящей *серіозное* чтеніе, или, вѣрнѣе, у насъ почти нѣтъ *серіознаго* чтенія, которое бы удовлетворяло читателей. Предложите, напримѣръ, человѣку, располагающему всего 3-мя—4-мя часами

досуга, такую статью, какъ «Московскіе купцы въ XVII вѣкѣ», или «Острожковскіе и подмосковные переговоры» — и вы увидите, пойдетъ ли онъ далѣе первой страницы, а статьями такого характера преисполнена наша историческая литература.

Къ счастью, насъ не оставляютъ надежды на будущее, когда историкъ будетъ въ состояніи дать каждому приближающемуся къ ней столько, сколько кто можетъ взять. Лучшимъ залогомъ этого служитъ историческій трудъ г. Костомарова, названіе котораго мы привели выше. Мы встрѣчаемъ его, какъ добраго стараго знакомаго и отъ души желаемъ ему широкаго круга читателей.

Имя г. Костомарова уже не въ первый разъ встрѣчается въ исторической литературѣ: еще въ 40-хъ годахъ появились первые его историческіе опыты, обнаружившіе несомнѣнный талантъ. Намъ памятны его прекрасныя живыя статьи, какъ: *Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ Поляками*, *Русско-польскіе вельможи* (въ Укр. Альм. «Молодикъ» 1843 г.); *О борьбѣ украинскихъ казаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго* («Отеч. Зап. 1856, № 9»), *Объ Иванѣ Свирговскомъ* (въ «Москвит.»), *Очерки торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII стол.* (въ «Современникѣ») и много другихъ. Сверхъ этого г. Костомаровъ написалъ двѣ монографіи [1]) по исторіи литературы, не лишенныя еще значенія и въ наше время, не смотря на быстрые успѣхи этой науки. Наконецъ, настоящее сочиненіе было предварительно напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1857 года, но теперь является со многими дополненіями, которыя сообщаютъ книгѣ совершенно иной характеръ.

Въ тѣсные столбцы газетной статьи не укладывается содержаніе двухъ объемистыхъ томовъ, каждая страница которыхъ

---

1) *Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи* (Харьковъ, 1843 г.); *Славянская Миѳологія*, изд. въ Кіевѣ въ 1847 г. Къ сожалѣнію, эти книги (особенно послѣдняя) успѣли сдѣлаться почти ненаходимою библіографическою рѣдкостію.

полна высокаго драматическаго интереса и историческаго значенія, и мы смѣло можемъ рекомендовать читателямъ, даже и тѣмъ, которые уже прежде имѣли случай познакомиться съ этимъ трудомъ въ «Отечественныхъ Записках», чтеніе этого превосходнаго историческаго сочиненія, соединяющаго въ себѣ завлекательность романа и строгую отчетливость исторіи. Говоря правду, трудъ г. Костомарова не имѣетъ никакой необходимости въ рекомендаціи: онъ стоитъ гораздо выше тѣхъ издѣлій нашей книжной мудрости, которыя успѣхомъ своимъ обязаны только публикаціямъ, да дружескимъ поощреніямъ. Здѣсь дѣло говоритъ само за себя, отстраняя всякаго рода ходатаевъ, ловкихъ или неловкихъ.

Будучи глубоко убѣждены во всемъ этомъ, мы не хотимъ забѣгать впередъ и сыпать никому ненужныя похвалы. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о самой эпохѣ, въ которую жилъ и дѣйствовалъ знаменитый гетманъ Зиновій Богданъ, и остановимся на важнѣйшихъ событіяхъ исторіи того времени, такъ, какъ они разсказываются у г. Костомарова.

Замѣтимъ предварительно отличительную черту историческаго таланта г. Костомарова: онъ по преимуществу — историкъ-художникъ. Слѣдуя за бурнымъ потокомъ событій, онъ какъ будто теряется въ своемъ разсказѣ и проводитъ предъ нашими глазами цѣлый рядъ поразительныхъ картинъ, не принимая, повидимому, въ нихъ никакого участія. Какъ старинный пѣвецъ, разсказывая дѣла давно минувшихъ дней, остерегается своимъ личнымъ словомъ возмутить высокое впечатлѣніе, производимое на слушателей самымъ ходомъ дѣла, такъ и историкъ-художникъ нашего времени даетъ полную волю историческимъ событіямъ, не *стѣсняя* ихъ личнымъ мнѣніемъ. Эта *свобода* въ отношеніи къ матеріалу — явленіе чрезвычайно утѣшительное для нашего времени; значитъ, минуютъ понемногу историческія ненависти, народныя антипатіи и человѣчество вступаетъ на болѣе широкую дорогу и не боится уже протянуть братскую руку еврею только потому, что онъ еврей. Историкъ, который, въ этомъ случаѣ,

вѣрно отражаетъ господствующее общественное направленіе, смотритъ на вѣковую кровавую вражду родного ему народа взглядомъ покойнымъ, не смущаемымъ ни приходскими симпатіями, ни чувствами, вскормленными у родного очага. Значитъ, это въ полномъ смыслѣ прошедшее, переданное въ огромный архивъ протекшей жизни человѣка, который обыкновенно называютъ исторіей. Дай Богъ, чтобъ то же скорѣе случилось и со всѣмъ прочимъ прожитымъ: пора покончить расчеты съ прошедшимъ и подвести ему приличные итоги, чтобы, перелистывая страницы исторіи, облитыя кровью и слезами, мы съ полнымъ правомъ могли сказать: «былое прошло и быльемъ поросло.»

Возвращаясь къ сочиненію г. Костомарова, мы должны однакожъ сказать, что свойство его таланта въ строгомъ историческомъ смыслѣ — одностороннее. Это *пріятная, утѣшительная* односторонность, но все же односторонность. Мы не думаемъ, чтобъ идеалъ историческаго таланта заключался въ этомъ невозмутимомъ спокойномъ взглядѣ, озирающемъ быстро несущуюся жизнь sine ira et studio. Нашему возмущенному чувству подчасъ нужна опора, которую не всякій можетъ найти внутри себя.

Безъ вниманія къ этой, въ высшей степени человѣческой потребности, никакая исторія не можетъ быть вполнѣ удовлетворительна; скажемъ болѣе, исторія теряетъ свою великую *учительную* силу и легко можетъ подать поводъ къ тѣмъ заключеніямъ, *полусмѣшнымъ, полузабавнымъ*, какія до сихъ поръ въ ходу между нашими добрыми старичками, изучавшими исторію по Кайданову. Короче сказать, мы требуемъ отъ историка *взгляда*, и взгляда современнаго. Спору нѣтъ, что соединить въ равной степени художественность разсказа съ глубокимъ взглядомъ — дѣло не только трудное, но и положительно невозможное, но намъ желательно бы видѣть, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ этому, попытку....

Говоря это, мы нисколько не думаемъ ставить что-нибудь въ укоризну г. Костомарову; по нашему мнѣнію, онъ заслужи-

ваетъ одну признательность. Его книга «писана не въ видѣ систематической исторіи, а разсказа, не для ученаго круга спеціалистовъ, а для публики» (стр. VI предисловія). И въ этомъ случаѣ она дѣйствительно есть первое сочиненіе по русской исторіи, которое прочитается всѣми *любителями серіознаго* чтенія. Желая удовлетворить этой потребности, авторъ не могъ думать о какихъ-нибудь другихъ дѣлахъ, какъ бы, повидимому, они ни были неотразимы, и мы не имѣемъ никакого права обращать къ нему укора, выраженнаго нами выше: гдѣ дѣло идетъ объ общей пользѣ или, по крайности, о пользѣ большинства, тамъ должны смолкнуть частныя требованія, тѣмъ болѣе, что можетъ-быть они другъ съ другомъ несовмѣстимы и чѣмъ-нибудь да слѣдуетъ пожертвовать: или пользою большинства, или справедливыми частными требованіями.

Переходимъ теперь къ самому труду.

«Былъ конецъ первой половины семнадцатаго вѣка [1]).

«Народъ украинскій бѣдовалъ подъ игомъ поляковъ и жидовъ. Его достояніе было расхищено: одни нищіе оставались безопасны. Земля его стала погономъ разбойниковъ и нивы были не засѣяны и пастбища пусты. Вѣра его была попрана: рабами жидовъ были служители церкви; на откупѣ у жидовъ были храмы и всѣ обряды и всѣ таинства вѣры.

«Цвѣтъ народа украинскаго, казаки, которыхъ отвага когда-то славила, потомъ унижала оружіе ляховъ, казаки, прежде гордые именемъ защитниковъ христіанства, нынѣ обезсиленные, угнетенные, были униженными рабами прихоти своихъ мстивыхъ владыкъ, и острили сабли и заряжали самопалы только другъ на друга: единодушіе, крѣпившее когда-то ихъ силу, исчезло: личные раздоры себялюбцевъ, искавшихъ власти для обогащенія, безпрерывно порождали раздоры войсковые; а ляхи, карая мя-

1) Заимствуемъ это небольшое введеніе изъ превосходной и, къ сожалѣнію, такъ рѣдкой и недоступной большинству *Запорожской старины* г. Срезневскаго, ч. II, т. II. Харьковъ. 1835, стр. 1—559.

тежниковъ, сами раздували пламя бунта междоусобій, надѣясь, что паденіе войска запорожскаго навсегда обезпечитъ ихъ власть въ Украйнѣ. Только небольшая часть казаковъ, Кравчина запорожская, сохранила независимость въ лѣсахъ и степяхъ поднѣпровскихъ; но крамолы и распри зашли и туда: стычки съ татарами и турками смѣнялись кровавыми пирами междоусобицъ, и головы кошевыхъ и старшинъ что ни годъ приносились въ жертву новымъ вождямъ, которые въ свою очередь были жертвами новыхъ козней и раздоровъ. Кравчина слабѣла; ляхи были наготовѣ, и въ Никитинской *сѣчи* сѣлъ наконецъ гарнизонъ польскій.

«Дворяне украинскіе одни за другими переходили на сторону ляховъ, принимали вѣру уніатскую и католическую и вмѣстѣ съ ними угнетали православіе. Между сановниками духовными слишкомъ немногіе были истинными ревнителями церкви, да и тѣ должны были покорствовать силѣ вражьей: голосъ самого митрополита Петра Могилы — былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.»

Таково было состояніе Украйны въ послѣдніе годы первой половины XVII вѣка. Вотъ что̀ нажила себѣ эта страна, когда-то богатая, славная, теперь облитая кровью, усѣянная костями своихъ храбрыхъ сыновъ за полувѣковую борьбу ихъ съ ляхами во славу вѣры!

Но всего ужаснѣе было положеніе крестьянъ, хлоповъ.

«Крестьяне въ Польшѣ (говоритъ современникъ) мучатся какъ въ чистилищѣ въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ, какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, *хлопъ* — какъ называли въ Польшѣ крестьянина — былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ прислугу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ называемый *осыпъ*, то есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ ка-

плуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть и, кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *воскового*, каждый волъ — пошлинѣ подъ названіемъ *рогового*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за измолъ муки — *сухомельщину* и т. п. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно, жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ палаццахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой расчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ называемаго дудка (dudek); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить подобный *дудекъ* или *поемщизну*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, а нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанія. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Обыкновенно жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ помѣщика право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было еще ужаснѣе, нежели въ родовыхъ. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или подстаросты-жида, которые не жалѣли людей, потому что они составляли достояніе владѣльца только до его смерти, въ этихъ имѣніяхъ квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствами и безчинствами» (Кост. I, 21—23.)

Не станемъ упоминать о рядѣ кровавыхъ казацкихъ возстаній съ цѣлью вырваться изъ такого тяжелаго положенія; печаль-

ный исходъ ихъ извѣстенъ всякому. Исторія красными буквами записала на свои страницы имена этихъ славныхъ рыцарей-страдальцевъ за русскую землю, каковы Наливайко, Павлюкъ, Остраница и др. Но ихъ отважныя попытки не облегчали, а развѣ только увеличили тяжелое положеніе Украйны, заставляя враговъ зорко слѣдить за всякимъ движеніемъ казаковъ и уничтожать его при самомъ началѣ. Въ началѣ XVII в. у вольныхъ казаковъ были отняты и тѣ права, которыми они пользовались издавна: «они были лишены права выбирать начальниковъ, подъ смертною казнью запрещено было плавать по морю и убѣгать на Запорожье; ихъ чайки или суда были схвачены и сожжены, артиллерія отнята; гетмана имъ не только не позволяли выбирать, но даже не назначали; вмѣсто гетмана, дали имъ польскаго пана въ комиссары. Генеральные старшины, полковники и сотники назначены были изъ шляхтичей или изъ русскихъ, но такихъ, которые расположены были къ польской политикѣ. Эти начальники получили надъ казаками и ихъ землями и имуществами то безотчетное право власти, какимъ пользовались старосты въ коронныхъ имѣніяхъ. Честь и жизнь казаковъ находились въ распоряженіи начальниковъ: за малѣйшее непослушаніе ихъ казнили смертію. Казаки работали на ихъ панщину, были обложены повинностями и поборами, такъ что вскорѣ и между ними явились даже *дудки* и *поемщизны*. Весь народъ южно-русскій подвергся мщенію торжествующихъ побѣдителей. Поляки, по сказанію русскихъ лѣтописей, производили неслыханныя варварства: варили въ котлахъ дѣтей и разбивали деревомъ сосцы женщинамъ» (Кост. I, 31—32.)

Такое было положеніе Украйны предъ тѣмъ, когда войсковой писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій кликнулъ кличъ и поднялъ знамя освобожденія на русской землѣ.

Кто же былъ онъ самъ и какими поводами и побужденіями руководился въ своемъ великомъ предпріятіи?

Зиновій Богданъ Хмельницкій, будущій гетманъ войска запорожскаго, былъ сынъ Михаила Хмельника, казацкаго сотника.

Онъ воспитывался въ Галиціи у іезуитовъ и кончилъ курсъ наукъ въ Варшавѣ, получивъ отличное воспитаніе, рѣдкое тогда между казаками. Окончивъ ученіе, онъ служилъ конюшимъ у какого-то пана Потоцкаго, и за неосторожную выходку чуть было не погибъ. Панъ, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ, на потѣху собесѣдникамъ, отрубить голову Хмельницкому, противъ котораго былъ предубѣжденъ; но Хмельницкій, предувѣдомленный заранѣе товарищами, убѣжалъ прямо въ Сѣчь, гдѣ, по выраженію лѣтописи, не жалѣлъ своего лба ни на полѣ, ни на морѣ, и былъ въ большой чести у запорожской братіи. Чрезъ нѣсколько времени онъ воротился въ Украйну, женился на русской дѣвицѣ, Аннѣ Сомковнѣ, и сталъ служить въ службѣ городовыхъ казаковъ. Онъ получилъ въ ней чинъ сотника, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые генеральные писаря. Не только казаки, но и паны цѣнили въ немъ смѣтливость, образованность и храбрость. Въ сраженіи съ турками подъ Цецорою, гдѣ былъ убитъ знаменитый гетманъ Жолкевскій, Хмельницкій лишился стараго отца и былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ, однако, былъ не долго и выкупленъ за плѣнныхъ турокъ (Костом. I, 43—4.)

Нѣкоторыя послѣдующія событія его жизни уже не носятъ такого характера несомнѣнной исторической истины, и историки не безъ основанія отвергаютъ ихъ[1]). Этому же пріему слѣдуетъ и г. Костомаровъ, оставляя безъ вниманія всѣ тѣ романическія подробности, которыми окружали лицо славнаго гетмана позднѣйшіе малороссійскіе историки; вмѣсто этого нашъ авторъ представляетъ мѣткую характеристику своего героя, которая объясняетъ намъ многое и многое въ его жизни.

«Отъ іезуитовъ, воспитавшихъ его, онъ (Богданъ Хмельницкій) получилъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ ве-

---

1) См. С. Соловьева *Очеркъ истор. Малороссіи* («Отечест. Записки» 1849 г., т. LXII, стр. 236—237).

селости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, двоедушіе, съ какимъ онъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и то же время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое. Не проходило мятежа, чтобы Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остраницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, видимая преданность Речи Посполитой — отклоняли отъ него всякое подозрѣніе. Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ. И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость, и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять, когда нужно было, и изъ всѣхъ его движеній никто бы не узналъ, что̀ на душѣ у него. Его лицо, сіяющее и кроткое (говоритъ польскій историкъ Коховскій), скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую болотную воду» (Кост. I, 45—6.)

Хмельницкій не былъ однимъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые живутъ съ народомъ одною жизнью и составляютъ одну душу и тѣло. Не бросая никакой тѣни на чистоту его стремленій, мы не можемъ, однако, не сказать, что онъ былъ далекъ отъ того юношескаго, горячаго увлеченія, отъ той *безумной* отваги, полной величія и красоты, какую мы находимъ въ жизни Наливайки, Остраницы и др. дѣятелей этой поры. Хмельницкій былъ *политикъ* и, въ этомъ случаѣ, онъ имѣетъ на своей сторонѣ право историческаго преимущества предъ своими предшественниками: онъ правѣе ихъ, какъ общественный дѣятель, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ лишенъ того поэтическаго обаянія, какое производятъ на нашу душу эти величавые, грустные образы страдальцевъ за свободу русской земли. Мы не сравниваемъ ихъ между собою и никому не отдаемъ нашего предпочтенія: указы-

вать на трагическій исходъ дѣла и видѣть въ этомъ историческую справедливость — признакъ черствой души и слабаго историческаго чутья; Богданъ Хмельницкій выигралъ дѣло, предшественники его не выиграли и жизнью поплатились за попытку — что же изъ этого? Неужели кто-нибудь броситъ въ нихъ камнемъ тупого осужденія и скажетъ, что они *должны были* такъ же двоедушествовать, такъ же хитрить, какъ это дѣлалъ Богданъ Хмельницкій? Всему свое время и мѣсто. Побужденія *гетмана войска запорожскаго* были совершенно иныя, чѣмъ въ предшествующее время. Онъ обладалъ преимущественно *практическимъ* смысломъ, который не спѣшитъ и не торопится дѣйствовать, не любитъ развертываться и всякое дѣло цѣнитъ только его исходомъ.

Оттого самая личность его мало возбуждаетъ ваше сочувствіе: она привлекательна только въ той мѣрѣ, въ какой является представителемъ народныхъ стремленій, преслѣдующимъ *общія*, народныя, а не свои частныя цѣли. Въ жизни Богдана Хмельницкаго можно найти и то и другое.

Это — по справедливому замѣчанію г. Соловьева — былъ именно одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ждутъ страны и народы для удовлетворенія своихъ потребностей. Хмельницкій никогда не забывалъ оскорбленія, и, чтобы отмстить за себя, онъ поднимаетъ всю Малороссію отмстить за свои кровавыя обиды. Мщеніе было вѣрное, когда за дѣло принялся Хмельницкій: это былъ не Наливайко, не Павлюкъ, не Остраница; храбрый и разгульный, энергическій и страстный, Хмельницкій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ловокъ, остороженъ, проницателенъ, и только при соединеніи такихъ качествъ въ предводителѣ, успѣхъ малороссійскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго русскаго дѣла — былъ несомнѣненъ[1]).

Мы видѣли отношенія Малороссіи къ полякамъ и состояніе ея жителей въ началѣ XVII-го вѣка. Въ такомъ натянутомъ,

1) Loco citato, p. 235.

неестественно-тяжеломъ положеніи долѣе оставаться было нельзя: для взрыва требовалось только побужденіе, предлогъ или первое начало. Оно нашлось въ отношеніяхъ польскаго правительства къ шляхтамъ и магнатамъ и въ личной обидѣ войскового писаря Зиновія Богдана Хмельницкаго.

На престолѣ польскомъ сидѣлъ Владиславъ IV. Онъ понималъ, что Польша требуетъ коренного преобразованія. Вмѣстѣ съ канцлеромъ Оссолинскимъ они рѣшились возвысить королевскую власть, стѣсняемую произволомъ магнатовъ и шляхты, и какъ этого невозможно было сдѣлать посредствомъ стройной администраціи, то онъ рѣшился достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ внезапнаго потрясенія. Казаки, ненавидя прежній порядокъ Речи Посполитой, тѣмъ скорѣе могли сдѣлаться защитниками нововведенія и образовать изъ себя королевское войско, готовое приводить въ исполненіе предпріятія верховной особы. Оссолинскій поѣхалъ въ Украйну, подъ предлогомъ осматривать крѣпости, а на самомъ дѣлѣ для переговоровъ съ казаками. «Онъ привезъ имъ милостивую королевскую грамоту, возвращавшую имъ прежнее устройство, свободное судопроизводство, право избранія чиновниковъ и умноженія реестровыхъ воиновъ на первый разъ до 12,000; съ тѣмъ вмѣстѣ король позволялъ имъ плавать по Днѣпру и Черному Морю, препоручалъ имъ построить тотчасъ 600 чаекъ и немедленно сдѣлать нападеніе на Турцію. Это нужно было для того, чтобы турки, въ свою очередь, бросились на Польшу, и тогда поляки необходимо должны были бы воевать. Въ знакъ благоволенія Оссолинскій привезъ казакамъ знамя и булаву, и къ тому еще наличныя деньги для постройки чаекъ» (Кост. 1, 41.)

Попытка короля не удалась: на собранномъ сеймѣ шляхта одержала верхъ, и скоро по Украйнѣ разставили кварцянное войско: жолнеры безнаказанно забирали у казаковъ скотъ, воловъ и всякіе пожитки. «Владѣльцы, но болѣе ихъ управители, большею частію жиды, замѣчая безпокойный духъ въ крестьянахъ, тиранили ихъ и казнили мучительною смертію. Въ этотъ несчастный

1647 годъ, по выраженію народнаго преданія, перешедшаго къ отдаленному потомству, было въ Украйнѣ по два ляха на одного казака. И мучительство Фараоновъ (говоритъ лѣтопись русская) не могло сравниться съ тиранствомъ пановъ: они варили дѣтей въ котлахъ и разбивали деревомъ сосцы женщинамъ. Но Богъ, продолжаетъ та же лѣтопись — скоро призрѣлъ на скорбь людей своихъ и изъ маловажнаго случая устроилъ для нихъ спасеніе» (1, 50—51.)

Барабашъ, увидя, чѣмъ кончилась попытка короля, спряталъ королевскую привилегію и никому ея не показывалъ. Но Хмельницкій, по выраженію лѣтописи, *штучно* похитилъ ее у него и сталъ дѣйствовать гораздо свободнѣе. Одно событіе неожиданно ускорило ходъ дѣла, приготовлявшагося издали. Это была ссора и оскорбленіе Хмельницкаго подстаростою чигиринскимъ Даніэломъ Чаплинскимъ.

Неподалеку отъ Чигирина Хмельницкій имѣлъ отчину, сельцо Суботово. Чаплинскій захотѣлъ присвоить его себѣ и донесъ старостѣ Александру Конецпольскому, что Хмельницкій владѣетъ имъ безъ вида и права. «Онъ казакъ — говорилъ Чаплинскій — а природному казаку нельзя держать людей, подобно пану: это противно закону. Притомъ земля издавна принадлежитъ старосту, и у Хмельницкаго нѣтъ письменнаго законнаго документа на владѣніе. Окажите мнѣ единственную милость — говорилъ онъ въ другой разъ, — позвольте мнѣ самому расправиться съ казакомъ. Я нападу на него, выгоню изъ дома и овладѣю хуторомъ. Если же онъ придетъ къ вамъ съ жалобой, то вы скажите, что вы ничего не знаете, что я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія; если онъ хочетъ удовлетворенія, то пусть ищетъ судомъ, а онъ судомъ ничего со мной не сдѣлаетъ, потому что я польскій дворянинъ. Послѣ неотступныхъ просьбъ Конецпольскій согласился. Такъ и случилось. Чаплинскій ворвался въ Суботово, зажегъ мельницу, разорилъ пасѣку, похитилъ у Хмельницкаго жену и обвѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви. Меньшой сынъ Хмельницкаго, десятилѣтній мальчикъ, сказалъ

ему что-то грубое: зять Чаплинскаго, Комаровскій, приказалъ тотчасъ высѣчь его, и слуги такъ немилосердо исполнили приказаніе, что дитя умерло на другой день. Чаплинскій надѣялся на защиту правительства. Дѣйствительно, трибуналъ отказалъ Хмельницкому въ удовлетвореніи, совѣтуя отправиться въ Варшаву и подать просьбу на сеймъ.

«Печальный вышелъ Хмельницкій изъ трибунала и узналъ о смерти сына и о похищеніи жены. Какъ воинъ, Хмельницкій вызвалъ врага на поединокъ. Но Чаплинскій пригласилъ съ собою трехъ служителей съ тѣмъ, чтобы вчетверомъ напасть на одного. Къ счастію, Хмельницкій, заранѣе опасаясь коварства соперника, надѣлъ подъ платья панцырь, выдержалъ безвредно неожиданные удары, а потомъ такъ храбро напалъ на враговъ, что разогналъ всѣхъ. *Маю шаблю въ руци: ище козацька не умерла маты!* воскликнулъ онъ. Посрамленный Чаплинскій обратился къ своему покровителю Конецпольскому, передалъ ему слова Хмельницкаго и старался указать въ нихъ возмутительный умыселъ. Хмельницкаго схватили и посадили въ тюрьму. Въ довершеніе поруганія, старшаго его сына Тимоша высѣкли палками.

Но сидѣлъ онъ не долго: прежняя жена освободила его, упросивъ своего новаго мужа. Ничего не успѣлъ онъ и въ Варшавѣ. Безсильный король ничего не могъ сдѣлать и ограничился только тѣмъ, что сказалъ слѣдующія, въ высшей степени рѣшительныя и важныя для Хмельницкаго слова: «Силѣ слѣдуетъ противопоставить силу: ты также воинъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей и товарищей — и ты можешь найти. Знаю я и объ утѣсненіяхъ казаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины, что у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда буду вашимъ благодѣтелемъ». Этого было достаточно для Хмельницкаго, чтобы показать ему, что онъ долженъ былъ дѣлать.

«Украйна плачетъ. Казаки гибнутъ въ недолѣ. И некому защищать ихъ! Некому сломить ярмо египтянъ! Будетъ что будетъ,

а будетъ что Богъ дастъ: еще не умерла казацкая мать. Чаплинскій и ляхи не все еще отняли у насъ; еще мы владѣемъ саблей».

Такъ передала память народная тогдашнія думы Богдана. Хмельницкій оставилъ Варшаву мирно, молча, но съ твердымъ намѣреніемъ отомстить за себя и за родину[1]). Подымалось страшное возстаніе. Прибывъ въ Украйну, Хмельницкій собралъ совѣтъ изъ отборныхъ казаковъ и объяснилъ имъ положеніе дѣла. «Нѣтъ справедливости въ Польшѣ — говорилъ онъ — вмѣсто должнаго разсмотрѣнія дѣла, меня на сеймѣ осмѣяли, а король предоставляетъ намъ расправиться съ нашими врагами силою, какъ они съ нами поступаютъ. Просьбой вашей (объ увольненіи отъ постоя) пренебрегли: васъ ожидаютъ горькія поруганія. Ужели долѣе будемъ терпѣть? Ужели оставимъ въ бѣдствіи братьевъ нашихъ, русскихъ, православныхъ? Проѣзжая по Руси, вездѣ я видѣлъ страшныя утѣсненія, тиранства; несчастный народъ вопитъ о помощи; всѣ готовы взять оружіе, всѣ готовы стать съ нами заодно».

«Ропотъ — прибавляетъ нашъ историкъ — распространился по собранію; начали разсказывать, что̀ дѣлается въ Украйнѣ; одинъ говорилъ о бѣдствіяхъ общихъ, другой о своихъ, частныхъ...» (Кост. 1, 69—70.)

Исходъ этой рады отразился во всей Украйнѣ: «Соединимся, братія (говорилъ Хмельницкій), возстанемъ за церковь и вѣру православную, истребимъ ересь и напасти, возставимъ законную свободу и будемъ единодушны. Призывайте казаковъ и всѣхъ земляковъ нашихъ; я буду вашимъ предводителемъ, потому что вы этого желаете. Надѣюсь, что всѣ казаки, гдѣ бы они ни были, пристанутъ къ намъ».

«Умремъ другъ за друга!» воскликнули одушевленные казаки — «отмстимъ за обиды наши, защитимъ вѣру и церковь нашу, освободимъ отъ ярма братій нашихъ! Соберемся, начнемъ!» (Кост. 76.)

---

1) Срезневскаго, «Запорожская Старина», т. 2-й, отд. II, стр. 10-я.

Одиннадцатаго декабря 1647 года Богданъ Хмельницкій прибылъ въ Запорожскую Сѣчь, счастливо избѣжавъ смерти, какая ему готовилась отъ поляковъ. Тамъ было пристанище тѣхъ, кому судьба не давала ужиться въ земляхъ Речи Посполитой. Тамъ трудно было найти бѣглеца. Народу въ Сѣчи было не много — всего триста человѣкъ со старшинами; но то была такъ называемая *сирома*, отчаянныя сорви-головы. Не трудно было взволновать ихъ — говоритъ польскій историкъ: какъ соловью пѣніе, такъ и имъ мятежи были свойственны. Они приняли Хмельницкаго *хлѣбомъ-солью и изкрымъ сердцемъ* и кошевой послалъ немедленно скликать запорожцевъ въ Сѣчь для важнаго дѣла. Не желая предавать дѣло на волю случая, Хмельницкій отправился въ Крымъ къ хану Исламу-Гирею просить помощи. Дѣло пошло очень удачно. Ханъ, послѣ нѣкоторыхъ церемоній и недовѣрчивыхъ испытаній, обѣщалъ выслать на помощь Хмельницкому цѣлую орду подъ начальствомъ перекопскаго мурзы Тугай-Бея: Хмельницкому тѣмъ легче было возбудить Исламъ-Гирея, что незадолго предъ тѣмъ король польскій отказался платить ему обычную дань.

Окончивъ успѣшно дѣло съ крымцами, Богданъ возвратился въ Сѣчь, и здѣсь собрана была большая рада, описаніемъ которой мы и заключимъ нашу первую статью, предполагая во второй познакомить читателей съ важнѣйшими событіями этой кровавой борьбы, поднятой во имя чести, свободы и вѣры южнорусскаго племени. Мы передаемъ это описаніе словами нашего краснорѣчиваго историка: всякая посторонняя прибавка съ нашей стороны только бы повредила художественной полнотѣ самой картины:

«Кошевой, въ отсутствіе Хмельницкаго, собралъ огромное число запорожцевъ, скрывавшихся по хуторамъ. Не зная, въ чемъ дѣло, они только что̀-то предчувствовали и съ нетерпѣніемъ ожидали, что̀ объявитъ кошевой. Пѣхота была въ Сѣчи, а конница стояла по лугамъ около Днѣпра. 18-го апрѣля, на закатѣ солнца, Хмельницкій прибылъ въ Сѣчь; съ нимъ было четыре татарина,

которыхъ представлялъ онъ войсковымъ старшинамъ, какъ свидѣтелей ханской помощи.

«Въ этотъ же вечеръ три раза ударили изъ пушекъ; на разсвѣтѣ выстрѣлы повторились: то былъ старый обычай на Запорожьѣ давать знать, что въ предстоящій день соберется рада. По сигналу начали собираться въ Сѣчь конные. Въ полдень ударили добиши въ котлы — такъ начиналось запорожское вѣче.

«Рада, точно какъ вѣче встарину, отправлялась въ сѣчевой крѣпости, *градѣ* по общеславянскому выраженію, на майданѣ или на опреди. Стеченіе народа было столь велико, что кошевой и атаманы увидѣли неудобство помѣщенія и перевели собраніе на пространнѣйшее мѣсто, за крѣпость: тамъ также былъ майданъ, гдѣ собиралась рада въ случаяхъ болѣе важныхъ. Кошевой былъ за Хмельницкаго, изложилъ народу обиды, терпимыя украинцами отъ поляковъ, и объявилъ, что Хмельницкій ѣздилъ въ Крымъ, что ханъ обѣщалъ помогать казакамъ, что орда Тугая-Бея стоитъ наготовѣ близъ Сѣчи.

«Слава и честь Хмельницкому!» восклицало собраніе. «Мы, какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницкій будетъ нашимъ головою, а мы всѣ, сколько насъ тутъ есть — всѣ готовы итти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдняго дыханія.»

«Тогда кошевой послалъ писаря въ скарбницу; принесли въ собраніе такъ называемые клейноты: королевскую хоругвь, данную Владиславомъ, бунчукъ съ позолоченнымъ шаромъ, позолоченную булаву съ каменьями и серебряную войсковую печать.

«Старшины, въ присутствіи всего запорожскаго товарищества, вручили Хмельницкому эти знаки и признали его гетманомъ войска запорожскаго.

«Хмельницкій принялъ, и такимъ образомъ сталъ законнымъ начальникомъ запорожскаго товарищества; однако онъ назывался еще не гетманомъ, а только старшимъ; онъ говорилъ, что, для полнаго освященія его достоинства, нужно было признаніе городовыми казаками.

«Послѣ рады, старшины коша пошли въ церковь. Тамъ от-

правлена была литургія и благодарственный молебенъ, потомъ пошли къ кошевому на обѣдъ. «Они тогда не очень гуляли — говоритъ лѣтописецъ — какъ обыкновенно у запорожцевъ водилось.... каждый имѣлъ на умѣ свое.»

«Вечеромъ добиши снова ударили въ котлы на раду.

«Пане-молодцы!» говорилъ собранію кошевой: «усовѣтовали мы съ паномъ Хмельницкимъ, что всѣмъ вамъ итти не для чего на войну, потому что будутъ у насъ татары, и городовые казаки къ намъ пристанутъ; а положили мы, чтобы шли съ Хмельницкимъ только восемь тысячъ; прочіе же могутъ разойтиться до господы, только должны быть всегда наготовѣ, чтобъ выступить въ походъ, когда послѣдуетъ приказаніе.»

«Казаки поблагодарили за такое рѣшеніе, и Хмельницкій началъ устроивать свое войско. Чрезъ нѣсколько времени, татары, которые стояли на дорогѣ изъ Переволочны въ Сѣчь, привели къ Хмельницкому девять человѣкъ, которые всѣмъ показались подозрительными. На допросъ они сказали, что гетманъ послалъ въ Сѣчь противъ Хмельницкаго два отряда: одинъ водою, другой сухопутьемъ. Хмельницкій выступилъ, повелъ за собою и плѣнниковъ, прикованныхъ къ пушкѣ, потому что считалъ ихъ польскими шпіонами[1]). Въ Украйнѣ въ это время было еще все тихо; но это было — передъ грозою, отъ которой, по выраженію народной пѣсни — Украйна

Вся кривцею обкинила
Ой якою? козацькою
Вполови́ну изъ ляцькою.»

---

1) Костомарова, 1, 92—5.

Народні оповіда́ння. Марка Вовчка́.

Спб. 1858. Издалъ П. Кулішъ.

1859.

Opfer fallen hier:
Weder Lahm, noch Stier;
Aber Menschenopfer unerhört.

Götne.

Въ жизни человѣческой бываютъ страданія и свои мрачныя стороны, которыя бы можно назвать историческими. Въ вѣка дружнаго согласія убѣжденія съ дѣломъ, теоріи съ практикой, когда жизненныя отправленія совершаются правильно и безупречно—историческаго бремени почти не видно: оно существуетъ только какъ частное явленіе, безсильное возмутить ясный потокъ общественной жизни.

Человѣческія отношенія такъ сложны или, лучше сказать, такъ запутаны, что между ними всегда прокрадывается какая-нибудь горесть, или аномалія. Но съ такимъ явленіемъ дѣлать нечего и воля частнаго человѣка не въ силахъ предотвратить его тяжелую руку. Вступать въ споръ съ судьбою и безполезно, и невозможно, а *судьба* еще до сихъ поръ играетъ въ человѣческой жизни такую важную и неотразимую роль: какъ иначе назвать тѣ явленія, причины которыхъ скрываются далеко за предѣлами нашего разумѣнія, которыя обнаруживаются негаданно и поражаютъ именно тамъ, гдѣ всего менѣе можно ожидать этого. Судьба или случай—все равно, дѣло не въ названіи, а въ томъ, что это явленія общія, существующія съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ и образовались первыя общества. Если они и вызываютъ когда-нибудь жалобы и упреки, нелишенные извѣстной справедливости, то все же человѣческая природа легко мирится съ ними, находя, быть-можетъ, что безполезна и безразсудна борьба тамъ, гдѣ не знаешь куда направить свои силы и гдѣ искать источника зла.

«Покорись мнѣ» говорило Горе-злочастіе русскому горемычному бражнику:

«Покорись мнѣ, *горю нечистому*,
«Поклонись мнѣ горю до сыры земли,
«А нѣтъ меня, горя, мудряе на семъ свѣтѣ!...»
А что видитъ молодецъ бѣду неминучую —
Покорился горю нечистому,
Поклонился горю до сыры земли!»

Поневолѣ слѣдуетъ покориться, хотя это сопряжено съ тяжелою жертвою и съ кровнымъ лишеніемъ, какъ бываетъ при тѣхъ узкихъ опредѣленіяхъ личной воли человѣка, какія существуютъ въ нашей современности, руководящейся вездѣ старинною юридическою системою устрашенія. Въ иныхъ случаяхъ примиреніе легко и возможно, въ другихъ—тяжело, но, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно и необходимо.

Но есть другія явленія, которыя принадлежатъ уже *извѣстному* времени и *извѣстнымъ причинамъ*: имъ можно и слѣдуетъ взглянуть прямо въ глаза.

Не всегда старина, отходя на покой, забираетъ съ собою всѣ свои пожитки; часто она оставляетъ ихъ въ наслѣдство послѣдующимъ поколѣніямъ, и это завѣщаніе, отъ котораго они не умѣютъ отказаться, становится рѣзкимъ противорѣчіемъ ко всему окружающему. Подобно наслѣдственному недугу, оно передается изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вноситъ раздоръ и отраву во всѣ житейскія отношенія. Всему свое время и свое мѣсто. Что́ имѣло смыслъ и значеніе встарину, то въ наше время становится не только безполезнымъ, но и вреднымъ, какъ бываютъ вредны всякія запоздалыя мысли и дѣла, тормозящія жизнь, быстро несущуюся впередъ. Странное и грустное явленіе—эта помѣсь изъ прошедшаго и настоящаго, живущая по старой рутинѣ, заднимъ числомъ, задними мыслями и вѣрованіями!

«Современность утратила нравы (говорилъ недавно одинъ публицистъ): не то, чтобъ предки были *лучше* насъ — нѣтъ!

Исторія прямо и ясно указываетъ границы этому мнѣнію, слабому въ основѣ и ложному въ частныхъ приложеніяхъ, потому что только слабый умъ и больное, разстроенное воображеніе могутъ умертвить свое живое чувство современности до того, чтобъ оставить сей тлѣнный міръ и затвориться въ душной клѣткѣ прошедшаго, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ одуряющаго тумана да благодѣтельнаго приниженія личности. Можетъ-быть, оно здѣсь и впору и кстати, но только здѣсь и нигдѣ болѣе. Дурную сторону настоящаго не исправишь противоестественнымъ обращеніемъ къ прошедшему, какимъ бы елеемъ радованія ни были смазаны эти обращенія. Настоящее — не хорошо, но вѣдь оно принадлежитъ намъ: мы должны, волей-неволей, въ немъ жить и дѣйствовать; а назади, тамъ такая темь, такой холодъ для нашего человѣческаго чувства, уже успѣвшаго дать ростки при благотворной теплотѣ возникающаго просвѣщенія и науки... Оставимъ это!

Но, оставляя въ покоѣ старину, мы все же должны сознаться въ томъ, что наше время есть странное, тяжелое время! На ряду съ мощными идеями и современными убѣжденіями у насъ уживается такая почтенная ветошь, такія допотопныя понятія и дѣла, что нельзя съ грустной улыбкой не остановиться на этой причудливой игрѣ человѣческой природы, совмѣщающей въ себѣ такія несовмѣстимости.

Старое перепуталось съ новымъ, и все это, какъ въ макабрской пляскѣ, движется неизвѣстно куда, почему и какъ.

Не спѣшите обращаться съ этими вопросами къ нашей литературѣ: она даетъ на нихъ такіе же глухіе отвѣты, какъ и самая жизнь, и, можетъ-быть, еще глуше: жизнь расположить по календарю невозможно, а литература постоянно находится у него на послугахъ и несильна отступить отъ его буквы. На одни вопросы она отвѣчаетъ темно и загадочно, на другіе вовсе не отвѣчаетъ, а о третьихъ едва смѣетъ догадываться. Ей присвоена должность слабаго отголоска ходячихъ общественныхъ мыслей, и иногда какихъ мыслей! Заговоритъ ли общество о какомъ-ни-

будь общественномъ злѣ—и литература за нимъ: крикнетъ на всю русскую землю, и не сведя концовъ, снова опочитъ на производствѣ душеспасительныхъ повѣстей для доказательства торжества добродѣтели надъ порокомъ, а у читателей остается впечатлѣніе болѣзненное, смутное и безплодное, а общество на своей спинѣ снова несетъ язву, только глубже растравленную и разрытую...

И все оттого, что на серіозное общественное дѣло, на самую жизнь, мы привыкли смотрѣть съ точки зрѣнія легкаго застольнаго спича...

Болѣзнь ли это, или временная апатія, но только становится какъ-то страшно смотрѣть, когда передъ нами играючи идетъ—

Толпа дорогою привычной.
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной,
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!

Ничего не бываетъ такъ тяжело видѣть, какъ зрѣлище полнаго безучастія къ жизни и ея интересамъ, хотя бы это безучастіе и апатія были дѣйствительно законны. Чтобъ помочь горю, въ послѣднее время придумали даже своего рода систему успокоенія: «все можно сдѣлать, но только *прогрессивно;* нужно подождать и подождать еще!» А легко ли ждать, когда впереди не видишь конца противорѣчіямъ, когда душа не выноситъ накопившихся болей и руки опускаются отъ тяжелой душевной и физической истомы!

Вся бѣда въ томъ, что мы умѣемъ ждать тамъ, гдѣ ждать и вредно, и преступно. Терпѣливо переживая день за день скучную сѣрую жизнь, мы проповѣдуемъ всякаго рода воздержанія затѣмъ, чтобъ у края могилы узнать, что жизнь затрачена даромъ въ безплодныхъ и безполезныхъ надеждахъ.

Если надежда не пустое отвлеченное понятіе, то она должна и дѣйствовать на человѣка освѣжительно, не усыплять и обманывать его чувства, но прямо выводить на широкую дорогу практической дѣятельности.

А такой двигательной силы именно и недостаетъ нашей современности. Грубо оскорбляемое нравственное чувство покорно склоняется, возводя всякую аномалію, всякій случай въ законъ необходимости, или какой-то судьбы. И въ этой смирительной средѣ гибнетъ такъ много свѣжей, здоровой энергіи и благородныхъ рѣшеній! Увлеченное между двухъ водоворотовъ: убѣжденія и практики, общество, повидимому, не можетъ оріентироваться и отступаетъ въ безсиліи передъ множествомъ непримиренныхъ и непримиряемыхъ общественныхъ антиномій.

Этому печальному расположенію слѣдуетъ и современная общественная литература. Утилитарная, мелкая точка зрѣнія несетъ за собою повсюду свое мертвящее, холодное вліяніе, и передъ нами, людьми XIX-го вѣка, кажется, возникаютъ снова и повторяются суровыя времена тѣхъ древнихъ мыслителей, которые силились изгнать изъ общества эту часть человѣческой дѣятельности, какъ начало вредное, растлѣвающее нравы. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она, литература, если она не вноситъ въ жизнь никакой теплоты, не возвышаетъ ея? и что́ она такое? — забава, шутка, игривое провожденіе времени — и только! Но грудь современнаго человѣка слишкомъ полна иныхъ требованій и вопросовъ, чтобъ еще шутить и убивать время на пустыя забавы.

Посмотримъ, однако, пристальнѣе: нѣтъ ли въ нашей литературѣ чего-нибудь ино́го, что́ бы вносило живую, согрѣвающую струю въ озабоченную душу современнаго человѣка. Конечно, есть; въ ней начинаютъ уже появляться начала, на которыхъ нельзя не остановиться съ полнымъ сочувствіемъ. Литература наша становится не однимъ пріятнымъ развлеченіемъ, но дѣломъ гражданскимъ, которое будитъ и возвращаетъ человѣка къ жизни, самовольно имъ оставленной. Облагораживающее вліяніе ея не

ограничивается мимолетнымъ успѣхомъ и широко входитъ въ нашу жизнь; при его животворномъ свѣтѣ смягчаются самыя дикія стремленія и неукротимые порывы. Общественная мысль зрѣетъ подъ вліяніемъ не однихъ только проектовъ и практическихъ инструкцій, а и всякаго слова, помогающаго намъ уразумѣть жизнь, какъ она есть, и перечувствовать ея странныя противорѣчія. Пусть первое впечатлѣніе будетъ тяжело и безотрадно, послѣдствія всегда скажутся благодѣтельно и свѣтло.

Это реальное направленіе нашей литературы блистательнымъ образомъ высказалось въ «Народныхъ разсказахъ» Марка Вовчка́, писателя, только что выступающаго на литературное поприще. Изъ чтенія ихъ не всякій вынесетъ одинаковое впечатлѣніе. Но едва ли кто, переживъ эти немногіе листки, не помолодѣетъ душою и не почувствуетъ въ себѣ благородной рѣшимости стряхнуть одолѣвающую дремоту и выступить въ жизнь бодрымъ и свѣжимъ человѣкомъ.

Пора покончить со всѣмъ, что́ не у мѣста и не у времени. У насъ довольно своей *денной работы*, чтобъ еще отвѣчать за дѣла праотцевъ и на своей спинѣ выносить ихъ прегрѣшенія — вольныя и невольныя! Осмотритесь кругомъ и взгляните на жизнь ближе и пристальнѣе: вы увидите много историческаго сору, зашедшаго къ намъ неизвѣстно когда и какъ. Въ этой тинѣ не можетъ итти жизнь свѣтло и правильно, и небольшіе разсказы Марка Вовчка́ яснѣе дня указываютъ на то, чего можно ждать, оставивъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь.

Скажемъ открыто: со времени живыхъ художественныхъ очерковъ малороссійской жизни Гоголя, въ русской литературѣ мы не встрѣчали ничего подобнаго этимъ *народнымъ оповиданнямъ*. Въ нихъ вѣетъ что́-то эпическое, народное, возвышающееся надъ взглядомъ отдѣльнаго человѣка. Оттого ихъ языкъ такъ поэтически живъ и бьетъ такою чистою струею, а событія и ли́ца проходятъ передъ вами не въ полусвѣтѣ личнаго воззрѣнія, а въ широкомъ взглядѣ цѣлаго народа, живое выраженіе

котораго мы встрѣчаемъ только въ народной поэзіи. Независимо отъ высокаго, художественнаго впечатлѣнія, какое производятъ разсказы на душу читателя, вы встрѣчаетесь здѣсь съ тѣмъ сильнымъ грудным голосомъ, который невольно будитъ и возвращаетъ человѣка къ жизни, какъ бы ни была она тяжела и непривѣтлива. Въ этомъ (если можно такъ выразиться) гражданскомъ значеніи реальнаго направленія нашей литературы заключается вся его живая современная сторона: здѣсь оно приходитъ въ живую связь съ нашими кровными интересами и является дружнымъ помощникомъ на пути отреченія отъ выжившей старины; подымая вопросы самые жизненные и неотразимые, оно прямо указываетъ на настоятельную необходимость положительнаго практическаго рѣшенія въ дѣлѣ общественной организаціи. Самая рѣзкость выставляемыхъ житейскихъ антиномій требуетъ если не столь рѣзкаго, то, по крайней мѣрѣ, рѣшительнаго исхода, и вы живо чувствуете высокую истину стариннаго преданія о македонскомъ героѣ и священномъ узлѣ Гордія.

Реальное направленіе нашей литературы стоитъ на порогѣ прошедшаго и будущаго: своею мыслью оно обращено къ будущему, но жизнь, имъ изображаемая, наша настоящая жизнь, можетъ быть названа въ нѣкоторомъ смыслѣ *прошедшимъ*, потому что живыя силы ея давно истратились, и только по привычкѣ или по лѣности, удерживаются въ груди, въ которую стучатъ уже иныя требованія, иныя мысли и чувства.

Ни въ одномъ явленіи современной литературы не рисуется такъ ярко поразительная картина послѣдней борьбы старыхъ, изжитыхъ элементовъ, крѣпкихъ заднимъ умомъ и невѣжествомъ, какъ въ поэтическихъ разсказахъ автора, названнаго нами выше. На нихъ мы позволимъ себѣ остановиться[1]): жизнь и ея явленія

1) Въ небольшой книжкѣ, писанной по-малороссійски, всѣхъ разсказовъ одиннадцать; изъ нихъ восемь извѣстны уже русской публикѣ, изъ переводовъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г. Мы остановимся преимущественно на тѣхъ, которые туда почему-то не попали: они лучшіе во всей книгѣ.

схвачены въ нихъ съ самой живой современной стороны. Тогда-какъ другія произведенія реальнаго направленія рисуютъ намъ только частности общественныхъ противорѣчій, «Народные разсказы» прямо указываютъ на главное, не раздѣлавшись съ которымъ нельзя ступить шагу впередъ на пути общественнаго пересозданія.

Что́ же пережили мы, что́ переживаемъ и что́ остается пережить? Какъ въ жизни дѣйствительной сходятся горе и радость, какъ рядомъ съ явленіями, полными глубокаго внутренняго трагизма, течетъ тихая, спокойная жизнь, полная радости и счастія, такъ и въ этихъ небольшихъ разсказахъ вы встрѣчаете то ясную, живую идиллію, то тяжелую драму, отъ которой дыханіе останавливается въ груди и сердце щемитъ отъ внутренней разъѣдающей боли.

Это послѣднее случается чаще: за минутою отдыха на немногихъ свѣтлыхъ точкахъ, снова становится мрачно, снова все небо покрывается сѣрыми, тяжелыми тучами. Лицомъ къ лицу мы встрѣчаемся здѣсь съ жизнью дѣйствительною, и чья вина если она обдаетъ васъ холодомъ? Или такова уже жизнь, которую рисуетъ намъ авторъ, или таково общее настроеніе духа и ума современнаго человѣка, но только самыя свѣтлыя, самыя, повидимому, безупречныя картины ложатся какою-то тѣнью и образуютъ темныя полосы въ цѣломъ художественномъ впечатлѣніи. Къ нему присоединяется извѣстная доля современнаго чувства, которое давно утратило наивный, довѣрчивый характеръ. Сквозь видимый покой и счастіе, ему видятся и горе и страданія, или, по крайней мѣрѣ, сама будничная пошлая проза. Конечно, это не одни только фантомы разстроеннаго воображенія!

Всякій смотритъ на жизнь по своему, но всегда правѣе тотъ, чьи требованія шире, потому что въ самомъ понятіи жизни лежитъ возможность полнаго удовлетворенія всѣмъ законнымъ требованіямъ человѣка. Оттого, мирясь съ тяжелымъ положеніемъ, никто не въ правѣ возводить его въ законъ; иначе онъ перенесетъ личную волю или, вѣрнѣе, личную слабость на все то,

что имѣетъ смыслъ только по отношенію къ одному или нѣсколькимъ лицамъ... Осуждать человѣка, честно уступившаго или обезсилѣвшаго въ борьбѣ съ жизнью, не только несправедливо, но и совершенно безсмысленно. Кто же станетъ указывать на него, какъ на образецъ для подражанія? Это мы говоримъ къ тому, чтобъ понять, почему къ чистому, свѣжему впечатлѣнію многихъ разсказовъ Марка Вовчка примѣшивается извѣстная доля горечи, которую мы бы назвали современною. Не вѣрьте тѣмъ холоднымъ доктринерамъ-эстетикамъ, которые вамъ станутъ говорить о возможности и законности чистаго художественнаго наслажденія произведеніями искусства, хотя бы даже они касались самыхъ живыхъ современныхъ вопросовъ: къ жизни — живой человѣкъ и отнесется жизненно. Кто не умѣлъ заморить свое живое чувство въ казематѣ авторитетовъ, тотъ не можетъ, подобно слѣпой Ѳемидѣ, равнодушно относиться ко всему, что затрогиваетъ его современную боевую жилу. Жизнь — прежде всего, а за нею уже все остальное: наука, искусство, литература, и то въ такой мѣрѣ, въ какой они относятся къ жизни и служатъ ей. Всякое художественное произведеніе только тогда и художественно, когда оно есть жизнь и выражаетъ собою жизнь, а отсюда понятны и способы нашего отношенія къ нему. Мы не говоримъ о томъ первомъ моментѣ художественнаго наслажденія, когда произведеніе искусства сохраняетъ еще свое обаятельное впечатлѣніе и вполнѣ владычествуетъ надъ умомъ и волею читателя или зрителя; но какъ скоро читатель или зритель, приходитъ въ себя и становится въ разумное отношеніе къ произведенію искусства — абсолютное художественное наслажденіе исчезаетъ и чувство современности идетъ объ руку съ чувствомъ красоты, отъ вѣка врожденной человѣку. А можетъ ли современное чувство покоить, можетъ ли оно внести въ истомленную душу человѣка миръ и прохладу?

Конечно, нѣтъ! Наша современность въ нѣкоторомъ смыслѣ напоминаетъ собою то тяжелое время жизни *вѣчнаго города*, когда онъ, покончивъ съ прошедшимъ, ничего не видѣлъ впереди, ни-

какой свѣтлой путеводной точки, и продолжалъ скучную жизнь въ тупомъ и грязномъ развратѣ. Посмотрите, не ту ли же тоску жизни и глубокую гражданскую скорбь чувствуютъ лучшіе, передовые люди Европы при видѣ рутины, которою ведется наша современность, какую чувствовалъ гражданинъ-историкъ, когда писалъ послѣднія скорбныя страницы жизни нѣкогда славной Римской монархіи. И, говоря правду, дивиться тутъ нечему, что на долю современности выпалъ такой сѣрый, непривѣтливый день, безъ разсвѣта и безъ солнца! Какія бы ни были причины этого, видимыя нами или скрытыя — ужъ коли случилось, такъ незачѣмъ тратиться въ безполезной тоскѣ и безучастномъ зрѣлищѣ; а скорѣе за дѣло, чтобъ потомъ не было поздно и еще тяжеле.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову сами собою, какъ общее впечатлѣніе, производимое всею книгою г. Марка Вовчка́. Какъ видно, оно не слишкомъ радостно и свѣтло; но виноватъ, конечно, не авторъ, а сама жизнь, которой онъ былъ вѣрнымъ изобразителемъ. Потому-то самыя, повидимому, свѣтлыя явленія и картины не свободны отъ нѣкоторой тѣни, которую набрасываетъ на нихъ наше современное чувство, всегда мрачное и угрюмое.

Таковъ, напримѣръ, первый разсказъ, помѣщенный въ книгѣ и называющійся *Сестра*.

Съ перваго раза испытываешь впечатлѣніе какого-то эстетическаго довольства, которое не позволяетъ спѣшить впередъ къ развязкѣ происшествія и удерживаетъ на частностяхъ, заставляя оглядѣть ихъ со всѣхъ сторонъ, поближе всмотрѣться въ нихъ. Съ одинакимъ настроеніемъ читаешь отъ начала до конца этотъ небольшой разсказъ и не видишь въ немъ ничего анекдотическаго, никакой завязки или сцѣпленія запутанныхъ происшествій. Женщина, душа которой широко раскрыта для любви и семейнаго счастія, разсказываетъ о томъ, какъ она оставила братній очагъ, убѣгая вражды и раздора, и служила въ людяхъ, пото́мъ добывая каждую копейку и каждый кусокъ

хлѣба. Содержаніе, какъ можно видѣть, въ высшей степени незатѣйливое. Но за этою простотою вы видите сильную, здоровую человѣческую натуру: она сама не сознаетъ своей силы и покорно уступаетъ передъ жизнью, гдѣ ей отведенъ такой грустный и безотрадный удѣлъ. Это, такъ сказать, траурная сторона разсказа. Ею онъ обращенъ къ нашей современности, и потому, несмотря на все безмятежное впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія, на концѣ стоитъ тотъ же мрачный вопросъ, который задаетъ современный человѣкъ всякому явленію, всякому жизненному событію и факту, входящему или отходящему... Назади пасмурно, лишь нѣсколько свѣтлыхъ минутъ; впереди еще темнѣе— вотъ конецъ и смыслъ скромной трудовой доли сестры, которая была вся любовь, все самоотверженіе, достойное лучшей дѣятельности. Хорошо еще, что этотъ тревожный вопросъ не бросился ей самой въ голову, иначе бы послышались такіе грудные тяжелые звуки, которые смутили бы самую смѣлую душу и самое безтрепетное чувство. Жизнь низменная, когда нѣтъ свѣтлой путеводной точки впереди, черная работа до истомы и изнеможенія, удовлетвореніе одной *злобы дня* безъ отрадной мысли о будущемъ, дѣйствуютъ страшно на человѣческую природу: они разрушаютъ лучшія ея способности, притупляютъ ее и дѣлаютъ изъ человѣка машину, недоступную никакимъ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ. Только рѣдкая энергія и сила воли способны вырваться изъ такой *смирительной* среды, а другіе, не столь сильные, запутываются и ищутъ исхода и успокоенія тамъ, гдѣ всего менѣе можетъ найти его здоровая, свѣжая человѣческая натура...

Монтескьё только вполовину сознавалъ это, говоря, что «нельзя благородно думать тамъ, гдѣ должно думать только о кускѣ хлѣба»; у *чернорабочихъ* просто не остается времени, чтобъ какъ-нибудь мыслить, а это одно губитъ всякую иниціативу къ умственной дѣятельности и духовному развитію. Весь взглядъ на жизнь и ея отношенія принимаетъ какой-то странный характеръ: онъ становится не въ мѣру узокъ и робокъ; мѣсто благороднаго

протеста противъ общественнаго зла занимаетъ полнѣйшій индифферентизмъ и усталый человѣкъ мирится и даже признаетъ законными такія явленія, одно воспоминаніе о которыхъ способно вызвать тысячи упрековъ и обвиненій, одно другого важнѣе и полновѣснѣе.

Таково, конечно, впечатлѣніе разсказа *Сестра*, разсматриваемаго съ точки зрѣнія современности. Это впечатлѣніе не изглаживается послѣдующими разсказами, напротивъ, оно растетъ по мѣрѣ чтенія книги и достигаетъ полнаго размѣра лишь въ трехъ разсказахъ, носящихъ по малороссійскому тексту слѣдующія названія: *Козачка*, *Одарка* (Дарья) и *Паньска воля*. Разберемъ ихъ по порядку.

Всѣ три разсказа не что иное, какъ три акта одной тяжелой драмы, впечатлѣніе которой тѣмъ сильнѣе, что она далека всѣхъ литературныхъ условій и прямо вводитъ насъ въ среду живой, неподкрашенной дѣйствительности. Вольная молодая женщина, награжденная отъ природы и красотой и умомъ, рѣшается выйти замужъ за крѣпостного. Еще до свадьбы черная полоса прошла надъ ними, какъ предвѣстница будущаго бо́льшаго горя.

Уже съ той минуты, когда сердце широко раскрыто любви, когда человѣческая природа особенно мягка и доступна чистымъ впечатлѣніямъ, начинаются страданія Олеси, и къ счастью примѣшивается такая доля горечи, подавить которую можетъ только сильная натура. Людской голосъ грубо коснулся самой нѣжной, чувствительной струны ея души и не пощадилъ самаго высокаго чувства. Вопросъ, который, быть-можетъ, и самъ тревожно запалъ въ душу женщины и отравлялъ ея счастливыя минуты, былъ поставленъ толпою прямо и рѣшительно. Какъ разнеслась молва о томъ, что вольная казачка идетъ за крѣпостного — все село зашумѣло, на всѣхъ улицахъ заговорили люди, и старые, и молодые, и дѣти: «не иди за крѣпостного; мы не отдадимъ тебя: пусть вольная казачка не идетъ въ крѣпость людямъ на смѣхъ, а своему роду на посрамленіе». Борьба съ жизнью началась уже здѣсь, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ становилась мрачнѣй и безотрад-

нѣй: вмѣсто поддержки, сердечнаго ободренія, молодое существо встрѣтило на первыхъ порахъ черствые, несдержанные оскорбительные совѣты и порицанія, на нее повѣяло холодомъ прежде счастья... Какъ бы ни былъ великъ запасъ силъ, энергіи и терпѣнія, но онъ скоро долженъ былъ придти къ концу при такомъ дружномъ напорѣ грубаго участія съ одной стороны, и неслыханныхъ страданій съ другой, страданій, съ которыми она встрѣтилась скоро лицомъ къ лицу.

Рано идетъ она собирать *дружокъ*, и куда ни придетъ — вездѣ отказъ, всѣ отъ нея отшатнулись, иныя даже плачутъ. Однѣхъ матери не пустили, другія сами не пошли, а кто и идетъ, тѣ корятъ и грустятъ по Олесѣ. Какъ обвѣнчались, пошли по селу просить на свадьбу — и ни одна живая душа не пошла раздѣлить счастья ихъ, никто не протянулъ дружеской руки и не сказалъ слова участія. Какъ будто надъ ними тяготѣло проклятіе, или отлученіе отъ людей, вольнаго свѣта и воздуха! Мрачная тѣнь легла на первыя минуты счастья и темныя предчувствія скоро начинаютъ сбываться. «На другой день отправились они поклониться господамъ. Отъ нихъ Олеся не услышала ни привѣта, ни совѣта; не увидала ни ласковаго взгляда, ни веселой улыбки. Господа какіе-то сердитые, гордые. «Будь покорна (говорятъ), да къ работѣ господской спора». Странно и тяжело было Олесѣ это слышать, а потомъ стало и страшно. Свекровь рада ей, какъ родному дѣтищу: не знаетъ и гдѣ посадить, и чѣмъ пожаловать — да все не развеселитъ. Старой, измученной тяжелою работой и нуждой, ей не до веселья. Только и разскажетъ, что про иную людскую удачу, да на свое злосчастье поплачется. Чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже: отняли избу и перевели ихъ въ господскій дворъ, а тутъ Богъ далъ сынка — прижала его Олеся къ сердцу и облили ее горючія слезы... «Вотъ живетъ она годъ, другой, третій и четвертый. Благословилъ ихъ Господь дѣточками: родилось три сына, какъ три сокола! А сколько настрадалась она съ ними, сколько слезъ пролила! Идетъ на барщину — должна ихъ бросать, а они — малютки: одно не говоритъ, другое

не ходитъ, третье не умѣетъ сидѣть, досмотрѣть нѐкому: старая свекровь умерла еще въ первый годъ по замужествѣ... Перегорюетъ день на работѣ, а вечеромъ спѣшитъ домой — что́ дѣти? И сердце замираетъ, и не знаетъ она, застанетъ ли ихъ живыхъ и здоровыхъ. Подросли дѣти — избавилась хлопотъ, такъ иное горе приспѣло: ихъ взяли въ барскіе покои. Съ той поры не было веселой минуты у Олеси: и день и ночь стоятъ передъ глазами и видятся истомленныя, блѣдныя дѣти: сидятъ они въ комнатѣ молча, безъ забавъ и бесѣды, и лишь тронутся съ мѣста и заговорятъ межъ собою — сейчасъ госпожа такъ и прикрикнетъ: «Что́ тамъ за шумъ; вотъ я васъ выучу сидѣть смирно!» Испугаются, голубки, и затихнутъ. Все отнято, что́ только можно было отнять: увезли и мужа, забрали дѣтей и осталась одна Олеся съ своимъ неисходнымъ горемъ, которому не видѣлось конца впереди. Разъ какъ-то, снѣдаемая тоскою, она осмѣлилась спросить у господъ о своемъ другѣ, для котораго пожертвовала всѣмъ — и свободою и богатствомъ.

Вошла она въ покои; госпожа сидитъ и гадаетъ на картахъ: не замѣтила ея прихода. Оглянулась Олеся вокругъ себя; это та самая комната, гдѣ она была *невѣстою*, убранная, наряженная, какъ свѣжая вѣточка, а теперь? Боже мой! она ли это? стоитъ какая-то старуха, истомленная, грустная, пугливая. И вспомнилось Олесѣ все...

Грубо оттолкнули ее: оскорбились, что женщина въ рубищѣ и съ загрубѣлыми отъ труда руками, обратилась къ нимъ съ человѣческимъ вопросомъ. Насмѣялись надъ ея мольбою и вытолкали за двери...

Борьба съ жизнью быстро шла къ концу: мужъ умеръ съ тоски и горя, и очередь была за дѣтьми. Повезли ихъ на мѣсто отца и отняли послѣднее, что́ было у страдалицы и что́ еще привязывало ее къ жизни; оставалось только умереть; но судьба не дозволила и этому совершиться мирно; какъ жила горемъ и слезами, такъ и скончалась бѣдная жертва благороднаго человѣческаго чувства тамъ, гдѣ тому чувству нѣтъ ни мѣста, ни свободы.

Разсказъ *Одарка* рисуетъ намъ другую сторону этихъ противорѣчій общественной жизни. Если въ предыдущемъ разсказѣ мы встрѣчаемъ царство дикаго произвола, несмягченнаго никакимъ человѣческимъ чувствомъ, хотя и прикрытаго наружнымъ видомъ легальной невинности, то здѣсь находимъ полное отсутствіе всего человѣческаго, доходящее до послѣдняго предѣла. Дикая животная страсть стараго грѣшника оторвала отъ родительскаго порога молодое существо и своими собственными руками выкопала ему могилу. Мало того, что обезчещена и поругана невинность, что на мѣсто мирной тишины семейнаго счастья внесено горе, страданіе и раздоръ — какъ вещь отдана женщина на чужбину для *услугъ* и онѣ скоро довели ее до могилы.

«Въ четвергъ, услышали мы (говоритъ разсказчица), что она умерла. Я прибѣжала туда, а она лежитъ уже на столѣ. Теплится небольшая свѣча и нѣтъ ни души. Какъ ангелъ Божій хороша — лежала она. Пришла старушка-служанка. «Поплакала я, говоритъ, надъ вашимъ ребенкомъ. Такая кроткая и покорная была она: отроду не видала я такой. Пришла я къ ней вчера, а она тянется къ окну: «пустите меня, говоритъ, пусти меня, бабушка: пускай взгляну я въ послѣдній разъ... Тамъ мой отецъ и мать...» Такъ жалобно, какъ пташка молитъ — «пусти меня». Я и пустила, поддержала ее — и смотритъ она долго-долго на синюю даль, а теплыя слезы жемчугомъ катятся на мои руки. Солнце только что заходило... Увидѣла она, вишня цвѣтетъ въ саду: «принеси мнѣ, бабушка, вишневую вѣточку, принеси, милая». Принесла я ей. Она взяла и говоритъ: «Какая пахучая и свѣжая!..» Легла и вѣточку около себя положила. «Вонъ ужъ и солнышко садится» говоритъ, и начала тогда вспоминать отца и мать, приговаривая: «Тату мой, тату! на что вы меня бросили, матушка — возьми меня. Бросили меня одну одинешеньку... мама, тату — мои родные, милые!..»

«Въ пятницу ее схоронили. Какъ опускали гробъ въ могилу, то надъ нею кружились все бѣлые голубки. Солнышко играло, золотомъ разсыпалось по землѣ, и утро такое тихое, ясное: ни

вѣтерокъ не подунетъ, ни тучки не покажется». Живопись или лучше — жизненность впечатлѣнія такъ сильна, что передъ вами какъ будто исчезаетъ на время возвышенная художественность разсказа. Чистая жертва грязныхъ развратныхъ стремленій и преслѣдованій низошла въ могилу тихо и спокойно, но ваше возмущенное чувство не находитъ успокоенія и не мирится съ такою жизнью. За что даромъ затрачена жизнь? за что все въ ней обречено на гибель, что́ не хотѣло покориться ея безобразнымъ и безнравственнымъ условіямъ? Зачѣмъ эта вынужденная, печальная жертва тамъ, гдѣ все должно итти такъ свѣтло и мирно, гдѣ не должно быть мѣста ни принужденію, ни насилію?

Отъ этихъ тревожныхъ вопросовъ трудно отдѣлаться на скорую руку. Предъ вашими глазами, рядъ за рядомъ проходятъ явленія, надъ которыми не можетъ не призадуматься всякій живой, современный человѣкъ. А когда разъ запало въ голову сомнѣніе, тогда бываетъ трудно заглушить его; оно требуетъ прочнаго, положительнаго отвѣта, и неминуемо влечетъ къ тому или другому выходу. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: кто попадетъ на какую дорогу...

Въ сторону же всѣ безполезныя чаянія и, съ Богомъ, скорѣе за поправленіе дѣла. Оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а не то на вашей памяти останется та страшная вина, какая тяготѣетъ надъ богачомъ, вытолкавшимъ за двери своего брата, Лазаря!

Да позволено будетъ намъ здѣсь сказать братское слово глубокой человѣческой благодарности автору этихъ небольшихъ украинскихъ разсказовъ. Какъ будто завязка падаетъ съ глазъ, голова и сердце свѣтлѣютъ и крѣпнутъ въ рѣшимости оставить косный старинный путь и начать новую жизнь послѣ того, какъ пережилъ эти немногія страницы, полныя глубокой истины и поразительной красоты. Послѣ нихъ становятся невозможными нечестныя сдѣлки между привычкой и убѣжденіемъ, и мало по малу разгоняются тѣ мятежные сны, которыми такъ тяжело и трудно спало недавно наше общество.

Разсказъ *Панъска воля* близко подходитъ къ предыдущимъ: то же мрачное, тяжелое впечатлѣніе, хотя, можетъ-быть, менѣе художественности въ изображеніи.

У молодой женщины занемогъ единственный грудной ребенокъ, а время было рабочее. Господинъ такой недобрый, что Боже упаси! словно воловъ какихъ, гоняетъ людей на барщину. Пришли и за *Горпиною* и выгнали ее на поле: взяла она ребенка, обернула и пошла. А дитя бѣдное кричитъ, не перестаетъ. Пришли, а на встрѣчу имъ самъ господинъ, сердитый такой; началъ онъ ее словами корить, а ребенокъ бьется на рукахъ и кричитъ: еще больше разсердился, «вонъ этого ребенка!» закричалъ, «вонъ! Мнѣ нужно дѣло дѣлать, а не съ ребятами няньчиться. И велѣлъ десятнику отнести его домой. Понесли его полемъ — и долго еще слышался Горпинѣ дѣтскій плачъ больной и жалобный, все тише... и скоро совсѣмъ затихъ.

На другой день, то же горе: снова оторвали ее отъ больной дочери и угнали на барщину, руководясь, вѣрно, тѣмъ правиломъ, что долгъ прежде всего. А тѣмъ временемъ мать сдѣлалась невинною убійцею своего ребенка — и лишилась разума.

«Услыхали люди, пришли, уговариваютъ, а она стоитъ словно не слышитъ и не оторвутъ ее отъ ребенка. Стали готовить похороны, принесли небольшой гробикъ и усыпали его душистыми цвѣтами и травами. «Горпина», говорятъ, «дай ребенка». Не дала. Сама обмыла его и положила. Пришло время выносить, а она стоитъ, озирается, и ничего не слышитъ, что́ говорятъ къ ней люди».

Скоро воротилось къ ней здоровье, да не воротился разумъ. И когда, бывало, ѣдешь лѣтомъ около огорода, видишь, сидитъ межъ полными маковками въ бѣлой рубашкѣ, наряженая, молодая, бѣлая какъ глина; сидитъ и перебрасывается маковками и смѣется какъ дитя малое. А маки цвѣтутъ кругомъ нея полно и бѣлымъ, и сивымъ, и краснымъ цвѣтомъ».

Да, другого исхода и быть не можетъ тамъ, куда закрались эти отношенія. Рѣдко они проходятъ даромъ и выкупаются де-

шевою цѣною. И пусть бы все это было необходимость, безъ которой нельзя быть и отъ которой человѣкъ не властенъ отдѣлаться — нѣтъ! Не страданія должны составлять удѣлъ его, а жизнь, дающая каждому столько, сколько кто можетъ взять. Пусть остерегутся возводить общественныя аномаліи въ законъ и оправдывать ихъ необходимостію, придавая имъ видъ благодушной патріархальной простоты.

Такія миролюбивыя поползновенія добрыхъ старичковъ не поколеблятъ вѣры современнаго человѣка въ скорую необходимость улучшенія, не охладятъ его правдивыхъ требованій свѣта и воздуха, которыя крѣпнутъ и растутъ вмѣстѣ съ нравственнымъ ростомъ всего современнаго поколѣнія. Итти наперекоръ исторіи не только невозможно, но и безразсудно. А этого до сихъ поръ не хотятъ понять многіе и очень многіе. Въ общественной жизни все перемѣшалось: и мысли и дѣла. Благо тому, кто словомъ или дѣломъ способствовалъ установленію яснаго взгляда на современную жизнь и ея задачи, — взгляда, чуждаго и мрачныхъ стремленій старины, и слабонервнаго расположенія боязливыхъ поборниковъ аккуратности.

И вотъ въ чемъ, въ нашихъ глазахъ, главная заслуга книги г. Марка Вовчка́, а съ нимъ вмѣстѣ и всего реальнаго направленія нашей литературы. Не лукавя и не лицемѣря, не вступая въ намѣренныя сдѣлки ни съ какими практическими соображеніями, художественною рукою рисуется передъ нами жизнь, ея мрачныя и свѣтлыя стороны съ давняго времени; мы такъ привыкли ходить въ обманѣ, что великая благодарность да будетъ воздана честному автору за его честное, нельстивое, благородное слово о томъ, на что въ настоящее время обращены и мысли, и чувства, и дѣла всякаго живаго современнаго человѣка.

Археологическія изслѣдованія по памятникамъ.

Вып. 1-й. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ. Соч. Г. Филимонова. Москва. 1859. 64 стр., со снимками.

1859.

Много разъ и со многихъ сторонъ слышались упреки спеціальному направленію нынѣшняго времени. Говорили, и говорили не безъ нѣкотораго основанія, что это — состояніе болѣзненное, что человѣкъ, близко принимающій къ сердцу жизненные интересы, не можетъ посвятить себя одному вопросу и на него безраздѣльно тратить и время и всѣ свои силы, что такая спеціализація есть бездѣйствующая сила въ обществѣ и необходимо упирается въ помѣшательство, въ безпорядокъ нравственныхъ понятій. Человѣкъ тупѣетъ, ему становятся недоступны и непонятны ни общественныя скорби, ни общественныя радости, на всю жизнь онъ смотритъ съ точки зрѣнія своей узкой спеціальности, забывая совершенно все, что́ не имѣетъ съ нею прямаго отношенія. А отъ этого уединенія въ сферу спеціальности, по большей части мелочной, происходитъ и путаница въ общественной жизни, этотъ хаосъ безвыходныхъ противорѣчій, эти начатые и неконченные вопросы, которые мы стремимся какъ-нибудь обойти, закрывъ глаза, и которые, несмотря на это, продолжаютъ сиднемъ сидѣть на нашей спинѣ, призывая къ серіозному отвѣту и обдуманной дѣятельности. Дѣйствительно, если только человѣкъ есть животное *общественное*, то въ самой его природѣ лежитъ протестъ противъ *крѣпостной* спеціальности, противъ исключительной привязанности къ чему-нибудь *одному*. Были вѣка глубокаго, иногда даже невѣроятнаго спеціализма: энергическія и сильныя натуры забывали о низменной жизни, гдѣ вершились судьбы народныхъ массъ, и уходили въ спеціализмъ самый отчаянный. Руководимые какою-нибудь сильною идеею, онѣ предавались ей до того безраздѣльно, что исключали все другое, къ ней неподходившее. Можетъ-быть, это украсило страницы исторіи многими высокими подвигами самоотверженія и такъ-назы-

ваемаго добра, но во всякомъ случаѣ наградило нашу современность тяжелымъ внутреннимъ разладомъ. Народныя массы не знали спеціализма: имъ было не до него; онѣ не испытывали силы идеи, потому что испытывали другое, менѣе пріятное чувство ошейника, на которомъ держали ихъ *спеціалисты*. И такимъ путемъ исторія дошла до нашего времени. Завязавшійся узелъ пыталась-было развязать реформація, но остановилась, съ нѣмецкою умѣренностью, на полдорогѣ, завѣщая будущимъ поколѣніямъ довершить начатое. Великія движенія конца прошлаго и нынѣшняго вѣка, если не довершили, то, по крайней мѣрѣ, приготовили это рѣшеніе: результаты ихъ освѣжили дряхлѣвшее человѣчество, и, если въ практическомъ отношеніи разладъ между убѣжденіемъ и жизнью чувствовался еще живѣе и кровнѣе, то теоретическая мысль часъ отъ часу мужала и крѣпла и, наконецъ, неколебимо утвердилась на широкой, всеобъемлющей идеѣ законности и святости требованія полнаго удовлетворенія человѣческому чувству и мысли. Въ этихъ словахъ скрывалась отходная среднимъ вѣкамъ—и, покончивъ съ ихъ дряхлою мыслью, новая наука смѣло взялась за переборку наслѣдія, ими завѣщаннаго. Въ эту груду не переработаннаго матеріала, иногда совершенно безплоднаго и излишняго, необходимо было внести свѣтлую, современную мысль *природнаго* порядка—и вотъ наука, не безъ суровости, опрашиваетъ каждое явленіе, каждую мысль, ничего не принимая слѣпо на вѣру. Понятно, что́ должно произойти съ старымъ порядкомъ и старою системою нравственныхъ общественныхъ убѣжденій, которыя только и держались, благодаря всеобщей обломовщинѣ нашего *добраго стараго времени!* Предъ безпощаднымъ судомъ современнаго разума оказывается правымъ только очень немногое; конечно, мы далеки, и какъ еще далеки, отъ того послѣдняго суднаго дня, когда все изжитое, безсмысленное будетъ оставлено; наша жизнь еще глубоко волнуется сотнями противорѣчій, одно другого безсмысленнѣе и потому — лживѣе; но общія нравственныя начала уже, кажется, ясно опредѣлились, и при ихъ животворномъ свѣтѣ день ото дня развѣн-

чиваются и падаютъ ложные, стѣснительные авторитеты и тупыя, выжившія изъ смысла преданія!

При такомъ настроеніи общественной мысли современная наука не можетъ избѣжать *спеціализма:* только этотъ спеціализмъ не походитъ на тотъ, которымъ пробавлялись средніе вѣка и который до сихъ поръ еще не освободилъ отъ постоя многія головы нашихъ такъ называемыхъ *ученыхъ*. Современный спеціализмъ, прежде всего, не безплоденъ: онъ одушевляется и мыслью современною, понимая, что нѣтъ никакого смысла тратиться понапрасну въ трудѣ, если результатъ этого труда не внесетъ ничего свѣтлаго, живительнаго въ жизнь и безъ того не слишкомъ радостную. Завоевать разумною мыслію хотя клочокъ обширной почвы человѣческаго вѣдѣнія у схоластики, обличить ложь коснаго обычая, безправіе рутины на владѣніе человѣческимъ разумомъ — вотъ задача истиннаго спеціализма нашего времени, задача, надъ которой не насмѣется никто способный на живую борьбу съ одолѣвающею пошлостью и тупоуміемъ старины. Задачу эту каждый можетъ выполнять по-своему: все, что́ касается человѣка и что́ имѣетъ съ нимъ какую-нибудь связь и отношенія, не можетъ вызывать одно равнодушіе; нужно только взглянуть на него по-человѣчески, отбросивъ злыя *постороннія* внушенія, порабощающія человѣческій разумъ и чувство во имя какого-нибудь созданія собственнаго воображенія. Все дѣло не въ предметѣ, а во взглядѣ на предметъ. Смотрите на вещи человѣчески—и, право, вашъ взглядъ найдетъ сочувственный отголосокъ, и никому не покажется страннымъ, почему вы остановились на предметѣ, можетъ-быть, слишкомъ мелкомъ и *спеціальномъ.*

Итакъ, спеціализмъ нашего времени, подводя итоги прожитому капиталу, главнымъ образомъ полагаетъ свою силу не столько въ предметѣ изслѣдованія, сколько въ духѣ и взглядѣ, его оживляющихъ. Въ этомъ его оправданіе, и этою мѣрою онъ и долженъ быть мѣримъ, потому что иначе онъ будетъ или совершенно безполезенъ, или внесетъ ложь и неправду въ область

современной истины, которой съ такимъ упорнымъ трудомъ добывается человѣкъ.

Выше мы говорили о рутинѣ и преданіяхъ. Дѣйствительно, ничто такъ не вредитъ успѣхамъ науки, какъ всякаго рода преданія, взятыя по большей части изъ Богъ-вѣсть какихъ темныхъ мѣстъ. Повинуясь ихъ вліянію, изслѣдователь не только упускаетъ между рукъ любопытнѣйшія и до той поры неизвѣстныя стороны и подробности предмета: онъ просто дѣлается эхомъ чужого голоса, и, иногда, какого глухого голоса! Доказательства тому на лицо: кто не знаетъ, какъ разработываются у насъ многія части русской исторіи, какъ отечески-заботливо привиллегированные люди отстраняютъ всякую попытку внести въ науку сколько-нибудь здравый методъ и анализъ, опасаясь, конечно, что съ двумя такими руководителями дѣло можетъ выйти плохо для обскурантныхъ воззрѣній, поддерживаемыхъ только невѣжествомъ и безсмысленною преданностію отжившимъ авторитетамъ. Не безъ нѣкотораго воодушевленнаго безстыдства, навязывая готовыя, нехитрыя понятія, они не допускаютъ ничьего самостоятельнаго мнѣнія и требуютъ безусловной покорности тому, что́ имѣло смыслъ лишь за пять-шесть столѣтій до нашей эпохи. Эти добродѣтельные прогрессисты *съ другой стороны* не въ шутку обижаются, когда кто осмѣливается коснуться вопросовъ, которые они считаютъ своею исключительною собственностію. Мы не можемъ забыть, какъ одинъ изъ такихъ рыцарей вскинулся-было на г. Аѳанасьева за его *основательный* разборъ «Исторіи русской церкви» пр. Филарета; у критика — видите — не было на это права: онъ былъ *міряниъ*, а міряниъ можетъ ли вѣрно судить о церковныхъ событіяхъ? Слѣдствіе такого литературнаго заключенія было уже чисто-полицейское: разборъ, начатый съ талантомъ и знаніемъ дѣла, прекратился на второй статьѣ, а церковныя событія, конечно, отъ этого выиграли въ своемъ объясненіи. Это дѣло печатное, гласное, а сколько есть такихъ, которыя не получили гласности, *по причинамъ отъ редакціи независящимъ!*

Вездѣ, и въ предметахъ науки, каковы напр. судьбы русской женщины, исторія русскаго иконописанія, и въ вопросахъ общественныхъ, каковъ вопросъ объ отношеніяхъ грековъ къ болгарамъ — чувствуется присутствіе посторонняго начала, которое завистливо смотритъ на повиновеніе своему авторитету и иногда выражается въ траги-комической формѣ...

При такомъ положеніи дѣла остается одно изъ двухъ: или вооружиться спасительнымъ молчаніемъ, или же браться за вопросы и предметы, которые бы не тревожили ничьей зависти, ничьего пошлаго самолюбія. Такова, напр., археологія. Оно и здѣсь, говоря правду, многимъ хочется запустить руку и похозяйничать по-своему, да не знаютъ, какъ взяться; поэтому-то, говоря относительно, здѣсь немного болѣе чистаго воздуха и простора, нежели въ другихъ сферахъ умственной дѣятельности, и оттого нельзя съ искреннимъ участіемъ не смотрѣть на всякіе спеціальные, въ этомъ смыслѣ, труды, если только они сколько-нибудь помогаютъ разсѣянію умственнаго мракобѣсія и застоя. А таково, по нашему убѣжденію, сочиненіе г. Филимонова, заглавіе котораго мы привели выше. Имя автора уже знакомо всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ науки о русской старинѣ: ему принадлежитъ прекрасное описаніе памятниковъ Карабановскаго музея (Москва 1849. in folio, съ великолѣпными снимками). Теперь г. Филимоновъ даритъ насъ новымъ трудомъ, предметъ котораго составляетъ въ высшей степени интересный вопросъ «о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ». На рѣшеніе этого вопроса г. Филимонова навело археологическое изслѣдованіе древней церкви св. Николая, на Липнѣ, близъ озера Ильменя, путешествіе къ которой онъ совершилъ per tot discrimina rerum. Авторъ подробно и съ точностью археолога описываетъ каждую изъ уцѣлѣвшихъ и доступныхъ наблюденію частей этой древней церкви, и въ этомъ отношеніи сочиненіе его представитъ драгоцѣнные матеріалы будущему историку церковнаго зодчества въ Россіи, по своей обстоятельности и отчетливости, какою насъ не избаловали въ своихъ произведеніяхъ пи г. Сне-

гиревъ, ни другіе *описатели* церковныхъ древностей. Описаніе г. Филимонова тѣмъ дороже для науки, что самый этотъ памятникъ церковнаго зодчества, «на которомъ пять столѣтій положили печать свою, можетъ-быть, скоро покончитъ свое существованіе, если не подадутъ руки помощи къ его сохраненію».

Всѣмъ, кажется, извѣстно устройство теперешнихъ церквей и ихъ важнѣйшія части: алтарь отдѣляетъ отъ храма «деревянная преграда, сверху до низу уставленная иконами и потому называемая *иконостасомъ*; она возвышается, съ перваго взгляда, по мѣрѣ древности, обыкновенно ей приписываемой, все болѣе и болѣе, и, достигая въ нѣкоторыхъ церквахъ, преимущественно же въ древнихъ соборахъ, почти вершины восточной арки, скрываетъ совершенно алтарь отъ глазъ молящихся. Въ архитектурномъ смыслѣ, она дѣлитъ внутренность церкви на двѣ совершенно отдѣльныя части.

«Встрѣчая подобнаго рода устройство иконостасовъ почти во всѣхъ древнихъ русскихъ церквахъ, конечно, трудно предположить, чтобы оно было не первоначальное. Мы такъ привыкли въ церкви имѣть предъ глазами эту огромную деревянную преграду, украшенную, въ нѣсколько рядовъ, колоссальными иконами, что намъ нелегко представить вмѣсто нея что-либо другое. Между тѣмъ, сохранившіеся памятники древняго церковнаго зодчества ясно указываютъ на то, что современное устройство русскихъ иконостасовъ далеко не первоначальное, что въ первыя вѣка христіанства, въ Россіи было другое устройство, которое болѣе соотвѣтствовало господствовавшимъ формамъ искусства византійскаго.

«Лучшимъ доказательствомъ существованія иной, древнѣйшей формы иконостасовъ въ русскихъ церквахъ служатъ, безспорно, остатки древней фресковой росписи, встрѣчаемые на той сторонѣ двухъ алтарныхъ основныхъ столбовъ, къ которой въ настоящее время плотно прислонены деревянные иконостасы. Происхожденіе этой заиконостасной стѣнописи можетъ быть уяснено единственно лишь отсутствіемъ деревянныхъ иконостасовъ.

Иначе, какимъ образомъ и для какой цѣли зашла эта стѣнопись за иконостасы? Вопросы эти еще положительнѣе рѣшаются въ пользу господства стѣнописи на алтарныхъ столбахъ, смѣненной деревянными иконостасами, если мы прибѣгнемъ къ сравнительному изученію и увидимъ то же самое въ древнѣйшій періодъ на всемъ православномъ Востокѣ, и даже на Западѣ.

«Но, къ сожалѣнію, когда первоначальная форма подверглась измѣненію, и предъ столбами, украшенными фресками, стали возноситься непроницаемыя преграды изъ иконъ, въ то время не думали о сохраненіи фресокъ, утратившихъ тогда свое значеніе; потому, въ настоящее время, они встрѣчаются такъ рѣдко, въ весьма немногихъ церквахъ, и то въ видѣ далеко не первоначальной сохранности; мѣстами же изгладились самые слѣды ихъ пребыванія, столбы по древнему слою покрылись новою штукатуркою, мѣстами же древняя штукатурка, вмѣстѣ со стѣнописью, пала безъ остатка подъ рукою молотка. Тѣмъ болѣе мы должны дорожить памятниками церковнаго зодчества, въ которыхъ еще уцѣлѣли, хотя въ немногихъ остаткахъ, древнія фрески за иконостасомъ, на алтарныхъ столбахъ. Онѣ представляютъ собою первый матеріалъ для рѣшенія вопроса о первоначальныхъ иконостасахъ въ церквахъ русскихъ» (стр. 3—4).

Г. Филимоновъ указываетъ на нѣкоторыя древнія русскія церкви, гдѣ уцѣлѣли остатки столбовой заиконостасной фресковой живописи, таковы: Звенигородскій соборъ, основаніе котораго приписывается 1090 году, Рождественскій соборъ Саввина монастыря и, наконецъ, въ особенности, новгородская церковь св. Николая на Липнѣ, для изслѣдованія которой, какъ мы выше сказали, авторъ предпринималъ сопряженное съ трудностями и опасностями археологическое путешествіе, и которая подала поводъ къ настоящему труду. Не останавливаясь на исторіи этой церкви, изложенной г. Филимоновымъ по историческимъ рукописнымъ памятникамъ и лѣтописямъ, мы обратимъ вниманіе только на то, что́ относится собственно къ рѣшенію любопытнаго и очень важнаго вопроса о первоначальной формѣ иконо-

стасовъ въ русскихъ церквахъ. Въ церкви св. Николая на Липнѣ, близъ озера Ильменя, въ настоящее время уже оставленной и находящейся въ полуразрушенномъ состояніи, фресковая заиконостасная живопись уцѣлѣла гораздо въ большемъ количествѣ и яснѣе, чѣмъ въ прочихъ древнихъ произведеніяхъ церковнаго зодчества; здѣсь изображены лица нѣкоторыхъ пророковъ, апостоловъ и святыхъ, а также и нѣкоторыя событія изъ жизни Іисуса Христа; на главномъ планѣ, среди столбовъ алтарныхъ, сохранилось и, къ счастію, довольно цѣлостно, любопытнѣйшее для вопроса о первоначальной формѣ иконостасовъ изображеніе, которое составляло необходимую принадлежность преграды алтарной въ церкви русской древнѣйшаго періода. Это изображеніе Богородицы... Описавъ съ подробностію всѣ уцѣлѣвшія фресковыя заиконостасныя изображенія, г. Филимоновъ переходитъ уже къ рѣшенію самаго вопроса и говоритъ:

«Эта заиконостасная стѣнопись, весьма обильная соотвѣтствующими святости мѣста сюжетами, была употреблена въ свое время для украшенія алтарной преграды въ церквахъ русскихъ. Она, почти исключительно, съ помощью только сравнительнаго изученія этой преграды въ древне-христіанскихъ памятникахъ, способствуетъ къ возсозданію первообраза русскихъ иконостасовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время сооруженія церкви св. Николая на Липнѣ деревяннаго иконостаса не существовало, что фрески въ этотъ періодъ алтарной преграды замѣняли собою иконы на деревѣ, и стѣнопись была равносильна собственной иконописи, получившей право первенства, конечно съ появленіемъ новой формы иконостасовъ. Указаніе на господство стѣнописи въ древнѣйшій періодъ сохранилось во многихъ памятникахъ древне-христіанскаго зодчества; въ церквахъ русскихъ замѣненіе иконъ посредствомъ фресокъ встрѣчаемъ преимущественно въ древней стѣнописи за иконостасами. Слѣды подобнаго рода стѣнописи встрѣчаются кое-гдѣ за иконостасами и въ другихъ русскихъ церквахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что *во всѣхъ церквахъ древнѣйшаго періода, заслоненные въ настоящее время иконоста-*

сами столбы и стѣны были совершенно открыты и украшены фресками. Кромѣ сохранившихся на то указаній въ памятникахъ, самый характеръ церковнаго искусства въ Россіи, характеръ архаизма, строго соблюдавшій одинъ общепринятый неизмѣнный образецъ, одно извѣстное, опредѣленное уставами, освященное стариною и древними образцами устройство говоритъ въ пользу одной общей архитектурной формы алтарной преграды во всѣхъ русскихъ церквахъ опредѣленнаго періода» (стр. 17).

Выводъ, кажется, несомнѣнный и притомъ совершенно *новый!* Чтобъ еще болѣе дать убѣдительности своимъ доводамъ, г. Филимоновъ во второй части своего труда слѣдитъ устройство алтаря въ древнѣйшихъ христіанскихъ церквахъ Греціи, Италіи, Грузіи и Россіи, и въ нихъ находитъ полное подтвержденіе своему мнѣнію. Дѣйствительно, послѣ того тщательнаго собранія свидѣтельствъ, извлеченныхъ изъ писателей церкви, и подробнаго изслѣдованія устройства древнѣйшихъ памятниковъ христіанскаго церковнаго зодчества, какое мы находимъ въ сочиненіи г. Филимонова, наука можетъ принять за несомнѣнную истину, что въ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ не существовало иконостаса, а существовала, вмѣсто него, стѣнная живопись, и что только позднѣе начали воздвигаться иконостасы, которые и заслонили эту живопись, измѣнивъ, такимъ образомъ, первоначальное устройство алтарной преграды, конечно, не къ пользѣ и процвѣтанію искусства. Теперь, естественно, рождается вопросъ: къ какому времени должно отнести такое измѣненіе первоначальной формы алтарной преграды, почему произошло оно, и каково было древнее устройство ея. Относительно времени, г. Филимоновъ полагаетъ, что это случилось не ранѣе начала XV вѣка, основываясь на томъ, что ни въ памятникахъ, ни въ указаніяхъ нѣтъ ни одного иконостаса, который бы по стилю иконописи переступалъ границы XIV вѣка, и что къ этому вѣку относится построеніе тѣхъ церквей, въ которыхъ сохранились указанія первоначальнаго устройства иконостасовъ. Измѣненіе иконостасной формы, по мнѣнію автора, не могло имѣть значенія

случайнаго и ограничиться только нѣкоторыми мѣстностями, а напротивъ, оно должно было имѣть значеніе общее для всѣхъ русскихъ церквей, потому что въ архаистическую эпоху своего развитія искусство не терпитъ случайностей и отступленій, а поэтому — заключаетъ авторъ — «ни въ одной русской церкви не удержалась первоначальная форма алтарной преграды, но вездѣ встрѣчается одна общая, современная форма иконостасовъ, несмотря на то, что нѣкоторыя древнія церкви сохранили за новыми иконостасами древнія фрески». Не такъ рѣшителенъ отвѣтъ г. Филимонова о поводѣ измѣненія первоначальной формы алтарной преграды; онъ, справедливо ссылаясь на недостатокъ или совершенное отсутствіе указаній въ этомъ отношеніи, оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ и переходитъ къ устройству древнѣйшаго рисунка иконостаса въ русскихъ церквахъ, и для этого, какъ мы сказали, къ сравнительному изученію алтарной преграды италійскихъ базиликъ и древнихъ церквей въ Греціи, Грузіи и Россіи. Знатоки дѣла замѣчаютъ нѣкоторую неточность, или лучше сказать, непослѣдовательность въ этой части археологическаго сочиненія автора; что касается до насъ, то, не имѣя притязаній на спеціальныя свѣдѣнія по этому предмету, мы съ такимъ же удовольствіемъ прочли и эту часть, какъ и первую, хотя и не вынесли того же богатаго результата. Такъ какъ древнѣйшая форма иконостасовъ тоже имѣла нѣсколько измѣненій, по большей части многосложныхъ, то мы отказываемся передавать здѣсь ея исторію и отсылаемъ читателей къ любопытному сочиненію г. Филимонова, будучи вполнѣ убѣждены, что и имъ оно принесетъ не менѣе пользы, чѣмъ намъ; скажемъ только, что древній иконостасъ почти всегда состоялъ изъ колоннъ и алтарныхъ столбовъ, украшенныхъ живописью и расположенныхъ такъ, что алтарь былъ вполнѣ виденъ взорамъ предстоящихъ.

«Но напрасно будутъ искать въ современныхъ сооруженіяхъ церковнаго зодчества строгаго единства частей, подчиненныхъ нѣкогда одной идеѣ: огромные иконостасы отрѣшили алтари даже во всѣхъ древнихъ церквахъ, сдѣлавъ изъ алтаря особую часть,

почти отдѣльное архитектурное цѣлое, не связанное видимо съ прочими частями церкви. Мало того, иконостасы эти лишили значенія самую стѣнопись алтарную, на которую въ древности обращали главное вниманіе».

Въ заключеніе еще слово объ одномъ очень важномъ вопросѣ въ современныхъ понятіяхъ о наукѣ. Существуетъ очень не хитрая мысль, преимущественно имѣющая смыслъ въ *археологическомъ отношеніи*, будто бы *настоитъ современная потребность возсозданія древнихъ формъ*! Эту мысль повторяетъ и г. Филимоновъ, на первой же страницѣ своего сочиненія. Конечно, все зависитъ отъ того, кто какъ понимаетъ *современныя потребности*, но, во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что *потребность* (!?) *возсозданія древнихъ, отжитыхъ формъ* такъ же у мѣста въ *современности*, какъ и *ссылки* на творенія г. Муравьева, въ ученомъ археологическомъ трудѣ г. Филимонова. Положимъ, что вышеназванный авторъ былъ *очевидцемъ* того, о чемъ писалъ; но развѣ не извѣстно, что можно быть *очевидцемъ* — и *ничего не видѣть*?..

Les scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves:

leur état social, moral, intellectuel et religieux; esquisse ethnogénéalogique et historique, par S. G. Bergmann. Colmar 1858. 74 pp.

1859.

Въ исторіи не даромъ съ именемъ Скиѳа соединяется представленіе чего-то темнаго, загадочнаго.

Ученые изслѣдователи, посвящавшіе время разъясненію вопроса о Скиѳахъ, каждый по мѣрѣ способностей, еще болѣе увеличили *непроницаемые мраки киммерійскіе и глубокую скиѳскую мглу*, какъ нѣкогда говаривали современники Геродота. Причина этого заключалась въ незрѣломъ историческомъ методѣ: изъ отрывочныхъ извѣстій классическихъ писателей, извѣстій

сомнительныхъ, составленныхъ, большею частію, по слухамъ, хотѣли создать *историческое* цѣлое. Анализъ, плодотворный на почвѣ положительныхъ фактовъ, оказался несостоятельнымъ въ отношеніи отдаленной миѳической эпохи: изслѣдователи или запутывали дѣло, навязывая Геродоту и древнимъ классикамъ свои досужія кабинетныя соображенія, или же упрекали знаменитаго *отца исторіи* въ томъ, что просто сказываетъ *сказки*.

Нибуръ первый, сколько извѣстно, избралъ другой путь.

Убѣжденный, что классическіе писатели разсказывали вещи, не какъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, а какъ онѣ имъ представлялись, онъ отказался отыскать чисто историческій, положительный фактъ, и обратилъ вниманіе на внутреннюю, этнологическую сторону ихъ извѣстій. Пріемъ, въ основѣ своей чрезвычайно вѣрный, остался, однакоже, безъ послѣдователей и еще не такъ давно вызывалъ горькіе упреки и нареканія[1]).

Но въ послѣднее время, при быстрыхъ успѣхахъ языкознанія и науки о старинѣ, совершенныхъ трудами Боппа, бр. Гриммовъ и ихъ многочисленныхъ послѣдователей, пріемъ, едва намѣченный Нибуромъ, получилъ полную силу и право гражданства въ наукѣ.

Оставивъ туманную географію Скиѳіи, ученые обратились къ поэтической, бытовой сторонѣ древнихъ разсказовъ объ этой темной, недовѣдомой странѣ. Результаты, добытые ими, уже имѣютъ полное право на вниманіе, и въ этомъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ занести на страницы *Лѣтописей русской литературы и древности* новое сочиненіе Бергманна, заглавіе котораго мы привели выше.

Вопросъ, можетъ-быть, касается насъ ближе, чѣмъ можно предполагать съ перваго взгляда: дѣло идетъ о нашей исторической генеалогіи, о томъ, что Скиѳы — предки Славянъ и Германцевъ. Мнѣніе, въ сущности не новое, представляется у автора въ совершенно новомъ свѣтѣ. Выводы свои онъ основы-

1) Skythien und die Skythen des Herodot v. Lindner. 1841, см. II Abth.

ваетъ на свидѣтельствѣ историковъ, древнѣйшихъ преданій, нравовъ, обычаевъ народа и его языка. Послѣдній пунктъ едва ли не самый слабый во всемъ сочиненіи. И это очень понятно, если вспомнить, что немногія скиѳскія слова дошли къ намъ въ греческихъ передѣлкахъ и искаженіяхъ. Свидѣтельству краніоскопіи Бергманнъ отказываетъ во всякомъ самостоятельномъ значеніи, указывая на крайнюю неопредѣленность и неточность ея результатовъ, на постоянное смѣшеніе расъ индо-европейской и финно-татарской въ тѣхъ странахъ, гдѣ жили древніе Скиѳы. Относительно генерическаго названія *Скиѳы*, авторъ (14—17) несомнѣнными историческими доказательствами убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ это имя относили къ различнымъ племенамъ, часто не имѣвшимъ между собою ничего общаго. Такимъ образомъ получаетъ надлежащее объясненіе и то мнѣніе, въ силу котораго Скиѳы оказывались племенемъ финно-татарскимъ [1]).

Переходя къ обозрѣнію содержанія самаго сочиненія, мы должны предварительно замѣтить, что оно составляетъ только начало большого труда о бытѣ племенъ, непосредственно происходящихъ отъ древнихъ Скиѳовъ, каковы, по мнѣнію Бергманна: Геты, Сарматы — и позднѣе племена нѣмецкія и славянскія. Оттого вы не встрѣтите здѣсь никакихъ аналогій и сближеній съ бытомъ другихъ народовъ: видно, что авторъ воздерживался и сберегалъ такой трудъ на будущее время; но русскій рецензентъ не имѣетъ этого права: если мнѣніе справедливо, то оно должно согласоваться и съ послѣдними результатами сравнительно-исторической лингвистики, и мы находимъ невозможнымъ обойти эту связь, уже и потому, что трудъ Бергманна, въ этомъ случаѣ, является крайне неудовлетворительнымъ и имѣетъ видъ отрывочнаго листка изъ исторіи индо-европейскаго

1) Мнѣніе Нибура, нашедшее въ послѣднее время многихъ послѣдователей, изъ которыхъ въ русской литературѣ укажемъ на г. Муральта (Записки Археолог. Общ., т. 5, стр. 205—216 ст. «Скиѳскія древности Имп. Эрмитажа»).

племени. Представить сухое извлеченіе — не трудно, но едва ли не безполезно, если всему этому не будетъ указано надлежащее мѣсто и значеніе, а новое сочиненіе Бергманна вдвойнѣ обязываетъ насъ къ этому, предлагая любопытные матеріалы для сближеній съ нашею стариною, сближеній, быть-можетъ, не безполезныхъ и для науки.

Вмѣстѣ съ Аріями Индіи, Мидіи, Персіи, съ Ассиріянами, Армянами, Кельтами и Греками — Скиѳы принадлежали къ индо-европейскому племени и первоначально обитали въ юго-восточной Азіи.

Можно думать, что въ незапамятную эпоху, которая еще не знаетъ хронологіи, по сѣверной сторонѣ Гималая жило цѣльное племя, хранившее въ себѣ свѣжіе элементы исторической цивилизаціи и прогресса. Но положительная исторія уже не застаетъ этого племени, на ея долю достаются только позднѣйшія его подраздѣленія. Когда и какъ совершались они — это, покамѣстъ, неизвѣстно: сравнительно историческое языкознаніе убѣждаетъ насъ только въ томъ, что они произошли не вдругъ, а постепенно: арійское племя (индо-европейское) сначала должно было раздѣлиться на нѣсколько вѣтвей, которыя, въ свою очередь, испытали дальнѣйшія подраздѣленія. Относительное время и путь, какому слѣдовало это расчлененіе, опредѣляются до нѣкоторой степени сравнительною лингвистикою [1]). Изъ восьми главныхъ языковъ, составляющихъ индо-европейское племя, не всѣ находятся между собою въ одинаковомъ отношеніи и не всѣ равно богаты относительно старины. Положительно извѣстно, что санскритъ и зендъ — сходны между собою ближе всѣхъ другихъ; въ такомъ же отношеніи стоятъ греческій и латинскій, хотя между ними и менѣе сродства. Славянскій, латинскій и нѣмецкій языки — образуютъ одно близкое цѣлое. Языкъ Кельтовъ стоитъ

1) См. ст. Шлейхера: Die ersten Spaltungen des Indogermanischen Urvolkes, въ жур. Шветшке: Allgemeine Monatsschrift für Literatur und Wissenschaft. 1853, стр. 786—787.

совершенно особо. Эта классификація языковъ подтверждается и географическими доказательствами: путь, которому слѣдовало индо-европейское племя по выходѣ изъ прародины, былъ путь съ востока на западъ; чѣмъ ранѣе отдѣлился какой-нибудь народъ изъ общаго источника, тѣмъ западнѣе должно было быть его географическое положеніе, и тѣмъ менѣе языкъ его сохранялъ старины. Таково напр. племя Кельтовъ. Зашедшіе на отдаленный западъ Европы, они должны были отдѣлиться первые— и оттого ихъ языкъ представляетъ такое значительное уклоненіе отъ общаго корня. За ними выселилось предполагаемое племя славяно-германское, позднѣе раздѣлившееся на три вѣтви: славянскую, литовскую и нѣмецкую. Пелазги, давшіе происхожденіе двумъ классическимъ народамъ, должны были въ продолженіе долгаго времени составлять одно цѣлое съ Аріянами (въ тѣсномъ смыслѣ) и наконецъ, отдѣлившись, заняли юго-востокъ Европы. Единственнымъ остаткомъ древняго индо-европейскаго племени (Urvolkes) были Арійцы, въ свою очередь, раздѣлившіеся на Индійцевъ и Персовъ.

Такимъ образомъ Скиѳы Бергманна должны составлять вторую формацію древняго индо-европейскаго племени, начинавшаго распадаться. Истинными Скиѳами онъ считаетъ только четыре племени: Саковъ и Парѳянъ — въ Азіи, Сколотовъ и Сарматовъ — въ Европѣ. Саки (Chakas) — одна изъ могущественныхъ отраслей скиѳскаго племени — упоминаются, по крайней мѣрѣ, за двѣнадцать вѣковъ до нашей эры; законы Мэну помѣщаютъ ихъ между развращенными, проклятыми народами, которые, «оставивъ жертвы и позабывъ браминовъ — низошли въ этомъ мірѣ на послѣднюю степень людей». Въ преданіяхъ другихъ сосѣднихъ народовъ мы находимъ также имя этого племени, а Греки временъ Геродота и Ксенофонта знали уже три отрасли Саковъ: Саковъ Гамургіевъ[1]), Саковъ армянскихъ, Саковъ карійскихъ.

1) Совершенно произвольно толкуется на стр. 9 это имя скиѳскимъ названіемъ рѣки Marhava (слав. Морава?) съ предлогомъ za — zamoravias, т. е. au-

Столь же древне, какъ Саки — было другое племя скиѳское — Парѳы или Парѳяне. По этимологіи Бергманна, не имѣющей, повидимому, никакого основанія — имя это означаетъ *выселенцевъ*, *изгнанниковъ*. Къ Парѳянамъ принадлежали племена, извѣстныя подъ именемъ Давовъ, Массагетовъ и Варковъ.

Большая часть этихъ племенъ оставалась въ Азіи: Саки только подвинулись на востокъ, а Парѳяне на югъ. Время и политическія событія сдѣлали то, что мало по малу они были побѣждены и слились съ другими сильнѣйшими племенами, утративъ свою народность, религію, нравы и языкъ.

Но въ то время, когда Скиѳы азійскіе играютъ такую незначительную роль въ исторіи — отрасли ихъ перешли въ Европу и дали происхожденіе историческимъ народамъ міра. Эти пришельцы были Сарматы и Сколоты, ихъ-то нашъ авторъ считаетъ родоначальниками племенъ славянскаго и нѣмецкаго. Если это справедливо, то первобытная исторія этихъ народовъ освѣщается еще съ одной стороны, до сихъ поръ неизвѣстной наукѣ: слѣдуя лингвистическимъ указаніямъ, мы принимали, что второй слой, отдѣлившійся отъ древняго индо-европейскаго племени, было гадательное племя славяно-германское; теперь для него отыскано генерическое названіе — и сверхъ того, извѣстно, что оно раздѣлилось еще до прихода въ Европу. Восходить ко временамъ болѣе древнимъ, къ общему племени Скиѳовъ, и опредѣлять его отношенія къ индо-европейскому про-племени въ настоящее время еще слишкомъ рано: для этого нѣтъ никакихъ данныхъ [1]), а досужими предположеніями нельзя рѣшать подобныхъ

---

delà de Moravie, что впослѣдствіи будто бы было измѣнено Греками въ Hamurgies (?). Остается неизвѣстнымъ, откуда взято скиѳское слово Marhava? Вообще не къ чести нашего автора должно сказать, что не вездѣ онъ любитъ ссылки на источники, а это лишаетъ его трудъ главнаго ученаго достоинства — достовѣрности!

1) Такъ называемыя скиѳскія клинообразныя надписи до сихъ поръ — предметъ темный и неизвѣстный; но если онѣ и принадлежали Скиѳамъ, то никакъ не Скиѳамъ индо-европейскаго племени. См. А. Куника, О вліяніи иранскаго племени на судьбы семитическихъ народовъ. Ж. М. Н. П. 1856, ч. XC, отд. II, № 5, стр. 95, 133, 134.

вопросовъ. Будемъ пока довольствоваться малымъ и посмотримъ на дальнѣйшее развитіе мысли Бергманна. Близкое родство Скиѳовъ съ племенами славянскими и нѣмецкими, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ ни безсильны относительно этого вопроса лингвистическія соображенія вообще и какъ ни слаба лингвистика нашего автора въ частности — мы не имѣемъ права пройти ее молчаніемъ: тѣмъ болѣе, что между странными [1]), ни на чемъ не основанными сближеніями встрѣчаются и такія, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія. Нѣкоторыя имена народцевъ, входившихъ въ составъ этого великаго племени, несмотря на видимую греческую фонетику, указываютъ на его родственныя связи съ позднѣйшими Славянами и Нѣмцами. Такъ названіе *Варки*, измѣненное позднѣе въ Баркане, Гуркане (откуда Hircania) — необходимо предполагаетъ корень vrk; откуда санскр. *vrkas*, слав. *влькъ*, лит. *wilkas*, готск. *vulfs*, т. е. выражаясь народнымъ славянскимъ именемъ, это — *вильцы*, *волчки*. Замѣчательно, что въ составъ этого племени входили и Дервичи, Derbikkas, о которыхъ говоритъ Плиній и которые напоминаютъ нашихъ *Деревлянъ*, *Дреговичей*. При объясненіи этого названія, Бергманнъ дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно мѣткое сближеніе: онъ указываетъ на корень Derv (греч. drus, санск. druma, слав. дьрево) и сближаетъ его по значенію съ скандинавскимъ *askr*, дубъ, отъ котораго, по преданію, происходитъ родъ человѣческій. Дѣйствительно, принявъ во вниманіе скандинавское названіе божества âs, готское ans предокъ, родоначальникъ, а также и древесный сукъ, бревно [2]) — можно безопасно допустить существованіе у племенъ славянскихъ древняго миѳическаго представленія о происхожденіи людей изъ *дерева*. Остатки его сохранились не только въ языкѣ, въ названіяхъ народцевъ, каковы: *Дервичи*, *Дреговичи*, *Деревляне*, но и въ самой народной

1) Какъ напр. *Каллипиды* сближаются съ польс. chlop; Буд-ины съ сканд. budir, а слѣдов. и славян. буд-овать, оттого — будто они жили въ деревянныхъ избахъ; Гамургіи — съ гадательною Маргавою и мн. др.

2) Grimm's Mythologie, стр. 22.

поэзіи [1]). Отсюда становится понятною несправедливость того поверхностнаго объясненія, въ силу котораго имя *Деревлянъ* ставляли въ зависимость отъ условій лѣсной мѣстности, ими занимаемой, тогда какъ оно прямо указывало на древнѣйшій миѳъ, общій всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ.

Но языкъ — говоря вообще — плохой защитникъ мысли о прямомъ происхожденіи Славянъ и Германцевъ отъ Скиѳовъ, и хотя Бергманнъ и обѣщаетъ намъ (стр. X, XI предисл.) показать постепенное измѣненіе древнѣйшихъ скиѳскихъ словъ въ позднѣйшія нѣмецкія и славянскія, но исполненіе обѣщанія нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ; чувствуя это, онъ почти оставляетъ зыбкую почву лингвистики и обращается къ народному быту, нравамъ, обычаямъ, религіи древнихъ Скиѳовъ, съ намѣреніемъ доказать, что между народностью Скиѳовъ и народностью племенъ славянскихъ существуетъ не только аналогія и сходство, но и *преемственность*, такъ что послѣдняя есть только дальнѣйшій фазисъ развитія первой.

Мы отказываемся до поры до времени судить о справедливости этого предположенія, ожидая обѣщаннаго (стр. XIII) продолженія труда [2]); скажемъ только, что доводы Бергманна не могутъ казаться еще вполнѣ убѣдительными: изо всей книги яснымъ становится только *родство* Скиѳовъ съ Славянами и Германцами, а *не преемственность* ихъ народностей, которая можетъ подлежать и спору и сомнѣніямъ, не лишеннымъ нѣкоторой справедливости. Избѣгая преждевременныхъ заключеній, мы не усомнимся однако послѣдовать за авторомъ въ разсмотрѣніи народности Скиѳовъ; это самая любопытная и самая поучительная

---

1) Буслаева, Рѣчь о народ. поэзіи, стр. 18. Костомарова, Объ истор. знач. русской народной поэзіи, стр. 42—62. Grimm's Myth. стр. 527, 537.

2) Ces analogies entre les ancêtres (les Scythes) et leurs descendants (les Germains et les Slaves) se multiplieront et ressortiront encore davantage quand, dans les deux mémoires, destinés *à compléter* celui-ci, j'aurai retracé également l'état social, moral, intellectuel et religieux, d'abord des Sarmates et des Gètes et ensuite des Germains, des Scandinaves et des Slaves, etc., p. XIII d'avant-propos.

часть его труда: изъ нея становится ясна какъ относительная справедливость гипотезы о происхожденіи Славянъ и Германцевъ отъ Скиѳовъ, такъ и несомнѣнное ихъ родство между собою.

Въ настоящемъ мемуарѣ Бергманнъ говоритъ объ общемъ племени Скиѳовъ до пришествія Сарматовъ и Сколотовъ въ Европу, когда оно жило еще въ своей прародинѣ, въ Средней Азіи.

До прихода въ Европу въ VII вѣкѣ у Скиѳовъ господствовалъ вообще бытъ *кочевой*. Ихъ стада состояли главнымъ образомъ изъ коней, рогатаго скота и козъ. Подобно всѣмъ кочевникамъ, они были *охотники*; оттого и охота, и пастбище выражалось у нихъ однимъ словомъ vaita (сканд. veida, нѣм. Weidmann — *пастухъ* и *звѣроловъ*). Этимъ же словомъ обозначалась и *рыбная ловля* у племенъ, обитавшихъ по берегамъ морей и рѣкъ. Эти мирныя занятія составляли уже, нѣкоторымъ образомъ, переходъ къ быту земледѣльческому: Скиѳы скоро познакомились съ употребленіемъ сохи и плуга.

Переходъ къ земледѣльческому быту освятился въ сознаніи народа особымъ преданіемъ: Скиѳы-земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына солнца (Targitavus, блестящаго диска), который носилъ названіе *kola-ksaïs*, то есть князь колесницы, плуга. Преданіе говоритъ, что онъ одинъ умѣлъ владѣть *сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба*, и когда другіе два брата *Hleipo-ksaïs* (князь-щитъ) и *Arpo-ksaïs* (князь-стрѣла) захотѣли коснуться ея, *то обожгли себѣ руки*. Преданіе это, по мнѣнію Бергманна, выражаетъ собою, что ни Скиѳы-воины, родоначальникомъ которыхъ былъ Hleipo-ksaïs, ни Скиѳы-кочевники, ведшіе свой родъ отъ *Arpo-ksaïs*'а, не могли развить земледѣльческаго быта и *оружіе* предпочитали *сохѣ*. Дѣйствительно, въ этомъ преданіи можно видѣть память объ одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ народной жизни: о переходѣ изъ быта *кочевого* въ земледѣльческій. Слѣды такого преданія не остыли еще и понынѣ: наши земледѣльцы и теперь въ созвѣздіи Оріона

видятъ *плугъ*, символъ земледѣльческаго быта и гражданственности [1]), а сербская пословица говоритъ, что *соха и заступъ хранятъ свѣтъ* (рало и мотика свијет храни) — и тѣмъ указываетъ на связь земледѣльческаго быта съ поклоненіемъ солнцу, одинъ изъ сыновей котораго былъ родоначальникомъ Скиѳовъ-пахарей.

Подобно Славянамъ и Германцамъ, Скиѳы долгое время не знали недвижимой собственности: каждый годъ они дѣлили между собою землю и, снявши жатву, оставляли поле свободнымъ. Скиѳы-охотники и рыбаки питались произведеніями своихъ занятій (Herod. IV, 50, 59), а Скиѳы-земледѣльцы употребляли въ пищу растенія и дикій медъ (Just. II, 2); кочевники же предпочитали всему молоко и мясо своихъ стадъ и въ особенности лошадей. Лошадь была животное, посвященное *солнцу*, поэтому обычай употреблять въ пищу лошадиное мясо стоялъ въ связи съ поклоненіемъ божеству Таргитаву (то есть блестящему диску, солнцу); обычай этотъ удержался отчасти и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ, въ миѳологіи которыхъ *конь* имѣетъ не менѣе важное значеніе.

Скиѳы любили также крѣпкіе напитки: медъ и вино, посвященное богу солнца, носившему на ихъ языкѣ частное названіе *Pak*, *почтенный*, которое г. Бергманнъ сближаетъ въ санскр. bhaga, греч. bakchos, славян. богъ. Ѳракійскіе Геты называли вино словомъ *zeila* (Phot. lex. p. 51), или *zilai* (Hesych. 1, 1585), что́ стоитъ въ видимой связи съ названіями санскр. *hila*, готск. *hails*, сканд. *heill*, верхненѣмецк. *heil*, слав. *зѣліе* по близкому сходству самыхъ понятій.

Одежда Скиѳовъ состояла большею частію изъ звѣриныхъ кожъ, а оружіе составляли лукъ и стрѣлы; вообще они были искусными стрѣлками и особенное искусство въ этомъ отношеніи приписывалось богу солнца — Таргитаву, отцу вождей и всего народа.

---

1) Костомарова, Славянская миѳологія. Кіевъ. 1847, стр. 54—55.

Не имѣя осѣдлости, Скиѳы-кочевники обитали въ подвижныхъ шатрахъ, поставленныхъ на колеса и покрытыхъ сверху кожею. Эти кибитки у Сарматовъ назывались *koli-maga*, то есть домъ на колесахъ. Въ такой *колымагѣ*[1]) помѣщалось обыкновенно цѣлое семейство (taviti), и въ случаѣ нападенія ихъ соединяли вмѣстѣ и составляли *цыпь, украинскій или чешскій таборъ*. У сѣверныхъ Скиѳовъ, гдѣ во время зимы стояли большіе снѣга, крытые шатры ставились на дровни и назывались Sangi, то есть скользящія, русскія сани, санки (Pomp. Mela ad Virg. Georg. I, 164). Оставивъ кочевую жизнь, Скиѳы оставили и свои подвижныя жилища: они научились складывать изъ дерева избы, budes (сравни сканд. budir, слав. буд-овать, буд-ка и т. д.).

Идея *рода, семейства* у Скиѳовъ — такъ же, какъ у Славянъ и Германцевъ — была нераздѣльна съ идеею о жилищѣ подъ однимъ кровомъ. Подвижной очагъ номадовъ, два-три камня, которые они возили съ собою, были символомъ этого единства. Такимъ образомъ, скиѳское названіе очага taviti употреблялось, какъ имя цѣлаго рода или семейства, а отсюда перешло уже и на цѣлый народъ, и такъ явилось гетское teut, скандин. thiod, кельтск. teuta, готское tiud-isk, и новонѣмецкое deut-sch...

Свободные люди составляли такъ называемый народъ: они хотя владѣли имуществомъ, но не въ такой степени, какъ знатные и благородные. У Скиѳовъ-кочевниковъ состояніе считалось не по количеству и величинѣ стадъ, но по числу повозокъ, которыми владѣли. Это потому, что величина стада всегда опредѣлялась количествомъ возовъ: глава одного семейства владѣлъ одною повозкою съ двумя быками и соотвѣтствующимъ числомъ рабовъ и скота (Hipp. 1, § 93). Такой владѣлецъ назывался обыкновенно *восьминогимъ*, по числу ногъ двухъ быковъ. По мѣрѣ увеличенія семейства увеличивалось и число рабовъ, повозокъ и скота. Когда позднѣе Скиѳы-пахари ежегодно дѣлили землю, то

---

1) Лингвистическій разборъ этого слова у Буслаева въ сочиненіи: «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», стр. 52.

участки всегда зависѣли отъ количества возовъ: у Гетовъ же и Скандинавовъ, давно оставившихъ кочевую жизнь и обитавшихъ въ деревянныхъ избахъ, раздѣлъ совершался сообразно величинѣ жилища и его положенію относительно солнца. Здѣсь нельзя не видѣть древнѣйшаго вѣрованія въ солнце въ связи съ правомъ на владѣніе землею, превосходно раскрытаго въ послѣднее время В. Менцелемъ въ его статьѣ: Das altdeutsche Sonnenleben (въ жур. Germania v. Pfeiffer, к. 1). Съ раннихъ временъ у Скиѳовъ является уже царская власть. Существеннымъ ея атрибутомъ былъ щитъ, какъ символъ покровительства, защиты. Царская власть, основанная на мысли о чистотѣ крови и превосходствѣ породы, была если не наслѣдственною, по крайней мѣрѣ всегда сохранялась въ знатнѣйшемъ родѣ. Женщины тоже не исключались изъ этого правила, и многія изъ нихъ, по свидѣтельству Геродота, правили народомъ по смерти своихъ мужей.

Должно, однако, сознаться, что у Скиѳовъ какъ существованіе царской власти, такъ и самаго государства — вопросъ темный и непонятный. Можетъ-быть, это были вожди какого-нибудь отдѣльнаго народа, но никакъ не цѣлаго племени Скиѳовъ, чуждаго государственныхъ элементовъ и централизаціи. Длинные волосы у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ считались признакомъ высокаго, благороднаго происхожденія; то же находимъ мы и у Скиѳовъ (Strobeus, c. 145, p. 432). Между ними существовало также *побратимство*, какъ и между Скандинавами и Славянами: въ вѣка, когда всѣ отношенія опредѣлялись кровными связями, всякая другая привязанность понималась не иначе, какъ въ смыслѣ родства, связей крови. У Скиѳовъ *братьями названными* были особенно воины и существовалъ даже особый символическій обрядъ *побратимства*: два воина смѣшивали вино съ собственною кровью и каждый изъ нихъ пилъ оттуда. Этотъ обычай имѣлъ еще свою силу въ средніе вѣка: у Скандинавовъ смѣшеніемъ крови противниковъ заключалась дружба, примиреніе; отвѣдавъ крови другого, человѣкъ становился его *кровнымъ*

братомъ. То же находимъ мы и у Арабовъ[1]). Только по совершеніи такого обряда Скиѳы могли оказать помощь чужеземцу; но чтобы окончательно сдѣлаться членомъ семейства и принимать участіе въ домашнемъ богослуженіи, онъ долженъ былъ совершить другой символическій обрядъ: *ступить ногою на кожу священнаго быка* — и тогда получалъ полныя права родственника. Позднѣе у племенъ нѣмецкихъ этотъ обрядъ нѣсколько измѣнился: мѣсто *кожи* занимаетъ *обувь*: глава семейства убивалъ трехлѣтняго быка и изъ кожи правой ноги дѣлалъ обувь, которую потомъ передавалъ своему наслѣднику или другу. Этимъ обрядомъ скрѣплялось ихъ взаимное родство и связь (Bundschuh); остатки его сохранились и у племенъ славянскихъ въ обычаѣ *разуванія*, который могъ означать и *покорность* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *родство*[2]).

Гостепріимство стояло въ связи съ чисто-семейнымъ, кровнымъ взглядомъ на отношенія: чужеземецъ пользовался имъ только потому, что, сидя у священнаго очага, онъ былъ тѣмъ же членомъ семейства, и всѣ *родственники* были обязаны кормить и защищать его. Въ равной мѣрѣ понятія о правдѣ и справедливости вытекали изъ тѣхъ же естественныхъ кровныхъ отношеній: месть за обиду какому-нибудь члену рода вмѣнялась въ обязанность каждому его родственнику. Если лицо, нанесшее обиду, принадлежало къ *той же крови*, что и обиженный, ихъ судили въ присутствіи цѣлаго племени на чистомъ воздухѣ, предъ лицомъ свѣтлаго Таргитава (солнца) и его символа—щита; тутъ же находился и мечъ, представлявшій верховное божество. Это былъ своего рода поединокъ или *судебное поле*.

Въ пользу умственныхъ способностей Скиѳовъ свидѣтель-

---

1) См. K. Weinhold, Altnordisches Leben. B. 1856, стр. 288 г. Chassan, Essai sur la symbolique du droit. Paris. 1844, p. 129.

2) Chassan, ouv. cité, p. 159—161 и Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, p. 155. Мы должны провѣрить цитату г. Бергманна, потому что она является у него не вполнѣ ясною и понятною.

ствуетъ уже и то, что Аѳиняне предпочитали скиѳскихъ педагоговъ (dahves) всѣмъ прочимъ.

Очень рано начали Скиѳы производить торговлю, и уже въ VI вѣкѣ до нашей эры они соперничали съ Финикіянами въ добываніи янтаря на Балтикѣ. Промышленность, напротивъ, не имѣла у нихъ такого развитія, какъ у другихъ народовъ древности: они производили только предметы своей необходимости, каковы оружіе, повозки, земледѣльческія и домашнія орудія. Изъ металловъ, если вѣрить свидѣтельству Геродота, Скиѳамъ были только извѣстны золото и мѣдь. Изобрѣтеніе искусства ковать приписывалось миѳическому лицу *Лидусу* (готск. liuds, искусный), предшественнику скандинавскаго Волундра и миѳическаго ковача славянскихъ народныхъ сказокъ.

Какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, поэзія у Скиѳовъ была неразлучна съ музыкой: въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры пѣвцы скиѳскаго племени Агатурсовъ были въ одно и то же время и *поэтами*, и *жрецами*, и *посланниками* у чуждыхъ племенъ (Athen. XIV, 24). Эта связь, повидимому, разнородныхъ понятій прямо указываетъ на простоту умственныхъ и нравственныхъ интересовъ народа, еще незнакомаго съ цивилизаціею. Дѣйствительно, судьбы скиѳскаго племени совершались въ такъ-называемый доисторическій періодъ, когда жизнь народа, заключенная въ форму обычая и преданія, питалась еще своими внутренними соками и въ преданіяхъ родной старины находила полное удовлетвореніе своихъ нравственныхъ потребностей. Отъ этого далекаго времени исторія почти не доноситъ намъ событій, какими она бываетъ богата съ тѣхъ поръ, какъ народъ твердою ногою выступаетъ на широкую сцену столкновеній съ другими историческими племенами; вмѣсто отдѣльныхъ лицъ здѣсь выступаютъ густыя народныя массы съ своими завѣтными убѣжденіями, освященными стариной и преданіемъ. Въ этотъ, если можно такъ выразиться, эпическій періодъ жизни главнымъ дѣйствующимъ органомъ является религія. Изъ нея исходятъ всѣ коренныя убѣжденія народа, выражающіяся въ его поэзіи, пре-

даніяхъ, обычаяхъ; наивное чувство дикаря обращается къ этому источнику всякій разъ, когда вниманіе его тревожитъ какой-нибудь вопросъ, или какое-нибудь явленіе, объяснить которое онъ не можетъ. И до тѣхъ поръ, пока это простодушное вѣрованіе еще не смущается возникающей цивилизаціею и наукою, пока не запало въ душу сомнѣніе — религія народа всегда вѣрна его нравственнымъ интересамъ и его духовной природѣ. Въ эпическій періодъ народъ такъ тѣсно связанъ съ своими религіозными убѣжденіями, что говорить о немъ и не обращать вниманія на его миѳологію — можетъ развѣ естествоиспытатель, дорожащій однимъ наружнымъ признакомъ. Историкъ не имѣетъ этого права: въ народной миѳологіи выразился весь народъ, вся его жизнь и вся его исторія, если исторія существовала во времена доисторическія. Поэтому обстоятельное изслѣдованіе народной миѳологіи должно стать во главу каждаго этнологическаго труда. Этому вопросу Бергманнъ посвящаетъ 2-ю часть своего мемуара (стр. 31—74). Номады или пастухи-Скиѳы боготворили *небо*, какъ существо живое, одаренное высшею силою. Небесныя свѣтила вначалѣ были только украшенія этого зооморфическаго божества, носившаго названіе *Дива*, то есть Зевса, блестящаго (отъ *div* — блестѣть, санскр. *Dians*, греч. *Zeus* чрезъ *Difs*, латинск. Deus и славянск. дѣва-я, дивъ). Это небо, *этотъ скиѳскій Зевсъ* ниспосылалъ дожди, оплодотворялъ землю и потому считался мужемъ *земли* (Аріа); отъ него вели происхожденіе боги, герои, всѣ люди вообще и племена скиѳскія въ особенности: оттого на ихъ языкѣ онъ носилъ эпитетъ *pappaios* (Her. 4, 59), который Бергманнъ сближаетъ съ греческ. pappos, арм. pap, славянск. умен. папа, что́ значитъ предокъ, родоначальникъ, дѣдъ; подобно тому, какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ Русичи называются *внуками* Даждь-Бога. Скиѳскій Зевсъ былъ также богомъ-воителемъ (сканд. Одиномъ), его символомъ былъ *мечъ*, воткнутый въ землю передъ судившимъ (сравни въ *Судѣ Любуши*: «Mec criudu caraiucí»). Воинственный предводитель — Зевсъ былъ вмѣстѣ и богъ-громовержецъ, очиститель земли — *Pirchunis*, нашъ Пе-

рунъ: простодушное народное вѣрованіе сближало войну съ грозою, такъ что даже въ природѣ сканд. Одина легко отличить еще многія черты его предшественника — Тора.

Поклоненіе скиѳскому *Диву*, небу, какъ верховному божеству, составляетъ древнѣйшій періодъ миѳологическаго процесса въ сознаніи индо-европейскаго племени. Это періодъ поклоненія *уранической Зевсу* или *вѣчно ходящему небу*.

На ряду съ поклоненіемъ небу существовало поклоненіе землѣ. Если справедлива этимологія Бергманна [1]), то въ скиѳскомъ названіи земли — *Apia* (островъ, земля, вышедшая изъ воды) сохранилось одно изъ древнѣйшихъ космогоническихъ воспоминаній индо-европейскаго племени: *о выходѣ твердой земли изъ моря*. Апія (земля) считалась женою Дива (неба), матерью боговъ и людей [2]): отъ нихъ, по преданію, произошло Солнце (Targitavus, блестящій дискъ), отецъ народа скиѳскаго. Съ распространеніемъ земледѣлія *Апія* получила названіе *aviatha*, т. е. *взоранная*, *вспаханная*, и вскорѣ потомъ представленіе о ней окончательно измѣнилось: именемъ ея обозначали не вообще землю, но только землю сырую, влажную, островъ, а у Гетовъ мы находимъ даже совершенно иное названіе iördh — земля.

Переходимъ къ другимъ божествамъ скиѳской миѳологіи. *Солнце* — *Svalius* (*Targitavus*, *Vaitashurus*) вначалѣ не имѣло значенія отдѣльнаго, самостоятельнаго божества и разсматривалось какъ необходимая часть *Неба* (*Divus*), оттого названіе его филологически тождественно съ названіемъ неба: санскр. *svar*, *sur*, свѣтить — (*Svarga*, слав. *сварогъ*), греч. *Seirios*, готск. *sauil*, литов. *saule*, сарм. *kols*, сканд. *hjul*, *sôl* и нак. славян. *слънце*. Позднѣе Солнце, какъ божество, получаетъ самостоятельное значеніе: Скиѳы представляли его подъ видомъ разныхъ животныхъ и въ

---

1) Сравни народный русскій эпитетъ: «мать сыра земля» и скандинавское преданіе о миѳической коровѣ (gô, jy — земля) Аудумблѣ, отъ которой пошелъ родъ боговъ и людей.

2) Apia, греч. Aia, евр. Avi, гетск.-Avia, какъ Scandin-avia, сканд. ey, швед. ö—островъ. Bergmann, p. 34.

особенности свѣтлаго коня, который быстро пробѣгаетъ небесныя пространства, ниспосылая на землю свѣтъ и теплоту изъ своихъ глазъ, ноздрей, свѣтоносной гривы и хвоста. Массагеты называли его *божествомъ быстрѣйшимъ изъ всѣхъ* (Herod. 1, 216), и всѣ Скиѳы, какъ и Индійцы, Персы, Лакедемоняне приносили ему въ жертву коня. Ему были посвящены тѣ бѣлые кони, которые содержались въ Скиѳіи на тучныхъ пастбищахъ по берегамъ озера Гипаниса (Her. IV, 52). Такое священное значеніе коня у Скиѳовъ находитъ полное подтвержденіе въ преданіяхъ и миѳическихъ обрядахъ племенъ славянскихъ: стоитъ только вспомнить Свѣтовита арконскаго и его бѣлаго коня, содержавшагося въ храмѣ у Славянъ балтійскихъ. Изъ божества зооморфическаго солнце съ теченіемъ времени приняло антропоморфическія формы и сдѣлалось богомъ-покровителемъ стадъ и охоты — *Vaitashurus* (oitoskurus, по Герод.) охотникъ: vaita—охота, пастбище, и shurus — быстрый, народ. рус. *суръ* (см. Древн. Россійс. Стих. Кирши Дан. 271); другое названіе его было *Targitavus*, т. е. блестящій дискъ (скиѳ. tavus *divus* — отъ *div* блестѣть); въ сущности и *Vaitashurus* и *Targitavus* были одно и то же божество подъ различными именами: Vaitashurus, по мнѣнію Бергманна, ближе подходитъ къ греческому Аполлону, отважному воину, представителю физической силы солнца; а Targitavus — стоитъ въ связи съ греческимъ Геркулесомъ. Вотъ почему Скиѳы-Эллины давали Таргитаву имя Геркулеса (Schol. ad Theocr. 13, 56; Tzétzès ad Luk. 50).

По миѳическому преданію Скиѳовъ *солнце* (Targitavus, Vaitashurus) было сыномъ *неба* (Divus) и *земли* (Apia). Отсюда *солнце* получило названіе *Svalius*, т. е. происшедшій отъ неба, блестящій (санскр. Sourias, откуда Svarias или Svalias, іонійское haelios). Это скиѳское названіе *Svalius* Скиѳы-Греки передавали словомъ *Saulios*, и Геродотъ говоритъ, что таково было имя одного скиѳскаго царя, брата Анахарсиса. По славянскому народному преданію, сохранившемуся въ древнемъ переводѣ византійскаго лѣ-

тописца Малалы [1]), *Солнце*, *Дажьбогъ также было сыномъ Сварога*, т. е. неба. Названіе *Svalius* нисколько не противорѣчитъ лингвистическому тожеству, о которомъ мы говорили выше, а скорѣе еще подкрѣпляетъ его, будучи, очевидно, того же самаго корня: *сур*, свѣтить. Отъ *Солнца*, по скиѳскому преданію, родилось три сына героя: *Hleipoksais* — щитъ-герой, *Arpo-ksais* — витязь-стрѣла, и *Kolo-ksais* — соха-герой. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ родоначальникомъ Скиѳовъ-пахарей; два первые брата дали происхожденіе другимъ скиѳскимъ племенамъ-кочевникамъ и воинамъ. Чрезъ своихъ сыновей *солнце* считается дѣдомъ, родоначальникомъ скиѳскаго племени, подобно тому, какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ *Руссичи* называются *внуками* Дажь-Бога, т. е. *солнца*. Останавливаясь на позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ этого сказанія, Бергманнъ дѣлаетъ догадку, заслуживающую, по нашему мнѣнію, серіознаго вниманія: она касается значенія имени *Славянъ*, которое до сихъ поръ не объяснено надлежащимъ образомъ. Принявъ за фактъ, что Скиѳы считали себя потомками солнца, и что они положили происхожденіе Славянамъ, Бергманнъ въ послѣднемъ имени видитъ воспоминаніе о происхожденіи отъ солнца, и ради этого допускаетъ слѣдующую перестановку плавныхъ буквъ: *Svalius* отъ *Sval*, а отсюда *Slav* — Славян-инъ, т. е. происходящій отъ солнца. То же самое преданіе онъ видитъ и у племенъ нѣмецкихъ, которыя говорили, что *Tiviskus*, *Tiusko*, т. е. сынъ *Неба* (tiu, скиѳск. *Divus*) и *Земли* былъ отцомъ Манна и чрезъ него — всего племени нѣмецкаго. Воздерживаясь отъ преждевременнаго заключенія, мы позволили себѣ только замѣтить, что мнѣніе Бергманна о происхожденіи имени Славянъ не противорѣчитъ ни лингвистическимъ даннымъ, ни древнѣйшему религіозному сознанію этого племени, гдѣ поклоненіе солнцу имѣло такое широкое распространеніе [2]). Какъ богъ

1) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, издан. Оболенскимъ. М. 1851 г., XXII, XXIII предисловія.

2) Примѣры подобной перестановки въ языкѣ не рѣдки: ладонь, долонь, длань; монастырь, намастырь; медвѣдь, вѣдмедь и мн. другихъ. См. также ст.

солнца, родоначальникъ скиѳскаго племени, Таргитавъ былъ *защитникомъ народа* (Tavit-varas). У ѳракійскихъ Гетовъ онъ носилъ имя *Skalmo-ksais*, *Zalmoxis*, т. е. герой въ шкурѣ, потому что, какъ разсказываетъ преданіе, еще будучи ребенкомъ, онъ убилъ медвѣдя и одѣлся въ его кожу. Сродство его съ скандинавскимъ Одиномъ въ послѣднее время осязательно доказано Вольфгангомъ Менцелемъ [1]). Свойства и атрибуты Солнца, божества Скиѳовъ, съ теченіемъ времени осложнились и увеличились у ихъ потомковъ, и такимъ образомъ появились многія божества, которыя вначалѣ были не иное что, какъ только свойства скиѳскаго Солнца. Таковы, по мнѣнію Бергманна, славянскія: Бѣлъ-богъ (?) Свѣтовитъ, Радегастъ, Волосъ; Арминъ, Фоль, Твиско — у Нѣмцевъ; Бальдеръ, Годуръ, Фрейръ и мног. друг. — у Скандинавовъ.

Сестрою и супругою солнца была *луна*, носившая то же названіе, что́ и солнце, только въ женской формѣ *vaitashura* (oitoskura по Геродоту).

И луна и солнце въ понятіяхъ Скиѳовъ — существа оплодотворяющія; потому *Artimpasa* [2]), антропоморфическое божество луны, была вмѣстѣ и божествомъ *рожденія*, плода; извѣстіе Геродота (1, 216) о существованіи у Скиѳовъ-номадовъ священной проституціи, вѣроятно, должно отнести къ древнѣйшему культу Артимпасы; но уже въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. поклоненіе лунѣ, какъ божеству *рожденія* и *физическаго производства*, теряетъ свой живой, природный характеръ: вліяніе Артемиды киммерійской и индійскаго аскетизма, соединяютъ въ культѣ Артимпасы двѣ противоположности: оставаясь покровительни-

---

Срезневскаго: *Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 7.

1) Menzel, Odin. Star. 1855. p. 7—8.

2) Относительно самаго слова Бергманнъ полагаетъ, что оно состоитъ изъ прилагат. *artin* (благородный, ср. санскр arthin, гом. artheins, древне, верхне-нѣм. artin), происходящаго отъ *art* и женск. существ. *pats* господинъ, женщина; так. образомъ *Artimpasa* будетъ значить *благородная женщина, госпожа*, p. 41.

цею физической любви и брака, она, въ то же время, становится божествомъ воздержанія и чистоты въ восточномъ смыслѣ. Такое смѣшеніе двухъ представленій есть явленіе относительно позднѣйшее: въ началѣ Скиѳы чуждались аскетизма и у нихъ существовало даже преданіе, что Артимпаса, въ гнѣвѣ за святотатственное оскорбленіе храма *небесной Афродиты* въ Аскалонѣ — *наказала* ихъ племя неспособностію къ физической любви.

Кромѣ *неба* и *земли*, *солнца* и *луны* — предметомъ, непосредственно касавшимся человѣка, былъ *огонь*. Огонь впервые положилъ рѣзкую границу между человѣкомъ и животнымъ; но земной огонь только слабый отблескъ, незначительная часть *огня небеснаго*, т. е. солнца и молніи. Чистый и священный — *небесный* огонь сознавался существомъ мужеской сплы (санскр. agni, лат. ignis); огонь земной, напротивъ, заключалъ въ себѣ элементы женскіе: онъ былъ *дочерью* солнца или молніи.

Божество огня у Скиѳовъ называлось *Табити* (Tabiti—Her. IV, 59), *сожженная* (отъ санск. tava блестѣть, tapati). Съ понятіемъ *огня* у народовъ первобытныхъ соединяется понятіе объ исключительной собственности, принадлежности: только членъ семейства или рода пользовался домашнимъ очагомъ и участвовалъ въ домашнемъ жертвоприношеніи. *Очагъ*, съ которымъ связывалось представленіе о *семьѣ*, сталъ символомъ *рода*, *семьи*, *жилища*, потому что семья всегда живетъ подъ однимъ кровомъ. И такъ какъ въ естественномъ бытѣ родовое начало составляетъ главную скрѣпляющую связь племенъ, то именемъ *очага* (taviti) называлось и племя, а потомъ даже и цѣлый народъ. Такимъ образомъ объясняетъ Бергманнъ народное названіе племенъ нѣмецкихъ: скиѳск. *taviti* — огонь, очагъ, семья; кельт. *teuta* — племя; готск. *thioth*, *theuth* — также племя; скапд. *thiodh*; древневерхненѣм. *diot* — цѣлый народъ. Отсюда становится яснымъ значеніе *огня*, какъ божества, защитника домашняго крова, семьи, племени и народа.

Скиѳы-номады не имѣли постояннаго жилища и ихъ *очагъ*

состоялъ изъ нѣсколькихъ камней, которые они вездѣ возили съ собою. Этотъ *подвижной* домашній *очагъ* имѣлъ священное значеніе и былъ неприкосновененъ, какъ символъ семьи и какъ мѣсто для общественныхъ жертвоприношеній богамъ. Царь былъ отцомъ и начальникомъ великой семьи, цѣлаго племени или народа, его *очагъ* имѣлъ общественное значеніе и клятва царскимъ *очагомъ* была у Скиѳовъ самою торжественною и великою клятвою, подобно тому, какъ у Грековъ и Римлянъ клятва *Гестіей* или *Вестой*, божествомъ *очага*. Оттого преступившій такую клятву у Скиѳовъ считался клятвопреступникомъ противъ самаго божества Тавити, и верховный представитель народа несъ на себѣ всю тяжесть подобнаго преступленія до поры, пока найдется виновный (Herod. IV, 68). Въ качествѣ покровительницы семьи, Тавити носила названіе *царицы Скиѳовъ* (Herod. IV, 127), какъ и отецъ ея Таргитавъ былъ *защитникомъ народа*. Съ теченіемъ времени измѣнился и характеръ древнѣйшаго скиѳскаго поклоненія божеству огня; если славянская и литовская миѳологіи еще обнаруживаютъ явные слѣды этого культа, то имя *Тавити* совершенно исчезло и сохранилось только у племенъ нѣмецкихъ, и то въ отвлеченномъ названіи *народа* (*theut*, *theut-hisk* — происходящій отъ Тевта). Поклоненіе такъ называемымъ стихіямъ также имѣло свое мѣсто въ миѳологіи Скиѳовъ: существо двуполое *Rinda* (*Plin.*, Hist. natur. 6, 7), имя которой Бергманнъ возводитъ въ мужес. форму *Vrindus*, считалось божествомъ воднымъ; въ немъ преобладала женская природа, и вотъ почему Скиѳы называли источники или озера *матерями рѣкъ* (Herod. IV, 52). Какъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ вода имѣла значеніе очистительное, плодотворное, такъ и у Скиѳовъ водное божество стояло въ связи съ идеею плодородія земли и людей. Этимъ могутъ быть объяснены многіе народные славянскіе обряды и обычаи, относящіеся преимущественно къ браку и записанные на первыхъ страницахъ нашихъ историческихъ памятниковъ, каковы: *умычка у воды*, *бракосочетаніе чрезъ*

плесканіе водою и м. др. [1]). Замѣчательно, что между позднѣйшими названіями воднаго божества встрѣчается и имя *вилы* (Vili), можетъ быть, указывающее на свою связь съ миѳическимъ существомъ того же имени у Сербовъ. Дальнѣйшая исторія этого божества у Славянъ и Скандинавовъ является въ сочиненіи Бергманна въ гадательной и едва ли правдоподобной формѣ: онъ изобрѣтаетъ даже какое-то славянское божество *Nirdus'a* и заставляетъ его переходить въ Скандинавію подъ формою *Niördur'a*. Не отрицая связи скиѳскаго *Vrindus'a* съ скандинавскими божествами моря, охоты, каковы *Niördur* и *Skadi*, мы не можемъ, однако, принять на вѣру гаданія автора относительно значенія этого божества у Славянъ, и это по весьма простой причинѣ: по недостатку положительныхъ основаній, не замѣнимыхъ никакимъ остроуміемъ и лингвистическими натяжками [2]).

Страшное для первобытныхъ младенческихъ народовъ — море носило у Скиѳовъ миѳологическое названіе *Thami-masa-das*, *страшный*, *ужасный*. У Массагетовъ была даже царица *Тамирисъ*, т. е. дочь страшнаго океана (ассир. Семирамисъ), существо миѳологическаго происхожденія. Океанъ у Скиѳовъ считался хранителемъ мудрости, и его названіе по сходству впечатлѣнія (Thami) имѣло почти однозначущій смыслъ съ опьяняющимъ напиткомъ медомъ (санскр. *madhu*, греч. *mathu*, сканд. *miödr*), съ которымъ въ древности соединяли понятіе о высшей мудрости, дарѣ предвѣдѣнія и поэзіи. Поэтому и скиѳское названіе океана *Masa-das* (зендск. *Maz-doo*) означаетъ *много-сіяющій*, *много-вѣдущій*, *вѣщій*. Позднѣе названіе *thami* измѣнилось у племенъ нѣмецкихъ въ *tomi* готск. (наше *темный*, *мрачный*) или *Sami* сканд. (океанъ, мрачный, ужасный, напр. *Самогитія*—

---

1) См. Срезневскаго, Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Спб. 1848, стр. 21—23.

2) На такія предположенія Бергманнъ, вѣроятно, былъ вызванъ тѣмъ, что сканд. Niördr, отецъ Фрея и Фреи, были боги *Ваны*, т. е. Венды, славянскаго происхожденія; но славян. происхожденіе Вановъ — вопросъ далеко еще не рѣшенный!

морская Гетія, *sam-leitr*, мрачный ликъ); самый эпитетъ *Masadas*, *многовѣдущій* получилъ неблагопріятное значеніе колдуна.

Скиѳы обыкновенно употребляли имя высшаго божества для обозначенія идеи божества вообще. Такъ Парѳы и Сарматы поклонялись преимущественно *солнцу*, которому они придавали эпитетъ *Рак*, *почтенный* (сравни санскр. *bhagas*, пер. *baga*, греч. *bakchos*, фриг. *bagaios* и слав. *Богъ*), и князья Парѳянъ назывались *Pak-pur* (ср. сканд. burr — сынъ), что̀ въ началѣ значило *сынъ солнца*, *почтеннаго*, но послѣ получило болѣе общій смыслъ *сыновъ бога*.

Все это божества болѣе или менѣе свѣтлыя, добродѣющія; но у Скиѳовъ сохранилась память и о древнѣйшемъ поколѣніи божествъ характера враждебнаго человѣку и свѣтлымъ божествамъ. Они были олицетвореніемъ губительныхъ силъ природы и въ образѣ сухихъ жгучихъ вѣтровъ *пожирали*, какъ говорили тогда, *плодоносящія* облака, собранныя небеснымъ богомъ Перуномъ (Pirchunis). Эти божества демоническія — были Турсы и Іотуны. Имя скиѳскаго царя *Ithan-thursos* (Iust.) показываетъ, что Турсы и Іотуны скандинавской миѳологіи были извѣстны подъ такимъ же именемъ и въ миѳологіи Скиѳовъ. Слѣды молніи, видимые еще во время Геродота (IV, 82) въ Скиѳіи на берегахъ Тира, были, безъ сомнѣнія, памятниками страшной борьбы скиѳскаго Перуна съ враждебными Турсами и Іотунами. Въ скандинавской миѳологіи характеръ Турсовъ и Іотуновъ долженъ былъ измѣниться сообразно съ природою страны.

Индо-европейское племя вѣрило, что родственники по смерти становились *защитниками*, *покровителями семьи*; потому Индусы давали душамъ усопшихъ названіе *pitaras*, *отцы*, предки, а въ простомъ русскомъ народѣ покойники до сихъ поръ называются *родителями*. Души усопшихъ представлялись живыми существами въ образѣ дѣтей. Таковы скиѳскіе *kvarkes* (Lucian), перешедшіе потомъ въ готск. *dvairgs*, сканд. *dvergr*, нѣмец. *zwerg*, карликъ. Эти души усопшихъ отцовъ были защитниками-покровителями *семьи и родного крова*, а потомъ и цѣлаго пле-

мени, — представленіе, какъ нельзя полнѣе согласующееся и съ преданіями славянскихъ племенъ, гдѣ души усопшихъ, въ видѣ карликовъ, оказываютъ то же загробное покровительство своимъ родственникамъ и домашнему *очагу* [1]).

Молитва и общественное богослуженіе Скиѳовъ совершалось у родного очага въ кругу семьи или рода, глава котораго былъ вмѣстѣ и жрецъ. Цари и начальники цѣлаго племени въ своей особѣ соединяли и обязанность верховнаго жреца: они отвѣчали за всѣ общественныя бѣдствія, какимъ подвергался народъ, и нерѣдко сами подвергались смерти; на нихъ падала также вина за преступленіе противъ религіи, совершенное какимъ-нибудь подданнымъ: божество Тавити ниспосылало на нихъ тогда болѣзнь и скорбь. Царь былъ блюстителемъ чистоты и неприкосновенности религіи; тамъ же, гдѣ царская власть была въ рукахъ женщины, общественное богослуженіе совершалось самой царицею; при ней находились дѣвы, обязанность которыхъ заключалась въ исполненіи жертвоприношеній, почему онѣ и носили названіе *мужезаклятельницъ* (скиѳ. viro-pata, санскр. vîra-badhâs).

У Скиѳовъ были свои волхвы и пророки (les inspirés): они слыли за людей, любимыхъ божествомъ, и народъ приписывалъ имъ сверхъестественное воодушевленіе и имъ повиновался. Таковы были Энары (Enâres), покровительствуемые божествомъ Артимпасою.

У Гетовъ дакійскихъ они жили въ строгомъ воздержаніи и носили названіе *благословенныхъ* (гет. Plêthtas; Herod. Pleistoï). Ихъ поклоненіе преимущественно было обращено къ божеству солнца, почему и самое солнце носило наименованіе Pleistôros (Pleistvaras, Herod. IX, 119). На народъ эти люди имѣли сильное вліяніе: начальники племенъ приближали ихъ къ себѣ для укрѣпленія своей власти и они были ихъ совѣтниками и сопра-

1) См. письмо пр. Буслаева къ г. Соловьеву, стр. 21—22; ст. Аѳанасьева: «Дѣдушка домовой» въ Архивѣ Калачова, 1, VI, стр. 16 и слѣд. Ibidem ст. Буслаева, от. IV, стр. 38—44.

вителями. Таковъ, напримѣръ, былъ гетскій волхвъ *Зальмоксисъ* (Strabon 7, 3, 5). Онъ обиталъ въ странѣ дикой и покрытой ущельями. Гора и рѣка, вблизи которыхъ находилось жилище этого человѣка, слыли *святыми* и носили названіе *Ko-gaiones* (Kô-gavium — мѣсто коровъ). Зальмоксисъ не имѣлъ сношенія ни съ кѣмъ: ни съ царемъ, ни съ его слугами. Историки древности упоминаютъ еще о нѣкоторыхъ подобныхъ волхвахъ у Гетовъ.

Священныя гаданія у Скиѳовъ были трехъ родовъ: первый способъ состоялъ въ томъ, что волхвы, Энары, брали липовый лубокъ или кожицу и ею обертывали пальцы съ цѣлью произвести извѣстнаго рода дѣйствія; второй способъ употреблялся обыкновенно по жертвоприношеніи: собирали жертвенную кровь въ священный сосудъ и предсказывали событія по ея цвѣту и испаренію. Такой сосудъ, *священный котелъ*, имѣли обыкновеніе ставить на *перекресткахъ*, посвященныхъ богу солнца (Her. IV, 81), и съ этимъ, можетъ-быть, стоитъ въ связи свидѣтельство Нестора, что Вятичи, еще въ его время, сожигали мертвеца и, собравши кости, влагали ихъ въ малую посудину и ставили ихъ на столбѣ на путехъ. (Лавр. Тимк. р. 8). Гаданіе посредствомъ *рунъ*, палочекъ, былъ способъ самый употребительный у Скиѳовъ. По расположенію такихъ палочекъ или стрѣлъ предугадывали будущее и давали отвѣты. Всякій разъ, когда у Скиѳовъ занемогалъ царь, думали, что причиною этого была чья-нибудь ложная клятва и призывали, по обычаю, трехъ гадателей, которые должны были отыскать виновнаго. Если ихъ показанія согласовались съ показаніями другихъ трехъ—лицо, на которое указывали, объявлялось виновнымъ и приносилось въ жертву божеству Тавити, а имущество его раздѣлялось между гадателями. Когда же показанія не согласовались, то приносились въ жертву самые гадатели со всѣмъ своимъ мужескимъ потомствомъ за то, что они оскорбили чистоту божества; ихъ сожигали на колесницѣ, запряженной быками (Herod. IV, 69). Въ скандинавской миѳологіи, Асы убили гадательницу изъ Вановъ и

сожгли ее три раза, потому, что подозрѣвали ее въ троекратной лжи.

Гаданіе посредствомъ палочекъ, рунъ, еще долго существовало потомъ у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ; у послѣднихъ оно не осталось и безъ вліянія на образованіе письменности, извѣстной подъ именемъ глаголицы.

Какъ не было у Скиѳовъ развитаго общественнаго богослуженія, такъ не существовало и храмовъ. Подъ открытымъ небомъ стоялъ большой жертвенный столъ изъ дерева или камня, возлѣ него находился *мечъ*, *воткнутый* въ землю, символъ верховнаго божества войны; на этомъ столѣ обыкновенно приносилась жертва. Если племя кочевало долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, такой жертвенникъ окружался рвомъ и частоколомъ; а самое *городище* считалось священнымъ и въ немъ хранились священные предметы и имущество божества. У Скиѳовъ понтійскихъ такое имущество состояло изъ золотого плуга, золотого ярма, чаши и золотого воинскаго топора (Herod. IV, 5). Всѣ эти священныя вещи, по преданію, упали съ неба и владѣніе ими присвоивалось исключительно царской власти, потому что царь былъ вмѣстѣ и верховнымъ жрецомъ, первосвященникомъ народа. Такъ миѳъ говоритъ, что Глейпоксайсъ и Арпоксайсъ уступилъ престолъ своему брату Колоксаису, когда онъ сдѣлался обладателемъ этого сокровища (ibid.). Въ извѣстный день въ году священныя вещи показывались народу и одинъ изъ рабовъ оставался на стражѣ въ продолженіе ночи; обыкновенно къ утру онъ исчезалъ, неизвѣстно куда, подобно тѣмъ рабамъ, которые, по свидѣтельству Тацита, присутствовали при религіозномъ празднествѣ богини Нерты.

Вѣроятно, эта древнѣйшая форма скиѳскихъ храмовъ была не иное что, какъ *городища* племенъ славянскихъ и нѣмецкихъ; у послѣднихъ даже находимъ то же *священное сокровище*, что́ и у Скиѳовъ, и того же раба-сторожа (Tacit. Ger. 43).

Съ развитіемъ религіознаго культа Скиѳовъ и Гетовъ, надъ символомъ верховнаго божества (т. е. надъ мечомъ) явился

шатеръ, сдѣланный изъ кожъ и плетня, и самый жертвенникъ закрывался отъ взоровъ непосвященныхъ: у Скандинавовъ вначалѣ храмы состояли изъ простыхъ шатровъ (Hlêthro).

Опредѣленные праздники, когда, по понятіямъ народа, божество нисходило на землю и навѣщало людей, сопровождались у Скиѳовъ жертвоприношеніями. Ими достойно встрѣчалось божество. Общественныя жертвоприношенія совершались цѣлымъ племенемъ, а частныя — только извѣстною семьею или родомъ. Пиршества были нераздѣльны съ возліяніями, носившими тоже священный характеръ (Inst. Luc. Toxaris, 43). Въ необыкновенныхъ случаяхъ жертвы были кровавыя: каждому божеству приносились въ жертву животныя, исключительно ему посвященныя; такъ *солнцу* жертвовались *бѣлые кони*. Способъ жертвоприношенія у Скиѳовъ состоялъ *въ удавленіи*: они не любили проливать крови (Herod. IV, 60, 71, 72). Впослѣдствіи у Гетовъ и Скандинавовъ находимъ употребленіе въ этомъ случаѣ меча. Кровь жертвы, какъ было сказано выше, собиралась въ сосудъ и по ней совершались гаданья и предвѣщанія будущаго. Убитую жертву клали въ котелъ или прямо жарили на огнѣ, на который бросались и кости животнаго. Когда мясо было изжарено, избирали лучшую часть для божества и сожигали ее, или вѣшали на деревьяхъ святилища этого божества, или наконецъ — отдавали жрецамъ и священнослужителямъ. Другая половина жертвы шла на пиршество народу. Такъ какъ Скиѳы и ихъ потомки любили употребленіе горячихъ напитковъ, то такія религіозныя пиршества перешли потомъ въ оргіи и попойки. Они обыкновенно происходили въ большой годовой праздникъ зимняго солнцестоянія или праздникъ *солнца* (*коля-да* слав., *hiuþ* сканд.); здѣсь употреблялось вино въ такомъ неумѣренномъ количествѣ, что Греки, желая выразить глаголъ *напиваться*, употребляли иносказательное выраженіе: *пить какъ Скиѳъ* (Arist. Probl. III, 7; Anacr. od. 55; Herod. IV, 66). Въ пиршествахъ, какъ и у Скандинавовъ, принимали участіе и женщины (Strab. XI, 5, 8; Plato, de legib. 1, c. 9). Эта страсть къ употребленію горячихъ

напитковъ, можетъ-быть находившаяся въ нѣкоторой зависимости и отъ свойствъ самаго климата, перешла и къ потомкамъ Скиѳовъ: Германцамъ и особенно Славянамъ. Благородные Скиѳы пили при такихъ случаяхъ въ память умершихъ предковъ и притомъ изъ черепа убитаго врага. Приводить славянскія аналогіи послѣднему — нѣтъ никакой надобности: онѣ слишкомъ извѣстны каждому; относительно же *питья въ память предковъ* слѣдуетъ вспомнить только наши поминки, очевидно восходящія своимъ началомъ ко временамъ язычества: Несторъ не только упоминаетъ о тризнахъ надъ могилою усопшаго, но подробно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ Ольга, *переполвъ* Древлянъ на могилѣ Игоря, приказала своимъ отрокамъ *пити на ня*, а дружинѣ умертвить ихъ (Лавр. стр. 29). Приносились въ жертву божеству также и люди, обыкновенно плѣнники. Такое событіе случалось во время важныхъ народныхъ празднествъ. (Herod. 1, 216; Mela 2, 1; Solin. 15, 2, 3). Изъ ста плѣнниковъ жребіемъ избирался одинъ, на него смотрѣли не только какъ на будущаго служителя бога *войны*, которому онъ обрекался въ жертву, но и какъ на посланника, имѣющаго передать ему мольбы и желанія цѣлаго племени. Во время празднества, предшествующаго жертвоприношенію, обреченный пользовался всѣми правами *благороднаго* и даже — царя; остальные плѣнники также предавались въ это время всякаго рода удовольствіямъ. *Задушивъ* жертву, отрѣзывали руку, державшую мечъ (т. е. правую), и бросали ее на воздухъ, означая тѣмъ, что она приносилась исключительно божеству *неба* и *воздуха*. Нѣкоторая часть крови убитаго смѣшивалась съ мясомъ животныхъ, назначеннымъ для религіознаго пиршества (Herod. IV, 26), а потому чужеземцы и греческіе историки думали, что Скиѳы были людоѣды и употребляли въ пищу человѣческое мясо (Plin. H. N. VII, 2). Такіе обряды мы встрѣчаемъ въ древности почти у всѣхъ языческихъ народовъ: у Кельтовъ, Гетовъ, Германцевъ и Славянъ. Такая смерть не считалась позорною; напротивъ, на нее смотрѣли, какъ на благодѣяніе, какое оказывали человѣку, доставляя ему непо-

средственный доступъ къ божеству; оттого многіе добровольно обрекали себя божеству и или приносились въ жертву цѣлымъ народомъ и семьею, или убивали сами себя. Такъ поступали обыкновенно старики у Скиѳовъ и въ Скандинавіи (Plin. H. N. IV, 12), почему Массагеты и Дервичи и прослыли у Грековъ, какъ люди, приносящіе въ жертву старцевъ.

Смерть посредствомъ петли имѣла также религіозный смыслъ: на деревьяхъ вѣшали жертву, посвященную божеству, и самый актъ не заключалъ въ себѣ ничего постыднаго: скандинавскій герой Гаддингъ, обрекая себя Одину, *повѣсился* на деревѣ въ глазахъ толпы людей, собравшихся присутствовать при такомъ *религіозномъ* дѣйствіи.

Свидѣтельства не говорятъ намъ о существованіи у Скиѳовъ древнѣйшаго погребальнаго обряда, состоявшаго въ томъ, что мертвеца пускали на лодкѣ въ открытое море; можетъ-быть, этому противорѣчила самая мѣстность, глѣ жили нѣкоторыя племена, мѣстность, лишенная моря; но если принять за данное, что Скиѳы — родоначальники Славянъ и Германцевъ, то должно допустить, что такой обрядъ у нихъ существовалъ встарину, тѣмъ болѣе, что ясные слѣды его до сихъ поръ сохраняются въ языкѣ и преданіяхъ индо-европейскаго племени.

Положительно извѣстно существованіе у Скиѳовъ трехъ родовъ погребенія: или мертвое тѣло вѣшали на деревѣ въ честь божества *неба*, или его сожигали на кострѣ въ честь *огня*— Тавити, или, наконецъ, зарывали въ *землю*, т. е. посвящали божеству земли — Апіи. Очевидно, что самое погребеніе имѣло смыслъ священнаго обряда по отношенію къ божеству. Древнѣйшимъ способомъ погребенія Бергманнъ считаетъ первый; сожженіе явилось позднѣе, и еще позднѣе возникло зарываніе въ землю или *погребеніе* въ собственномъ смыслѣ. Погребальные обряды сопровождались *причитаніями* и *тризною*, а трауръ выражался въ томъ, что обрѣзывали волосы. По совершеніи обряда всѣ, сопровождавшіе мертвеца, очищались и окуривали себя дымомъ сѣмянъ льна и конопли (Herod. IV, 75).

Когда умиралъ царь, въ могилу съ нимъ вмѣстѣ опускали къ нему людей, его лошадь и нѣкоторые изъ драгоцѣнныхъ предметовъ, а надъ могилою насыпали высокій холмъ; чрезъ годъ убивали еще пятьдесятъ рабовъ или слугъ царскихъ и, укрѣпивъ ихъ тѣла на пятидесяти лошадиныхъ чучелахъ, располагали вокругъ могилы, чтобы защитить царскій прахъ отъ враждебныхъ дѣйствій злыхъ духовъ и отъ руки святотатцевъ (Herod. IV, 71). Всѣ эти обряды удержались въ главныхъ чертахъ и у потомковъ Скиѳовъ. Таковъ, напримѣръ, обычай *сожженія* у Скандинавовъ и Славянъ, и позднѣе *погребеніе*, распространявшееся у нихъ же вмѣстѣ съ распространеніемъ земледѣльческаго осѣдлаго быта.

Скиѳы вѣрили также въ будущую жизнь, по крайней мѣрѣ это положительно можно сказать о Скиѳахъ понтійскихъ и Гетахъ. О волхвѣ Зальмоксисѣ разсказывали даже цѣлое преданіе: какую хитрость употребилъ онъ, чтобы заставить Гетовъ повѣрить въ будущую жизнь (Herod. 4, 94). Но это преданіе, по нашему мнѣнію, слишкомъ поздняго и притомъ не народнаго происхожденія, чтобы на немъ слѣдовало долго останавливаться. Замѣтимъ только, что у всѣхъ народовъ древности, у всѣхъ народовъ, составлявшихъ индо-европейское племя, вѣрованіе въ будущую жизнь составляло одну изъ существенныхъ частей народной миѳологіи. И эта вѣра не была слишкомъ груба: вѣрили въ стихійное существованіе по смерти, и только восточная развращенная фантазія могла примириться съ существованіемъ догмата о загробной жизни человѣка mit Haare und Haut.

Таково содержаніе любопытнаго мемуара Бергманна. Не принадлежа къ сочиненіямъ, двигающимъ науку впередъ, онъ однако имѣетъ полное право на наше вниманіе. Будущія изслѣдованія и открытія покажутъ, до какой степени справедлива главная мысль о происхожденіи Славянъ и Германцевъ отъ Скиѳовъ, но доисторическое родство ихъ, и родство близкое не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и становится фактомъ.

Чрезвычайно трудно нарисовать полную картину жизни на-

рода по двумъ, тремъ отрывочнымъ, глухимъ и часто противорѣчащимъ извѣстіямъ. Бергманнъ сдѣлалъ первый опытъ, и опытъ, надобно признаться, не совсѣмъ неудачный. «Лѣтописи русской литературы и древности» не имѣютъ права отказать ему во вниманіи уже и потому, что онъ во многомъ касается родной старины и объясняетъ ее.

Но не надобно забывать, что сочиненіе Бергманна есть только начало большого труда о Гетахъ и Сарматахъ, о племенахъ германскихъ и славянскихъ. Въ ожиданіи скораго появленія ихъ и мы рѣшились представить только краткій отчетъ, сохраняя на будущее время право подробнаго разсмотрѣнія и критическаго обсужденія такого въ высшей степени интереснаго и важнаго въ исторіи индо-европейскаго племени вопроса, каковъ вопросъ о Скиѳахъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ предкахъ Славянъ и Германцевъ.

Опытъ исторической грамматики русскаго языка.

Состав. Ѳ. Буслаевымъ. Двѣ части. Москва. 1858(9).

1859.

Трудъ г. Буслаева засталъ насъ среди очень серьёзныхъ опасеній: вѣроятно, не всѣ еще успѣли позабыть любопытную грамматическую распрю г. Греча съ авторомъ «Общесравнительной грамматики русскаго языка» И. И. Давыдовымъ. Несмотря на нѣкоторую *вынужденную обстоятелствами* кротость, отзывъ стараго практическаго грамматика былъ рѣшителенъ, а побѣда несомнѣнна. Казалось, самъ философъ позналъ величія предѣлъ и былъ серіозно растроганъ: сначала онъ возражалъ и проливалъ слезы о *маститомъ*, какъ онъ тогда выражался, грамматикѣ (то-есть г. Гречѣ), доводилъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что — «чтобы не отстать отъ науки, надобно учиться

и учиться непрестанно», испрашивалъ милосердія ближнихъ, ссылаясь на декабрьскую книгу «малыхъ Четіихъ-Миней», а потомъ замолкъ, и не принималъ никакого участія въ борьбѣ, въ то время, когда г. Гречъ, подкрѣпившись г. Кс. Полевымъ, побѣдоносно накладывалъ новыя заплаты на свою старую грамматическую хламиду. Вскорѣ и *сей* рыцарь не по лѣтамъ замолкъ и опочилъ на стяжанныхъ имъ лаврахъ. Дѣло, повидимому, окончилось.... Но каково же было наше изумленіе, когда, чрезъ нѣсколько времени, на страницахъ одного ученаго изданія, мы прочли, что *для пользы* (!) *и руководства* учащихся[1]) «*Общесравнительная* грамматика» должна сдѣлаться *общепонятною*, то-есть необходимо сдѣлать изъ нея *извлеченіе*, что́ и принимаетъ на себя ея авторъ. Не наше дѣло судить о возможности успѣха въ такомъ предпріятіи; но самое намѣреніе насъ привело въ ужасъ и заставило серіозно опасаться за умственное развитіе тѣхъ несчастныхъ, кому придется изучать русскую грамоту по таковымъ *общесравнительнымъ* мытарствамъ.... Въ грустномъ колебаніи между страхомъ и надеждою, что авось да мимо идетъ еще чаша сія, насъ засталъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» г. Буслаева, и на насъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ, мы вздохнули свободнѣе и порадовались за русскую литературу и за русскую педагогію, которой еще такъ недавно угрожало нашествіе *двадесяти общесравнительныхъ языкъ*. Намъ кажется теперь оно уже невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, до того неприличнымъ, что всякій непремѣнно повернется къ нему спиною....

Правильная и подробная оцѣнка грамматическаго труда г. Буслаева можетъ быть сдѣлана только впослѣдствіи, когда плоды его окажутся достаточно для всѣхъ осязательными; въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе не столько на мелочи и на частности, сколько на методъ и удачное примѣненіе его къ русскому языку. Этимъ, по нашему убѣжденію, лучше

1) Извѣстія втораго отдѣленія Академіи Наукъ. Т. 6, стр. 5.

всего можетъ опредѣлиться достоинство труда г. Буслаева: то, чѣмъ онъ обязанъ своимъ предшественникамъ и что́ принадлежитъ собственно ему одному. Короче сказать, мы хотимъ разсмотрѣть опытъ г. Буслаева въ связи съ развитіемъ науки о языкѣ на Западѣ и въ нашемъ отечествѣ.

«Я васъ прошу — писалъ Гёте къ гр. Уварову — я васъ прошу, и, въ случаѣ необходимости, я требую отъ васъ обѣщанія: не ввѣрять никому изъ нѣмцевъ исправленія вашихъ (нѣмецкихъ) сочиненій. Навѣрно, это отыметъ у нихъ именно то, что́ составляетъ ихъ особое достоинство въ моихъ глазахъ, и придастъ имъ много такихъ достоинствъ, о которыхъ я вовсе не забочусь. Пользуйтесь мирно всею огромною выгодою вашего невѣдѣнія *правилъ* нѣмецкой грамматики: вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я стараюсь позабыть ее!»

Полстолѣтіе придало много смысла этимъ словамъ перваго знатока нѣмецкой рѣчи! До конца прошлаго вѣка, наука о языкѣ находилась въ очень незавидномъ положеніи. Классическіе филологи скромно ограничивались изученіемъ рукописныхъ варіантовъ въ произведеніяхъ писателей древности и не шли далѣе такъ-называемой практической грамматики, имѣвшей цѣлью научить правильно говорить и писать на языкахъ греческомъ или римскомъ. «Для *филолога* языкъ былъ только средствомъ къ познанію древней литературы. Онъ изучалъ грамматику не для того, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ этимологическомъ составѣ каждой грамматической формы, а для того единственно, чтобъ удобнѣе и скорѣе достигнуть практической цѣли, состоящей въ ясномъ пониманіи классическихъ писателей и въ умѣніи правильно выражаться изустно и письменно на языкѣ этихъ писателей. Грамматики въ смыслѣ науки онъ не понималъ; она была для него только искусствомъ правильно говорить и писать»[1]). Общее направленіе литературы и образованности средневѣковой Европы не позволило языкознанію стать на родную почву и, ограничивъ

1) Буслаевъ. Опытъ I, пред. 1 и 2.

его латинскою стилистикою, стѣснило весь его объемъ въ узкія рамы книжнаго употребленія. Несмотря на то, что грамматическое изученіе довольно рано коснулось національнаго языка, прежняя схоластическая схема удержала свои права и выродилась, наконецъ, въ цѣлую, довольно послѣдовательную, доктрину, слѣды которой не совершенно исчезли еще и понынѣ. Въ такомъ примѣненіи филологическаго метода къ изученію родного языка заключалась большая ошибка: по справедливому замѣчанію г. Буслаева, «отношеніе учащихся къ чужому и къ родному языку — не одинаково»: въ первомъ случаѣ ему должно, въ полномъ смыслѣ этого слова, *научиться употребленію языка* затѣмъ, чтобы понимать произведенія, на немъ написанныя, а во второмъ — съ колыбели практически знакомый съ языкомъ, онъ только приводитъ къ сознанію то, что̀ употребляетъ дотолѣ безсознательно. Практическіе филологи, воспитанные на схоластической грамматикѣ, не могли этого понять и очень серіозно преподавали правила правильнаго употребленія родного языка такимъ ученикамъ, которые, быть-можетъ, говорили гораздо правильнѣе своихъ наставниковъ.... Оттого самая грамматика наскучила всѣмъ отъ мала до велика: на нее смотрѣли какъ на пустую, безполезную игру, запугивающую дѣтское воображеніе отвлеченными логическими категоріями и предлагающую пустую, отвлеченную схему вмѣсто живого знанія. Пустой формализмъ старинной практической грамматики былъ рѣшительно противоположенъ живой, чувственной и многосторонней воспріимчивости дѣтей: прибѣгая исключительно къ мнемоническому методу вытверживанія наизусть, онъ развивалъ память въ ущербъ другимъ умственнымъ способностямъ, и, можетъ-быть, не малая доля историческаго тупоумія находитъ себѣ объясненіе во вліяніи этой *грамматической дрессировки!* Такого рода направленіе господствовало въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка въ Германіи; представителями его были двое извѣстныхъ ученыхъ того времени: Готшедъ и Аделунгъ. Несмотря на довольно близкое знакомство съ памятниками готскаго и древне-нѣмецкаго

языковъ, они не извлекли изъ этого знанія никакой существенной пользы: имъ обоимъ недоставало историческаго смысла; оттого они не поняли ни историческаго движенія языка, ни того преимущества, какое имѣлъ старинный языкъ предъ новымъ; по ихъ понятіямъ, вторая четверть прошлаго вѣка была золотою эпохою нѣмецкой литературы и языка, эпохою, предъ которою всѣ памятники древней литературы оказывались грубыми и необразованными по содержанію и по языку. Съ самоувѣренностью, говоритъ В. Гриммъ, выступила тогда грамматика подъ начальствомъ Готшеда, и думала поставить языкъ на ноги; но, не имѣя основанія въ историческомъ изслѣдованіи и навязывая языку законы мелкаго разсудка, она не могла попасть на истинную дорогу. Такое зданіе было непрочно: подчиненный произволу, языкъ получалъ однообразіе и кажущуюся прочность, но внутренняя живость въ немъ исчезала.

Такъ-называемая общая или философская грамматика, появившаяся еще въ концѣ прошлаго вѣка, внесла живой элементъ въ однообразную, схоластическую область грамматики; ея произвольныя, тощія правила съ тѣхъ поръ утратили всякій кредитъ, ученики ея вышли изъ повиновенія и требовали уже *разумной основы* и въ мысляхъ, и въ построеніи самаго языка; даже и техника доктрины не ушла отъ нападокъ, когда сдѣлалось яснымъ, что она относится только къ двумъ классическимъ языкамъ, уже умершимъ, и не можетъ быть примѣнима къ языкамъ живымъ[1]). Но, при всемъ томъ, философская грамматика была крайне односторонняя и обѣщала болѣе, чѣмъ могла дать: она хотѣла a priori, безъ отчетливаго изученія огромнаго матеріала, построить цѣлую *разумную* грамматическую систему, и само собою разумѣется, могла построить одну пустую форму, безъ

1) Кому покажется наше мнѣніе о значеніи философской грамматики конца прошлаго вѣка преувеличеннымъ, того мы отсылаемъ къ статьѣ извѣстнаго Потта, о сравнительной грамматикѣ Боппа, въ «Hallische Jahrbücher». 1838. №№ 54, 55 и слѣд. Авторитетомъ этого извѣстнаго лингвиста мы скрѣпляемъ, въ этомъ случаѣ, наше мнѣніе.

внутренняго содержанія и жизни. Нѣкоторое вліяніе этой философской системы мы увидимъ позднѣе, при разборѣ мнѣнія Беккера и его школы.

Въ то же время, если еще не ранѣе, развилось и направленіе *сравнительное*, и здѣсь успѣхъ не соотвѣтствовалъ усиліямъ и ожиданіямъ. Вмѣстѣ съ небольшою долею вѣрныхъ сближеній, въ науку вошло столько лжи и произвола, что сдѣлалось невозможнымъ положить между ними различіе. Самые выводы и общія заключенія ни къ чему не вели и ничего вѣрнаго не говорили: изъ голыхъ сравненій словъ можно было только заключать о сродствѣ языковъ, но ни степень этого сродства, ни его причина не находили надлежащаго объясненія. Лингвисты обыкновенно отправлялись отъ положеній, заранѣе принятыхъ на вѣру и ни на чемъ не основанныхъ, каково, напр., положеніе о существованіи *праязыка*, котораго искали то въ еврейскомъ, то въ египетскомъ, китайскомъ, скиѳскомъ, кельтскомъ и даже фламандскомъ. Лингвистическія доказательства сводились къ тому, чтобы подтвердить такое напередъ сложившееся мнѣніе, что́ и оказывалось весьма не труднымъ, при совершенномъ произволѣ въ сближеніяхъ. Вообще языковѣды прошлаго вѣка мало заботились о томъ, чтобы путемъ историческаго анализа вывести прочные законы развитія языка, для нихъ не существовало правильности въ переходѣ звуковъ и значенія словъ, и каждое слово у нихъ оказывалось способнымъ ко всевозможнымъ растяженіямъ и измѣненіямъ. Говоря правду, иначе и быть не могло при отсутствіи основательнаго знакомства съ историческими памятниками языковъ и при несуществованіи прочнаго критеріума, на который бы можно было опереться, потому что изъ языковъ не европейскихъ изучались только тѣ, которые стояли въ связи съ текстомъ Ветхаго Завѣта!

Наконецъ, послѣ долгихъ неудачъ, для сравнительнаго языкознанія выдалась счастливая минута: владычество англичанъ въ Остъ-Индіи повело къ открытію, что древнѣйшая литература индусовъ носитъ на себѣ неопровержимые знаки *первобыт-*

ной[1]) красоты и совершенства. По счастливому обстоятельству, нѣкоторые изъ англичанъ познакомились и усвоили себѣ выработанную систему древней санскритской грамматики. Эта грамматика образовалась совершенно независимо отъ эллинскаго образованія, и даже гораздо ранѣе его, потому что уже въ 3-мъ вѣкѣ до Рождества Христова мы встрѣчаемъ полную грамматическую систему санскрита (Панини, Віака́рана), гдѣ тщательно отдѣлено все, что́ относится къ флексіямъ и производству словъ, отъ собственныхъ корней. Такого рода познанія были принесены въ Европу англичанами, и лингвисты узнали древнѣйшій языкъ, съ которымъ стоятъ въ ближайшей связи всѣ индо-европейскія нарѣчія Европы и Азіи. Это открытіе составляетъ поворотную точку въ языкознаніи. Въ санскритѣ мы имѣемъ тотъ живой отпечатокъ древнѣйшаго языка, которому обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ индо-европейскія нарѣчія; если и они сохраняютъ въ себѣ много первобытныхъ свойствъ, объясняющихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый санскритъ, то все же онъ занимаетъ первое мѣсто по богатству корней, полнотѣ флексій и способности къ образованію словъ. Въ санскритѣ открывался ключъ къ разъясненію всей обширной области индо-европейскихъ языковъ; потому что здѣсь уже не могло быть мѣста тѣмъ недалекимъ и нехитрымъ сближеніямъ, какими пробавлялись лингвисты прошлаго вѣка: поразительное сходство его съ языками европейскими уже не находило объясненія ни въ заимствованіи, ни въ историческомъ вліяніи одного народа на другой, оставалось только принять за несомнѣнную истину родство племенное. Вопросъ о *праязыкѣ*, отъ котораго пошли всѣ другія нарѣчія, также устранился самъ собою, за неимѣніемъ прочной точки опоры: признать за этотъ языкъ санскритъ было невозможно уже и потому, что

1) При этомъ словѣ, считаемъ нужнымъ, въ отстраненіе недоразумѣній, оговориться: намъ болѣе, чѣмъ кому-либо, чужда *противоестественная* идея первобытнаго совершенства, и мы употребили это названіе лишь потому, что желали имъ выразить степень свѣжести и красоты, какою невольно поражаютъ читателя эпическія произведенія первобытныхъ младенческихъ народовъ.

онъ, какъ мы сказали, самъ былъ не свободенъ отъ нѣкоторой позднѣйшей испорченности, и находилъ свое полное объясненіе только въ сравненіи и связи съ прочими родственными языками: съ зендомъ, греческимъ, латинскимъ, кельтскимъ, нѣмецкимъ и славянскимъ, между которыми онъ былъ старѣйшимъ по своей первобытной чистотѣ и органической правильности строя.

Оставивъ безплодную мысль о первобытномъ языкѣ, лингвисты, однако, остановились на санскритѣ, и приняли его за исходный пунктъ при своихъ сравнительныхъ сближеніяхъ. Отсюда, прежде всего, долженъ былъ измѣниться самый сравнительный методъ. Необходимость его была давно уже признана и тѣмъ живѣе чувствовалась, чѣмъ глубже шло убѣжденіе, что безъ него нельзя ни опредѣлить сродства и соотношенія различныхъ языковъ, ни понять первоначальнаго значенія словъ и тѣхъ внутреннихъ законовъ, какимъ слѣдуютъ языки въ своемъ образованіи и развитіи. Сравнительная этимологія теперь перестала быть дѣломъ прихоти и произвола: языковѣды не смотрѣли уже на нее лишь какъ на средство для подтвержденія заранѣе принятыхъ убѣжденій, иногда составившихся помимо всякаго знакомства съ фактами, путемъ однихъ темныхъ внушеній. Поэтому, прежде, чѣмъ дѣлать общія заключенія, выводить законы, лингвисты озаботились основательнымъ изученіемъ матеріала; тогда сдѣлалось яснымъ, что всѣ родственные языки прежде всего бываютъ сходны въ числительныхъ и мѣстоименіяхъ, а иногда и въ образованіи падежей и глагольныхъ флексій. Изъ сравнительнаго анализа этихъ частей рѣчи опредѣлились отношенія и законы перехода звуковъ въ различныхъ языкахъ, явилась возможность почти съ математическою точностью узнать, какіе элементы родственныхъ языковъ должны соотвѣтствовать извѣстному элементу въ санскритѣ, и, такимъ образомъ, прежнія сравнительныя сближенія по одному пустому созвучію должны были уступить осторожной лингвистикѣ, основанной на прочныхъ законахъ перехода звуковъ. Конечно, это совершилось не вдругъ, и въ исторіи сравнительнаго языкознанія можно замѣтить нѣ-

сколько измѣненій. На первой порѣ изумительнаго открытія о сродствѣ языковъ, о чемъ прежде едва подозрѣвали, само собою разумѣется, изслѣдователи должны были перейти границы настоящей, правильной точки зрѣнія: съ жадностью лингвисты бросились на огромное количество матеріала, стремясь сперва взять его съ боя, овладѣть имъ и оставить на время всякіе выводы и заключенія. Такое направленіе обнаруживается всего яснѣе въ первыхъ трудахъ Бенфея и Потта (Etymologische Forschungen, 2 т.). Скоро наука пошла впередъ. Боппова «Сравнительная грамматика» съ выходомъ въ свѣтъ постепенно расширяла кругъ своего ученія: сначала она ограничивалась только санскритомъ, зендомъ, греческимъ, латинскимъ, литовскимъ, готскимъ и нѣмецкимъ языками, а потомъ, въ послѣдующихъ выпускахъ являются: славянскій, древне-персидскій и армянскій. Съ пятаго выпуска Боппъ принимаетъ во вниманіе и ударенія. Въ другихъ своихъ трудахъ Боппъ назначаетъ также и кельтскому, и осетинскому мѣсто въ кругѣ языковъ индо-европейскихъ.

Но при всемъ томъ, методъ изслѣдованія все еще не имѣлъ бы той безукоризненной точности и правильности, при которой бываютъ невозможны всякаго рода гаданія, если бы этому недостатку не помогли: съ одной стороны — классическая филологія, съ другой — исторія, или вѣрнѣе историческій методъ. Курціусъ, одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ классической филологіи, справедливо замѣчаетъ, что сравнительное языкознаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, едва ли было бы возможно безъ тщательныхъ трудовъ по грамматикѣ классическихъ языковъ: безъ Аристарха, Геродіана, Бутмана, Лобека[1]). Однако, вначалѣ, новая наука долго не получала должнаго признанія и была встрѣчена насмѣшками филологовъ,

1) Kurtius. «Die Sprachvergleichung in ihrem Verhältniss zur classischen Philologie». B. 1848. И его же статью въ «Allgemeine Monatsschrift für Wissenschaft». 1853. Heft 1.

воспитавшихся на строгомъ изученіи языка образцовыхъ писателей древности; они съ неудовольствіемъ встрѣчали этимологическія сближенія лингвистовъ, видя въ нихъ посягательство на честь науки, приносившей не малую пользу при чтеніи древнихъ текстовъ. Но когда изъ тумана миѳическихъ сказаній и темнаго преданія мало-по-малу выступила старая Италія, какъ *новая* земля, тогда и филологи должны были поступиться и признать нѣкоторое значеніе сравнительнаго языкознанія: препираніе о *санскритистахъ* (то есть о людяхъ, которые, по понятіямъ классическихъ филологовъ, все выводили изъ Индіи) утихало, и филологи начинали уже признавать важность изслѣдованія корней; наконецъ Готфридъ Германъ, старѣйшій и основательнѣйшій изъ филологовъ, къ удивленію своихъ учениковъ, въ одной изъ академическихъ программъ сравнилъ греческое ἐστί съ санскр. asti, а Лобекъ объявилъ, что, если бы онъ былъ помоложе, онъ непремѣнно началъ бы учиться санскритскому языку. Съ тѣхъ поръ почти исчезаетъ старинное презрѣніе классическихъ филологовъ. Такіе авторитеты, какъ К. О. Мюллеръ и Ав. Бэкъ, благородно подняли свой голосъ въ пользу новой науки: «Классическая филологія — по словамъ перваго — должна теперь или вовсе отвергнуть историческое значеніе развитія языковъ и пользу изслѣдованія корней словъ и грамматическихъ формъ, или же вполнѣ вѣрить во всемъ, что́ касается этихъ предметовъ, указаніямъ и объясненіямъ сравнительной филологіи». Почти то же самое говоритъ и Ав. Бэкъ, прибавляя, что «при современномъ состояніи языковѣдѣнія грамматика классическихъ языковъ не можетъ уже обойтись безъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ» [1]).

Своимъ прочнымъ, испытующимъ методомъ классическая филологія много помогла успѣхамъ сравнительнаго языкознанія, но еще болѣе способствовалъ имъ *методъ историческій*. Разраба-

1) Мы приводимъ слова Гримма по переводу г. Буслаева, въ его сочиненіи: «О преподаваніи отечественнаго языка». М. 44, ч. I-я, стр. 4—5.

тываемое исключительно съ сравнительной точки зрѣнія, языкознаніе встрѣчало много затрудненій и не могло достигнуть желаемаго успѣха: съ теченіемъ времени языкъ измѣняется иногда до того, что бываетъ чрезвычайно трудно отыскать первичную форму или корень какого-нибудь слова; безъ вниманія къ историческому ходу этихъ измѣненій, сравнительная филологія непремѣнно смѣшаетъ позднѣйшее съ древнѣйшимъ, будучи не въ силахъ отдѣлить испорченныя формы языка отъ нормальныхъ, какими обыкновенно бываютъ старинныя; ибо языкъ, какъ мы будемъ имѣть случай еще замѣтить, чѣмъ древнѣе, тѣмъ гибче, свѣжѣе и совершеннѣе. Только путемъ историческаго анализа отдѣльныхъ языковъ по письменнымъ памятникамъ возможно возстановленіе древнѣйшихъ формъ языка, а эти-то формы и должны быть приняты за исходныя точки при сравнительныхъ сближеніяхъ. Такимъ образомъ, языкознаніе изъ сравнительнаго дѣлается *сравнительно-историческимъ*. Имя создателя историческаго языкознанія по всей справедливости остается за Як. Гриммомъ. Въ то время, когда сухое руководство грамматики Аделунга выходило уже шестымъ изданіемъ, появилась нѣмецкая грамматика Гримма (1819), и многіе не могли понять и надивиться, почему въ *нѣмецкую* грамматику входятъ и *готскій* и *древне-* и *средне-верхненѣмецкіе* языки. Геніальный грамматистъ предвидѣлъ это и потому счелъ нужнымъ предварительно объясниться. Мы приводимъ здѣсь[1]) эту блестящую, мѣткую характеристику стараго и новаго филологическаго метода, потому что никто лучше Як. Гримма не сумѣлъ опредѣлить отличительныя черты и противоположности того и другого. «Цѣль филолога (говоритъ онъ) достигнута, если онъ мало-по-малу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и составъ, что свободно можетъ употреблять его,

1) См. «Рѣчь Бёка о филологіи вообще и ея отношеніяхъ къ настоящему», напеч. въ «Deutsches Museum», 1851, стр. 39.

какъ собственное, врожденное достояніе, въ разговорѣ и чтеніи памятниковъ литературы отжившей. Содержаніе и форма взаимно условливаются другъ другомъ, такъ что съ возрастаніемъ уразумѣнія рѣчи и поэзіи богатѣетъ и содержаніе для грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, со взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богаторазнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая грамматика преимущественное вниманіе обращаетъ на синтаксисъ, котораго нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхожденіи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученіи объ образованіи словъ занимается она не столько обнаженіемъ корней, сколько производствомъ и сложеніемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведеніямъ литературы, и не охотно распространяются на области языка, не обработанныя искусствомъ и запущенныя. Все грамматическое изученіе неукоснительно служитъ критикѣ словесныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣль. Другой родъ изученія, лингвистическій, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ и цѣломъ выраженіи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и открывать въ немъ законы, наблюдать не то, что̀ на немъ выражается, а то, что̀ живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученіе можно назвать членоразлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ членовъ, и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее законы изъ сближенія цѣлыхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако сродныхъ и между

собою соприкасающихся. Это изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необразованномъ, даже грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукѣ и флексіяхъ, и въ гораздо меньшей мѣрѣ занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія прилагаетъ свои правила къ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно, изумляетъ множествомъ открытыхъ и извлеченныхъ корней изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію: онъ легко можетъ разсѣяться и послѣдовательные выводы возводятъ иногда на такую крутую высоту, съ которой какъ разъ упадетъ, кто легко спутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивахъ филологіи, ограниченныхъ и огороженныхъ, удается сравнительному языкоученію единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается отъ надежнаго основанія. Въ органическомъ языкѣ нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ глубоко коренящагося закона, нѣтъ исключеній, которыя, основательно понятыя, не подходили бы подъ правило. Все дѣло въ томъ, чтобъ дать первенство закону передъ неправильностію и правилу передъ исключеніемъ». Не надобно забывать, что это написано еще въ 19 году, когда учебникъ Аделунга достигъ уже 6-го изданія, а новая наука едва только зачиналась въ лицѣ молодого Боппа, прилежно изучавшаго индусскіе тексты въ Парижѣ и Лондонѣ! Свою книгу Гриммъ посвятилъ главѣ исторической школы — Савиньи, желая, конечно, этимъ выразить ея направленіе. «За 600 лѣтъ до насъ— говорилъ онъ — каждый простой крестьянинъ зналъ и практически употреблялъ нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ, о которомъ и не снится современнымъ нѣмецкимъ грамматистамъ: въ стихахъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха, Германа фонъ-Ауэ, которые никогда не слыхали ни склоненій, ни спряженій и, можетъ-быть, едва умѣли читать и писать — въ этихъ стихахъ мы еще живо чувствуемъ различіе въ существительномъ и глаголѣ, и съ такою

чистотою и положительностью въ склоненіяхъ и приставкахъ, какую мы можемъ открыть только теперь путемъ ученаго изслѣдованія». Это мнѣніе нашло въ «нѣмецкой грамматикѣ» свое полное оправданіе и приложеніе. Съ той поры исчезли странныя мнѣнія о грубости и несовершенствѣ древняго языка: историческое изслѣдованіе отдѣльныхъ языковъ легло въ основу языкознанія, и этимъ методомъ счастливо устранились всѣ недостатки, какіе дотолѣ встрѣчала наука, разрабатываемая единственно съ сравнительной точки зрѣнія. Самый существенный и важный законъ, открытый Яковомъ Гриммомъ въ языкѣ, былъ законъ такъ-называемаго *перебоя звуковъ* (Lautverschiebung); ему-то сравнительное языкознаніе и обязано устраненіемъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ сближеній. Какъ въ постепенномъ усовершенствованіи выпусковъ «Сравнительной Грамматики» Боппа можно прослѣдить всю исторію сравнительнаго языкознанія, такъ въ нѣмецкой грамматикѣ Гримма можно видѣть исторію сравнительно-исторической грамматики: въ первомъ томѣ сравнительный элементъ является еще чрезвычайно слабымъ, и растетъ по мѣрѣ выхода въ свѣтъ остальныхъ частей и усовершенствованія самой науки. Такимъ тяжелымъ и громаднымъ грамматическимъ трудомъ Як. Гриммъ готовился къ «исторіи нѣмецкаго языка» и «нѣмецкому словарю», изданіе котораго безостановочно подвигается въ настоящее время впередъ, несмотря на преклонныя лѣта Якова и его брата Вильг. Гримма.

Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія настаетъ какъ бы новый періодъ въ исторіи сравнительнаго языкознанія: изслѣдователи начинаютъ изученіе отдѣльныхъ языковъ и фамилій ихъ. До того времени санскритъ эпическихъ поэмъ и позднѣйшаго періода почти исключалъ древнѣйшій языкъ Ведъ. Тщательное знакомство съ этимъ послѣднимъ и туземными грамматиками выставило многое въ иномъ свѣтѣ. Изученіе классическихъ языковъ и ихъ нарѣчій также значительно подвинулось впередъ въ трудахъ О. Мюллера, Лепсіуса, Моммсена, Ауфрехта, Кирхгофа и др. Старая латынь, оставленная прежде безъ вниманія,

благодаря односторонней привязанности къ Цицерону и писателямъ золотого вѣка, подвергается основательному изслѣдованію, и этому не мало способствуетъ знакомство съ родственными языками, изученіе надписей и точнѣйшее изслѣдованіе рукописей. Здѣсь филологія соединяется съ сравнительнымъ языкознаніемъ. Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного индо-европейскаго языка, который бы не нашелъ своего изслѣдователя. Менѣе другихъ изслѣдованы языки литовскій и кельтскій [1]), тогда какъ романскіе и славянскіе языки нашли себѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, достойную обработку въ трудахъ Дица, Мана, Шафарика, Востокова, Шлейхера, Миклошича и др.

Болѣе всего препятствуетъ успѣхамъ языкознанія отсутствіе основательнаго знакомства съ памятниками языка, до сихъ поръ остающимися, по большей части, въ рукописяхъ, недоступныхъ для большинства; отсюда нѣкоторая нетвердость выводовъ, уничтожаемыхъ новымъ открытіемъ, поспѣшность въ сближеніяхъ, которая, не находя ничего прочнаго, хватается за первое встрѣтившееся. Это особенно должно сказать о памятникахъ языка церковно-славянскаго, въ его различныхъ редакціяхъ или изводахъ: русской, сербской, болгарской и чешской, по текстамъ глагольскому и кирилловскому [2]).

---

1) Впрочемъ, изученію этихъ языковъ положено уже прочное начало въ трудахъ Цейса (Gram. Celtica) и Шлейхера (Gram. d. litthauischen Sprache).

2) Несмотря на видимые успѣхи общественной мысли, наши владѣльцы рукописей до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ скареднаго антикварнаго недовѣрія, идущаго со временъ К. Калайдовича. Обязательный во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, владѣлецъ рукописей дѣлается не въ мѣру мраченъ и уклончивъ при вашей благородной просьбѣ объ удовлетвореніи его *рукописной* любознательности. Можетъ-быть, такое недовѣріе имѣетъ и свои причины; во всякомъ случаѣ, это—явленіе, не свидѣтельствующее о высокомъ нравственномъ развитіи общества; а оно, къ сожалѣнію, почти повсемѣстно. Пора бы, кажется, также подумать и объ образованіи публичнаго хранилища рукописей, въ которомъ такъ сильно нуждается книголюбивая Москва. Мы нарочно обращаемъ вниманіе читателей на этотъ живой современный вопросъ, внушившій нѣкогда г. Бодянскому много одушевленныхъ мыслей (см. его соч. «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», примѣч.) и до сихъ поръ оставшійся безъ дружескаго отклика.

Успѣхи сравнительно-историческаго языкознанія не остались безплодны и для философской мысли, нисколько не похожей на ту, какая была въ ходу у грамматистовъ-философовъ прошлаго столѣтія. Путемъ продолжительнаго, глубокаго анализа языковъ Европы, Азіи, Америки и острововъ Океаніи, Вильгельмъ Гумбольдтъ создалъ философію человѣческаго слова, или вѣрнѣе — философію человѣческаго духа, выражаемаго въ языкѣ. На его геніальной идеѣ, въ послѣдніе годы, нѣмецкими учеными предпринято построеніе новой науки — *народной психологіи* (Völkerpsychologie), обѣщающей богатые результаты для разъясненія исторіи человѣчества и тѣхъ тайныхъ пружинъ, которыя управляютъ ея движеніями и которыя до сей поры были недоступны человѣческому вѣдѣнію. Но главная мысль, на которой зиждется лингвистическая система Вильгельма Гумбольдта о такъ-называемомъ организмѣ языка, явилась слишкомъ рано и была принята не всѣми въ одинаковомъ смыслѣ. Гумбольдтъ умеръ, не успѣвъ ее высказать съ надлежащею полнотою (сочиненіе о языкѣ Кави, гдѣ эта мысль развита до малѣйшихъ подробностей, было издано уже по его смерти, въ 1836 г., братомъ его, извѣстнымъ естествоиспытателемъ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ), ученики его умѣли схватить только наружную сторону идеи и постарались вывести цѣлое зданіе, прежде чѣмъ усвоили себѣ надлежащимъ образомъ необходимый матеріалъ. Такой характеръ именно имѣетъ граматическая система языка Фердинанда Беккера, которой онъ далъ названіе: Organism der Sprache. Недавно, приватъ-доцентъ Берлинскаго университета Штейнталь издалъ книгу подъ названіемъ: «Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander», бо́льшая половина которой посвящена критикѣ Беккеровой системы. Хорошо знакомый съ современною наукою и притомъ самостоятельный изслѣдователь, Штейнталь мастерски разоблачилъ ложь системы Беккера и показалъ все противорѣчіе ея съ словомъ живой науки, основанной на сравнительно-историческихъ началахъ. Когда Беккеръ появился на литературную арену, мысль

объ *организмѣ* была господствующею мыслью, находившею отголосокъ во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Высказанная впервые Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, она была проведена Беккеромъ и въ грамматику, и въ этомъ состоитъ главная заслуга его ученія, но заслуга, уже принадлежащая прошедшему. Она нанесла послѣдній ударъ старинному, филологическому способу изученія языка и познакомила нѣмецкую публику съ немногими результатами, добытыми сравнительною лингвистикою. Недостатокъ матеріала и ранняя попытка построить цѣльное, оконченное зданіе философіи языка увлекли Беккера въ сферу отвлеченныхъ соображеній, и въ основу своей системы онъ положилъ начало логическое, смѣшавъ такимъ образомъ грамматику, философію языка съ логикой. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ никогда не противорѣчитъ законамъ логики, но и не подчиняется ей. Онъ выше ея уже и потому, что представляетъ собою живой организмъ, неуловимое сочетаніе всѣхъ душевныхъ способностей: фантазіи, мысли, зарождавшихся подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній и выражаемыхъ въ словѣ часто помимо закона строго-логическаго процесса. Логическое начало стѣсняетъ свободу языка, вводитъ его въ сферу отвлеченную, гдѣ исчезаетъ его жизненность, и остается механическій наборъ звуковъ, связанныхъ сухою логическою нитью, безъ жизни, внутренней красоты и силы. Таковъ именно организмъ у Беккера. Ратуя за него, Беккеръ отрицалъ все органическое, живое въ языкѣ, и его грамматика при самомъ появленіи своемъ оказалась уже несовременною. Беккеръ былъ тотъ же старинный, схоластическій грамматистъ; онъ только обновилъ одну сторону ихъ ученія, на которую другіе мало обращали вниманія, именно ученіе объ организмѣ слова, существовавшее еще у древнихъ [1]), присоединивъ къ этому мысль о логическомъ началѣ въ языкѣ, эту *слабую* сторону всѣхъ схоластическихъ грамматистовъ. Организмъ языка, по понятіямъ Вильгельма Гумбольдта, далеко не таковъ, какимъ онъ является

1) Steinthal, Grammatik, Logik, etc., стр. 55—6, 62—3.

у Беккера, и Штейнталь убѣдительными доводами доказалъ, что между системою Гумбольдта и Беккера не было ничего общаго: Беккеръ, человѣкъ стараго времени, пересадившій старинное ученіе на новую почву; Гумбольдтъ — свѣтило новой, современной науки[1]). Однимъ словомъ, ученіе Беккера устарѣло прежде своего появленія, и, разрушая основы старинной грамматики, Беккеръ подымалъ руку на самого себя. Къ сожалѣнію, ученіе это имѣло довольно-значительные успѣхи въ Германіи и, перенесенное къ намъ, много способствовало къ увеличенію безпорядковъ и того смутнаго состоянія нашей науки, въ какомъ она находилась не далѣе, какъ за два года предъ симъ.

Мы изложили до сихъ поръ, такъ сказать, внѣшнюю исторію новаго языкознанія, слегка касаясь его метода и сущности; остановимся теперь съ большею подробностію на этомъ послѣднемъ и приведемъ главнѣйшіе изъ его положеній и общихъ результатовъ.

Въ чемъ состоитъ задача современной науки языкознанія?

Вильгельмъ Гумбольдтъ думаетъ, что языкъ есть произведеніе внутренней духовной силы, лежащей въ человѣкѣ, непостижимой въ своей сущности и недоступной предварительному расчету въ своихъ дѣйствіяхъ; разнообразіе языковъ, по его мнѣнію, есть произведеніе стремленія раскрыть врожденный людямъ даръ слова, различными успѣхами этого стремленія, по мѣрѣ содѣйствія, какое оказываетъ имъ умственная сила національнаго духа. *Прослѣдить же и изобразить стремленіе, раскрыть полноту языка — есть послѣдняя задача языкознанія.*

А эта задача касается самой важной, самой таинственной части народной жизни, выражаемой въ языкѣ, его психологіи.

Въ современномъ своемъ состояніи языки представляютъ нестройную груду неорганическихъ частей, гдѣ старое перемѣ-

---

1) Ibidem, 123—4. Тѣхъ, кто желаетъ ближе познакомиться съ системою Беккера и узнать ея достоинства и недостатки въ учебномъ отношеніи, мы отсылаемъ къ предисловію книги г. Буслаева.

шано съ новымъ и гдѣ трудно отыскать ту гармонію, тотъ божественный порядокъ, которымъ былъ отмѣченъ его организмъ въ эпоху созданія. Историческія и мѣстныя условія положили на него свою неизгладимую печать. Старинная живость и изобразительность языка исчезали вмѣстѣ съ исчезновеніемъ первобытныхъ воспоминаній народа, и онъ получалъ смыслъ болѣе и болѣе отвлеченный. Древнюю первобытную свѣжесть и красоту языка намъ, до нѣкоторой степени, дастъ чувствовать только наука, достигшая этого путемъ сравнительно-историческаго анализа языковъ. Если языкъ, что́ яснѣе увидимъ далѣе, встарину дѣйствительно отличался органическою, живою природою, то первою задачею языкознанія должно быть открытіе такой древней формы языка; оттого и первый пріемъ въ изслѣдованіи языковъ есть пріемъ *историческій*; слѣдя по памятникамъ постепенное измѣненіе формы или звука какого-нибудь слова въ языкѣ, изслѣдователь доходитъ, такъ сказать, до послѣдняго историческаго предѣла, до древнѣйшаго элемента, далѣе котораго въ историческомъ изслѣдованіи идти некуда; тогда, на выручку ему, является *процессъ сравнительный*, который и можетъ привести его къ *корню слова*, скрывающему первичное его значеніе. Отсюда очевидна связь историческаго языкознанія съ сравнительнымъ. Другъ безъ друга, они будутъ не полны и не приведутъ ни къ какимъ окончательнымъ плодотворнымъ результатамъ. Еще историческое можетъ принести нѣкоторую пользу въ практическомъ отношеніи, объясняя тѣ формы языка, которыя обыкновенно употребляются безсознательно; но сравнительное, безъ исторической основы, непремѣнно введетъ изслѣдователя въ произвольныя, основанныя на одномъ пустомъ созвучіи, сравненія и производства. Иначе и быть не можетъ: сравненіе имѣетъ смыслъ только между предметами однородными, хотя и имѣющими свои отличія; если же мы пустимся въ сравненіе старинныхъ формъ языка съ новыми, не принявъ во вниманіе тѣхъ посредствующихъ терминовъ или измѣненій, какіе ихъ связываютъ, мы никогда не придемъ къ ихъ правильному объясненію. Ясно, что

изслѣдователь долженъ отправляться отъ историческаго изученія отдѣльнаго языка, и только изслѣдовавъ это поле, онъ можетъ вступить на широкую почву сравненія съ другими, родственными языками.

Развернемъ подробнѣе нашу мысль и покажемъ нѣкоторыя практическія ея приложенія. Недавно Шлейхеръ сдѣлалъ чрезвычайно остроумный очеркъ исторіи славянскихъ нарѣчій; онъ отличаетъ въ ней пять періодовъ: въ первомъ — славянскій языкъ существуетъ, такъ сказать, только въ возможности, нераздѣльно съ древнѣйшимъ индо-европейскимъ [1]) праязыкомъ, но не какъ его нарѣчіе, а какъ *общій языкъ*, въ природѣ котораго лежала возможность будущаго раздѣленія на многія нарѣчія, каковы: славянское, литовское, латинское, греческое и др. Однимъ словомъ, это былъ древнѣйшій языкъ, отъ котораго потомъ пошли всѣ индо-европейскія нарѣчія: въ немъ не было еще ничего славянскаго, ничего нѣмецкаго, греческаго, латинскаго и т. д., а были одни общіе имъ всѣмъ элементы, условившіе ихъ позднѣйшее индивидуальное развитіе. Во второмъ періодѣ славянскій языкъ является *славяно-нѣмецкимъ*. Съ теченіемъ времени древній общій индо-европейскій языкъ раздѣлился на отдѣльныя вѣтви, и первою вѣтвію была *славяно-нѣмецкая*, изъ которой, впослѣдствіи, выдѣлились нѣмцы, литовцы и славяне; изо второй вѣтви, *аріопелазгической*, вышли позднѣе индійцы, персы, греки и римляне. Въ этомъ періодѣ развитія *славяно-нѣмецкій* языкъ уже утратилъ много древняго капитала и создалъ много новаго, такъ что сравнительно съ другою вѣтвію онъ очень рѣдко представляетъ болѣе старины. Третій періодъ Шлейхеръ называетъ

---

1) Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, herausg. v. A. Kuhn und Schleicher. 1 Heft. 1856, стр. 1—27. Шлейхеръ вездѣ употребляетъ названіе *индо-германскій* вмѣсто индо-европейскій; мы удерживаемъ послѣднее, сознаваясь, что и оно не выражаетъ мысли вполнѣ. Всего бы лучше, какъ предлагалъ Мартинъ Гаугъ (Haug. Allgemeine Monatsschrift für Wissenschaft. 1854, стр. 785 и слѣд.), назвать этотъ періодъ и это племя *арійскимъ*. См. также объ этомъ предметѣ замѣчанія Потта въ его статьѣ «Indogermanischer Sprachstamm», стр. 2 и слѣд.

періодомъ *славяно-литовскимъ*: здѣсь выдѣлились уже нѣмцы, а славяне съ литовцами составляли еще одно цѣлое. Четвертый періодъ — *самостоятельное существованіе одного общаго славянскаго языка*, и, наконецъ, пятый — *славянскій языкъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ*. Такое движеніе славянскаго языка Шлейхеръ оправдываетъ если не всегда убѣдительными, то, по крайней мѣрѣ, по большей части, основательными доводами, и для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важна не историческая несомнѣнность этого постепеннаго расчлененія, а возможность его возсозданія и тотъ путь, какимъ должно итти къ достиженію этого. На строго-историческую почву мы вступаемъ только въ послѣднемъ (пятомъ по Шлейхеру) періодѣ; первые четыре существовали во время доисторическое и опредѣлить ихъ можно только съ помощью *сравнительнаго процесса*. Отправляясь отъ существующихъ славянскихъ нарѣчій въ ихъ историческомъ развитіи, нельзя не замѣтить ихъ близкаго между собою родства; пополняя пробѣлы и порчи одного нарѣчія остатками старины въ другомъ, объясняя такимъ пріемомъ то, что́ съ перваго взгляда непонятно и необъяснимо, мы приходимъ къ убѣжденію, что нѣкогда эти нарѣчія составляли одно цѣлое, одинъ организмъ славянскаго языка. Какъ бы ни показался привлекательнымъ съ перваго взгляда этотъ выводъ, лингвистъ не остановится на немъ, потому что онъ еще не вводитъ его въ ту область, гдѣ въ звукахъ языка слышится свѣжее вѣяніе народной жизни съ ея многоразличными отправленіями. Первоначальное значеніе слова (корень) останется для него непонятно, если онъ не выйдетъ на широкое поле сравненія съ другими родственными языками. Только путемъ такого сравненія извлекается и очищается отъ позднѣйшей порчи первичная форма слова и его значеніе. Такъ, сравнивая славянскій языкъ съ прочими индо-европейскими, Шлейхеръ замѣтилъ, что, прежде всего, онъ ближе всѣхъ съ литовскимъ, потомъ съ нѣмецкимъ и наконецъ со всѣми арійскими языками. Отсюда, какъ увидимъ ниже, явилась возможность возсозданія всего доисторическаго періода народной жизни.

Такимъ образомъ, сравнительное языкознаніе входитъ какъ необходимая часть въ исторію языка каждаго племени, ибо безъ него изслѣдователь долженъ будетъ остановиться на полдорогѣ и отказать себѣ въ живомъ пониманіи языка и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается такъ называемая *народность*.

Упрекать эту науку въ произвольности и капризѣ въ настоящее время могутъ только тѣ, свѣдѣнія которыхъ отстали цѣлою четвертью вѣка и которые сдѣлались до того неразборчивы въ своихъ заключеніяхъ, что даже смѣшиваютъ лингвистику Боппа и Шлейхера съ литературными мечтаніями гг. Гильфердинга и Хомякова.

Нѣтъ, у новой науки есть свой, уже строго опредѣленный методъ: она дала уже много богатыхъ результатовъ и еще болѣе обѣщаетъ впередъ. Трудясь надъ огромнымъ матеріаломъ, она не имѣетъ времени пускаться въ досужія гаданія, источникомъ которыхъ служитъ барскій досугъ, не обремененный серіознымъ знаніемъ и легко хватающійся за все, потому что ничему не преданъ свято и искренно. Переходимъ къ дѣлу.

Самою важною частію сравнительно-историческаго языкознанія должно быть ученіе *о звукахъ*, потому что, не опредѣливъ законовъ перехода звуковъ въ различныхъ языкахъ, нельзя прійти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ относительно измѣненія словъ и первоначальнаго значенія корней. Еще Боппъ и Поттъ собрали все важнѣйшее о соотвѣтствіи и развитіи звуковъ; но ихъ выводы не были чужды нѣкоторой неточности: напримѣръ, они довольствовались истиною, что въ санскритѣ нѣбная ç соотвѣтствуетъ элементу к другихъ языковъ (санскритскому çata-m, греческому ἑ-κατο-ν, латинскому centu-m, готскому чрезъ переходъ звука hun-d), не рѣшая вопроса о томъ, какой элементъ древнѣе. Въ этомъ отношеніи особенно многіе грѣшили своимъ пристрастіемъ къ санскриту, когда отдавали предпочтеніе санскритскому элементу, уже испорченному и измѣнившемуся, предъ древнимъ элементомъ другихъ языковъ. Приведеніе ученія о звукахъ къ положительно-прочнымъ законамъ, чему еще

Гриммъ своею таблицею перебоя звуковъ (Lautverschiebung) указалъ прямой путь, случилось только въ недавнее время, когда болѣе начали обращать вниманія на историческое развитіе звуковыхъ измѣненій въ отдѣльныхъ языкахъ. Такимъ образомъ, каждый изслѣдователь, прослѣдивъ фонетическія измѣненія въ исторіи отдѣльнаго языка, повѣряетъ полученный результатъ и ищетъ ему объясненія въ сравненіи съ соотвѣтствующими звуками другихъ, древнѣйшихъ языковъ.

На ученіи о звукахъ коренится и ученіе о флексіяхъ и измѣненіяхъ словъ, постоянныя и легко различаемыя формы которыхъ представляютъ важнѣйшій признакъ для опредѣленія сродства языковъ.

Во всей этимологіи, образовавшейся, безспорно, въ эпоху гораздо раньшую, чѣмъ синтаксисъ, особенно въ ученіи объ образованіи словъ, сравнительно-историческая грамматика пользуется не только письменными источниками, но и народными, то есть областными нарѣчіями, которыя, бывъ удалены отъ центровъ исторической дѣятельности, сохранили чрезвычайно много древнѣйшихъ свойствъ языка, во многихъ отношеніяхъ пополняющихъ пробѣлы письменныхъ памятниковъ. Въ этомъ отношеніи народный языкъ справедливо называютъ *древнѣйшимъ* періодомъ въ исторіи какого-нибудь языка. Обыкновенно языкъ измѣняется (портится) съ усложненіемъ элементовъ общественной жизни, съ привнесеніемъ различныхъ чуждыхъ вліяній, съ распространеніемъ грамотности и просвѣщенія; при отсутствіи этихъ условій, нѣтъ достаточныхъ причинъ и къ измѣненію языка, и онъ цѣлыя столѣтія можетъ сохранить тотъ же свѣжій, живой характеръ, какимъ былъ отмѣченъ его организмъ въ эпоху доисторическую. Оттого народный языкъ есть камень, который благоразумный лингвистъ кладетъ во главу угла своей науки. Вообще изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду ни отношенія языка къ прочимъ родственнымъ, кругъ которыхъ въ настоящее время уже почти окончательно обозначенъ, ни тѣхъ матеріаловъ, какіе ему можетъ предложить исторія языка, его областныя видоизмѣ-

ненія, а отчасти и историческія вліянія. Только при соблюденіи этихъ условій онъ можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ науки.

Остановимся на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, которые уже успѣло намѣтить сравнительно-историческое изученіе языка.

Можетъ-быть, ни одинъ изъ вопросовъ въ языкознаніи не вызывалъ столькихъ разнообразныхъ рѣшеній, какъ вопросъ о происхожденіи языка; самое свойство его давало широкій просторъ всякаго рода догадкамъ и гаданіямъ: одни признавали откровенное, высшее его начало, другіе относили его къ произведеніямъ человѣческаго духа, происшедшимъ сознательно, то-есть вслѣдствіе изобрѣтенія. Философія XVIII вѣка полагала, что языкъ былъ такъ же изобрѣтенъ человѣкомъ, какъ и ремесла: путемъ постепеннаго прогресса. Было время, по ея понятіямъ, когда человѣкъ еще не былъ человѣкомъ и находился въ животномъ состояніи (mutum et turpe pecus); необходимыя нужды привели его къ созданію *природнаго языка*, состоящаго въ извѣстныхъ движеніяхъ лица и тѣла и въ интонаціяхъ голоса. Съ увеличеніемъ идей почувствовали несостоятельность подобнаго способа выраженія и изобрѣли языкъ *искусственный*, или членораздѣльный. Какъ всѣ произведенія человѣческія, этотъ языкъ вначалѣ былъ бѣденъ и недостаточенъ, совершенствуясь только съ теченіемъ времени, такъ что позднѣйшее его состояніе есть самая высшая эпоха его процвѣтанія. Какъ видно, это убѣжденіе философовъ прошлаго столѣтія ничѣмъ не разнится отъ убѣжденій практическихъ грамматистовъ школы Готшеда и Аделунга, а потому сравнительное языкознаніе, открывъ истинную природу языка, нанесло ему такой же ударъ, какъ и старинной схоластитеской грамматикѣ, какъ и другому, не менѣе схоластическому мнѣнію *о сверхъестественномъ* происхожденіи языка. Если бы языкъ былъ созданъ свыше, то его происхожденіе осталось бы для нашего взгляда такъ же непроницаемымъ, какъ и первозданныя животныя и растенія; но онъ созданъ не высшею силою, а самъ возникъ и образовался изъ человѣческой свободы,

потому и его начало должно быть доступно для человѣческой мысли или, какъ говоритъ Як. Гриммъ, языковѣду не слѣдуетъ отступать предъ этимъ вопросомъ: онъ можетъ итти далѣе естествоиспытателя, потому что предметомъ своего изслѣдованія онъ избираетъ произведеніе человѣка, коренящееся на его свободѣ и исторіи, образовавшееся не разомъ, но постепенно [1]). Образованіе и происхожденіе языка объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ душевныхъ способностей, прирожденныхъ человѣку, и это творится невольно, безъ предварительнаго расчета, отъ котораго былъ далекъ первобытный человѣкъ, безъ сознанія, подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы и ея явленій. «Первоначально языкъ, по словамъ Вильг. Гумбольдта, исходитъ изъ такой глубины человѣческой природы, что его нельзя назвать произведеніемъ или твореніемъ самого народа: онъ видимо обнаруживаетъ въ себѣ самобытную силу, хотя въ существѣ своемъ она остается необъяснимою. Съ этой точки зрѣнія языкъ не есть произведеніе дѣятельности, а невольное изліяніе духа, не дѣло народа, а даръ, назначенный ему въ удѣлъ судьбою. Народъ употребляетъ языкъ, не зная, какъ онъ образовался... Рѣчь и пѣсня лились свободно, и языкъ образовался по мѣрѣ вдохновенія, свободы и мысли, дружно дѣйствующихъ силъ, а въ этой совокупности должны были участвовать всѣ отдѣльныя лица; каждый человѣкъ долженъ былъ находить подкрѣпленіе во всѣхъ другихъ, потому что вдохновеніе только тогда предается вольному полету, когда увѣрено, что всѣми будетъ понято и принято умомъ и чувствомъ». Словомъ, языкъ создается въ ту эпоху жизни человѣчества, когда въ немъ пробуждается человѣческая внутренняя духовная сила и обнаруживаются внутреннія потребности въ цѣломъ рядѣ творческой дѣятельности, которую французы очень удачно называютъ словомъ la spontanéité. Такимъ характеромъ отмѣчены всѣ произведенія человѣческаго духа въ его первобытномъ состояніи: вмѣсто творящей личности здѣсь выступаютъ

1) Grimm, Ursprung der Spache. 1852. Стр. 11—12.

цѣлыя народныя массы, имѣющія какъ бы одну волю и одно душевное настроеніе, воодушевляющіяся однимъ чувствомъ. Оттого какъ языкъ, такъ и первобытная поэзія не носятъ на себѣ никакого личнаго характера: въ нихъ выражаются откровенія всего народа, не принадлежащія никому отдѣльно, но составляющія общее достояніе всѣхъ и каждаго. Первобытный языкъ былъ совокупнымъ произведеніемъ народнаго духа и явленій природы, въ немъ отражающихся. «Какъ бы ни представляли себѣ языкъ — міросозерцаніемъ, или системою мысли, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, такъ какъ онъ дѣйствительно совмѣщаетъ въ себѣ оба направленія, во всякомъ случаѣ онъ долженъ основываться на *всей совокупности духовныхъ силъ человѣка*, не исключая ничего, что́ есть въ нихъ, потому что языкъ все обнимаетъ» (Вил. Гумб.). Поэтому характеръ древнѣйшаго языка отличается этою свѣжестью, живостью, которыя прямо указываютъ на то впечатлѣніе, какому обязано слово своимъ происхожденіемъ. «Впродолженіе первобытнаго періода — говоритъ Максъ Мюллеръ — предшествующаго образованію отдѣльныхъ національностей, каждое арійское слово было въ извѣстномъ отношеніи *мивомъ*. Всѣ слова вначалѣ были нарицательными: они называли одинъ изъ многочисленныхъ характеристическихъ признаковъ предмета; выборъ этихъ признаковъ указываетъ на своего рода инстинктивную поэзію, которую совершенно утратили новѣйшіе языки». То же можно сказать и о всѣхъ первобытныхъ языкахъ, созданныхъ и образовавшихся подъ вліяніемъ живаго чувства явленій природы внѣшней.

Въ эпоху созданія языка мысль представлялась въ сжатой и, если можно такъ выразиться, смѣшанной формѣ, и человѣкъ не сознавалъ тѣхъ элементовъ, которыми распоряжался. Впечатлѣнія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что память и матеріалъ языка, вмѣсто того, чтобъ воспроизводить каждое отдѣльно, отражали ихъ вмѣстѣ. Мысль имѣла характеръ сжатый, синтетическій, потому-то и въ древнѣйшихъ языкахъ каждое слово было фразою, особымъ организмомъ съ своими тѣсно

связанными частями. Конечно, такой способъ выраженія мало благопріятствуетъ логической ясности рѣчи, но мысли первобытнаго человѣка были очень просты и не требовали большихъ усилій разума: онѣ понимались болѣе путемъ внутренняго живаго ощущенія, нежели логикой. Дальнѣйшее развитіе языка идетъ путемъ аналитическимъ: отъ синтеза къ анализу. Древнѣйшій языкъ богатъ флексіями для выраженія тончайшихъ отношеній мысли, живъ и изобразителенъ въ своемъ значеніи, хотя и бѣденъ отвлеченными идеями; языкъ новый, напротивъ, болѣе логически опредѣленъ и болѣе даетъ мѣсто отдѣльному самостоятельному выраженію каждой мысли и каждаго отношенія. Отдѣльныя слова или элементы древнѣйшаго языка, по большей части, коротки, односложны (моносиллабы), составлены почти всѣ изъ краткихъ гласныхъ и простыхъ согласныхъ; но эти слова входятъ въ выраженіе и до того срастаются съ другими, что бываетъ трудно отдѣлить ихъ невооруженнымъ глазомъ. То же самое должно сказать и относительно произношенія словъ: необыкновенная простота звуковъ ясно передаетъ всѣ составныя части ихъ организма. «Никакой изъ первобытныхъ языковъ — по словамъ Якова Гримма — не удвоиваетъ согласной. Это удвоеніе рождается только отъ постепенной ассимиляціи различныхъ согласныхъ». Далѣе появляются двугласныя, сокращенія и наконецъ смягченія и другія измѣненія гласныхъ. Эти законы постепеннаго измѣненія языковъ лучше всего можно видѣть на санскритѣ: въ языкѣ Ведъ мы встрѣчаемъ еще въ полной силѣ тѣ характеристическіе признаки древнѣйшаго состоянія языка, о которыхъ мы говорили выше. Въ санскритѣ эпическихъ поэмъ, при всемъ его первобытномъ характерѣ, можно замѣтить уже болѣе гибкости. Скоро, однако, грамматическій составъ языка разстраивается, и въ языкѣ Пали видны уже замѣчательные успѣхи анализа; еще болѣе это замѣтно въ пракритѣ: онъ съ одной стороны менѣе богатъ, съ другой — простѣе; наконецъ, языкъ Кави, на островѣ Явѣ, есть уже прямая порча санскрита, когда этотъ языкъ, утративъ измѣненіе словъ по флексіямъ, за-

имствовалъ изъ языка туземцевъ предлоги и вспомогательные глаголы. Всѣ эти три языка, происшедшіе отъ санскрита, скоро испытываютъ и участь, ему подобную: они дѣлаются языками священными, мертвыми, учеными. Причина измѣненій языка лежитъ въ немъ самомъ, въ способахъ, которыми, если можно такъ выразиться, языкъ принаравливается къ выраженію впечатлѣній и потребностей разума. Какъ все органическое, и языкъ подлежитъ закону развитія. «Языкъ не слѣдуетъ разсматривать—говоритъ Вильгельмъ Гумбольдтъ—какъ нѣчто мертвое, однажды образовавшееся; напротивъ, онъ всегда живъ и производителенъ. Человѣческая мысль вырабатывается вмѣстѣ съ развитіемъ разумѣнія, а языкъ есть откровеніе этой мысли. Поэтому никакой языкъ не стоитъ неподвижно: онъ движется, развивается, растетъ и мужаетъ, наконецъ, старѣетъ и исчезаетъ». Въ жизни языка можно различать три эпохи: моносиллабизмъ, агглутинацію и эпоху флексій. Въ эпоху моносиллабизма языкъ, такъ-сказать, *неограниченъ;* въ агглутинаціи онъ представляетъ нераздѣльное цѣлое, и, наконецъ, въ эпоху флексій развивается его организмъ, и хотя части его вначалѣ находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга, но скоро аналитическое движеніе языка дѣлаетъ ихъ самостоятельными. На этомъ раздѣленіи внѣшней исторіи языка на три періода основываютъ классификацію различныхъ языковъ. Языки моносиллабическіе состоятъ только изъ неизмѣняемыхъ корней; въ нихъ нѣтъ способовъ для выраженія *отношеній* мысли, а потому они не имѣютъ и грамматическихъ формъ. Таковъ, напримѣръ, языкъ китайскій. Языки *приставочные* (anfügende) или *агглутированные* уже имѣютъ особые элементы для выраженія грамматическихъ отношеній, но они приставляютъ ихъ къ корню слова совершенно внѣшнимъ способомъ, не измѣняя его. Таковы языки племени финно-татарскаго. Наконецъ, третью группу составляютъ *языки съ флексіями* (flectierende): здѣсь грамматическая форма можетъ выражаться не только внѣшнею приставкою служебныхъ элементовъ къ корню слова, но измѣненіемъ самаго корня. Слѣдовательно,

значеніе слова, выражаемое корнемъ, и его *отношеніе*, выражаемое приставкою, флексіею, являются здѣсь въ такомъ тѣсномъ единствѣ, какъ и въ самой мысли, которой вѣрнымъ отпечаткомъ бываетъ языкъ. Сюда принадлежатъ языки народовъ историческихъ, каковы племена индо-европейское и семитическое[1]). Сравнительная филологія до нѣкоторой степени опредѣлила тотъ путь, по которому идетъ языкъ въ своемъ развитіи. Первичнымъ элементомъ его бываетъ звуковой корень, передающій впечатлѣніе и чувство во всей его простотѣ. Это ни глаголъ, ни существительное, ни прилагательное, но слово, передающее общія впечатлѣнія и чувства: на практикѣ языкъ сообщаетъ ему или существительное, или глагольное значеніе, но самый корень, по своей формѣ, не имѣетъ такого грамматическаго смысла. Древнѣйшіе языки именно находятся въ этой формѣ. Позднѣе только образуются части рѣчи. Возможность ихъ, конечно, существовала въ самомъ языкѣ; но онъ не чувствовалъ надобности въ ихъ обособленіи. Грамматическія формы усложняются и получаютъ развитіе сообразно съ характеромъ племени, или природою страны. Въ эту эпоху творческая дѣятельность человѣка была смѣлѣе и свободнѣе, чѣмъ нынѣ, и потому въ самыхъ грубыхъ языкахъ мы замѣчаемъ такіе тончайшіе оттѣнки, какіе совершенно невозможны въ языкахъ позднѣйшихъ.

Тотъ бы глубоко ошибся, кто бы подумалъ, что всѣ языки должны проходить свое развитіе по тремъ указаннымъ ступенямъ. По справедливому замѣчанію Ренана[2]), каждое семейство языковъ идетъ своимъ путемъ въ развитіи, слѣдуя не абсолютному закону, для всѣхъ одинаковому, но повинуясь необходимости своего собственнаго строя и генія: языки, испоконъ вѣка бывшіе моносиллабическими, каковы языки восточной Азіи, никогда не теряли своего природнаго (моносиллабическаго) харак-

---

1) См. Schleicher. Sprachen Europas, p. 5—20.

2) Renan. «De l'origine du langage». P. 1858. 14—16. Сличи также 165—8. См. также статью: Alf. Maury, въ «Revue des deux mondes». 1857. Avril.

тера. И если бы языки индо-европейскіе и семитическіе находились когда-нибудь въ этомъ періодѣ развитія, они никогда бы не получили грамматической организаціи, никогда бы не достигли той грамматической гибкости, какую мы встрѣчаемъ у нихъ уже въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія. Какъ замѣчаетъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, языкъ народа не могъ иначе образоваться, какъ весь въ одинъ разъ (aus einem Gusse), оттого съ перваго дня рожденія характеръ его былъ опредѣленъ, какъ уже былъ опредѣленъ самый характеръ народа, его создавшаго. Въ языкѣ, какъ въ матеріи, лежитъ возможность моносиллабизма; но, какъ живое произведеніе творческаго духа человѣка, языкъ можетъ обойтись и безъ этой первой ступени развитія, перешагнуть ее и сразу образовать своеобразную грамматику.

Итакъ, если языкъ создалъ грамматику, значитъ, въ немъ лежала возможность этого, и такіе языки принадлежатъ всегда народамъ *историческимъ*.

Съ образованіемъ грамматическихъ формъ, всѣ *живыя* превращенія и перемѣны въ языкѣ совершаются уже въ лексическомъ отношеніи, то есть въ созданіи бо̀льшаго или меньшаго количества словъ, обозначающихъ предметы или, вѣрнѣе, обозначающихъ впечатлѣнія, производимыя предметами на человѣка. Подъ двойнымъ вліяніемъ роскошной природы и живой фантазіи увеличивался запасъ словъ, потому что предметъ могъ производить впечатлѣніе на человѣка съ разныхъ сторонъ. Отсюда множество словъ однозначащихъ, синонимовъ, которыми такъ богаты древнѣйшіе языки и въ особенности санскритъ; такъ, въ немъ одинъ *слонъ* имѣетъ нѣсколько названій, напр. *два раза пьющій*, двузубый, *трубачъ* или *хоботникъ*. Въ иныхъ языкахъ вмѣсто именъ и прилагательныхъ, которыя также не иное что̀, какъ имена, усиливаются глаголы: это особенно замѣтно у народовъ, преданныхъ строгой напряженной дѣятельности, каковы, напримѣръ, жители Америки. Такимъ образомъ и природа, и климатъ, и самый образъ жизни племенъ обнаруживаютъ немалое вліяніе на историческое развитіе отдѣльныхъ языковъ. Къ

этимъ причинамъ, въ нѣкоторой степени, должно присоединить и сліяніе расъ и вліяніе одного языка на другой, при чемъ природный организмъ языка неминуемо подвергается порчѣ. Лучшимъ свидѣтелемъ этого могутъ служить *романскія* нарѣчія, въ которыхъ искаженіе шло такъ глубоко, что даже разстроило самую грамматику. Но какъ живуча сила народнаго духа, создавшаго языкъ, ясно изъ того, что, несмотря на величайшія искаженія и перемѣны, какія претерпѣваетъ языкъ въ своемъ движеніи, онъ почти никогда не можетъ утратить своего первоначальнаго типа, который ясно бываетъ виденъ изъ-за глубокой порчи позднѣйшихъ привнесеній.

Въ Сѣверной Америкѣ раздѣлилось нѣкогда индійское племя на двѣ части, избѣгая внутреннихъ несогласій и раздоровъ; каждая изъ частей поселилась далеко другъ отъ друга и не имѣла между собою никакихъ сношеній. Новыя привычки и мѣстныя впечатлѣнія не замедлили въ скоромъ времени измѣнить лексиконъ словъ, ими употребляемыхъ. Дѣйствительно, небольшое количество словъ такъ исказилось, что стало почти невозможнымъ открыть ихъ древнее родство: создался новый словарь, но грамматика осталась та же. Глагольныя формы одинаково лежатъ въ основѣ рѣчи каждаго племени, а одинаковое устройство скелета — вопреки измѣненію цвѣта кожи — обнаруживаетъ тоже единство происхожденія[1]). Есть языки, которымъ можно дать болѣе трехъ тысячъ лѣтъ и которые терпѣли много различныхъ перемѣнъ, но основа ихъ осталась та же, что́ была и въ старину, какъ она создалась вмѣстѣ съ созданіемъ самаго языка. Мы думаемъ, что эти факты могутъ убѣдить каждаго въ глубокой истинѣ мысли Вильгельма Гумбольдта, который сказалъ, что языкъ не есть произведеніе дѣятельности, а невольное изліяніе духа, не дѣло народа, а даръ, назначенный ему въ удѣлъ судьбою и обнаруживающій самобытную силу.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ задачамъ современной

1) Maury, artic. cité.

науки языкознанія и остановимся только на важнѣйшихъ изъ нихъ.

Успѣхи сравнительно-историческаго языкознанія не только пролили новый свѣтъ на первобытную исторію народовъ, но, можно сказать, вполнѣ создали ее. Подъ анатомическимъ ножомъ лингвиста мало-по-малу оживаютъ, облекаются въ плоть и кровь эти темныя, до сихъ поръ едва предчувствуемыя эпохи исторіи; туманъ, застилавшій ихъ, понемногу рѣдѣетъ, и цѣлые живые образы являются предъ нами въ своей юной простотѣ и свѣжести.

Не говоря уже о томъ, что по географіи языка легко можно опредѣлить пути, которымъ слѣдовали народы въ своихъ переселеніяхъ, что чужеземныя примѣси и вліянія въ языкѣ укажутъ историческія столкновенія съ другими народами, этою, если такъ можно выразиться, формальною стороною исторіи языка далеко не ограничивается значеніе современнаго языкознанія для первобытной исторіи народовъ. «Языкъ — говоритъ Вильг. Гумбольдтъ — глубоко входитъ въ умственное развитіе человѣчества, онъ вѣрный спутникъ его на каждой степени мѣстныхъ успѣховъ и упадковъ; въ языкѣ можно узнать всякое состояніе умственнаго развитія народа. Но есть эпоха, когда и видишь только языкъ, гдѣ онъ уже не спутникъ или свидѣтель умственнаго развитія, а *единственный его представитель*». Дѣйствительно, если слово создавалось подъ вліяніемъ живаго впечатлѣнія, производимаго предметомъ на человѣка, то оно должно отражать въ себѣ весь кругъ его воззрѣній на природу и человѣка; въ языкѣ, поэтому, сокрыта цѣлая жизнь народовъ, со всѣми богатыми и разнообразными ея отправленіями. Это, впрочемъ, относится только къ языкамъ древнѣйшимъ, когда слова непосредственно выражали впечатлѣнія и были чужды того отвлеченнаго характера, какой они получаютъ впослѣдствіи: въ древнѣйшемъ словѣ не трудно подсмотрѣть внутреннюю работу духа и побужденія, вызвавшія образованіе этого слова. Сближеніемъ одинаковыхъ словъ во всѣхъ языкахъ языкознаніе достигаетъ возможности составить себѣ понятіе — по крайней мѣрѣ прибли-

зительное — о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ племени, какому принадлежалъ языкъ. Въ этомъ случаѣ языкознаніе совершенно оправдываетъ названіе *лингвистической палеонтологіи*[1]). Какъ палеонтологія съ помощію ископаемыхъ костей не только возстановляетъ первичный образъ животнаго, но и самыя его привычки, способъ движенія, питанія и т. д., такъ и сравнительное языкознаніе, по немногимъ остаткамъ древнихъ словъ, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія, разборомъ первоначальнаго значенія корней, можетъ оживить жизнь и дѣла народовъ, погребенныхъ въ туманѣ прошедшаго... А это не значитъ ли произвести коренной переворотъ въ наукѣ исторіи и поставить ее на совершенно новую дорогу? Конечно, въ этомъ отношеніи молодая наука еще далека отъ совершенства и иногда принуждена довольствоваться предположеніями, не для всѣхъ убѣдительными; но уже и то, что́ она сдѣлала на этомъ поприщѣ, достаточно ясно говоритъ въ пользу ея великаго будущаго.

Для того, чтобъ ближе объяснить значеніе языкознанія для древнѣйшей исторіи, мы остановимся здѣсь на двухъ, трехъ примѣрахъ, надѣясь въ скоромъ времени подробно познакомить нашихъ читателей со всѣми важнѣйшими результатами лингвистической палеонтологіи индо-европейскихъ племенъ.

Сравнивая слова всѣхъ индо-европейскихъ племенъ, относящіяся къ семейному быту, мы находимъ, что, за исключеніемъ не многихъ, они представляютъ между собою изумительное сходство, а изъ этого имѣемъ полное право заключить, что въ эпоху своего единства племена эти находились въ формахъ семейнаго быта. Этого мало. Названіе *отецъ*, санскр. *pitar*, зендск. *patar*, греч. πατὴς, гот. *fadar*, и т. д..., по объясненію Макса Мюллера[2]), показываетъ, что отецъ *признавалъ плодъ своей жены за свой*:

---

1) См. сочиненіе Пикте: «Les Aryas primitifs ou les origines indo-européennes. Gen. 1859. Bibliothèque universelle de Genève. 1858. Juillet.

2) Oxford Essays. 1856. Comparative Mythology by Max Müller, стр. 14—15.

корень этого слова есть *pa*, что́ значитъ не родить, но покровительствовать, питать; для обозначенія родителя въ санскритѣ существуетъ другое слово *ganitar* (genitor). Точно такъ и слово mâtar, мать, очень рано потеряло свое этимологическое значеніе и служило выраженіемъ покорности и нѣжности, а *ganitrî* уже значило родительницу. Итакъ, изъ одного названія pitar возникаетъ идея отца-покровителя, что́ находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ словахъ, происходящихъ отъ того корня, каковы: *pâ — la*, *pâ — labra*, *pâ — yu*. Также и отношенія между сестрою и братомъ должны были опредѣлиться прежде, чѣмъ раздѣлились индо-европейскія племена: это выражается въ названіи *bhrâtar* (братъ), означающемъ *помогающій*, *носящій*, и *svasar* (сестра), *нравящаяся*, *утѣшающая*. *Дъщерь*, *duhitar*, по мнѣнію Лассена, происходитъ отъ корня *duh*, *доить*: такимъ образомъ duhitar будетъ — *доящая*, что́ даетъ нѣкоторое понятіе о первобытной жизни арійскаго семейства, гдѣ дочери до замужства занимались доеніемъ скота. Кочевой и пастушескій образъ жизни древнихъ аріевъ ясно виденъ изъ того, что множество словъ, какъ въ санскритѣ, такъ и въ родственныхъ языкахъ, образуются посредствомъ корня *go*, скотъ (оттуда наше говядо), напр. *gouga* — пара воловъ, а потомъ и просто пара; *go — pa*, пастухъ, а потомъ родоначальникъ, царь; отсюда *gopayati* уже въ значеніи покровительствовать; какъ *gopa* означаетъ пастуха, такъ *gotra* значитъ *ограда*, загонъ, палисадъ, куда загонялось стадо въ обезпеченіе отъ похищеній; самое имя *сраженія* gáv — ishti буквально можетъ быть переведено: сражаться за стада.

Языкъ есть вѣрная картина цивилизаціи и нравовъ народа, и нѣтъ сомнѣнія, что у народовъ приморскихъ, мѣсто *стадъ* и *пастбища* занимаетъ *вода* и *корабль* при образованіи множества иныхъ словъ, получившихъ уже потомъ общее значеніе. Степени родства въ языкахъ индо-европейскихъ племенъ, обозначаемыя почти одними и тѣми же словами, ясно показываютъ, что онѣ были строго опредѣлены еще задолго до раздѣленія аріевъ на отдѣльныя племена, а также и термины, относящіеся къ до-

машнему быту, приведенные къ своему первоначальному значенію, живо вводятъ насъ въ образъ жизни и бытъ древне-арійскаго племени. По реставраціи древнѣйшей жизни аріевъ, сдѣланной въ послѣднее время Максомъ Миллеромъ въ его «Сравнительной Миѳологіи», мы видимъ общество съ весьма развитыми семейными отношеніями, но съ недалекими зачатками матеріальной цивилизаціи. Выраженія, обозначающія идею царской власти, заимствованы изъ жизни домашней, а слово *домъ* употребляется позднѣе въ смыслѣ *города*; весь развитый лексиконъ древне-арійскаго языка указываетъ на жизнь тихую, пастушескую и земледѣльческую. Ремесла и искусства еще очень не развиты и удовлетворяютъ только первымъ необходимостямъ жизни, таковы: паханіе земли, молотьба хлѣба, пряжа льна и пеньки, первоначальная обработка металловъ.

Что́ можно сдѣлать съ помощію языка для исторіи какого-нибудь отдѣльнаго народа, это ясно показалъ Яковъ Гриммъ въ своей *Исторіи нѣмецкаго языка*, когда, основываясь на немногихъ остаткахъ древнѣйшаго языка, онъ освѣтилъ новымъ свѣтомъ темныя судьбы средневѣковыхъ народцевъ и сообщилъ историческому изслѣдованію среднихъ вѣковъ ту прочность, которой оно дотолѣ не имѣло, не смотря на упорные труды талантливыхъ историковъ.

Относительно древнихъ аріевъ такой трудъ предпринялъ Пикте́, и первая часть его сочиненія уже вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Les Aryas primitifs ou les origines indo-européennes». Методъ, которому слѣдовалъ Пикте́, ясно выраженъ имъ въ предисловіи. Прежде всего онъ хочетъ соединить въ группы все сходное у различныхъ отраслей арійскаго семейства, полагая, что только это одно можетъ бросить яркій свѣтъ на цѣлое племя. Въ сравнительномъ анализѣ онъ всегда отправляется отъ санскритскаго слова (если оно существуетъ), чтобъ опредѣлить первичную тэму или этимологическое значеніе, а когда какое-либо слово въ санскритѣ не существуетъ, онъ обращается къ другимъ родственнымъ восточнымъ языкамъ, строго, однако, при-

держиваясь постояннаго закона перехода звуковъ. Дѣйствуя съ такою осмотрительною осторожностію, Пиктé совершенно обезопасилъ свое сочиненіе отъ упрековъ въ произволѣ, и въ этомъ отношеніи отъ него можно ожидать добрыхъ плодовъ для науки. Первый томъ заключаетъ въ себѣ этнографическія и географическія свѣдѣнія о древнихъ аріяхъ, второй будетъ посвященъ внутреннему быту и культурѣ. Для того, чтобъ отыскать родину арійскаго племени, Пиктé на первомъ планѣ разсматриваетъ географическія свѣдѣнія, древнѣйшія переселенія народовъ, взаимное отношеніе ихъ языковъ и различныя названія, какими ихъ называли въ древности. Сравнительное изслѣдованіе словъ, относящихся къ климату, временамъ года, топографіи и естественнымъ произведеніямъ страны, приводитъ его къ важнымъ этнографическимъ выводамъ. Изученіе подобнаго труда требуетъ продолжительнаго времени, и мы только успѣли пробѣжать его, а потому и откладываемъ до времени всякое сужденіе о его значеніи; но, судя по оглавленію, второй томъ долженъ быть еще любопытнѣе перваго, потому что онъ долженъ обнимать народный бытъ во всѣхъ его проявленіяхъ.

Кромѣ объясненія собственной исторіи первобытныхъ племенъ, языкознаніе предложило богатые матеріалы для рѣшенія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ современной науки, о которомъ было много споровъ и въ старину и въ наше время: мы разумѣемъ вопросъ о человѣческихъ породахъ, ихъ различіи и причинахъ его. Говоря это, мы не думаемъ утверждать, чтобъ сравнительное языкознаніе уже достигло въ этомъ отношеніи какихъ-нибудь положительныхъ, прочныхъ результатовъ; по крайней мѣрѣ, оно стоитъ на дорогѣ къ нимъ, и это всего лучше видно изъ недавно вышедшаго лингвистическаго сочиненія извѣстнаго Потта, подъ названіемъ «Ungleichheit menschlicher Rassen» (1856). Для человѣческаго современнаго чувства весьма утѣшителенъ тотъ послѣдній результатъ, къ которому пришелъ нѣмецкій лингвистъ въ заключеніе своихъ обширныхъ изслѣдованій: онъ совершенно отвергаетъ оскорбительную идею о нера-

венствѣ людей и племенъ и утверждаетъ, что они, какъ бы ни было велико ихъ различіе, отъ природы надѣлены равными умственными способностями. Это ясно изъ языка, который даже и у самыхъ *низшихъ* народцевъ обнаруживаетъ возможность всѣхъ человѣческихъ требованій, и потому каждое племя, вмѣстѣ съ прочими людьми, имѣетъ полныя права на удовлетвореніе такихъ требованій. Касательно самаго важнаго и исходнаго вопроса о единствѣ происхожденія человѣческихъ расъ лингвистическая этнологія не пришла еще ни къ какому прочному рѣшенію. Причина этого заключается въ молодости самой науки, такъ и въ нѣкоторыхъ постороннихъ, заранѣе принятыхъ мнѣніяхъ, отъ которыхъ не свободны даже такія свѣтлыя головы, какъ Максъ Мюллеръ и Бунзенъ. Несмотря на это, лингвистическая этнологія въ этомъ случаѣ стоитъ на сторонѣ того рѣшенія, какое предлагаетъ современное естествовѣдѣніе. Съ особенною рѣшительностію это было высказано въ послѣднее время ученымъ историкомъ семитическихъ языковъ Э. Рэнаномъ. Въ вопросѣ о происхожденіи, по его мнѣнію, отселѣ можно принять за аксіому, что языкъ не имѣетъ общаго источника: онъ долженъ былъ появиться параллельно, въ разныхъ мѣстахъ разомъ. Эти точки появленія могли быть очень близки другъ другу, происхожденіе могло совершиться одновременно, но оно было различно. Сущность языка — одна и та же вездѣ, но нарѣчія его весьма различны, и выраженіе старинной школы, что всѣ языки суть нарѣчія одного, не получаетъ оправданія въ наукѣ. Ренанъ, однако, не признаетъ, чтобы такая аксіома могла служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что народы, говорящіе различными языками, непремѣнно различнаго происхожденія, потому что есть много племенъ, физіологически одинаковыхъ, но употребляющихъ различные языки; но, при всемъ томъ, истина въ этомъ случаѣ такъ очевидна, что и на почвѣ языкознанія не можетъ не быть убѣдительна для каждаго, кто хотя немного знакомъ съ его результатами — и здѣсь она *подтвер-*

ждаетъ то, что́ говоритъ объ этомъ вопросѣ *современное* естествознаніе [1]).

Въ заключеніе этого краткаго обзора современныхъ задачъ языкознанія, должно упомянуть еще объ одномъ важномъ переворотѣ, какой произвело изученіе языка въ историческомъ пониманіи поэтическихъ произведеній или въ такъ-называемой *теоріи поэзіи*, которая до сихъ поръ еще не вполнѣ освободилась отъ схоластической рутины. Съ открытіемъ и объясненіемъ свойства древнѣйшаго языка открылись и сдѣлались ясны и свойства древнѣйшей первобытной поэзіи или эпоса: до того времени, подъ тяжелою рукою педантовъ, эти свѣжія произведенія народнаго духа облекались въ чудовищное построеніе и совершали путешествіе по извѣстнымъ мытарствамъ трехъ единствъ; труды Якова и Вильгельма Гриммовъ, Вильгельма Гумбольдта показали всю нелѣпость подобнаго взгляда, и хотя онъ доселѣ еще имѣетъ кое-гдѣ своихъ поклонниковъ, но возникновеніе цѣлой историко-филологической школы, которая занимается спеціальнымъ изученіемъ эпическихъ произведеній древности, по пути, указанному братьями Гриммами, лучше свидѣтельствуетъ о плодотворности ихъ взгляда на характеръ древнѣйшаго языка и эпоса.

Теперь, чтобъ достойно оцѣнить трудъ г. Буслаева, взглянемъ собственно на наше языкознаніе, на его исторію, на его современную правую и лѣвую сторону. Этому мы посвятимъ нашу вторую статью.

Переходимъ къ языкознанію собственно русскому и предварительно считаемъ необходимымъ оговориться.

---

1) Здѣсь нельзя не указать на важныя возраженія по этому вопросу, сдѣланныя Поттомъ Максу Мюллеру, въ его замѣчательной статьѣ: «Max Müller und die Kennzeichen der Sprachverwandtschaft», помѣщенной въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Т. 9, стр. 408 и слѣд. Поттъ замѣчаетъ, что даже лингвисты поборники преданія утверждаютъ только *возможность* единства происхожденія, которая, однако, неизмѣримо далека отъ строгой *дѣйствительности*. Вообще, «Es ist schwer zu glauben — скажемъ мы словами нѣмецкаго лингвиста — dass sich für das menschliche Geschlecht genealogische *Einheit* noch auf *sprachlichem Wege erweisen lasse!*»

Тотъ глубоко ошибся бы, кто захотѣлъ бы искать здѣсь подробнаго изложенія развитія отечественнаго языкознанія[1]); въ настоящую минуту мы далеки отъ этой цѣли: для насъ достаточно опредѣлить только главнѣйшіе пути, какимъ слѣдовала наша наука въ своемъ движеніи, и этимъ уяснить отношенія ея къ *Опыту* г. Буслаева. Потому мы заранѣе отстраняемъ отъ себя упрекъ въ нѣкоторой бездоказательности нашихъ сужденій: люди свѣдущіе, надѣемся, не упрекнутъ насъ въ этомъ, а для не близко знакомыхъ съ дѣломъ оправданіемъ нашимъ послужитъ третья, окончательная статья, для которой мы сберегаемъ частные факты и подробности: она должна служить очною ставкою лингвистическихъ мнѣній г. Буслаева съ соображеніями другихъ русскихъ грамматистовъ.

---

1) Сознавая полную необходимость подобнаго труда, гдѣ получили бы приличную отставку и вознагражденіе по трудамъ всѣ ветхія деньми понятія нашихъ грамматистовъ и филологовъ, мы не можемъ не пожелать, чтобъ это предпріятіе совершено было нѣсколько иначе, чѣмъ это сдѣлалъ г. Линниченко въ своемъ сочиненіи «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія ученыхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-исторической науки о языкѣ» (Кіевъ, 1856). Сочиненіе г. Линниченко есть *торжественная* рѣчь, произнесенная имъ на актѣ лицея кн. Безбородко, а потому и въ самыхъ понятіяхъ оратора существуетъ *нѣкая торжественность:* онъ очень серіозно рядитъ невинное корнесловіе адмирала Шишкова въ *народную одежду*, а его самого облекаетъ саномъ представителя *народныхъ русскихъ грамматическихъ интересовъ и потребностей!* Кромѣ этого, изъ его «Очерка» совершенно исключается судьба практической грамматики, какъ *неизмѣнной* (?!) *по своимъ взглядамъ и цѣлямъ*. Не говоря уже о непонятной странности подобнаго мнѣнія, самая мысль—исключить практическую или филологическую грамматику изъ исторіи русскаго языкознанія — въ высшей степени неосновательна: исторія русскаго языкознанія до утвержденія его на сравнительно-историческихъ началахъ, есть главнымъ образомъ исторія русской практической грамматики; рядомъ съ ней, какъ увидимъ далѣе, развивались и другія направленія, но главное мѣсто принадлежало старой филологической грамматикѣ, предъ *долговременнымъ* авторитетомъ которой склонялся даже такой философъ, какъ г. Иванъ Давыдовъ, и такой своеобразный филологъ, какъ покойный Костырь.

Какъ старая нѣмецкая и французская грамматики развивались изъ схоластическихъ началъ латинской, такъ славянская постоянно имѣла своимъ образцомъ греческую, не безъ особыхъ усилій отвѣчая на вопросы, какіе предлагала послѣдняя. Собственно говоря, во всѣхъ славянскихъ грамматикахъ до Мелетія Смотрицкаго было столь же мало славянскаго, сколько и греческаго: это была грамматика какого-то небывалаго, воображаемаго языка

Славянскій элементъ, до того показывавшійся случайно, отрывочно, въ грамматикѣ Смотрицкаго вступаетъ въ свои права и скоро ведетъ за собою постепенное отдѣленіе народныхъ русскихъ началъ: уже въ сокращеніи грамматики Смотрицкаго, сдѣланномъ Максимовымъ (1723 г.), мы находимъ многія отступленія отъ старинаго текста въ пользу народнаго элемента; но окончательно это сказалось лишь въ грамматикѣ Ломоносова. Ломоносову принадлежитъ честь созданія собственно русской грамматики. Отправившись отъ вѣрной мысли о различіи славянской стихіи въ языкѣ отъ русской, различіи, которое существовало до той поры только на практикѣ, Ломоносовъ долженъ былъ обратиться къ народному языку уже и потому, что литературный языкъ едва только зарождался. Такой счастливый пріемъ доставилъ ему почетное имя создателя русской грамматики, но обнаружилъ слабое, едва замѣтное вліяніе на послѣдующія судьбы русскаго языкознанія. Самъ Ломоносовъ не устоялъ противъ старинныхъ преданій и во многихъ отношеніяхъ былъ скромнымъ послѣдователемъ прежнихъ славянскихъ грамматистовъ: Мелетія Смотрицкаго, Ѳедора Поликарпова и др.

Аристократизмъ литературныхъ понятій восьмнадцатаго вѣка, воспитанный на французской классической почвѣ, не могъ снизойти до народной основы и не допускалъ, какъ тогда выражались, ничего *подлаго* (то есть народнаго) въ русскую грамматику. «Грамматика Ломоносова — говорилъ Сумароковъ — никакимъ *ученымъ собраніемъ* не *утверждена*, и по причинѣ, что онъ

московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка»[1]). Уже это любопытное обвиненіе служитъ предвѣстникомъ тѣхъ началъ, на которыхъ впослѣдствіи суждено было развиваться русской практической грамматикѣ: народный элементъ уступилъ свое мѣсто образцовой рѣчи писателей, и это случилось тогда, когда въ нашей литературѣ не являлись еще ни Державинъ, ни Карамзинъ, ни Крыловъ. «Такая исключительность въ выборѣ грамматическаго матеріала, весьма понятная въ грамматикѣ языковъ мертвыхъ, но вредная для языковъ живыхъ, могла еще имѣть нѣкоторый смыслъ въ литературѣ, уже твердо установившейся, какова литература народовъ западныхъ. Въ литературѣ же юной и свѣжей, какова наша, никоимъ образомъ не могла установиться эта разборчивая нетерпимость, которая исключаетъ изъ грамматическихъ правилъ все, чего не находимъ у образцовыхъ писателей» (Бусл.). Благія начинанія Ломоносова прошли даромъ, и вся послѣдующая судьба русской практической грамматики заключается въ постоянномъ вліяніи, какое имѣли на нее иностранные грамматисты: сперва Готшедъ съ своею школою, потомъ французы, и въ рѣзкомъ противорѣчіи правилъ ея съ рѣчью образцовыхъ писателей.

«Грамматика Ломоносова должна была уступить мѣсто руководствамъ, принявшимъ за образецъ рѣчь карамзинскую; но дальнѣйшіе успѣхи нашего языка, въ сочиненіяхъ Грибоѣдова, Крылова, Пушкина, уже не нашли себѣ оправданія въ этихъ руководствахъ».

Начиная съ Державина и Карамзина и кончая современными намъ писателями, нѣтъ ни одного, сколько-нибудь замѣчательнаго, который бы вышелъ безукоризненно-правымъ изъ судилища практической грамматики. «Не зная законовъ языка, практическая грамматика ограничилась правилами. Руководства, со-

---

1) Соч. Сумарокова, изд. 2-е, 1787 г. Т. X, стр. 38.

ставленныя по методѣ Готшеда и Аделунга, до того были далеки отъ всякаго понятія о законахъ, по которымъ образуются грамматическія формы, что подвели подъ общій уровень съ явленіями языка, основанными на его внутреннемъ построеніи, многіе чисто-формальные орѳографическіе пріемы. Такъ, напримѣръ, въ главѣ о правописаніи помѣщались правила объ употребленіи буквы *ъ*, которой значеніе опредѣляется только исторіею славянскаго языка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правила объ употребленіи прописныхъ буквъ въ началѣ каждаго стиха, или въ наименованіи дѣйствующихъ лицъ басни, — правила, составленныя только на основаніи условно-принятаго обычая» (Бусл. I. Пред. V — VI). Въ нашей первой статьѣ мы имѣли случай замѣтить странность той роли, которую брала на себя практическая грамматика: она желала *научить правильно говорить и писать* на извѣстномъ языкѣ и оттого, по справедливому замѣчанію г. Буслаева, вся этимологическая часть ея ограничивается только склоненіями и спряженіями, и ничего не знаетъ о звукахъ и образованіяхъ словъ; во множествѣ правилъ она предлагала подробныя наставленія, какъ склонять и спрягать реченія родного языка, забывая, что въ этомъ рѣдко ошибаются и люди безграмотные. Успѣхи языкознанія въ Западной Европѣ, нашедшіе отголосокъ даже и въ нашей небогатой и непритязательной ученой литературѣ, почти совершенно не коснулись русской практической грамматики: до послѣднихъ дней своихъ она учила *правильно говорить* и *писать*, противорѣча не только образцовымъ писателямъ, но и сама себѣ, предлагая *правила*, ни на чемъ не основанныя и ничѣмъ не оправдываемыя, кромѣ недалекаго взгляда грамматистовъ. Въ предисловіи къ своему *Опыту* г. Буслаевъ дѣлаетъ чрезвычайно вѣрную характеристику этой грамматики, доказывая многими примѣрами неосновательность и отсталость ея положеній. Само собою разумѣется, что число такихъ примѣровъ могло бы быть въ тысячу разъ болѣе, потому что вся практическая грамматика, говоря безъ преувеличенія, состоитъ изъ подобныхъ примѣровъ. Мы никакъ не можемъ позабыть, какъ одинъ старый практическій

грамматистъ утверждалъ, что «усѣченіе именъ прилагательныхъ происходитъ не отъ *особенности грамматической*, а по *стихосложной вольности*, для сохраненія числа и мѣры слоговъ». Какъ ни странно, а выходитъ, что Несторъ писалъ свою лѣтопись *стихами*: у него почти на каждой страницѣ можно встрѣтить цѣлые десятки прилагательныхъ краткихъ, напримѣръ: «отъиметъ Господь отъ Іерусалима крѣпкаго исполина и человѣка храбра, и судью и пророка, и смѣрена старца разумна, послушлива»[1])... (Лавр., стр. 100).

«Какъ этимологію и правописаніе полагала основать практическая грамматика главнѣйшимъ образомъ на правилахъ приличія, такъ синтаксисъ на требованіяхъ здраваго смысла», почерпнутаго изъ недальнихъ сподручныхъ руководствъ логики. Объ отношеніяхъ логики къ языку мы еще будемъ имѣть случай говорить далѣе, при разборѣ самой нелогической изо всѣхъ *логическихъ* грамматикъ, именно «Опыта» г. Ивана Давыдова, а теперь скажемъ только, что такому пріему практической грамматики мы обязаны тѣмъ, что у насъ до сихъ поръ не было син-

---

1) «Разсмотрѣніе книги: «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка». Спб. 1856. Стр. 52. Къ вышеприведенному примѣру мы прибавимъ оттуда же еще одинъ, вызывающій невольную улыбку: останавливаясь на нѣкоторыхъ нелѣпыхъ выраженіяхъ, какими обильно щеголяетъ *Общесравнительный опытъ*, авторъ «Разсмотрѣнія» говоритъ, что обороты: «Я, который вамъ другъ; ты, который такъ думаешь», никакъ не могутъ быть *допущены въ грамотномъ слогѣ»!* А, между тѣмъ, въ предисловіи къ «Разсмотрѣнію» мы находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Мнѣ казалось приличнымъ явиться предъ читателями на сей разъ псевдонимомъ. Но, раздумавъ потомъ, что грамматики, на которыя я долженъ ссылаться, написаны мною задолго предъ симъ, когда я былъ совсѣмъ *не тѣмъ человѣкомъ, который я нынѣ*, рѣшился я сбросить прозрачную маску...» *Который я нынѣ!* Итакъ, предъ судилищемъ кровнаго кодекса оказывается *безграмотнымъ* и самый грамматистъ! Не имѣя никакого повода сомнѣваться въ искренности подобнаго признанія, мы тѣмъ охотнѣе соглашаемся съ нимъ, что имѣемъ предъ глазами тысячи подтвердительныхъ примѣровъ: что, напр., можетъ сравниться съ оригинальными хлопотами, въ какія поставили *маститаго* (по выраженію общесравнительнаго математика) грамматиста простыя частицы русскаго языка *бы* и *же!* А *листы* и *листья?!*

таксиса, ибо нельзя назвать синтаксисомъ русскаго языка ни «Системы» г. Басистова, ни логико-психологическихъ мечтаній г. Греча, извлеченныхъ изъ такихъ *образцовыхъ* писателей, которымъ онъ самъ ежеминутно противорѣчитъ. Quot capita, tot sensus, а, стало быть, столько и синтаксисовъ!

«Мертвящее начало, скажемъ мы словами г. Буслаева, останется въ практической грамматикѣ до тѣхъ поръ, пока она не обратится къ родному языку, какъ къ живому слову, вѣчно юному и неистощимо богатому въ его видоизмѣненіяхъ историческихъ и мѣстныхъ, и пока не опредѣлитъ правильнаго отношенія нѣкоторыхъ нововведеній и особенностей, внесенныхъ въ нашу рѣчь твореніями образцовыхъ писателей, къ тому живому цѣлому, которое называемъ языкомъ роднымъ. Только тогда авторитетъ образцовъ, не противорѣча живому слову и не стѣсняя, а подкрѣпляя дарованія, принесетъ нашей литературѣ желаемые плоды». Въ послѣднее время въ русской практической грамматикѣ начало обнаруживаться нѣкоторое движеніе въ пользу такихъ новыхъ началъ; но старая рутина все-таки продолжаетъ брать верхъ, и грамматисты открыто сознаютъ свое безпомощное состояніе, оправдываясь тѣмъ, что для *практическаго* употребленія гораздо *удобнѣе* слѣдовать старинной, ни на чемъ не основанной схоластикѣ, нежели напрасно безпокоить себя чѣмъ-либо новымъ, выведеннымъ путемъ положительнаго сравнительно-историческаго изученія [1]).

---

1) «Русская грамматика» г. Классовскаго. Спб. 1856, стр. 139 — 140. То же самое, если еще не хуже, должно сказать и о сочиненіи професс. Лебедева: «Опытъ руководства къ изученію русскаго слова». Спб. 1846. Оно по своему методу и по взгляду на языкъ безраздѣльно принадлежитъ еще старинной филологической школѣ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма», несмотря на то, что авторъ, какъ профессоръ высшаго учебнаго заведенія, долженъ бы быть знакомъ съ направленіемъ новой науки. Какъ онъ смотритъ на языкъ, это всего яснѣе видно изъ слѣдующаго: «Цѣль изученія слова (говоритъ онъ) состоитъ въ достиженіи свободнаго и разумно-своеобразнаго умѣнія ясно, опредѣленно, правильно и *изящно* въ словѣ выражать мысли и чувствованія». Это, какъ видите, *цивилизованная* модификація извѣстнаго опредѣ-

Очевидно, что, при такомъ взглядѣ на предметъ и такихъ результатахъ, практическая русская грамматика была плохою помощницею г. Буслаеву въ его трудѣ: изъ нея онъ только могъ вынести убѣжденіе въ крайней неосновательности ея началъ и въ совершенно безполезныхъ, если не вредныхъ, ея приложеніяхъ. Потому, если «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» и имѣетъ какую-нибудь связь съ прежнею русскою практическою грамматикою, то, во всякомъ случаѣ, отрицательную; въ положительномъ смыслѣ явленіе его связано съ европейскою наукою и немногими результатами ея въ нашемъ отечествѣ. Къ нимъ-то теперь мы и обращаемся; но предварительно, чтобъ очистить предъ собою дорогу, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ жалкихъ недоноскахъ чужой мысли, чужого труда, а иногда и чужой фантазіи, отъ которыхъ до сихъ поръ не свободно наше языкознаніе: мы говоримъ о нашихъ ультра-лингвистахъ и ультра-философахъ.

Одновременно съ практическою грамматикою русскаго языка появились и сравнительныя сближенія, бывшія въ такомъ ходу въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Германіи, когда по одному созвучію выводили происхожденіе народа и языка его отъ того, или другаго племени.

На русской почвѣ эти наивныя фантазіи досужихъ грамотѣевъ получили нѣкоторый оттѣнокъ самобытности. Варваризмы, со времени реформы Петра пестрившіе литературную русскую рѣчь, оскорбляли національныя чувства нашихъ патріотовъ-литераторовъ, и первыя попытки противоборствовать этому выразились сравнительными сближеніями языка славянскаго съ гадательнымъ скиѳскимъ, тевтоническимъ (sic!), нѣмецкимъ, кельтскимъ и др., безъ сомнѣнія, съ цѣлью доказать превосходство

ленія практической грамматики; но выиграла ли отъ этого наука, а равно, мѣрно и оттого, что авторъ далѣе пускается въ психологическія и физіологическія изысканія и говоритъ о томъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, что у него есть чувства, etc... etc...?

перваго. Не упоминая уже о забавныхъ сравненіяхъ Тредьяковскаго и Сумарокова, къ этому младенческому періоду развитія науки должно отнести сравнительный словарь Академіи и труды адмирала Шишкова. Мы вовсе не хотимъ отрицать нѣкоторой пользы, принесенной ими: словарь Академіи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по мнѣнію Як. Гримма[1]), обнаружилъ сильное вліяніе на развитіе сравнительнаго языкознанія, а труды Шишкова принесли не менѣе пользы, ограничивъ наплывъ варваризмовъ; мы желаемъ голько указать имъ надлежащее мѣсто въ наукѣ. Шишковъ началъ съ защищенія *стараго слога* отъ нападокъ послѣдователей Карамзина. Ревнитель всего славянскаго, онъ не задумался и русскій языкъ признать церковно-славянскимъ, утверждая, что онъ только *слогъ*, видоизмѣненіе послѣдняго, но потомъ долженъ былъ согласиться, что онъ есть нарѣчіе. Признавъ русскій языкъ *нарѣчіемъ*, Шишковъ, для удержанія тождества его съ церковно-славянскимъ, долженъ былъ признать этотъ послѣдній также *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ* — и для отысканія-то этого мечтательнаго языка подъяты были имъ такія многотрудныя, къ сожалѣнію, безплодныя, филологическія работы! Говоря вообще, корнесловіе Шишкова и Россійской академіи отличается отъ этимологическихъ фантазій Сумарокова и Тредьяковскаго развѣ только однимъ объемомъ: оно систематичнѣе наивныхъ толкованій, ученѣе, но принадлежитъ къ одному и тому же направленію. Примѣръ патріота Шишкова нашелъ себѣ подражателей и въ наше время: мы говоримъ о школѣ *панславистовъ*, которымъ принадлежитъ честь возведенія въ систему дѣтскихъ гаданій нашихъ историковъ и языковѣдовъ прошлаго столѣтія, гаданій, происхожденіе которыхъ скрывается въ идеѣ невзнузданнаго патріотизма. Это явленіе, можно сказать, общеславянское; только мы въ этомъ случаѣ опередили своихъ западныхъ соплеменниковъ: уже Тредьяковскій съ *великимъ присиливаніемъ* доказывалъ превосходство славянскаго языка

1) Ueber den Ursprung der Sprache. B. 1852. Стр. 9.

предъ тевтоническимъ, и Сумароковъ утверждалъ, что галльскіе цельты *нареклись* отъ слова *гуляю*, а *славянскіе* отъ *славный*, что мы Россіяне *дѣти славенъ*, *внуки цельтовъ*, или *иначе славене и цельты*, когда у западныхъ славянъ еще не было ни Данковскаго, ни Коллара, ни Воланскаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ (напримѣръ, Данковскому) нельзя отказать въ глубокой ученности, въ блестящемъ и неподдѣльномъ остроуміи и даже въ извѣстной долѣ истины; но никто не станетъ смѣшивать эти попытки съ наукою, или принимать ихъ въ серіозную сторону. Мы далеки отъ того, чтобы рѣшительно бросить въ нихъ камнемъ рѣзкаго приговора и назвать ихъ произведеніями досужей фантазіи, или разстроеннаго воображенія; но и пріемы, и методъ ихъ, и самые результаты находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что́ до сихъ поръ сдѣлала наука, что мы рѣшительно должны отказать имъ въ серіозномъ содержаніи. Это какая-то особая наука—антиподъ нашей современной; она отрицаетъ эту послѣднюю, хотя иногда и пользуется ея результатами. Не робѣя ни предъ какими трудностями, ультра-лингвисты, по большей части, легко и свободно снимаютъ всѣ противорѣчія, разрѣшаютъ всѣ недоумѣнія. Оттого и выводы ихъ такъ легки, свободны, и съ этой стороны представляются какъ бы упрекомъ медленному развитію человѣческой науки, но упрекомъ, конечно, слишкомъ наивнымъ, младенческимъ, чтобы возмутить ея медленное, но прочное, исконное движеніе. Въ историческихъ и лингвистическихъ изысканіяхъ подобнаго рода много недостатковъ выкупается временными народными причинами, блестящимъ остроуміемъ, или ѣдкою, ироническою мистификаціею; но, при отсутствіи этихъ свойствъ, что́ остается сочиненію, въ простотѣ сердца доказывающему, что Гомеръ былъ родомъ изъ Бѣлоруссіи и писалъ по-русски, что пелазго-ѳраки были прото-славяне, что греческій языкъ происходитъ отъ славянскаго и т. д.? Конечно, ничего, кромѣ скромной оригинальности — и то на долго ли?...

Въ нашей небогатой лингвистической литературѣ находится также нѣсколько рѣдкостей въ этомъ родѣ: не говоря уже о

Чертковѣ, который на обломкахъ этрусскихъ надписей отыскивалъ русскую болѣзнь *утинъ*, отъ которой умеръ покойникъ, и подкрѣплялъ свое заключеніе ссылками на Киршу Данилова и Желябужскаго, о Классенѣ, Вельтманѣ, въ послѣднее время эти гаданія возобновились въ *лингвистической* школѣ гг. Хомякова и Гильфердинга[1]). Подобное соревнованіе филологической славѣ Сумарокова и Шишкова могло бы быть оставлено безъ серіознаго вниманія, если бы не несло за собою нѣкотораго вреда, состоящаго главнымъ образомъ въ томъ, что, видя эту пустую игру, люди, не близко-знакомые съ дѣломъ, теряютъ всякое довѣріе къ наукѣ, ничѣмъ неповинной въ лингвистической эквилибристикѣ гг. Хомякова и Гильфердинга и комп.

Мы выше говорили о значеніи Беккера и его *Организма*. Стройность ли системы, или нѣкоторыя другія причины, только системѣ Беккера, къ несчастію, посчастливилось на нашей почвѣ: она произвела у насъ нѣсколько руководствъ, которыя должны занять достойное мѣсто въ числѣ прочихъ книгъ, препятствовавшихъ умственному развитію нашего юношества. Во главѣ ихъ стояла уже извѣстная намъ *Общесравнительная грамматика русскаго языка*, изъ которой, какъ изъ неизсякаемаго родника, черпали наши грамматисты второго ранга, и которая, иногда уже слишкомъ нецеремонно, сама черпала изъ Беккера, Вурста и др. Будущій историкъ русской цивилизаціи найдетъ не малую пищу своимъ соображеніямъ въ судьбѣ этого кодекса:

---

1) Кому покажется наше сужденіе о лингвистикѣ г. Гильфердинга слишкомъ строгимъ, для тѣхъ мы позволимъ себѣ привести мнѣніе Шлейхера, одного изъ первыхъ современныхъ славянистовъ: «Методъ г. Гильфердинга не есть методъ строго-научный, онъ очень мало обращаетъ вниманія на исторію звуковъ и сравниваетъ, поэтому, то, что́ едва-ли можетъ между собою быть сравниваемо». Приведенными здѣсь же примѣрами Шлейхеръ оправдываетъ такой приговоръ, въ заключеніе котораго онъ позволилъ себѣ сказать слѣдующія слова: «Der deutsche Sprachgelehrte, der nicht Russisch kann, braucht es dieses Buches (сочин. г. Гильфердинга «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ») wegen nicht zu lernen!» Beiträge zur vergleich. Sprachforschung. Ber. 1857. Ч. II, стр. 265—66.

при своемъ появленіи онъ былъ встрѣченъ единодушными похвалами; не только посредственность, но и *дѣйствительные знатоки*[1]) отзывались съ такою мягкою умѣренностью, «такъ сладко, чуть дыша», что авторъ, вѣнчанный лаврами и превознесенный, одно за однимъ напечаталъ *три* изданія — и все тѣ же похвалы! Одинъ старый практическій грамматистъ пытался-было дать надлежащій смыслъ такому общесравнительному поклоненію; но его рукопись не могла быть напечатана по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ[2]). Только въ 56 году, съ *возрожденіемъ* наукъ и искусствъ, появилось и «Разсмотрѣніе общесравнительной грамматики». Не смотря на то, что практическій грамматистъ цѣлою четвертью вѣка отсталъ въ ученомъ образованіи, онъ нанесъ русской теоріи Беккера такой ударъ, отъ котораго трудно было оправиться: *Общесравнительная Грамматика* оказалась никуда негодною, въ ней не отыскалось — по выраженію приговора — «ни одного хорошаго *правила* (sit venia verbi!) или даже взгляда; есть хорошее и новое, только хорошее не ново, а новое не хорошо, и все составлено изъ отрывковъ, которые не клеятся между собою; вся компиляція не приведена въ единство, не соображена въ частяхъ своихъ, повтореній много, противорѣчій также, написана темно, неправильна языкомъ, проф. Велланскаго и князя Шаликова, что названіе: *Общесравнительная грамматика русскаго языка* — названіе безсмысленное» и т. д.;

---

1) «Отчеты Импер. Акад. Наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности» 1852. Рецензія «Опыта общесравнит. грамматики русскаго языка» г. Срезневскаго. Стр. 305, 308, 9 и слѣд. «Опытъ», по словамъ рецензента, «явится въ свѣтъ не только какъ трудъ ученаго, но какъ произведеніе писателя, *упрочившаго свою славу искусствомъ владѣть языкомъ, какъ голосъ художника*, который самъ высказываетъ, чѣмъ онъ руководствовался въ своихъ произведеніяхъ, когда облекалъ ихъ въ слово и этому слову давалъ жизнь, понятную для всякаго русскаго»... «Она («Общесравнительная грамматика»), заключаетъ рецензентъ, явится какъ *авторитетъ, заранѣе утвержденный*». А извѣстно, прибавимъ мы отъ себя, что заранѣе утвержденные авторитеты скоро выпускаются въ отставку!

2) См. Отвѣтъ автору «Общесравнительной грамматики русскаго языка» въ «Сѣверной Пчелѣ» 1857, №№ 7, 8.

въ заключеніе, совѣтовалось ея автору возвратиться къ интегральному исчисленію, которымъ онъ занимался съ такимъ туманнымъ успѣхомъ, лѣтъ за тридцать предъ симъ. Не знаемъ, воспользовался ли грамматистъ этимъ совѣтомъ; но, по крайней мѣрѣ, кредитъ его кодекса понизился до послѣдняго градуса: ужь когда и практическая грамматика, сама построенная на ложной основѣ и исполненная ошибокъ всякаго рода, находитъ такіе промахи и погрѣшности противу здраваго смысла, то что́ же должно быть, еслибъ кто русскую общесравнительную систему Беккера подвергъ строгому суду современной науки! Намъ кажется, что послѣ такого пораженія и появленія «Опыта исторической грамматики» Буслаева, становятся невозможными ни общесравнительная, ни извлеченія изъ нея, какія мы встрѣчаемъ у гг. Стоюнина, Смирнова и др.; но самая судьба «Общесравнительной Грамматики» представитъ не послѣдній матеріалъ для печальной исторіи русской общественной мысли въ половинѣ XIX столѣтія. Въ слѣдующей статьѣ мы коснемся съ должнымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ лингвистическихъ мнѣній ея автора, и тогда на дѣлѣ будемъ имѣть случай убѣдиться въ справедливости нашего мнѣнія; теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ этого, по словамъ г. Срезневскаго, заранѣе утвержденнаго авторитета.

Въ трехъ предисловіяхъ, какими снабжены три изданія *Общесравнительнаго опыта*, и въ предисловіи къ грамматикѣ Ломоносова, изданной Вторымъ отдѣленіемъ Академіи наукъ въ 56 году, авторъ довольно подробно объясняетъ свой взглядъ на языкъ и на грамматику: здѣсь находятся уже извѣстныя намъ выдержки изъ предисловія Гримма, выдержки, проникнутыя живымъ пониманіемъ языка; но такъ какъ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ другими понятіями автора, которыя почерпнуты изъ Беккера и на которыхъ зиждется все его общесравнительное зданіе, то мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, находя нѣсколько неприличнымъ ставить ихъ въ параллель съ русскими варіаціями абсолютовъ беккеровой логики. «Показать *общіе законы* слова

человѣческаго, *на началахъ мышленія*, и частныя особенности, объясняемыя сравненіемъ отечественнаго языка съ языками однородными и соплеменными — вотъ (по мнѣнію грамматиста) цѣль отечественной грамматики *общесравнительной*». «Способъ моего изложенія законовъ русскаго языка (говоритъ онъ) собственно *философскій*, потому что частныя измѣненія грамматическихъ формъ *подводятся* подъ *общіе логическіе законы;* но онъ вмѣстѣ и *историческій*, или *сравнительный*, потому что всѣ главныя формы русскія сравниваются съ соотвѣтственными формами языковъ однородныхъ и соплеменныхъ». Альфа и омега лингвистической премудрости! *Желая лишь только проложить новую дорогу къ воззрѣнію на родной языкъ*, авторъ позабылъ, что эта новая дорога давно запустѣла и поросла сорною травою: онъ взялъ готовыя логическія понятія и насильственнымъ образомъ приклеилъ ихъ къ русскому языку. Отвлеченными и давно оставленными понятіями, каково, напримѣръ, понятіе о *полярныхъ* (!) противоположностяхъ въ языкѣ, неудобопонятнымъ философствованіемъ, прикрывается здѣсь неисполненное обѣщаніе историческаго и сравнительнаго изслѣдованія языка русскаго; послѣдній элементъ еще кое-гдѣ встрѣчается, хотя совершенно внѣшнимъ, случайнымъ образомъ, а объ историческомъ — только и помину, что въ предисловіи. Къ самому языку авторъ приступилъ не какъ къ живому, свѣжему выразителю народной жизни, а какъ къ отвлеченному организму, о которомъ значится въ Беккеровомъ «Организмѣ языка». Что современное направленіе въ языкознаніи и успѣхи его въ трудахъ Боппа, Потта, Вильгельма Гумбольдта, Гримма и другихъ, о которыхъ говорится во всѣхъ вышеупомянутыхъ предисловіяхъ, были знакомы грамматисту только по слухамъ и даже по темнымъ слухамъ, это ясно видно почти изъ каждой страницы «Опыта Общесравнительной Грамматики», который, по собственному признанію сочинителя, весь состоитъ изъ отрывковъ, взятыхъ у разныхъ грамматистовъ, разныхъ направленій, начиная съ г. Греча и кончая гг. Буслаевымъ и Катковымъ; короче сказать — это

не грамматика русскаго языка, а свалочная книга различныхъ грамматическихъ понятій, приведенныхъ въ единство только отсутствіемъ хронологическихъ помѣтъ и недалекою логическою закраскою: старое такъ рѣшительно укладывается возлѣ новаго, немногое годное такъ тѣсно переплетается съ негоднымъ, что рѣшительно становится невозможнымъ признать у автора существованіе какой-нибудь общей мысли, руководившей его въ трудѣ, не говоря уже о современныхъ лингвистическихъ понятіяхъ. Послѣдовательность есть въ системѣ Беккера, есть она и въ практической грамматикѣ г. Греча; но напрасно вы станете искать ее въ «Опытѣ Общесравнительной Грамматики русскаго языка»; видно, что авторъ писалъ ее совершенно механически, одушевляемый болѣе надеждою на успѣхъ, чѣмъ на дѣйствительное, основательное изслѣдованіе предположенной задачи. Словомъ, скажемъ мы еще разъ, «Общесравнительная грамматика русскаго языка» останется въ высшей степени любопытнымъ памятникомъ того болѣзненнаго пути, по которому шло наше общественное развитіе, и хотя ея авторъ, какъ бы предупреждая судъ потомства, и назвалъ свой кодексъ тѣмъ *звеномъ, которое связываетъ прошедшую судьбу русской грамматики съ будущею*, но *настоящее* откажется отъ такой чести и предоставитъ «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» только ея автору, г. Ивану Давыдову.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя нами филологическія направленія въ изученіи русскаго языка имѣли болѣе или менѣе многихъ послѣдователей: упоминать ли о несчетномъ количествѣ произведеній, черпавшихъ свое вдохновеніе и матеріалъ для него изъ грамматикъ г. Греча? говорить ли о послѣдователяхъ философіи г. Ивана Давыдова и лингвистикѣ г. Хомякова?... Infandum, regina, jubes renovare dolores!... Но въ нашей филологической литературѣ есть одно сочиненіе, замѣчательное по своей рѣзкой оригинальности и потому заслуживающее упоминанія. Это курсъ, читанный покойнымъ профессоромъ Костыремъ въ университетѣ св. Владиміра въ 46—8 годахъ и издан-

ный подъ названіемъ «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка», 2 ч. По направленію и методу оно принадлежитъ еще прошлому вѣку и цѣлымъ столѣтіемъ запоздало въ своемъ появленіи. Къ дѣлу Костырь приступилъ какъ философъ, привыкшій отдавать себѣ отчетъ во всякомъ явленіи и во всякой мысли; но это раціональное начало не уравновѣшивалось въ немъ достаточнымъ знакомствомъ съ матеріальнымъ содержаніемъ предмета. Не ознакомившись основательно съ фактами исторіи русскаго языка, онъ рѣшился судить о нихъ, руководствуясь философскимъ критическимъ тактомъ и, само собою разумѣется, долженъ былъ впасть въ самыя грубыя ошибки. Ничего не принимая слѣпо на вѣру, онъ не могъ образовать самостоятельной точки зрѣнія, и потому, сомнѣваясь въ одномъ, принятомъ наукою за положительный фактъ, онъ относительно другаго попадалъ на старую общую точку зрѣнія. Вотъ примѣры. Отдѣляя грамматическое изученіе русскаго языка (цѣль котораго, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобъ сообщить намъ *умѣнье употреблять формы русскаго языка*) отъ филологическаго, онъ довольно вѣрно опредѣляетъ послѣднее слѣдующимъ образомъ: «Филологическое изученіе имѣетъ предметомъ своимъ организмъ русскаго языка, разсматриваемаго въ его сродствѣ съ языками *общеславянскими* (?) и языками древняго міра и въ историческомъ развитіи его отъ древнѣйшей его эпохи до эпохи современной, *въ которой онъ становится языкомъ частнымъ, языкомъ не народа, но одного избраннаго общества (?!)*, или языкомъ литературы современной» (стр. 14). Уже исключительность послѣднихъ словъ до нѣкоторой степени показываетъ, что Костырь смотрѣлъ на языкъ лишь какъ на литературный матеріалъ, не признавая его самостоятельнаго значенія. Это еще яснѣе видно при разборѣ филологическихъ изслѣдованій гг. Каткова и Шишкова, корнесловію котораго онъ отдаетъ видимое преимущество предъ лингвистическимъ трудомъ перваго. На сравнительно-историческій методъ и приложеніе его къ русскому языку Костырь вообще смотрѣлъ

какъ-то подозрительно, не желая хорошенько вникнуть въ сущность этого ученія; самую мысль о родствѣ индо-европейскихъ языковъ, въ то время уже приведенную въ надлежащіе предѣлы и ясность, онъ понималъ не иначе, какъ въ смыслѣ заимствованій, и даже позволилъ себѣ попрекнуть Бюрнуфовъ и Боповъ этимъ мнимымъ заимствованіемъ, остроумно сравнивъ его съ вѣрою въ метемпсихозисъ. Что Костырь былъ чуждъ правильному, современному воззрѣнію на языкъ, это доказываетъ и вторая половина его сочиненія, гдѣ разбирается вопросъ о происхожденіи языка и гдѣ геніальныя идеи Вильгельма Гумбольдта ставятся на ряду съ понятіями философовъ XVIII столѣтія и приносятся въ жертву отвлеченной философіи автора. Вообще, трудъ Костыря замѣчателенъ только какъ рѣдкое, одиночное явленіе, не имѣющее никакой видимой наружной связи съ другими явленіями русскаго языкознанія, и съ этой точки зрѣнія объясняется и наша поминка объ немъ.

Переходимъ теперь къ тѣмъ трудамъ русскихъ ученыхъ, которые облегчили и сдѣлали возможнымъ появленіе «Опыта исторической грамматики русскаго языка».

Во всей многочисленной семьѣ языковъ и нарѣчій славянскихъ — церковно-славянскому языку безспорно принадлежитъ первое мѣсто. «Понимая его непосредственно по характеру, данному ему нашими предками, нельзя не почесть его въ высшей степени достойнымъ вниманія, какъ начала духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненныя племена. . . Предоставляя выраженіе частныхъ потребностей каждому нарѣчію, онъ общилъ племена, разрозненныя въ пространствѣ. Съ этой точки зрѣнія, можно утверждать, что какъ во всѣхъ народахъ, такъ и въ русскомъ не внѣшняя сила, не привычка, но внутренняя потребность заставляла племена, проникавшіяся недовѣдомымъ стремленіемъ къ просвѣщенію, удерживать въ письменности языкъ, котораго характеръ не подчинялся всѣмъ современнымъ измѣненіямъ. Въ исторіи нашего просвѣщенія не столько важенъ вопросъ о вліяніи церковно-славянскаго языка на русскій, сколько обратно—

вліяніе русскаго на церковно-славянскій. Это именно характеризуетъ значеніе его въ просвѣщеніи нашемъ. Внесенный вмѣстѣ съ св. книгами, онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но, не принимая въ себя ничего, что́ рознитъ русскія нарѣчія, усвоилъ то, что́ ихъ соединяетъ. Дѣйствительно, въ немъ есть много русскаго, но ничего малороссійскаго, ничего велико-русскаго, ничего бѣло-русскаго. Въ этомъ состоитъ его значеніе въ цѣломъ періодѣ образованія нашего до Петра Великаго. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи»[1]). Но съ нимъ роднятъ насъ не одни только историческія воспоминанія, для многихъ уже несуществующія: наука открыла другое родство, которое связываетъ насъ съ нимъ тѣснѣе и крѣпче перваго и не подчиняется условіямъ пространства и времени. Церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ языковъ, которые дошли къ намъ въ полномъ цвѣтѣ своей жизни, когда порча, неизбѣжная въ языкѣ каждаго народа, уже вступившаго на историческое поприще, не успѣла повредить всего организма. Поэтому-то онъ такъ дорогъ намъ! Десять вѣковъ тревожной исторической жизни положили свой неизгладимый отпечатокъ и на языкъ нашъ: съ обмѣною мыслей, убѣжденій и формъ жизни мѣнялись и формы языка, но, конечно, не къ лучшему, потому что, какъ мы уже имѣли случай показать, законъ историческаго прогресса, и самъ по себѣ не слишкомъ-то ясный, уже совершенно непримѣнимъ къ языку, и, посреди всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ улучшеній въ жизни, одинъ языкъ представляетъ видъ нестройныхъ остатковъ организма, неуцѣлѣвшаго отъ жизненнаго крушенія. Путемъ изученія современнаго состоянія нашего языка мы не дойдемъ до полнаго его пониманія. Богатый и гибкій, но лишенный мѣстами первобытной свѣжести, онъ останется для насъ нѣмою, непонятною буквою до тѣхъ поръ, пока мы не обратимся

---

1) В. Григоровича: «Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка». Казань. 1852.

къ его исторіи, къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергался онъ въ теченіе долгаго жизненнаго процесса, и въ нихъ не поищемъ объясненія неуступчивой современности. На первомъ шагу мы встрѣчаемся здѣсь съ языкомъ церковно-славянскимъ, этимъ *разъяснительнымъ* языкомъ, счастливо сохранившимъ въ себѣ первобытную простоту и свѣжесть. Рано возведенный до письменности, онъ хранитъ коренныя свойства славянскихъ языковъ, много потерпѣвшихъ подъ вліяніемъ мѣстности и историческихъ условій. Необыкновенная свобода этимологическихъ формъ: богатство звуковъ и флексій, эти внутреннія достоинства дѣлаютъ его — по словамъ П. Шафарика — предметомъ, важнымъ для всякаго языковѣда, а для славянскаго *трижды* и *четырежды* важнымъ, и потому, въ настоящее время, по всей справедливости, считается онъ краеугольнымъ камнемъ славянской лингвистики и филологіи: къ нему естественнымъ историческимъ путемъ приходитъ каждый изслѣдователь славянскихъ нарѣчій, и славянское языкознаніе обязано ему всѣми своими успѣхами: что́ было въ немъ темнаго, непонятнаго, оживилось и получило надлежащій смыслъ по сближеніи съ этимъ языкомъ.

Два имени стоятъ въ главѣ его ученой обработки, и одно изъ нихъ принадлежитъ русскому. Съ тѣхъ поръ, какъ появилось разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ — а этому скоро исполнится сорокъ лѣтъ — славянская наука далеко ушла впередъ; но мысли, въ немъ высказанныя, легли въ ея основу. Еще Добровскій, другой великій славянистъ нашего времени, собственнымъ примѣромъ показалъ, что́ пріобрѣтаетъ наука въ *Разсужденіи* Востокова. Онъ познакомился съ этимъ сочиненіемъ, когда его знаменитыя «Institutiones linguae slavicae veteris dialecti» только что начались печатаніемъ. Важность наблюденій и выводовъ Востокова поразила его, и онъ тотчасъ хотѣлъ, прекративъ печатаніе, начать переработку труда по указаніямъ нашего славяниста. Только уступая просьбамъ друга своего Копитара, Добровскій рѣшился продолжать печата-

ніе[1]). Какъ Добровскій, такъ и Востоковъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, держались преимущественно историческаго начала. Оно открывало имъ древнѣйшія свойства церковно-славянскаго языка, но не могло предложить удовлетворительнаго объясненія его старинныхъ формъ. Отсюда немногія ошибки Добровскаго, которыхъ счастливо избѣжалъ Востоковъ. Иногда, впрочемъ, Добровскій обращался и къ сравнительному методу; но имъ не руководили законы строгой лингвистики, и, въ этомъ отношеніи, онъ еще послѣдователь старинной школы. Востоковъ осторожно миновалъ эту искусительную и въ то время еще неприготовленную почву: его сравнительныя сближенія, по большей части, отличаются вѣрностію и умѣренностію. Такъ носовые элементы (ринизмъ), природы которыхъ не могъ понять Добровскій, объяснены имъ сближеніемъ съ польскимъ языкомъ, гдѣ они до сихъ поръ имѣютъ свою силу[2]). Открытія Востокова на первый взглядъ могутъ показаться незначительными; но кто знаетъ, какъ важны въ лингвистикѣ правильныя понятія о звукахъ, какъ, минуя эту основу, нельзя понять никакихъ законовъ языка, тотъ пойметъ, что правильное объясненіе носовыхъ элементовъ было открытіе, значеніе котораго далеко за предѣлами видимаго современными языковѣдами горизонта. Сверхъ этой главной заслуги «Разсужденія» Востокова, мы встрѣчаемъ въ немъ много другихъ здравыхъ мыслей о переходѣ гортанныхъ въ шипящія и свистящія, о звукахъ полугласныхъ, объ особенности склоненія прилагательныхъ простыхъ и сложныхъ, о неупотребленіи дѣепричастія, и т. д.

Опредѣливъ древнѣйшія свойства церковно-славянскаго языка, Востоковъ тѣмъ самымъ указалъ на мѣсто его и зна-

---

1) Отчеты Акад. Наукъ по 2-му отдѣленію. Спб. 1852, p. 297.

2) Справедливость требуетъ, однако, сказать, что многія сравнительныя сближенія, высказанныя Востоковымъ въ образцовыхъ *грамматическихъ объясненіяхъ* Фрейзингенскихъ памятниковъ, обличаютъ въ немъ изслѣдователя съ глубокимъ и тонкимъ лингвистическимъ тактомъ.

ченіе въ кругу другихъ славянскихъ нарѣчій, а это, въ свою очередь, навело на многіе важные историко-литературные вопросы, безъ рѣшенія которыхъ были невозможны дальнѣйшіе успѣхи славянскаго языкознанія; таковы: о нарѣчіи, на которое сдѣланъ былъ первоначальный переводъ священныхъ книгъ, о древнѣйшихъ рукописяхъ славянской письменности, объ ихъ изводахъ или редакціяхъ и вліяніи, какому подвергался церковнославянскій языкъ въ Россіи, Сербіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Дальнѣйшіе грамматическіе труды Востокова не имѣли уже того высокаго интереса и значенія для науки, какъ его «Разсужденіе». Они не развивали, а только доказывали его прежнія мысли и служили имъ подтвержденіемъ; таковы его *грамматическія правила*, извлеченныя изъ «Остромирова Евангелія», которыя, при отсутствіи строгой грамматической системы, представляютъ довольно полное собраніе фактовъ языка древнѣйшаго памятника церковно-славянской письменности, значительно облегчающее его изученіе и особенно полезное при ученыхъ справкахъ.

Ученыя заслуги Востокова давно признаны и оцѣнены всѣми. Но едва-ли кто замѣтилъ, или, по крайней мѣрѣ, высказалъ одно достоинство его, рѣдкое въ наше время, когда въ науку такъ часто вносятъ интересы личнаго или племеннаго эгоизма. Мы говоримъ о той примѣрной добросовѣстности, которая, свидѣтельствуя его возвышенный взглядъ на науку и чистыя отношенія къ ней, дѣлаетъ для насъ имя Востокова *авторитетомъ* въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы не знаемъ ни одного факта, какъ бы ни былъ онъ мелоченъ, неправильно переданнаго, или вымышленнаго имъ.

Есть что-то высокое въ этомъ неподкупномъ чувствѣ правды и уваженія къ истинѣ! Въ этомъ отношеніи, какая противоположность между нашимъ славянистомъ и другими филологами — Копитаромъ и его ученикомъ, Миклошичемъ, приходская народность и вѣроисповѣдное чувство которыхъ доводило ихъ до такихъ недобросовѣстныхъ искаженій истины! Не ходя далеко

за примѣрами, мы укажемъ на послѣдній трудъ Востокова: «Церковно-славянскій словарь», котораго первый томъ уже появился въ свѣтъ. Миклошичъ, вѣрный своему мнѣнію о тождествѣ двухъ полугласныхъ звуковъ Ъ и Ь, отступилъ отъ историческихъ фактовъ и, въ угоду своему мнѣнію, въ Lexicon linguae Slovenicae переиначилъ правописаніе всѣхъ словъ съ полугласными элементами; а о Копитарѣ и говорить нечего: онъ доходилъ иногда до возмутительной недобросовѣстности и рѣшительно выдумывалъ факты для подтвержденія своего католическаго гаданія de pannonietate sacrae linguae Slovenicae[1]). Этого мы не встрѣтимъ въ Востоковѣ: его словарь, конечно, не можетъ еще отличаться полнотою, но никто не упрекнетъ его невѣрностію, или недобросовѣстностію. Словарь составляется по древнѣйшимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ: смыслъ словъ опредѣляется сличеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ различныхъ сочиненій, а въ переводахъ — сопоставленіемъ словъ подлинника.

Мы потому распространились о заслугахъ Востокова, что его грамматическія сочиненія, можно сказать, создали славянскую филологію. Въ нашемъ отечествѣ они, однако, не произвели того вліянія, какое имѣли у западныхъ славянъ. Церковно-славянская грамматика у насъ еще очень недавно оставила мудрыя правила Ѳедора Поликарпова, а собственно русская грамматика, можно сказать положительно, только въ «Опытѣ» г. Буслаева воспользовалась въ первый разъ какъ слѣдуетъ церковно-славянскимъ языкомъ и открытіями Востокова.

Развитіе сравнительно-историческаго языкознанія подняло и возвысило изученіе языка церковно-славянскаго: онъ сдѣлался исходнымъ пунктомъ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, посредствующимъ терминомъ, связывающимъ судьбы ихъ съ судьбами языковъ всего индо-европейскаго племени. Мы упо-

---

1) См. превосходную характеристику Копитара, какъ писателя, въ сочиненіи г. Бодянскаго: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ». 1855. 213 и LXXIII—IV стр.

минали выше о трудахъ Шафарика, Шлейхера и Миклошича: совокупными усиліями ихъ этимологія, можно сказать, почти окончена; но за синтаксисъ еще никто и не принимался. Намъ кажется, что ближайшимъ образомъ эта обязанность лежитъ на насъ, русскихъ: ни одна славянская земля не обладаетъ такимъ сокровищемъ памятниковъ древняго церковно-славянскаго языка, какъ наше отечество, и намъ слѣдовало бы отвѣчать на потребности современной науки въ сравнительномъ славянскомъ языкознаніи. Къ сожалѣнію, наши отвѣты на это были до сихъ поръ какъ-то глухи и уклончивы: мы можемъ указать на нѣсколько именъ, съ успѣхомъ занимавшихся разработкою нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но никто до сихъ поръ не принимался за постройку цѣлаго зданія, такъ что г. Буслаеву первому принадлежитъ честь созданія русскаго и церковно-славянскаго синтаксиса. Объ этомъ мы скажемъ подробно въ третьей статьѣ, которая будетъ спеціально посвящена новому труду г. Буслаева.

Не много русскихъ трудовъ — и еще менѣе именъ — мы можемъ указать, послѣ Востокова, въ ученой обработкѣ церковнаго языка. Самые владѣтели драгоцѣнныхъ рукописей, до сихъ поръ какъ-то не въ мѣру скупы на изданіе ихъ, а если и рѣшаются на такой подвигъ, то дѣлаютъ это такимъ образомъ, что изданіе памятника выходитъ никуда и никому непригоднымъ; только просвѣщенная дѣятельность профес. Бодянскаго составляетъ въ этомъ случаѣ рѣзкое исключеніе; его живому, современному пониманію потребностей науки мы обязаны образцовыми изданіями памятниковъ древней письменности и меткими объясненіями ихъ грамматическаго состава. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи можно еще упомянуть только о гг. Срезневскомъ и Григоровичѣ, которые своими, хотя очень небогатыми, замѣтками много способствовали опредѣленію свойствъ древнѣйшаго славянскаго языка. Вопросъ о народности церковно-славянскаго языка до сихъ поръ еще не приведенъ къ окончательному рѣшенію: обыкновенно считаютъ этотъ языкъ

древне-болгарскимъ и въ этомъ случаѣ ссылаются на такіе авторитеты, какъ Востоковъ и Шафарикъ. Но мнѣніе Востокова ограничиваетъ такое опредѣленіе. Принимая, что старославянское нарѣчіе было употребляемо въ древне-болгарской письменности, Востоковъ не думаетъ, впрочемъ, изъ этого выводить заключенія о тожествѣ старо-славянскаго нарѣчія съ древнимъ болгарскимъ народнымъ. Древнимъ болгарскимъ онъ называлъ его иногда только потому, что всѣхъ славянъ задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ сербовъ, и онъ съ другими привыкъ называть болгарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не сомнѣвается, что родина старо-славянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ (какъ думалъ и Добровскій); собственно болгарское нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками. Шафарикова послѣдняя ипотеза о глаголицѣ уже извѣстна. Пусть она будетъ еще не доказана, но во всякомъ случаѣ никто не откажетъ ей въ серіозности содержанія и во всѣхъ условіяхъ, необходимыхъ для правдоподобія; а при этомъ и положеніе о древнѣйшемъ языкѣ богослужебныхъ книгъ должно нѣсколько поизмѣниться. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что рѣшать такой важный вопросъ наобумъ не приходится, и съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не сочувствовать мнѣнію г. Билярскаго, который требуетъ положительно историческаго анализа памятниковъ средне-болгарской письменности, полагая, что только этимъ путемъ можно притти къ прочному рѣшенію вопроса о народности языка богослужебныхъ книгъ и избѣжать той шаткости въ сужденіяхъ, какою страдаютъ почти всѣ мнѣнія по этому предмету [1]). Другой вопросъ объ отношеніяхъ этого языка къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, который, въ свое время, такъ живо интересовалъ нашихъ филологовъ, кажется, уже принялъ окончательное рѣше-

1) «Ученыя записки» 2-го отд. акад. наукъ, т. 2, II ч., стр. 19. Šafarik: Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glagolismus. P. 1858. Стр. 30—32. Билярскій. «О средне-болгар. вокализмѣ». Спб. 1858. Стр. 10—19.

ніе въ «Начаткахъ русской филологіи» г. Максимовича, тогда какъ другой, гораздо болѣе важный вопросъ объ измѣненіяхъ, какимъ подвергался церковно-славянскій языкъ дома и на чужбинѣ — вопросъ, приступъ къ которому съ такимъ блестящимъ талантомъ былъ сдѣланъ еще Прейсомъ, до сихъ поръ встрѣтилъ только одинъ отголосокъ въ почтенныхъ трудахъ г. Билярскаго о средне-болгарскомъ вокализмѣ и Реймскомъ евангеліи. Короче сказать, славянское языкознаніе еще не получило у насъ права гражданства и остается досужимъ занятіемъ очень немногихъ людей, заслуживающихъ добраго слова тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе равнодушіе окружающей среды къ подобнымъ занятіямъ и чѣмъ менѣе можно разсчитывать на поддержку и ободреніе.

Недалеко ушло и ученое изслѣдованіе собственно русскаго языка. Не говоря уже о томъ, что изученіе русскаго народнаго языка, такъ сказать, находится еще въ пеленкахъ, что, кромѣ двухъ томовъ «Областного словаря», да нѣсколькихъ замѣтокъ гг. Даля и Буслаева, мы только и имѣемъ по этому предмету, что одно *обѣщаніе* г. Срезневскаго написать цѣлое сочиненіе *о нарѣчіяхъ русскаго языка* («Мысли», стр. 210), самый манеръ ученыхъ изслѣдованій до сихъ поръ какъ-то не установился, и къ нему въ полной мѣрѣ можетъ быть отнесенъ тотъ энергическій упрекъ, какой въ послѣднее время былъ сдѣланъ г. Билярскимъ всей современной наукѣ славянскаго языкознанія, именно — въ недостаткѣ положительнаго историческаго направленія [1]). Какъ поздно у насъ принялись начала сравнительно-историческаго изученія русскаго языка, это лучше всего видно на судьбѣ *Филологическихъ изслѣдованій надъ составомъ русскаго языка*, протоіерея Павскаго. Они были встрѣчены самымъ горячимъ сочувствіемъ, переходящимъ въ изумленіе, и только съ тече-

1) Билярскій: «О средне-болгарскомъ вокализмѣ», стр. 9—20 новаго (58) изданія. Дальнѣйшія объясненія *положительно-историческаго метода* въ языкознаніи см. въ крит. статьѣ А. А. Куника («Спб. Вѣд.» 1847 г., №№ 213, 214) по поводу сочиненія г. Билярскаго.

ніемъ времени, лѣтъ десять спустя по выходѣ первыхъ выпусковъ, сдѣлалось яснымъ ихъ настоящее достоинство. Отъ новой науки пр. Павскій заимствовалъ только наружную сторону, заключающуюся въ сравнительномъ элементѣ; но, не желая поступиться началами старинной филологической грамматики, онъ, противъ воли, впалъ въ сферу тѣхъ произвольныхъ сближеній, которыя основаны на случайномъ созвучіи, и во всемъ видитъ или заимствованіе, или вліяніе одного языка на другой. Такого рода сближенія, можетъ-быть, не мало способствовали увеличенію объема книги, но на дѣлѣ едва ли могли содѣйствовать успѣхамъ науки и ничѣмъ не разнились отъ корнесловія адмирала Шишкова, кромѣ того, что послѣднее было своевременнѣе. Историческій элементъ является такою же случайностью въ «Филологическихъ наблюденіяхъ», какъ и сравнительный: признавая принципъ сравнительно-историческаго изученія, пр. Павскій не воспользовался какъ должно его результатами и въ большей части грамматическихъ объясненій не оставался вѣренъ этому методу; отсюда у него постоянное смѣшеніе древнѣйшихъ формъ съ позднѣйшими и смѣлые выводы, противорѣчащіе историческимъ даннымъ. Вообще «Филологическія наблюденія» Павскаго, какъ справедливо было замѣчено однимъ изъ его критиковъ, объясняются переходнымъ состояніемъ отъ теорій Шишкова и другихъ къ ясному взгляду на языкъ, основанному Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Боппомъ, Гриммомъ. Оттого они остались одинокимъ явленіемъ въ наукѣ: практическая грамматика была уже закончена и заключала въ себѣ почти тѣ же самыя положенія и ту же систему, для которой пр. Павскій создалъ такой ученый пьедесталъ, а начатки сравнительно-историческаго изученія не могли помириться съ его «наблюденіями» потому, что въ нихъ видѣли тотъ мертвый взглядъ на языкъ и тотъ устарѣлый методъ, отъ котораго наука только что освободилась [1]).

1) Произнося такое сужденіе, мы имѣемъ въ виду общее направленіе сочиненія пр. Павскаго. Отрицать нѣкоторыя его достоинства было бы странно

Сравнительно-историческое изученіе русскаго языка появилось у насъ не далѣе, какъ за пятнадцать лѣтъ предъ симъ, и первые труды въ этомъ направленіи давали поводъ надѣяться на будущіе блестящіе успѣхи новой науки. Это были: «О преподаваніи отечественнаго языка», г. Буслаева, 1844 г., и «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», г. Каткова, 1845 года. Послѣднее сочиненіе до сихъ поръ остается лучшимъ ученымъ анализомъ звуковъ и формъ русскаго языка, особенно, если поставить его рядомъ съ сочиненіемъ пр. Павскаго. Цѣлью автора было уясненіе того пути, какимъ обособлялся русскій языкъ въ ту эпоху, когда онъ самъ впервые произнесъ себя. Основательно знакомый съ трудами Боппа и Гримма, авторъ приложилъ ихъ методъ къ разбору элементовъ и флексій отечественнаго языка и чрезвычайно удачно объяснилъ много темныхъ и спорныхъ пунктовъ въ организмѣ языка. Такъ, напримѣръ, значеніе полугласныхъ элементовъ ь и ъ, для объясненія которыхъ Павскій изобрѣлъ хитрую теорію придыханій, у г. Каткова получаетъ надлежащій смыслъ чрезъ сравненіе съ соотвѣтствующими элементами родственныхъ языковъ. Причина разнорѣчій въ фонетикѣ славянскаго языка очень легко объяснена смягченіемъ согласныхъ и неравномѣрнымъ ослабленіемъ вокализма, опредѣлена граница физіологическаго и историческаго начала звуковъ; а равнымъ образомъ и въ объясненіи существительныхъ и глагольныхъ флексій сочиненіе г. Каткова пред-

---

и недобросовѣстно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва-ли можно согласиться съ г. Бодянскимъ, когда онъ говоритъ, что «ни одинъ изъ препиравшихся съ Павскимъ не выросъ ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ» («О врпроисх. слав. письм.», 303). Если г. Бодянскій разумѣлъ здѣсь такихъ критиковъ, каковы были гг. Иванъ Давыдовъ, Ст. Лебедевъ, Костырь и даже Надеждинъ, то его слова, конечно, имѣютъ значеніе непреложной истины, но не забудемъ, что книга прот. Павскаго нашла такихъ цѣнителей аковы Бётлинкъ и Буслаевъ. Положимъ, что первому недостаетъ знанія славянскихъ нарѣчій, а послѣднему — языковъ семитическихъ; но развѣ современная наука хлопочетъ только о массѣ лингвистическаго матеріала, а не о живомъ взглядѣ на языкъ, какъ на творческое произведеніе человѣческаго духа?...

ставляетъ очень много важнаго и — по тому времени — совершенно новаго. Какъ мало наша наука въ то время еще понимала законность и необходимость сравнительно-историческаго метода, видно изъ того, что въ самыхъ стѣнахъ Московскаго университета, съ профессорской каѳедры, раздавался упрекъ г. Каткову въ томъ, что онъ «*слишкомъ* держится бопповой системы и, чтобъ дойти до нашего слова, заставляетъ его долго странствовать чрезъ всѣ языки индо-европейской отрасли до тѣхъ поръ, пока оно не явится въ нашемъ»; другими словами, этимъ обнаруживалось крайнее непониманіе сравнительно-историческаго метода, и сочиненіе г. Каткова—какъ бы ни были велики его достоинства— не могло убѣдить такихъ людей, тѣмъ болѣе, что оно было писано на степень магистра русской словесности. Не смотря на то, что въ настоящее время наука, съ увеличеніемъ матеріала, далеко ушла впередъ, трудъ г. Каткова, основанный на положительномъ сравнительно-историческомъ методѣ, надолго еще останется сочиненіемъ, необходимымъ каждому изучающему организмъ русскаго языка.

Собственно историческое изслѣдованіе русскаго языка, начатое еще г. Буслаевымъ (во 2-й части сочиненія о преподаваніи отечественнаго языка), твердою ногою выступаетъ только въ текущее десятилѣтіе, въ небольшомъ трудѣ профес. Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка», 1850 г., и сочиненіи г. Лавровскаго: «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей», 1852 г. Въ эпоху, когда нѣтъ еще никакого ученаго анализа всего организма русскаго языка, было бы слишкомъ смѣло приниматься за составленіе его исторіи, и потому сочиненіе г. Срезневскаго — не столько мысли объ исторіи русскаго языка, сколько полезное собраніе фактовъ, относящихся къ *формальному* измѣненію его строя. Какъ понимаетъ современная наука исторію языка, это видно изъ труда Якова Гримма, бо́льшая половина котораго посвящена жизни народа, выражающейся въ языкѣ, его древнѣйшей исторіи, нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ. Отважиться на такую постройку относи-

тельно русскаго языка еще слишкомъ несвоевременно, и, понимая это, г. Срезневскій собраніемъ и объясненіемъ нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся преимущественно формальнаго измѣненія русскаго языка, только слегка намѣтилъ общія положенія изъ исторіи языка. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга г. Срезневскаго принесла огромную пользу и много содѣйствовала утвержденію въ публикѣ здравыхъ понятій объ организмѣ языка и его развитіи, чего дотолѣ не хотѣли знать люди, успѣвшіе вкусить сладости отъ практической грамматики г. Греча и общесравнительной синонимики г. Ивана Давыдова. Относительно самой исторіи русскаго языка сочиненіе г. Срезневскаго предлагаетъ только общія замѣчанія о его строѣ въ то время, когда онъ уже отдѣлился отъ другихъ славянскихъ нарѣчій и сталъ языкомъ самостоятельнымъ. Первобытнаго періода онъ не касается потому, можетъ быть, что это потребовало бы такихъ обширныхъ предварительныхъ занятій и знаній, какими не можетъ еще располагать русскій ученый. Главныя мысли, выведенныя г. Срезневскимъ изъ тщательнаго изслѣдованія историческихъ изысканій строя русскаго языка, слѣдующія: древній народный русскій языкъ отличался отъ древняго церковно-славянскаго очень немногими особенностями въ употребленіи звуковъ и грамматическихъ формъ. Къ такимъ особенностямъ авторъ относитъ отсутствіе носовыхъ гласныхъ, особое произношеніе глухихъ гласныхъ звуковъ ъ и ь въ соединеніи съ согласными, употребленіе мѣстоименныхъ формъ въ склоненіи прилагательныхъ и причастій неопредѣленныхъ, и мн. др. За поворотную точку въ измѣненіи строя какъ русскаго языка, такъ и нѣкоторыхъ западныхъ нарѣчій авторъ признаетъ XIV вѣкъ. Это время, XIII — XIV, по его мнѣнію, было и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. «Книжный языкъ отличался отъ народнаго, безъ сомнѣнія, всегда, но въ X — XIV в. отличія одного отъ другого у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Отъ близости строя русскаго народнаго

языка съ языкомъ книгъ церковно-славянскихъ, къ намъ занесенныхъ, зависѣло то, что, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ нашей письменности элементы старо-славянскій книжный и русскій народный, языкъ этихъ произведеній сохранялъ правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементами старо-славянскими не проникалъ въ него насильственный элементъ греческій, византійскіе обороты рѣчи, византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, неумѣвшій выражаться правильно по-славянски. Прочное начало образованію книжнаго русскаго языка, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдѣлился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять»[1]).

Быть-можетъ, многіе изъ этихъ выводовъ уже слишкомъ рѣшительны и требуютъ нѣкоторыхъ ограниченій, но для насъ очень важны тѣ основы, стоя на которыхъ, авторъ позволилъ себѣ сдѣлать такія заключенія: не только историческіе памятники церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, но и сравнительное изученіе славянскихъ нарѣчій и народный языкъ въ областныхъ видоизмѣненіяхъ входятъ въ его сочиненія какъ необходимыя части и даютъ ему положительное значеніе въ нашей наукѣ. Съ этой стороны «Мысли объ исторіи русскаго языка»— явленіе безупречное, и какъ бы ни пошла далеко впередъ наука, за ними останется честь не малаго вліянія на утвержденіе въ нашемъ отечествѣ животворныхъ началъ сравнительно-историческаго метода въ изученіи родного языка.

---

1) «Извѣстія академіи наукъ», т. 5. См. предисловіе г. Срезневскаго къ «Запискѣ о русскомъ языкѣ» г. Погодина, стр. 65—70.

Трудъ г. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» построенъ на планѣ, и можно сказать, на мысли, выраженной въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», а потому въ немъ должно отличать двѣ стороны: фактическую и общіе выводы.

Въ фактическомъ отношеніи сочиненіе г. Лавровскаго заслуживаетъ полнаго вниманія и совершенно достигало бы своей цѣли, еслибъ не было основано на источникахъ, *филологическая достовѣрность* которыхъ можетъ подлежать сильнымъ сомнѣніямъ. Таковы: «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», «Историческіе и юридическіе акты» и мн. др. Эти изданія принадлежатъ тому времени, когда не дорожили буквою подлинника для отысканія историческаго смысла; отсюда и выходило, что многія формы языка получали, при такомъ искусномъ толкованіи, совершенно *иной* видъ, чѣмъ онѣ имѣли встарину. Однимъ словомъ, незнакомство съ филологическимъ пріемомъ вело издателей къ искаженію первоначальнаго текста, а потому и лингвистъ имѣетъ полное право не довѣрять точности печатнаго текста нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ языка. Чтобъ быть убѣждену въ полной законности подобнаго скептицизма, достаточно развернуть первый попавшійся томъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей»: не только замѣна однихъ элементовъ другими (гражданское *я* вездѣ замѣняетъ церковно-славянскія *ю* и *юсы*; *ъ* и *ъ* перемѣшаны не только между собою, но и съ буквами *е* и *о*), несоблюденіе звуковыхъ значковъ, но и самое искаженіе формъ можно найти въ такомъ изобиліи, что невозможность основать прочные филологическіе выводы на такомъ зыбкомъ фундаментѣ сдѣлается ясна сама собою. Сверхъ этого, должно замѣтить, что изданіе памятниковъ по сводному методу, вмѣсто изданія отдѣльныхъ древнѣйшихъ списковъ, какъ бы ни были велики и значительны его достоинства въ историческомъ отношеніи, дѣлаетъ памятникъ рѣшительно негоднымъ къ филологическому употребленію.

Принявъ въ разсчетъ эти обстоятельства, мы поймемъ надлежащій смыслъ и значеніе сочиненія г. Лавровскаго. Что же

касается его общихъ выводовъ, то они почти повторяютъ положенія, высказанныя въ сочиненіи г. Срезневскаго, изъ которыхъ многія, при ближайшемъ знакомствѣ съ памятниками, уже оказываются несостоятельными; таковы: о XIV вѣкѣ, какъ эпохѣ переходной въ измѣненіяхъ формъ русскаго языка, о несуществованіи до того времени малороссійскаго элемента въ языкѣ...

Это послѣднее мнѣніе вызвало одно очень замѣчательное явленіе, ярко обрисовывающее степень нашего уваженія къ наукѣ и благоденствіе нашихъ лингвистическихъ познаній. Мы говоримъ о новороссійской системѣ г. Погодина, выраженной въ его запискѣ о древнемъ русскомъ языкѣ [1]).

Въ запискѣ г. Погодина должно различать двѣ половины: филологическую и историческую; послѣдняя построена на основаніи предыдущихъ филологическихъ соображеній и тѣсно связана съ ними, какъ слѣдствіе съ своею причиною. Это, если не ошибаемся, опытъ приложенія языкознанія къ исторической наукѣ, но опытъ оригинальный, не похожій на подобныя попытки современныхъ западныхъ языковѣдовъ. Дѣло произошло такъ. Перечитывая извѣстное сочиненіе г. Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка», г. Погодинъ, къ удивленію своему, нашелъ одно новое положеніе, которое, по собственному его выраженію, совершенно его *взволновало*. Оно касалось одного важнаго пункта въ современной наукѣ, именно народнаго элемента въ языкѣ русскихъ (южныхъ) лѣтописей, который, по мнѣнію г. Срезневскаго и его послѣдователя, г. Лавровскаго, до XIV вѣка ничѣмъ *не отличался отъ письменнаго* и *не показалъ себя никакими своими* особенностями. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого мнѣнія было заключеніе объ отсутствіи малороссійскаго элемента въ языкѣ лѣтописей и его позднѣйшемъ (съ XIV вѣка) происхожденіи. Эта-то послѣдняя мысль и причинила

---

1) «Извѣстія импер. акад. наукъ по 2-му отдѣленію», т. V, вып. 2.

волненіе г. Погодину. *Не зная*[1]) малороссійскаго языка, онъ еще прежде *удивлялся* отсутствію малороссійскаго элемента въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи, и теперь, встрѣтившись съ подобнымъ мнѣніемъ *знатока*, пошелъ *путемъ различныхъ наведеній, скользя, такъ-сказать, по поверхности предмета*, и, такимъ образомъ, переходя отъ *наведенія* къ *наведенію*, логическимъ путемъ навелъ цѣлую филологическую систему и на ней выстроилъ цѣлое историческое зданіе. «Употребляя чужой языкъ (говоритъ онъ), нельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: малороссіянинъ долженъ проговариваться подчасъ по-малороссійски, сербъ — посербски, и т. д. Еслибы Несторъ и продолжатели, кіевскіе лѣтописатели, были малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобы они не дали нигдѣ примѣтить своего малороссійскаго происхожденія, не употребили малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междометія? А, между тѣмъ, въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты точно такъ же и не-церковные, какъ не-малороссійскіе, которые, слѣдовательно, и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей». Такое заключеніе г. Погодинъ подтвердилъ и примѣрами, выписанными изъ лѣтописи, которые, конечно, при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла, оказались чистѣйшими оборотами южно-русскаго языка. На вопросъ г. Максимовича: какимъ образомъ онъ, не зная малороссійскаго языка, положилъ его въ основаніе своей новой системы и рѣшился даже отрицать присутствіе его въ русскихъ лѣтописяхъ, г. Погодинъ отвѣчалъ, что въ этомъ *незнаніи* заключается все его *основаніе*. Имѣя подобное основаніе, мнѣніе г. Погодина могло бы быть оставлено, какъ непринадлежащее наукѣ; но, въ настоящемъ случаѣ, оно является дальнѣйшимъ развитіемъ подобнаго же мнѣнія г. Срезневскаго, человѣка свѣдущаго и хорошо знакомаго

1) Считаемъ нужнымъ оговориться, что, докладывая нашимъ читателямъ о г. Погодинѣ и его системѣ, мы почти вездѣ сохраняемъ его собственныя, подлинныя выраженія.

съ языкомъ южно-русскимъ — вотъ почему, намъ кажется, дѣло надлежало бы подвергнуть основательному изслѣдованію. Приступъ къ этому сдѣланъ еще г. Максимовичемъ, который, отчетливо опровергая каждый пунктъ системы г. Погодина, тѣмъ самымъ показалъ неосновательность и мнѣнія г. Срезневскаго. Но наука, безъ сомнѣнія, не должна останавливаться на этихъ отрывочныхъ мысляхъ и летучихъ замѣчаніяхъ, направленныхъ единственно противъ неосновательнаго мнѣнія г. Погодина: вопросъ возбужденъ, и можно надѣяться, что г. Максимовичъ, или кто другой, *знающій* малороссійскую рѣчь, для пользы науки, приметъ на себя обстоятельный трудъ разъясненія вопроса о народномъ элементѣ въ языкѣ южно-русскихъ лѣтописей и всей русской литературы до XIV вѣка. По крайней мѣрѣ, присутствіе малороссійскаго народнаго элемента въ языкѣ Нестора (на сколько этотъ послѣдній можетъ быть доступенъ намъ изъ испорченныхъ древнѣйшихъ списковъ) и Кіевской Лѣтописи, для насъ есть фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію. Этому не противорѣчитъ то, что онъ имѣлъ много общаго съ великороссійскимъ: онъ и теперь еще не утратилъ этого свойства; но сколько между ними отличій въ звукахъ, въ измѣненіяхъ словъ, въ словосочиненіи,—отличій, которыхъ вовсе не замѣтилъ г. Погодинъ, неотступившійся отъ своей системы и оправдывающій ее голосомъ *историческаго отчаянія*, за неимѣніемъ другихъ, болѣе сильныхъ основаній!

Но это еще не все. Если мнѣніе г. Срезневскаго, такъ неловко и не кстати возведенное въ парадную историко-филологическую систему, повело къ совершенному пренебреженію историческими фактами, то дальнѣйшее движеніе той же мысли было еще поразительнѣе: оно отодвинуло г. Погодина назадъ, на цѣлыя два столѣтія, въ старую до-петровскую Русь, еще не озаренную свѣточемъ науки. Упустивъ изъ виду извѣстный историческій фактъ, что почти всѣ лѣтописи Западной Европы писаны на чужомъ языкѣ, г. Погодинъ отказалъ въ этой способности нашимъ лѣтописцамъ, говоря, что они не могли иначе писать, какъ

на своемъ языкѣ, и писали не съ голоса, а по натурѣ, что языкъ лѣтописей, вмѣстѣ и языкъ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ великороссіяне! Такое мнѣніе не ново: г. Максимовичъ тогда же указывалъ на велемудраго адмирала Шишкова, который, по его словамъ, въ своихъ странствіяхъ по старословесному морю, наплылъ на утвержденіе, что нарѣчіе русское не есть нарѣчіе славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, неимѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія. Мы находимъ то же самое мнѣніе у нашихъ хронистовъ конца XVI и XVII вѣковъ, когда одержимые патріотическимъ храпомъ, они производили Москву отъ Мосоха, Рюрика и царя Ивана Васильевича отъ Августа Цезаря, славянскій языкъ отъ русскаго, и т. д. Гаданіе г. Погодина принадлежитъ къ этому же разряду, хотя *выведено другими средствами* и *обращено совершенно къ другой цѣли*. Конечно, еслибъ почтенный переводчикъ грамматики Добровскаго былъ хотя немного знакомъ съ результатами современной славянской лингвистики, онъ не рѣшился бы построить свою систему, основываясь на одномъ чутьѣ и не руководясь ничѣмъ, кромѣ *незнанія;* но *одна удача ободряла другую*, и вотъ мы видимъ русскихъ, разсѣянныхъ, прихотью историка, по всему пространству современной Турціи, Греціи и *далѣе на Востокъ и на Западъ*, видимъ цѣлое *мысленное древо*, представляющее, по словамъ его творца, *то вѣрное положеніе, которое, однако, подтвердить нельзя!*

Мы остановились на мнѣніяхъ г. Погодина съ такою подробностію для того, чтобы показать, *какія ученыя* мнѣнія *еще возможны* у насъ, и еще требуютъ *серіозныхъ* опроверженій, и еще производятъ *серіозные* споры!!!

Остановимся здѣсь и бросимъ еще разъ взглядъ назадъ.

Въ развитіи нашего языкознанія мы не замѣтимъ той послѣдовательности, какую видимъ, напримѣръ, въ нѣмецкой наукѣ: здѣсь мы не встрѣтимъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго труда по языкознанію, гдѣ бы до сихъ поръ, хотя ненарокомъ, уцѣлѣли преданія готшедовой школы; дружно, рука объ руку

идетъ наука съ жизнью, взаимно помогая другъ другу, и оттого такое уваженіе къ ней и живое участіе общества въ судьбахъ ея, свидѣтельствующее о зрѣлости общественной мысли и самой науки. У насъ не то. Мы еще не можемъ управиться съ самыми простыми, обиходными вопросами: рядомъ съ положительно-историческою разработкою предмета идетъ *такъ называемое живое непосредственное знаніе языка*, съ легкомысліемъ ребенка рѣшающее самые трудные вопросы языкознанія. Доброе стремленіе къ самостоятельной разработкѣ предмета здѣсь не уравновѣшивается знаніемъ исторіи языка и современнаго состоянія науки; потому, при первомъ шагѣ, это живое знаніе оступается и вдается въ постройку отвлеченныхъ системъ, которыя едва ли не столѣтіемъ запоздали въ своемъ появленіи. Думая помимо вѣковыхъ работъ человѣчества проложить новый путь, *живое знаніе* противъ воли сбивается на дорогу, о которой можно сказать: была—и быльемъ поросла. Эта *руссификація* странныхъ *французскихъ* и *нѣмецкихъ* теорій недавно выразилась въ небольшомъ сочиненіи г. Аксакова «О русскихъ глаголахъ». Ни посвященіе г. Хомякову, ни возвышенное стремленіе къ грамматической національности не спасли автора отъ соблазна и, желая быть слишкомъ русскимъ, онъ, самъ того не замѣчая, попалъ въ заповѣдныя рощи *французскаго* стариннаго кодекса.

Если въ трудахъ лучшихъ нашихъ языковѣдовъ виденъ тотъ животворный взглядъ на языкъ, представителями котораго считаютъ Боппа, Гримма, Потта, Шлейхера и др., то большинство продолжаетъ пробавляться отсталыми идеями школы грамматистовъ-схоластиковъ и, что́ еще хуже, съ явнымъ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ смотритъ на успѣхи сравнительно-историческаго изученія. Старинная практическая грамматика, принесшая въ свое время извѣстную долю пользы, не хочетъ отказаться отъ прежняго значенія и, не отваживаясь на борьбу съ послѣдователями новой лингвистики, выступаетъ противъ мнимыхъ противниковъ своихъ, такихъ же отсталыхъ ревнителей давно брошенныхъ теорій, какова, напримѣръ, *общесравнитель-*

ная теорія языка; послѣдователи Сумарокова и Шишкова, соревнуя филологической славѣ своихъ учителей, неудачными попытками построить науку на народныхъ началахъ, смущаютъ и колеблятъ довѣріе къ ней. Есть даже цѣлая котерія литературныхъ инвалидовъ, громко окликающихъ каждое отступленіе отъ ихъ грамматическаго номоканона...

Это броженіе понятій еще неустановившихся, это колебаніе между старымъ и новымъ, всего лучше объясняютъ, почему языкознаніе до сихъ поръ не получило права гражданства въ русскомъ ученомъ мірѣ и не даетъ отвѣта на вопросы, съ какими обращаются къ нему наши историки и педагоги.

Съ одной стороны — старая тѣломъ и духомъ практическая грамматика съ гг. Гречемъ и К. Полевымъ, математикъ Иванъ Давыдовъ съ общесравнительными синонимами и г. Стоюнинымъ, гг. Хомяковъ и Гильфердингъ съ санскритомъ, пропущеннымъ сквозь струю русскаго духа, г. Погодинъ съ своею новороссійскою системою, въ основаніе которой положено незнаніе, а съ другой — два-три скромныя явленія, исполненныя съ знаніемъ дѣла и современнымъ взглядомъ на него, двѣ-три попытки подвергнуть ученому анализу организмъ русскаго языка— вотъ все, что до сихъ поръ совершила наука русскаго языкознанія, и вотъ та среда, среди которой выросъ и воспитался *Опытъ исторической грамматики русскаго языка* г. Буслаева. Чѣмъ онъ здѣсь могъ воспользоваться, чему поучиться и какъ, предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Стихотворенія Полежаева.

Второе изданіе. Москва.

1859.

Всякое время и всякое поколѣніе всегда приноситъ съ собою что-нибудь новое въ рѣшеніи тѣхъ многотрудныхъ вопросовъ, какіе задаетъ жизнь. Рѣшить ихъ однажды навсегда съ матема-

тическою точностію и остановиться на рѣшенномъ нельзя уже и потому, что смыслъ и значеніе ихъ мѣняются съ мѣною поколѣній, съ притокомъ новыхъ мыслей, новыхъ убѣжденій и вѣрованій. Это не тѣ сонные вопросы, которые, истекая изъ недалекаго любопытства, довольствуются первымъ встрѣчнымъ рѣшеніемъ и исчезаютъ тѣмъ же путемъ, какимъ и явились, не оставляя никакого глубокаго слѣда ни въ головѣ, ни въ сердцѣ. Нѣтъ, вопросы жизни не стоятъ неподвижно и замираютъ лишь съ замираніемъ самой жизни: они такъ близко касаются насъ, что нельзя ихъ обойти, или, какъ говорится, перемахнуть, и такъ измѣнчивы и самонравны, что рѣшенія отжившихъ поколѣній не могутъ, относительно ихъ, имѣть для насъ смыслъ обязательной и непререкаемой истины. Оттого они всегда являются въ новомъ видѣ и всегда новымъ образомъ дѣйствуютъ на человѣка, серіозно внимающаго задачамъ жизни.

Самъ по себѣ вопросъ есть одна форма, съ которою каждый, по мѣрѣ личныхъ способностей и историческихъ условій, соединяетъ извѣстное представленіе, идею, сообщающую ему тотъ живой характеръ, съ какимъ мы привыкли понимать все такъ называемое *современное*. Слѣдовательно, дѣло не въ томъ, чтобы въ рѣшеніяхъ своихъ приблизиться къ абсолютной, никому неизвѣстной истинѣ, а въ томъ, чтобы предложить отвѣтъ, который бы стоялъ въ уровень съ потребностями вопрошающаго общества.

Намъ думается, что только въ этомъ случаѣ и возможна правильная оцѣнка историческихъ мнѣній и вообще историческихъ явленій. Попробуйте вступить на иной путь: вооружитесь мечтою о возможности абсолютной истины, объ абсолютномъ вѣдѣніи, какъ цѣли, къ которой долженъ стремиться человѣкъ въ своихъ умственныхъ усиліяхъ — и вы, поневолѣ, изречете проклятіе на весь родъ человѣческій и на всю исторію. Вся она окажется безобразнымъ аггрегатомъ лжи и заблужденія, потому что вся она явила свою несостоятельность въ опредѣленіи искомаго абсолюта. Вы чувствуете себя на почвѣ зыбкой и опасной

для васъ же самихъ: вы рѣшились поступиться вашими человѣческими чувствами и участіемъ къ прошедшимъ судьбамъ человѣчества; вы отказались отъ того высшаго наслажденія, какое даетъ наука прошедшаго; но этими дорогими жертвами выкупили ли вы сердцу спокойствіе, а уму — ясный и положительный отвѣтъ? Не знаю; но въ идеѣ абсолюта лежитъ что-то враждебное и глубоко оскорбляющее человѣческую природу: отрицая *правду и истину* тѣхъ способностей, которыми природа надѣлила человѣка, исканіе абсолюта наполняетъ его душу такою холодною пустотою и такимъ глубокимъ чувствомъ противоестественной мизантропіи, что ему остается только одно убѣжище въ сферѣ мистическихъ грёзъ, отъ которыхъ не можетъ не отвернуться всякій живой человѣкъ. Потому только, раздѣлавшись вчистую съ абсолютами, покончивъ однажды навсегда безплодныя исканія того, что́ *не существуетъ для человѣка*, мы вступаемъ на твердую историческую почву, и взоромъ, полнымъ любви и примиренія, глядимъ на исторію. Въ этомъ смыслѣ, прошедшее для насъ какъ бы не существуетъ, а повторяется въочію предъ нами, какъ настоящее: мы переживаемъ его, думаемъ его мыслію, чувствуемъ его чувствами, когда находимъ новое, современное объясненіе тѣмъ или другимъ его явленіямъ; будетъ ли оно истинно — вопросъ иной, почти недоступный положительной повѣркѣ; во всякомъ случаѣ, только этою стороною прошедшее и можетъ намъ быть близко, ибо во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оно награждаетъ лишь разными наслѣдственными недугами, отъ которыхъ бросаетъ общество то въ жаръ, то въ ознобъ, а иногда — и въ полную летаргію...

Понятно отсюда, какое важное значеніе въ общественномъ организмѣ имѣетъ *обновленіе* различныхъ соціальныхъ вопросовъ. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что такую умственную потребность чувствуютъ далеко не всѣ: иные, благодаря хорошимъ условіямъ быта, просто не знаютъ идеи; другіе, за недосугомъ, знать ея не хотятъ и, безъ зазрѣнія совѣсти, пробавляются стариною, не чувствуя противорѣчій ея съ тѣми мыс-

лями, которымъ сами невольно поддаются во многихъ обстоятельствахъ жизни; только немногіе отваживаются на пересмотръ старины и ея *разумное* обновленіе; можно ли, поэтому, удивляться, что ихъ рѣшенія часто не получаютъ должнаго признанія?

Какъ бы то ни было, мы считаемъ себя вправѣ поднять вопросъ о вмѣнимости убѣжденій. Поводъ къ этому представляетъ намъ печальная судьба Полежаева и тотъ приговоръ, какой произнесъ надъ нимъ еще Бѣлинскій.

«Полежаевъ (говорилъ Бѣлинскій) не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели... Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ. Слишкомъ рано понявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла, Полежаевъ, подобно многимъ людямъ того времени, не подумалъ, что онъ могъ и долженъ былъ уволить себя только отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою ріѳмою, и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что это была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть, въ то же время, и наиболѣе подчиненный».

Прежде всего отстранимъ небольшое недоразумѣніе, возникающее при чтеніи этихъ строкъ. Полежаевъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ, и, въ то же время, онъ никого, кромѣ себя, не имѣлъ права обвинять въ своей гибели... Здѣсь — если не противорѣчіе, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая неточность: идея явленія историческаго, общественнаго сама собою снимаетъ личную отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, каково убѣжденіе: оно не можетъ образоваться по личному произволу, по плану, заранѣе на досугѣ обдуманному, а возникаетъ въ тѣснѣйшей и неразрывной связи съ убѣжденіями и вѣрованіями современнаго общества и историческими условіями, среди которыхъ

оно живетъ и дѣйствуетъ. Равнымъ образомъ, общественныя убѣжденія и историческія условія стоятъ неизмѣримо выше усилій одного лица, его дѣйствій и мнѣній. Какъ бы ни была могущественна личность и каково бы ни было ея вліяніе на окружающую ее среду, она не можетъ имѣть той властительной силы, чтобы самостоятельно увлечь за собою все общество и, наперекоръ его вѣковымъ убѣжденіямъ, заставить его принять свои, можетъ-быть, болѣе глубокія, но лишенныя великой народной инвеституры.

Правда, въ исторіи человѣчества мы знаемъ эпохи, когда, по знаку одного лица, встаетъ отъ мала до велика весь народъ, какъ бы имѣя одну волю, одно убѣжденіе и чувство; но такія эпохи скорѣе свидѣтельствуютъ безсиліе индивидуума передъ массою, чѣмъ его силу и вліяніе, потому что не лицо навязываетъ народу свои понятія и вызываетъ его къ дѣлу, а народъ воплощаетъ въ немъ свои чаянія. Въ этомъ случаѣ, индивидуумъ является полнѣйшимъ и часто страдательнымъ выразителемъ великаго народнаго духа, элементы котораго готовятся издалека и воспитываются цѣлыми вѣками; только опираясь на эту незыблемую основу, личность можетъ итти впередъ, не оступаясь, и дѣйствовать твердо, не дрожа ни предъ какими послѣдствіями. Всѣ великія дѣла въ исторіи человѣчества совершались именно этимъ путемъ. Мы не разумѣемъ здѣсь тѣхъ позорныхъ страницъ ея, которымъ обыкновенно даютъ названіе «великихъ» наши становые пристава и господскіе камердинеры исторической науки: измѣряя человѣческую личность аршиномъ аккуратности въ исполненіи разныхъ *приказаній*, они видятъ величіе тамъ, гдѣ человѣкъ является послушною и безмолвною машиною, гдѣ только и есть человѣческаго, что ропотъ да грустная жалоба на злую судьбу. Что́ бы ни возникло изъ этой *пассіи* цѣлыхъ племенъ и народовъ: громадныя ли пирамиды Египта, или чудеса восточнаго зодчества — намъ кажутся позорными эти страницы исторіи, потому что здѣсь не было мѣста свободному развитію человѣческихъ способностей, потому что здѣсь человѣкъ ничѣмъ не раз-

нился отъ какого-нибудь топора, которымъ обтесывалъ камни бѣднякъ еврей, трудясь надъ созданіемъ пирамидъ въ Египтѣ. Великими, собственно, дѣлами, гдѣ вѣетъ свободный человѣческій духъ, небогата офиціальная исторія; но они существуютъ, и на нихъ-то всего болѣе можно наблюдать безсиліе личности предъ великою народною волею: оставаясь свободными въ своихъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, люди, однако, чувствуютъ что-то общее, родное, ихъ сближающее, а потому и дѣйствуютъ сообща и идутъ къ одной цѣли, не *принимая* требованій своей природы... Возвращаемся къ вопросу.

Итакъ, общественная мысль создается не однимъ какимъ-нибудь лицомъ, а цѣлымъ обществомъ, цѣлымъ рядомъ историческихъ условій; въ ея физіологіи есть что-то органическое, напоминающее собою процессъ жизни растительной, который подчиняется всѣмъ мѣстнымъ условіямъ въ совокупности и ни одному въ отдѣльности. Оттого, быть-можетъ, такъ же трудно и почти невозможно прослѣдить развитіе общественной мысли, какъ и постигнуть процессъ развитія организма: каждый человѣкъ и каждое явленіе участвуетъ въ созданіи общаго цѣлаго; но никто не можетъ сказать, чтобы это созданіе принадлежало ему одному исключительно. Изъ этого становится ясно отношеніе личности къ общественному убѣжденію: она никогда не можетъ вполнѣ освободиться отъ него, если только сколько-нибудь привыкла отдавать себѣ отчетъ въ мимоидущихъ явленіяхъ. Будьте несогласны съ мнѣніями другихъ, идите наперекоръ всѣмъ видимымъ обнаруженіямъ современной мысли и, если только дѣйствіе вашей мысли не остановилось, вы все же будете сыномъ извѣстнаго времени и не избѣгните обязательныхъ къ нему отношеній, волей-неволей попадая въ общую колею, о которой, можетъ-быть, вы сами современемъ скажете: quorum pars magna fui!

Теперь снова о вмѣнимости. Мы можемъ уже смѣло сказать, что насколько убѣжденіе личное принадлежитъ извѣстному времени и идетъ прямо отъ убѣжденія общественнаго, настолько оно удаляется отъ идеи юридической вмѣнимости, или иначе:

юридическая вмѣнимость не имѣетъ смысла въ отношеніи къ общественнымъ убѣжденіямъ какого-нибудь лица въ данный періодъ времени. Дѣйствительно, въ чемъ можетъ быть виноватъ тотъ, кто дѣйствуетъ въ силу законовъ природы — а общественная мысль, мы сказали, есть тотъ же законъ? Конечно, своекорыстіе можетъ и здѣсь отыскать себѣ поживу и скрыть подъ воскрыліе мнимаго честнаго убѣжденія свои злыя поползновенія; но это уже будетъ или преступный разладъ убѣжденія съ дѣломъ, неспособность ни къ какому прочному убѣжденію, или трупообразные остатки тупой старины, о которой лишь можно сказать: *мертвіи срама не имутъ!*

Относительно Полежаева, ни то, ни другое не имѣетъ смысла, и Бѣлинскій, произнося свой судъ, имѣлъ въ виду одни убѣжденія, и притомъ неопозоренныя никакою нравственною нечестностію, никакимъ отступничествомъ изъ-за какого-нибудь корыстнаго интереса. Это ясно видно изъ приведенныхъ нами словъ Бѣлинскаго, и еще яснѣе изъ стихотвореній самого Полежаева: довольно прочесть два, три лучшія изъ нихъ, чтобы быть убѣждену въ ихъ искренности, тѣмъ болѣе неподдѣльной и честной, что они могутъ вызвать у читателей слово укоризны у однихъ, а у другихъ — грусть и состраданіе. Чувства незавидныя! Изъ-за нихъ не стоило рядиться въ ложную одежду и щеголять передъ публикою Донъ-Хуаномъ, кривить душою въ ожиданіи лавровой награды. Въ своемъ паденіи Полежаевъ обвинялъ одного себя, свои страсти: а для этого нужно много глубокой человѣческой честности и самоотверженія, на которыя не хватитъ духа у литературнаго шарлатана.

Какъ лицо общественное, какъ человѣкъ, принявшій невольно отъ окружавшей его среды извѣстныя убѣжденія, Полежаевъ не можетъ подлежать осужденію, не можетъ быть обвиняемъ въ гибели своего таланта и ложномъ направленіи: направленіе это было дано самимъ обществомъ и воспиталось подъ вліяніемъ общественныхъ обстоятельствъ. Полежаевъ, еслибъ даже и захотѣлъ отъ него избавиться, не могъ бы этого сдѣлать, какъ

всякій человѣкъ не можетъ изолировать себя отъ воздуха, которымъ живетъ его организмъ. Бѣлинскій, кажется, понималъ это, когда говорилъ, что талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, еслибъ воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія.

Иной вопросъ: были ли убѣжденія Полежаева дѣйствительнымъ продуктомъ общественной жизни того времени, или принадлежали его личной, извращенной волѣ?

Отвѣчая на это, мы отвѣчаемъ и на то возраженіе, какое могутъ сдѣлать намъ любители всякихъ судовъ и пересудовъ, что будто бы мы нашею теоріею можемъ оправдать все и самое грязное въ человѣкѣ, что будто нравственное чувство правды слабѣетъ отъ такой повальной амнистіи всѣхъ и всего!... Посмотримъ, справедливо ли это.

Мы выше говорили о честности въ дѣлѣ убѣжденій: требованія ея очень широки, и болѣе или менѣе успѣшнымъ исполненіемъ ихъ опредѣляется, по нашему мнѣнію, критеріумъ для нравственной оцѣнки людей. Въ числѣ этихъ требованій есть одно, прямо относящееся къ предмету нашего разговора: это — вниманіе и благородная любовь къ самому себѣ, воспитаніе самого себя.

Нѣкогда, другой талантъ, нелишенный своего рода энергіи и глубины, въ грустномъ раздумьѣ остановился на этомъ человѣческомъ долгѣ: въ словахъ его слышится тоска отъ безсилія удовлетворить его требованіямъ, осужденіе самому себѣ:

И мнѣ благая часть дана,
Но я надъ нею тёрнъ посѣялъ —
И животворнаго зерна
Не возростилъ, не возлелѣялъ.
Ничѣмъ я жизни не вознесъ,
Ничѣмъ ее я не украсилъ:
Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
Отъ мыслей лѣнь обезопасилъ...

Да, человѣкъ имѣетъ обязательство въ отношеніи къ самому себѣ: въ его природѣ хранится множество добрыхъ силъ, которымъ онъ долженъ дать развитіе и воспитаніе, не заглушить и подавить ихъ при зародышѣ, а предоставить имъ полный просторъ, не отвернуть глаза въ нравственной лѣни и дремотѣ, а зорко и внимательно слѣдить за мимоидущими явленіями и отдавать себѣ въ нихъ разумный отчетъ, хотя бы даже отъ этого пришлось не разъ страдать его нравственному чувству. Кто, *имѣя полную возможность* къ такому нравственному самовоспитанію, остается глухъ къ требованіямъ своей собственной природы, самовольно губитъ и тратитъ ея силы на предметы, унижающіе человѣческое достоинство; кто, имѣя возможность внести свѣточъ идеи въ свою мрачную жизнь и имѣя къ тому побужденія, отказывается отъ нея и приноситъ въ жертву интересамъ сподручной интриги и тупой чувственности благороднѣйшія человѣческія побужденія, — тотъ, по нашему мнѣнію, является преступникомъ въ отношеніи самого себя и общества, среди котораго онъ живетъ, тотъ совершаетъ самое тяжкое преступленіе, lèse-majesté человѣческой природы и человѣческаго достоинства. Къ сожалѣнію, и здѣсь для нашихъ криминалистовъ плохая пожива: наши лучшіе люди силою обстоятельствъ *лишены возможности* удовлетворить такимъ требованіямъ; они бьются изо всѣхъ силъ и почти всегда изнемогаютъ въ неровной борьбѣ съ суровыми обстоятельствами; иные обвиняютъ собственныя страсти, другіе обвиняютъ общество, но всѣ сознаются съ неприторною горечью въ какой-то тоскѣ — не той, о которой такъ сладко пѣлъ Жуковскій, а которою тревожилось сердце великаго историка, назвавшаго ее *taedium vitae!* Въ этомъ мрачномъ голосѣ залогъ нашего лучшаго будущаго: коли есть протестъ — значитъ, не угасли еще и живыя силы!

Итакъ, Полежаевъ виноватъ ли въ пренебреженіи къ своему нравственному капиталу? Дѣйствительно ли онъ имѣлъ возможность дать развитіе своимъ способностямъ, образовать ихъ, и пренебрегъ этимъ? Дѣйствительно ли никого, кромѣ себя, онъ

не имѣлъ права обвинять въ своей гибели? Если бы мы въ своихъ сужденіяхъ руководились правилами обыденной морали, или смотрѣли на вещи отвлеченно, мы, не колеблясь, произнесли бы слово осужденія, потому что сильный талантъ Полежаева дѣйствительно погибъ втуне, и его добрые залоги извратились и попали на такую дорогу, которую трудно оправдать съ нравственной точки зрѣнія. Но дѣло становится совершенно иначе, если мы взглянемъ на вопросъ исторически, въ связи съ направленіемъ общественной мысли и историческими условіями. Мы здѣсь касаемся самаго чувствительнаго пункта въ нашей общественной жизни, именно: насколько общественныя условія благопріятствовали развитію человѣческихъ стремленій отдѣльнаго лица къ развитію его способностей и силъ: предлагали ли они свободу и просторъ при пытливыхъ запросахъ его ума, или, связавъ по рукамъ, навязывали ему готовыя, нехитрыя понятія, отъ которыхъ живой человѣкъ скрывался куда ни попало: кто въ русское эпикурейство, кто въ прохладу средневѣкового мистицизма и чаяній. О нашей современности, въ этомъ отношеніи, предоставляемъ судить самому читателю: мы хотимъ сказать только о времени, въ которое жилъ Полежаевъ; это послужитъ вмѣстѣ и отвѣтомъ на вопросъ, нами поставленный выше: *виноватъ ли онъ?*

Европейская мысль окрѣпла и установилась очень недавно: явнымъ началомъ ея можно признать еще реформацію, которая, нанеся ударъ выродившимся средневѣковымъ понятіямъ, сама содержала въ себѣ много причинъ для будущаго застоя мысли. Какъ всякое дѣло, возникшее подъ клерикальною одеждою, она была слишкомъ односторонняя, или, лучше сказать, непослѣдовательна; ей недоставало смѣлости въ рѣшеніяхъ и энергіи въ дѣлѣ; кругъ ея понятій все еще стѣснялся средневѣковыми опредѣленіями, хотя она и пропѣла торжественное de profundis всему средневѣковому. Поставивъ своимъ девизомъ свободное отношеніе къ предмету, свободу мысли, реформація не воспользовалась во всемъ объемѣ этимъ великимъ человѣческимъ принципомъ и

съ средневѣковымъ смиреніемъ останавливалась передъ нѣкоторыми вопросами, не дерзая анатомическимъ ножомъ разума проникнуть въ ихъ сущность, не допуская никакого сомнѣнія; вообще она такъ много еще принимала на вѣру, такъ еще была несвободна, что не могла доставить человѣку полное успокоеніе. Въ этомъ-то смыслѣ мы назвали ее только началомъ новой европейской мысли. Переходное время борьбы стараго съ новымъ Европа пережила въ великихъ событіяхъ конца прошлаго вѣка. Торопливо и наскоро старина подверглась пересмотру: желчнымъ сарказмомъ она лишена была права гражданства, осмѣяна и разбита; но въ жизни она уцѣлѣла и кое-гдѣ до сихъ поръ продолжаетъ смущать своими злыми навѣтами неокрѣпшіе умы; да, сверхъ этого, въ ту годину великой сумятицы, когда человѣку возвращались его гражданскія права, позабыли о томъ, чтобъ обезпечить ихъ неприкосновенность, укрѣпить и оградить ихъ отъ воли случайности — однимъ словомъ, возвращая политическія права, забыли, что не ими одними только живетъ человѣкъ, что есть другія, болѣе близкія и неотразимыя требованія и потребности, каковы вообще всѣ потребности экономическія. Полное признаніе они получаютъ только около тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, и только съ этого времени является то, что́ мы привыкли называть европейскою современною мыслію. Такъ постепенно она созрѣвала, мало по малу отказываясь отъ старины. Если и въ настоящее время она еще не совершенно установилась и не предлагаетъ человѣку той твердой точки опоры, при которой невозможны сомнѣнія; если и теперь она производитъ скорѣе тревогу и раздоръ въ душѣ, чѣмъ покой, ломаетъ и рушитъ построенное вѣками, очищая засорившіеся жизненные пути, и мало даетъ того, что́ практики привыкли называть именемъ *положительнаго*, — то что́ же было въ ту эпоху, когда она только что проснулась и расправляла свои молодыя крылья, съ робкимъ сомнѣніемъ оглядываясь назадъ? какую положительную почву могла представить она тому, чей умъ требовалъ яснаго и твердаго отвѣта на свои пытливые запросы? Сверхъ этого,

вспомните, какимъ путемъ вообще развивалась европейская мысль послѣдняго времени: не въ кабинетѣ мыслителя и не въ головѣ досужаго ученаго родилась она, а въ груди подъ синими блузами, на улицахъ, заваленныхъ трупами и покрытыхъ человѣческою кровью. Игра была проиграна, и за этимъ слѣдовала обманутая надежда, сомнѣніе въ принципахъ, горькое разочарованіе. Общество переживало тяжелую минуту безнадежья, душевной тоски, пока не заискрилась снова спасительная надежда. Время было самое неблагопріятное для воспитанія прочныхъ убѣжденій. Если они и существовали, то шли еще изъ далекой старины и никакъ не принадлежали новѣйшему времени; оттого многіе изъ людей мысли ударились въ мистицизмъ; тѣ же, для кого мистицизмъ утратилъ свое обаяніе и смыслъ, бросились въ сомнѣніе, въ скептицизмъ, который, будучи поглубже легкаго скептицизма конца XVIII вѣка, все же, какъ всякая juste-milieu, оказывался безсильнымъ предъ положительными требованіями ума. Бо́льшая часть не имѣла вообще никакихъ убѣжденій и довольствовалась первымъ, подвернувшимся подъ руку отвѣтомъ на вопросы, какіе ежечасно задавала мятущаяся современность.

Эта зыбкость почвы, это переходное положеніе очень ясно чувствуется въ литературѣ первой четверти текущаго столѣтія. Здѣсь все мрачно и темно: нѣтъ той властительной силы идеи, которая бы съ неотразимою силою влекла къ себѣ человѣка, воодушевляла его и обновляла, давала его дѣйствіямъ ту святую увѣренность, руководясь которою, онъ прочно идетъ впередъ и не смущается никакими препятствіями. На первыхъ порахъ, жестокимъ морозомъ захватило только что развернувшіеся ростки европейской мысли, и она приняла характеръ мрачнаго отчаянія: люди холодной крови, философы, искали выхода въ сомнѣніи, а поэты — въ апоѳеозѣ безнадежія. Мы не упрекнемъ ихъ въ томъ, что ихъ воодушевленіе пошло по такой темной дорогѣ. Иначе и быть не могло. Между могилою и колыбелью они стоятъ печальною анаѳемою старому міру, убившему своею рутиною ихъ дорогія надежды. Они какъ будто болѣе обращены къ прошед-

шему и рѣшаются иногда на насильственныя его реставраціи; но изъ-за полумистическаго тумана ламартиновскихъ мелодій, изъза мрачнаго отчаянія Байрона и Барбье виднѣлся уже легкій образъ будущаго. Его, конечно, не могли примѣтить современники, потому что слишкомъ пристально смотрѣли кругомъ себя и слишкомъ горячо принимали къ сердцу интересы дня. Оттого, какъ бы ни была обильна эта почва сѣменами для прочнаго убѣжденія, оно не могло сложиться тогда: у него не было необходимыхъ на это условій; жизнь еще не шла на поддержку убѣжденія и, скорѣе, разрушала его; даже причины всего этого не были сознаны именно потому, что время было слишкомъ горячее, что это была не болѣе, какъ вторая или третья попытка мысли разбудить спящаго человѣка. Въ душѣ частнаго человѣка повторялось то же, что́ и въ самомъ обществѣ: столкновеніе рутины съ мыслію, оскорбленіе всѣхъ новыхъ чувствъ и вѣрованій, а отсюда болѣзненное броженіе идей и невозможность опереться на что́-либо прочное, положительное. Одинъ Гёте оставался невозмутимо спокоенъ, какъ олимпійскій Зевсъ, среди всеобщей лихорадочной сумятицы: доступный всему высшему, *божественному*, онъ былъ недоступенъ многому *человѣческому* и не понималъ великаго чувства толпы, жизненнаго нерва ея дѣятельности; да, сверхъ этого, многія *благопріятныя* обстоятельства сдѣлали его неспособнымъ къ самостоятельнымъ политическимъ убѣжденіямъ — онъ легко пожертвовалъ ими для удобствъ жизни и почета; а въ то время политическія убѣжденія и были единственно живыми, двигающими: объ остальныхъ мало заботились, потому что, въ самомъ дѣлѣ, заботиться о нихъ было некогда...

Что́ жъ дѣлали мы въ это время?

Броженіе коснулось и насъ, но какъ-то стороною: мы не могли принять всею душою и всѣмъ сердцемъ смысла борьбы стараго, отходящаго міра съ новымъ, возникающимъ; у насъ было и собственнаго горя много; оттого мы, выражаясь фразою славянскаго манифеста, пропустили западную мысль и западное движеніе сквозь струю русскаго духа, насколько сія струя могла

существовать за разными домашними обстоятельствами. Вышло что́-то среднее — и свое и чужое; а главное — все это вышло какъ-то блѣднѣе оригинала. Сравните попристальнѣе типы *великаго пѣвца страданія* съ другимъ, дорогимъ нашему сердцу поэтомъ: Байрона съ Лермонтовымъ. Мощные типы перваго цѣлой головой выше героевъ послѣдняго: у насъ жизнь иная, содержаніе ея бѣднѣе, интересы у́же, хотя все то же мрачное чувство тоски и безнадежья, темной полосой проходящее чрезъ произведенія обоихъ поэтовъ. И наше общество испытало человѣческую тревогу; но еще сердце билось не тѣмъ біеніемъ, какъ въ остальной Европѣ; съ перваго раза европейской мысли не посчастливилось у насъ, а потомъ мы вскорѣ потеряли даже концы дѣла и уже никакъ не могли понять задачи, тревожившей тогда Европу. Ея мысль и движеніе мы взяли въ примѣненіи къ нашимъ домашнимъ обстоятельствамъ, иначе: переложили ихъ на русскіе нравы... А какое прочное убѣжденіе могло развиться подъ вліяніемъ этихъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно было очень далеко и потому непонятно намъ, а другое такъ близко и тяжело, что не могло дать простора убѣжденію? Обстоятельства, мы видѣли, не благопріятствовали образованію прочнаго убѣжденія и на Западѣ, гдѣ они шли прямо изъ жизни, изъ исторіи; а у насъ и подавно — у насъ просто не было почвы подъ ногами, на которую бы можно было стать и опереться: на Европу мы смотрѣли какъ-то черезчуръ легко и больше были знакомы съ нею по наслышкѣ; а русская историческая жизнь сама не дала ничего положительнаго, не принесла никакого добраго плода, никакой живой идеи. Какъ тутъ было образоваться нравственной теоріи дѣйствій, о которой думалъ Бѣлинскій въ своемъ приговорѣ о Полежаевѣ? Правда, безъ убѣжденій нельзя быть — и они точно существовали, но далеко не отличались тѣмъ положительнымъ характеромъ, какого требовалъ Бѣлинскій отъ Полежаева; они были отрицательнаго свойства, мрачныя и съ русскимъ колоритомъ.

Мы хотимъ объяснить нашу мысль нѣсколько подробнѣе.

Отъ этого времени къ намъ, по случаю, дошла исповѣдь одной сильной натуры; она прямо вводитъ насъ въ эпоху и яркими чертами рисуетъ общественное настроеніе; поэтому мы и остановились на ней съ тою подробностію, какой она вполнѣ заслуживаетъ своимъ историческимъ значеніемъ. Тупоуміе, едва понятное въ наше время, опрокинулось тогда же на автора, преслѣдуя клеветой его скорбныя, выстраданныя мысли, и съ воодушевленіемъ, достойнымъ отцовъ-іезуитовъ, негодовало на то, что человѣкъ воочію всѣхъ рѣшился сказать слово горькой правды. Оставляя клевету клеветѣ, мы едва ли имѣемъ право не помянуть добрымъ словомъ этотъ великій нравственный подвигъ среди общества, утратившаго смыслъ къ подобнымъ подвигамъ и кричавшаго только своего рода panem et circenses!

So feiert ihn!
Denn was dem Mann das Leben
Nur halb ertheilt,
Muss ganz die Nachwelt geben.

«Отчего возмущеніе въ вашихъ мысляхъ (такъ писалъ этотъ человѣкъ, ровно за тридцать лѣтъ предъ симъ, къ одной дамѣ), которое, какъ вы говорите, волнуетъ, утомляетъ васъ до того, что разстраиваетъ самое здоровье? Неужели это слѣдствіе нашихъ разговоровъ? Вмѣсто спокойствія, мира, которое должно было воцарить новое чувство, возбужденное въ вашемъ сердцѣ, оно пробудило томленіе, сомнѣнія, почти угрызенія совѣсти. Впрочемъ, что жь тутъ удивительнаго? Это естественное слѣдствіе настоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы. Вы уступили только вліянію причинъ, движущихъ всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ членовъ общества до самыхъ низшихъ. И вы не могли воспротивиться ихъ вліянію».

Этому тяжелому положенію нужно было помочь: словомъ утѣшенія нельзя исцѣлить ранъ и болей возмущенной души уже и потому, что оно, по большей части, слово праздное и дешевое,

скорѣе гостинная фраза, чѣмъ искреннее желаніе душевнаго мира и спокойствія; необходимо было указать на прямыя причины тяжелой общественной атмосферы и въ нихъ оріентироваться, поискать точки опоры. И вотъ предъ вами развертывается печальная картина общественнаго состоянія, быть-можетъ, написанная слишкомъ рѣзкими и безпощадными красками, но нелишенная своей суровой красоты и истины:

«Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія — что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ менѣе насъ образованныхъ, у насъ только что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другаго. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что́ у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія. Примѣры недалеки; вы сами, созданныя такъ счастливо, ищете даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не то что цѣлую жизнь. Вамъ недостаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ происшествія дня размѣщаются такъ естественно — условіе, столь же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Я говорю здѣсь не о нравственныхъ, или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ распредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ — правильное движеніе.

«Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Вы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни на что добрыхъ обычаевъ, не только пра-

вилъ; нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что́ бы привязывало, что́ бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше, чѣмъ племена, блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ».

Идеаломъ нашего мыслителя была Западная Европа, но не та Европа, которую мы узнали горькимъ опытомъ: Европа, обанкрутившаяся предъ человѣческими требованіями; а Европа, еще непотревоженная сомнѣніемъ, полная чарующаго, теплаго вѣрованія и прочно идущая по пути прогресса и цивилизаціи. Она согрѣвала лучшую мысль мыслителя, и въ ней онъ черпалъ свое гнѣвное вдохновеніе, какъ Іеремія надъ новымъ Вавилономъ, названнымъ имъ Некрополемъ. Утративъ вѣру во все окружающее, онъ впалъ въ мистическую вѣру въ Европу и ея учрежденія, вознаграждая, такимъ образомъ, задавленное человѣческое чувство удаленіемъ въ такую нравственную сферу, которую нѣкоторые называютъ просвѣтлѣніемъ, а мы бы назвали — подчиненіемъ авторитету. Потому его глаза постоянно устремлены назадъ—и это фактъ, не свидѣтельствующій уже о здоровомъ нравственномъ состояніи общества: ибо, еслибъ въ послѣднемъ все обстояло благополучно, тогда незачѣмъ было бы убѣгать въ мистицизмъ и проповѣдывать *упражненіе въ покорности авторитету*... Пойдемъ далѣе въ томъ патологическомъ вскрытіи, которое дѣлаетъ нашъ мыслитель русской исторіи и современной ему русской жизни; но не забудемъ, что въ каждой строкѣ автора вѣетъ сильная, могучая вѣра въ *иныя* учрежденія, *иной* образъ жизни — вѣра, которой наше поколѣніе не имѣетъ, и которой даже не имѣли и его современники. Это ясно изъ того, что его могучій, энергическій голосъ раздался одиноко на пустынной степи русской общественной жизни и не встрѣтилъ другого отклика, какъ укоризны: наше общество не понимало и не могло

понять идеала, на который онъ указывалъ, хотя страдало тѣмъ же недугомъ и томилось тою же сгущенностью нравственной атмосферы, какъ и онъ. Оттого, служа вѣрнымъ выразителемъ общественнаго настроенія, авторъ *философическихъ писемъ* не можетъ быть представителемъ русской мысли и убѣжденія: онъ стоитъ одиноко, скорѣе связанный съ прошедшими преданіями, чѣмъ съ настоящимъ, не имѣя нравственной поддержки и ободренія. Иначе говоря: вся отрицательная сторона его взгляда представляетъ поразительно вѣрную картину нравственнаго состоянія русскаго общества того времени; но его идеалъ принадлежалъ только ему одному — и, можетъ-быть, никому болѣе. Мы сочли необходимымъ указать на это, чтобъ разграничить двѣ вещи, въ сущности столь различныя, какъ личный взглядъ и общественная стихія, ярко выдвигающаяся изъ-за этого взгляда.

«Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины, но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили черезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него, что̀ сохранилось бы въ памяти народовъ, къ чему могли бы они привязаться, пристраститься? Безъ него они дорожили бы только прахомъ родной земли. Эта чрезвычайно замѣчательная эпоха въ исторіи народовъ есть время ихъ юности, время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою, время, воспоминаніе о которомъ въ возрастѣ возмужаломъ служитъ имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣли ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ — у насъ дикое варварство; потомъ грубое суевѣріе; затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей—владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятель-

ности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ, наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое — вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. *Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи* ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго. Если же иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлью достигнуть истиннаго, существенно-нужнаго и приличнаго намъ блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія...

«Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда на умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что́ могла бы опереться наша мысль. Разобщенные какою-то странною судьбою отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которыя сообщаются человѣчеству преданіями. А на этихъ-то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобъ сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода... Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и соприкосновеніемъ съ другими народами. Такимъ образомъ, каждый человѣкъ чувствуетъ свое соотношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ... Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали; не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности,

которою мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что́ у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія, совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ знаетъ откуда; наши умы не браздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое составляетъ ихъ силу, потому что мы заимствуемъ идеи уже развитыя. Мы растемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго: все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія; во внѣшности вся душа ихъ. Народы — существа нравственныя, точно такъ же, какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. Но мы, почти можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя, кажется, не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того, чтобъ, со временемъ, преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе сбудется; но кто знаетъ, когда это будетъ?...

«Не знаю, можно ли вывести изъ сказаннаго что́-нибудь совершенно-безусловное и основать на немъ непремѣнное правило; но очевидно, какое сильное вліяніе на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своихъ мыслей ни на одномъ родѣ идей, развивавшихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой, по которому онъ принималъ участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Отъ этого, вы найдете,

что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше, чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства притти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что́ ему предшествуетъ и что́ послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это не та легкомысленность, которою некогда упрекали французовъ, которая, не отрицая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣла только отъ способности понимать все съ чрезвычайною легкостью, что́ придавало обращенію болѣе прелести и любезности; нѣтъ, это вѣтреность жизни безъ опыта и предвидѣнія; жизни, которая ограничивается эфемернымъ существованіемъ надѣлимаго, оторваннаго отъ своей породы; жизни, которая не заботится ни о словѣ, ни о распространеніи какихъ-либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о тѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ множествѣ притязаній и надеждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, основанномъ на памяти прошедшаго и на понятіи будущаго, составляютъ жизнь общественную и жизнь частную. Въ нашихъ головахъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго: все въ нихъ частно, и къ тому еще невѣрно, неполно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіей народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣствицы. Находясь въ другихъ странахъ, и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевленны, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

«Чужестранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, которую встрѣчали особено въ низшихъ

классахъ... Но они не видятъ, что то же самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ то же время неспособными ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріальнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія.

«По нашему мѣстному положенію, между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединить въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества — не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него: не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что́ сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что́ выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь».

Такъ говорилъ этотъ человѣкъ ровно за тридцать лѣтъ предъ симъ. Для насъ важна не абсолютная истина этихъ словъ, а то, что́ вызвало ихъ. Всякій, кто пережилъ и перечувствовалъ великую историческую истину этихъ словъ, полныхъ самаго горькаго отчаянія и самыхъ человѣчественныхъ слезъ, легко пойметъ состояніе общественной атмосферы. Тяжело оно было и не давало никакого пріюта, никакого простора личности. Стѣсненная, она уходила или въ мистицизмъ, ища въ немъ своей послѣдней

утѣхи, успокоенія, стараясь позабыть земную тоску, заглушить ее чаяніемъ высшихъ благъ; или, не подчинившись такимъ сверхчувственнымъ внушеніямъ, терялась, уничтожалась подъ гнетущею силою обстоятельствъ, и, конечно, не имѣла ни прочныхъ вѣрованій, ни прочныхъ убѣжденій. Такова была личность Полежаева, и можно ли, послѣ этого, сказать, что онъ самъ виноватъ въ своей гибели? можно ли укорить его въ томъ, что, имѣя возможность воспитать въ себѣ прочныя убѣжденія, онъ своевольно пренебрегъ этимъ? Конечно, нѣтъ. Полежаевъ, какъ и многіе, очень многіе другіе, останется навсегда скорбнымъ памятникомъ нашего прошлаго, болѣзненнаго общественнаго развитія, достойнымъ скорѣе слова теплаго состраданія, чѣмъ дѣйствительной укоризны.

Только это мы и желали сказать въ настоящемъ случаѣ.

Русская народная литература.

1) *Пѣсни, собранныя* П. В. Кирѣевскимъ, выпускъ 1-й: «Илья Муромецъ»;
2) *Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный* В. Варенцовымъ;
3) *Памятники старинной русской литературы, издаваемые подъ редакціею* Н. Костомарова, *выпускъ 1-й.*

1861.

Помните ли, читатель, то время, когда и на общество, и на литературу нашу сыпались укоризны въ томъ, что она повторяетъ зады, пройденные Европою, что, смиренно слѣдуя по стопамъ учителей, она отказывается и отъ самостоятельной мысли, и отъ самостоятельнаго труда; помните ли вы наши горячіе споры о народности въ наукѣ, споры, которые украсили побѣдоноснымъ лавровымъ вѣнкомъ голову г. Чичерина и положили прочное начало его юридической извѣстности. «Учитесь — говорили одни — и только выучившись судите». «Будьте народны — говорили другіе — и вамъ откроется *тайна* народ-

ной жизни: вы поймете то, чего не дастъ вамъ кабинетный трудъ и западная наука». На этихъ восклицаніяхъ, на этой старческой проповѣди съ одной стороны, и юношеской запальчивости съ другой, и разошлось все дѣло. Прошло нѣсколько лѣтъ, поутихли литературныя страсти, и эти вопросы опять стоятъ передъ нами, но уже не смущаютъ никого, и никого не вводятъ въ соблазнъ. Старческая доктрина, непонятая и непризнанная легкомысленною современностью, гордо удалилась изъ храма наукъ и, уходя, отрясла прахъ отъ ногъ своихъ, а молодые рыцари народности, мало-по-малу, очищаются отъ темныхъ симпатій и выходятъ на поле строгаго историческаго изученія фактовъ, чувствуя, что на однѣхъ симпатіяхъ недалеко уйдешь въ пониманіи народной жизни, что для этого нужна мысль трезвая, неотуманенная чадомъ мракобѣсія.

Что̀ изъ этого всего выйдетъ — покажетъ будущее. Сумѣютъ ли старики помолодѣть, дадутъ ли они вольную русской исторіи, находившейся у нихъ въ крѣпостномъ состояніи, или, отъ долговременныхъ схоластическихъ упражненій, утративъ живое чувство, они пребудутъ въ величіи на историческомъ Олимпѣ, утѣшая себя разсужденіями о томъ, что Московское государство создало и спасло русскую народность, что тотъ правъ, кто сильнѣе и т. д.; въ свой чередъ, поймутъ ли наши печальники, amis des ennemis русской народности, что для яснаго пониманія ея нужно разстаться и покончить счеты со всѣми неисторическими симпатіями и темными внушеніями — все это, говоримъ мы, покажетъ будущее, и мы равнодушно стоимъ предъ этимъ запутаннымъ дѣломъ уже и потому, что не привыкли мѣшаться въ чужія дѣла, до насъ совершенно не касающіяся; но, говоря исторически, и за тою и за другою стороною мы не можемъ не признать извѣстной доли правды. Какъ сможемъ мы понять свое, когда намъ неизвѣстно чужое, когда у насъ не выработался ни методъ, ни система изслѣдованія? Какъ станетъ доступно нашему чувству живое біеніе народной жизни, когда на него мы смотримъ съ камеръ-обскуры и, ребячествуя своей цивилизаціей, вездѣ

видимъ одно невѣжество и коснѣніе, мерзость запустѣнія. Да! только очистивши свой разумъ современною наукою, а свое чувство искреннею любовью къ народу, мы можемъ приступить къ изслѣдованію его жизни, не блестящей и не привлекательной съ перваго взгляда, но доставляющей много утѣхи и много горькой симпатіи нашему современному чувству. Для насъ отраднѣе и ближе эта простая жизнь, исполненная, подчасъ, и грубаго суевѣрія и невѣжества, но голосъ которой всегда живо касается нашего сердца, нашей современной боевой жилы, потому что это голосъ хранителя и страдальца за русскую землю. Говоря правду, мы напрасно даже распространились объ этомъ, потому что нашему пониманію народности не угрожаетъ никакая опасность: наше поколѣніе слишкомъ серьёзно, чтобы горячить себя идиллическими мечтаніями прежнихъ временъ, и слишкомъ живо сочувствуетъ жизни, чтобы соблазниться педантически-офиціальнымъ взглядомъ такъ называемой исторической школы. На сцену выступаютъ простые люди, которые дорого цѣнятъ всѣ проявленія народности, очень хорошо понимая, что безъ этого краеугольнаго камня, у насъ не существовать исторической наукѣ! Обращаясь съ такими мыслями къ нашей литературѣ, мы, несмотря на ея крайне больное, ненормальное состояніе, не можемъ не указать на нѣсколько явленій, всего лучше свидѣтельствующихъ о томъ, въ какую сторону направляется современная мысль и чего ищетъ она отъ русской исторической науки. Не говоря уже о надеждахъ, болѣе или менѣе основательныхъ, довольно указать на такъ называемыя *новости*: «Памятники старинной русской литературы», выпускъ 1, изданные подъ редакціею г. Костомарова; первый выпускъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ; «Сборникъ русскихъ пѣсенъ» г. Якушкина, печатаемый въ «Отечественныхъ Запискахъ», и, наконецъ, вышедшее на дняхъ «Собраніе русскихъ духовныхъ стиховъ» г. Варенцова — вотъ капитальныя пріобрѣтенія русской исторической науки въ какой-нибудь одинъ мѣсяцъ! Всему этому нельзя не порадоваться, особенно вспомнивъ,

какъ до сихъ поръ, время отъ времени, выходитъ въ литературу и старое воззрѣніе, по которому вся русская исторія является исключительно государственною. Одинъ непредубѣжденный взглядъ на эти сокровища народной жизни легко можетъ убѣдить всякаго въ томъ, что въ старину русскій народъ жилъ самостоятельно, имѣя свои убѣжденія, свои завѣтныя вѣрованія. Странно было бы утверждать, что политическая русская исторія прошла для народа даромъ, не обнаруживъ никакого вліянія на его жизнь; но еще страннѣе смѣшивать татаро-византійскій московскій обиходъ съ самостоятельными областными произведеніями русской народности. Въ этомъ смѣшеніи, какъ намъ кажется, нужно винить недалекое знакомство нашихъ изслѣдователей съ памятниками древне-русской литературы, каковы народныя сказанія, легенды, житія мѣстныхъ святыхъ и т. д. Вотъ почему намъ сдается, что такія и подобныя имъ изданія, какъ мы привели выше, одни могутъ, если не излѣчить страждущихъ застарѣлымъ недугомъ любви къ Московіи, то, по крайней мѣрѣ, выставятъ эти старческіе сантиментальные историческіе труды въ надлежащемъ свѣтѣ, показавъ, что *это старина*, къ которой нужно и относиться какъ къ доброй старинѣ, sine ira et studio. Давно ожидаемое собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго началось пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ, соединенными въ первомъ выпускѣ. Такой планъ былъ бы вполнѣ хорошъ, если бы къ этому не присоединялись нѣкоторыя *постороннія* цѣли. Дѣло въ томъ, что собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго издается Обществомъ Любителей *Россійской* Словесности, большинство членовъ котораго, какъ извѣстно, принадлежитъ къ такъ называемой школѣ славянофиловъ; потому мнѣнія ихъ не могли не отразиться и на самомъ изданіи пѣсенъ. Мы не противъ славянофиловъ: мы горячо сочувствуемъ ихъ искренней, неподдѣльной любви къ народу и ко всему народному; скажемъ болѣе — они ближе и родственнѣе намъ, чѣмъ наша ученая *западная* бюрократія; но мы никакъ не можемъ примириться съ тѣмъ, что самыя серьёзныя мысли у нихъ какъ-то странно соединяются съ гаданіями, взятыми Богъ

вѣсть откуда. Недостатокъ знакомства съ тѣмъ, что̀ сдѣлано по народности на Западѣ, здѣсь виденъ на каждомъ шагу! Съ какой стати, напримѣръ, Илья Муромецъ, богатырь русскаго героическаго эпоса, лицо, во всякомъ случаѣ, сказочное, названъ на заглавіи *крестьяниномъ?* Желаніе издателей видѣть въ этомъ лицѣ *крестьянина*, можетъ-быть, очень остроумно, но основывается до того на личномъ вкусѣ и личномъ воззрѣніи, что людей неопытныхъ можетъ ввести въ ошибку и, во всякомъ случаѣ, сообщитъ имъ неправильное понятіе о предметѣ. То же самое видно и во мнѣніи о расположеніи пѣсенъ: издатель силится распутать нѣкоторыя странности и, безъ дальнѣйшаго колебанія, рѣшаетъ это своимъ внутреннимъ чутьемъ. Намъ кажется такой пріемъ и *невозможнымъ*, *и вреднымъ*: *невозможенъ* онъ потому, что пѣсни у насъ, по особымъ общественнымъ и литературнымъ условіямъ древней Руси, не имѣютъ литературнаго преданія, записаны очень поздно, именно въ концѣ прошлаго и, по большей части, въ нынѣшнемъ столѣтіи; намъ извѣстенъ, слѣдовательно, ихъ позднѣйшій видъ, а о томъ, каковы онѣ были въ старину, мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія; догадки тутъ не поведутъ ни къ чему, и хорошо если онѣ основываются на сравнительно-историческомъ изученіи народныхъ произведеній родственныхъ племенъ; въ противномъ случаѣ онѣ могутъ быть *вредны*, потому что къ анахронизму и путаницѣ, произведенной временемъ, прибавятъ путаницу комментатора. Приведемъ этому примѣръ. Въ одной пѣснѣ объ Ильѣ Муромцѣ разсказывается, какъ сынъ его, какой-то королевичъ Збутъ, рожденный имъ вдалекѣ, убиваетъ мать и, въ свою очередь, падаетъ подъ рукою отца. Издатель не задумался отнести это «безцѣльное убійство, какъ *несообразное* съ характеромъ Ильи», на счетъ *страшнаго богатыря*, встрѣченнаго Ильею на богатырской заставѣ. А между тѣмъ, если бы онъ потрудился хорошенько разсмотрѣть этотъ эпическій мотивъ въ поэзіи родственныхъ народовъ, онъ увидѣлъ бы, что тутъ нѣтъ ничего несообразнаго: и Рустемъ (по иранскимъ сказаніямъ) убиваетъ своего сына Зу-

раба, и Эдипъ своего отца — только роли мѣняются. У нѣмецкихъ племянъ достаточно указать на пѣснь о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ, на позднѣйшій видъ этого сказанія въ сагѣ о Вользунгахъ: всѣ онѣ развиваютъ одинъ и тотъ же древне-эпическій мотивъ — поединка отца съ сыномъ. Отсюда, право, не стоило выгораживать Илью, только за тѣмъ, чтобы изъ него сдѣлать *русскаго крестьянина, православнаго богатыря!* Къ тексту самыхъ пѣсенъ приложены сказки про того же богатыря, почерпнутыя частью изъ устъ народа, частью изъ лубочныхъ изданій. Это недурно, уже и потому, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сказка есть не иное что̀, какъ прозаическій перифразисъ былины, и иногда даже сохраняетъ размѣръ ея. Личныя воспоминанія г. Аксакова объ Ильѣ Муромцѣ (иной подумаетъ, что онъ былъ лично знакомъ съ богатыремъ!) и отмѣтка г. Даля, помѣщенныя въ концѣ книги, также не безполезны. Однимъ словомъ, несмотря на замѣченную нами странность въ понятіяхъ издателя, мы радуемся, что, наконецъ, дождались изданія богатаго собранія пѣсенъ Кирѣевскаго, того собранія, о которомъ говорили такъ многіе, и которое такъ немногимъ было извѣстно; лишь бы дѣло не остановилось на первомъ выпускѣ: вѣдь еще въ 47 году — помнится — была издана первая часть этого собранія, заключающая *духовные стихи!* Заговоривъ о духовныхъ стихахъ, мы прямо переходимъ къ сборнику г. Варенцова, изданному книгопродавцемъ Кожанчиковымъ. Въ исторіи русской литературы и вообще русской мысли, духовные стихи — едва ли не одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ предметовъ: съ одной стороны, они соприкасаются съ христіанскими идеями, съ другой съ народностью; это была та сфера, въ которой религіозныя убѣжденія нашихъ предковъ мирились съ стариннымъ народнымъ элементомъ; но христіанскій элементъ въ духовные стихи вошелъ не изъ своего чистаго источника, а, по большей части, изъ книгъ отреченныхъ, апокрифическихъ; потому нечего удивляться, что произведенія, возникшія на такой почвѣ, не могли встрѣтить повсемѣстнаго одобренія. Этимъ обыкновенно объясняютъ ихъ не-

популярность, ихъ малое распространеніе и ограниченный объемъ; но намъ кажется, что тутъ была еще другая, можетъ-быть, болѣе основательная, причина. Дѣло въ томъ, что духовные стихи не могутъ быть названы народными, въ полномъ смыслѣ этого слова: это была уже вторая ступень народнаго эпоса, его ослабленіе, потому что возникновеніе его обусловили столько же и народный элементъ, сколько и книжная мудрость, доступная немногимъ грамотнымъ людямъ и вовсе не существовавшая для простолюдина. Потому-то и является особый классъ людей, сохраняющихъ и берегущихъ эти пѣсни; народъ только слушаетъ, но не поетъ ихъ, какъ поетъ свои былины про Владимира и его богатырей. Да притомъ же, духовные стихи такъ близко граничатъ къ такъ называемымъ виршамъ, что иногда бываетъ трудно положить между ними различіе, а кто же назоветъ вирши, тяжелыя произведенія книжнаго издѣлья, произведеніями *народными*. Короче сказать, духовные стихи представляютъ намъ духовную поэзію грамотной части русскаго народа, говоримъ *духовную*, желая этимъ выразить отличіе ея отъ простой, безыскусственной поэзіи, являющейся въ пѣснѣ, въ сказкѣ и т. д. Обращаемся къ самому изданію.

Тексту стиховъ предпослано небольшое, но очень недурно составленное предисловіе, въ которомъ г. Варенцовъ объясняетъ характеръ этого рода произведеній. Онъ очень вѣрно думаетъ, что духовные стихи составились при взаимнодѣйствіи религіозно-византійскаго начала и народнаго русскаго. «Какъ въ понятіяхъ народа, говоритъ онъ, иныя языческія вѣрованія слились съ новыми идеями и образами, внесенными христіанской религіей, и Велесъ (богъ скотій) обратился во Власія, праздникъ Купала слился съ праздникомъ св. Крестителя Іоанна и Рождество — съ Колядой и Авсенемъ, такъ точно сказанные мотивы, изъ миѳическаго и героическаго эпоса, смѣшались, въ иныхъ прозаическихъ разсказахъ, съ мотивами изъ житія святыхъ, между тѣмъ, какъ пѣсни представили новую форму, извѣстную подъ именемъ *духовныхъ стиховъ*». Авторъ полагаетъ

далѣе, что обыкновеніе пѣть духовные стихи было занесено нашими паломниками изъ Греціи и Палестины: «Странствуя по святымъ мѣстамъ, они встрѣчали тамъ старцевъ, которые пѣли, предъ собравшейся толпой, священные гимны и житія» — и это подало имъ поводъ внести и къ намъ то же обыкновеніе. Въ доказательство авторъ приводитъ то обстоятельство, что и въ старину, и нынѣ, такіе пѣвцы назывались каликами перехожими. Мы думаемъ, что во всемъ этомъ есть небольшая неточность, могущая, чего добраго, возвратить иного читателя къ старинному мнѣнію, по которому духовные стихи являются простымъ пересадкомъ греческаго прототипа и потому не заключаютъ въ себѣ ничего русскаго. Такое мнѣніе, высказанное, помнится, въ pendant къ сладкимъ гимнамъ Шевырева и Комп., прежде имѣло смыслъ, а теперь — и странно и непонятно. Мы не говоримъ, чтобы г. Варенцовъ держался его; напротивъ, его взглядъ на дѣло очень правиленъ, но страница его предисловія о паломническомъ источникѣ обыкновенія пѣть духовные стихи можетъ легко подать поводъ и къ этому мнѣнію. Намъ кажется, что дѣло можетъ быть объяснено и безъ этого. Если вѣрить свидѣтельству житія Ѳеодосія, Ипатьевской Лѣтописи и Слова о Полку Игоревѣ, то у насъ еще въ 12-мъ вѣкѣ существовали особые княжескіе, придворные пѣвцы, въ родѣ скандинавскихъ скальдовъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ XV и XVI вѣкѣ такимъ же своеобразнымъ путемъ явились и пѣвцы духовныхъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины сомнѣваться, чтобы обычай паломничества въ древней Руси имѣлъ широкое распространеніе. Признавая иноземное происхожденіе обычая пѣть духовные стихи, мы должны признать это и за украинскими думами, распѣваемыми лирниками и бандуристами, а кто же, сколько-нибудь знакомый съ предметомъ, рѣшится сказать это!

Г. Варенцовъ не имѣлъ въ виду исчерпать предмета, и потому только слегка указалъ на народные и книжные источники стиховъ, но мы не можемъ пройти безъ вниманія и той небогатой словами, но богатой искренностью чувства и симпатіи къ

народу — характеристики духовныхъ стиховъ, которую предложилъ онъ. «Любимыми мотивами этихъ пѣсенъ — были «житіе Алексѣя, человѣка Божья», «Евангельская притча о Лазарѣ убогомъ», «О страшномъ судѣ». Не веселы были эти образы; однообразны и тоскливы напѣвы — но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, забытаго богатымъ, себя, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ — могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнью силы души и развить энергію въ народѣ, но, когда онъ не находитъ въ нихъ ничего, кромѣ горя и лишеній, когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія — духъ его падаетъ, и онъ робко клонитъ голову, не вступая въ борьбу. И жизнь, и смерть равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, смерть холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей. Таковъ, большею частью, характеръ нашихъ духовныхъ стиховъ». Къ грустной истинѣ этихъ словъ намъ нечего прибавлять отъ себя. У народовъ энергическихъ, съ богатою исторіею въ прошедшемъ, много испытавшихъ и много потрудившихся для человѣчества, такое расположеніе способно вызвать Данта и Савонаролу. И, сказать правду, у насъ были элементы для новой *Божественной Комедіи*, были даже литературныя условія для ея появленія — и что же вышло? Умильныя повѣсти да тоскливыя пѣсни *о горѣ и злочастіи*, какъ привело оно русскаго молодца, сначала въ царевъ кабакъ, а потомъ въ иноческій чинъ! Возвратимся къ сборнику г. Варенцова. Изъ помѣщенныхъ тамъ духовныхъ стиховъ, бо̀льшая половина уже извѣстна русскимъ читателямъ изъ собранія г. Кирѣевскаго; но есть и любопытные, важные для исторіи литературы варіанты. Вторая же половина сборника заключаетъ въ себѣ совершенно новые и лишь немногимъ извѣстные раскольничьи стихи. По мнѣнію из-

дателя, они возникли въ 17-мъ вѣкѣ и какъ будто бы заимствованы сектантами изъ духовныхъ стиховъ прежняго времени — по крайней мѣрѣ, такъ мы понимаемъ слѣдующія его слова: «Когда, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, неустройство нашей іерархіи и общественной жизни выразились рядомъ религіозныхъ волненій, которыя дали множество расколовъ и сектъ, сектанты воспользовались формою духовныхъ стиховъ, чтобы въ ней выразить суровый фанатическій взглядъ, и такимъ образомъ явились стихи и богослужебныя пѣсни людей божіихъ, странниковъ, морельщиковъ, глухой нѣтовщины и проч.». Кажется, издатель предполагаетъ, что это было сдѣлано *намѣренно;* если такъ, то его мнѣніе не можетъ найти себѣ оправданія въ фактахъ. Дѣло сдѣлалось само собою: по самому своему характеру, духовные стихи болѣе принадлежатъ раскольнической, чѣмъ православной литературѣ; почти не найдется сколько-нибудь замѣчательнаго стиха, чтобы въ немъ не высказывалось что̀-нибудь, почерпнутое изъ книгъ *отреченныхъ иже не подобаетъ чести*, т. е. апокрифическихъ.

Разсматривая самый составъ собранія, мы не можемъ не посѣтовать: зачѣмъ издатель не перепечаталъ уже однажды напечатанныхъ раскольничьихъ пѣсенъ, которыя, однако, совершенно неизвѣстны русской публикѣ, потому что помѣщены въ книгѣ, доступной лишь двумъ-тремъ лицамъ; этимъ объемъ книги увеличился бы немного, но важность ея — удвоилась.

Выше мы замѣтили, что устарѣлый офиціальный взглядъ на русскую исторію только потому и держится, что намъ неизвѣстна хорошо рукописная литература. Памятники, издаваемые подъ редакціею г. Костомарова, кажется, имѣютъ въ виду пособить этому горю. Дѣйствительно, первый выпускъ этого изящнаго изданія, несмотря на то, что многое въ немъ — не русское и принадлежитъ къ переводной литературѣ, представляетъ столько новаго и драгоцѣннаго для изслѣдователя русской жизни, что было бы чрезвычайно прискорбно, если изданіе, какъ мы слышали, окончится вторымъ выпускомъ.

Особенно обращаетъ вниманіе *мѣстный* элементъ нашей древней литературы, ясно высказывающійся въ помѣщенныхъ здѣсь легендахъ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, Муромскихъ, объ Ульяніи Муромской, въ повѣстяхъ: о бѣсноватой женѣ Соломоніи, о водвореніи христіанства въ Муромѣ, о побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами, о св. Варлаамѣ и, въ особенности — о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. Изъ этихъ повѣстей и легендъ ясно видно, что было когда-то время, когда умственная жизнь шевелилась по разнымъ областямъ русской земли: въ Новгородѣ, въ Псковѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Суздалѣ, до той поры, пока Москва не захватила этихъ молодыхъ побѣговъ русской *областной* мысли. Пусть наши дьяки и подьячіе исторической науки, хотя здѣсь, на историческихъ документахъ, научатся цѣнить проявленіе народной жизни, отъ котораго они, какъ боги Олимпа, отвращаютъ свои взоры. Памятники изданы очень хорошо: иные по нѣсколькимъ варіантамъ, съ пояснительными замѣчаніями редактора, до нѣкоторой степени облегчающими ихъ пониманіе. Съ литературной точки зрѣнія, примѣчанія и объясненія могли бы быть обстоятельнѣе и точнѣе, но, во-первыхъ, нужно вспомнить, что редакторъ — не историкъ литературы, а во-вторыхъ, если они не сообщаютъ цѣльнаго взгляда на памятникъ (говоримъ опять въ отношеніи историко-литературномъ), то никого и не введутъ въ ошибку или ложное мнѣніе; самая же редакція безукоризненна. Пожелаемъ скорѣйшаго появленія второго и слѣдующихъ выпусковъ: такія изданія приносятъ несомнѣнную пользу русской исторической наукѣ и несомнѣнную честь людямъ, рѣшающимся издавать подобныя вещи. Говоря о послѣднихъ, мы не можемъ не помянуть признательностью книгопродавца-издателя Д. Е. Кожанчикова, которому принадлежитъ изданіе сборника г. Варенцова. Мы слышали, что на его иждивеніи издаются «Историческіе очерки народной русской литературы и искусства», г. Буслаева, съ многочисленными и великолѣпными снимками, взятыми изъ рукописей. Въ этомъ мы видимъ не одно коммерческое дѣло (съ точки зрѣнія коммерче-

ской, оно, пожалуй, и небезупречно!), но ясное пониманіе потребностей современной общественной мысли и науки: самъ, вышедшій изъ народа и выросшій среди его, г. Кожанчиковъ высказываетъ свою симпатію къ народнымъ интересамъ, изданіемъ памятниковъ его протекшей жизни и историческихъ изслѣдованій, объясняющихъ эту жизнь. Мы знаемъ даже, что этимъ не ограничивается полезная дѣятельность этого просвѣщеннаго книгопродавца: онъ завязалъ связи съ славянскими книгопродавцами и издателями, въ надеждѣ содѣйствовать распространенію изученія славянской народности. Только такимъ путемъ честнаго служенія общественному дѣлу можно поставить у насъ книжную торговлю на благородную ногу, и изъ спекулянтовъ, книжниковъ сдѣлать гражданъ-книгопродавцевъ, какихъ, напримѣръ, мы видимъ въ Германіи, въ лицѣ Отто Виганда, Диммлера, Брокгауза и др

Рутина въ преподаваніи исторіи словесности.

Курсъ исторіи поэзіи для восп. женскихъ институтовъ и восп. гимназій, сост. А. Линниченко. Кіевъ, 1860 г. 329 стр.

1861.

Ничто такъ не порабощаетъ человѣка, ничто такъ не стѣсняетъ его дѣятельности, какъ преданіе и обычай. Отъ всякой дурной привычки легче отказаться, чѣмъ пойти наперекоръ вѣковому обычаю, преданію: привычка — дѣло личное и, при извѣстномъ закалѣ характера, легко устранимое, а обычай, освященный прошедшимъ и принятый настоящимъ de facto, имѣетъ вѣрные залоги своей долговѣчности уже и въ томъ, что принятъ всѣми, что къ нему привыкли и сжились съ нимъ, что для исполненія его не нужно ни особой силы ума, ни какой-нибудь особой дѣятельности. Располагая жизнь по всеобщему календарю, переживая день за день, какъ всѣ живутъ, никогда не рискуешь своимъ покоемъ, никогда не нарушишь своей гармоніи съ окру-

жающимъ и, чего добраго, украсишься почетомъ, пріятно ласкающимъ самолюбіе. Оттого, самый, повидимому, свѣтлый, разсудительный умъ, самая энергическая дѣятельность невольно уступаютъ, когда приходится встрѣтиться съ обычаемъ и преданіемъ; это тотъ пробный, испытующій камень, на которомъ познается *историческая* годность извѣстнаго лица: отсюда немногіе выходятъ неколебимы; большинство же, простившись съ умственною самодѣятельностію, выходитъ на торную, проложенную вѣками дорогу, путь по которой, хотя и безсмысленъ, но за то безопасенъ и покоенъ. Вотъ почему всегда такъ много бываетъ приверженцевъ и послѣдователей извѣстныхъ ученій, и такъ мало новаторовъ, идущихъ своимъ независимымъ шагомъ; такъ много каменщиковъ и такъ мало искусныхъ зодчихъ; вотъ почему иногда цѣлые вѣка изъ рода въ родъ переходитъ какая-нибудь запоздалая мысль, и всѣ принимаютъ ее, не замѣчая ея вопіющаго противорѣчія съ современными началами. Весь разладъ, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, происходитъ, по нашему убѣжденію, отъ этой роковой силы преданія: элементъ догматическій, неподвижный, оно неспособно къ уступкамъ и къ перемѣнамъ, оно требуетъ или полнаго подчиненія, или полнаго отверженія, а на это послѣднее нужна такая сила ума, какая не встрѣчается сплошь да рядомъ въ исторіи, предлагающей, рядомъ съ блестящими завоеваніями ума, и многое множество уступокъ рутинѣ и косности, самоотреченія въ пользу отжившихъ преданій. Оттого, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, бываютъ крутые переломы: они подводятъ итогъ прожитому и разсчитываются вчистую съ тѣмъ, что́ давно оказалось негоднымъ, но что́ жило и дѣйствовало, благодаря отсутствію энергіи и умственной самодѣятельности въ общественной жизни. Такіе уроки, такое бичеваніе за ученическое малодушіе, всегда благотворны, потому что ими вызывается человѣкъ на вниманіе къ самому себѣ, ими пробуждаются тѣ живыя силы души, которыя дотолѣ коснѣли въ позорной дремѣ и склонялись предъ всякою случайностію и ложью. Въ наукахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ нравственную и ум-

ственную дѣятельность человѣка, такіе перевороты совершаются не въ одинъ день и не въ одинъ годъ: по самому существу своему, наука менѣе возбуждаетъ страсть, менѣе раздражаетъ нервы, чѣмъ жизнь общественная; на ней не почіетъ та великая народная инвеститура, которая въ годы заставляетъ переживать цѣлыя столѣтія. Тихо и скромно, камень за камнемъ выводитъ она свою постройку, и только, когда готово зданіе, она требуетъ признанія правъ его, требуетъ отказа отъ старины и принятія новаго; но если перевороты въ наукѣ происходятъ не вдругъ, то тѣмъ болѣе оказывается виновною та человѣческая природа, которая не умѣла или не захотѣла воспользоваться этимъ мирнымъ развитіемъ и не пошла съ нимъ рука объ руку: въ сферѣ умственной дѣятельности овладѣть сразу гораздо труднѣе, чѣмъ итти постепенно, потому что сами категоріи ума подчиняются общей категоріи постепенности.

Въ системѣ наукъ, входящихъ въ составъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, ни одна наука не испытала такой горькой, плачевной судьбы, какъ исторія словесности. Въ полномъ смыслѣ слова, къ ней идетъ названіе *несчастной*, потому что съ самаго начала своего существованія и до настоящаго времени, всѣ попытки ея выбраться на прямую педагогическую дорогу были рядомъ неудачъ и несчастій, иногда доходившихъ до комизма: всѣ почтенныя преданія, идущія со временъ Аристотеля и Квинтиліана, всѣ средневѣковыя схоластическія стѣсненія pia mente помѣщаются рядомъ съ новыми началами, и весь этотъ безобразный хаосъ, подведенный подъ общія логическія и психологическія рубрики, является то въ видѣ формулярныхъ списковъ писателей и произведеній, то въ образѣ сухой догматической доктрины, которая, по всей справедливости, можетъ быть названа *помѣшанною наукою*, потому что представляетъ помѣсь всего, что́ только можно себѣ вообразить: и психологіи, и логики, и умозрительной эстетики, и реторики, и небольшаго количества историческихъ фактовъ и, наконецъ, началъ нравственной философіи и теологіи; а если къ этому прибавится стремленіе къ

такъ называемой художественной характеристикѣ произведеній, то все это покрывается такимъ туманомъ, въ которомъ легко могутъ потеряться любыя молодыя способности. Послѣдніе остатки фактическаго содержанія, уцѣлѣвшіе отъ великаго передвиженія по разнымъ мытарствамъ рубрикъ и подраздѣленій, подводятся подъ такъ называемые общіе законы и обобщаются до того, что напр. предлагаемая характеристика поэмы о Нибелунгахъ съ равнымъ успѣхомъ можетъ быть отнесена и къ романамъ Вальтеръ-Скотта и къ любому произведенію нашего времени. Какую жалкую роль играютъ здѣсь ученики, понять не трудно: не говоря уже, что вмѣсто живаго знанія, имъ внушается пустая игра названіями произведеній и общими эстетическими соображеніями о цѣльности произведенія, выдержанности характеровъ, вѣрности въ ихъ изображеніи и т. п., они пріучаются и къ другому, еще болѣе нехорошему качеству, разсуждать и судить о томъ, о чемъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, а извѣстно, какими хорошими послѣдствіями сказываются въ жизни эти, однажды усвоенныя, качества. Главная причина такого печальнаго состоянія учебной исторіи словесности, по нашему крайнему убѣжденію, заключается въ тѣхъ уступкахъ рутинѣ, въ томъ самоотреченіи предъ укоренившимся обычаемъ, съ котораго мы начали нашу статью: составители учебниковъ, воспитавшись на реторикахъ Кошанскаго, Георгіевскаго и на чтеніяхъ о словесности Давыдова, никакъ не могутъ освободиться отъ мрачнаго вліянія этой тяжеловѣсной закладки: съ одной стороны, ихъ вездѣ и во всемъ преслѣдуютъ тропы, фигуры, хріи, извѣстныя три единства, эпическое чудесное, лирическій безпорядокъ, все механическое, формальное, все, что́ ни изобрѣла услужливая схоластика, стремясь угодить *насущной* потребности въ сочиненіи торжественныхъ одъ, гимновъ, кантатъ и т. п. произведеній, съ другой — общія эстетическія и философскія соображенія постоянно увлекаютъ ихъ въ сферу празднословія, безъ всякаго реальнаго содержанія. Между этихъ двухъ водоворотовъ — формальной рутины и идеальной отвлеченной схоластики — трудно управить

свой челнъ отъ крушенія, если не покончить одинъ разъ навсегда и съ тѣмъ, и съ другимъ, а на это не станетъ ни рѣшимости, ни, быть-можетъ, самаго убѣжденія въ негодности началъ, до сихъ поръ формально принятыхъ. А между тѣмъ, довольно хотя въ общихъ чертахъ познакомиться съ современнымъ направленіемъ и состояніемъ науки исторіи литературы на Западѣ, чтобы имѣть достаточную причину разочароваться въ непогрѣшительности и годности не только реторикъ Бургія, Кошанскаго, Зеленецкаго, но даже и самыхъ чтеній о словесности Давыдова и самой эстетики Гегеля, такъ некстати и не ко времени переводимой съ французскаго г. Модестовымъ! Вотъ почему съ живѣйшимъ любопытствомъ мы взялись за учебникъ г. Линниченка, надѣясь, по крайней мѣрѣ, что это не будетъ повтореніемъ подобныхъ произведеній гг. Тулова и Зеленецкаго. Уже одно названіе: курсъ *исторіи поэзіи*, невольно располагало насъ въ пользу книги: мы видѣли въ немъ торжество новыхъ началъ историческаго изученія надъ старою рутиною теоріи; но съ первыхъ же строкъ предисловія убѣдились въ совершенно обратномъ: въ торжествѣ рутины надъ наукою и здравымъ смысломъ. Это первое впечатлѣніе, скажемъ прямо, подтвердилось и внимательнымъ чтеніемъ самой книги: вездѣ на первомъ планѣ рутина, вездѣ колебаніе между историческимъ изученіемъ и теоретическою схоластикою, вездѣ предосудительныя уступки предъ обычаемъ, предъ почтенными тѣнями Кошанскаго, Георгіевскаго и другихъ, еще живущихъ. Мы хотимъ подкрѣпить наше мнѣніе о новомъ учебникѣ г. Линниченка подробнымъ разборомъ: къ этому насъ обязываетъ, какъ рѣзкость приговора, такъ и желаніе высказать тѣ мысли, тѣ начала, какія считаемъ мы необходимыми при составленіи учебника и вообще при преподаваніи исторіи словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Начнемъ съ понятія теоріи и исторіи поэзіи; это необходимо уже и потому, что эти два, совершенно различные, метода въ изученіи словесности постоянно смѣшиваются и ведутъ ко многимъ недоразумѣніямъ. Теоретическое изученіе противополагается

историческому: первое имѣетъ своимъ предметомъ общія свойства родовъ, видовъ и формъ поэзіи, второе — тѣ явленія, тѣ факты, въ которыхъ выразилась поэтическая дѣятельность извѣстнаго народа; первое — десятками столѣтій считаетъ свое существованіе, второе — возникло и существуетъ не болѣе полувѣка: причина, почему возникло оно и быстро развилось, заключалась именно въ недостаткѣ, или лучше сказать—въ несостоятельности теоретическаго изученія. Условія средневѣковаго образованія поставили піитику Аристотеля въ совершенно ложное для нея положеніе: изъ практическаго, мѣстнаго руководства она сдѣлалась непогрѣшительнымъ кодексомъ теоріи словесности вообще: всѣ правила ея, направленныя къ тому, *какъ надлежитъ составлять вымыслы, если хотимъ, чтобы поэтическія произведенія были хороши;* всѣ тѣ роды, виды и формы поэзіи, о сущности которыхъ говорилъ Аристотель, основываясь единственно на произведеніяхъ *родной* ему литературы и примѣняясь только къ нимъ, были приняты послѣдующими теоретиками за безусловные, и совершенно *греческая* догматическая теорія получила силу всеобщаго закона, равно примѣнимаго къ поэтическимъ произведеніямъ всѣхъ странъ и народовъ. До какого формализма доходила эта теорія, легко видѣть изъ знаменитаго въ свое время *Лицея* Лагарпа и *Курса словесности* Лемерсье, гдѣ Шекспиръ третировался свысока, назывался или пьянымъ дикаремъ, или un monstre qui a de belles parties, а о произведеніяхъ литературы народной и помину не было. Стѣснительную сухость и безполезность *правилъ* такой теоріи начали понимать лишь въ срединѣ прошлаго вѣка, и на выручку явилась новая наука, не такъ туго связанная по рукамъ и ногамъ аристотелевскими преданіями: это эстетика, наука объ изящномъ. Основываясь на образцовыхъ произведеніяхъ поэзіи и образовательныхъ искусствъ, она думала создать философію искусства вообще и опредѣлить законы, по которымъ дѣйствуетъ художественное творчество. Относительно поэзіи она удержала почти всѣ старинныя аристотелевскія рубрики и опредѣленія, перемѣшавъ ихъ общими психологическими и философскими сооб-

раженіями. Недолговѣчность эстетики опредѣлялась ея аристократическою разборчивостью: обращая вниманіе лишь на произведенія классическія, образцовыя, она пренебрегала фактами, повидимому, мелочными, но на самомъ дѣлѣ не только важными, но просто необходимыми, безъ правильнаго разумѣнія которыхъ всѣ великія образцовыя произведенія останутся непонятны и даже немыслимы, какъ бываетъ непонятно и немыслимо слѣдствіе безъ причины.

Теорія оказалась несостоятельна, она никого и ничему не научила: не образовала, какъ думала, поэтовъ, не уяснила сущности художественной поэтической дѣятельности и постепеннаго развитія родовъ, видовъ и формъ поэзіи у различныхъ народовъ; она осталась тѣмъ, чѣмъ была — сухою, безполезною доктриной и успѣла только отмѣтить нѣкоторые, совершенно внѣшніе признаки поэтическихъ произведеній. Въ литературѣ вліяніе ея было ложное: если и на Западѣ, и у насъ, писали эпопеи, анакреонтическія оды, гимны, диѳирамбы, сонеты и т. п. произведенія, которыя мы привыкли называть ложными, то этимъ мы обязаны теоріи: она не хотѣла знать, что всякое поэтическое произведеніе, всякій видъ поэтической дѣятельности есть дитя своего времени и своихъ домашнихъ обстоятельствъ, что если и у древнихъ и у насъ была лирика, то это не есть нѣчто тожественное, но совершенно различныя вещи, и что сходство ихъ только формальное, несущественное. Въ свой пантеонъ теорія вносила каждую мелочную форму поэзіи, какъ нѣчто безусловное, и слѣдуя ея предписаніямъ, поэты 18—19 вв. упражнялись въ сочиненіи такихъ произведеній, которыя были возможны только въ эпоху труверовъ и трубадуровъ. Съ такимъ механическимъ, формальнымъ взглядомъ теорія не могла долго существовать: ея не спасли и тѣ философскія дыбы, на которыя мощною рукою поднялъ ее Гегель, а за нимъ, его вѣрный ученикъ — швейцарскій Фишеръ. Съ одной стороны, измѣненія въ философскомъ методѣ, совершенныя такъ-называемою *лѣвой* стороной гегелевой школы, съ другой быстрое развитіе историческаго изученія, направленнаго

преимущественно къ народности, старинѣ,—положили послѣдній могильный камень какъ на схоластическую теорію словесности, такъ и на эстетику. Историческое изученіе произведеній словесности возникло не вдругъ: оно вышло изъ той же теоріи, несостоятельность которой ему суждено было разоблачить. Съ легкой руки Аристотеля, всѣ теоретики основывали свои положенія на нѣкоторыхъ образцахъ, конечно—они глядѣли на нихъ внѣ условій пространства и времени, не обращая вниманія на обстоятельства, подъ которыми возникли они, но самый пріемъ выводить свои заключенія изъ историческихъ явленій, рано или поздно, долженъ былъ принести свои добрые плоды. Такъ, дѣйствительно, и случилось, когда поохладившееся движеніе романтическихъ идей обратилось къ изученію памятниковъ средневѣковой поэзіи и искусства; тогда явилась въ полномъ смыслѣ слова *новая* наука — исторія словесности, разсматривавшая каждое произведеніе въ связи съ эпохою, съ тѣми обстоятельствами, среди которыхъ оно возникло; вопросъ о формѣ отодвинулся на второй планъ, и мѣсто его занялъ вопросъ о содержаніи, исчезли пустые толки объ эпопеѣ, одахъ, кантатахъ, гимнахъ и т. д., а выступило строгое изученіе историческихъ явленій. Таково, по крайней мѣрѣ, направленіе науки исторіи словесности на Западѣ, какъ мы находимъ его въ трудахъ братьевъ Гриммовъ и ихъ многочисленной школы. Но тотъ глубоко ошибся бы, кто бы подумалъ, что и въ сферѣ учебной, педагогической, исторія словесности одержала такую же блестящую побѣду надъ теоріей, какъ и въ наукѣ: не только у насъ, но и на Западѣ, составители учебниковъ словесности не умѣли надлежащимъ образомъ воспользоваться ни результатами, ни самымъ методомъ новой науки; стóитъ только заглянуть въ учебники Розенкранца и Готтшаля[1]), чтобы убѣдиться въ той печальной истинѣ, какъ сильно рутина владѣетъ еще умами, повидимому хорошо образованными

1) Poesie und ihre Geschichte, v. K. Rosenkranz. Kön. 1855. Poetik. Die Dichtkunst und ihre Technik, v. R. Gottschall. Br. 1858.

и близко знакомыми съ фактическимъ содержаніемъ науки. На Западѣ это явленіе понятнѣе, чѣмъ у насъ, тамъ это вытекаетъ прямо изъ жизни: Розенкранцъ — строгій гегелистъ *правой* руки, онъ вѣренъ доктринѣ своего великаго маэстро и до сей поры не колеблется приносить ей въ жертву все неподходящее; въ противномъ случаѣ оскорбились бы и нѣжныя чувства ученика къ учителю и преданія нѣмецкой доктрины, о которой онъ имѣетъ право сказать: quorum pars magna fui. Это туземная, наслѣдственная связь, печальная, но неизбѣжная, порвать которую трудно всякому, а теоретическому трансцендентальному уму Розенкранца и тѣмъ болѣе; о Готтшалѣ можно сказать почти то же. Нѣкоторымъ нѣмецкимъ ученымъ еще трудно и, можетъ-быть, долго будетъ трудно отказаться отъ эстетическихъ отвлеченностей, потому что эстетика принадлежитъ исключительно Германіи. Тамъ она создалась и развилась въ связи съ развитіемъ всей спекулятивной философіи, а извѣстно, какъ трудно разстаться съ родною мыслью, взлелѣянною и выхоленною нами, хотя бы она шла наперекоръ всѣмъ новымъ успѣхамъ въ наукѣ [1]). Этого обаятельнаго, чисто-туземнаго вліянія эстетики для насъ, позднихъ пріемышей европейской науки, не существуетъ: эстетикой мы не можемъ дорожить такъ, какъ нѣмцы, потому что не мы создали ее, и теряя ее, мы ничего не теряемъ кровнаго, дорогаго нашему сердцу, а взамѣнъ этого сколько выигрываемъ! Цѣлую новую науку, а съ нею вмѣстѣ и освобожденіе отъ рутинной схоластики, отъ безполезныхъ стремленій къ абсолютамъ всякаго рода! Къ несчастію, если не мы создали теорію, то мы долго и очень долго учились по ней, и этого довольно было, чтобы ослабить нашу способность къ воспринятію началъ исторіи словесности въ томъ видѣ, какъ требуетъ современная наука: съ дѣтства смущаемое мрачною схоластикою доморощенныхъ ари-

1) Мы не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго автора объ эстетикѣ вообще, хотя и вполнѣ согласны съ нимъ относительно важности историческаго метода въ изученіи словесности. *Примѣч. редакціи Московскихъ Вѣдомостей.*

стотеликовъ, реторикой Бургія и Кошанскаго, эстетикой Давыдова и профессора Зеленецкаго, мы не могли не поколебаться въ умѣніи различать годное отъ негоднаго, старое и мертвое отъ новаго и плодотворнаго; первыя впечатлѣнія и постоянное коснѣніе въ рутинѣ до того овладѣли нашимъ умомъ, что въ немъ, какъ въ избирательной урнѣ, укладываются самыя противорѣчивыя сужденія; рутина тянетъ на старое, новыя начала также врываются въ эту пустую, холодную храмину съ своими требованіями, и между тѣмъ нѣтъ силъ овладѣть движеніемъ этихъ разнородныхъ элементовъ, нѣтъ силъ направить ихъ къ одной цѣли и дать имъ ту стройную, правильную форму, при которой наука только и возможна. Запуганная призраками прошедшаго, не окрѣпшая въ настоящемъ, мысль перебѣгаетъ отъ одного мнѣнія къ другому, она не знаетъ на чемъ остановиться, ищетъ опоры и находитъ ее лишь въ *благоразумной* срединѣ, примиряющей всѣ противорѣчія и легко, и дешево, и скоро. Оттого цѣлое зданіе является въ видѣ лоскутьевъ, схваченныхъ наскоро бѣлыми нитками, въ видѣ стараго рубища, покрытаго новыми заплатами — и все это предлагается молодымъ умамъ, какъ *руководство*.

Такимъ печальнымъ памятникомъ неурядицы въ наукѣ служитъ и книга г. Линниченка, къ которой мы возвращаемся теперь послѣ небольшаго отступленія.

Каковы бы ни были несовершенства исторической науки въ наше время и какимъ бы упрекамъ ни подвергалась она за то, что вмѣсто положительнаго, реальнаго факта, она принуждена по большей части ставить личное мнѣніе и личный взглядъ историка, никто, однако, не усомнится въ общемъ понятіи *историческаго процесса*, заключающагося въ преемственной связи явленій. Пусть мы не такъ понимаемъ и не такъ толкуемъ ее; но признавая исторію, мы непремѣнно должны признать и эту связь. Понятіе простое до очевидности и обязательное. Этого, кажется, не чувствовалъ г. Линниченко, составитель курса *исторіи* поэзіи: подъ исторіею поэзіи онъ, судя по его сочиненію, пони-

малъ рядъ отрывочныхъ фактовъ, расположенныхъ хронологически по извѣстнымъ тремъ рубрикамъ: эпоса, лирики и драмы. Главною цѣлью его было: «ознакомленіе учащихся съ главными родами, видами и формами поэтическихъ произведеній, развитіе душевныхъ способностей и преимущественно чувства изящнаго или вкуса, и способности ясно, правильно выражать свои мысли и *чувства* (?), и наконецъ ознакомленіе съ тѣмъ, что́ создано творческимъ геніемъ человѣка въ области поэзіи» (Предисл., стр. V). Какая старческая, фальшивая нота звучитъ въ этихъ словахъ! Прежде всего — зачѣмъ нужно ученику *теоретическое* ознакомленіе съ главными родами, видами и формами поэтическихъ произведеній? Или затѣмъ, чтобъ научить *невозможному*, какимъ представляется желаніе научить *ясно*, *правильно* и *отчетливо* (!) выражать свои *чувства!* Или затѣмъ, чтобы развить и воспитать чувство изящнаго и вкусъ! Но что́ же можетъ лучше довести до этой цѣли, какъ не исторія и историческое изученіе, которое нашъ авторъ такъ не кстати заперъ въ средневѣковую теоретическую клѣтку съ тремя перегородками? Если бы г. Линниченко потрудился припомнить, что исторія поэзіи и вообще словесности, кромѣ развитія вкуса, имѣетъ другую, болѣе важную цѣль — ознакомить учащихся съ извѣстною народностью и ея элементами, что въ этомъ случаѣ она (т. е. исторія словесности) восполняетъ пробѣлъ вообще всей исторической науки, иногда слишкомъ занятой движеніемъ политическихъ и общественныхъ событій; если бы онъ припомнилъ, что познаніе внутренней жизни народа и ея измѣненій только и возможно путемъ историческаго изученія памятниковъ его словесной, поэтической дѣятельности, то онъ вѣрно бы не принесъ въ жертву тройственному теоретическому фантому — историческаго изученія, и не счелъ бы главною цѣлью науки безполезное стремленіе «знакомить учащихся съ главными родами, видами и формами поэтическихъ произведеній». Всѣ эти роды, виды и формы нашли бы себѣ надлежащее правильное объясненіе въ историческомъ изложеніи, безъ котораго они являются чѣмъ-то отрывочнымъ, безцвѣтнымъ,

лишеннымъ родной земли и роднаго неба. Если же авторъ опасался, что ученики не поймутъ терминологіи, то этому горю легко было помочь, предложивъ въ началѣ книги нѣчто въ родѣ краткаго словаря терминовъ, съ объясненіемъ значенія каждаго изъ нихъ; это заняло бы всего какія-нибудь двѣ страницы, развязало бы руки автору, избавило бы отъ схоластики и учителя, и учениковъ; перваго — отъ печальной обязанности объяснять ее, а вторыхъ — отъ не менѣе печальнаго труда усвоивать объясняемое. Но г. Линниченко былъ далекъ отъ скептическихъ сомнѣній въ непоколебимости теоріи и ея годности: доказательства тому представляетъ и слѣдующій за предисловіемъ «Библіографическій указатель важнѣйшихъ сочиненій по теоріи и исторіи поэзіи». Не дурная мысль—указать пособія по изучаемому предмету—у него выполнена такимъ образомъ, что всякій, довѣрившійся его указаніямъ и рекомендаціи, спутается на первомъ же шагу: нужна особая умственная энергія, чтобы выйти побѣдителемъ, а не побѣжденнымъ, изъ этого вавилонскаго хаоса. Здѣсь прежде всего предлагаются давнымъ давно забытыя эстетики: какого-то Фикера (honny soit qui mal y pense), Вебера, Вейссе, Эшенбурга и другихъ; русскіе также не въ обидѣ: гг. Чистяковъ, Туловъ, Давыдовъ, Плаксинъ, Глаголевъ, Георгіевскій занимаютъ достойное мѣсто на ряду съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, братьями Гриммами, Лессингомъ, А. В. Шлегелемъ, Тикомъ и др. Что, если ученикъ вздумаетъ начать свое знакомство съ русскихъ теоретиковъ, какъ болѣе доступныхъ— какая будущность сулится его литературному образованію, и какія понятія вынесетъ онъ отсюда? И какъ мертвая схоластика гг. Давыдова, Чистякова, Георгіевскаго уживется съ наукою В. Гумбольдта и Гриммовъ, когда послѣдняя, по своимъ жизненнымъ стремленіямъ, прямо противоположна первой. Одно изъ двухъ: или слѣдовало держаться за старую рутину и оставить въ покоѣ Гримма и Гумбольдта, не призывать ихъ всуе, или, призвавъ ихъ, выбросить за бортъ весь старый схоластическій хламъ. Г. Линниченко не сдѣлалъ ни того, ни другаго, и

оттого его перечень скорѣе можетъ оказать вредное вліяніе, чѣмъ принести пользу: это, въ сущности, безполезный наборъ заглавій, который можетъ сбить съ толку каждаго, кто захочетъ воспользоваться ими при изученіи предмета; множество старыхъ, забытыхъ и совершенно непригодныхъ сочиненій представляется здѣсь, и нѣтъ такихъ, безъ знакомства съ которыми нельзя ступить и шагу. Почему напр. забыты труды Форіеля, Вилльмаркé, Доплопа, Вален. Шмидта, Фердинанда Вольфа [1]), Эдельстана дю-Мериля, Озанама и почти всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей гриммовской школы? Зачѣмъ, вмѣсто нихъ, мы встрѣчаемся съ такими сочиненіями, какъ старинный учебникъ Вахлера, какъ труды какого-то Дассанса, Меннешé, аб. Мори и многихъ другихъ? Относительно нѣкоторыхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ индексѣ, насъ даже беретъ сильное сомнѣніе: читалъ ли ихъ авторъ? Таковы волюминарныя сочиненія Гаммера, Абель-Ремюза, Клапрота и Ап. Майкова: по крайней мѣрѣ знакомство съ ними ничѣмъ не отразилось въ учебникѣ, а если такъ, то зачѣмъ было приводить ихъ названія! Спору нѣтъ, что все это труды почтенные и полезные, но въ учебникѣ они — ученая роскошь, тѣмъ болѣе излишняя, что г. Линниченко нуждается и въ необходимомъ. Вотъ, относительно указанія переводовъ важнѣйшихъ произведеній иностранной поэзіи на русскій языкъ — нельзя достойно поблагодарить автора: при отсутствіи всякой хрестоматіи въ этомъ родѣ, одинъ простой перечень уже значительно облегчаетъ знакомство съ произведеніями иностранной литературы: по крайней мѣрѣ знаешь, чего искать, и гдѣ искать.

Переходимъ къ самому содержанію книги. По обычаю, принятому во всѣхъ учебникахъ, авторъ начинаетъ объясненіемъ понятія о прекрасномъ и искусствѣ. Благоразумно ограничившись

---

1) Относительно Вольфа г. Линниченко дѣлаетъ исключеніе и приводитъ подъ № 48 одно его малоизвѣстное сочиненіе, но, кажется, ему неизвѣстны ни его «Studien», ни его сочин. о древне-французскомъ эпосѣ, а безъ нихъ, какъ безъ рукъ — въ исторіи романскихъ литературъ.

простымъ объясненіемъ терминовъ, г. Линниченко умѣлъ избѣжать тѣхъ туманныхъ логико-психологическихъ умозрѣній, какія находимъ мы напр. въ «Руководствѣ» г. Тулова, и хотя его понятіе объ *идеалѣ* не чуждо нѣкоторой ложной постановки, но вообще всѣ 6 страничекъ «Введенія» составлены очень просто и удобопонятно: онѣ, если не многому учатъ, то и никого не приведутъ въ умственное замѣшательство; намъ кажется только, что сюда не мѣшало бы прибавить краткое историческое обозрѣніе понятій объ изящномъ искусствѣ такихъ людей, какъ Платонъ, Аристотель, Кантъ, Шеллингъ, Шиллеръ, Гэте, В. Гумбольдтъ, Гегель и нѣк. друг. Это не затруднило бы молодаго пониманія, а предметъ и терминологію его уяснило бы гораздо лучше всякихъ собственныхъ умозрѣній, выдаваемыхъ за нѣчто абсолютное — и потому шаткихъ и, по большей части, несправедливыхъ.

О странности раздѣленія поэтической дѣятельности народовъ древняго и новаго міра по тремъ теоретическимъ стойламъ: эпоса, лирики и драмы, мы говорили выше. Рутина побудила къ тому нашего автора, и она же послѣдовательно довела его до того, что, будучи знакомъ съ современнымъ взглядомъ на эпическую народную поэзію (это ясно изъ многихъ мѣстъ книги), онъ все-таки послѣдовалъ старинному воззрѣнію на эпосъ, какъ на произведеніе искусственное, которое можетъ быть сочинено когда угодно, и въ вѣкъ юности народа, и въ эпоху позднѣйшей, развитой цивилизаціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаемъ мы слѣдующія опредѣленія эпической поэзіи:

«Эпическая поэзія, иначе *эпосъ*, есть поэтическій разсказъ о томъ, что́ было и могло быть въ дѣйствительности. Здѣсь поэтъ изображаетъ предметы міра внѣшняго и событія жизни человѣческой!... Поэзія эпическая, заимствуя содержаніе изъ которой-нибудь изъ трехъ эпохъ народной жизни, можетъ такимъ образомъ представить картину народной жизни или временъ *первобытныхъ*, или *героическихъ*, или позднѣйшей гражданственности. Оттуда три существенные вида эпоса: *миѳической*, *героической*

и *гражданской*. Отрывки общечеловѣческаго преданія о происхожденіи міра, о первыхъ дняхъ человѣчества, сказанія о борьбѣ съ драконами, чудовищами, злыми силами и т. п., въ которыхъ фантазія народная выразила борьбу народа съ тѣми преградами, преимущественно отъ внѣшней природы, которыя онъ встрѣчалъ на пути къ своему развитію, и подвиги героевъ, содѣйствовавшихъ этому развитію, составляютъ эпосъ временъ первобытныхъ, или *миѳическій*. Таковы эпическія сказанія Индійцевъ о Рамѣ, Грековъ о Геркулесѣ, Тезеѣ и т. п. Сюда принадлежатъ отдѣльныя изреченія, заговоры, заклятія, древнѣйшія пословицы, нѣкогда составлявшія, по всей вѣроятности, только часть цѣлаго сказанія, оторванныя отъ цѣлой поэмы: они поддерживаютъ въ народѣ память о временахъ до-историческихъ.

«За миѳическимъ періодомъ въ жизни народа слѣдуетъ періодъ героическій, періодъ рыцарства, внѣшнихъ предпріятій народа. Между многими предпріятіями народа, въ этотъ періодъ его жизни, большею частію одно какое-нибудь потемняетъ славою своею всѣ прочія, такъ что фантазія народная къ нему примыкаетъ; остальные подвиги народа, а между героями нѣкоторые такъ поражаютъ своими дѣлами, что съ теченіемъ времени имъ однимъ приписываются дѣла всего народа, даже изъ многихъ столѣтій, и не только предыдущихъ, но и послѣдующихъ. Таковы, напр., герои: въ испанскомъ эпосѣ Сидъ, во французскомъ Карлъ Великій, въ нѣмецкомъ Эцель, Дитрихъ, у насъ Владиміръ Красное Солнышко. Сказанія о нихъ выражаются множествомъ пѣсенъ, созданныхъ народными пѣвцами. Рядъ такихъ пѣсенъ о народныхъ предпріятіяхъ и народныхъ герояхъ составляетъ народный (самородный) *героическій* эпосъ.»

«Гражданскій эпосъ изображаетъ различныя стороны народной жизни временъ историческихъ. Сюда принадлежатъ романъ, новелла, повѣсть» (стр. 9—11).

Намъ необходимо было привести эту длинную выписку, чтобы ближе ознакомить читателя со взглядомъ г. Линниченко. Взглядъ этотъ — не новъ: онъ принадлежитъ всѣмъ тѣмъ тео-

ретикамъ, которые на эпосъ смотрятъ съ точки зрѣнія чисто-литературной [1]). Несостоятельность этого взгляда чувствуетъ и самъ авторъ: какая-то нерѣшительность, неопредѣленность видна въ его теоріи; едва заговоритъ онъ о самородномъ эпосѣ, какъ тотчасъ перебѣгаетъ къ такъ называемому эпосу гражданскому и ставитъ ихъ на одну линію, полагая, вѣроятно, что въ сущности послѣдній есть только видоизмѣненіе, дальнѣйшее развитіе перваго. Нѣтъ того яснаго спокойствія, которое, служа ручательствомъ за ясность мысли и воззрѣнія теоретика, производитъ и на читателей впечатлѣніе цѣльнаго образа; всѣ части скрѣпляются другъ съ другомъ механически и не только не удовлетворяютъ ума, но даже не вызываютъ и на простую любознательность, сообщая въ высокой степени интересному предмету пошлую, прозаическую обстановку. Какъ теоретику, г. Линниченку важны не *историческія явленія*, а *отвлеченіе* изъ нихъ, не эпосъ *народный, миѳическій или героическій*, а поэзія и поэтическая сила вообще, отвлеченный призракъ, за которымъ вотъ скоро столѣтіе безнадежно гоняется эстетика. Оттого у г. Линниченка нѣтъ почвы подъ ногами, и оттого онъ такъ скупъ на объясненія: все дѣло рѣшаетъ онъ двумя-тремя словами, схватывающими одинъ внѣшній признакъ, а изъ всего этого трудно вынести какое-нибудь опредѣленное понятіе о предметѣ. Что́, напр., пойметъ ученикъ изъ того опредѣленія, какое мы привели выше? Что есть эпосъ миѳическій и героическій, что содержаніемъ перваго бываетъ жизнь боговъ, а второго — подвиги героевъ, не болѣе; но спрашивается, почему возникъ этотъ эпосъ,

1) Замѣтимъ кстати, что хотя нашъ авторъ и снимаетъ съ себя обвиненіе въ заимствованіяхъ, говоря, что онъ «не *увлекался притязаніями на авторство* и заимствовалъ у *лучшихъ* (!) отечественныхъ и иностранныхъ писателей по теоріи и исторіи поэзіи все, что́ казалось наиболѣе соотвѣтствующимъ предположенной имъ цѣли»,—однако мы бы посовѣтывали ему быть въ своихъ заимствованіяхъ поснисходительнѣе. Зачѣмъ, напр., было обижать г. Тулова, изъ «Руководства» (стр. 101—2) котораго онъ буквально заимствовалъ выписанное нами опредѣленіе и раздѣленіе эпоса и еще многія другія подробности исторической части!

и какое мѣсто занималъ онъ въ жизни, какъ относился къ нему народъ, и какъ понималъ онъ его? Все это вопросы неотразимые, обойти которые въ исторіи поэзіи невозможно: они тотъ прочный фундаментъ, съ котораго должна начинать наука свое зданіе: какъ народность, въ смыслѣ совокупности всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ народа, служитъ основаніемъ исторіи, такъ народная поэзія — основаніемъ исторіи поэзіи и вообще всей внутренней жизни народа. Самые первые вопросы въ исторіи литературы только тогда могутъ найти правильное освѣщеніе, когда мы достаточно поймемъ смыслъ и значеніе народной поэзіи. Такъ напр., вслѣдъ за приведеннымъ нами текстомъ, г. Линниченко представляетъ характеристику эпическаго стиля (мимоходомъ замѣтимъ, дословно взятую изъ извѣстной статьи г. Буслаева объ эпической поэзіи) и находитъ, во-1-хъ, *спокойный ровный разсказъ*, во-2-хъ, *успокоительное дѣйствіе на душу слушателя*, въ-3-хъ, *отсутствіе всякаго участія личности и изліяній чувствъ*, наконецъ въ-4-хъ, *частыя обращенія къ міру внѣшнему*. Все это очень вѣрно, но, спрашивается, понятно ли? Хоть напр. спокойствіе эпическаго разсказа или отсутствіе личности могутъ ли быть понятны безъ объясненія общаго характера эпическаго періода народной жизни, безъ изслѣдованія, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ народъ къ своему прошедшему, и что́ значитъ для него старина, преданіе, обычай. Обо всемъ этомъ у нашего автора и помину нѣтъ. Наскоро выписанныя опредѣленія характера эпическаго стиля являются чѣмъ-то отрывочнымъ, не имѣющимъ оправданія впереди, такъ сказать *навязываются* ученику, потому что, не зная сущности народной поэзіи и условій быта, среди котораго возникаетъ она, онъ долженъ принять на вѣру знаніе, несвязанное ничѣмъ съ предыдущимъ, а потому совершенно безполезное.

Оповѣстивъ въ *индексѣ* сочиненій о своемъ знакомствѣ съ трудами Вильг. Гумбольдта и бр. Гриммовъ, г. Линниченко рѣшительно не сумѣлъ стать на современную точку зрѣнія, а средства къ этому были подъ рукою: статья г. Буслаева объ

эпической поэзіи могла помочь горю и безъ Гриммовъ; въ ней мы находимъ подробное мастерское объясненіе сущности эпической поэзіи перваго періода и отношенія ея къ прочимъ духовнымъ началамъ народной жизни; въ ней въ первый разъ на русскомъ языкѣ мы познакомились съ результатами нѣмецкой науки, и г. Линниченко, скромно отстранившій отъ себя притязанія на *самостоятельное авторство* (см. Пред., стр. VII), легко могъ бы ограничиться однимъ этимъ сочиненіемъ при изложеніи теоріи народной, безыскусственной поэзіи; онъ, какъ мы видѣли, и извлекъ изъ него характеристику эпическаго стиля, но на цѣлую систему не отважился, потому что это слишкомъ шло бы наперекоръ теоріи, признанной *всѣми*, начиная съ почтеннаго Фикера и кончая нашимъ Давыдовымъ и Зеленецкимъ. Мы имѣемъ нѣкоторое право сдѣлать такое предположеніе, видя какія уступки дѣлаетъ авторъ теоріи мужей, только что нами названныхъ. При разборѣ исторической части сочиненія, это обнаружится еще яснѣе, а теперь остановимся покамѣстъ на опредѣленіи различныхъ формъ эпической поэзіи, доказывающемъ знакомство и вниманіе къ старой теоріи Георгіевскаго и комп. и полнѣйшее незнакомство съ трудами В. Гумбольдта и Гримма, полнѣйшее невниманіе даже къ статьѣ г. Буслаева. Замѣчательнѣйшими формами эпической поэзіи г. Линниченко считаетъ слѣдующія: *идиллію* и *эклогу*, образовавшіяся у Грековъ въ такъ называемый александрійскій періодъ ихъ литературы; *сказки и повѣсти* (contes et fabliaux) — тѣ и другія развились у Французовъ XIII и XIV в.; *новеллу*, *усовершенствованную* (!) въ XIV в. италіанскимъ поэтомъ Боккаччіо; *повѣсть* (романъ) и *басню*. Прежде всего вы спросите, куда дѣвались формы собственно народной поэзіи: пѣсня, (сага) сказка, пословица? О сказкѣ г. Линниченко упоминаетъ, да и то усвоиваетъ ее однимъ Французамъ XIII и XIV вв., забывая, что еще Аристофанъ и Страбонъ называли этого рода народныя произведенія (у Гримма Kinder- und Hausmärchen, III, 273). Невниманіе къ народному элементу побудило автора отнести къ эпосу идиллію и

эклогу; съ его теоретической, формальной точки зрѣнія, это совершенно законно, но какъ далекъ этотъ сентиментальный искусственный родъ произведеній отъ эпической поэзіи, было ясно указано еще Шиллеромъ (Ueber naive und sentimentalische Dichtung) и Вил. Гумбольдтомъ въ его разборѣ *Германа и Доротеи*. В. Гумбольдтъ, хотя и отправлялся въ своихъ изслѣдованіяхъ сущности эпической поэзіи не отъ безыскусственнаго эпоса, а отъ произведеній болѣе или менѣе литературно обработанныхъ, каковы: поэмы Гомера, *Неистовый Орландъ* Аріоста, *Германъ и Доротея* Гёте, но, несмотря на это, — чрезвычайно вѣрно и рѣзко опредѣлилъ отличіе идилліи отъ эпопеи: «Идиллія, говоритъ онъ, тѣмъ и отличается отъ эпопеи, что проистекаетъ всегда изъ отдѣльнаго, односторонняго настроенія духа, эпопея же изъ всеобщаго.... Идиллія намѣренно отдѣляетъ одну часть міра, чтобы въ остальной заключиться, намѣренно останавливаетъ одно направленіе нашихъ силъ, чтобы найти себѣ удовлетвореніе въ прочихъ». «Жизнь земледѣльца, пастуха, продолжаетъ далѣе В. Гумбольдтъ, нельзя *разсказывать*, ее можно *описывать*, отсюда предметъ идилліи всегда *состояніе* человѣка, эпопеи — его *дѣйствіе*; идиллія *описываетъ*, эпопея *разсказываетъ*». Изъ всѣхъ родовъ поэзіи идиллія, по мнѣнію Гумбольдта, ближе всѣхъ къ сатирѣ, а идиллическій поэтъ къ лирическому: такъ какъ онъ одной половинѣ человѣчества даетъ пристрастное предпочтеніе предъ другой, то и возбуждаетъ болѣе чувствованіе, чѣмъ приводитъ въ дѣятельность умственную способность, всегда общую и безпристрастную, всегда объемлющую все цѣлое[1]). Что́ у В. Гумбольдта опредѣлено съ общей философской точки зрѣнія, то еще съ большею яркостью у г. Буслаева представлено съ *исторической* (см. Очерки, т. 1-й, стр. 66—68), и кто рѣшится послѣ этого относить такой сентиментальный, искусственный родъ поэзіи, какъ идиллія и элегія,

1) Wilhelm v. Humboldt's Gesammelte Werke, t. IV. Ueber Göthes Hermann und Dorothea, стр. 181, 183, 184.

къ эпосу, тотъ обнаружитъ только свое полное непониманіе сущности и значенія эпической поэзіи и смутныя понятія объ историческомъ развитіи поэзіи вообще.

Переходя къ исторической части эпоса, мы позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе касательно того, какъ, по нашему мнѣнію, должна быть изложена и представлена теорія эпоса, эта важнѣйшая часть исторіи поэзіи. Выше мы вооружались противъ теоріи вообще и теперь могутъ обвинить насъ въ непослѣдовательности: отрицая пользу теоріи, мы сами хотимъ говорить о *теоріи* эпоса.... Никому, сколько-нибудь знакомому съ предметомъ, не войдетъ въ голову отрицать возможность теоретическаго взгляда, напр., на греческую трагедію или драму ложноклассическую: теорія представляется здѣсь какъ разумный и необходимый выводъ изъ однородныхъ историческихъ явленій, потому что, какъ бы ни были различны въ частностяхъ эти явленія, между ними существуетъ не одна формальная связь, а глубокое внутреннее родство, что-то общее, чему мы даемъ обыкновенно названіе *греческаго*, *римскаго*, или *французскаго*, а какъ главнѣйшимъ образомъ своеобразность и народность этого элемента выражается не только въ *общей цѣли*, къ которой стремится онъ (эта цѣль можетъ быть общая и у Грековъ, и у Римлянъ, и у народовъ средневѣковой Европы — такова напр. цѣль сатиры), сколько въ тѣхъ *путяхъ* и тѣхъ *средствахъ*, какіе избираетъ онъ для достиженія цѣли, то и теорія прежде всего должна обратиться къ изученію этихъ оригинальныхъ средствъ; тогда только она станетъ единственно возможна и законна. Пренебрегая *средствами*, теоретики за исходный пунктъ системы взяли цѣль, и оттого теорія обобщилась до послѣднихъ крайностей: вмѣсто живого историческаго факта появилось мертвое отвлеченіе, вмѣсто конкретной теоріи лирической поэзіи у Грековъ или у племенъ романскихъ — невозможная теорія лирической поэзіи вообще. На эту-то теоретическую доктрину направлено было наше возраженіе, имъ мы никакъ не думали отрицать возможность теоріи, какъ общаго вывода въ примѣненіи къ однород-

нымъ явленіямъ, выросшимъ подъ однимъ небомъ и воспитавшимся подъ одними условіями, но хотѣли только сказать, что, принимая внѣшнее формальное сходство за признакъ однородности явленій, теорія уродуетъ факты, лишаетъ ихъ живаго содержанія и потому представляетъ собою безполезную и даже вредную доктрину.

Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь необходима и законна теорія — въ эпосѣ, потому что ни въ драмѣ, ни въ лирикѣ не существуетъ того ровнаго однообразія, того сродства между отдѣльными явленіями, какое мы находимъ въ народной эпической поэзіи. Такъ какъ это родство есть результатъ особаго характера народной жизни въ періодъ эпическій, и такъ какъ поэзія создается въ неразрывной связи съ языкомъ, нравами, обычаями и вѣрованіями, то, по нашему убѣжденію, теоріи эпоса должна быть предпослана краткая характеристика народной жизни въ этотъ періодъ; только понявъ отношеніе поэзіи къ жизни, ихъ взаимное сопроникновеніе, мы уяснимъ себѣ великое истинное значеніе эпоса, его свойства и характеръ: безъ этого цѣльнаго пониманія, въ связи съ прочими элементами жизни народа, всякое эпическое произведеніе, всякая пѣсня останется тѣмъ, чѣмъ опредѣляетъ ее г. Линниченко, т. е. «произведеніемъ, гдѣ поэтъ изображаетъ предметы міра внѣшняго и событія человѣческой жизни»... Историческому разсмотрѣнію произведеній эпической поэзіи по народностямъ должно предшествовать разсмотрѣніе, такъ сказать, общее, сравненіе родственныхъ эпическихъ мотивовъ въ произведеніяхъ различныхъ народовъ. По поводу этого послѣдняго мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе. Существуетъ одно, очень нехитрое мнѣніе, въ силу котораго *народность* одного отдѣльнаго народа является чѣмъ-то особымъ, едва ли не противоположнымъ народности другого: такое, на первый взглядъ справедливое мнѣніе имѣетъ за собою одну слабую сторону — оно лишено серіознаго ученаго основанія. Явившись въ эпоху романтическихъ увлеченій и стремленій къ народности, когда почти ни одинъ изъ элементовъ ея не былъ изслѣдованъ наукою, когда болѣе чувствовали, чѣмъ знали и изучали, такое убѣжденіе

уцѣлѣло, несмотря на то, что и наши понятія о народности видоизмѣнились, и самые результаты науки стали въ видимое съ нимъ противорѣчіе. У насъ еще много можно найти людей, которые, отправляясь отъ мысли о своеобразномъ, исключительномъ характерѣ народности, не колеблятся бросать тѣнь подозрѣнія и на самый сравнительный методъ при изученіи произведеній народной поэзіи: громкое поприще своеобразной оригинальной дѣятельности гораздо больше льститъ недозрѣлому чувству національности, чѣмъ скромная мысль, что эта дѣятельность вначалѣ была такова же, какъ и у другихъ народовъ, что изъ общаго источника, изъ глубокой старины доисторическаго единства, извѣстная народность выноситъ тотъ запасъ нравственныхъ силъ, ту прочную общую основу, на которой впослѣдствіи, по мѣрѣ силъ и историческихъ условій, развивается самостоятельная дѣятельность каждаго народа. Какъ и самое обособленіе народа, такая дѣятельность есть явленіе относительно позднѣйшее: чтобы дойти до этого, нуженъ былъ цѣлый длинный рядъ вѣковъ жизни сплошной, гдѣ, вмѣсто отдѣльныхъ народовъ, являются густыя массы племенъ, соединенныхъ единствомъ вѣрованій, языка, поэзіи, нравовъ и обычаевъ. Единственный путь, ведущій къ разумѣнію этого фундамента будущей поэтической дѣятельности народовъ, есть путь сравненія, потому что только посредствомъ его и можно возстановить истинный смыслъ и первичное значеніе какого-нибудь поэтическаго сказанія или миѳа; только этимъ путемъ возможно отдѣлить народное (напр. греческое, нѣмецкое) отъ племеннаго (индо-европейскаго). Оттого исторіи эпической поэзіи по народамъ мы считаемъ необходимымъ предпослать сравнительное обозрѣніе общихъ индо-европейскихъ эпическихъ мотивовъ, какъ смутныхъ отголосковъ того періода поэтическаго творчества, когда еще не было отдѣльныхъ народовъ, а было только одно общее арійское племя, эмбріонъ будущихъ народностей. Это дѣло вовсе не такъ трудно, какъ можетъ показаться съ перваго раза: стоитъ только собрать результаты того, что́ сдѣлано бр. Гриммами, Лео, Гольцман-

номъ, Маннгардтомъ, а по славянскому эпосу г. Буслаевымъ. Такъ какъ періодъ созданія и жизни народной поэзіи совпадаетъ съ доисторическимъ періодомъ народной жизни, и исторія застаетъ главнѣйшія формы народнаго эпоса уже сложившимися и окрѣпшими, то разсмотрѣніе ихъ должно также найти мѣсто въ этомъ теоретическомъ введеніи къ исторіи эпической поэзіи по народностямъ, при чемъ, конечно, руководителемъ долженъ служить взглядъ самого народа, его понятія о сущности и значеніи каждой формы. Уяснивъ себѣ, такимъ образомъ, характеръ и значеніе народнаго эпоса въ связи съ прочими элементами духовной жизни народа, можно будетъ приступить къ историческому изложенію эпоса по народностямъ, сначала безыскусственнаго, а потомъ такъ называемаго *художественнаго*, гдѣ еще вѣетъ возвышенная поэзія народа, но уже въ художественной, литературно-обработанной формѣ.

Въ «Предисловіи» г. Линниченко говоритъ, что ему принадлежитъ выборъ, планъ и общая идея, лежащая въ основѣ курса. Въ этомъ отношеніи, его теоретическое введеніе не удовлетворило насъ: прежде всего въ немъ нѣтъ ни общей идеи, ни плана, нѣтъ той цѣльности, той соразмѣрности частей, какая необходимо вытекаетъ изъ яснаго взгляда на дѣло. Не овладѣвъ прочно результатами новой науки и не отказавшись отъ стариннаго метода разсматривать поэзію, какъ отвлеченную силу, авторъ на живую нитку схватываетъ membra disjecta стараго и новаго ученія, и картина выходитъ самаго плачевнаго свойства: какъ будто все это стенографически записано со словъ ученика, старающаго отдѣлаться и замять свое незнаніе общими разсужденіями «около да вокругъ». Шаткость почвы и недостатокъ положительнаго знанія видны на каждомъ шагу. Но еще болѣе обнаруживается все это въ исторической части, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

Выше мы замѣтили, что авторъ очутился безъ кормила между теоріею и историческими фактами: онъ слилъ теоретическій и

историческій методъ въ одно механическое цѣлое и разсматриваетъ развитіе поэзіи не по народамъ и народностямъ, а по тремъ заповѣднымъ инстанціямъ: эпоса, лирики и драмы, и потомъ уже въ каждой изъ нихъ придерживается внѣшняго историческаго, или лучше—хронологическаго порядка. Такой методъ имѣлъ бы еще смыслъ, если бы эти три рода поэзіи порознь было нѣчто особенное, отдѣльное, другъ съ другомъ неимѣющее никакой связи; но вѣдь самъ авторъ очень хорошо знаетъ, что въ древнѣйшій періодъ они развиваются совокупно, и только позднѣе, при болѣе развитыхъ общественныхъ отношеніяхъ, лирика и драма берутъ перевѣсъ надъ эпосомъ, вѣкъ котораго кончается вмѣстѣ съ юностью народа; а связь между ними продолжается до послѣдняго времени. Средневѣковаго эпоса (преимущ. ложнаго) нельзя объяснить безъ лирики, и по тройственной системѣ г. Линниченко поэмы Тасса, Аріоста и даже самого Данта приходится разсматривать то въ рубрикѣ эпоса, то въ главѣ о лирикѣ; о романѣ и повѣсти и говорить нечего: они могутъ съ одинаковымъ правомъ подойти подъ любую категорію. Очевидно, что нужно умышленно закрыть глаза на всякую послѣдовательность и преемственность явленій, на всякій мало-мальски разумный планъ и сознательную систему, чтобы рѣшиться разсматривать *развитіе* (!?) поэзіи такъ, какъ это сдѣлалъ г. Линниченко. Оттого книга его, какъ руководство, рѣшительно безполезна: изъ этого складочнаго магазина ярлыковъ и названій ученикъ можетъ вынести качество, весьма цѣнимое въ попугаяхъ, но весьма прискорбное въ молодомъ разумномъ существѣ. Самъ авторъ въ этомъ едва ли былъ виноватъ: его увлекла рутинная система; поддавшись ей, трудно было сдѣлать что-нибудь порядочное и пригодное; опыты предшественниковъ въ этомъ случаѣ, вмѣсто пользы и урока, произвели только соблазнъ; но за то «Курсъ исторіи поэзіи» самъ послужитъ лучшимъ урокомъ всѣмъ тѣмъ, кто «отъ одного берега отсталъ, а къ другому не пристalъ».

Единственный путь, которымъ, по нашему мнѣнію, возможно устранить хаосъ и безсвязную путаницу въ изложеніи развитія

поэзіи, есть путь *строго-историческій;* съ *теоріею поэзіи*, какъ наукою, давно пора проститься; она отжила свое время, и первый, кто разсматривалъ развитіе поэзіи въ связи съ развитіемъ народной и общественной жизни, тотъ «положилъ могильный камень на старинную теорію поэзіи, какъ отвлеченной силы, поэзіи безъ неба и почвы и только съ формальною постройкою, поэзіи, которая является не какъ элементъ жизни и для жизни, а какъ безкровный теоретическій призракъ, какъ *искусство для искусства!*

Историческое изученіе развитія поэзіи должно начать съ образованія народности; но такъ какъ образованіе народности совершается еще въ такъ называемый до-историческій періодъ, когда полное движеніе народной жизни совершается не по мелочамъ, а такъ сказать цѣльными крупными эпохами, каковы эпохи быта звѣролововъ и пастуховъ, быта кочевого, потомъ земледѣльческаго, осѣдлаго, то и изученіе исторіи поэзіи должно начать съ народной поэзіи, какъ вѣрной свидѣтельницы этого отдаленнаго времени. Здѣсь даже, какъ мы говорили выше, въ силу общаго характера, направленія и пріемовъ народной поэзіи, у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ возможны нѣкоторыя теоретическія положенія, какъ результатъ разсмотрѣнныхъ явленій. Народная пѣсня и сказаніе непосредственно введетъ изслѣдователя въ историческую эпоху и дальнѣйшій путь его опредѣляетъ сама исторія или народная жизнь, отступать отъ хода которой, въ угоду теоретической системѣ, изслѣдователь не долженъ уже и потому, что иначе онъ непремѣнно попадетъ въ сферу той путаницы, печальный примѣръ которой представляетъ намъ книга г. Линниченка. Исторія поэзіи должна итти по народамъ: сначала востокъ, потомъ міръ классическій, поэзія средневѣковыхъ народовъ въ послѣдовательности времени и т. д. Каждый оригинальный родъ произведеній находитъ себѣ объясненіе дома и изъ домашнихъ средствъ; видимымъ (дѣйствительнымъ или мнимымъ) сходствомъ въ образованіи подобныхъ произведеній у другихъ народовъ, увлекаться не слѣдуетъ: общей, абсолютной системы не создашь,

а два-три пункта соприкосновенія рѣшительно ничего не докажутъ. Мы говоримъ это преимущественно въ отношеніи къ произведеніямъ такъ называемаго *художественнаго* эпоса, каковы напр. у Индійцевъ Рамайана и Магабарата, у Грековъ Иліада и Одиссея, у Нѣмцевъ поэма о Нибелунгахъ. У г. Линниченка, напр., всѣ эти произведенія, если можно такъ выразиться, падаютъ съ неба; ибо не знаешь, зачѣмъ и какъ появляются они, вслѣдствіе какихъ потребностей и какимъ путемъ они сложились. Г. Линниченко беретъ данный фактъ, не заботясь объ его генеалогіи; оттого въ его книгѣ вы нигдѣ не встрѣтите развитія или исторіи, а только простую регистровку фактовъ по времени исполненія. Не останавливаясь на изложеніи индійскаго эпоса [1]), выписанномъ буквально изъ книги г. Тулова, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ весьма странный пріемъ, какой употребляетъ составитель «Курса исторіи поэзіи», вѣроятно, имѣя въ виду *насущныя* потребности воспитанницъ женскихъ институтовъ, для которыхъ и предназначается книга: онъ разсказываетъ анекдоты, и недостатокъ положительныхъ свѣдѣній восполняетъ повѣствованіями о томъ, напр., что «шахъ, въ порывѣ радостей и восторга отъ первыхъ прочитанныхъ ему пѣсенъ Шахнаме, выдалъ поэту за каждое двустишье по золотому дукату и обѣ-

---

1) Здѣсь кстати да позволено будетъ намъ коснуться одного не послѣдняго вопроса въ преподаваніи исторіи литературы: нѣкоторые преподаватели стоятъ за то, чтобы Востокъ и его поэзія были совершенно исключены изъ курса: они хотятъ ограничиться поэзіею собственно европейскою. Мы не раздѣляемъ такого ригоризма. Спору нѣтъ, что увлеченіе можетъ доводить преподавателя иногда слишкомъ далеко, такъ, напр., намъ случалось слышать мнѣніе, что для гимназиста необходимы широкія познанія въ исторіи китайской литературы, потому-де, что она *выражаетъ идею блага*; но вѣдь такіе куріозы не встрѣчаются часто и, во всякомъ случаѣ, они суть произведенія слишкомъ *личной* умственной организаціи, для того, чтобы придавать имъ серіозный смыслъ и какую-нибудь цѣну. Мы думаемъ, что относительно Востока слѣдуетъ ограничиться племенами, намъ родственными, т. е. Индіею и Персіею. Выбросивъ ихъ изъ курса, мы, во-1-хъ, выбрасываемъ періодъ доисторическій, безъ яснаго пониманія котораго невозможно итти далѣе, а, во-2-хъ, кто же можетъ отказать въ художественномъ значеніи, напр., индійскимъ эпическимъ поэмамъ?

щалъ то же и за продолженіе; но приказалъ впослѣдствіи, когда поэтъ впалъ въ немилость за безбожіе, въ которомъ его обвинили, выдать вмѣсто золотыхъ только серебряные»; что «подпавшій немилости шаха поэтъ удалился на родину въ Тусъ, гдѣ люди *свободнѣе дышали* и чувствовали, и умеръ среди разочарованія, но съ полнымъ *сознаніемъ своей славы* (?) въ 1030 г., какъ разъ въ то время, какъ Махмудъ снова обратилъ къ нему свою милость»; что «жрецы сначала хотѣли лишить поэта обычныхъ погребальныхъ церемоній за то, что онъ въ своей поэмѣ прославилъ древнюю языческую религію (маговъ)» и т. д. Не споримъ—въ курсъ исторіи поэзіи должны входить нѣкоторыя обстоятельства жизни поэта, но уже, конечно, не такія, какія мы сейчасъ привели. Все это—очень можетъ быть интересно, но рѣшительно не объясняетъ ничего въ примѣненіи къ разбираемому произведенію. Что г. Линниченко такимъ пріемомъ хотѣлъ угодить любознательности *прекраснаго пола*, въ этомъ убѣждаетъ насъ то особенное вниманіе, какимъ почтилъ онъ г-жъ Сталь и Жоржъ-Сандъ. О послѣдней разсказывается (65—73) просто цѣлый романъ, въ которомъ не послѣднюю роль играютъ и тѣ, желѣзомъ подкованные сапоги съ каблуками, въ которыхъ Жоржъ-Сандъ «бѣгала отъ одного конца къ другому и, казалось, обѣжала бы весь свѣтъ». Есть даже тонкіе намеки на то, чего не вѣдаетъ никто и чего — собственно говоря — и вѣдать-то не всѣмъ подобаетъ, особливо *учащимся* исторіи поэзіи. Такъ, говоря о бракѣ Жоржъ-Сандъ, г. Линниченко этому вовсе не литературному дѣлу далъ такой оборотъ: «бракъ—говоритъ онъ—былъ несчастливъ, но возвышенный умъ и сильный характеръ маркизы Дюдеванъ гнушался мысли воспользоваться тою свободою, *по которой* (?) обыкновенно француженки (о порожденіе ехидно!!), прикрывая себя *покровомъ* брачной мантіи, тѣмъ легче удовлетворяютъ требованіямъ своего сердца». Ну, положимъ, у француженокъ такое гадкое сердце, что онѣ должны *прикрывать себя покровомъ брачной мантіи* и т. д.; но зачѣмъ же это вносить въ учебникъ, да еще предназначенный для воспитанницъ женскихъ

институтовъ! Здѣсь мы стоимъ не за старческій пуризмъ и нравственность четырехъ стѣнъ съ завѣшенными окнами и надзираніями всякаго рода, а противъ путаницы понятій и внесенія въ литературное дѣло вещей совсѣмъ не литературныхъ. Ну, какъ институтка своимъ собственнымъ умомъ захочетъ дойти до смысла, завитаго въ такія реторическія кудри г. Линниченкомъ; вѣдь, право, у ней можетъ родиться желаніе побывать въ положеніи тѣхъ француженокъ, которыя, *покрывая себя покровомъ брачной мантіи* и т. д. (см. по выше приведенному тексту).

Вотъ на дѣло — нашъ авторъ куда какъ не словоохотливъ! Въ изложеніи греческаго эпоса онъ ограничивается только художественными характеристиками (по большей части по руководству г. Тулова), а содержанію обѣихъ поэмъ отводитъ лишь шесть строчекъ текста. Это бы еще имѣло смыслъ, когда бы у насъ была хоть какая-нибудь хрестоматія по исторіи поэзіи и литературы вообще. Познакомившись изъ хрестоматіи съ содержаніемъ поэмъ въ извлеченіи и въ переводныхъ отрывкахъ, ученикъ подвергся бы той горькой долѣ, какую приготовилъ ему г. Линниченко, заставивъ его разсуждать о художественныхъ свойствахъ тѣхъ произведеній, которыхъ содержаніе даже остается ему неизвѣстнымъ. А сколько здѣсь пищи для умственнаго развитія юноши! Преподаватель, напр., говоритъ, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ «*мы видимъ* въ дѣйствіи современное Троянской войнѣ греческое общество, понятія его о богахъ и человѣкѣ, объ устройствѣ вселенной, о положеніи странъ (!), народовъ и городовъ, о свойствахъ почвы и климата въ каждой странѣ извѣстнаго тогда міра и степени образованности жителей, порядокъ общественнаго богослуженія и обряды при немъ, понятіе о добрѣ и злѣ, состояніе искусствъ и ремеслъ, словомъ, степень умственнаго, религіознаго, нравственнаго и эстетическаго развитія, устройство общественное и жизнь частную, домашнюю — занятія Грека въ теченіе цѣлаго дня». Все это ученикъ *долженъ видѣть*, всему этому онъ *долженъ вѣрить*, потому что собственно

ничего *не знаетъ и ничего не видитъ!* Художественная характеристика—тоже *художественна:* «Одиссея — изволите видѣть — запечатлѣна единствомъ плана и строгою связью въ содержаніи, сосредоточенностью вниманія на одномъ главномъ героѣ, при множествѣ искусно расположенныхъ приключеній; Иліада—слабѣе въ этомъ отношеніи, *за то* (!) имѣетъ, можетъ-быть, гораздо болѣе *отдѣльныхъ красотъ* (!!). Въ Иліадѣ болѣе смѣлости, *величія, поразительности картинъ,* пламеннаго воображенія, въ Одиссеѣ — болѣе разнообразія и *обольстительнаго* (?!) *простодушія*». Вѣдь характеристика точно *художественная*, а если вспомнить, что ученикъ при этомъ не знаетъ содержанія поэмъ, то это выходитъ тѣ «*рѣчи, значеніе которыхъ темно и ничтожно*... Въ римской литературѣ, говоритъ авторъ, нѣтъ такого народнаго эпоса, какой представляютъ намъ гомерическія рапсодіи, но произведеній эпоса *искусственнаго* есть довольно.

Прекрасно, но что́ такое эпосъ искусственный? вправѣ спросить каждый, въ первый разъ встрѣчающійся съ такимъ терминомъ: какъ и по какимъ причинамъ является онъ, и въ какомъ отношеніи стоитъ къ эпосу художественному? Такимъ естественнымъ вопросомъ г. Линниченко не безпокоилъ себя; послѣ выписаннаго нами мѣста, онъ прямо переходитъ къ Виргилію и имъ же оканчиваетъ всю главу о римскомъ эпосѣ [1]). Повинуясь требованіямъ своей теоріи, не стѣсняющейся никакою историческою связью и преемственностью явленій, авторъ оставляетъ Виргилія и переселяется во Францію XII вѣка. Мы не скажемъ ни слова о томъ, какъ въ изложеніи древне-французскаго эпоса, г. Линниченко безцеремонно обираетъ своего предшественника, г. Тулова: мы

---

1) Восхищаясь красотами персидской Шахъ-Намé, нашъ авторъ (стр. 22) выразилъ между прочимъ мнѣніе, что Фирдуси своею поэмою оказалъ Персіи такую же услугу, какую Ливій, своею исторіею Римлянъ, оказалъ Римлянамъ. О поэмѣ Фирдуси сказано довольно — и даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, а о Ливіи — ни слова! Послѣдовательность! Положимъ Ливій — историкъ (прозаикъ), но вѣдь и самъ авторъ не станетъ отрицать эпическаго (народнаго) характера первыхъ книгъ его исторіи.

не сдѣлаемъ этого потому, что нашъ авторъ снялъ съ себя отвѣтственность въ заимствованіяхъ изъ лучшихъ (?!) отечественныхъ и иностранныхъ писателей; но мы думаемъ, что если уже брать, то должно брать какъ слѣдуетъ: при всей спутанности и неотчетливости въ изложеніи, у г. Тулова есть хоть какое-нибудь содержаніе, а у г. Линниченко только *художественныя характеристики*; здѣсь повторилось то же, что́ съ Гомеромъ: авторъ *очистилъ* и *дополнилъ* г. Тулова. Объ условіяхъ народнаго и общественнаго быта, подъ вліяніемъ которыхъ выросъ и воспитался французскій эпосъ, о значеніи народнаго кельтскаго элемента въ созданіи поэмъ Круглаго Стола и карловингскаго цикла, объ отношеніи христіанскаго элемента къ народному,—у нашего автора нѣтъ почти ни одного слова; за то, онъ подробно останавливается на литературѣ 3-хъ послѣднихъ вѣковъ и, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, разсказываетъ нѣкоторыя, не лишенныя своего интереса, подробности изъ домашней жизни писателей и писательницъ.

И что́ за странная система у г. Линниченка! Почему, напр., эпосъ французскій, эпосъ, безспорно, *вторичнаго* образованія, поставленъ въ курсѣ *исторіи* поэзіи прежде эпоса скандинавскаго, если послѣдній, какъ (стр. 47) глухо сознается и самъ авторъ, имѣлъ значительное вліяніе на первый? Почему вообще скандинавская Эдда, сохранившая въ себѣ древнѣйшія миѳологическія и героическія преданія не только Скандинавовъ, но и всѣхъ индоевропейскихъ племенъ, стоитъ непосредственно за произведеніями Байрона (Байронъ также отнесенъ у г. Линниченка — къ эпосу!), Диккенса и Теккерея? О пропускахъ мы уже и не говоримъ; замѣтимъ только, что авторъ ни слова не говоритъ ни о Беовульфѣ, ни о кельтскихъ сказкахъ объ Артурѣ и его рыцаряхъ, ни о рыцарскихъ произведеніяхъ средневѣковой Германіи, туземныхъ или заимствованныхъ! О глубокихъ познаніяхъ г. Линниченка, какъ въ самомъ предметѣ, такъ и вообще въ нѣмецкомъ языкѣ, можно приблизительно судить по тому, что личность *Оберона* онъ сдѣлалъ — чѣмъ бы вы думали?— *царемъ*

слоновъ!!? Конечно, къ такому недоразумѣнію подало поводъ то обстоятельство, что *слоновая кость* называется Elfenbein, а *Оберонъ* былъ Elfenkönig, да еще и подарилъ одному изъ рыцарей рогъ изъ *слоновой кости*: стало быть, «онъ и былъ слонъ или царь *слоновъ*!»

Вообще относительно эпоса—г. Линниченко обнаруживаетъ не только отсутствіе историческаго метода, но даже и первоначальныхъ, ходячихъ понятій о предметѣ. Съ особенною легкостью относится онъ къ народнымъ произведеніямъ и съ особенною любовью останавливается на произведеніяхъ позднѣйшихъ писателей, находя всегда удобный случай разсказать что-нибудь поучительно-игривое. Для него какъ бы не существуетъ различія между произведеніями безыскусственными и искусственными, онъ не слѣдитъ постепенное уклоненіе литературы изъ великой сферы народной въ сферу общественную (въ тѣсномъ смыслѣ) и личную; оттого для него непонятно и взаимное отношеніе элементовъ: *народнаго* (безыскусственнаго) и *сословнаго*, *общественнаго*, личнаго; непонятно дѣйствіе перваго на послѣдній, еще такъ ярко сказывающееся во всѣхъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ и французскихъ поэмахъ. Съ *безстрастіемъ* ученаго компилятора онъ вытягиваетъ въ струнку и скандинавскую Эдду, и нѣмецкую поэму о Нибелунгахъ, и позднѣйшихъ Клопштока и Виланда; для него важно въ нихъ не выраженіе жизни, а выраженіе *идеи изящнаго;* оттого ему нѣтъ дѣла до того, какъ составилась поэма о Нибелунгахъ, онъ не хочетъ понять несовременности или эпическаго уродства въ поэмахъ Аріоста и Тасса — и, кажется, по его мнѣнію, и въ настоящій вѣкъ подъ перомъ образованнаго литератора возможны и законны эпическія поэмы въ родѣ Нибелунговъ! Нечего удивляться, когда при такихъ историко-литературныхъ понятіяхъ автора — весь отдѣлъ объ эпосѣ вышелъ чѣмъ-то механическимъ, чуждымъ и разумнаго плана, и здоровой мысли. По нашему убѣжденію, это уже одно даетъ учебнику право на полное забвеніе: если эпосъ, эта основа всякой послѣдующей литературной дѣятельности, гдѣ такъ тѣсно, не-

разрывно связаны художественные интересы народа съ нравственными, если обработка эпоса оказывается изъ рукъ вонъ плохою, то остальныя части труда должны быть еще плоше: когда основанія зданія шатки, то и самое зданіе непрочно. Въ изученіи исторіи литературы мы отводимъ эпосу, народной поэзіи не только первое по времени, но и первое по достоинству и по важности, мѣсто: онъ содержитъ въ себѣ, независимо отъ высокой нравственной красоты и изящества, зародыши и лирики, и драмы, и самой исторической прозы, а потому съ него и должно начинать изученіе, но, конечно, не такъ, какъ началъ г. Линниченко.

Переходимъ къ лирикѣ и драмѣ. Послѣ предложеннаго нами подробнаго разбора эпоса, мы едва ли должны останавливаться съ тѣмъ же вниманіемъ на послѣднихъ двухъ отдѣлахъ книги г. Линниченка. Притомъ, цѣль нашей статьи — не столько исправленіе частныхъ ошибокъ и восполненіе пропусковъ автора, сколько его *методъ*, его манера и пріемы при разсмотрѣніи произведеній словесности: указывать напр. на то, что г. Линниченко совершенно забылъ о существованіи Анакреона, что онъ презрѣлъ цѣлый огромный отдѣлъ народной безыскусственной лирики, что онъ оставилъ безъ всякаго вниманія такое важное явленіе въ исторіи европейскаго образованія и литературы, какъ лирика ложно-классическая и т. д., по нашему мнѣнію, слишкомъ утомительно и едва ли не безполезно: подобными указаніями трудно исправить книгу, страждущую застарѣлымъ недугомъ схоластики,—книгу, происхожденіе которой обнаруживаетъ полнѣйшее отсутствіе всякой, сколько-нибудь разумной и опредѣленной мысли и полнѣйшее господство совершенно постороннихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Замѣтимъ только одно, что, несмотря на показанное въ индексѣ огромное количество сочиненій по исторіи словесности, двѣ послѣднія части «Курса» составлены на основаніи двухъ главныхъ источниковъ: «Руководства къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи» Тулова и учебника Шерра (Allgemeine Geschichte der Literatur). О Шеррѣ мы не гово-

римъ ни слова: это не только лучшее, но въ своемъ родѣ мастерское сочиненіе, какъ по обширнымъ свѣдѣніямъ, такъ и по благородному современному взгляду на вещи и по образованному эстетическому чувству; заимствованія изъ такого источника не страшны, надо только умѣть справиться съ нимъ, потому что книга Шерра, кромѣ цѣли педагогической, имѣетъ еще цѣль библіографическую: она составляетъ часть «Новой энциклопедіи наукъ и искусствъ», и обременена множествомъ ссылокъ и подробностей, совершенно ненужныхъ въ русскомъ учебникѣ [1]). Какъ бы то ни было, у г. Линниченка только то и хорошо, что́ взято у Шерра; но какъ нашъ авторъ не убоялся поставить плохое «Руководство» Тулова въ число *лучшихъ* сочиненій по своему предмету и сдѣлать его своимъ *главнѣйшимъ* источникомъ, этого, сказать правду, мы понять не можемъ! Мало ли для него было другихъ источниковъ и пособій, указанныхъ въ индексѣ и болѣе надежныхъ, но онъ пренебрегъ ими и предпочелъ ограничиться выписками и *ученическими переложеніями* изъ руководства, несовременнаго по мысли и плохаго по исполненію! Не знаю, будетъ ли доволенъ г. Туловъ оказанною ему честью, но мы имѣемъ серіозныя причины быть недовольными этою рабскою копировкой, этими заимствованіями на скорую руку, чтобы только какъ-нибудь отдѣлаться: для насъ—это признакъ случайности работы и крайняго небреженія къ важнымъ вопросамъ о педагогическомъ значеніи науки исторіи литературы. Если г. Линниченко не вѣритъ въ это значеніе и не признаетъ пользы новой науки, то кто и что́ побудило его браться за дѣло, къ которому онъ не чувствуетъ ни призванія, ни охоты? Если же — наоборотъ, то зачѣмъ эта канцелярская замашка: «подписано, такъ съ плечъ долой», чтобъ только сверху было шито и крыто, зачѣмъ это неуваженіе къ

1) Вмѣсто поскребушекъ изъ Тулова, по нашему мнѣнію, всего бы было лучше перевести или передѣлать для русскаго юношества учебникъ Шерра, сокративъ его въ нѣкоторыхъ частяхъ и пополнивъ въ другихъ. Это было бы полезно не только для учащихся, но и для учащихъ, и для всей читающей русской публики.

предмету своихъ занятій, эта дряблая небрежность, указывающая прямо на какія-то, *чуждыя наукѣ, цѣли?* Это одна изъ печальныхъ сторонъ нашего образованія, что всѣ благородныя стремленія мы привыкли подчинять чему-то постороннему, какой-то задней мысли; оттого, очертя голову и съ легкомысліемъ малаго ребенка, мы хватаемся за все, вовсе не подозрѣвая нравственной отвѣтственности за исполненіе, не стѣсняя себя вопросомъ о томъ, напр., какъ, благодаря нашему наживо схваченному, безтолковому учебнику, должно заглохнуть и притупиться столько умственныхъ силъ и способностей молодаго поколѣнія! Въ нѣмецкой наукѣ учебникъ является какъ результатъ долгаго изученія, долгой и серіозной мысли; у насъ онъ бываетъ предшественникомъ серіозному труду и изученію и формируется посредствомъ ножницъ. . . Мы не отвлеклись отъ нашего предмета, а прямо выходимъ къ нему, потому что именно таковъ *Курсъ исторіи поэзіи*, г. Линниченка.

Было бы непослѣдовательно со стороны автора, если бы его изложеніе, отличающееся пріятнымъ лирическимъ безпорядкомъ въ эпосѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приняло видъ строгой серіозной системы въ лирикѣ: чуждый историческаго взгляда, г. Линниченко и здѣсь придерживается того страннаго метода, на который мы указывали при разборѣ эпоса; слѣдуя внѣшнему хронологическому порядку, онъ не замѣчаетъ связи между явленіями исторіи литературы и полагаетъ, что вся *сущность* историко-литературной оцѣнки заключается въ такъ называемой художественной характеристикѣ. Эти художественныя характеристики, въ своемъ родѣ, образцовыя: онѣ показываютъ, что пора академическаго краснорѣчія еще не миновала у насъ. Такъ напр., личность Гейне, у нашего автора, «сожигается на томъ же *кострѣ смѣха*, на который бросаетъ поэтъ старое государство, старую религію и старое общество»; о Парни мы находимъ слѣдующее: «Несчастная любовь, пережившая разлуку, увлекла сердце поэта въ міръ мечтаній; ему сдѣлался понятенъ голосъ бездушной природы и такимъ образомъ исторія страсти слилась

съ одушевленными картинами природы, и поэтъ предается больше и больше глубокой меланхоліи». Характеристика — удивительно ясная! Но верхъ совершенства въ этомъ родѣ — параллель между Гэте, Уландомъ и Гейне; читатели не посѣтуютъ на насъ за небольшую выписку: «Въ лучшихъ произведеніяхъ поэзія Гейне, говоритъ нашъ авторъ, близка къ поэзіи Уланда; разность между ними совсѣмъ не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда. Правда, *въ выборѣ фигуръ* (!) и въ чувствахъ у Гейне гораздо больше свободы, чѣмъ у Уланда. Онъ выступаетъ отъ *простыхъ тоновъ* и играетъ самыми противоположными *аккордами* (?!), какъ виртуозъ, которому нѣтъ равнаго. Хотя тѣ изъ его пѣсенъ, которыя прельщаютъ композиторовъ, гораздо роскошнѣе, увѣтистѣе, чѣмъ уландовскія, но въ основѣ своей онѣ еще въ томъ же родѣ. Прогрессъ прежде всего замѣтенъ въ мелодіи. Пѣсни Гейне такъ же прекрасны, какъ и пѣсни Гэте и Уланда, и никто не можетъ стать на ряду съ этими тремя художниками; но онѣ болѣе страстны, живѣе, быстрѣе проникаютъ въ душу. У Гэте прелесть въ *гармоніи прекрасной души* (!!?), у Уланда — въ единствѣ настроенія, въ ровности тона, въ правильности формы, у Гейне — въ *полновластномъ движеніи волнъ страсти* (!!), которое и тогда увлекаетъ душу, когда, казалось, она могла бы возмутиться. Второе отличіе составляетъ субъективная точка зрѣнія, избираемая поэтомъ. Въ сущности, матерія Гейне *не новье* ни Гэтевой, ни Уландовой; напротивъ, лучшія его піесы занимаются романтическими предметами. Но Гейне умѣетъ возбудить чувство контраста и посредствомъ *перспективы*, *переливовъ тѣни и свѣта*, посредствомъ хотя *не всегда правильной*, но за то чрезвычайно яркой обрисовки, сообщаетъ своимъ фигурамъ жизнь, что-то *опьяняющее* (?!). Самая блестящая сторона таланта Гейне — реализмъ въ формѣ представленія. Онъ такъ умѣетъ нѣсколькими, едва замѣтными чертами выразить жизнь и физіономію, что онѣ невольно напечатлѣваются въ памяти и воображеніи: ни у Гэте, ни у Уланда не встрѣчаемъ ничего подобнаго». И такой-то

краснорѣчивый, но пустой наборъ словъ предлагается ученикамъ, какъ реальное знаніе! Не рѣшаемся судить, что̀ вынесетъ изъ этой характеристики молодой умъ, но мы вынесли одно убѣжденіе, что не мѣшало бы г. Линниченку, прежде чѣмъ онъ рѣшился на такія строки, попробовать ихъ на *кострѣ благоразумія и смысла*, относительно преподаванія исторіи словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Приведенная нами характеристика можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ вообще смотритъ нашъ авторъ на произведенія литературы; мы назвали эту точку зрѣнія художественною, исключительно эстетическою, и теперь время пояснить нашу мысль, тѣмъ болѣе, что и у насъ еще не вывелись приверженцы дряхлой нѣмецкой доктрины, носящей названіе эстетики; порой запоздалые голоса ихъ слышатся и въ литературѣ: одинъ груститъ, что въ университетѣ не читается эстетики; другой сокрушается, что на русскій языкъ не переведено ни одного порядочнаго учебника эстетики (любопытно было бы узнать, переводъ какого именно учебника желателенъ!), и стоитъ за то же преподаваніе эстетики; иные сами рѣшаются на эстетическія попытки, но выходитъ то̀ жѐ, что̀ и у г. Линниченка, только этотъ послѣдній «играетъ самыми противоположными аккордами, *какъ виртуозъ, которому нѣтъ равнаго!*» Во всѣхъ этихъ стремленіяхъ, по нашему крайнему разумѣнію, обнаруживается только недалекое знакомство съ предметомъ и крайняя отсталость въ наукѣ: привыкнувъ испоконъ вѣка jurare in verba magistri, мы не хотимъ отступиться отъ мечты всеобщей философіи искусства, тогда какъ и философская основа, на которой строилась она, оказалась несовременною, и самая фактическая разработка предмета не уполномочиваетъ изслѣдователя на рѣшительныя общія заключенія. Современный взглядъ на исторію литературы обнимаетъ всю внутреннюю жизнь народа въ ея многоразличныхъ словесныхъ проявленіяхъ; старая эстетика только схватываетъ одинъ общій формальный признакъ, и если предлагаетъ иногда какое-нибудь, повидимому, вѣрное положе-

ніе, то оно является до того безполезнымъ и несущественнымъ, до того стоитъ въ противорѣчіи съ живымъ смысломъ произведеній поэтической дѣятельности народа, что скорѣе можетъ быть разсматриваемо, какъ начало постороннее, принадлежащее не самому предмету, а субъективной мысли эстетика. Къ счастію, у насъ и это встрѣчается очень рѣдко: кромѣ двухъ-трехъ даровыхъ воплей о необходимости эстетики, да незатѣйливыхъ попытокъ въ этомъ родѣ, вся наша эстетическая мудрость ограничивается тѣми пустыми и безсодержательными повтореніями, примѣръ которыхъ мы видѣли выше: ни знанія, ни умѣнія не хватаетъ на эстетическій анализъ, и рутинное стремленіе къ нему разрѣшается цѣлымъ рядомъ вздорныхъ восклицаній. Въ учебникѣ такой пріемъ вреднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ: представьте себѣ ученика, незнакомаго (какъ обыкновенно бываетъ) съ произведеніями Гэте, Уланда и Гейне: ему предлагается характеристика въ родѣ вышеприведенной; удержать ее въ памяти нѣтъ возможности уже и потому, что она лишена реальнаго содержанія, стало быть ученикъ долженъ *выучить наизусть* всѣ эти *полновластныя движенія волнъ страстей, перспективы, переливы тѣни и свѣта* и т. д.

Теперь мы спросимъ нашего автора, удовлетворяетъ ли такое средство предположенной имъ цѣли: *развиваетъ ли оно душевныя способности и преимущественно чувство изящнаго или вкуса, научаетъ ли способности ясно, правильно и отчетливо выражать свои мысли и чувства* (!?), наконецъ, *знакомитъ ли оно ученика съ тѣмъ, что́ создано творческимъ геніемъ въ области поэзіи?* [1]) Конечно, нѣтъ! А такой пріемъ у г. Линниченка повторяется на каждой страницѣ, или лучше — главная часть его учебника состоитъ изъ такихъ эстетическихъ необузданностей и логомахическихъ вдохновенныхъ порывовъ. Очевидно, что для того, чтобы сообщить ученику дѣйствительное знаніе, чтобы развить его вкусъ, необходимъ иной пріемъ, если можно такъ вы-

1) Собственныя слова г. Линниченка. См. Предисл., стр. III.

разиться, *историческій*. Подъ нимъ мы разумѣемъ не только историческую послѣдовательность явленій, но и особую точку зрѣнія на нихъ. Ученикъ, конечно, много выиграетъ уже и отъ того, если учитель (или учебникъ) перестанетъ дѣлать такіе скачки, какіе мы встрѣчаемъ у г. Линниченка, когда онъ, напримѣръ, отъ Ганса Сакса прямо переходитъ къ Шиллеру и Гэте; но это еще не все: въ оцѣнкѣ произведеній литературы прошлаго времени необходимо совершенно бросить узкую, эстетическую точку зрѣнія и замѣнить ее *общественною*. Разсматриваемое внѣ условій времени и обстоятельствъ, внѣ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которымъ оно служитъ и которыми воодушевляется, произведеніе теряетъ свое истинное значеніе, свой цвѣтъ, и взамѣнъ живаго явленія, мы получаемъ безжизненный остовъ, какой-то недоношенный выкидышъ больной мысли и разстроеннаго чувства. Это истина старая, какъ и самая наука исторіи литературы; на Западѣ она сдѣлалась давно ходячею мыслію, и тотъ же самый Шерръ, которому такъ много обязанъ г. Линниченко, проводитъ ее въ своемъ учебникѣ съ удивительною послѣдовательностью и талантомъ; но у нашего теоретическаго историка поэзіи она едва-едва мерцаетъ среди густого тумана рутинныхъ психологическихъ и эстетическихъ опредѣленій. Какъ прежде не понялъ онъ истиннаго значенія народной поэзіи, не обратилъ должнаго вниманія на отличный характеръ совокупной дѣятельности народныхъ массъ отъ единичной дѣятельности индивидуума въ эпоху позднѣйшую, какъ прежде стоялъ онъ на вершинѣ эстетическаго Олимпа и оттуда обозрѣвалъ явленія исторіи поэзіи,—такъ и теперь онъ остался тѣмъ же отвлеченнымъ теоретикомъ: съ видимою неохотою и то на одно мгновеніе спускается онъ въ низменную сферу жизни и общественныхъ вопросовъ, и снова летитъ въ горняя, предоставляя ученикамъ доискиваться смысла въ его краснорѣчивыхъ пиѳическихъ импрекаціяхъ. Мы наклонны думать, что его увлекла доктрина. Не видя, быть-можетъ, возможности слѣдить за живою стороною общественныхъ вопросовъ въ произведеніяхъ поэ-

зіи, безъ вниманія къ прочимъ произведеніямъ литературы вообще, не желая измѣнить очерченному кругу *исторіи поэзіи* и только одной поэзіи, онъ ушелъ въ безобидную сферу эстетики и психологіи, оставивъ нетронутымъ вопросъ объ общественномъ значеніи произведеній. Рутина и здѣсь оказала свое благодѣтельное вліяніе: ограничивъ кругъ воззрѣнія только одними *поэтическими* произведеніями, понимаемыми ею по своему, она тѣмъ самымъ уничтожила всякую возможность какого-нибудь общаго построенія, общей картины. Какъ въ панорамѣ, здѣсь одна за другой показываются отдѣльныя картины, не имѣющія между собою никакой связи; все то, что́ считается *прозаическимъ*, *не важнымъ*, устраняется, и въ результатѣ выходитъ не *исторія поэзіи*, не наука, а эклектическій обзоръ нѣкоторыхъ произведеній поэзіи, нѣчто въ родѣ хрестоматіи для юношества. Все это само по себѣ, и въ рукахъ у опытнаго учителя, можетъ быть очень пригодно и полезно, но, какъ учебникъ, какъ популяризированіе науки, рѣшительно лишено смысла и грѣшитъ отсутствіемъ правильной системы, отсутствіемъ связи въ частяхъ, безъ чего невозможно никакое прочное знаніе, никакая наука.

Это также не послѣдній педагогическій вопросъ. Обыкновенно исторію поэзіи отдѣляютъ отъ исторіи прозы, основываясь на различномъ характерѣ этихъ двухъ родовъ словесности. Намъ кажется, что такое отдѣленіе есть тоже остатокъ рутины. Въ ученомъ изслѣдованіи, гдѣ изслѣдователь ограничивается какимъ-нибудь однимъ явленіемъ, или рядомъ явленій однородныхъ, такое разграниченіе и понятно, и необходимо: онъ можетъ изслѣдовать исторію краснорѣчія, исторію прозы повѣствовательной и т. д.; его цѣль — разработать только эту одну часть и до другихъ, съ которыми она не стоитъ въ связи, ему, покамѣстъ, нѣтъ дѣла; но въ учебникѣ — иное дѣло: учебникъ обязанъ, прежде всего, дать систему, показать связь явленій между собою; а при рѣзкомъ разграниченіи поэзіи отъ прозы, такая система становится невозможна. И вотъ почему: гдѣ мѣрило и гдѣ границы для подобнаго отдѣленія? Вильгельмъ Гумбольдтъ, въ 20 пара-

графѣ своего знаменитаго *Введенія* къ сочиненію о языкѣ Кави, сдѣлалъ чрезвычайно мѣткую характеристику отличительныхъ признаковъ поэзіи и прозы, но его мысль имѣетъ только значеніе для древнѣйшаго, доисторическаго періода народной жизни; съ возникновеніемъ первыхъ основаній цивилизаціи и искусственной литературы, всякое рѣзкое отличіе между поэзіею и прозою исчезаетъ, форма у обѣихъ бываетъ одинакова, *содержаніе* тоже; только одна *цѣль* можетъ еще нѣсколько поддержать исчезающее различіе. Но вѣдь и отличіе прозы отъ поэзіи по цѣли имѣетъ смыслъ только въ отношеніи дѣловой, государственной или офиціальной прозы, и такое единичное явленіе не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для теоріи различія прозы отъ поэзіи. Вотъ на какомъ основаніи, мы полагаемъ, что въ педагогическомъ отношеніи пора бы бросить эклектическую замашку излагать отдѣльно исторію прозы отъ исторіи поэзіи, и — что̀ всего хуже, — начиная съ позднѣйшей, т. е. съ прозы. Вмѣсто всего этого необходима *исторія литературы вообще,* и въ ней, думаемъ мы, найдутъ примиреніе тѣ противорѣчія, въ какія неизбѣжно впадаетъ всякій, кто по двумъ-тремъ крупнымъ фактамъ хочетъ возсоздать цѣлую *исторію* поэтической дѣятельности народа. Тотъ бы глубоко ошибся, кто подумалъ бы, что въ этомъ случаѣ за частностями исчезнетъ общее; нѣтъ, ненужныя и несущественныя частности должны быть исключены изъ учебника, а мѣра годности и существенности ихъ опредѣляется именно тѣмъ, на сколько онѣ служатъ къ объясненію связи крупныхъ явленій между собою. Позволимъ себѣ небольшой примѣръ. Г. Линниченко упоминаетъ нѣсколько разъ о стремленіяхъ нѣмецкихъ поэтовъ къ возсозданію средневѣковаго міра, о романтизмѣ, и въ отдѣлѣ эпоса и въ отдѣлѣ лирики говоритъ о новоромантической школѣ; но ни здѣсь, ни тамъ не останавливается на этомъ важномъ явленіи германской общественной жизни и литературы съ должнымъ вниманіемъ. Вопросы: что̀ такое романтизмъ, какъ и почему онъ возникъ въ нѣмецкой литературѣ, какими началами руководились романтики, не тревожили русскаго

составителя курса поэзіи; въ этомъ случаѣ онъ даже не захотѣлъ воспользоваться тою блестящею характеристикою романтизма, какую предложилъ Шерръ въ своемъ учебникѣ, а просто-напросто ограничился отрывочною характеристикой нѣкоторыхъ художественныхъ пріемовъ поэтовъ, какъ будто только въ этомъ и заключается сущность историко-литературной оцѣнки поэтическихъ произведеній! Выйдя изъ сферы реальнаго факта, нашъ авторъ, весьма послѣдовательнымъ путемъ, попалъ на ту избитую колею эстетическаго пустословія, изъ которой ученикъ не вынесетъ ни одной живой мысли, никакого положительнаго знанія. Таковы вообще всѣ характеристики у г. Линниченка, и въ особенности нѣмецкихъ поэтовъ текущаго столѣтія. А между тѣмъ дѣло вышло бы совершенно инымъ, если бы онъ разсмотрѣлъ стремленія романтиковъ, въ связи со всѣмъ романтическимъ движеніемъ идей и литературныхъ вопросовъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія: тогда бы и характеристики его перестали страдать неуловимостью и безсодержательностью, а обратились бы прямо къ фактамъ, къ реальному содержанію науки. Правда, для этого ему должно бы было выйти изъ тѣснаго круга *исторіи поэзіи* и вступить въ болѣе обширную сферу исторіи *литературы* вообще; но отъ этого не былъ бы въ ущербѣ ни ученикъ, ни самъ учитель. Основательная характеристика романтизма въ литературѣ и въ жизни дала бы общій видъ, связала бы тѣ лоскутки, изъ которыхъ г. Линниченко такъ неискусно склеилъ свою исторію новѣйшей нѣмецкой лирики и эпоса; частности не только не затемнили бы здѣсь главной мысли, главныхъ, крупныхъ фактовъ, но помогли бы ихъ разъясненію. Произведенія Гэте, Шиллера, Тика, Уланда не могутъ быть поняты ученику иначе, какъ только подъ условіемъ основательнаго знанія отношенія поэтовъ къ общественнымъ вопросамъ, и потому рѣзко выгораживать *исторію поэзіи* отъ *исторіи* вообще и литературы въ особенности, ограничивать все дѣло внѣшними пріемами поэтической техники, значитъ, по малой мѣрѣ, низводить живую науку на степень рутинной схоластики, всегда дающей

уму узкое и одностороннее развитіе. Объ отдѣлѣ драмы мы не станемъ распространяться, во-первыхъ, потому, что весь этотъ отдѣлъ почти дословно заимствованъ изъ «Руководства» г. Тулова и «Учебника» Шерра (къ сожалѣнію, изъ Шерра взято очень мало; видно, изъ книги г. Тулова брать было легче!), а во-вторыхъ, потому, что *пора кончить*! Все, заимствованное у г. Тулова, страждетъ тѣми же недостатками, на которые мы указывали выше: вездѣ дѣйствительное содержаніе приносится въ жертву поверхностнымъ эстетическимъ приговорамъ; у г. Линниченка это выходитъ только рѣзче, чѣмъ у его нѣжинскаго предшественника, потому что г. Линниченко очистилъ, или, какъ бы выразиться, *обчистилъ* г. Тулова. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ изъ нашей статьи.

1) Изученіе и преподаваніе словесности, путемъ теоретическимъ, должно быть оставлено, какъ несовременный остатокъ схоластической доктрины, а вмѣстѣ съ этимъ

2) должна быть оставлена и эстетика, какъ наука, отжившая свое время. Мѣсто ихъ должно заступить

3) историческое изученіе произведеній словесности, въ связи съ вопросами народной и общественной жизни.

4) Примѣняя всѣ эти требованія къ *Курсу исторіи поэзіи*, составленному г. профессоромъ Линниченко, мы видимъ, что трудъ его противорѣчитъ современному состоянію науки, представляя собою компиляцію, составленную на скорую руку, безъ всякаго разумнаго плана и безъ всякой идеи.

Можетъ ли онъ служить руководствомъ при преподаваніи— предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Новые труды по русской старинѣ и народности.

1861.

Наше намѣреніе — время отъ времени сообщать читателямъ *Моск. Вѣд.* литературное и библіографическое обозрѣніе новыхъ трудовъ по русской старинѣ и народности — не нуждается въ оправдательной статьѣ: всякому, кто сколько-нибудь слѣдитъ за развитіемъ русской науки въ послѣднее время, должно быть извѣстно, что изслѣдованіе народности въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ принадлежитъ къ важнѣйшимъ современнымъ ея задачамъ. Одни трудолюбиво занимаются объясненіемъ частныхъ явленій и вопросовъ, другіе рѣшаются и на нѣкоторыя общія соображенія, общіе выводы, быть-можетъ не всегда удачные, но достойные уваженія уже и потому, что они поддерживаютъ интересъ науки въ большинствѣ, всегда проходящемъ мимо спеціальныхъ кропотливыхъ трудовъ. Живой интересъ науки, которой, по нашему мнѣнію, предлежитъ и великая *практическая* роль, какъ посредницѣ въ желанномъ сближеніи съ народомъ — само по себѣ послужитъ лучшимъ оправданіемъ обозрѣніямъ; въ настоящемъ же случаѣ намъ слѣдуетъ только опредѣлить характеръ этихъ обозрѣній, чтобы читатели напередъ знали, чего искать въ нихъ. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о подробномъ критическомъ разборѣ: на это недостанетъ ни мѣста, ни нашихъ собственныхъ силъ. Критикъ долженъ стоять, если не выше, то по крайности въ уровень съ разбираемымъ авторомъ относительно познаній; а такъ какъ почти всѣ труды, о которыхъ намъ придется говорить, носятъ на себѣ характеръ *спеціальный*, то съ нашей стороны было бы слишкомъ неблагоразумно выдавать себя за спеціалиста по многимъ предметамъ: *знать все—не знать ничего!* Сверхъ того, мы слишкомъ дорожимъ человѣческимъ знаніемъ и высоко цѣнимъ его, чтобы полагать всю конечную цѣль его въ *одной* массѣ матеріала, не внимая его силѣ и разуму: для кого знаніе—не мертвый капиталъ, тотъ не отнесется къ наукѣ съ желаніемъ схватить какъ можно болѣе верховъ, а только при этой универсальности спеціализма и бываетъ возможна критика всѣхъ предметовъ человѣческаго вѣдѣнія. Итакъ, отстраняя отъ себя вопросъ о подробной критикѣ, мы надѣемся представлять читателямъ: во-1-хъ, краткое обозрѣніе содержанія и ученаго направленія сочиненій, обозрѣніе, изъ котораго они могли бы узнать—чего искать въ нихъ; во-2-хъ, значеніе ихъ для науки и критическія замѣчанія, если предметъ ихъ принадлежитъ къ области нашего изученія; въ-3-хъ, наконецъ, библіографическія пополненія и замѣтки. Эти послѣднія, по нашему мнѣнію, важнѣе всего: часто, благодаря недостатку библіографическихъ познаній, многіе вопросы русской науки обработываются поверхностно; изслѣдователи, упуская изъ виду то, что́ однажды было приведено въ извѣстность, и тѣмъ стѣсняя кругъ своего изслѣдованія, иногда выдаютъ за новость и рѣдкость то, что́ давно извѣстно и вовсе нерѣдко. Мы

желаемъ, сколько можемъ, помочь этому: пусть въ нашихъ указаніяхъ встрѣтится и общеизвѣстное (но которое не было извѣстно автору сочиненія), пусть найдутся пропуски; но если они будутъ полезны кому-нибудь, то достигнутъ своей цѣли. Indocti discant, ament meminisse periti! Мы не исключаемъ изъ нашего обозрѣнія и произведеній иноземной, особенно нѣмецкой науки по исторіи словесности, миѳологіи и вообще—народности. Труды нѣмецкихъ ученыхъ, независимо отъ ихъ общаго интереса, особенно важны при сравнительномъ изученіи русской старины, которое приноситъ теперь такую существенную пользу.

И. Живаго. А. Котляревскій [1]).

I.

Старосвѣтскій бандуриста. Сост. Н. Закревскій. М. 628 стр.

Подъ этимъ, нѣсколько страннымъ, заглавіемъ г. Закревскій издалъ, во 1-хъ, избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы (стр. 1—136); во 2-хъ, малороссійскія пословицы, поговорки и загадки, и галицкія приповѣдки (139—244), и наконецъ, въ 3-хъ, словарь малороссійскихъ идіомовъ (?!).

Преимущественно благодаря полезнымъ трудамъ г. Максимовича, который много трудился надъ своей родной стариной и поэзіей, малороссійскія пѣсни пользуются полными гражданскими правами въ русской литературѣ. Въ «Библіографическомъ обозрѣніи пѣсенъ славянскихъ племенъ», Шафарикъ въ 1838 году [2]) (вѣрнѣе въ 1842) насчитывалъ 5 русскихъ изданій малороссійскихъ пѣсенъ, 3 польскихъ и болѣе 8-ми славянскихъ сборниковъ, гдѣ помѣщены и малороссійскія пѣсни; съ тѣхъ поръ исторія литературы обогатилась многими, весьма важными сборниками, каковы: Максимовича (1849), Метлинскаго (1852), Кулиша (1856—7), Аѳанасьева-Чужбинскаго и Костомарова (1859). Стало-быть, малороссійскія пѣсни не рѣдкость у насъ, и появленіе всякаго новаго собранія ихъ должно оправдываться или новостью содержанія, или какою-нибудь иною цѣлью.

---

1) Слѣдующія три замѣтки подписаны именемъ одного Котляревскаго (А. К.).

2) Časop. Česk. Mus. 1838, а оттуда перепечатано съ дополненіями въ «Денницѣ» П. Дубровскаго, годъ 1-й, 1842, стр. 273—275.

Г. Закревскій представляетъ намъ не много пѣсенъ новыхъ и важныхъ въ литературномъ отношеніи; его цѣль проще: онъ хочетъ доставить читателямъ «забаву, невинное увеселеніе, пріятное препровожденіе времени». — Въ добрый часъ! Отчего же и не составить изъ народныхъ пѣсенъ выборъ на пользу общую? пища здоровая; но въ этомъ случаѣ нужно поступать очень осторожно, чтобъ не уподобиться тѣмъ рыночнымъ, площаднымъ пѣсенникамъ, которыми и до сихъ поръ наводняетъ русскую литературу услужливая книгопродавческая толкучка. Намъ кажется, что противъ этого первое средство — отдѣлить пѣсни *народныя* отъ *жестокихъ романсовъ* литературныхъ кучеровъ и кучерскихъ литераторовъ. У г. Закревскаго слишкомъ много вкуса, чтобы внести въ свой сборникъ подобныя издѣлія; но, къ сожалѣнію, имѣя нѣсколько странный взглядъ на народную словесность, онъ не уберегся и, на ряду съ чистымъ золотомъ народнаго творчества, помѣстилъ нѣсколько книжныхъ издѣлій, приторныхъ и лишенныхъ искры божественнаго вдохновенія. Взглядъ же г. Закревскаго на современныя попытки писать народнымъ языкомъ дѣйствительно странный: онъ думаетъ, напр., что каждый малороссіянинъ «*народное нарѣчіе употребляетъ единственно для выраженія шутки, для увеселенія*»; что «цѣль сочиненій на народномъ нарѣчіи есть *забава, невинное увеселеніе, пріятное препровожденіе времени* (скажите пожалуйста!), и для многихъ малороссіянъ, разсѣянныхъ по огромному русскому царству, есть сладостное воспоминаніе обычаевъ, поговорокъ, простодушныхъ остротъ своихъ земляковъ (!?) и возобновленіе пріятныхъ впечатлѣній собственной молодости, проведенной на родинѣ» (стр. I и II Пред.). Г. Закревскій отвѣчаетъ здѣсь на отзывы тѣхъ русскихъ критиковъ, которые съ презрѣніемъ смотрятъ на малороссійскія *вирши;* онъ проситъ ихъ оставить эти вирши въ покоѣ и законность ихъ существованія отстаиваетъ вышеприведенными словами; но кто же будетъ въ настоящее время бросать камнемъ въ тѣ отрадныя проявленія народнаго самосознанія, началомъ которыхъ должно признать стремленіе

говорить и писать на мѣстномъ языкѣ, кто будетъ стоять за обязательность для всего и всѣхъ современнаго литературнаго языка? И если найдутся таковые, чѣмъ — спрашивается — могутъ образумить ихъ облегчающія причины г. Закревскаго? Да и что́ за безотрадное воззрѣніе! Родной языкъ — только, какъ забава, увеселеніе, или же какъ глухое воспоминаніе: ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ переродились малоруссы, что для нихъ все родное является забавою и воспоминаніемъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить существованіе такого журнала, какъ *Основа*: въ немъ, правда, много *воспоминаній*, но за то нѣтъ никакихъ невинныхъ увеселеній и забавъ (одинъ изъ главныхъ его сотрудниковъ даже открылъ повременные походы противъ увеселительнаго направленія, когда-то существовавшаго въ украинской литературѣ). Направленіе *Основы* вполнѣ серіозно и положительно. Тамъ не потѣшаютъ публику и не тоскуютъ воздыханіями голубицы о временахъ юности и простодушныхъ острота́хъ своихъ земляковъ, а разрабатываютъ народную исторію и старину, и высоко-художественными произведеніями Шевченка и Марка Вовчка прямо даютъ разумѣть, что не одна забава, не одно воспоминаніе вызвало явленіе этого мѣстнаго литературнаго органа. Дай Богъ, чтобы публика поддержала честное, полезное изданіе, гдѣ въ первый разъ предъявляютъ свои права мѣстные потребности и интересы!

Мы не остановились бы на такихъ понятіяхъ г. Закревскаго, еслибъ не видѣли слѣдовъ ихъ и на составленіи первой части его книги: коли сочиненія на народномъ языкѣ — *забава*, такъ что́ тутъ долго разсуждать! подъ *забаву* — все идетъ, и не зачѣмъ разбирать, — гдѣ пѣсня народная и гдѣ трудовое издѣліе книжника, — все равно!

Намъ кажется, дѣло слѣдовало вести нѣсколько поосторожнѣе: вмѣсто того, чтобы разсуждать о томъ, что «малороссійскія пѣсни, по своему разнообразію въ содержаніи, легкости и *правильности* въ *изложеніи мыслей* (ты не умеръ, Кошанскій!), *по богатству чувствъ, поэзіи и остроумія* — могутъ смѣло состя-

заться со всякимъ подобнымъ произведеніемъ всѣхъ самыхъ образованныхъ народовъ», — вмѣсто этой пустой риторики не лучше ли было бы выбрать лучшія пѣсни и думы изъ сборниковъ, дать имъ нѣкоторую систему (у г. Закревскаго въ этомъ отношеніи страшный безпорядокъ) и издать, по прекрасному выраженію русской пѣсни: старымъ — для памяти, добрымъ людямъ — на послушанье, и веселымъ молодцамъ — на потѣшеніе! Историческія объясненія г. Закревскаго также не прибавляютъ ничего новаго послѣ обстоятельныхъ примѣчаній г. Максимовича къ его двумъ сборникамъ (1834 и 1849)[1]). За то — истинное спасибо г. Закревскому за 2 и 3-ю части его сборника, содержащія въ себѣ пословицы и словарь малороссійскій. Это капитальное пріобрѣтеніе науки: до сихъ поръ малороссійскія пословицы и загадки нигдѣ не были собраны въ одно мѣсто и были разсѣяны по изданіямъ довольно рѣдкимъ, такъ что ни г. Буслаевъ въ своемъ изслѣдованіи о пословицахъ (сначала въ *Архивѣ* Калачова, кн. 2, отд. 2, стр. 1 — 175, а потомъ въ «Историческихъ Очеркахъ русской народной словесности и искусства», кн. 1, стр. 78 и сл.), ни другіе изслѣдователи не могли воспользоваться дорогимъ матеріаломъ, предлагаемымъ ими; теперь г. Закревскій собралъ ихъ воедино и тѣмъ, такъ сказать, ввелъ ихъ въ русскую науку; мы скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ впослѣдствіи, въ связи съ однородными произведеніями

---

1) Кстати о г. Максимовичѣ. Что за неумолимый рокъ преслѣдуетъ трудъ этого даровитаго писателя и истиннаго знатока малорусской народности: выйдетъ первая часть — тѣмъ дѣло и кончится! Добро бы произведенія его встрѣчались равнодушіемъ или невниманіемъ, — напротивъ: достоинство ихъ извѣстно всѣмъ и каждому, и несмотря на это, почти всякій трудъ его ограничивается первою частью: такъ (мы говоримъ только о его трудахъ историко-филологическихъ) *три* сборника украинскихъ пѣсенъ — все первыя части, *Исторія древней русской словесности* (Кіевъ, 1839 г.) — первая часть, *Начатки русской филологіи* (К. 1848 г.), — первая часть, *Кіевлянинъ* — mirabile dictu — дошелъ до трехъ частей... Пора бы г. Максимовичу, на пользу и назиданіе русской науки, собрать важнѣйшіе изъ своихъ трудовъ воедино: это, кажется, онъ и хотѣлъ сдѣлать въ своемъ *Украинцѣ* (М. 1859 г.) — да остановился на *первой* части! *Предѣлъ, его же не прейдеши!*

болгарскими и великорусскими, когда окончится печатаніе любопытнѣйшаго собранія г. Даля, первая треть котораго уже вышла въ свѣтъ (во 2-й кн. «Чтеній» Общества Исторіи и Древностей, за 1861 г.). Какъ любопытны и важны малороссійскія загадки для исторіи народныхъ вѣрованій,—это пойметъ каждый, кто на загадку смотритъ не какъ на простую игру ума, но какъ на почтенный обломокъ пытливой мудрости и тайнаго знанія временъ отдаленныхъ, когда, по народнымъ понятіямъ, самыя божества нисходили на землю затѣмъ, чтобы въ загадкахъ препираться со смертными о вещахъ недовѣдомыхъ и темныхъ. Къ этому предмету мы еще возвратимся, когда будемъ давать читателямъ *Моск. Вѣд.* отчетъ о великорусскихъ загадкахъ г. Худякова, а теперь припомнимъ только, что малорусскія загадки извѣстны русской публикѣ изъ статьи г. Аѳанасьева (*Отеч. З.* 1851, № 5, Библ. Хр., стр. 17—22) объ изданіи малорусскихъ и галицкихъ загадокъ г. Сементовскаго. Г. Аѳанасьевъ именно разсматриваетъ загадки со стороны миѳологическаго ихъ элемента и открываетъ въ нихъ многіе слѣды древнихъ вѣрованій.

Малорусскій словарь или, какъ выражается г. Закревскій,— словарь малороссійскихъ *идіомовъ* — занимаетъ бо́льшую половину сборника (247—624). Самому словарю предшествуетъ небольшое введеніе, гдѣ авторъ разсуждаетъ о малороссійскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и о составѣ словаря. Совершенно справедливо утверждая, что слѣды малорусскаго нарѣчія встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности [1]),

1) Этимъ г. Закревскій отвѣчаетъ на мнѣніе, по которому въ русской письменности до XIV в. не встрѣчается никакихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія. Погибшее съ шумомъ отъ разбора г. Максимовича (*Рус. Бесѣда*, 1856. № 3) — оно, въ послѣднее время, снова возобновлено г. Лавровскимъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1856, іюнь, и *Основа* 1861, авг.), но, по справедливому замѣчанію г. Бодянскаго (*Чтен.* 1858, к. IV, стр. 72 славян. матеріалы)—«съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться до самаго подробнаго разбора письменныхъ памятниковъ древне-русскихъ изводовъ южнаго, сѣвернаго и западнаго, основаннаго на глубокомъ знакомствѣ съ нарѣчіемъ, противу котораго ратуется, въ его историческомъ развитіи и нынѣшнемъ состояніи, какъ у насъ,

и совершенно напрасно упоминая о старомъ забытомъ мнѣніи, приписывавшемъ происхожденіе малорусскаго нарѣчія единственно вліянію языка польскаго, —г. Закревскій самъ не избѣгъ капитальной погрѣшности: такъ разность между русскимъ и малороссійскимъ нарѣчіями онъ принимаетъ за явленіе относительно позднѣйшее, возникшее *вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ* (стр. 253). Спору нѣтъ, что политическія обстоятельства могутъ имѣть большое вліяніе преимущественно на лексиконъ языка, но развѣ малорусское нарѣчіе отличается отъ великорусскаго только однимъ лексикономъ? Г. Закревскій призналъ различіе *русскихъ нарѣчій, но не языка*. Прекрасно; но гдѣ же тогда этотъ русскій языкъ, гдѣ эта общая единица,—ужъ не въ языкѣ ли современной литературы должно искать ее? Если такъ, то опять выйдетъ, что малороссійское нарѣчіе не должно имѣть литературныхъ гражданскихъ правъ, а употребляться ему надлежитъ только для *забавы*, *пріятнаго препровожденія времени*, или воспоминанія объ *остротахъ земляковъ* [1]).

Г. Закревскій совершенно правъ, если этимъ хотѣлъ выразить, что малорусское нарѣчіе ближе къ великорусскому, чѣмъ къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ: предположить дѣйствительно можно, что была эпоха въ исторіи славянскихъ нарѣчій, когда одна отрасль пустила два побѣга, назвавшіеся потомъ великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями; но, быть-можетъ, та же самая отрасль выдѣлила изъ себя и другія славянскія нарѣчія, и вся разница заключалась только во времени отдѣленія ихъ, а слѣдовательно и въ историческихъ обстоятельствахъ. Можно ли поэтому говорить, *что отъ русскаго языка* произошли иныя славян-

---

такъ и въ Галицкой и Карпатской Руси. Съ другой стороны нужно такое же знакомство съ памятниками церковно-славянской письменности извода южнорусскаго». А такого разбора у насъ еще до сихъ поръ не имѣется.

1) Тотъ бы превратно понялъ нашу мысль, кто захотѣлъ бы видѣть въ ней требованіе, чтобы украинскіе литераторы писали на ихъ народномъ языкѣ; болѣе всего въ этомъ дѣлѣ дорога свобода: пусть всякій пишетъ такъ, какъ ему указываютъ его наклонности, обусловленныя образованіемъ и практическими цѣлями, какихъ онъ желаетъ скорѣе и лучше достигнуть.

скія нарѣчія! Какъ бы то ни было, въ эпоху историческую мы не находимъ общаго русскаго языка, а находимъ только *нарѣчія русскія*, потому и не имѣемъ права говорить, что русскій языкъ *одинъ*, а *нарѣчія его различны*. Было точно одно связующее начало, общее для всѣхъ нарѣчій русскихъ—это языкъ церковнославянскій (древне-булгарскій); но вѣдь его, въ настоящее время, за исключеніемъ г. Погодина, никто не называетъ русскимъ. Обращаемся къ самому словарю.

Для какой цѣли предназначалъ г. Закревскій свой словарь? Ученый ли это филологическій словарь, или практическій, по образцу словарей, какіе прилагались къ разнымъ изданіямъ произведеній украинской словесности? Судя по тому, что въ него вошли не всѣ слова, а только тѣ, которыя отличны отъ русскихъ — цѣль этого словаря чисто-практическая, какъ справочной книги при чтеніи памятниковъ на украинскомъ языкѣ, лѣтописей и грамотъ. Это опытъ словаря мѣстнаго, областного, словаря, какъ называетъ его составитель, *идіомовъ*. Поэтому не слѣдуетъ обращаться къ нему съ вопросами этнографическими, желая узнать кругъ понятій, образъ жизни и вообще бытъ малороссіянина: онъ сообщитъ взглядъ односторонній, покажетъ только то, что́ есть у малороссіянъ особнаго, отличнаго отъ великоруссовъ. Предназначенный для практической цѣли, словарь г. Закревскаго оставляетъ безъ вниманія современныя задачи областного словаря и удовлетворяетъ имъ настолько, насколько того требуетъ его практическое назначеніе: такъ, онъ почти не обращаетъ вниманія на географію слова; для него довольно, если онъ объяснитъ его прямое значеніе; этнографическія и бытовыя подробности его также черезчуръ (даже и для практическаго словаря) кратки. Въ этомъ отношеніи словарь малорусскаго нарѣчія, составленный г. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, далеко превосходитъ его обстоятельностью объясненій; жаль только, что онъ еще въ 1856 году окончился буквою З [1]), и до сихъ поръ не

1) Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, изд. 2 Отд. Импер. Акад. Наукъ, т. III, стр. 1—176.

подвигается впередъ. Но отдадимъ справедливость г. Закревскому: словарь его, дѣйствительно, хорошая помощь при чтеніи, особенно для тѣхъ, кто не знакомъ съ малороссійскимъ нарѣчіемъ. Онъ заключаетъ въ себѣ не только слова живой современной рѣчи, но и слова книжныя, изъ которыхъ многія уже исчезли; жаль только, что въ этомъ отношеніи онъ очень неполонъ, потому что изъ всѣхъ многочисленныхъ произведеній южно-русской книжной литературы 16 и 17 в., составитель, сколько можно судить по приложенному въ концѣ перечню источниковъ, пользовался только двумя или тремя!

Вообще же «Старосвѣтскій бандуриста» г. Закревскаго — книга далеко не лишняя въ нашей литературѣ; она — одно изъ пріятныхъ доказательствъ противъ мысли самого составителя, о которой мы говорили выше.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ остальныхъ двухъ книгъ сборника, гдѣ, между прочимъ, должна быть и грамматика малорусскаго языка, которой, къ нашему стыду, мы до сихъ поръ не имѣли.

II.

Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, изд. Де-Пуле и П. Глотова. Спб. XX + 432 + 272.

Воронежскій Литературный Сборникъ, вып. 1-й, изд. Н. Гарденинымъ подъ редакціей П. Малыхина. Вор. 620 стр.

На мѣстныхъ изданіяхъ и сборникахъ лежитъ теперь трудная, но благодарная обязанность: они должны пополнить одинъ изъ капитальныхъ пробѣловъ нашей исторической науки. Незнакомство съ мѣстною областною жизнью въ ея историческомъ развитіи, невниманіе къ внутреннему народному быту въ его областныхъ видоизмѣненіяхъ — на долго сообщили русской исторической наукѣ одностороннее направленіе. Мы не касаемся вопроса: дѣйствительно ли наша государственная исторія — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія народа [1]); дѣйствительно ли въ созда-

1) Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, одинъ только русскій умѣлъ образовать государство, эту единственную среду, въ которой возможно свободное

нiи государства — главнымъ образомъ выразилась творческая сила русскаго народа; но смѣло можемъ сказать, что такое рѣшеніе нисколько не даетъ права пренебрегать разработкою мѣстной провинціальной исторіи и старины. Пусть не говорятъ, что это дѣло невозможное и несбыточное; чтобы имѣть право сдѣлать такое возраженіе — нужны опыты, попытки впереди, а такихъ попытокъ, въ примѣненіи къ разработкѣ областной исторіи и народности, въ нашей исторической литературѣ и наукѣ не существуетъ. Изслѣдованъ ли у насъ какъ должно историческій матеріалъ, изслѣдованы ли важнѣйшіе памятники внутренней жизни: житія святыхъ, прологи, мѣстныя легенды и сказанія; изслѣдована ли, наконецъ, этнографія и внутренній бытъ нашихъ областей?

Въ настоящее время разработка провинціальнаго быта и исторіи дѣлается насущною потребностью современной науки, и нѣкоторые труды нашихъ историковъ и изслѣдователей народности представляютъ прекрасное начало этому дѣлу.

По всему этому, думаемъ мы, никто такъ не можетъ содѣйствовать успѣхамъ исторической науки, какъ мѣстныя изданія, посвященныя исключительно разработкѣ мѣстной старины и народности. При этомъ не мѣшаетъ взять въ разсчетъ слѣдующія обстоятельства: нигдѣ, до сихъ поръ, не обнародовано такъ много

и самостоятельное историческое развитіе. Отрицать за русскимъ народомъ эту истинно-великую заслугу, и приписывать ее однимъ только внѣшнимъ понужденіямъ, значило бы, въ нашихъ глазахъ, то же самое, что отвергать движеніе земли около солнца и доказывать движеніе солнца около земли. Научная истина — одна для всѣхъ народовъ, и если наука признаетъ громадное значеніе государственной среды въ исторіи европейскихъ народовъ; если она доказала, что безъ этой среды немыслимо ихъ историческое развитіе: то нужно стать совершенно въ разрѣзъ съ наукой, для того, чтобы отрицать тотъ же законъ въ русской исторіи, непреложный и естественный, какъ всякій законъ природы. Россія — не выродокъ въ громадной семьѣ человѣчества. Всѣ наши возраженія противъ русскаго государства проистекаютъ единственно отъ слабости у насъ общаго политическаго образованія и отъ чуждаго наукѣ смѣшенія теоріи съ практикой. На практикѣ, дѣйствительно, кажется, будто движется солнце, а не земля. *Прим. редакціи Московскихъ Вѣдомостей.*

историческаго, бытового и этнографическаго матеріала, какъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* — и, однако, до сихъ поръ никто не потрудился распространить его на пользу науки! [1]) Черпать изъ самаго источника изслѣдователь не можетъ, потому что не тблько въ провинціи, но даже въ Москвѣ и Петербургѣ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного полнаго экземпляра *Губернскихъ Вѣдомостей;* да притомъ многое въ нихъ требуетъ повѣрки на мѣстѣ, очищенія. Кому же, какъ не провинціальнымъ изданіямъ, взяться за это дѣло! Вотъ прекрасное содержаніе для монографіи мѣстнаго сборника: собрать и свести воедино всѣ, доселѣ напечатанныя, свѣдѣнія историческія или этнографическія изъ *Губернскихъ Вѣдомостей* и *Памятныхъ Книжекъ* (какъ важна напр. Памятная Книжка Виленской губ. за 1854, ч. 2), пересмотрѣть, повѣрить и очистить всѣ эти матеріалы. Какъ бы это двинуло историческую науку, до сихъ поръ богатую изслѣдованіями и разсужденіями, но бѣдную матеріаломъ! Всего ближе, говоримъ мы, это дѣло взять на себя мѣстнымъ сборникамъ. Сказать правду, такія изданія были и прежде въ русской литературѣ; такъ существуютъ: *Молодикъ*, Украин. Сборникъ (Хар. 1842—44. 4 кн.), *Кіевлянинъ* г. Максимовича (Кіевъ, 1841, 2. М. 1850. 3 кн.), *Симбирскій Сборникъ* (М. 1845), *Пермскій Сборникъ* (М. 1859 и 60. 2 тт.), *Саратовскій Сборникъ* г. Мордовцева (Сар. 1859), *Этнографическій Сборникъ*, изд. Русск. Географ. Обществомъ (Спб. 1853, 4, 58. 4 чч.) и друг. Хотя нѣкоторые изъ сборниковъ и не отвѣчаютъ своему мѣстному названію, но вообще заключаютъ многія драгоцѣнныя свѣдѣнія по старинѣ и народности

---

1) *Губернскія Вѣдомости* до сихъ поръ нуждаются даже въ хорошихъ *Указателяхъ*. Трудъ г. Боричевскаго (Обозрѣніе Губ. Вѣдомостей 1842—50 г.), помѣщен. въ *Жур. Мин. Народ. Просв.* 1850 и 1852 г., недостаточенъ, по крайней мѣрѣ — для бытовой этнографической части. Обозрѣніе же г. Егунова (*Рус. Вѣст.* и *От. З.* 1856 г.) представляетъ только начало труда. Указатели г. Геннади начинаются съ 1851 г., а аналитическое оглавленіе г. Пискарева слишкомъ кратко и не окончено. Нужно ожидать такого полезнаго труда отъ г. Межова, который положилъ ему прекрасное начало въ своемъ Библіографическомъ Указателѣ книгъ, вышед. въ 1859 г. Спб. 1861.

(особенно 3-я книга *Кіевлянина* и *Саратовскаго Сборника*), пересмотрѣть и усвоить которыя въ настоящее время необходимо больше, чѣмъ когда-нибудь.

Съ такими надеждами мы встрѣчаемъ два повременныя воронежскія изданія. Оставляя другимъ литературную оцѣнку изящныхъ произведеній воронежской музы, между которыми есть очень и очень замѣчательныя (напр. *Записки Семинариста*, покойнаго И. С. Никитина), мы ограничимся только статьями, посвященными русской старинѣ и народности.

Что̀ за мѣстность, потребностямъ и интересамъ которой служатъ два поименованные сборника? каково ея историческое прошедшее, каковъ ея народный этнографическій характеръ? На первый изъ этихъ вопросовъ прекрасно отвѣчаютъ статьи *Воронежской Бесѣды:* «О заселеніи Воронежской губерніи», г. Н. Второва, и «Историческія замѣтки о городѣ Воронежѣ». Статья г. Второва ясно доказываетъ, что теперешнее заселеніе Воронежскаго края — колонія, если такъ можно выразиться, *московской формаціи*, потому что оно началось не ранѣе исхода XVI столѣтія съ сѣвера и юго-запада по построеніи городовъ Воронежа и Валуекъ; со времени основанія этихъ городовъ, въ теченіе XVII стол. завелись поселенія на правой, или крымской сторонѣ Дона, до рѣки Тихой-Сосны, а на югѣ возникли донскіе казачьи городки, впослѣдствіи разоренные по случаю Булавинскаго мятежа. Земли къ югу отъ рѣки Тихой-Сосны, по правую сторону Дона, стали уже заселяться съ начала XVIII в. Въ первоначальный составъ населенія вошли переселенцы *изъ внутреннихъ областей Россіи*, которые заняли сѣверную часть края; черкасы же или малороссіяне появились здѣсь около половины XVII столѣтія и заселили преимущественно южную часть его (стр. 262—3). То же подтверждаетъ и обстоятельная статья г. Малыхина (*Вор. Лит. Сбор.*): городъ «Нижнедѣвицкъ и его уѣздъ». «Воронежская губернія, какъ пограничная съ древней Украиной, населена большею частью переселенцами изъ другихъ областей для содержанія сторожевой линіи отъ набѣговъ Татаръ, и потому ея жители

имѣютъ мало единства въ языкѣ, одеждѣ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. Даже сосѣднія между собою селенія представляютъ въ этомъ отношеніи много рѣзкихъ отличій другъ отъ друга. Здѣсь есть, особенно между помѣщичьими крестьянами, выходцы изъ великороссійскихъ губерній, отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ сѣвернымъ нарѣчіемъ; есть выходцы изъ Малороссіи, сохранившіе отличительныя свои черты не только въ языкѣ, но и въ образѣ жизни и въ одеждѣ. Бо́льшая же часть жителей Воронежской губерніи есть какъ будто особенная отрасль русскаго племени, что-то среднее между Великороссами»(стр. 271). Какова была жизнь колонистовъ въ первый вѣкъ по заселеніи мѣстности, видно изъ «Историческихъ замѣтокъ о городѣ Воронежѣ», служащихъ какъ бы дополненіемъ къ тому, что́ кратко высказано г. Второвымъ: безпрестанные набѣги хищниковъ, грабежи *своихъ* и чужихъ, воровскіе казаки, раскольники и самозванцы — все это безпорядочною массой является здѣсь и сообщаетъ всей исторіи этого края въ XVII столѣтіи видъ какого-то хаотическаго броженія народностей, носившихся по вѣтру безъ кормила; всѣ признаки колонизаціи насильственной, которая сама не сознаетъ своей цѣли, пугливо разбѣгается во всѣ стороны и только повинуясь страху наказанія, боясь быть *биту батоги нещадно*, кое-какъ усаживается на отведенныхъ мѣстахъ. Всѣ любопытныя подробности быта поселенцевъ Воронежской губерніи извлечены авторомъ «Историческихъ замѣтокъ» изъ мѣстныхъ актовъ, приготовленныхъ теперь къ изданію г-мъ де-Пуле; но нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ эта картина пополнится и обогатится многими подробностями, глубже входящими въ частную жизнь, чѣмъ офиціальные акты. Крайне интересны также историческіе матеріалы, служащіе во многомъ оправдательными статьями только что поименованнымъ изслѣдованіямъ, таковы: «Матеріалы для исторіи самозванца Кремнева и самозванца Іова Мосякина», «Матеріалы для физіологіи русскаго общества во 2-й половинѣ XVIII в.» и др. (*Воронежская Бесѣда*). Съ этими послѣдними стоитъ въ нѣкоторой связи статья г. А. Те-

рентьева: «Нѣкоторыя черты изъ вседневной жизни помѣщиковъ Бирюченскаго уѣзда прошлаго и настоящаго времени» (*Воронежская Бесѣда*). Кромѣ этнографическаго матеріала (о которомъ мы скажемъ ниже), этотъ очеркъ содержитъ въ себѣ много любопытныхъ извѣстій о жизни русскаго *образованнаго* сословія, которыми—на ряду съ правдивыми сказаніями артиллеріи майора Данилова, Болотова, Щербатова и др.—не преминетъ воспользоваться будущій историкъ *русской цивилизаціи*.

Переходимъ къ статьямъ по исторіи литературы и народности. Выше было замѣчено, что народность Воронежскаго края—смѣшанная, и хотя «типъ древнѣйшаго колонизатора придонскихъ земель погибъ безвозвратно, смѣшавшись съ новыми выселенцами, продолжавшими являться въ Воронежскую губернію впродолженіе всего XVII столѣтія», однако не погибли старинные обычаи, какіе принесли съ собою колонисты: пусть припомнятъ себѣ читатели *Моск. Вѣд.* любопытныя замѣтки г. Фонъ-Кремера о преданьяхъ и повѣрьяхъ села Верхотишанки, подавшія поводъ г. Буслаеву написать такую прекрасную статью (сначала въ *Моск. Вѣд.* 1851, № 75, а потомъ въ «Историческихъ Очеркахъ», т. 1-й, стр. 242—249). Воронежскія изданія также не бѣдны статьями по народности, хотя, конечно, отъ *мѣстныхъ* сборниковъ можно бы ожидать ихъ поболѣе и *пообстоятельнѣе*. Вотъ напр. народныя пѣсни: неужели въ Воронежской губерніи нѣтъ пѣсенъ болѣе и значительнѣе тѣхъ, которыя помѣщены на стр. 155—166 II-го отдѣла *Ворон. Бесѣды?* Что онѣ есть — доказательствомъ тому служитъ «Былина о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ», записанная въ Землянскомъ уѣздѣ [1]) (*Ворон. Лит. Сб.*, стр. 59—64). Эта былина, хранящая въ себѣ воспоминанія глубочайшей древности, убѣдитъ всякаго, что стоитъ только умѣючи приняться за дѣло, чтобы отыскать дѣйствитель-

1) Напрасно редакція *Вор. Лит. Сб.* говоритъ, что этой пѣсни нѣтъ въ собраніи П. В Кирѣевскаго: она помѣщена тамъ въ нѣсколькихъ варіантахъ, на стр. 7—15, 52—56.

ныя произведенія стариннаго народнаго творчества, а не кучерскія и горничныя передѣлки въ родѣ: «Жила была дѣвушка семнадцати лѣтъ», «Я вечоръ млада во пиру была», «Просилася Лизанька у маменьки погулять» и др.

Изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ *Воронежской Бесѣдѣ*, замѣчательна, по нашему мнѣнію, только пѣсня о казни кн. Долгорукаго, по крайней мѣрѣ — она до сихъ поръ неизвѣстна въ литературѣ, и намъ не приходилось встрѣчать ее въ нашихъ собраніяхъ пѣсенъ; другія же изъ здѣсь помѣщенныхъ пѣсенъ уже извѣстны, и иногда въ лучшихъ варіантахъ. Статья г-жи Кохановской: «Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ», написана по поводу собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ г. Якушкина и въ томъ же самомъ родѣ, какъ и предыдущія статьи этой писательницы, помѣщенныя въ *Русской Бесѣдѣ* на 1860 г. (№ 1 — Нѣсколько русскихъ пѣсенъ, № 2—Остатки боярскихъ пѣсенъ). Это, собственно говоря, рядъ народныхъ пѣсенъ, связанныхъ между собою эстетическими замѣчаніями собирательницы. Въ настоящей статьѣ г-жа Кохановская беретъ на себя задачу нѣсколько потруднѣе: она хочетъ посредствомъ сличеній найти первообразъ пѣсни, искаженной лакейскими передѣлками, и производитъ это надъ нѣкоторыми пѣснями изъ собранія г. Якушкина. Такого рода работа не безполезна и для общихъ литературныхъ соображеній; такъ напр., сличая варіанты пѣсни про Ваньку Ключника, она находитъ, что древнѣйшій первообразъ этой пѣсни «воспѣваетъ и передаетъ въ народную память горькую судьбу добраго молодца, безвинно погибшаго на вольной службѣ у короля»; потомъ пѣсня сокращается «въ широкомъ разбѣгѣ неоглядной пѣсельной мысли», а въ московской передѣлкѣ ея вмѣсто вольнаго служилаго молодца — является княжескій холопъ, выросшій на лжи и запирательствѣ; наконецъ, все мельче и бѣднѣе выражая *историческую печать народнаго духа* (?), она доходитъ до послѣдняго лакейскаго искаженія въ пѣснѣ: «Любила княгиня камеръ-лакея». Вотъ, въ краткихъ словахъ, едва ли не вся исторія нашей бытовой народной поэзіи: постепенный упадокъ, измельчаніе и вырожденіе—основ-

ныя ея черты, и это очень понятно, если вспомнить, что пѣсня есть вѣрный представитель народной жизни, которая не могла похвалиться просторомъ ни въ періодъ татарщины, ни въ эпоху московской гегемоніи, ни въ послѣдующее время. Одно очень важное замѣчаніе дѣлаетъ г-жа Кохановская о русскихъ пѣсняхъ, что въ нихъ встрѣчаются иногда *заимствованія* по бывшимъ украинамъ Русскаго царства. «Малороссійская пѣсня, нѣжная и поэтическая, даетъ иногда изящные тоны простому переливу московско-русской пѣсни». Это обстоятельство первой важности при изученіи этнографіи тѣхъ мѣстностей, гдѣ является помѣсь народностей: оно ясно указываетъ на преобладаніе той или другой народности, и можетъ объяснить многое въ исторіи. Къ сожалѣнію, воронежскія изданія мало способствуютъ къ разъясненію этого любопытнаго вопроса, на который указывала имъ уже самая этнографія ихъ родного края.

Статья: «Очерки повѣрій, обрядовъ, примѣтъ и гаданій въ Воронежской губерніи» (*Вор. Лит. Сб.*) предлагаетъ любопытныя подробности по народной демонологіи; между многими, уже извѣстными, вещами здѣсь можно встрѣтить и кое-что новое. Таково преданіе о происхожденіи домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалокъ, которые будто бы произошли при столпотвореніи вавилонскомъ и были первоначально людьми; Творецъ лишилъ ихъ своего подобія и опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, горы, лѣса и пр. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ, тотъ сдѣлался домовымъ, въ горахъ — горнымъ, въ лѣсу — лѣшимъ (стр. 376). Несмотря на видимую христіанскую оболочку, это любопытное преданіе, по нашему мнѣнію, ясно даетъ разумѣть, что всѣ эти миѳологическія существа были не иное что, какъ геніи мѣста, первобытные владѣтели земли—подобно нѣмецкимъ карликамъ; при появленіи человѣка, они должны были уступить и потому находятся почти всегда въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ людямъ, и послѣдніе должны пріобрѣтать мѣсто умилостивительными жертвами. Эти жертвы первоначально были человѣческія, а потомъ, при большемъ развитіи осѣдлой жизни, —

человѣкъ замѣнился животнымъ и даже плодомъ земнымъ. Вышеприведенное преданіе стоитъ какъ бы на переходѣ отъ древнѣйшаго періода миѳологіи, представителемъ котораго являются только великаны и карлики, къ позднѣйшему, гдѣ появляется и дѣйствуетъ человѣкъ: потому-то и совершилось превращеніе ихъ въ существа зооморѳическія. Неизвѣстный авторъ разбираемой нами статьи помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ заговоровъ отъ истеченія крови, отъ зубной боли и т. д., между которыми особенно одинъ (отъ истеченія крови) бросился намъ въ глаза: «На морѣ океанѣ, на островѣ на буянѣ, дѣвица *краснымъ шелкомъ* шила, шить не стала, руда перестала». Кто, знакомый съ миѳологіей скандинавскихъ племенъ, не увидитъ въ этой дѣвицѣ ту русскую воинственную валькирію, прядующую нити судьбы героевъ, образъ которой уже отчасти былъ намъ извѣстенъ изъ «Слова о полку Игоревѣ»? Чрезвычайно важна также слѣдующая черта обряда моленія о скотѣ: приготовляютъ костеръ и вокругъ него разставляютъ нѣсколько сноповъ разнаго хлѣба и сгоняютъ всю скотину; потомъ, зажегши костеръ, обходятъ его кругомъ до трехъ разъ: мальчикъ съ иконою, за нимъ пожилой крестьянинъ съ водой, которою кропитъ скотъ, далѣе, среди толпы народа, крестьянинъ въ вывороченномъ тулупѣ, и въ заключеніе *старый* крестьянинъ съ топоромъ въ рукахъ. Обошедши костеръ, процессія останавливается, крестьянинъ съ топоромъ выходитъ впередъ и *бросаетъ его черезъ скотъ въ костеръ*. Опять черта тожественная съ миѳологіею скандинавовъ: представитель земледѣльческаго быта, мужикъ *Торъ* — такъ же точно освящаетъ своимъ молотомъ и заключеніе супружескихъ узъ, и смерть, сожженіе на кострѣ. Этими аналогіями мы хотимъ только указать на необходимость сравнительнаго изученія нашей народности съ народностями прочихъ индо-европейскихъ племенъ: такимъ путемъ освѣтится и получитъ смыслъ многое, что до сей поры и темно и странно.

Статья г. Малыхина, о которой мы упоминали выше, есть обстоятельное описаніе только одной мѣстности, Нижнедѣ-

вицкаго уѣзда. Этнографическая часть ея составлена очень хорошо: здѣсь почти весь бытъ крестьянина съ его неизмѣнными и неизбѣжными обычаями, предразсудками и повѣрьями. Мы желали бы поболѣе такихъ описаній для каждой мѣстности, — и русская наука о старинѣ и народности быстро подвинулась бы впередъ. Нужды нѣтъ, что приходилось бы часто повторяться: по крайней мѣрѣ извѣстно было бы, что́ существуетъ и чего нѣтъ въ данной мѣстности, да притомъ между повтореніями всегда можетъ отыскаться что-нибудь новое, какая-нибудь дорогая черта. Такъ напр. и въ статьѣ г. Малыхина, — между множествомъ вещей общеизвѣстныхъ, — какія дорогія новыя черты народнаго быта являются намъ въ обрядахъ, сопровождающихъ рожденіе и погребеніе! Предѣлы статьи не дозволяютъ намъ остановиться на этомъ предметѣ съ должною подробностью, и мы ограничимся указаніемъ на двѣ черты: 1) принявъ младенца отъ родильницы, бабка-повитуха кладетъ его на *тулупъ* или *шубу;* 2) есть повѣрье, что когда умирающій долго томится, то, чтобъ помочь душѣ его выйти изъ тѣла, *нужно приподнять въ потолкѣ матицу*. Послѣдній обычай какъ нельзя лучше объясняетъ намъ, почему при смерти Володимира ночью *разобрали потолокъ и на веревкахъ вынули его тѣло изъ храмины* (*Пол. соб. лѣт.*, 1, 56 стр.); но что́ значитъ первый обычай? И г. Малыхинъ, и авторъ статьи «Очеркъ повѣрій» говорятъ, что шуба есть символъ богатства, и слѣдовательно этотъ обычай ознаменовалъ желаніе, чтобы младенецъ былъ богатъ. Мы думаемъ, что принявъ въ разсчетъ значеніе кожи при гаданіяхъ, при свадьбахъ, при усыновленіи должно распространить значеніе этого символа, какъ священнаго жертвеннника; этимъ обрядомъ, слѣдовательно, новорожденный освящался, поступалъ въ число членовъ семьи, получалъ родовыя права. Весьма любопытны также преданія (стр. 294—295) о превращеніяхъ людей въ звѣрей, столь распространенныя у молоруссовъ.

Двумя народными преданіями: о рѣкѣ Усманѣ и о Кумовой Тягиной ямѣ, заключается этнографическій отдѣлъ *Воронеж-*

скаго Литературнаго Сборника. Обращаясь снова къ *Воронежской Бесѣдѣ*, мы предварительно позволимъ себѣ небольшую замѣтку о методѣ, какимъ иногда пишутся у насъ бытовыя этнографическія статьи. Этотъ методъ, если можно такъ выразиться, романическій: чтобы сообщить разсказу занимательность, авторъ прибѣгаетъ къ пріемамъ изящной словесности и передаетъ факты народной жизни въ изящной романической отдѣлкѣ. Примѣръ такого изложенія представляютъ статьи г. Желѣзнова: «Сказанія Уральскихъ казаковъ», помѣщаемыя въ *Библ. для Чтенія* за текущій годъ; этой же манеры не чужды и нѣкоторыя статьи *Воронежской Бесѣды.* Намъ кажется, что такой способъ изложенія, гдѣ нельзя отличить истину и дѣйствительность отъ лжи и вымысла, — совершенно неумѣстенъ въ наукѣ: наука не гоняется за прихотями вкуса и не боится внѣшней сухости предмета; или писать для легкаго чтенія и тогда оставить всѣ притязанія на серіозныя научныя цѣли, или излагать дѣло просто безъ вычуръ и фигурныхъ украшеній ради пріобрѣтенія *благосклоннаго вниманія публики.*

Этнографическія статьи *Воронежской Бесѣды* обнимаютъ важнѣйшія обстоятельства жизни простолюдина того края. Прежде всего стоитъ свадьба; ея обиходу посвящена статья: «Свадебные обряды малороссіянъ слободы Воронцовки, Павловскаго уѣзда». Какъ бы противоположность ей составляетъ статья: «Малороссійскія похороны въ Подгоренскомъ приходѣ, Острогожскаго уѣзда». Обычаи праздничные описываются довольно подробно въ статьяхъ: «Рождественскія святки у малороссіянъ Павловскаго уѣзда» и «Нѣкоторыя черты изъ вседневной жизни помѣщиковъ Бирюченскаго уѣзда, прошлаго и настоящаго времени». Особенно интересны и важны для исторіи литературы свѣдѣнія, предлагаемыя этими статьями объ остаткахъ древнѣйшаго религіознаго театральнаго кукольнаго представленія, извѣстнаго подъ именемъ *вертепа.* До прошлаго года это любопытное явленіе было извѣстно только по двумъ-тремъ отрывочнымъ извѣстіямъ очевидцевъ; но въ 1860 году, въ книгѣ г. Маркевича: «Обычаи, повѣрья, кухня

и напитки малороссіянъ», напечатана наконецъ (стр. 27 — 64) вся вертепная драма. Свѣдѣнія вышепоименованныхъ статей въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ служить дополненіемъ къ этому; также не безполезны для исторіи литературы и вирши, какія говорятся при рождественскихъ праздникахъ; нѣсколько образцовъ ихъ помѣщено здѣсь во всей ихъ оригинальной неуклюжести и грубости. Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть о статьѣ г. Гаевскаго: «Нѣкоторыя малороссійскія повѣрья». Каково бы ни было достоинство этихъ статей относительно новости матеріала или ученой обработки его, онѣ имѣютъ полное право на сочувствіе современной науки; только на основаніи изученія этихъ, и тому подобныхъ бытовыхъ матеріаловъ будутъ возможны современъ нѣкоторые общіе выводы о русской жизни и русской народности, а безъ этого не будетъ ли всякое историческое построеніе, всякая теорія — храминой, построенной на пескѣ! Къ числу лучшихъ статей *Воронежскаго Сборника* слѣдуетъ также отнести статью г. Никонова: «О благочестивыхъ обычаяхъ и религіозныхъ учрежденіяхъ, существующихъ у жителей Воронежской епархіи». Это прекрасное изложеніе обычаевъ той среды, гдѣ изъ сліянія смягчающихъ христіанскихъ началъ съ народною жизнью вытекли особые нравы и особыя учрежденія, лишенныя первобытной энергіи и отмѣченныя характеромъ двоевѣрія.

По исторіи литературы и общественной жизни отмѣтимъ статьи: г. Данскаго, о Евгеніи митрополитѣ, извѣстномъ дѣятелѣ русскаго просвѣщенія, о Григоріи Савичѣ Сковородѣ (*Ворон. Лит. Сборн.*), и наконецъ прекрасныя статьи (*Ворон. Бесѣды*) г. де-Пуле: «Ал. Вас. Кольцовъ», и г. Веселовскаго: «Историческій очеркъ воронежской гимназіи съ 1785 до 1835 г.», «Письма Ломоносова къ Шувалову», «Нѣчто о воронежскихъ пустосвятахъ и юродивыхъ.»

Статья г. Данскаго о Евгеніи митрополитѣ ввела насъ въ нѣкоторое сомнѣніе: ту же самую статью, только съ небольшою перемѣною словъ и прибавленіями, мы читали въ *Маякѣ* 1843 (т. 10, кн. 20, августъ); тамъ сказано, что она досталась г. Б. І. М.

отъ частнаго человѣка; вѣроятно — этотъ частный человѣкъ г. Данскій, или онъ только воспользовался статьею *Маяка?* Г. де-Пуле почти не касается разбора поэтическихъ произведеній Кольцова; только въ концѣ онъ произноситъ общій приговоръ поэтамъ нашего времени, который (за вычетомъ справедливаго мнѣнія о Крыловѣ) едва ли можетъ быть принятъ безусловно; главное достоинство статьи не въ этомъ, а въ объясненіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ жизни Кольцова и въ постановкѣ его на историческую почву. Не мало въ рѣшеніи этой задачи помогло автору полное отсутствіе приходскаго патріотизма, отъ котораго у насъ не отучились еще многіе и многіе.

Въ заключеніе пожелаемъ воронежскимъ изданіямъ долговѣчности: вѣрный залогъ ея уже есть, — вниманіе къ потребностямъ современной науки о народности; только бы побольше этого вниманія!...

III.

Русскія простонародныя легенды. (,) Д(д)ополненныя (?!!) восмью новыми Спб. IX + 59 стр.

Дополненіе къ русскимъ простонародн. легендамъ и разсказамъ. 34 стр.

Между множествомъ спекуляцій, какими подарила книгопродавческая алчность нашу литературу, начиная отъ изуродованнаго перевода «Исторіи греческой литературы» Мунка, и оканчивая русскими переработками романовъ Поль-де-Кока à l'usage des cochers, — ничто не подѣйствовало на насъ такъ болѣзненно, какъ эта безобразная спекуляція на доброе имя книги, которую хорошо помнятъ наши читатели. Это не только литературное похищеніе, но и то мелкое малодушіе, которое, скрывая плутню, не щадитъ ничего по дорогѣ, уничтожаетъ и уродуетъ дорогія произведенія человѣческаго ума. Неизвѣстный разсказчикъ начинаетъ съ посвященія своего издѣлія его превосходительству Павлу Михайловичу Новосильскому, въ знакъ *искренней признательности;* потомъ предлагаетъ предисловіе. Оно до того куріозно, что стоитъ быть замѣчено: довольно прочесть и его одно, чтобы убѣдиться въ совершенномъ незнакомствѣ разсказчика съ рус-

скимъ народомъ. Вотъ образчикъ: «Сѣдой дѣдушка разсказываетъ своимъ новымъ внучатамъ разныя небылицы, а тѣ (т. е. небылицы!) *розина* (!?) рты, слушаютъ и дивятся чудесамъ, про которыя разсказываетъ дѣдушка. Дѣдушка, говорю я; *а спросили бы меня:* М(м)ного ли *дискать* (?!) тебѣ-то лѣтъ? Что станешь отвѣчать, что скажешъ (ь), вѣдь соврать-то нельзя, надо признаться, что и *я дѣдушка, старъ я*, больно старъ: волосы на моей головѣ бѣлы, какъ снѣгъ ранній, лицо сморщено, туловище сгорбилось, ноги дрожатъ, руки трясутся,... а все отъ старости. Эхъ старость, старость (!) нигдѣ не найдешь такого человѣка, который былъ бы радъ тебѣ, *дряхлой* (!?). Ну да Богъ съ тобой; отойдите отъ меня тяжелыя мысли, нужно *о дѣлѣ* разсказывать, нужно *переговаривать чужія рѣчи* (именно!) слышанныя, *дайко* «я *взле(ѣ)зу на печь* и начну семерымъ своимъ внучатамъ разсказывать: они *тоже разинутъ* рты» и пр. и пр. Что́ это такое, спросите вы? Что́ это за́ приторная поддѣлка подъ народный ладъ, безсмысленная и безграмотная? Къ чему это балаганное кривлянье въ простонародномъ вкусѣ? Но это только увертюра; самая піеса слѣдуетъ далѣе; для составленія ея литературный *Петрушка* придумалъ хорошій рецептъ: онъ взялъ книгу г. Аѳанасьева, повыбросилъ всѣ собственныя имена, посгладилъ всѣ рѣзкія особенности, перетасовалъ всѣ разсказы, такъ что начало одного приходится къ концу другого, и наоборотъ, прибавилъ кое-что изъ *собственнаго воображенія* — и вотъ готовы легенды русскаго народа, *дополненныя восьмью новыми* (противъ чего *дополненныя*?!).

Изъ 24-хъ разсказовъ — 11 переиначены и изуродованы изъ собранія г. Аѳанасьева; изъ остальныхъ къ дѣйствительно народнымъ разсказамъ принадлежитъ только разсказъ *Старичекъ предсказатель:* въ немъ мы находимъ извѣстное и распространенное въ народѣ преданіе о кровосмѣсителѣ, съ которымъ познакомилъ русскую публику г. Костомаровъ (*Соврем.* 1860, № 3). Прочіе же или принадлежатъ къ собственному изобрѣтенію разсказчика, или до такой степени общеизвѣстны, что встрѣча-

ются почти у каждаго, кто только, хотя мимоходомъ, говоритъ о народныхъ предразсудкахъ и вѣрованіяхъ. Стоило ли приводить въ извѣстность, что какой-то чортъ, или лѣшій — обманулъ какого-то портного, заблудилъ его въ лѣсу и т. д. Цѣна тощей книжонки, въ довершеніе всего, назначена 1 рубль серебр.! Вотъ, въ полномъ смыслѣ, — хотя *не дешево, за то сердито!*

Двѣ новыя христоматіи.

I.

Историческая христоматія новаго періода Русской словесности (отъ Петра I-го до нашего времени). Составлена А. Галаховымъ. Т. 1-й (отъ Петра до Карамзина). Спб. 592 стр.

1861.

Въ послѣднее время русская педагогическая литература обогатилась двумя важными, капитальными пріобрѣтеніями по такому отдѣлу, гдѣ всего менѣе чувствительны успѣхи современной науки: мы разумѣемъ науку словесности. Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, составленная г. Буслаевымъ, и историческая христоматія новаго періода русской словесности, составленная г. Галаховымъ, представляютъ съ одной стороны прекрасное доказательство педагогической заботливости начальства военно-учебныхъ заведеній, по порученію котораго эти книги составлены; съ другой — вѣрное ручательство и залогъ правильнаго развитія молодого поколѣнія, для котораго онѣ предназначаются. Дѣйствительно, изъ науки формальной, обращенной преимущественно къ развитію памяти, къ затверживанію наизустъ голаго матеріала, какою была наука исторіи отечественной словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ этого знанія безъ почвы, христоматіи гг. Буслаева и Галахова дѣлаютъ науку положительную, сообщаютъ ей твердыя основанія. Мы сейчасъ пояснимъ нашу мысль. Прежде

и преподаватель исторіи русской словесности, и ученики находились въ истинно-бѣдственномъ положеніи: первый долженъ былъ въ одно и то же время и преподавать предметъ безъ учебника (т. е. читать или даже диктовать), и читать въ классѣ произведенія литературы съ объясненіями. Положимъ, онъ выполнялъ это довольно успѣшно, но каково же было положеніе учениковъ безъ книги подъ руками, внимающихъ чтенію и объясненію текста, иногда темнаго и непонятнаго! Вниманіе утомлено, память безъ нужды обременена; если и встрѣчалось что̀ затрогивающее молодую любознательность, то отрывочно, безъ связи съ предшествующимъ. Не мудрено, что такое чтеніе было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такое знаніе случайно и, по большей части, безплодно; ученикъ сосредоточивался на изученіи курса и, конечно, выносилъ оттуда нѣкоторое знаніе, но чисто-формальное, пригодное развѣ только для развитія памяти въ ущербъ другимъ душевнымъ способностямъ. Теперь съ христоматіями въ рукахъ, составленными тщательно и добросовѣстно, дѣло принимаетъ другой оборотъ: имѣя предъ глазами книгу, ученикъ просто дѣлается внимательнѣе, и объясненіе значенія произведенія, его непонятныхъ мѣстъ, легко и свободно укладывается въ головѣ, развивая и обогащая умъ прочнымъ знаніемъ, образуя вкусъ. Съ такимъ пособіемъ, какъ христоматія, курсъ преподавателя получаетъ свое истинное значеніе: оно обобщаетъ свѣдѣнія, вынесенныя изъ чтенія и разбора произведеній, даетъ имъ систему и стройность—необходимыя условія для существованія науки. Потому-то мы позволили себѣ сказать, что христоматіи гг. Буслаева и Галахова изъ безплоднаго знанія дѣлаютъ науку. Добрые плоды этого не замедлятъ обнаружиться въ нашей педагогикѣ.

Въ ожиданіи подробнаго разбора исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, г. Буслаева — уже приготовленнаго для *Московскихъ Вѣдомостей*, мы скажемъ нѣсколько словъ объ исторической христоматіи новаго періода русской словесности, составленной г. Галаховымъ, преимущественно съ ея педагогической стороны.

Твердо опредѣленная цѣль руководила г. Галахова при составленіи христоматіи: «Христоматія, говоритъ онъ, сообщаетъ учащемуся тотъ необходимый и по возможности полный матеріалъ, безъ котораго нельзя имѣть опредѣленнаго понятія ни о характерѣ сочиненій того или другого писателя, ни о сущности того или другаго литературнаго направленія». Такъ какъ христоматія предназначена въ пособіе къ изученію исторіи словесности, то она и расположена хронологически, со времени появленія сочиненій или жизни писателей. Первое и самое главное условіе, представляющееся здѣсь педагогу, — чтобы христоматія заключала въ себѣ все существенное, необходимое и не содержала бы чего-нибудь лишняго, могущаго своими подробностями праздно обременить молодой умъ, не сообщая ему никакого положительнаго знанія, не принося ему никакой существенной пользы. Это самый главный вопросъ, и, нужно признаться, самый труднѣйшій: какъ установить границы и положить предѣлы между существеннымъ и несущественнымъ, важнымъ или необходимымъ и случайнымъ? Несмотря на свою педагогическую опытность, г. Галаховъ, ясно понимая современныя требованія отъ науки исторіи литературы, не рѣшился довѣриться одному педагогическому и литературному такту: при рѣшеніи вышеобозначенной трудности, онъ принялъ мѣриломъ историко-литературное значеніе писателя. Его Христоматія — не книга для первоначальнаго обученія, не собраніе образцовъ только изящнаго слога съ цѣлями практическими, а матеріалъ для науки; потому и въ выборѣ писателей и произведеній онъ послѣдовалъ требованіямъ научнымъ. «Изъ сочиненій какого-либо писателя, говоритъ составитель христоматіи — вошли въ нее наиболѣе характеристичныя, которыя отличаютъ его, какъ особаго дѣлателя, въ ряду другихъ авторовъ и по которымъ онъ занялъ мѣсто въ исторіи литературы». Кромѣ литературнаго достоинства, г. Галаховъ принялъ въ разсчетъ и историческое значеніе писателя, и потому онъ не только внесъ въ христоматію писателей, пользовавшихся въ свое время громкою извѣстностью и имѣвшихъ вліяніе на современниковъ,

но въ *примѣчаніяхъ* удѣлилъ даже мѣсто историко-литературному опредѣленію характера и направленія писателя съ точки зрѣнія его современниковъ. «Многіе приговоры ихъ, по его словамъ, о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненій отличаются замѣчательною вѣрностью. Если наука не всегда видитъ въ ихъ отзывѣ сознательное опредѣленіе литературнаго фонда, то этотъ отзывъ всегда уважителенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго фактомъ. Ни исторія литературы, ни христоматія не имѣютъ права пренебрегать имъ: одна обязана объяснить причину громкой молвы, сопровождавшей какое-либо сочиненіе, другая — отвести ему мѣсто на своихъ страницахъ, какъ такому, современное значеніе котораго не подлежитъ сомнѣнію». Пріемъ не только вѣрный, но въ наукѣ единственно возможный! Иначе изъ-подъ ногъ ускользнетъ почва, оставится безъ вниманія самое главное, самое существенное — историческое значеніе писателя, и педагогъ очутится на соблазнительно-обманчивой тропѣ эстетической оцѣнки, которая и для нашей современности нетверда, а въ примѣненіи къ писателямъ прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка совершенно несостоятельна и несправедлива. Произведеніе самородное, прямо вытекшее изъ жизненныхъ условій, не помутившихся въ своихъ основныхъ началахъ, еще можетъ быть предметомъ художественной оцѣнки; но явленія литературы подражательной, интересы которой сошли съ широкаго народнаго поля — сузились около небольшой горсти личностей — такія явленія не допускаютъ никакой другой оцѣнки, кромѣ исторической. Что́, напримѣръ, художественнаго въ одахъ Ломоносова, въ комедіяхъ Сумарокова, трагедіяхъ Княжнина, одахъ и другихъ произведеніяхъ Державина? Попробуйте приложить къ нимъ законы (каковы бы ни были эти законы!) эстетической критики, и вы неминуемо засудите эти подражательные фальцеты, это жалкое подобіе какой-то грудной, но не нашей музыки. А между тѣмъ эти произведенія имѣли въ свое время огромное вліяніе и значеніе, и говорить о нихъ помимо этого значенія невозможно уже и потому, что въ этомъ ихъ существенный смыслъ,

этою стороною они только и входятъ въ науку. Мы повторяемъ вещи извѣстныя: относительно обработки исторіи новой русской словесности это, кажется, признано всѣми, но до сихъ поръ, сколько мы припомнимъ, никѣмъ не формулировано такъ отчетливо и строго, какъ г. Галаховымъ въ предисловіи къ его «Христоматіи». Мало того, онъ идетъ далѣе: «Не только голосъ людей, стоявшихъ близко къ литературному памятнику, но воззрѣнія на него послѣдующихъ эпохъ христоматія обязана принимать къ свѣдѣнію, ибо одинъ и тотъ же памятникъ для разныхъ поколѣній представляетъ разный интересъ. Современная обстановка сочиненія часто теряетъ свою прелесть и даже смыслъ въ дальнѣйшее время. Политическія и общественныя отношенія, среди которыхъ оно выросло и которыя въ немъ отразились, становятся на второй планъ или и совсѣмъ скрываются изъ виду, такъ что для точнаго ихъ уразумѣнія оказывается нужда въ комментаріи. Старое сочненіе нравится новымъ людямъ не тѣмъ, чѣмъ нравилось прежде, а другими сторонами, сообразно тяготѣнію времени къ извѣстнымъ предметамъ. Историческое значеніе уступаетъ мѣсто дидактическому, или чисто-литературному началу. Читатель дорожитъ красотою слога или силою мысли, независимо отъ тѣхъ отношеній, которыми произведеніе связывалось съ минувшею дѣйствительностью». Что изъ этого выиграетъ наука — это ясно: только такимъ путемъ можно дать ей прочныя основы, поставить ее на историческую почву, а потому, мы думаемъ, независимо отъ педагогическаго значенія, какъ главной своей цѣли — «Историческая Христоматія» г. Галахова можетъ имѣть и значеніе *ученое*.

Мы разсмотримъ ее съ этихъ двухъ сторонъ.

Такъ какъ мѣрою при опредѣленіи состава христоматіи служитъ историческое значеніе писателя и христоматія подкрѣпляетъ данныя, предлагаемыя исторіею русской словесности, то и каждое положеніе послѣдней должно находить свое оправданіе въ первой. Пока еще не явился въ свѣтъ учебникъ исторіи русской словесности древней и новой, составленный также г. Галаховымъ,

мы едва ли вправѣ входить въ подробное разсмотрѣніе матеріала «Христоматіи» относительно полноты: намъ неизвѣстны ближайшія причины, по которымъ составитель опустилъ одно и внесъ другое; все это опредѣлится учебникомъ, къ которому «Христоматія», на этотъ разъ, представляетъ только прибавочную оправдательную статью... Мы должны ограничиться главными положеніями, которыя вошли въ исторію русской словесности, какъ фактъ, всѣми признанный, и, такъ сказать, по нимъ повѣрить «Христоматію». Въ этомъ отношеніи книга г. Галахова не только полнѣе и удовлетворительнѣе всего доселѣ существовавшаго, но и представляетъ собою такую полноту, къ какой не пріучили насъ *первые опыты* (книга г. Галахова есть *первая* историческая христоматія новаго періода русской словесности). Въ ней находитъ мѣсто почти каждое литературное явленіе, на которомъ наука останавливается съ должнымъ вниманіемъ, какъ на явленіи важномъ, имѣющемъ историческое значеніе; таковы литературныя произведенія Петровскаго времени, которыя, въ полномъ смыслѣ слова, въ первый разъ заносятся въ педагогическую книгу; таковы отрывки изъ мемуаровъ, сатирическихъ журналовъ, путешествій и т. д. Въ выборѣ произведеній писателей извѣстныхъ составитель всегда умѣетъ остановиться на произведеніяхъ дѣйствительно характеристическихъ, «отличающихъ писателя какъ особаго дѣятеля въ ряду другихъ авторовъ и по которымъ онъ занялъ мѣсто въ исторіи литературы»; иногда встрѣчаются въ «Исторической Христоматіи» и произведенія новыя, до сихъ поръ извѣстныя только ученымъ изслѣдователямъ исторіи нашей новой словесности, но тѣмъ не менѣе замѣчательныя и важныя въ историко-литературномъ отношеніи, каковы: комедіи Лукина, Ефимьева, Клушина, Плавильщикова, комическая поэма Майкова «Елисей» и мн. др. Вообще въ педагогическомъ отношеніи «Христоматія» г. Галахова одна способна замѣнить всякое другое чтеніе въ классѣ исторіи русской литературы. Достоинство не малое, ясно свидѣтельствующее, какъ объ обдуманной зрѣлости труда, такъ и о педагогическомъ тактѣ составителя; но изъ ува-

женія къ такимъ почтеннымъ качествамъ мы не позволимъ себѣ умолчать о томъ, что́, по нашему мнѣнію, опущено г. Галаховымъ, вопреки основнымъ положеніямъ науки.

Извѣстно, какимъ важнымъ матеріаломъ для опредѣленія преобразованій, совершонныхъ Ломоносовымъ въ русской рѣчи, служатъ его сочиненія филологическія: «О пользѣ чтенія книгъ церковныхъ», «Россійская грамматика» и др. Учебникъ, опредѣляющій значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы, неизбѣжно долженъ коснуться этихъ трудовъ; но въ «Исторической Христоматіи» ученикъ не найдетъ оправданія положеніямъ учебника. Также оставлены безъ вниманія и историческіе труды Ломоносова, тогда какъ трудамъ его по естествовѣдѣнію отведено такое широкое мѣсто! Изъ прозы Сумарокова, по нашему мнѣнію, не мѣшало бы помѣстить выдержки изъ статей о правописаніи, объ истребленіи чужихъ словъ изъ языка русскаго, о коренныхъ словахъ языка русскаго, также и изъ историческихъ и критическихъ его сочиненій, весьма важныхъ для исторической оцѣнки литературы того времени. Отъ Сумарокова идетъ та лингвистическая школа, представителемъ которой является впослѣдствіи Шишковъ и которая не исчезла еще и понынѣ: христоматія и учебникъ должны объяснить причину и начало такого явленія. Многополезная и разнообразная литературная дѣятельность Новикова въ «Христоматіи» едва помянута, а между тѣмъ онъ былъ едва ли не первымъ основателемъ той науки, которой служитъ и «Историческая Христоматія». Въ учебникѣ ученикъ найдетъ обширную оцѣнку литературной дѣятельности и стремленій Новикова, а въ «Христоматіи» только небольшую выдержку изъ «Живописца». Также остался безъ вниманія и знаменитый письмовникъ Курганова, прямо роднящій литературу XVI, XVII вѣковъ съ XVIII, и потому чрезвычайно важный въ историко-литературномъ отношеніи. Составитель выходилъ прямо къ литературѣ народной и ея переднякамъ, отсутствіе чего весьма ощутительно въ такой полной и стройной книгѣ, какъ «Историческая Христоматія» новаго

періода русской словесности. Отрицать существованіе и нѣкоторую жизнь этой контрабанды русской литературы, въ продолженіе XVIII вѣка, невозможно, и помѣщеніе въ Христоматіи такихъ произведеній, какъ сказки (по лубочнымъ текстамъ) передняка Чулкова и другихъ, желательно и необходимо, какъ для опредѣленія господствовавшихъ литературныхъ понятій о народности, такъ и для того, чтобы исторію новой нашей словесности вывести когда-нибудь изъ тѣсной сферы *высшаго* общества на болѣе широкую народную почву. Въ «Христоматіи» помѣщены по большей части все отрывки, и избѣжать этого, конечно, нельзя, если не желаешь учетверить книку въ объемѣ; но мы позволимъ себѣ думать, что лучше бы было опустить что-нибудь не особенно важное, а главнѣйшее представить въ его цѣлостномъ образѣ, ибо безъ пониманія цѣлаго едва ли возможна литературная оцѣнка произведенія.

Этимъ, впрочемъ, и оканчиваются наши немногія замѣтки; во всемъ остальномъ отдадимъ полную справедливость г. Галахову: онъ предупреждаетъ всѣ требованія, отвѣчаетъ на всѣ запросы. Достоинства «Исторической Христоматіи» выказываются еще ярче, когда мы перейдемъ на почву чисто-практическую примѣнительно къ преподаванію въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ собственно и назначается книга.

«Историческая Христоматія» назначается какъ пособіе при преподаваніи исторіи русской словесности. Послѣдняя проходится въ 1-мъ спеціальномъ классѣ кадетскихъ корпусовъ; но существуетъ еще курсъ высшій, назначенный для практическихъ упражненій по русской словесности, т. е. для сочиненій на заданную тему. Въ классѣ русской словесности естественнѣе всего избирать и темы по этому же предмету. Христоматія г. Галахова въ этомъ случаѣ является неоцѣнимою книгой: для воспитанника она замѣняетъ цѣлую библіотеку. Въ предыдущемъ курсѣ, проходя всю исторію русской словесности, ученикъ не могъ съ достаточнымъ вниманіемъ остановиться на примѣчаніяхъ, которыми обильна «Историческая Христоматія»: онъ довольствовался

прочтеніемъ текста и только за необходимыми объясненіями прибѣгалъ иногда къ примѣчаніямъ; въ полной мѣрѣ онъ воспользуется ими только въ классѣ практическихъ упражненій. Имѣя въ рукахъ учебникъ и христоматію, онъ имѣетъ все необходимое для самостоятельной, отчетливой работы: и правильную точку зрѣнія, и современную обстановку писателя, и наконецъ литературныя и библіографическія указанія изданій ученыхъ трудовъ. Кто занимался преподаваніемъ, тотъ знаетъ, какъ должна облегчиться работа и ученика и преподавателя при существованіи такихъ условій: она становится спорѣе, потому что сберегается главная часть труда и времени, прежде тратившаяся на подыскиваніе пособій и источниковъ; ученикъ можетъ, что называется, найтись въ матеріалѣ, осилить его; а это одно уже представляетъ могущественный стимулъ, ободряющій при дальнѣйшемъ трудѣ. Однимъ словомъ, «Историческая Христоматія» г. Галахова — не только пособіе при изученіи исторіи новой русской литературы, но и прекрасное руководство при практическихъ занятіяхъ по этому предмету, безъ чего, по нашему мнѣнію, самое изученіе курса не можетъ принести прочныхъ педагогическихъ результатовъ.

Выше мы упомянули о преподавателяхъ: для нихъ, какъ и для образованной публики, книга г. Галахова можетъ имѣть значеніе *ученое*, и опять по своимъ богатымъ примѣчаніямъ; въ нихъ находимъ мы всѣ необходимыя свѣдѣнія о лицѣ писателя, судьбѣ его произведеній, полезныя библіографическія указанія, объясненія текста и, наконецъ, матеріалы для исторической оцѣнки писателя. Здѣсь каждый, занимающійся исторіей новой русской словесности (о преподавателяхъ мы уже и не говоримъ — они часто нуждаются и въ самомъ необходимомъ), скажетъ истинное спасибо составителю, у котораго, между многимъ извѣстнымъ, всегда встрѣтится и что-нибудь новое, какое-нибудь полезное разысканіе. Мы пожелали бы только поболѣе библіографическихъ указаній отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей, которыя у насъ во множествѣ гибнутъ даромъ и часто незаслуженнымъ

образомъ. При этомъ кому же, какъ не г. Галахову, слѣдуетъ опредѣлить и достоинство такихъ трудовъ, ихъ цѣнность — да не соблазнится единый отъ малыхъ сихъ. Мы говоримъ это по тому поводу, что и въ примѣчаніяхъ г. Галахова встрѣчаются иногда библіографическія указанія на сочиненія людей, занимавшихся тѣмъ-же предметомъ; но они очень неполны и стоятъ безъ критической оцѣнки. Почему бы, напримѣръ, говоря о существованіи статьи г. Стоюнина о Княжнинѣ, не упомянуть и о знакомыхъ г. Галахову критическихъ замѣчаніяхъ на нее г. Сто-Одного. Впрочемъ, быть-можетъ, все это мы найдемъ въ давно обѣщанномъ учебникѣ исторіи русской словесности, древней и новой: какъ для учащихся, такъ и для учащихъ польза отъ этого была бы великая.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о редакціи I-го тома «Исторической Христоматіи». Мы приведемъ собственныя слова составителя.

«Бо́льшая часть сочиненій, вошедшихъ въ первый томъ Христоматіи, напечатана по первымъ ихъ изданіямъ, которыми я пользовался въ библіотекахъ: Императорской Академіи Наукъ... Къ позднѣйшимъ изданіямъ я прибѣгалъ въ томъ случаѣ, когда они были исправнѣе начальнаго... Во многихъ статьяхъ перваго тома передана въ точности орѳографія ихъ подлинниковъ. Но неуклонно держаться этого правила—значило бы безполезно затруднять чтеніе книги. Поэтому, оставляя неприкосновеннымъ содержаніе текста, со всѣми особенностями его языка и слога, я замѣнялъ старинную орѳографію новою и разставлялъ въ надлежащихъ мѣстахъ знаки препинанія, которыхъ вовсе не было или которые не подчинялись никакой твердой системѣ... Главнѣйшіе варіанты заимствованы изъ первыхъ или позднѣйшихъ изданій, смотря по тому, какое изданіе положено основнымъ текстомъ.»

Эти правила, положенныя въ основу изданія, лучше всего говорятъ за зрѣлую обдуманность добросовѣстнаго труда г. Галахова, и намъ остается только пожелать скорѣйшаго выхода 2-го тома; о пользѣ ихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи: они при-

несутъ ее, какъ приносила и приноситъ пользу вся литературная дѣятельность г. Галахова.

II.

Для чтенія и разсказа. Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Сост. П. Басистовымъ. М. IV, 361 стр.

Считаемъ обязанностью сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ не ради одного счета, не для внѣшней полноты нашего обозрѣнія, а потому, что она, по словамъ составителя, представляетъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ другихъ подобныхъ сборниковъ. Отличія эти заключаются не столько въ выборѣ новыхъ піесъ, сколько въ мысли, руководившей выборомъ. Мысль эта — чрезвычайно плодотворна: въ первый разъ, если не ошибаемся, здѣсь получаетъ педагогическія права народная поэзія, потому что «самый обширный отдѣлъ книги посвященъ сказкамъ. Это сдѣлано, по словамъ составителя, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) книга для первоначальнаго чтенія должна прежде всего пріохотить ребенка къ чтенію, а замѣчено, что ни за что не принимаются дѣти съ такою охотой, какъ за сказки; 2) упражненіе въ пересказываніи прочитаннаго должно начаться съ вещей самыхъ простыхъ, совершенно доступныхъ пониманію ребенка, и въ этомъ отношеніи также ничего не можетъ быть удобнѣе сказокъ. Всякая другая статья требуетъ уже нѣкотораго навыка и напряженнаго вниманія въ смыслъ прочитаннаго, а сказку перескажетъ безъ особеннаго затрудненія и начинающій». Мысль совершенно вѣрная! Мы замѣтимъ только, что сказка сказкѣ рознь: для иного ребенка нѣкоторыя сказки уже не представляютъ интереса по своей наивности и простотѣ, болѣе взрослымъ и развитымъ необходимы уже болѣе сложныя происшествія; интересъ къ содержанію растетъ съ годами, а потому необходимо и сообразное расположеніе сказокъ. Г. Басистовъ очень хорошо понималъ это. Онъ расположилъ сказки, если такъ можно выразиться, по возрастамъ: сначала идутъ простѣйшія, содержаніе которыхъ взято изъ животнаго эпоса, потомъ слѣдуютъ сказки и пѣсни о богатыряхъ:

Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Семи Семенахъ и т. д. На основаніи такой постепенности, мы полагаемъ, не худо бы было помѣстить и нѣкоторыя сказки переводныя рыцарскія, рано успѣвшія получить народный оттѣнокъ. По опыту мы знаемъ, какое привлекательное чтеніе для ребенка представляютъ эти сказки, незатѣйливое романическое содержаніе которыхъ такъ близко подходитъ къ степени его умственнаго развитія.

За сказками слѣдуютъ статьи изъ русской исторіи, изъ русской природы и быта, также доступныя молодому пониманію и способныя возбудить въ ребенкѣ интересъ къ чтенію. Составитель ограничился однимъ русскимъ матеріаломъ: «Мнѣ хотѣлось, говоритъ онъ, чтобы первыя впечатлѣнія ребенка роднили его съ нашимъ роднымъ языкомъ и бытомъ, съ нашей природой и исторіей; я желалъ, чтобы любознательность ребенка, при первомъ своемъ пробужденіи, остановилась на своемъ, а не на чужомъ. Мнѣ казалось, что у насъ это нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо». Требованіе прекрасное, но слишкомъ строгое: придетъ время, и ребенокъ дѣйствительно познакомится съ своимъ роднымъ, и не только путемъ чтенія, но и путемъ жизни, а покамѣстъ почему не дать ему и хорошаго переведеннаго разсказа, каковы напр. сказки Андерсона. Главная цѣль подобной христоматіи есть возбужденіе любви и охоты къ чтенію, развитіе посредствомъ чтенія, а полагать такое рѣзкое различіе между *нашимъ и не нашимъ* въ этомъ возрастѣ какъ-то преждевременно. Относительно разсказовъ, заимствованныхъ изъ русской исторіи, изъ русской природы и быта, повѣстей и анекдотовъ, басенъ, пословицъ и загадокъ, это еще имѣетъ смыслъ, но что̀ русскаго въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Солнце и мѣсяцъ» г. Полонскаго, «Птичка», «Перелетная птичка», «Зимній вечеръ» Пушкина, «Птичка» Туманскаго? Развѣ только то, что они сочинены русскими. Къ тому же въ самой «Христоматіи» есть небольшая непослѣдовательность этому началу: такъ мы находимъ тамъ и піесы переводныя, каковы: «Конь», Пушкина, «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ», Жуковскаго, вся сложенная по нѣмецкимъ сказкамъ. Это

непослѣдовательность со стороны издателя; но, по нашему убѣжденію, непослѣдовательность не во вредъ. Зачѣмъ стѣснять себя патріотическими ограниченіями? Здѣсь все хорошо, коли достигаетъ цѣли; а книга г. Басистова дѣйствительно достигаетъ своей цѣли: она будитъ и шевелитъ молодую любознательность, возбуждаетъ интересъ къ чтенію; все это качества рѣдкія въ нашихъ книгахъ для чтенія, страдающихъ или невыносимою сухостью, или балаганными усиліями заинтересовать и развлечь молодую голову.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Отъ хорошей дѣтской христоматіи требуются, по возможности, піесы полнаго содержанія, заключающія въ себѣ нѣчто цѣлое, оконченное, удовлетворяющее ребенка вполнѣ; поэтому нѣтъ ничего ложнѣе правила брать отрывки безъ начала и конца, гдѣ не знаешь, откуда что́ взялось и къ чему идетъ; каково бы ни было литературное достоинство того отрывка, онъ останется для ребенка мертвою буквою, понапрасну раздражающею его любопытство. Въ книгѣ «Для чтенія и разсказа» мы встрѣчаемъ иногда такой недостатокъ: приводится, напримѣръ, отрывокъ изъ повѣсти г-жи Кохановской «Послѣ обѣда въ гостяхъ», изображающій смерть и похороны Чернаго, отрывокъ — точно художественный; но ребенку онъ рѣшительно не понравится, потому что стоитъ безъ связи съ предыдущимъ, не удовлетворяетъ первымъ логическимъ вопросамъ: какъ и отчего все это случилось? что́ за люди, здѣсь дѣйствующіе? Нельзя ли и здѣсь приложить тотъ пріемъ, который съ такимъ успѣхомъ употребилъ г. Басистовъ въ отдѣлѣ сказокъ, т. е. предпослать хотя самое краткое изложеніе содержанія предыдущаго, а то и Любовь Архиповна, и Черный, и многіе другіе точно падаютъ съ неба! Впрочемъ, такихъ безсвязныхъ отрывковъ въ христоматіи г. Басистова очень немного.

Старина и народность за 1861-й годъ.

1862.

Имѣя въ виду предложить библіографическое обозрѣніе важнѣйшихъ литературныхъ явленій по русской старинѣ и народности за истекшій годъ, мы руководимся тою мыслью, что такой пересмотръ всегда дѣло не лишнее. Служа матеріаломъ для исторіи науки въ данное время, онъ можетъ быть пригоденъ и какъ справочная указательная статья. Правда, по горячимъ слѣдамъ появленія какого-нибудь важнаго труда трудно бываетъ опредѣлить степень его значенія для науки: это дѣло времени; но уже одно напоминаніе о немъ, въ связи съ вопросами, къ нему относящимися и имъ возбужденными, можетъ вызвать интересъ къ ближайшему ознакомленію съ предметомъ, быть-можетъ и къ измѣненію прежнихъ понятій о немъ.

Прежде всего — объ объемѣ нашего обозрѣнія: по необходимости мы должны ограничиться только важнѣйшими явленіями, и потому въ него не войдутъ ни статьи летучихъ газетъ, ни матеріалы, обнародованные въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Для такого труда у насъ нѣтъ, покамѣстъ, средствъ; равнымъ образомъ мы не коснемся области исторіи политической и церковной, области права и общественной экономіи: для этого у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Наша цѣль гораздо проще: мы желали бы указать только на тѣ явленія науки, которыя относятся къ сферѣ культуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, къ художественной и литературной дѣятельности народа. Одно непріятное недоразумѣніе заботитъ насъ и стоитъ, такъ сказать, у входа нашего обозрѣнія. Намъ должно устранить его. Напуганная свободою нѣкоторыхъ сравнительныхъ сближеній, современная наша литература подозрительно взглянула и на самый сравнительный

методъ и упрекнула его въ отсутствіи критическаго такта и въ совершенномъ произволѣ. Можетъ-быть, для частныхъ случаевъ это обвиненіе справедливо, но распространенное вообще на сравнительный методъ—оно хочетъ отнять у науки едва ли не самое значительное ея пріобрѣтеніе, благодаря которому историко-филологическія изслѣдованія получили твердую, реальную почву, и изъ празднаго, случайнаго знанія—стали на степень положительной науки. Если всеобщій интересъ къ изученію народности и старины не есть интересъ мимолетный и пустой, если такая наука не безплодна для жизни, то и сравнительно-историческій методъ, какъ единственный прямой путь къ уразумѣнію основныхъ началъ народности, не только имѣетъ право на существованіе, но и представляется исключительною необходимостью.

Народность, въ данный моментъ времени, есть столько же и прирожденное (конечно, не въ смыслѣ фатализма) свойство народа, сколько и результатъ его исторіи, итогъ всего прожитаго; потому истинное знаніе и пониманіе народности пріобрѣтается только путемъ историческимъ и сравненіемъ элементовъ ея съ подобными же началами другихъ народовъ. Не говоря уже о собственно исторической эпохѣ, для времени, ей предшествующаго, сравнительный методъ — единственно мыслимый и вѣрный; безъ него нельзя рѣшить перваго и самаго главнаго вопроса этнологіи: какимъ путемъ шло обособленіе извѣстнаго народа, что́ у него общаго съ другими и что́ своего, что́ изъ общаго капитала онъ передѣлалъ впослѣдствіи и какъ, подъ вліяніемъ какихъ условій и обстоятельствъ. Общіе выводы о народномъ характерѣ, о нравственной физіономіи народа, *о своемъ и чужомъ*, и вообще о всѣхъ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ слагается народность — только и возможны на основаніи подобныхъ сравнительныхъ изслѣдованій. Какъ бы ни были мѣтки отдѣльныя психологическія наблюденія надъ народнымъ характеромъ, — сами по себѣ они не могутъ имѣть той научной прочности и того значенія, какое даетъ имъ сравнительный методъ. Что́ изъ того, что изслѣдователь отмѣтитъ двѣ-три оригинальныя черты извѣстной народности? Для науки

важна причина ихъ появленія, ихъ историческій ростъ; а опредѣленіе этого послѣдняго только и возможно путемъ сравнительно-историческимъ; потому, признавая всю историческую важность попытки г. Костомарова опредѣлить коренныя отличія велико-русской и южно-русской народности [1]), мы не можемъ не пожелать, чтобы даровитый изслѣдователь подтвердилъ свои заключенія путемъ сравнительнаго анализа явленій внутренняго быта (языка, религіи, нравовъ и обычаевъ), о которыхъ онъ говоритъ лишь вскользь или же въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ. Образованіе народнаго характера лежитъ, такъ сказать, за предѣлами событій историческихъ, помѣченныхъ годами и днями; а потому едва ли не слишкомъ смѣло въ послѣднихъ находить полное объясненіе первому: кто не знаетъ, какъ многія событія офиціальной исторіи проходятъ даромъ для народной жизни, идущей своимъ не громкимъ и, такъ сказать, домашнимъ путемъ? Эта-то внутренняя область, движеніе которой едва примѣтно, и составляетъ настоящую истинную почву, на которой выводитъ свое зданіе этнологъ, и которая для него должна служить главнымъ матеріаломъ, и намъ кажется, что при большемъ вниманіи къ явленіямъ внутренняго народнаго быта, при большей ученой осторожности и руководствѣ сравнительнымъ методомъ, иныя блестящія соображенія г. Костомарова получили бы значеніе несомнѣннаго историческаго факта, иныя бы измѣнились или совершенно уничтожились, какъ поспѣшныя и несостоятельныя [2]). Обращаясь къ сравнительному методу, мы замѣтимъ, что и въ исторіи поэзіи и литературы онъ не менѣе необходимъ: вопросъ о происхожденіи, значеніи и смыслѣ извѣстнаго явленія помимо его рѣшенъ быть не можетъ, если не захотимъ объяснять все случаемъ да прихотью или капризомъ фантазіи.

---

1) *Основа*, 1861, № 3: «Двѣ русскія народности».

2) *Основа*, ibidem. Статья «Черты *народной* южно-русской исторіи». Отсутствіемъ ученой осторожности и литературной критики мы объясняемъ себѣ всѣ тѣ выводы о *народной* исторіи, которые извлечены авторомъ изъ сочиненій *переводныхъ*. См. стр. 46—53 отдѣльнаго оттиска.

Правда, не вездѣ еще и не во всемъ сравнительно-историческій методъ твердо сталъ на ноги: не только у насъ, но и въ западной наукѣ еще не рѣдки произвольныя, ни на чемъ не основанныя сближенія и толкованія; но достаточно прочесть любое сочиненіе котораго-либо изъ представителей современной науки, чтобы убѣдиться въ строгой, почти математической, правильности сравнительнаго метода, правильности, уничтожающей всякую мысль о произволѣ. Abusus non tollit usum — и изъ того, что существуютъ плохіе этнографы и филологи, слѣдуетъ ли отрицать пользу этнографіи и филологіи вообще?

Переходимъ къ самому предмету, и начнемъ съ эпохи отдаленнѣйшей, чтобы потомъ перейти ко времени, болѣе къ намъ близкому.

I.

«Изъ всѣхъ отраслей славянской археологіи, ни одна не находится въ такомъ полномъ пренебреженіи, какъ миѳологія этихъ многочисленныхъ племенъ. Причины такого явленія различны. Прежде всего — матеріалы для подобнаго труда нигдѣ такъ не разбросаны, такъ ни скрыты, и такъ мало ни извѣстны, какъ на этомъ полѣ науки. Чтобы воздѣлать его, сначала нужно усидчиво выбирать пособія изъ массы самыхъ разнородныхъ сочиненій, и потомъ, положимъ, что всѣ эти пособія дѣйствительно будутъ у насъ въ рукахъ, все же они дадутъ неполный образъ, пока еще не обнародованы древнѣйшіе, доселѣ неизвѣстные, источники славянскихъ племенъ».

Такими словами, лѣтъ за двадцать предъ симъ, началъ Бернгарди свои *Основанія Славянской миѳологіи*[1]).

Несмотря на то, что съ этого времени наука о старинѣ и народности далеко шагнула впередъ, слова Бернгарди и теперь ни мало не утратили своей истины: доисторическая эпоха сла-

1) Bausteine zur slavischen Mythologie, помѣщ. въ Jordan's Jahrbücher für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1843 г., стр. 336.

вянства, эта важная эпоха жизни народа, когда слагались и устанавливались его обычаи, нравы, все, что́ называемъ мы именемъ народности, эта эпоха еще представляется глазамъ наблюдателя въ образахъ туманныхъ, неопредѣленныхъ, допускающихъ всякія произвольныя гаданія. Торопясь подвести общіе итоги, изслѣдователи обходятъ мелочную, но необходимую разработку матеріала, и не удивительно, что результаты такихъ трудовъ болѣе дѣлаютъ чести фантазіи и воображенію ихъ авторовъ, чѣмъ современной русской наукѣ о старинѣ и народности. Если же къ этому прибавятся поверхностный дилетантизмъ и *заднія мысли*, которыми хронически страдаютъ нѣкоторые наши изслѣдователи, то дѣло принимаетъ характеръ менѣе невинный: публика, всегда привыкшая измѣрять *годность* науки наличнымъ капиталомъ ея, колеблется въ своемъ довѣріи и готова обвинить науку въ совершенномъ отсутствіи серіознаго содержанія. Истекшій годъ представилъ намъ въ этомъ родѣ нѣсколько разительныхъ примѣровъ, и первое мѣсто принадлежитъ книгѣ покойнаго Д. Щепкина *Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія*[1]). Такъ какъ вопросъ идетъ не столько о русской миѳологіи, сколько о методѣ ея обработки, то мы считаемъ не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Два направленія особенно рѣзко обозначаются теперь въ разработкѣ народной миѳологіи: одно, если можно такъ выразиться, психологическое, другое — бытовое или историческое. Первое стремится объяснить происхожденіе, начало извѣстнаго миѳическаго представленія въ связи съ народною психологіей: путемъ сравнительнаго анализа миѳическихъ образовъ и языка родственныхъ племенъ, оно освобождаетъ миѳъ отъ превращеній времени и вполнѣ достигаетъ своей цѣли, когда доходитъ до простѣйшаго психологическаго представленія, вызваннаго извѣстными явленіями окружающей природы. Но сколь бы ни были важны ре-

1) Первый выпускъ (134 стр.), Москва, 1859 г.; второй (179 стр.), Москва, 1861 г. 8°.

зультаты такого способа изученія миѳологіи для народной психологіи (Völkerpsychologie), оно не удовлетворяетъ историка своею отвлеченностью: оно слишкомъ мало интересуется постепеннымъ историческимъ измѣненіемъ вѣрованій, сообразно измѣненію народнаго быта и условій жизни, и потому можетъ служить только началомъ, точкою отправленія для *бытового* или *историческаго* способа обработки народной миѳологіи. Исторія народа не съ тѣхъ поръ началась, какъ появились о немъ письменныя или монументальныя извѣстія: задолго до этого времени сложился народъ въ одно цѣлое, связанное единствомъ языка, религіи, нравовъ и обычаевъ. Эти начала полагаютъ прочное основаніе событіямъ и явленіямъ эпохи исторической, но не слѣдуетъ думать, что они, установившись одинъ разъ навсегда, пребывали въ народной жизни неподвижно и неизмѣнно: съ измѣненіемъ народнаго быта измѣнялись и они, старое являлось въ обновленномъ видѣ, возникали и новые обычаи, новыя вѣрованія, соотвѣтствующія новымъ условіямъ жизни. Народная жизнь не стояла неподвижно: если для человѣка той эпохи всѣ обстоятельства жизни опредѣлялись неизмѣннымъ, установившимся обычаемъ, все шло по старинѣ и преданію, и онъ, увлеченный этой жизнью, не могъ опознаться и не чувствовалъ измѣненій ея, то для историка, объемлющаго своимъ взглядомъ цѣлыя крупныя эпохи, измѣненія народнаго быта слишкомъ очевидны и ясны, тѣмъ болѣе, что уже къ первымъ временамъ народныхъ воспоминаній восходятъ и многіе историческіе намеки, свидѣтельствующіе объ историческихъ столкновеніяхъ народа, очевидно прошедшихъ не безъ вліянія на измѣненіе его образа жизни и его убѣжденій. Такимъ образомъ бытовая или историческая сторона народной миѳологіи, мало интересующая психолога, является конечною цѣлью историческаго изслѣдованія, обращеннаго ко временамъ, о которыхъ не помнитъ исторія въ собственномъ смыслѣ. Примѣръ геніальнаго соединенія обоихъ способовъ разработки миѳологіи и народнаго быта мы находимъ въ классическихъ трудахъ Якова Гримма (*Нѣмецкая миѳологія*, *Исторія нѣмецкаго языка* и др.), но уче-

ники его нѣсколько отошли отъ пути, указаннаго учителемъ; въ новѣйшихъ сочиненіяхъ Куна, Маннгардта, Шварца и др. замѣчается преимущественно направленіе физико-психологическое: съ помощью сравнительнаго анализа формъ языка и миѳическихъ представленій, они слѣдятъ миѳъ шагъ за шагомъ до самаго его рожденія и обыкновенно отыскиваютъ причину послѣдняго въ какомъ-нибудь внѣшнемъ, физическомъ явленіи природы. Этимъ физическимъ толкованіемъ ограничивается, покамѣстъ, разработка миѳологіи: изслѣдователи, встрѣтясь съ такимъ неистощимымъ богатствомъ миѳическаго матеріала, какой предлагаютъ Веды, еще не успѣли вполнѣ осилить его и потому медлятъ историческими выводами. Между многими попытками обработать миѳологію въ такомъ направленіи, видное мѣсто принадлежитъ сочиненію Макса Мюллера: *Сравнительная миѳологія*, помѣщенному первоначально въ Oxford Essays (1856) и потомъ (съ небольшими пропусками) переведенному на французскій языкъ въ 1859 г.

Всю миѳологію М. Мюллеръ считаетъ произведеніемъ силы языка: она, по его мнѣнію, не иное что, какъ древняя форма языка; каждое слово въ древнемъ языкѣ было какъ бы своимъ особымъ миѳомъ; когда же первичное значеніе словъ утратилось и они получили отвлеченный смыслъ, образы остались и, при двойномъ вліяніи природы и фантазіи, сложились и развились въ художественную, стройную миѳологію. Такую, отчасти парадоксальную мысль приводитъ Мюллеръ въ цѣломъ сочиненіи, обставивъ ее остроумнѣйшими сближеніями миѳологическими и лингвистическими. Какъ отличный знатокъ санскрита и сравнительной филологіи, онъ дѣйствительно выбралъ примѣры поразительные, убѣждающіе каждаго въ важномъ участіи языка въ созданіи миѳологіи; вся бѣда въ томъ, что онъ далъ слишкомъ широкій просторъ своей мысли, распространивъ ее на всю миѳологію — и оттого она оказалась несостоятельною. Щепкинъ видимо идетъ по слѣдамъ Мюллера: онъ заявилъ это еще въ первой части своего труда, въ полезнѣйшей главѣ о миѳологическихъ школахъ:

такъ же какъ Мюллеръ, онъ ведетъ миѳологію отъ языка, и доводитъ эту мысль до конца, отрицая всякое органическое происхожденіе миѳологіи и видя въ ней не болѣе, какъ *дикій наростъ на вольномъ потокѣ устной рѣчи (вып. 1-й, стр. 39)*, или *умопреткновенное сказаніе, вытекшее изъ доисторическихъ судебъ языка, путемъ недоразумѣній (ibid. p. 8)!* Какъ бы ни была несостоятельна мысль Мюллера, все же онъ стоитъ на почвѣ науки, не отступая ни на шагъ отъ законовъ сравнительной филологіи, тогда какъ Щепкинъ стоитъ совершенно за предѣлами *всякой* науки: не только законы сравнительной лингвистики ему неизвѣстны, онъ не имѣетъ даже простыхъ грамматическихъ понятій о составѣ словъ: въ угоду своей мысли, что все славянское язычество происходитъ отъ *весны* и *таянія*, онъ принимаетъ сложныя слова за простыя, *простыя* разлагаетъ на *части*, уродуетъ и иначитъ слово до тѣхъ поръ, пока отыщетъ въ немъ желанный смыслъ и т. д.[1]). Признаемся откровенно, съ тѣхъ

1) Стоитъ развернуть наудачу любую страницу, чтобы убѣдиться въ полной истинѣ нашихъ словъ. Напр., извѣстное классическое мѣсто Ипатьевской лѣтописи о славянскихъ богахъ: Солнце, сынъ Свароговъ, по миѳической реставраціи Щепкина, есть не иное что, какъ солнце *сосунъ* Свароговъ, т. е. солнце сосунъ льда, образователь на льду *прососовъ* (59 стр. II вып.). *Гостинный сынъ* есть гостинный сунъ, дорожная яма, *прососъ* на проѣздѣ дороги — засовъ.... Поговорка: «Чай ты не просвирнинъ сынъ, сквозь тебя не видно», есть, по мнѣнію нашего миѳолога, миѳическое рѣченіе, разоблачаемое удобно на народномъ *просвернуть*, вмѣсто просверлить, и сынъ, сунъ—скважина, отверстіе. Смыслъ этого рѣченія таковъ: чай ты не просвернутая, не просверленная скважина — дыра, сквозь тебя не видать» (стр. 60—61). Особенно интересны лингвистическія толкованія собственныхъ именъ: такъ *Иванъ* — Ивъванъ, морозъ, ледъ, смерзлость, замерзъ; *Марья*, марь — сильное вспареніе снѣга, пора мари, полуденница; змѣй *Горынище, Горыня* отъ *горъ-рыня* (отъ рынуть): это тающій потокъ; *Тугаринъ* — *тугъ-горъ-ринъ* есть туго оледенѣлый потокъ таянія; *Никита*, Микита — меккъ хита, отъ меккъ мягкой, оттеплый, и хита отъ хитить—морозить, хватить морозомъ, слѣдовательно оттепельный взмерзъ. *Добрыня меккъ* хитить значитъ, поэтому, доброе ясное утро весны на оледенѣлой оттепели, на оледенѣвшемъ въ теченіе ночи талу. *Илья Муромецъ*—*Иль-лія* Муромецъ, т. е. иловатый лій, токъ замурованный, закладенный въ смерзломъ снѣгу (стр. 82, 86—7, 88—90, 98); *Благовѣщеніе—благо-визжаніе*, т. е. неугомонный, немолчный шумъ (стр. 21). Довольно, кажется, этихъ примѣровъ лингвистическаго чаромутія: ими полна каждая страница, и мы не знаемъ ни одной книги въ русской литературѣ, которая была бы такъ изъ конца въ конецъ безполезна, какъ это *баснословіе!*

поръ, какъ на Руси поставленъ первый типографскій станокъ — и до настоящаго времени, мы не встрѣчали книги болѣе странной и дикой, какъ сочиненіе «Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія»; даже Пелазги и Фракійцы покойнаго Черткова и Сайване г. Вельтмана — ничто въ сравненіи съ лингвистикой Щепкина, и если бы не серіозный тонъ и уваженіе къ наукѣ, ярко видимое изъ каждой страницы, — мы готовы бы признать трудъ этотъ за ловкую и мѣткую пародію на современную науку о русскомъ баснословіи [1]). Трудъ издается по смерти автора и, конечно, безъ его воли: намъ это кажется просто неуваженіемъ къ памяти честнаго труженика науки, какимъ извѣстенъ русскому обществу покойный Дм. М. Щепкинъ.

Бѣдный славянскій Олимпъ въ истекшемъ году обогатился открытіемъ новаго божества — *Трояна*. До сихъ поръ извѣстный лишь изъ темныхъ намековъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, изъ апокрифическаго сказанія *о хожденіи Богородицы по мукамъ*, да славянскихъ народныхъ сказокъ, — Троянъ впервые, по обнародованіи *Слова и откровенія святыхъ апостолъ*, — становится несомнѣнно въ ряды славянскихъ языческихъ божествъ. Слово это было извѣстно только г. Востокову, который и помѣстилъ изъ него мѣсто, относящееся къ Трояну, во II т. своего Словаря (стр. 463), но г. Тихонравовымъ напечатано оно вполнѣ съ небольшимъ предисловіемъ г. Буслаева [2]), имѣющимъ въ виду указать важное значеніе этого открытія для славянской миѳологіи. Еще прежде г. Буслаевъ видѣлъ въ Троянѣ миѳическаго царя славянскихъ эльфовъ [3]); теперь же оказывается, что и наши предки дѣйствительно знали бога Трояна и, въ отличіе отъ Перуна и Хорса, называли его царемъ, вѣроятно, на основаніи ходившихъ о немъ эпическихъ разсказовъ, слѣды которыхъ доселѣ сохрани-

1) Мы говоримъ здѣсь преимущественно о второмъ выпускѣ этого изданія.

2) Истор. очерки русской нар. словесности и искусства, т. I, стр. 385 и слѣд.

3) *Лѣтописи рус. литературы и древности*, изд. г. Тихонравовымъ, книга V, ст. II, стр. 5—6.

лись въ сербо-болгарскихъ преданіяхъ [1]). Статья г. Аѳанасьева: «Замѣтки о загробной жизни по славянскимъ преданіямъ» [2]), представляетъ сборъ фактовъ, относящихся къ представленіямъ Славянъ (преимущественно только русскихъ) о смерти, снѣ, о душѣ и ея миѳическихъ образахъ, о тѣняхъ умершихъ и т. д. Факты собраны очень тщательно, но имъ недостаетъ историческаго размѣщенія: неизвѣстно, къ какой эпохѣ народной жизни относится извѣстное представленіе, изъ какихъ условій быта возникло оно. Г. Аѳанасьевъ прѐдставляетъ картину языческихъ славянскихъ понятій о загробной жизни, какъ будто бы доисторическая жизнь Славянъ съ ея представленіями была всегда одна и та же, какъ будто она не имѣла своихъ періодовъ, своихъ крупныхъ эпохъ! Догматизмъ возможенъ и законенъ тамъ, гдѣ нѣтъ исторіи, гдѣ нѣтъ измѣненій и превращеній; но въ миѳологіи, какъ въ живой исторіи развитія народнаго сознанія, онъ не умѣстенъ. Правда, историческая разработка миѳологіи (особенно славянской) дѣло не легкое, но и не невозможное (доказательствомъ чему могутъ служить многія превосходныя статьи г. Буслаева). Почему бы, напр., въ настоящемъ вопросѣ не обратить вниманія на исторію славянскихъ погребальныхъ обрядовъ: періоды въ ихъ развитіи могутъ быть отмѣчены довольно ясно, и стоило только съ бо́льшимъ или меньшимъ правдоподобіемъ пріурочить къ нимъ извѣстныя миѳическія представленія, чтобы тотъ же самый матеріалъ перенести на историческую почву. Статья г. Аѳанасьева отличается тѣми же достоинствами, какъ и всѣ археологическіе труды этого талантливаго писателя: искуснымъ сопоставленіемъ фактовъ и легкимъ, ненатянутымъ объясненіемъ ихъ; но мы позволимъ

---

1) Замѣтимъ кстати, что имя языч. Трояна встрѣчается уже въ рукописи XII—XIII вѣка. См. Извѣст. II отд. Акад. Наукъ, т. X, стр. 71. Изъ 1-го вып. IV т. Извѣстій Археологическаго Общества мы узнаемъ, что это есть переводъ извѣстнаго греческаго апокрифа; только переводчикъ вставилъ мѣсто, относящееся къ языческимъ славянскимъ божествамъ: здѣсь упоминаются: *Троянъ, Хърсъ, Велесъ* и *Перуунъ*.

2) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, т. 3. Спб. и М. 1861. VI отдѣл., 1 — 26 стр.

себѣ сдѣлать еще нѣсколько небольшихъ замѣтокъ. Авторъ иногда черезчуръ расширяетъ сравнительный методъ и сравниваетъ обычаи и понятія Славянъ съ обычаями народовъ совершенно иного происхожденія, каковы напримѣръ Вотяки, Черемисы, Финны. Мы понимаемъ необходимость такого сравненія для психолога, который ищетъ общихъ феноменовъ души человѣка, и для историка и этнографа, которымъ для оцѣнки явленій необходима категорія сравненія и противоположности; но чѣмъ можетъ быть полезно такое сравненіе для миѳолога? Сравнивая представленія и обычаи родственныхъ племенъ, каковы племена индо-европейскія, — мы легко можемъ объяснить уже затемнившійся первоначальный смыслъ первыхъ. Мѣриломъ правильности и законности сравнительныхъ сближеній долженъ здѣсь служить не столько очевидный фактъ (онъ можетъ быть явленіемъ совершенно внѣшнимъ, случайнымъ), сколько согласіе всей суммы родственныхъ представленій съ подобными представленіями у другихъ народовъ: часто мотивъ, искаженный въ концѣ превратностями исторической судьбы, реставрируется въ своемъ первичномъ видѣ съ помощью сближенія предметовъ совершенно посторонних, а съ этимъ вмѣстѣ объясняется и его первоначальное значеніе и его историческая судьба. Но сравненіе съ народами иного происхожденія — только даромъ обременяетъ память, не принося никакой существенной пользы наукѣ миѳологіи. Въ наукахъ историко-филологическихъ, какъ въ математикѣ, — доженъ быть свой строгій методъ, нарушеніе котораго можетъ повести къ ложнымъ выводамъ. Къ сожалѣнію, имъ-то всего менѣе можемъ мы похвалиться: съ какою-то юношескою радостью многіе наши изслѣдователи пускаются въ безбрежное поле сравнительныхъ сближеній, не различая попадающагося подъ руку матеріала, и этимъ отсутствіемъ выдержанности и строгаго метода — только усложняютъ и запутываютъ дѣло. Мы говоримъ не о г. Аѳанасьевѣ: онъ еще осторожнѣйшій между всѣми другими, а ихъ, благодаря жизненности науки, становится все болѣе и болѣе. По всему этому мы не могли безъ сочувствія встрѣтить мнѣніе г. Энгельмана о

необходимости болѣе строгаго опредѣленія круга сравнительныхъ сближеній [1]). Покамѣстъ не приведены въ ясность взаимныя физическія и нравственныя отношенія народовъ, до тѣхъ поръ, по нашему убѣжденію, въ сравнительныхъ сближеніяхъ слѣдуетъ ограничиться только тѣснымъ кругомъ народовъ, родство которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, напр. народовъ индо-европейскаго происхожденія. Какъ ни соблазнительно сравнить плоды своей духовной дѣятельности съ китайскими, монгольскими, еврейскими, египетскими и т. д., но, покамѣстъ, миѳологу нужно повоздержаться отъ этого. Возвращаемся къ статьѣ г. Аѳанасьева. Говоря о различныхъ миѳическихъ образахъ, въ какихъ языческіе Славяне представляли человѣческую душу, онъ напрасно, какъ намъ кажется, не остановился съ бо́льшимъ вниманіемъ на извѣстномъ миѳическомъ представленіи души въ видѣ младенца, перешедшемъ и въ христіанское искусство, какъ оно ясно видно даже изъ многихъ миніатюръ нашихъ старинныхъ рукописей; можетъ-быть, тогда и извѣстное полоцкое преданіе, записанное въ лѣтописи подъ 1092 годомъ, получило бы свое объясненіе. На основаніи подобнаго разбора этого замѣчательнаго преданія, мы наклонны въ немъ видѣть не простое заимствованіе отъ Литовцевъ, какъ утверждаютъ гг. Касторскій и Костомаровъ [2]), но индо-европейскій миѳъ, извѣстный у племенъ нѣмецкихъ подъ именемъ *дикой охоты* (wüthendes Heer, wilde Jagd). Г. Аѳанасьевъ часто пользуется Краледворскою рукописью и приводитъ изъ нея выдержки славянскихъ языческихъ понятій о загробной жизни. Мы не раздѣляемъ новѣйшихъ подозрѣній въ подложности этого памятника чешской старины, но все же думаемъ, что черпать изъ него свѣдѣнія о древне-славянскомъ язычествѣ, на нихъ основываться въ своихъ заключеніяхъ, немного смѣло. Не говоря уже

1) Архивъ истор.-юридич. свѣдѣній, изд. Н. Калачовымъ, т. 3. Спб. и М. 1861, стр. 54—55, IV отд.

2) Начертаніе слав. миѳологіи, стр. 66, и русскіе инородцы, отд. оттискъ, стр. 43.

о томъ, что эти свѣдѣнія чрезвычайно скудны, такъ что г. Срезневскій при всѣхъ усиліяхъ не могъ набрать и двухъ порядочныхъ [1]), самый памятникъ представляетъ такое полнѣйшее отсутствіе древняго эпическаго стиля, такую скудость эпическаго содержанія, что слѣдуетъ разъ навсегда отказаться пользоваться имъ, какъ памятникомъ доисторической старины, проливающимъ свѣтъ на славянское язычество. Въ 1860 году въ Вѣнѣ появилось замѣчательное сочиненіе Фейфалика [2]) о Краледворской рукописи. Не только въ ней, но и въ Судѣ Любуши онъ видитъ умышленный подлогъ. Это крайнее заключеніе, объясняемое современными обстоятельствами, со временемъ, конечно, должно измѣниться; но изъ-за этого никто не откажетъ австрійскому ученому въ талантѣ, а книгѣ его — въ ученомъ значеніи. Въ подтвержденіе высказаннаго нами мнѣнія, обращаемъ вниманіе читателей на 2-ю главу (стр. 30—47), представляющую превосходный разборъ эпическаго содержанія и стиля пѣсенъ Краледворской рукописи.

Славянской старинѣ посчастливилось въ истекшемъ году: не только отдѣльныя статьи, но и цѣлыя книги посвящались ея разработкѣ; таково, напримѣръ, сочиненіе г. Макушева: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ» [3]). До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, ни въ одной изъ славянскихъ литературъ нѣтъ спеціальнаго сочиненія, посвященнаго внутренней жизни славянскаго племени: со смертью Шафарика исчезли и наши надежды когда-нибудь увидѣть второй томъ его знаменитыхъ *Старожитностей*, долженствовавшій именно заключить въ себѣ разъясненіе быта, религіи, нравовъ и обычаевъ Славянъ въ эпоху до-христіанскую; можетъ-быть, что-нибудь найдется въ его посмертныхъ рукописяхъ, которыя, какъ слышно, готовятся къ

---

1) Статья: «Извлеченія изъ Краледворской рукописи касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ». *Ж. Мин. Нар. Просв.* 1840, № 12.

2) S. Feyfalik. Über die Königinhofer Handschrift. W. 1860, 128 стр.

3) Спб. 1861, IV + 178 + XI стр.

изданію, но это далеко не то цѣлое, какое замышлялъ знаменитый чешскій ученый. Покамѣстъ мы должны довольствоваться тѣмъ, что̀ есть на лицо: почтенный трудъ лужичанина Антона: «Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse» (L. 1783, 89), теперь оказывается далеко недостаточнымъ, какъ относительно полноты матеріала, такъ и по ученой обработкѣ его. Изъ трудовъ польскихъ ученыхъ можно съ благодарностью упомянуть развѣ только «Polska wieków średnich» Лелевеля, и «Изслѣдованія начала народовъ славянскихъ» Лаврентія Суровецкаго (русскій переводъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, годъ 2-й, № 1), потому что сочиненіе А. В. Мацѣевскаго (Pierwotne dzieje Polski i Litwy), при всѣхъ своихъ фактическихъ достоинствахъ, лишено всякой ученой обработки и представляетъ замѣчательный примѣръ антинаучнаго и антикритическаго изслѣдованія. Лучшими трудами по этой части все-таки остаются отрывочныя замѣчанія Шафарика, Палацкаго (въ его исторіи Чеховъ), Дудика (въ его недавно вышедшей книгѣ «Mährens allgemeine Geschichte. Brünn. 1860. I Band), В. С. Караджича (Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. Б. 1849, а также его Montenegro und Montenegriner. St. 1837) и др. Не мало фактовъ освѣщено и Нѣмцами, особенно Гриммомъ, Цейссомъ (Die Deutschen und die Nachbarstämme, M. 1837), Гизебрехтомъ (Wendische Geschichten. B. 1842 — 3), но никто до сихъ поръ не попытался создать что-нибудь цѣльное изъ этой груды полуразработаннаго матеріала. Въ сочиненіи г. Макушева мы находимъ прекрасный приступъ къ этому. На русскомъ языкѣ, за исключеніемъ статьи г. Соловьева (въ *Архивѣ* Калачова, 1850 г., т. I), компиляціи г. Гильфердинга (Исторія Балтійскихъ Славянъ, М. 1855 г.), и небольшой брошюры студ. Чистякова (Жизнь древнихъ Славянъ по хроникѣ Дитмара. Спб. 1857 г., 27 стр.), — это первый опытъ систематической разработки внутренняго быта Славянъ по извѣстіямъ иностранцевъ VI — X вв. Сочиненіе распадается на двѣ части:

первая разсуждаетъ о степени достовѣрности сказаній иностранцевъ, вторая заключаетъ въ себѣ разборъ самыхъ данныхъ. Первая въ этомъ случаѣ должна служить какъ бы оправдательною статьею второй, и вся цѣль ея заключается въ этомъ подчиненномъ отношеніи, въ этой связи со второй, составляющей главный предметъ сочиненія. При необходимости такого отношенія между двумя частями труда г. Макушева, мы должны начать свой отчетъ о немъ небольшимъ замѣчаніемъ: по нашему мнѣнію, первый отдѣлъ разсужденія не всегда подкрѣпляетъ второй, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ними какъ будто не существуетъ никакой внутренней связи. Такъ напр. (стр. 8 — 9), говоря о Прокопіи, г. Макушевъ видимо склоняется въ его пользу, говоритъ объ его безпристрастіи и даже находитъ, что за правдивость его ручается его безукоризненная жизнь, какъ гражданина, и его высокое пониманіе долга историка. Хотя такіе аргументы не всегда служатъ ручательствомъ безпристрастія и правдивости историка, но мы согласимся съ этимъ и посмотримъ только, какъ подтверждается этотъ приговоръ разборомъ самыхъ фактовъ. Относительно вѣрованій Славянъ извѣстія Прокопія оказываются *не вполнѣ достовѣрными, потому что онъ смѣшалъ Сварога съ Перуномъ, приписавъ первому жертвы, приносимыя второму* (стр. 76); далѣе, слѣдуя классической точкѣ зрѣнія, Прокопій утверждалъ, что *Славяне не знаютъ судьбы и не допускаютъ ея вліянія на людей*, тогда какъ *у Славянъ оказываются даже особыя божества судьбы*. Другія извѣстія Прокопія, по изслѣдованію г. Макушева, то согласны съ свидѣтельствами прочихъ историковъ, то противорѣчатъ имъ (стр. 104, 147, 154, 5, 6, 7), такъ что въ сущности онъ не безъ основанія (стр. 75, прим. 20) дѣлаетъ упрекъ г. Соловьеву въ излишней довѣрчивости къ Прокопію; но зачѣмъ же г. Макушевъ самъ, въ первой части своего труда, впадаетъ въ ту же крайность, да еще и не подкрѣпляетъ ее не чѣмъ инымъ, какъ указаніемъ на *гражданскія доблести Прокопія*.

Вообще первый отдѣлъ разсужденія не удовлетворяетъ пред-

положенной цѣли: какъ критическая оцѣнка сказаній иностранцевъ, онъ слабъ и ограничивается, по большей части, голыми приговорами или выпискою словъ такъ-называемыхъ авторитетовъ; какъ простой перечень источниковъ, — онъ слишкомъ растянутъ, слишкомъ много содержитъ въ себѣ лишняго и не относящагося къ дѣлу. Особенно выступаютъ эти качества въ оцѣнкѣ извѣстій Арабовъ, такъ какъ авторъ не предложилъ даже себѣ вопроса, о какихъ Русскихъ говоритъ Ибнъ Фоцланъ, какихъ Славянъ видѣлъ и описывалъ Массуди, а вопросъ стоилъ того, чтобы на немъ остановиться: отъ рѣшенія его зависѣло многое, напр. въ какой мѣрѣ мы можемъ принимать извѣстія Арабовъ для объясненія быта Славянъ русскихъ. На этотъ важный пунктъ указывалъ еще г. Погодинъ въ своей рецензіи сочиненія г. Срезневскаго «О святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ Славянъ». Сверхъ того, не выяснена надлежащимъ образомъ степень культуры Славянъ восточныхъ и западныхъ, отчего между ними какъ будто не существуетъ никакихъ этнографическихъ отличій, какъ будто это одно цѣльное племя по языку и по религіи, но нравамъ и обычаямъ! Такой недостатокъ прочнаго этнографическаго метода не могъ не отразиться и на обработкѣ самаго предмета: миѳологія поставлена какъ-то отрывочно отъ жизни, отъ быта, выраженіемъ котораго она служитъ. Вообще вся реальная сторона жизни Славянъ остается въ сторонѣ: это Славяне — безъ неба и почвы, на которой они выросли. Едва ли не то же должно сказать о слѣдующихъ отдѣлахъ труда г. Макушева: объ образѣ жизни, бытѣ семейномъ и общественномъ и нравахъ Славянъ. Несмотря на то, что здѣсь географія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ выступаетъ чаще и положительнѣе, все вмѣстѣ слагается въ какую-то пеструю нестройную картину, изъ которой трудно вынести исторически-опредѣленное, отчетливое впечатлѣніе. Можетъ-быть, причина этого отчасти скрывается въ самомъ характерѣ источниковъ, глухихъ и отрывочныхъ, но также и въ отсутствіи стараго историко-этнографическаго метода у автора. Какъ собраніе фактовъ и ихъ болѣе

или менѣе удачное объясненіе, трудъ г. Макушева заслуживаетъ полной благодарности всѣхъ занимающихся исторіей Славянъ; но, какъ историческое сочиненіе, онъ оставляетъ мѣсто многимъ желаніямъ. Къ высказанному нами выше мы прибавимъ еще одно, касающееся полноты матеріала: почему бы, напримѣръ, не воспользоваться и извѣстными отвѣтами папы Николая I на вопросы Болгаръ [1])? Положимъ, что тамъ много неславянскаго, но вѣдь существуетъ и кое-что славянское; но во всякомъ случаѣ, самый памятникъ стоилъ разбора и вниманія.

Трудъ Болгарина г. Каравелова: «Памятники народнаго быта» [2]) восполняетъ одинъ недостатокъ славянской науки въ Россіи: недостатокъ положительныхъ этнографическихъ свѣдѣній о поэзіи, нравахъ и обычаяхъ Болгаръ. Дѣйствительно, кромѣ отрывочныхъ замѣтокъ Венелина, Григоровича (Очеркъ путешествія по странамъ Европейской Турціи. Каз. 1848), въ нашей литературѣ имѣются въ собственномъ смыслѣ только двѣ небольшія замѣтки г. Каравелова [3]) о народномъ бытѣ Болгаръ. Г. Каравеловъ предположилъ издать цѣлый рядъ «Памятниковъ», куда войдутъ баснословныя сказанія (миѳы), преданія, описанія различныхъ обрядовъ, легенды, пѣсни, пословицы, загадки и вообще все, что́ можетъ служить указаніемъ на древнія народныя вѣрованія. Теперь вышелъ въ свѣтъ первый томъ; въ немъ помѣщены 3,000 пословицъ и поговорокъ, народный дневникъ съ указаніемъ праздниковъ, обрядовъ, легендъ и повѣрій на каждый день въ году, народныя болгарскія имена и легенды; ко всему этому приложенъ небольшой словарь. Не станемъ передавать читателямъ обѣщаній издателя на будущее время, и остановимся на томъ, что́ есть. Пословицы издаются совершенно

---

1) Responsa ad consulta Bulgarorum, Harduin—Acta Consiliorum, t. V, p. 353—386.

2) Книга первая. VIII+324. М. 1861.

3) «Болгарскія повѣрья». *Журн. Мин. Народ. Просв.*, ч. 52, отд. II, стр. 204—212. «Обычаи Болгаръ при свадьбѣ, рожденіи и крещеніи дѣтей и погребеніи». Литератур. прибавл. къ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 46 г., стр. 65—84.

въ томъ же направленіи, какъ у В. С. Караджича, т. е. съ объясненіями и примѣчаніями, показывающими происхожденіе пословицъ. Здѣсь всего яснѣе видно, что первоначально пословица была не иное что, какъ *притча*, т. е. мѣткое слово, къ которому подало поводъ какое-нибудь событіе или происшествіе. Обработывая народный дневникъ, издатель внесъ въ него не только обряды и праздники, но и легенды и повѣрья, къ нимъ относящіяся«. Но чтобы годичный кругъ народныхъ болгарскихъ повѣрій могъ явиться въ возможно полномъ и цѣльномъ видѣ, мы рѣшились, говоритъ издатель, присоединить сюда народные дневники Великоруссовъ, Украинцевъ, Бѣлоруссовъ и отчасти Поляковъ и Сербовъ». Пріемъ вѣрный и цѣль прекрасная, но исполненіе неудовлетворительно. Славяне по преимуществу народъ не политическій, а домашній, земледѣльческій, и потому едва ли въ офиціальной исторіи можно искать объясненія ихъ народнаго характера, ихъ быта: только по временамъ, и то съ какою-то судорожною дѣятельностью, доходящею до героизма и поэзіи, они заявляютъ въ исторіи свои молодыя, еще неистраченныя, дѣвственныя силы; главная же сфера ихъ нравственной дѣятельности, до сей поры, — жизнь мирная земледѣльца-семьянина; оттого нигдѣ такъ ярко не рисуется ихъ бытъ, какъ въ этомъ, повидимому, будничномъ, лишенномъ страсти обиходѣ годовой сельскодомашней жизни. Понятно поэтому, какой высокій интересъ для изслѣдователя долженъ заключать въ себѣ *Народный Дневникъ*, гдѣ шагъ за шагомъ рисуется эта жизнь съ ея замѣтнымъ исконнымъ кругомъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и преданій. Сравненіе народнаго дневника Болгаръ съ дневникомъ другихъ славянскихъ народовъ легко можетъ объяснить многое въ исторіи, начиная съ отличій въ народномъ характерѣ; но только это нужно дѣлать нѣсколько иначе, чѣмъ сдѣлалъ г. Каравеловъ изданіемъ «Памятниковъ народнаго быта Болгаръ». По нашему крайнему разумѣнію, слѣдовало поступить такъ: или ограничиться однимъ болгарскимъ матеріаломъ, или, обративъ вниманіе и на иные славянскіе народы, позаботиться о возможной полнотѣ и нѣкоторыхъ

общихъ выводахъ. Издатель (или редакторъ) не сдѣлалъ ни того, ни другаго: къ любопытнѣйшимъ чертамъ болгарскаго быта онъ присоединяетъ нѣсколько русскихъ, мало- и бѣлорусскихъ, сербскихъ и польскихъ, извлеченныхъ изъ двухъ-трехъ общеизвѣстныхъ источниковъ. Онъ, повидимому, не имѣлъ понятія о существованіи такого любопытнаго труда, какъ сочиненіе Гануша Bájeslovnij Kalendář Slovanský (Praha 1860), представляющее первый опытъ ученой обработки народныхъ славянскихъ дневниковъ [1]). Мало этого, русскій и малорусскій матеріалъ неполны и недостаточны: не приняты во вниманіе, напр., любопытнѣйшія данныя, разсѣянныя въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества (Этнограф. Сборникъ, 4 ч., Вѣстникъ, Карманная книжка 1848 и пр.), позабыты статьи г. Сементовскаго (Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. *Маякъ* 1843, т. XI, к. 21, *Молодикъ*, Укр. Сборн. на 1843, X), Максимовича (Дни и мѣсяцы Украинскаго селянина, *Рус. Бесѣда* 1856, № 1, 3), сочиненіе Новосельскаго Lud Ukraiński и пр. Вообще литература этого предмета, кажется, мало извѣстна редактору Дневника, и онъ бы сдѣлалъ гораздо лучше, оставивъ ее до поры до времени въ совершенномъ покоѣ: помѣщать же нѣсколько выдержекъ — дѣло едва ли не безполезное. Въ предисловіи онъ указываетъ, что это только программа; но программа хороша тамъ, гдѣ предметъ не опредѣленъ и гдѣ настоитъ необходимость опредѣлить путь изслѣдованія, а здѣсь она не нужна, потому что годовой порядокъ всего лучше опредѣляетъ это. Въ концѣ книги помѣщено собраніе собственныхъ именъ Болгаръ и три народныя легенды. Знакомому съ задачами современной славянской лингвистики не покажется лишнимъ это небольшое собраніе народныхъ болгарскихъ именъ: въ нѣмецкой наукѣ можно указать на Гримма и Потта,

---

1) Упомянемъ кстати о недавно появившейся въ свѣтъ по этому предмету книгѣ: Fest-Kalender aus Böhmen, v. O. Frh. v. Reinsberg-Düringsfeld. Prag. 1861.

а въ славянской — на Миклошича и Шлейхера [1]), посвятившихъ этому предмету особыя изслѣдованія. Небольшой сборникъ болгарскихъ именъ г. Герова былъ напечатанъ въ 4-мъ томѣ Извѣстій Академіи Наукъ по второму отдѣленію (Матеріалы, стр. 581 — 584). Сборникъ г. Каравелова тѣмъ дороже, что онъ присовокупилъ къ нему любопытныя объясненія касательно нарицанія и перемѣны имени. Бо́льшая часть именъ болгарскихъ — народныя и указываютъ на языческое происхожденіе. Вообще 1-й томъ «Памятниковъ народнаго быта Болгаръ», изданныхъ г. Каравеловымъ, заставляетъ желать скорѣйшаго ихъ продолженія, и приноситъ столько же чести патріотическому чувству автора, сколько и пользы обще-славянской наукѣ.

Много писавшій когда-то о славянской миѳологіи бар. Шеппингъ напечаталъ въ истекшемъ году двѣ статьи, о которыхъ нельзя не упомянуть. Одна носитъ названіе: «Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія и отношеніе его къ быту и языку русскаго народа» [2]), другая — «О древнихъ навязахъ и вліяніи ихъ на языкъ, жизнь и отвлеченныя понятія человѣка» [3]). Первая статья составлена почти исключительно изъ смѣси нѣсколькихъ народныхъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, относящихся до земледѣлія, и фактовъ, заимствованныхъ изъ 5-й главы «Исторіи Нѣмецкаго языка», Гримма. Предметъ крайне интересный, но изложеніе его, по отсутствію историческаго метода, сбивчиво и неясно: во-первыхъ, прежде чѣмъ приводить русскія пословицы и поговорки, слѣдовало коснуться славянскаго и, если возможно, индо-европейскаго періодовъ въ исторіи земледѣлія. Языкъ пред-

---

1) Miklosich, Die Bildung der Slavischen Personennamen. W. 1860 г. 4°; небольшой трудъ Шлейхера касается только собственныхъ именъ чешскихъ и помѣщенъ въ Allgemeine Monatschrift für Wissenschaft und Literatur. Br. 1854, стр. 399—404 подъ заглавіемъ: «Ueber Böhmische Personennamen».

2) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей. 1861, книга IV, отд. Смѣси, стр. 81 — 98.

3) Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. Спб. и М. 1861, отд. 1, стр. 181 — 202.

лагалъ къ этому вѣрное и единственное средство. Мы не станемъ упрекать г. Шеппинга въ томъ, что онъ не воспользовался превосходными разысканіями по этому предмету Куна (Zur ältesten Geschichte der indo-germanischen Völker, въ Weber's Ind. Studien, т. I, особенно 352 — 357 стр.), Пикте (les Origines Indo-Européennes, t. 1, p. 257 — 322), Макса Мюллера (Mythol. Comparée, франц. пер., стр. 33 — 34): одного Гримма довлѣло для правильной исторической обработки вопроса, потому что Гриммъ именно идетъ путемъ строго историческимъ; во-вторыхъ, если уже приводить пословицы и поговорки, то надо приводить ихъ какъ слѣдуетъ, систематически, а не вырывать два-три казовые конца, какъ это мы находимъ у г. Шеппинга. Однако же, несмотря на этотъ недостатокъ плана, его статья, для незнакомыхъ съ дѣломъ, очень интересна по свѣдѣніямъ, въ ней заключающимся. Статья того же автора о наузахъ — составлена по сочиненію чешскаго ученаго, доктора Гануша: «Ueber die alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern (Pr. 1855). Это опытъ лингвистическаго и археологическаго разбора терминовъ и понятій, обозначающихъ сперва *собственность*, *завладѣніе*, а потомъ *подарокъ*, *украшеніе* (кольца, вѣнки, запястья), *миѳическія наузы*, *гривы* и т. д. Между всѣми этими предметами Ганушъ находитъ связь, подтверждаемую и лингвистикою. Можно пожалѣть только, что онъ не коснулся нѣкоторыхъ пріемовъ повседневной жизни, прямо относящихся къ этому же роду представленій, каковы: сложеніе рукъ при мольбѣ, пожатіе рукъ при встрѣчѣ. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ этомъ явленіи древнѣйшій индо-европейскій обычай, удержавшійся до нашего времени путемъ преданія и освященный христіанствомъ [1]). Статья г. Шеппинга немногимъ дополняетъ разсужденіе Гануша: миѳическое значеніе наузъ, волшебныхъ повязокъ, какъ у второго, такъ и у перваго, осталось объясненнымъ;

1) Car. Fr. Vierordt, De junctarum in precando manuum origine indo-germanica. Carolsruhae. 1851, стр. 13 — 15.

также и русскій матеріалъ собранъ недостаточно, напр. вовсе не обращено вниманія на юридическое значеніе слова *вервь, врьвь*, которое послѣ остроумныхъ сближеній и объясненій г. Срезневскаго (Мысли объ исторіи русскаго языка, стр. 135 — 7) не можетъ быть болѣе относимо къ заимствованіямъ отъ Скандинавовъ или Нѣмцевъ.

Замѣтки покойнаго Аксакова [1]) «о язычествѣ древнихъ Славянъ» не заключаютъ въ себѣ ничего новаго. Какъ всѣ историческія произведенія этого честнаго гражданина-писателя, онѣ отличаются смѣшеніемъ мыслей совершенно вѣрныхъ съ мечтаніями и грёзами самаго страннаго свойства. Такъ напр., зная почти наизустъ лѣтописи, онъ все же говорилъ, что русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ; что въ его душѣ не было *воспоминаній языческихъ*, не было огрубѣлой опредѣленной *лжи*... (стр. 313). Зная изъ опыта народный бытъ, онъ отрицалъ у русскаго народа всякую миѳологію и языческія воспоминанія, и думалъ, что съ принятіемъ христіанства языческіе обряды *мгновенно* потеряли свой языческій смыслъ и обратились въ суевѣрія народныя, точно суевѣріе не есть живой остатокъ язычества. Въ своемъ замѣчаніи на статью (неизданную) Шеппинга: «Купала и Коляда», онъ проводитъ весьма вѣрную мысль, что *домовой* былъ духомъ мѣстности, первымъ владѣтелемъ ея, и, такъ сказать, предчувствуетъ земледѣльческое значеніе этого миѳическаго образа; но въ то же время онъ говоритъ, что Славяне никогда не придавали божественной силы чувственному изображенію боговъ и что нѣкоторые изъ нихъ были въ этомъ случаѣ лишь *увлечены примѣромъ другихъ народовъ*.

Въ заключеніе этого, слишкомъ затянувшагося, обозрѣнія древнѣйшаго матеріала славянско-русской старины, мы позволимъ себѣ привести и тѣ немногія статьи по этнографіи, которыя появились въ истекшемъ году. Предварительно сдѣлаемъ за-

---

1) Сочиненія К. С. Аксакова, т. I. М. 1861. Сочиненія историческія, стр. 311 — 330.

мѣчаніе о томъ, что до сихъ поръ эта наука не утверждена на прочныхъ естественно-историческихъ основаніяхъ. Въ Гёттингенѣ, въ сентябрѣ прошлаго года, собиралось общество антропологовъ затѣмъ, чтобы условиться въ общихъ принципахъ своей науки. Предсѣдательствовалъ нашъ академикъ К. М. Бэръ, вступительная рѣчь котораго прямо показываетъ, какъ шатки еще естественно-историческія основанія этнографіи. Рѣчь Бэра (Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen in Göttingen. L. 1861, стр. 3 — 29) нѣкоторымъ образомъ касается и науки русскихъ древностей: онъ много разъ обращается въ ней къ русскимъ типамъ и въ славянской краніологіи. Насъ поразило, впрочемъ, одно замѣчаніе его: «Почти всѣ европейскіе народы, говоритъ г. Бэръ, языкъ которыхъ принадлежитъ къ индо-европейской группѣ, имѣютъ довольно сходственное черепное строеніе. Болѣе отклоняющееся строеніе Славянъ, по крайней мѣрѣ обитателей южной Россіи, легко объясняется продолжительнымъ присутствіемъ турецкихъ племенъ» (стр. 12). Слова Бэра, какъ отличнаго естествоиспытателя, очень важны; но другой естествоиспытатель, и притомъ медикъ, поставляетъ насъ въ немалое затрудненіе. Г. Коперницкій, въ своей статьѣ «О краніологическихъ изслѣдованіяхъ надъ строеніемъ славянскихъ череповъ» (Университетскія Извѣстія. Кіевъ 1861, № 1, стр. 81 — 103), признаетъ именно, «что Малороссы болѣе всего сохранили чистоту общеславянскаго краніологическаго типа». Недоумѣніе это только подтверждаетъ мнѣніе Бэра о несовершенствѣ антропологіи. Предоставляемъ естествоиспытателямъ рѣшить этотъ вопросъ. Этнографическихъ изслѣдованій и описаній, въ истекшемъ году, было очень немного; о нѣкоторыхъ изъ нихъ, помѣщенныхъ въ «Воронежскомъ Литературномъ Сборникѣ» и «Воронежской Бесѣдѣ», — мы уже имѣли случай говорить прежде (*Моск. Вѣд.* 1861 г., № 263.). «Поѣздка въ южную Россію», г. Аѳанасьева-Чужбинскаго (Спб. 1861), представляетъ мало собственно этнографическаго интереса и болѣе любопытна въ статистическомъ отношеніи. Болѣе прочихъ этнографическаго ма-

теріала представила *Основа*, южно-русскій вѣстникъ, гдѣ, между многихъ отрывочныхъ замѣтокъ, есть и превосходныя статьи г. Свидницькаго: «Великъ день у Подолянъ» (окт., ноябрь и декабрь) и «Путевыя письма» П. Якушкина, часть которыхъ печаталась и въ *Современникѣ* (№№ 5 и 8). Упомянемъ также и о любопытныхъ путевыхъ письмахъ г. Мельникова, помѣщавшихся въ *Иллюстраціи* (№№ 198 — 200), и о замѣчательной статьѣ г. Бѣлюстина: «Записки о городѣ Калязинѣ» (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачевымъ, книг. 2-я, 1861, стр. 1 — 95).

II.

Переходимъ къ народной поэзіи.

Одинъ изъ людей, близко знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ вопроса о русской народной поэзіи, очень удачно сравнилъ его съ тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ какомъ, по словамъ одной баллады, оказались челядинцы какого-то волшебника: въ его отсутствіе они вызвали духовъ, и тѣ, явившись, принялись за свое обычное занятіе: носить воду; цѣлый потопъ угрожаетъ скромному жилищу волшебника, потому что прислуга его позабыла заклинательную формулу; а безъ нея духи не слушаютъ никакихъ увѣщаній и продолжаютъ носить воду.... Таково положеніе и нашего изученія народной поэзіи: матеріалы растутъ со дня на день, и наука не можетъ найтись среди этого хаоса, не можетъ овладѣть имъ, внести въ эту область свою стройность и порядокъ.

Интересъ возбужденъ въ высокой степени, особенно со времени появленія въ свѣтъ многихъ сборниковъ пѣсенъ и замѣчательныхъ изслѣдованій гг. Костомарова («Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Харьк. 1843) и Буслаева [1]),

1) Въ разныхъ мѣстахъ нашего обозрѣнія намъ придется еще называть «Историческіе очерки русской народной литературы и искусства» г. Буслаева. 2 т. Спб. 1861 (0), но спеціально о нихъ мы не говоримъ, потому что это сочиненіе вышло еще въ 1860 году.

успѣвшихъ съ свойственнымъ имъ талантомъ, отмѣтить существенныя свойства русской народной поэзіи и указать на важность ея историческаго значенія; но общіе выводы, которые бы обняли весь доселѣ накопившійся матеріалъ, еще остаются за русскою наукою; да и вообще какъ-то мало удаются они! На скудость матеріала, кажется, жаловаться особенно нельзя: въ одномъ прошломъ году вышли: два выпуска пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ [1]), первый томъ пѣсенъ, собранныхъ г. Рыбниковымъ [2]), три выпуска духовныхъ стиховъ г. Безсонова [3]), два тома русскихъ народныхъ сказокъ г. Аѳанасьева [4]), одна часть великорусскихъ народныхъ сказокъ г. Худякова [5]), Сборники русскихъ народныхъ пословицъ и поговорокъ г. Даля [6]), малорусскія пословицы и загадки г. Закревскаго [7]), великорусскія загадки г. Худякова [8]) — все это легко можетъ убѣдить каждаго, что не за недостаткомъ матеріала стоитъ дѣло. Правда, сборникъ г. Рыбникова служитъ лучшимъ доказательствомъ и того, что много еще непочатыхъ и неизвѣстныхъ сокровищъ народнаго творчества хранится въ нѣдрахъ простого народа; но ожидая возможнаго въ будущемъ, слѣдуетъ ли оставлять безъ вниманія и разбора настоящее, то, что́ уже есть налицо?

И такъ, въ чемъ же причина того, что груда матеріала остается неразобранною, чуждою ученой обработкѣ, rudis indigestaque moles? Мы не будемъ касаться щекотливаго вопроса, на

---

1) Второй. М. 1861, с. 96 + XXVI; третій. М. с. 124 + XXXVI. Къ нашему обозрѣнію мы присоединяемъ и недавно вышедшій четвертый выпускъ. М. 1862. 138 + CXCIV + 192 столбца.

2) Ч. 1-я: Народныя былины, старины и побывальщины. М. 1861; 488 + XXIV.

3) Калики перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. М. 1861, 1-я часть, VI + 824.

4) Выпуски 5-й (М. 264 с.) и 6-й (М. 372).

5) Выпускъ 2-й. М. 1861, 138 с.

6) Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, въ частяхъ: 2 й и 4-й; окончаніе въ 1-й части 1862 г. Вышли и отдѣльно.

7) Старосвѣтскій бандуристъ. М. 1861, книга 2-я (1860?), стр. 139 — 244.

8) М. 1861, 116 стр.

сколько наша любовь и уваженіе къ наукѣ есть дѣйствительно любовь производительная и плодотворная, а не легкое самодовольное *сочувствіе;* но думаемъ также, что отчасти причины такой ученой неурядицы лежатъ въ тѣхъ, почти неустранимыхъ, трудностяхъ, съ какими встрѣчается наука, разрѣшая вопросъ о русской народной поэзіи. Пояснимъ подробнѣе нашу мысль. Почти у всѣхъ европейскихъ народовъ памятники народной поэзіи сохранились путемъ литературнаго преданія: съ XII вѣка (и даже ранѣе), то самостоятельно, то записанныя во временникахъ или иныхъ какихъ сборникахъ, сохранились многія замѣчательныя произведенія народной поэзіи, а также и прозаическія передѣлки ихъ или простыя лѣтописныя упоминанія о нихъ: стоитъ только перелистать первый отдѣлъ любопытнаго сочиненія Вильгельма Гримма: «Die Deutsche Heldensage», чтобы убѣдиться, какъ, начиная съ Іордана, лѣтописца VI вѣка, длинною цѣпью тянутся лѣтописныя свидѣтельства и самые памятники народной поэзіи даже до настоящаго времени. Изслѣдователь стоитъ здѣсь на твердой и богатой почвѣ: ему нѣтъ нужды реставрировать древнѣйшій видъ преданія только по позднѣйшимъ обломкамъ его, потому, что онъ имѣетъ въ рукахъ путеводную нить преемственныхъ историческихъ его видоизмѣненій. Иное дѣло — у насъ: что бы ни говорили въ послѣднее время о присутствіи народныхъ поэтическихъ элементовъ въ древне-русской литературѣ — главное направленіе ея все-таки остается исключительно богословскимъ; оттого литературнымъ путемъ до насъ не дошло почти никакихъ произведеній древне-русской языческой народной поэзіи, только кое-гдѣ какъ бы вепарокомъ, встрѣчаются глухіе намеки на существованіе ихъ, и то, по большей части, съ душеспасительною цѣлью, чтобы предостеречь отъ пѣсенъ *бѣсовскихъ* и *обычаевъ треклятыхъ Еллинъ.* Сверхъ того, не ранѣе какъ въ исходѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія наша народная поэзія получила нѣкоторыя литературныя права; правда, и въ сборникахъ XVII вѣка попадаются иногда народныя произведенія (духовные стихи и даже историческія пѣсни), но литератур-

ный и ученый интересъ они получаютъ только въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ особенности съ появленія знаменитаго сборника Кирши Данилова (1-е изданіе Якубовича, 1804 г.). Для прочныхъ историко-литературныхъ выводовъ это было едва ли уже не поздно: точно съ неба упала русская народная поэзія—такъ слабы слѣды литературной исторіи ея въ прошедшемъ! Съ той поры собрано много превосходныхъ народныхъ пѣсенъ, преимущественно трудами П. В. Кирѣевскаго; но ни одна изъ этихъ пѣсенъ не можетъ похвалиться чистотою древнѣйшаго вида: всѣ онѣ прошли чрезъ разныя эпохи народной жизни, приняли въ себя много наносныхъ позднѣйшихъ слоевъ, едва сплоченныхъ единствомъ народнаго эпическаго міросозерцанія. Помимо высокаго художественнаго и нравственнаго значенія, какъ *памятникъ историческій*, русская народная былина представляется глазамъ изслѣдователя въ видѣ неорганическаго анахронизма, къ разложенію и разбору котораго онъ не знаетъ какъ и приступить: подъ ногами у него зыбкая почва; не имѣя исторической опоры, онъ долженъ подвигаться ощупью, путемъ догадокъ и предположеній; многія изъ такихъ предположеній могутъ быть несомнѣнны, другія — вѣроятны; но на однѣхъ гипотезахъ нельзя же строить положительную науку! Недостатокъ литературнаго преданія лишилъ науку о народной русской поэзіи строгой достовѣрности, но не интереса; напротивъ, чѣмъ менѣе разработанъ предметъ, чѣмъ менѣе въ немъ опредѣленности, тѣмъ сильнѣе тревожитъ онъ умъ и увлекаетъ пытливость. Обаятельное дѣйствіе этихъ неустановившихся образовъ тѣмъ неотразимѣе, что наука имѣетъ полное право видѣть въ нихъ не пустое порожденіе праздной фантазіи, а то великое былое, что́ пережилъ и перечувствовалъ народъ и что́ ярко врѣзалось въ его памяти. Какъ же найтись въ этомъ, повидимому, безысходномъ противорѣчіи пытливыхъ стремленій съ неблагодарнымъ матеріаломъ? Оцѣнкою одной художественной стороны народнаго произведенія наука не можетъ довольствоваться: она должна знать причину извѣстнаго явленія и его историческій смыслъ, и, если подъ влія-

ніемъ звуковъ родной пѣсни мы довѣрчиво предаемся ей и забываемъ эти вопросы, то это не значитъ еще, чтобы они не были законны, и мы тѣмъ съ бо́льшимъ интересомъ возвращаемся къ нимъ, чѣмъ глубже было художественное впечатлѣніе родного мотива, чѣмъ болѣе онъ тронулъ и согрѣлъ наше сердце. Какъ же быть? Обзоръ современныхъ направленій въ изученіи народной нашей поэзіи, ихъ очная ставка, думаемъ мы, всего лучше объяснятъ это дѣло, и укажутъ путь, слѣдуя которому, можно достигнуть результатовъ, наименѣе произвольныхъ и наиболѣе исторически вѣрныхъ.

Едва ли найдутся теперь люди, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ о русской народной поэзіи держались бы преданій Бѣлинскаго и его школы. Геніальному публицисту, душою и сердцемъ преданному интересамъ современности, не было ни времени, ни средствъ серьознымъ, ученымъ образомъ изслѣдовать русскую народную поэзію: онъ судилъ о ней какъ человѣкъ, одаренный высокимъ художественнымъ чувствомъ, но чуждый историческаго изученія предмета; оттого, при всѣхъ литературныхъ и, такъ сказать, гражданскихъ достоинствахъ его статей по русской народной поэзіи (Пол. Собр. Соч., т. 5), онѣ не стояли въ уровень съ наукою еще въ то время, а тѣмъ менѣе теперь, и если бы встрѣтились гдѣ-либо изслѣдователи въ его направленіи, то мы должны отнести ихъ къ періоду, пережитому наукою, къ *прошедшему*. Разсматривая *настоящее* ея, мы замѣчаемъ два направленія, особенно рѣзко обозначившіяся: одно — если такъ можно выразиться — *патріотическое* или *славянофильское*, другое — *сравнительно-историческое;* полное выраженіе перваго мы находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Безсонова, ученаго издателя пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ[1]); второе только отчасти сказалось въ нѣкоторыхъ трудахъ г. Буслаева [2]). Разница въ

1) Изслѣдованіе г. Безсонова помѣщено въ видѣ замѣтокъ къ 4-мъ доселѣ вышедшимъ выпускамъ рус. народ. пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ, и къ 1-му тому пѣсенъ г. Рыбникова.

2) Историческіе очерки рус. народн. литерат. и искус. т. 1, главы 12, 13, 14, 15 и пр.

ученыхъ изслѣдованіяхъ гг. Безсонова и Буслаева чувствуется съ перваго взгляда: основываясь на положеніяхъ сравнительно-исторической науки о языкѣ, миѳологіи и поэзіи, г. Буслаевъ принимаетъ первоначальную близкую связь этихъ началъ въ эпоху доисторическую и потому поэтическія представленія онъ возводитъ къ миѳологическому источнику; но встрѣчая на русской почвѣ одни слабые обломки или зародыши миѳологическаго эпоса и будучи не въ силахъ реставрировать ихъ въ первоначальномъ видѣ по одному отечественному матеріалу, онъ прибѣгаетъ къ помощи сравнительныхъ сближеній съ миѳическими представленіями прочихъ индо-европейскихъ племенъ, преимущественно Нѣмцевъ и Литвы, какъ болѣе близкихъ къ Славянамъ и по времени ихъ выселенія изъ общей прародины, и по позднѣйшимъ условіямъ быта. Такимъ путемъ уясняется многое, что̀ само по себѣ казалось не только непонятнымъ, но даже безсмысленнымъ. Имѣетъ ли право ученый на такой способъ обработки народныхъ поэтическихъ представленій — объ этомъ и рѣчи быть не можетъ съ той поры, какъ наука признала за несомнѣнный фактъ не только стародавнее единство происхожденія племенъ индо-европейскихъ, но и единство первыхъ началъ цивилизаціи и культуры ихъ, что̀, конечно, немыслимо безъ единства въ развитіи языка, миѳологіи и поэзіи. Мы говорили объ этомъ выше, и возвращаться снова къ законности сравнительнаго метода не считаемъ нужнымъ уже и потому, что противъ этого не ратуетъ никто, ни даже самъ г. Безсоновъ. Потому задача изслѣдователя русской народной поэзіи, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, чтобы сравнительнымъ путемъ объяснить миѳическое зерно преданія и разоблачить его историческій или бытовой смыслъ, отдѣливъ наносные слои и показавъ значеніе каждаго изъ нихъ. Задача — не легкая, и г. Буслаевъ до нѣкоторой степени удовлетворяетъ этимъ требованіямъ: такъ напр., онъ всегда внимателенъ и къ бытовому значенію эпоса, къ тому, какой историческій моментъ народной жизни выражаетъ эпическое произведеніе, а потому, говоря объ Ильѣ Муромцѣ, онъ отличаетъ нѣсколько историческихъ различ-

ныхъ типовъ его, соотвѣтствующихъ важнѣйшимъ эпохамъ народной жизни; но отрывочность, отсутствіе строго выдержанной опредѣленности и не всегда ясное изложеніе много мѣшаютъ ученому достоинству его прекрасныхъ изслѣдованій. Послѣдними качествами мы, между прочимъ, объясняемъ полемику между нимъ и г. Пыпинымъ, полемику, основанную на обоюдныхъ недоразумѣніяхъ [1]). Изъ сказаннаго нами ясно, что мы придаемъ большую цѣну сравнительно-исторической обработкѣ русской народной поэзіи, но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы всякая сравнительно-историческая обработка была вѣрна и истинна: могутъ быть и сравненія и историческіе выводы, но они могутъ быть произвольны и даже совсѣмъ ложны.

Переходимъ къ г. Безсонову. Мы питаемъ особенное довѣріе къ изслѣдователямъ осторожнымъ, у которыхъ фантазія сдерживается разумомъ и смиряется наукою. Такимъ заявляетъ себя и г. Безсоновъ. Много разъ съ благоразуміемъ опытнаго ученаго и съ заботливостью, по истинѣ трогательною, предостерегаетъ онъ современныхъ изслѣдователей народной поэзіи отъ увлеченій и ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ; иногда для вящшей убѣдительности своихъ доводовъ, онъ, съ свойственною ему вѣжливостью, прибѣгаетъ и къ увѣщаніямъ отеческимъ, бичуетъ непокорныхъ и предаетъ позору, называя ихъ то помѣшанными, то школьниками, то бездарными невѣждами. Способъ убѣжденія, какъ извѣстно, не вполнѣ убѣдительный, но за то энергическій. Особенно не нравятся ему тѣ изъ ученыхъ, которые въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ отыскиваютъ миѳологію: противъ нихъ онъ всегда гремитъ цѣлыми іереміадами, *крѣпкое* слово которыхъ сообщаетъ разнообразіе и оживляетъ самыя изслѣдованія, по большей части, скучныя и утомительныя. Изъ предыдущаго читатель могъ видѣть, что мы стоимъ на сторонѣ изслѣдователей-миѳологовъ и, какъ ни прискорбно намъ прослыть за полоумнаго, бездарнаго школьника и невѣжду предъ Обществомъ

1) *Современникъ* 1861, № 1, и *Отеч. Зап.* № 4.

любителей россійской словесности (отъ имени котораго и поручено Безсонову изданіе пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго), но мы охотно миримся съ жосткими и приносящими мало чести благовоспитанному человѣку укоризнами г. Безсонова, надѣясь, что онъ самымъ дѣломъ раскроетъ намъ глаза и уяснитъ темный и запутанный вопросъ о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы прочли, даже изучили его изслѣдованія съ должнымъ вниманіемъ, и откровенно сознаемся, что всѣ вѣжливые упреки свои г. Безсоновъ съ бо̀льшимъ правомъ и истиною могъ бы обратить къ себѣ самому и къ тѣмъ, кто удовлетворяется его ученіемъ. Если бы цѣль нашей статьи была полемическая, то мы доказали бы это по пунктамъ, найдя въ изслѣдованіяхъ г. Безсонова полное оправданіе тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыми онъ надѣляетъ современныхъ изслѣдователей; но для нашей цѣли довольно и немногаго. *Языкъ*, *миѳологія* и *исторія* или *реальный бытъ* — три главные центра, около которыхъ, и совершенно справедливо, вращается изслѣдованіе г. Безсонова. Остановимся на каждомъ. Г. Безсоновъ, безспорно, лингвистъ: слѣдящимъ за наукою были еще прежде извѣстны его геніальныя лингвистическія соображенія (въ примѣчаніяхъ къ изд. г. Бартенева: «Собраніе писемъ Царя Алексѣя Михайловича»), когда онъ въ рукавицѣ съ притчами сокольника Васьки Ярова видѣлъ *яра*-тура Слова о полку Игоревѣ или языческаго *Ярилу*. Въ настоящихъ изслѣдованіяхъ онъ хотя и сближаетъ слова: *быкъ* съ *быть*, *сестра* съ *страна* (будто бы отъ корня *стр.*), но вообще осторожнѣе прежняго, и при всякомъ удобномъ случаѣ не оставляетъ рекомендовать изслѣдователямъ разумнаго употребленія языка. Средствами новѣйшаго языкознанія онъ и самъ пользуется при разборѣ именъ богатырей, и изъ сравнительнаго анализа такихъ словъ выводитъ обыкновенно заключеніе о значеніи богатырскаго типа, потому-де, что имя богатыря не пустой звукъ, а выражало когда-то нарицательное наименованіе свойствъ и природы его. Спору нѣтъ, что это положеніе справедливо, но только тогда, когда существуютъ полные залоги въ древности происхожденія названія, ибо имя богатыря

могло явиться и въ позднее время и даже путемъ книжнаго заимствованія. Поэтому мы думаемъ, что не мѣшало бы быть поосторожнѣе, и не дозволять себѣ тѣхъ подробныхъ заключеній, какія мы находимъ у г. Безсонова, напр. относительно богатырей Сухмана, Потока Ивановича, Чурилы Пленковича, Полкана и др. Вотъ хоть бы имя Полкана — даетъ поводъ г. Безсонову къ остроумнымъ лингвистическимъ соображеніямъ, тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что они скрѣплены и авторитетомъ А. С. Хомякова: *полъ-канъ — полу-конь срав. греч. кен-въ кентавръ* (конебыкъ) *и кон-въ древнѣйш. лит. Консъ, потому полканъ-половинчатый (полъ пола, половина, полка);* далѣе уже предлагается и подтвержденіе этихъ соображеній изъ былинъ и лубочныхъ изображеній. Прекрасно, но развѣ имя Полканъ — русское? Всякому, сколько-нибудь знакомому съ наукой, даже и (употребимъ выраженіе г. Безсонова) школьнику извѣстно, что Полканъ есть извѣстный западный (итальянскій) *Пуликане*, зашедшій на Русь вмѣстѣ съ Бовою и его сподвижниками. Если г. Безсоновъ тяготился навести справки въ изслѣдованіяхъ западныхъ ученыхъ, то зачѣмъ не обратилъ онъ вниманія хотя на 246—7 стр. диссертаціи г. Пыпина, гдѣ это дѣло разъяснено удовлетворительнымъ образомъ? Это избавило бы его отъ грубѣйшаго историко-литературнаго и лингвистическаго промаха. Но главная бѣда не въ этомъ: г. Безсоновъ постоянно пользуется санскритомъ и сравнительною лингвистикою и въ то же время опирается на столпотвореніе Вавилонское и смѣшеніе языковъ. Мы не понимаемъ примиренія между этими двумя пунктами; что-нибудь одно: или признать права науки и оставить туманную область чужихъ преданій, или держаться первой и оставить науку. Можно ли быть лингвистомъ, и въ то же время отрицать органическое происхожденіе языковъ, допуская прихотливый случай и произволъ, какъ причину ихъ появленія? Мы не знаемъ, какъ найтись въ этомъ противорѣчіи, и къ чести г. Безсонова скорѣе готовы думать, что и самъ онъ этого не знаетъ; вся разница въ томъ, что современные изслѣдователи оставляютъ совершенно въ сторонѣ

старинные антинаучные предразсудки и строго держатся науки, а г. Безсоновъ ставитъ и то и другое рядомъ, не позаботившись даже сколько-нибудь связать и осмыслить такія противоположности. Сколько бы ни говорилъ этотъ фактъ въ пользу душевной простоты и наивности автора, все же онъ не свидѣтельствуетъ въ пользу его умственнаго благочинія и добропорядочности. Съ миѳологіей вышло что̀-то едва ли еще не худшее. Начиная съ того, что рѣшительно не поймешь, чего хочетъ изслѣдователь: онъ то совершенно отрицаетъ присутствіе миѳологіи въ древнѣйшихъ богатырскихъ пѣсняхъ, то самъ прибѣгаетъ къ ея помощи для объясненія поэтическихъ образовъ — и притомъ такимъ способомъ, что развѣ мечтанія Дм. Щепкина, да фантазіи барона Шеппинга (котораго поэтому, быть-можетъ, онъ и называетъ осторожнѣйшимъ изъ русскихъ миѳологовъ!) могутъ итти въ сравненіе съ его тяжелыми разысканіями. Миѳологическія объясненія г. Безсонова построены на системѣ Шеллинга. Въ добрый часъ: у Шеллинга можно многому поучиться, но если бы изслѣдователь русской народной поэзіи потрудился дочесть до конца знаменитое произведеніе германскаго философа, то онъ бы ясно понялъ всю несостоятельность своей попытки. На 599 стр. своей книги «О философіи миѳологіи» Шеллингъ именно отказывается приложить свою систему къ древне-германской, скандинавской и даже славянской миѳологіи, потому что онѣ утратили свой первичный характеръ и развитіе ихъ не можетъ быть прослѣжено исторически до первыхъ зародышей; «не только ихъ нужно реставрировать, какъ тѣ произведенія искусства, у которыхъ недостаетъ нѣсколькихъ частей, но ихъ должно вновь создавать по немногимъ слѣдамъ». Ясно, что подъ систему Шеллинга не подходятъ миѳологіи племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ, и г. Безсоновъ въ этомъ случаѣ оказалъ плохую услугу и самой системѣ, и русской наукѣ. Отзываясь иронически и зло объ изслѣдователяхъ, сравнивающихъ русскія народныя преданія съ скандинавскими и нѣмецкими, онъ самъ прибѣгаетъ къ Греціи, и въ ея совершенно народной, особной миѳологіи ищетъ объясне-

нія сказаніямъ русскимъ и вообще славянскимъ. При всемъ нашемъ желаніи проникнуть въ побужденія г. Безсонова, мы не могли извлечь никакой опредѣленной причины этого; но пусть бы даже существовала она, все же мы должны сказать, что такое предпріятіе обнаруживаетъ крайнее непониманіе сравнительно-исторической науки о миѳологіи. Пусть тѣ изслѣдователи, которыхъ язвитъ г. Безсоновъ, и пользуются только *популярными* нѣмецкими книгами (неизвѣстно, на какомъ основаніи говоритъ это г. Безсоновъ), но они стоятъ на твердой почвѣ сравнительно-историческаго изслѣдованія: преданія племенъ нѣмецкихъ, скандинавскихъ, литовскихъ всего ближе къ Славянамъ; долгое время всѣ эти племена составляли одно цѣлое, имѣли одинъ языкъ, одну религію, одни нравы и обычаи; да и пришедши въ Европу и раздѣлившись на отдѣльныя народности, они, по многимъ условіямъ, сохранили больше общаго нравственнаго доисторическаго капитала, остались въ большемъ родствѣ и близости, чѣмъ Греки, успѣвшіе создать самостоятельную художественную народную миѳологію. Этотъ несомнѣнный фактъ современной науки можетъ быть доказанъ статистически: пусть сравнятъ славянскія народныя сказки и преданія съ нѣмецкими, литовскими и греческими; гдѣ болѣе сходства и по количеству и по качеству, а слѣдовательно, гдѣ болѣе мѣста для сравнительныхъ объясненій? И рѣчи не можетъ быть, что и классическій матеріалъ (особенно древнѣйшій), какъ матеріалъ племенъ индо-европейскихъ, во многихъ отношеніяхъ можетъ объяснять славянскую миѳологію, и совершенно удачное, по нашему мнѣнію, примѣненіе его мы находимъ у г. Безсонова въ разборѣ миѳологическаго значенія славянскаго Чура; но ограничиваться одними Греками и простирать свободу сближеній до того, чтобы всѣ черты классическаго Гермеса узнавать въ нашемъ Чурилѣ Пленковичѣ, значитъ по малой мѣрѣ не понимать сравнительно-исторической науки или злоупотреблять ею. Отсутствіе твердой ученой почвы у г. Безсонова видно на каждомъ шагу: гипотеза за гипотезой, и всюду одно воздушное строеніе, одна храмина на песцѣ. Надеждинъ сдѣлалъ когда-то остро-

умное предположеніе о томъ, что *бѣлъ-горючь камень Алатырь* нашихъ духовныхъ стиховъ есть *янтарь*, илектронъ, и что, слѣдовательно, это свидѣтельство доказываетъ древнѣйшую торговлю янтаремъ у русскихъ Славянъ. Предположеніе и оставалось предположеніемъ многіе годы; теперь г. Безсоновъ уже принимаетъ его какъ историческій фактъ, и даже говоритъ, что въ русской жизни былъ цѣлый какой-то *алатырскій періодъ*, соотвѣтствующій періоду стихійному, бродячему, кочевому. Въ Стихѣ о Голубиной книгѣ поется о томъ, что когда рыба потрется о камень Илиторъ — «и на Руси той рыбы ловцамъ не добыть, а птицамъ ее не убить—и того году смерти ей не будетъ»,—г. Безсоновъ видитъ здѣсь электричество! Все это, какъ подумаешь, изъ-за одного предположенія Надеждина, не подкрѣпляемаго *ни однимъ историческимъ свидѣтельствомъ*![1]) Мы назвали выше воззрѣніе г. Безсонова патріотическимъ; оно, дѣйствительно, заслуживаетъ этого названія, потому что повторяетъ старыя мечтанія покойнаго К. Аксакова [2]) и къ этой ветхой ризѣ пришиваетъ еще новыя заплаты. Прежде всего о вліяніи христіанства, по мнѣнію г. Безсонова, *задача* русскаго народа — *выяснить* въ своемъ творчествѣ *ликованіе* этой новой жизни. Напрасно вы будете говорить, что таковаго *ликованія* въ русскихъ богатырскихъ былинахъ нѣтъ, и что слѣды христіанскаго вліянія являются какъ внѣшняя неорганическая прибавка позднѣйшаго времени, что старинное эпическое чудесное, будетъ ли оно миѳологія и богатырство, — живою струей проходитъ по всей русской богатырской народной поэзіи, что смѣна стараго, темнаго порядка вещей на новый, свѣтлый происходила въ народномъ сознаніи, а слѣдовательно и въ поэзіи, независимо отъ христіанскихъ вліяній, —

1) О торговлѣ янтаремъ говоритъ одинъ только Массуди, но его извѣстія не относятся къ русскимъ Славянамъ.

2) Въ историческихъ сочинен. К. Аксакова, М. 1861, перепечатана съ небольшими дополненіями ст. его: «Богатыри князя Владиміра». Это простое, хотя и нелишенное литературнаго достоинства, изложеніе пѣсенъ. Объ историческихъ замѣчаніяхъ этой статьи мы имѣли случай говорить прежде, при ея первомъ появленіи въ свѣтъ. *Моск. Вѣд.* 1857, №№ 56, 64 и 66.

для изслѣдователей-патріотовъ это не убѣдительно, потому что, кромѣ способа познавать разумомъ, они допускаютъ еще иной... Кончая свои замѣтки о богатыряхъ, г. Безсоновъ изъявляетъ свою радость, что многія его положенія, напримѣръ о существованіи и значеніи старшихъ богатырей, о роли, которую играетъ въ былинахъ Русская земля или земщина и т. д.,—положенія, открытіе которыхъ онъ вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу, приняты всѣми критиками съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ нѣчто давно извѣстное и непреложно истинное. Не знаемъ, на чемъ основалъ г. Безсоновъ свое убѣжденіе въ такомъ «неожиданномъ успѣхѣ»; по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, никто изъ критиковъ не попытался серьознымъ образомъ стать на почву ученаго издателя пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, повѣрить его положенія и оправдать ихъ. Это, дѣйствительно, было бы «неожиданнымъ успѣхомъ»; кому же изъ серьозныхъ людей придетъ въ голову доказывать значеніе земли и земщины въ русской народной поэзіи хоть, напр., слѣдующими фактами: «богатырь Святогоръ ѣдетъ по чисту полю и ему грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени. Вотъ и говоритъ Святогоръ: какъ бы я тяги нашелъ, такъ бы я всю землю поднялъ! Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи на маленькую сумочку перелетную; беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется, двинетъ перстомъ ее — не сворхнется, хватитъ съ коня рукою — не подымается... слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня, ухватилъ онъ сумочку обѣими руками, поднялъ сумочку повыше колѣнъ и по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ, а по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ. Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ». Въ объясненіяхъ г. Безсоновъ говоритъ, что эта маленькая переметная сумочка — земля русская, уже окрѣпшая, сложившаяся: она сильнѣе его и побѣдила его. Въ другой разъ или, вѣрнѣе, по другой былинѣ онъ встрѣчаетъ прохожаго и проситъ его пріостановиться. Пріостановился тотъ, снималъ съ плечъ сумочку и складывалъ на сыру землю. Богатырь не подыметъ сумочки, только могъ духъ подпустить, да и то угрязъ въ землю по колѣна. Дивится онъ и получаетъ

отвѣтъ: «въ сумочкѣ у меня тяга земная», и здѣсь г. Безсоновъ видитъ *землю* въ смыслѣ *земщины*, *народа; землею* — онъ даже называетъ жизнь, наступившую послѣ періода кочевого. Распространяя аллегорическое толкованіе до такихъ предѣловъ, можно вездѣ и во всемъ видѣть не только земщину, но и что́ угодно, и не правы ли мы были, сравнивъ толкованіе г. Безсонова съ мечтаніями покойнаго Дм. Щепкина: совершенно тотъ же методъ въ очевидной и съ перваго взгляда понятной вещи—видѣть одну оболочку для чего-то необыкновенно мудренаго и далекаго. Земля, въ которую погрязъ Святогоръ, будь она просто землею, не дала бы тѣхъ чудныхъ для исторіи выводовъ, открытіемъ которыхъ такъ гордится г. Безсоновъ. О, какъ трудно, подумаешь, для нѣкоторыхъ изслѣдователей сочетать науку съ здравымъ смысломъ! Оригинально также объясненіе извѣстнаго преданія: «Отчего перевелись витязи на святой Руси». Извѣстно, что, по этому преданію, богатыри вызвали на бой силу нездѣшнюю и, не одолѣвъ ее, побѣжали въ пещеры и окаменѣли. Здѣсь уже не земля (humus), а богатыри являются представителями земщины или земли. Земля скрылась съ поприща внѣшней, государственной исторія, и съ этой стороны названа исчезающею, *каменѣющею, умирающею, гибнущею;* «ей предлежало пройти исторію болѣе внутреннюю, на этомъ пути очистить что́ наросло на ней внѣшняго и грубаго», потому «народъ уходилъ отъ внѣшности внутрь къ своимъ началамъ и основамъ, къ своему народному духу, ища тамъ спасенія, онъ шелъ въ *подземелья*, скрывался въ *пещеры*, *умиралъ* для внѣшности, чтобы ожить внутренно; умиралъ не трупомъ, а *мощами*, соблюдающими жизнь среди самаго умиранія, т. е. богатыри, бѣжавшіе въ пещеры и окаменѣвшіе— это *земля*, ушедшая подъ землю, внутрь себя, къ духу своему...»— Объясненіе хорошее, хотя и не совсѣмъ понятное! Нѣчто подобное говорилъ еще г. Шевыревъ, только наоборотъ; но совершенно иное говоритъ намъ сравнительно-историческая миѳологія: въ этомъ окаменѣніи богатырей она видитъ смѣну одного миѳологическаго періода другимъ. Если бы здѣсь была та глубокая

философская аллегорія, которую ищетъ г. Безсоновъ, то зачѣмъ не только у Славянъ, но и у другихъ племенъ индо-европейскихъ мы находимъ подобныя же миѳическія представленія [1]), а вѣдь тамъ, кажется, *земля* не уходила въ *подземелья*, въ *пещеры*, не умирала мощами... Въ основаніи изслѣдованій г. Безсонова лежитъ совершенно справедливая мысль, что извѣстному періоду народной жизни соотвѣтствуютъ и опредѣленные поэтическіе образы; но въ примѣненіяхъ этой мысли онъ крайне неточенъ и допускаетъ произволъ почти невообразимый. Такъ напр., почему Потокъ есть представитель кочевья, быта стихійнаго, какъ выражается изслѣдователь, *расплывчатаго*, только потому, что его имя, послѣ долгихъ филологическихъ операцій и натяжекъ, даетъ нѣкоторые намеки на понятія о движеніи, ходьбѣ и т. д. Какъ опредѣленны и послѣдовательны историческія воззрѣнія г. Безсонова, это видно изъ того, что признавая новороссійскую систему г. Погодина о заселеніи южной Руси до XIII—XIV вѣка великорусскимъ племенемъ и о сравнительно позднемъ выселкѣ Украинцовъ изъ-за Карпатъ, онъ въ то же время у этихъ послѣднихъ ищетъ слѣдовъ великорусской поэзіи, и для объясненія Нестора приводитъ *русскую* сказку о Никитѣ Кожемякѣ, представляющую очевидно *вторичный* побѣгъ или передѣлку извѣстнаго народнаго мѣстнаго украинскаго преданія о Кириллѣ Кожемякѣ, которымъ онъ не заблагоразсудилъ воспользоваться! Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія геніальный Яковъ Гриммъ указалъ на точку зрѣнія, съ которой должно изучать народныя преданія: онъ отдѣлилъ истину строго историческую отъ истины идеальной, относительной, исторію — отъ поэзіи, опредѣлилъ ихъ связь и взаимныя отношенія. У г. Безсонова и то и другое, и исторія и поэзія, являются снова въ смѣшанномъ видѣ: о богатыряхъ онъ говоритъ, какъ о лицахъ строго историческихъ, дѣй-

1) Укажемъ на нѣкоторыя: у Словаковъ—Kollar. Narod. Zpiew d. 1. Anm. 4; у Литовцевъ—Tettau und Temme. Volkssagen Ostpreussens, Litthauens etc. № 246, стр. 232; у Кельтовъ — Alf. Maury. Les fées du moyen-âge, стр. 94, 95. Ср. Буслаева Ист. Очер., т. I, стр. 386 — 7, и II т., стр. 13—15.

ствительныхъ (4 вып. XXXV), хотя въ то же время и объясняетъ всѣ ихъ дѣла и подвиги аллегорически, слишкомъ хитро и мудрено, а потому и не вѣрно. На каждомъ шагу онъ встрѣчаетъ противорѣчія своей системѣ, и потому часто оговаривается, вмѣсто одного богатыря подставляетъ другого, нѣсколькихъ соединяетъ въ одно лицо. Такъ къ Потоку онъ относитъ многія сказки, совершенно ему не принадлежащія, и на основаніи ихъ дѣлаетъ заключенія; отношенія Ильи Муромца къ сыну переноситъ на иного богатыря, боярина Ставра отожествляетъ съ Данилой и т. д. На всѣхъ объясненіяхъ г. Безсонова лежитъ отпечатокъ какой-то литературной искусственности: точно какъ будто народъ творилъ богатырскіе типы не путемъ наивнаго, безсознательнаго творчества, а путемъ литературнымъ, обдуманнымъ, положивъ себѣ напередъ такъ, а не иначе творить и придумать форму для выраженія своихъ мыслей и идеаловъ. Но довольно о недостаткахъ изслѣдованій г. Безсонова; на нашъ взглядъ, они яснѣе дня доказываютъ безпомощность изслѣдователя, рѣшающагося пренебречь сравнительно-историческимъ изслѣдованіемъ: вышедъ изъ сферы науки, онъ очутился въ сферѣ полнаго произвола. Это постоянное блужданіе безъ кормила среди хаотическихъ стихій, съ которыми онъ не въ силахъ управиться!

Но отзываясь такимъ образомъ объ изслѣдованіяхъ г. Безсонова и не видя въ нихъ никакого проку для науки, мы не можемъ умолчать о заслугахъ его, какъ издателя пѣсенъ. Здѣсь всякій помянетъ добромъ его дѣятельность: всѣ пѣсни изданы чрезвычайно тщательно, съ необходимыми объясненіями словъ и обширными пояснительными выдержками изъ сказокъ и преданій, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Жаль только, что не всегда издатель пользовался богатымъ матеріаломъ *Губернскихъ Вѣдомостей*. Внѣшній порядокъ въ изданіи пѣсенъ также соблюденъ, хотя, конечно, по *собственной* системѣ издателя; корректура безукоризненна. Но всего важнѣе въ издательскомъ трудѣ г. Безсонова, это «Указатель» къ пѣснямъ, собр. г. Кирѣевскимъ: для изслѣдователя это вещь необходи-

мая, чтобы принять во вниманіе всѣ факты и не упустить чего-нибудь изъ виду. Содержаніе пѣсенъ этимъ указателемъ исчерпывается вполнѣ. Мы бы пожелали только, чтобы нѣкоторые предметы были также выдѣлены изъ общаго поличнаго изложенія и представлены подъ особою рубрикой; таковы напр. одежда, украшенія, понятія о красотѣ и т. д. Это составило бы превосходный матеріалъ для исторіи народной поэзіи и культуры. По всему этому, сколько можно сѣтовать на заносчиваго изслѣдователя, напустившаго много тумана на русскую науку, столько нельзя не быть признательнымъ къ издателю, честно и трудолюбиво исполнившему свое дѣло.

Переходимъ къ самымъ пѣснямъ. Первая часть «Собранія пѣсенъ» Кирѣевскаго окончена: она заключаетъ въ себѣ пѣсни богатырскія. Нужно сознаться, что особенно новыхъ былинъ мы не встрѣтили въ этомъ собраніи: бóльшая часть изъ нихъ была уже извѣстна изъ прежнихъ сборниковъ Кирши Данилова и академическаго; но за то сборникъ г. Рыбникова вознаграждаетъ наши ожиданія, и мы совершенно согласны съ издателемъ, что онъ долженъ составить эпоху въ нашемъ взглядѣ на русскую народную поэзію. Въ истекшемъ году вышла 1-я часть его (2-я печатается), заключающая въ себѣ народныя былины, старины и побывальщины: кромѣ былинъ, уже извѣстныхъ, здѣсь встрѣчаемъ мы и совершенно новыя, каковы: о Вольгѣ Всеславьевичѣ (въ которомъ издатель, неизвѣстно почему, видитъ Олега Святославича?!) и Микулѣ, о богатыряхъ: Сухманѣ или Суханѣ, Святогорѣ, о Потокѣ и др., затѣмъ пѣсни новгородскія, московскія и многія другія. Какъ важенъ сборникъ г. Рыбникова для исторіи нашей народной поэзіи, это видно изъ превосходной статьи г. Буслаева о русскомъ богатырскомъ эпосѣ (*Рус. Вѣст.* 1862, кн. 3), которая появилась теперь, когда мы пишемъ эти строки. Здѣсь предлагается характеристика древнѣйшаго поколѣнія нашихъ богатырей, богатырей *старшихъ* или великановъ. Еще прежде, основываясь на свидѣтельствахъ языка, нѣкоторыхъ письменныхъ и устныхъ источникахъ, изслѣдователи наши пред-

полагали существованіе древнѣйшаго, титаническаго періода въ исторіи русскаго эпоса; теперь, благодаря сборнику г. Рыбникова, дѣло значительно прояснилось, такъ что г. Буслаевъ могъ уже извлечь довольно полную характеристику богатырей-великановъ. Разсматривая ихъ, какъ олицетвореніе грубыхъ силъ и явленій природы, еще не покоренной человѣку, онъ отличаетъ нѣсколько породъ великановъ и говоритъ, что изъ всѣхъ ихъ русскіе Славяне преимущественно развили представленіе о великанахъ моря и рѣкъ; горные великаны встрѣчаются рѣже потому, что самая природа страны ихъ, ровная и безгорная, не даетъ повода къ созданію подобныхъ представленій. Древнѣйшій титаническій періодъ исторіи нашего эпоса можно бы пополнить и нѣкоторыми устными преданіями, на которыя у насъ обращаютъ еще крайне мало вниманія, тогда какъ безъ приведенія въ извѣстность и точнаго изслѣдованія ихъ всѣ наши выводы о русской народной поэзіи будутъ односторонни и невѣрны. Нѣмецкая наука давно это поняла: стоитъ просмотрѣть обнародованный недавно каталогъ сборниковъ народныхъ сказаній (Die Literatur der Sagensammlungen въ Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte v. J. Müller und J. Falke. 1857. №№ 6—9), чтобы убѣдиться, съ какою любовью нѣмецкіе ученые воздѣлываютъ эту важную отрасль народной поэзіи, и какъ высоко цѣнятъ такой историческій матеріалъ; геніальныя изслѣдованія Гримма и послѣдователей его школы только и возможны потому, что въ Германіи нѣтъ уголка, котораго мѣстныя преданія не были бы приведены въ общую извѣстность и не сдѣлались бы достояніемъ науки. У насъ — это, покамѣстъ, desiderata: многими преданіями, разбросанными въ періодическихъ изданіяхъ, изслѣдователи не могутъ пользоваться, какъ за недостаткомъ строгихъ библіографическихъ основаній науки, такъ и за невозможностью имѣть всѣ изданія подъ руками. Три книги «Русскихъ преданій», изданныхъ г. Макаровымъ (М. 1838—40 г.), какъ всѣ литературныя работы его, поражаютъ смѣшеніемъ самаго наивнаго вздора съ вещами дѣйствительно важными. А потому мы думаемъ, что не худо бы

на пользу русской науки, хотя бы изъ извѣстныхъ уже литературныхъ источниковъ, собрать всѣ мѣстныя преданія, отдѣливъ годное отъ негоднаго, дѣйствительный историческій матеріалъ отъ досужихъ фантазій. Мы глубоко убѣждены въ пользѣ такого дѣла, и потому позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя общія соображенія по этому предмету. Если богатырскія пѣсни рѣдко бываютъ прикрѣплены къ какой-нибудь опредѣленвой мѣстности и проносятся по всѣмъ странамъ русской земли изъ конца въ конецъ, то *преданіе мѣстное* почти всегда имѣетъ туземный характеръ и тѣмъ живуче, что относится къ такому предмету (напр. лѣсу, горѣ, скалѣ и т. д.), съ которымъ человѣкъ свыкся съ первыхъ дней юности и который неотступнымъ своимъ присутствіемъ напоминаетъ о себѣ, поддерживая такимъ образомъ испоконвѣка идущее о немъ преданіе.

Эти дорогія народному сердцу воспоминанія далекой старины не менѣе, если не болѣе, богатырскихъ пѣсенъ — хранители истинной исторіи народа. Они — та же положительная исторія, только возведенная на высоту идеи, исторія, повѣренная съ религіозно-нравственной народной точки зрѣнія, а потому стоящая выше обыкновенной повседневной мелкой истины. Основаніе преданій — почти всегда миѳологическое; нужды нѣтъ, что исторія слой за слоемъ накладываетъ свои быстро смѣняющіеся слѣды: въ умѣ народа они укладываются легко и не смущаютъ души его своими анахронизмами, находя примиреніе въ сферѣ народнаго вѣрованія. «Безъ такой миѳической основы, говоритъ Як. Гриммъ, сказаніе невозможно, какъ невозможна исторія безъ случившихся событій. Въ то время, какъ судьбы исторіи совершаются дѣлами людей, сказаніе носится надъ ними, какъ призракъ, что̀ между ними свѣтитъ, какъ благоуханіе, которое низходитъ къ нимъ. Никогда не повторяется исторія: она вездѣ нова и свѣжа, неисчерпаемо возрождается сказаніе. Прочнымъ шагомъ на землѣ идетъ исторія, но крылатое сказаніе подымается и опускается: его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ. Гдѣ далекія событія

потерялись бы во мракѣ временъ, тамъ онъ сплетаетъ съ ними сказанія и умѣетъ сохранить нѣкоторую часть ихъ; гдѣ миѳъ ослабѣлъ и готовъ распасться, тамъ поддерживаетъ его исторія. Когда же миѳъ и исторія совпадаютъ и внутренно соединяются, тогда основываетъ зданіе эпосъ и выводитъ свои нити» (Schlegel's Museum, 1813 г., ст. Mythe, Sage und Geschichte). Этими словами, думаемъ мы, какъ нельзя лучше опредѣляются взаимныя отношенія исторіи и сказанія, и указывается путь къ изслѣдованію. Исторія каждаго народа начинается сказаніемъ, «оно не оставляетъ ее долго потомъ, пока идетъ жизнь по стародавнимъ началамъ, пока старина и преданіе покрываютъ произволъ проторгающейся личности». Потому бѣдна та исторія, которая не имѣетъ, подобно дню, своего утра, и мы не думаемъ, чтобы такова была наша исторія: прекрасный сборникъ народныхъ пѣсенъ г. Рыбникова показалъ, какія непочатыя и никому невѣдомыя сокровища духовной жизни хранятся въ нѣдрахъ простого народа; нѣтъ причины не думать, что другой какой-нибудь усердный собиратель не сдѣлаетъ того же относительно мѣстныхъ преданій. Тогда станетъ возможною и общая харастеристика русскаго народнаго эпоса, ограничивающаяся покамѣстъ отрывочными замѣчаніями. Изъ вышеприведенныхъ словъ Гримма ясно выходитъ, что всякій эпосъ имѣетъ миѳологическое основаніе, и русскій въ этомъ случаѣ—не исключеніе. Если г. Безсоновъ и не видитъ этого, то причиной тому, кромѣ личной наклонности, быть можетъ и отсутствіе сборниковъ мѣстныхъ преданій. Но миѳологія, каково бы ни было ея развитіе, въ нашей поэзіи есть несомнѣнно, и потому изслѣдователю предстоитъ прежде всего отдѣлить общій индо-европейскій матеріалъ, вынесенный славянскими племенами изъ ихъ родины, объяснить его первоначальный смыслъ сравнительно и потомъ уже его видоизмѣненія на славянской и русской почвѣ, или же возникновеніе и развитіе новаго, подъ вліяніемъ новой природы и новыхъ историческихъ обстоятельствъ. Дѣло очень трудное, скажутъ намъ, за неимѣніемъ историческихъ основаній и литературнаго преданія; но оно не

невозможное! Средства къ достиженію цѣли предлагаетъ наука сравнительной миѳологіи и языкознанія: пользуясь ею, изслѣдователь можетъ внести порядокъ въ груду матеріала и прійти къ вѣрнымъ историческимъ результатамъ, а безъ сравнительнаго компаса онъ неминуемо попадетъ въ водоворотъ чаромутія, гдѣ закружился и даже такой сильный и опытный пловецъ, какъ г. Безсоновъ. Возвращаясь еще на минуту къ пользѣ обнародованія мѣстныхъ преданій, мы замѣтимъ, что, кромѣ высокаго миѳологическаго значенія, они имѣютъ и литературное, какъ подспорье къ объясненію произведеній нашей древней литературы, *развившейся также по мѣстностямъ*. Въ періодическихъ изданіяхъ истекшаго года мы можемъ указать немного статей по народнымъ пѣснямъ: запорожская пѣсня о былой казацкой славѣ [1]), пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря [2]), сборникъ малороссійскихъ и галицкихъ пѣсенъ и думъ (по большей части уже извѣстныхъ), г. Закревскаго [3]), сборничекъ пѣсенъ въ «Воронежской Бесѣдѣ» и здѣсь же статья г-жи Кохановской: «Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ» [4]), «Былина объ Ильѣ Муромцѣ съ сыномъ и два мѣстныхъ преданія въ Воронежскомъ Литературномъ Сборникѣ» [5])—вотъ все, что̀ представилъ истекшій годъ собственно по русской пѣснѣ и преданію. О важнѣйшемъ мы уже говорили прежде (см. *Моск. Вѣдомости*, 1861, № 263), а потому и считаемъ лишнимъ повторять сказанное. Въ заключеніе укажемъ на замѣтку г. Максимовича: «О словутномъ пѣвцѣ Митусѣ» [6]), котораго мы до сихъ поръ считали пѣвцомъ-поэтомъ княжескимъ. Г. Максимовичъ говоритъ просто, что онъ былъ церковный пѣвецъ владыки перемышльскаго, но не хотѣвшій

---

1) *Лѣтописи русской литературы и древности*, 1859 — 60 (?!) года. Книга VI. М. 1861, стр. 87, III-го отд.

2) Ibidem, стр. 88.

3) Старосвѣтскій бандуриста. М. 1861, ч. 1-я, стр. 1—136.

4) Спб., стр. 156—167 II-го отд., и стр. 381—401 I-го отд.

5) Воронежъ, I-е отд., стр. 59—65, и III-е отд., 499—506.

6) *Основа*, южно-русск. вѣстникъ, іюнь, стр. 19—20.

поступить въ пѣвчіе князя Данилы Романовича, за что его *раздранаго яко связьня привѣдоша*. Но это едва ли такъ, потому что Лѣтопись Волынская (подъ 1241 г.) упоминаетъ о плѣненіи Митусы, какъ о чемъ-то важномъ, что́ не имѣло бы смысла, если бы дѣло шло о простомъ пѣвчемъ. Въ существованіи на Руси княжескихъ пѣвцовъ, подтверждаемомъ многими свидѣтельствами, теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Сказками русская литература богаче, чѣмъ былинами: не то, чтобы ихъ было болѣе по количеству, но онѣ разнообразнѣе и доступнѣе народу, чѣмъ былины. Не каждый умѣетъ передать былину, требующую счастливой памяти, извѣстнаго развитія поэтическаго и даже музыкальнаго; не каждый въ состояніи усвоить себѣ мѣрную рѣчь, иногда длинную и продолжительную, а потому поются былины только немногими способнѣйшими, остальные же слушаютъ и поучаются. Не такова сказка: она доступна каждому, безъ различія возраста и пола, и сказывается тоже почти каждымъ, кого природа не обидѣла фантазіей, а жизнь дѣйствительная—досугомъ. Сказку вы встрѣтите вездѣ, или вѣрнѣе, нѣтъ мѣстности, гдѣ бы ее нельзя было встрѣтить. Этимъ — на нашъ взглядъ — объясняется живучесть сказки, цѣлые вѣка не перестающей быть *современною* литературною формою народной поэзіи, тогда какъ былина давно стала *стародавнимъ* преданіемъ, безъ котораго позднѣйшія поколѣнія могутъ обойтись, и дѣйствительно часто обходятся. Правда, не полна и бѣдна поэзія народа, у котораго нѣтъ чарующихъ воспоминаній въ прошедшемъ, воспоминаній, съ которыми онъ привыкъ соединять возвышенныя національныя чувства; но болѣзненна выходитъ она, когда вся предается имъ и погружается въ нихъ, забывая интересы современности. Да это едва ли и возможно: какъ бы ни были будничны и обыкновенны такіе интересы, они сами собою вторгаются въ поэзію, какъ мечта, какъ стремленіе къ идеалу, все же вызванному жизнью дѣйствительною. Стоитъ только взглянуть на сказку со стороны изображаемыхъ въ ней лицъ и событій, чтобы убѣдиться, что она современнѣе былины. Правда, въ ней часто хра-

нятся древнѣйшія миѳологическія представленія, но мѣсто дѣйствія почти всегда на землѣ, между обыкновенныхъ людей и животныхъ, съ ихъ обыденною обстановкою. За то и лишена она величія и эпической строгости былины: богатырскій олимпъ сказка сводитъ на землю и вмѣсто великихъ дѣлъ героевъ, вмѣсто этого предмета благоговѣйнаго созерцанія человѣка, дѣлаетъ самого человѣка и его дѣла предметомъ созерцанія. Оттого въ ней возможна и веселая шутка, и даже каррикатура, чего такъ заботливо избѣгаетъ былина, настроенная на возвышенной тонъ серьознаго повѣствованія о томъ, что́ достопримѣчательнаго случилось въ старину-стародавнюю. Шутка—у мѣста и у времени—только по горячимъ слѣдамъ своего появленія, только выхваченная прямо изъ живой дѣйствительности и въ отношеніи къ ней, далѣе она стушевывается, теряетъ свой юморъ и становится въ разрядъ общихъ мыслей, быть-можетъ, замѣчательныхъ въ философскомъ отношеніи, но лишенныхъ поэтическаго колорита. И такъ, сказка *современные* былины и по своему литературному характеру ближе къ народу, доступнѣе ему; но не слѣдуетъ однако думать, чтобы всѣ наши сказки были поздняго происхожденія; напротивъ, благодаря своей свободѣ и подвижности, своей вольной рѣчи, онѣ сохранили богатый миѳологическій матеріалъ, который, конечно, въ старину входилъ и въ былины, но исчезъ вмѣстѣ съ ними, такъ какъ не въ силахъ были освободиться отъ однажды опредѣлившейся мѣрной формы преданія, нарушить которую народъ считалъ за дѣло невозможное.

Опредѣлить литературное происхожденіе и значеніе сказки необходимо затѣмъ, чтобы знать, чего мы вправѣ искать отъ нея и какъ можно пользоваться ею, какъ историческимъ памятникомъ. Когда начинаетъ колебаться народная миѳологія, и наивное вѣрованіе, служившее ей основой, переживаетъ само себя, тогда миѳы исчезаютъ не вдругъ и продолжаютъ свое существованіе только въ новомъ видѣ: они или, все болѣе и болѣе окрашиваясь національнымъ колоритомъ, переходятъ совершенно въ героическія народныя сказанія (какъ это видимъ и у насъ во мно-

гихъ былинахъ), или же очищаются и отбрасываютъ все рѣзко народное, отличительное и удерживаютъ общечеловѣческія черты и воззрѣнія: тогда является сказка. Такимъ образомъ сказка являетси какъ бы противоположностью былинѣ, сказанію. Это послѣднее имѣетъ историческій характеръ, и если не всегда коренится на дѣйствительномъ событіи, то, говоря о лицахъ и событіяхъ вымышленныхъ, всегда называетъ ихъ по именамъ, опредѣляетъ время и мѣсто дѣйствія, и тѣмъ сообщаетъ историческую обстановку воспринимаемымъ миѳическимъ представленіямъ: атрибуты и свойства какого-нибудь божества былина переноситъ на извѣснаго героя и даже на дѣйствительныя историческія личности, отдаленные миѳическіе образы — пріурочиваетъ къ дѣйствительнымъ мѣстностямъ, разсказывая, напр., о какой-нибудь рѣкѣ то, что́ въ эпоху жизни миѳа имѣло лишь значеніе миѳическое. Иное дѣло — сказка. Она не только не имѣетъ народныхъ историческихъ основаній, но почти и никакого отношенія къ исторіи народа, — она какъ будто пренебрегаетъ исторіей. То, о чемъ разсказываетъ сказка, совершается какъ бы внѣ опредѣленнаго времени и извѣстнаго пространства; потому ни мѣсто дѣйствія, ни лица дѣйствующія не носятъ опредѣленнаго имени, или по крайней мѣрѣ не имѣютъ исторически достовѣрныхъ именъ[1]). Былина даже и тамъ, гдѣ всего болѣе видно участіе фантазіи, всегда основывается на преданіи, и потому идетъ за достовѣрную исторію; сказка же есть складка, произведеніе фантазіи, и если ее довѣрчиво слушаютъ, то вовсе не потому, чтобы принимали ее за дѣйствительное событіе, а по ея внутренней правдѣ, по ея нравственнымъ основаніямъ. Истина сказки всегда субъективна, потому и фантазія здѣсь дѣйствуетъ смѣлѣе и свободнѣе, безъ опасеній опустить что-нибудь важное

1) Относительно нашихъ народныхъ сказокъ мы должны оговориться: многія изъ нихъ суть не иное что, какъ передѣлка былинъ, а потому и имѣютъ собственныя исторически-достовѣрныя имена.

и прибавить лишнее, является насмѣшка, иронія и юморъ [1]). Изо всего этого ясно видно истинное значеніе сказки. Если при изслѣдованіи былины необходимы сравненія, сближенія съ однородными произведеніями поэзіи индо-европейскихъ племенъ, то при разборѣ сказки они еще необходимѣе: былина не рѣдко вырастаетъ на народной почвѣ путемъ независимымъ, историческимъ, потому и требуетъ объясненій историческихъ, сказка же совершенно чужда историческихъ воспоминаній: въ ней выступаютъ жизнь частная, домашняя, съ ея завѣтными понятіями и обычаями, или же воспоминанія доисторическія, объясненіе которыхъ невозможно безъ сравнительныхъ сближеній. Въ сказкѣ болѣе миѳологіи, можетъ-быть, именно потому, что менѣе исторіи, менѣе мѣста вліяніямъ времени и обстоятельствъ. Такимъ образомъ, необходимо прежде всего воспользоваться богатымъ миѳологическимъ и бытовымъ матеріаломъ народной сказки. Литературная оцѣнка ея придетъ, такъ сказать, сама собою, какъ слѣдствіе сближенія съ однородными произведеніями другихъ народовъ, а потому сказка, всегда представляя *современный* родъ народной словесности, будучи всегда вѣрна народной жизни, на какой бы ступени развитія эта жизнь ни стояла, имѣетъ огромное значеніе, какъ историко-литературное произведеніе и матеріалъ для уразумѣнія народности. Она — наличный свидѣтель настоящихъ нравственныхъ убѣжденій народа и итогъ всего пережитаго имъ. Съ этой точки зрѣнія русскія народныя сказки еще не подвергались историко-литературному изслѣдованію, можетъ-быть потому, что и здѣсь мы ждали уроковъ отъ Нѣмцевъ. Дѣйствительно, какъ ни странно, но первое добропорядочное изданіе русскихъ сказокъ вышло на нѣмецкомъ языкѣ [2]), затѣмъ и у насъ появи-

---

1) Прекрасныя общія соображенія о сказкахъ мы находимъ въ предисловіи В. Гримма къ изданію Kinder- und Hausmärchen и въ сочин. В. Вакернагеля: Die Epische Poesie, помѣщенномъ въ Schweizerisch. Museum für historische Wissenschaften. 1837—8, т. 1 и 2.

2) Dietrich. Russische Volksmärchen, mit einem Vorwort v. J. Grimm. Сказки почти всѣ съ лубочныхъ изданій.

лись сборники Бронницына (1838) и Сахарова (1841), но достойнаго издателя сказки нашли только въ лицѣ г. Аѳанасьева: пятый и шестой [1]) томы его богатаго собранія появились въ истекшемъ году, но безъ обычныхъ примѣчаній и объясненій, которыя издателемъ отнесены къ будущему, седьмому и вмѣстѣ заключительному, тому всего изданія. Въ выборѣ сказокъ г. Аѳанасьевъ, очевидно, имѣлъ въ виду возможную полноту, потому и не ограничивался *сказками* въ тѣсномъ смыслѣ, но внесъ въ свой сборникъ и народные анекдоты, весьма важные для опредѣленія международныхъ (конечно, не въ смыслѣ политическомъ) отношеній, и сказки изъ источниковъ письменныхъ и простые разсказы. Почти всѣ сказки записаны въ Великороссіи, и лишь не многія носятъ на себѣ слѣды украинской народности. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны сказки тѣхъ мѣстностей, гдѣ великорусская народность сливается съ малорусскою. Г. Аѳанасьевъ не придерживается никакого особаго плана при изданіи и не старается распредѣлить сказки по какимъ-либо особымъ рубрикамъ. Дѣйствительно, такая классификація возможна только тогда, когда исчерпается предметъ вполнѣ, когда онъ разработается историко-критически; а у насъ — можно сказать — дѣло только начинается. Тѣмъ не менѣе, нельзя не пожелать для пользы науки, чтобы издатель при седьмомъ выпускѣ приложилъ и указатель предметовъ и этнографическую таблицу сказокъ, т. е. ихъ распредѣленіе по мѣстностямъ. Знакомый съ современными задачами этнографіи и исторіи литературы легко пойметъ всю, отсюда проистекающую, пользу при опредѣленіи мѣстныхъ оттѣнковъ народнаго характера, общественнаго и литературнаго развитія. Такъ какъ почтенное изданіе г. Аѳанасьева приводится къ концу, то мы думаемъ, что не худо было бы извлечь изъ него и нѣкоторые общіе результаты, разумѣется, принявъ во вниманіе и иные сборники (какъ напр., сборникъ великорусскихъ сказокъ г. Худякова, 2 вып., М. 1860—1 г.) и тѣ не многія литера-

1) Шестой томъ заключаетъ въ себѣ сказки, собранныя г. Далемъ.

турныя соображенія объ этомъ предметѣ, какія имѣются въ нашей литературѣ. Изъ нихъ мы отмѣтимъ: двѣ статьи г. Пынина по поводу первыхъ выпусковъ изданія г. Аѳанасьева (*Отечеств. Записки* 1856 г., №№ 4 — 5), прекрасную главу о славянскихъ сказкахъ въ «Историческихъ Очеркахъ», г. Буслаева (т. I, с. 308 — 354) и гипотезы г. Безсонова («Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ», т. I, вып. 4, стр. CL—CXCIV). Съ этими послѣдними нужно обращаться крайне осмотрительно: онѣ легко могутъ ввести въ заблужденіе своею смѣлостью, рѣшительно снимающею всѣ трудности и противорѣчія, но это только на первый взглядъ; всматриваясь въ нихъ ближе, легко замѣтить всю внутреннюю ихъ несостоятельность и произвольность. Критическіе пріемы г. Безсонова—тѣ же, что́ и при разборѣ былинъ: во всемъ онъ видитъ аллегорію для выраженія мудреныхъ философскихъ и историческихъ понятій, принадлежащихъ славянофильской школѣ; такъ напр. въ сказкѣ говорится, что Иванъ-царевичъ Елену прекрасную (свою сестру) хотѣлъ привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю; г. Безсоновъ замѣчаетъ, что этимъ *конечно* выражено, какъ русскій народъ окончательно развязался съ *родовымъ* бытомъ. Мы тоже не принадлежимъ къ защитникамъ родового быта въ русской исторіи, но не думаемъ, чтобы такою убѣдительною экзегетикою можно было поддерживать и защищать какія бы то ни было историческія мнѣнія. Всѣ объясненія г. Безсонова въ томъ же родѣ, только нѣкоторыя (въ особенности миѳологическія) еще мудренѣе и хитрѣе: извѣстный сказочный мотивъ, что герой, котораго преслѣдуютъ, припадаетъ ухомъ къ *землѣ*, желая узнать, близка, далека ли погоня, толкователь обращаетъ въ *свою* пользу и видитъ здѣсь опять *земщину*, *сложившійся народъ*, прикрывая такую вопіющую вещь наживо схваченными положеніями изъ философіи миѳологіи Шеллинга. Грецію также снова рекомендуется для сравненій: «Русскій народъ, говоритъ г. Безсоновъ, въ связи съ прочими Славянами, даже въ остаткахъ своего творчества, современныхъ намъ, передалъ повѣсть своего бытія до-

историческаго глубже, выразительнѣе и обильнѣе многихъ современныхъ народовъ Европы. Здѣсь ближе всего мы можемъ сравнить его съ Греціей. Вотъ достаточное поле для тысячи будущихъ русскихъ миѳологовъ, и *улики для настоящихъ*, промѣнявшихъ эти величавые образы доисторической жизни, съ которыми трудно разстаться всякому любителю древностей, на *гончую охоту* (что̀ за бойкое перо у этого человѣка!), со свѣтильникомъ нѣмецкой миѳологіи, за крохами, случайно оброненными изъ язычества въ жизнь историческую и христіанскую». Приличны ли въ ученомъ разсужденіи такія выходки — мы не будемъ говорить, но будущій историкъ русской цивилизаціи не разъ съ грустью остановится на этомъ печальномъ проявленіи дикаго невѣжества одного изъ членовъ передоваго литературнаго русскаго общества! Возвратимся къ нашему предмету. Менѣе всего въ русской наукѣ извѣстны сказки украинскія, а между ними есть столько замѣчательныхъ въ историко-литературномъ отношеніи! Въ этомъ убѣдиться не трудно, просмотрѣвъ хоть слабые переводы г. Даниловскаго, помѣщавшіеся когда-то въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Потому нельзя не пожелать скорѣйшаго изданія украинскихъ сказокъ, обѣщающихъ для науки обильные и, можетъ-быть, совершенно новые результаты; но для такого дѣла недостаточно одного усердія, а необходимъ и тактъ, и умѣнье сдѣлать выборъ. Сказокъ всякаго рода не трудно добыть (чему доказательствомъ служитъ напр. сборникъ украинскихъ сказокъ, г. Жемчужникова, напечатанный во 2-мъ т. «Запискахъ Южной Руси» г. Кулиша. Спб. 1857, стр. 1—103); но трудно найти хорошихъ сказокъ, оттого дѣло издателя и собирателя, на нашъ взглядъ, не должно ограничиваться простымъ записываніемъ всего, о чемъ ни говоритъ разсказчикъ, вѣрною передачею первой подвергнувшейся подъ руку сказки; нѣтъ, онъ долженъ умѣть отличать хламъ отъ хорошей и замѣчательной въ историческомъ и литературномъ отношеніи сказки, долженъ умѣть вызвать на это разсказчика, который тоже не всегда бываетъ въ ударѣ и одну и ту же сказку можетъ разсказать или съ воодушевленіемъ, или вяло и безжиз-

ненно; въ послѣднемъ случаѣ сказка превращается въ сухой и пошлый пересказъ содержанія, совершенно безполезный для науки, которая именно дорожитъ здѣсь мелочами и частностями. И, говоря откровенно, мы не можемъ сказать, чтобы наши издатели въ этомъ случаѣ были очень разборчивы.

Духовные стихи — вмѣстѣ съ легендами и житіями святыхъ — представляютъ единственный родъ нашей народной христіанской поэзіи; на нихъ было обращено вниманіе гораздо позднѣе, чѣмъ на всѣ прочіе роды народной словесности и, несмотря на это, кругъ ихъ такъ не великъ, содержаніе такъ не многосторонне, что уже теперь явилась возможность приготовить сколько-нибудь полное собраніе ихъ. Такой трудъ предпринялъ г. Безсоновъ и, нужно сказать, выполнилъ его достойнымъ образомъ. Его изданіе называется: «Калѣки перехожіе», сборникъ стиховъ и изслѣдованій. До сихъ поръ появился въ свѣтъ первый томъ (3 вып. 824 с.), весь занятый только текстами стиховъ. Изданы они ученымъ образомъ, по многимъ спискамъ (съ устъ народа, или со старинныхъ рукописей и печатныхъ книгъ), съ необходимыми варіантами духовныхъ пѣсенъ Сербовъ и Болгаръ, даже съ нотами и рисунками. О порядкѣ, въ какомъ изданы стихи, мы не станемъ распространяться какъ потому, что намъ не извѣстны литературныя побужденія издателя, такъ и потому, что не видимъ въ томъ или другомъ планѣ дѣла первой важности, лишь былъ бы изданъ матеріалъ, а наука сумѣетъ овладѣть имъ и внести свою стройность и порядокъ! Но за то мы не можемъ умолчать о нѣкоторыхъ литературныхъ понятіяхъ г. Безсонова. Калѣкъ перехожихъ онъ возводитъ ко времени доисторическому, къ глубочайшей славяно-русской древности, и въ стихахъ, распѣваемыхъ ими, видитъ особый самобытный родъ поэтической дѣятельности русскаго народа. Мы думаемъ, что это значитъ смѣшивать разнородныя вещи. Безспорно, въ старину существовало у насъ непосѣдное, бродячее сословіе калѣкъ перехожихъ; но что́ это были за люди и что́ пѣли они — объ этомъ пока нельзя говорить положительно, за неимѣніемъ литературныхъ и истори-

ческихъ данныхъ; быть-можетъ, въ извѣстныхъ нынѣ духовныхъ стихахъ и удержалось что-нибудь изъ ихъ поэзіи, но вообще теперешніе пѣвцы—нищіе и ихъ пѣсни не могутъ считаться прямыми потомками калѣкъ перехожихъ, и принимать поэзію ихъ за своеобразное и самобытное произведеніе народнаго творчества—не то ли же, что въ самомъ нищенствѣ видѣть одинъ изъ элементовъ русской *народности*, одно изъ *своеобразныхъ* проявленій *народной* жизни русскаго человѣка, какъ писалъ когда-то г. Снегиревъ[1])! Духовные стихи возникли въ относительно позднее время, въ XVI—XVII вв., и притомъ, большею частью, изъ источниковъ литературныхъ: отреченныхъ книгъ, житій святыхъ и т. д. Они не были ни своеобразными, самобытными произведеніями русскаго народнаго творчества, ни исключительною собственностью русскаго народа, какъ справедливо замѣтилъ г. Срезневскій[2]). Мы встрѣчаемъ подобныя произведенія и у западныхъ Славянъ, и въ остальной Европѣ: очевидно поэтому, что ихъ и изучать нужно сравнительно, не задаваясь патріотическими задами объ ихъ высокой древности и самобытности. Въ изданіи г. Безсонова помѣщены, если такъ можно выразиться, все стихи православные, но нельзя не пожелать, чтобы онъ не остановился на этомъ и издалъ бы, мало еще извѣстные, стихи сектантовъ, раскольниковъ. Опасенія за неприкосновенность и чистоту чьихъ-либо помысловъ и убѣжденій—здѣсь едва ли умѣстны: изданіе назначается для людей, стоящихъ далеко отъ раскола и связанныхъ съ нимъ только наукою, да единствомъ общечеловѣческихъ интересовъ; предполагать соблазнъ въ этомъ случаѣ и неосновательно, и недобросовѣстно! А между тѣмъ сколько выиграла бы наука, сколько просвѣтлѣла бы и самая жизнь, недвижно лежащая во мракѣ суевѣрія только оттого, что этому суевѣрію нельзя показаться на свѣтъ Божій и собственными гла-

1) «Литературный Вечеръ», М. 1844 г., статья: «Справки о началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ до 18 столѣт.», стр. 18.

2) *Извѣстія Академіи Наукъ* по II Отдѣл., т. 9-й, вып. 5, стр. 367—372.

зами убѣдиться въ своей несостоятельности. Какъ важна для исторіи литературы поэзія раскола—это видно даже изъ небольшаго количества раскольничьихъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ духовныхъ стиховъ г. Варенцова (стр. 174—202) и при извѣстной книгѣ г. Надеждина «О скопческой ереси» (Спб. 1845 г.). Въ послѣднее время на этотъ предметъ указалъ г. Буслаевъ въ своей превосходной статьѣ: «О русскихъ духовныхъ стихахъ»[1]), написанной по поводу изданій гг. Варенцова и Безсонова. Въ послѣднее время намъ почти не случалось читать по исторіи русской поэзіи ничего, что́ бы было такъ основательно и удачно, какъ это небольшое сочиненіе: въ немъ мы находимъ всѣ условія для литературной долговѣчности и вліянія, если этому не помѣшаетъ малая распространенность журнала, гдѣ оно появилось! Собственно говоря, изслѣдованіе это не исчерпываетъ вопроса о русскихъ духовныхъ стихахъ, оно касается только немногихъ сторонъ ихъ, каковы напр. художественный стиль духовныхъ стиховъ, въ которомъ г. Буслаевъ видитъ соотвѣтствіе романскому - чудовищному стилю средневѣковаго искусства и поэзіи; поэзія сектантовъ и раскольниковъ и ко всему этому, совершенно вѣрный взглядъ на отношеніе древней литературы къ новой, мѣткая постановка вопроса, спокойствіе въ тонѣ и отсутствіе полемики. Статья о духовныхъ стихахъ напомнила намъ нѣкоторые прежніе труды г. Буслаева: доброе вліяніе ихъ отразилось въ наукѣ съ полнымъ и благотворнымъ успѣхомъ, мы пожелаемъ этой доли и сочиненію, о которомъ ведемъ рѣчь: оно вполнѣ заслуживаетъ этого! Говоря о поэзіи сектантовъ, слѣдуетъ сказать о какой-то Голубиной Книгѣ, упоминаемой въ скопческихъ страдахъ, какъ о книгѣ, данной отъ Божьяго сына. Между сектантами также ходитъ преданіе, что въ старину, до пришествія лже-христа, живое слово Божіе, «содержавшее въ себѣ предсказаніе о лже-христѣ, хранилось записаннымъ и въ

1) *Русская Рѣчь* 1861, №№ 21, 23 и 26, а также и отдѣльный оттискъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Голубиной Книгѣ». «Подъ именемъ Голубиной Книги, замѣчаетъ при этомъ Надеждинъ, обращается понынѣ въ простонародіи чрезвычайно любопытное собраніе разныхъ легендъ и миѳовъ, содержащихъ въ себѣ, можно сказать, энциклопедію высшей народной мудрости, объясняющихъ происхожденіе и составъ міра, истолковывающихъ таинства природы и вообще все, чѣмъ подстрекается народное любопытство. Это собраніе—происхожденія, вѣроятно, очень древняго,... пользуется особливымъ уваженіемъ у всѣхъ почти раскольниковъ. Списки его... очень рѣдки» («О скоп. ереси», стр. 291, примѣч.). Любопытно знать, что́ это такое: просто ли стихъ о Голубиной Книгѣ, прозаическая ли его перворедакція, или дѣйствительно собраніе различныхъ миѳовъ и легендъ, до сихъ поръ неизвѣстное наукѣ?

Изъ прочихъ отдѣловъ народной поэзіи болѣе всего посчастливилось пословицамъ и поговоркамъ. Послѣ долгихъ превратностей судьбы, огромный сборникъ г. Даля появился въ свѣтъ. О существованіи его мы знали еще изъ чтенія собирателя въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ въ 1847 г.[1]) и тогда же были представлены и выдержки изъ него, касающіяся семейнаго быта, родства и свойства; теперь иждивеніемъ Общества исторіи и древностей собраніе г. Даля напечатано вполнѣ: оно заключаетъ въ себѣ за 30 тысячъ пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и т. д. Не только дружественно, но и съ полною признательностью отнесется къ этому громадному труду г. Даля всякій, кто дорожитъ успѣхами отечественной науки. Мы даже думаемъ болѣе: онъ долженъ имѣть и не малое вліяніе на установленіе общихъ историческихъ воззрѣній, еще колеблющихся между старою историческою системою и новыми стремленіями къ изученію народности! Пословицы и поговорки есть какъ бы энциклопедія вѣками сложившихся народныхъ понятій и убѣжденій, а потому, если русскій народъ не былъ только слѣпою, безсознательною силою своей исторіи, а принималъ въ

1) См. *Современникъ* 1847, № VI, «Смѣсь» 143—156.

ней и сознательное, живое участіе, то въ поговоркахъ и должны отразиться слѣды этой жизни. Они дѣйствительно и отразились, какъ показываетъ собраніе г. Даля, подтверждающее такимъ образомъ прежніе выводы изслѣдователей народной поэзіи о степени участія народа въ русской исторіи. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ отдѣлъ пословицъ и поговорокъ подъ рубрикою: *Русь—родина, народъ, языкъ*. Это какъ бы цѣлая живая исторія междуплеменныхъ отношеній: въ томъ или другомъ прозваніи, насмѣшливомъ или серьозномъ, въ пустомъ, повидимому, анекдотѣ или характеристикѣ, какую даетъ одинъ народъ другому, въ понятіяхъ наконецъ народа о самомъ себѣ нельзя не видѣть яркихъ слѣдовъ прожитой исторической жизни. Пусть первоначальный поводъ, по которому составилось прозвище, и забылся, и оно стало однимъ нарицательнымъ именемъ, для историка все-таки важна его лингвистическая и историческая *палеонтологія*, потому что съ другими пособіями онъ можетъ по ней возсоздать цѣльный и стройный историческій образъ. Да къ тому же извѣстно, что никто такъ мѣтко не способенъ охарактеризовать народъ или племя, какъ его сверстники по исторіи, идущіе съ нимъ подъ однимъ жизненнымъ уровнемъ: ихъ простому, непосредственному зрѣнію доступнѣе тѣ особенности народнаго быта и характера, которыхъ не можетъ уловить историкъ, осматривающій жизнь и судьбу исчезнувшихъ поколѣній съ высоты всепримиряющей безстрастной науки. Любопытнѣйшія подробности общественнаго, частнаго и семейнаго быта, понятій и сужденій русскаго народа предлагаетъ намъ собраніе г. Даля; но, къ сожалѣнію, между *народными* пословицами и поговорками помѣщено не мало и *книжныхъ* со всѣми признаками ихъ тяжелаго, иногда схоластическаго, происхожденія. Устранить ихъ изъ сборника не легко, но и не невозможно: стоило только опредѣлить мѣстность каждой пословицы и поговорки [1]); но на это требованіе современ-

1) Книжное происхожденіе пословицы видно съ перваго взгляда даже по языку.

ной науки почтенный собиратель не обратилъ почти никакого вниманія, быть-можетъ, потому, что когда составлялся сборникъ, о важности опредѣленія мѣстности пословицъ и поговорокъ не могло быть и рѣчи! Это единственный и самый важный недостатокъ собранія г. Даля, значительно уменьшающій его цѣну и значеніе для исторической науки. Теперь историкъ, при всемъ глубокомъ довѣріи къ истинѣ и вѣрности собранія г. Даля, имѣетъ право основать на немъ только *общія* заключенія и выводы о русскомъ народѣ, тогда какъ съ точнымъ опредѣленіемъ мѣстностей, каждая область русской земли получила бы отдѣльныя своеобразныя очертанія, свою, такъ сказать, *этнографію*. Мы не говоримъ, чтобы было возможно опредѣлить мѣстность *всѣхъ* пословицъ: многое множество изъ нихъ не принадлежитъ никакой мѣстности и гуляетъ по всему русскому міру, какъ общее достояніе, но немало и пословицъ совершенно мѣстныхъ, которыя хороши и у мѣста въ одной, а непонятны и странны въ другой мѣстности. Точное опредѣленіе мѣстностей въ пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ, легендахъ и преданіяхъ, по нашему мнѣнію, могло бы сдѣлать эпоху въ разработкѣ русской народности и сообщить прочное направленіе исторической наукѣ. О малороссійскихъ и галицкихъ пословицахъ и поговоркахъ г. Закревскаго мы упоминали прежде (*Моск. Вѣд.* 1861, № 263).

На народныя загадки у насъ доселѣ обращали мало вниманія: изданы были только два сборничка малороссійскихъ и одинъ великорусскихъ загадокъ, такъ что и небольшое собраніе г. Худякова («Великорусскія загадки». М. 1861, стр. 116) является не лишнимъ. Онъ довольно тщательно собралъ все, что̀ могъ изъ извѣстныхъ печатныхъ источниковъ и дополнилъ это небольшимъ собственнымъ собраніемъ, указывая вездѣ на мѣстность.

Въ небольшомъ предисловіи онъ указываетъ на миѳическій характеръ загадки и, по нашему мнѣнію, заходитъ уже слишкомъ далеко, когда во всякомъ *пѣтухѣ со шпорами* видитъ арійскій миѳъ только потому, что такой пѣтухъ есть и у нѣмцевъ. На такомъ сходствѣ основывать выводы для сравнительной миѳологіи

значитъ, по малой мѣрѣ, не понимать направленія этой науки, имѣющей свой опредѣлительный и твердый методъ, для котораго такое внѣшнее, случайное сходство значитъ очень мало или ничего не значитъ![1]) Упомянемъ въ заключеніе этого обзора явленія по русской народной поэзіи о тѣхъ журнальныхъ статьяхъ, въ которыхъ видна хотя какая-нибудь попытка осмыслить и разработать факты по этому предмету. Таковы критическіе разборы «Историч. Очерковъ» г. Буслаева, написанные г. Мордовцовымъ (*Русское Слово* 1861, №№ 2, 3, 4), неизвѣстнымъ авторомъ (*Библіот. для Чтенія* 1861, №№ 4, 5, 6, 7); статьи по поводу пѣсенъ гг. Кирѣевскаго и Рыбникова, г. Бестужева-Рюмина (*От. Записки* 1861, №№ 6, 7), Ѳ. Устрялова (*Вѣкъ* 1861, №№ 32 и 35), г. Филонова (*Журн. Мин. Н. Просв.* 1861, № 6) и наконецъ г. Пыпина (*Соврем.* 1861, к. VI).

III.

Ровно четверть столѣтія тому назадъ открылись первые университетскіе курсы исторіи русской литературы.

Въ незаманчивомъ видѣ вышла на свѣтъ эта новая наука: безъ исторіи позади, безъ прочнаго метода впереди, лишенная самыхъ необходимыхъ источниковъ и пособій, она, подобно дворянчикамъ нашего добраго стараго времени, была зачислена на общественную службу прежде совершеннолѣтія, прежде чѣмъ успѣла окрѣпнуть и стать на ноги!

Разработка рукописной старины ограничивалась почти однимъ составленіемъ сухихъ каталоговъ; изъ памятниковъ старинной литературы были извѣстны лишь очень немногіе; трудная работа предстояла ученымъ: добывать матеріалъ и вмѣстѣ строить изъ него зданіе.... По неопредѣленности метода и скудости содержанія въ исторію литературы вносилось все, о чемъ только

---

1) Замѣтимъ кстати, что богатый сборникъ великорусскихъ пословицъ г. Срезневскаго, какъ видно изъ «Отчета Русскаго Географическаго Общества», будетъ скоро изданъ въ *Этнографическомъ Сборникѣ*.

можно было встрѣтить хотя малѣйшее упоминаніе въ нашей письменности: событія политическія, церковныя, юридическія учрежденія, анекдоты и даже извѣстія медицинскія—все это, направленное къ цѣлямъ душеспасительнымъ, возводилось къ одному высшему началу, которымъ и умирялась нескладица такого свалочнаго магазина разнородныхъ вещей. Источникомъ ученаго вдохновенія бывали при этомъ чувства патріотическія: обыкновенно обращались къ *священнымъ* стѣнамъ Кремля и ихъ обаяніемъ восполняли недостатокъ содержанія и бѣдность мысли.

Монументальнымъ памятникомъ этого хаотическаго періода въ исторіи нашей науки остались извѣстныя лекціи г. Шевырева, которыя недавно явились въ нѣсколько поновленномъ видѣ (и съ продолженіемъ), но съ тѣми же признаками титаническаго неустройства элементовъ, какъ и прежде. Г. Максимовичъ пытался-было точнѣе опредѣлить содержаніе науки (въ своей «Исторіи древней русской словесности», кн. 1-я, 1839. Кіевъ), и ему удалось бросить свѣтъ на нѣкоторые филологическіе вопросы, входящіе въ исторію русской литературы, но самаго предмета онъ едва коснулся, и остановился на первой книгѣ, чувствуя, быть-можетъ, недостатокъ предварительной разработки.

Мы поминаемъ эту старину не ради одного суетнаго желанія хвастнуть на счетъ ея своими настоящими успѣхами, но для того, чтобы объяснить нѣкоторыя, идущія отъ этого времени, обыкновенія и привычки, которыя, по нашему мнѣнію, несовмѣстны съ современнымъ воззрѣніемъ на исторію литературы вообще и требуютъ устраненія. На нихъ мы еще будемъ имѣть случай остановиться въ продолженіе нашего обзора, а теперь взглянемъ на *современное* состояніе науки исторіи русской словесности. Сказать ли, что теперь, чрезъ двадцать лѣтъ, предварительныя работы уже окончены? Напротивъ, въ строгомъ смыслѣ онѣ только что начались: только въ послѣднее время получили надлежащее признаніе вопросы о русской народной поэзіи, о поэтическихъ народныхъ началахъ въ древне-русской литературѣ, о переводныхъ и оригинальныхъ повѣстяхъ и романахъ до XVIII в.,

о сочиненіяхъ апокрифическихъ, отреченныхъ, о литературномъ значеніи житій святыхъ и вообще произведеній повѣствовательной литературы и т. д. Честь возбужденія и посильнаго отвѣта на эти вопросы принадлежитъ, главнымъ образомъ, гг. Буслаеву и Пыпину, хотя, конечно, попытки ихъ далеки еще отъ окончательнаго рѣшенія. Разработка рукописной старины производится чрезвычайно дѣятельно: три тома «Памятниковъ старинной русской литературы», гг. Костомарова и Пыпина, изданія II отдѣленія Академіи Наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Русскаго Археологическаго Общества, Казанской Академіи и г. Тихонравова — ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣтъ недостатка во вниманіи и интересѣ къ старинным текстамъ. Со времени появленія въ свѣтъ знаменитаго Востоковскаго «Описанія рукописей Румянцовскаго Музея», наука уже болѣе не довольствуется сухимъ методомъ гг. Калайдовича и Строева, но вмѣстѣ съ точнымъ описаніемъ рукописи предлагаетъ и рѣшеніе важнѣйшихъ литературныхъ и историческихъ вопросовъ. Таковъ напр., почтенный трудъ гг. Горскаго и Невоструева. Однимъ словомъ, наука исторіи русской словесности изъ живописной энциклопедіи всякой всячины, изъ свалочнаго вороха разнообразнаго товара, чѣмъ она была лѣтъ за пятнадцать предъ этимъ, успѣла возвыситься на степень положительной науки съ своимъ опредѣленнымъ методомъ, съ своею цѣлью — объяснить художественную и литературную дѣятельность народа. Она стала вѣрною опорою народной исторіи, и безъ нея эта послѣдняя неминуемо впадетъ въ односторонность и не согрѣетъ ничьего нравственнаго чувства.

Прошедшій годъ не останется бѣлою страницею въ лѣтописяхъ науки: онъ принесъ ей не только одинъ сырой матеріалъ, но и тщательную разработку нѣкоторыхъ вопросовъ. На нихъ особенно мы остановимся. Съ открытіемъ такъ-называемыхъ «Пражскихъ отрывковъ», вопросъ о происхожденіи глагольской письменности какъ бы обновился, особенно когда Шафарикъ, съ свойственнымъ ему безкорыстнымъ и высокимъ самоотвер-

женіемъ отрекся отъ своего (и общепринятаго) мнѣнія и отдалъ право древнѣйшаго происхожденія глаголицѣ, приписавъ изобрѣтеніе ея св. Кириллу. При такой постановкѣ вопроса небезполезно было для вѣрныхъ выводовъ на будущее время—обозрѣть весь небогатый запасъ сохранившихся глагольскихъ памятниковъ. Это и предпринялъ акад. Срезневскій[1]). Неизвѣстно, къ какимъ выводамъ придетъ онъ въ заключеніе своего обозрѣнія, которое еще не кончено; по крайней мѣрѣ для исторіи русской словесности интересенъ и важенъ одинъ фактъ: *это существованіе Глаголицы на Руси*. Къ такому заключенію приходилъ и г. Бодянскій[2]), утверждая, что у насъ, съ принятіемъ христіанства, «съ одинаковою ревностью списывалось, какъ съ Кириллицы, такъ и съ Глаголицы»; почти въ то же время и г. Срезневскій[3]) отыскалъ слѣды Глаголицы въ русскихъ памятникахъ X вѣка и пришелъ къ любопытному выводу, что договорныя грамоты Святослава и Игоря писаны *Глаголицей*, а потомъ съ Глаголицы, быть-можетъ, переведены на Кириллицу. Послѣ отчетливаго разбора языка «Пражскихъ отрывковъ» г. Срезневскимъ, едва ли остается какое-либо сомнѣніе въ существованіи Глаголицы въ нашей древней письменности; языкъ «Пражскихъ отрывковъ» есть русско-славянскій, но передѣланный Чехомъ или Моравцемъ. Отнынѣ это можетъ быть занесено въ исторію литературы, какъ фактъ. Въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ*, по отдѣленію русскаго языка и словесности, г. Срезневскій напечаталъ начало (2 ст.)

---

1) *Извѣстія Археологическаго Общества*, Спб. 1861, т. III. Статья, помѣщенная въ 1, 3, 6-мъ выпускахъ, подъ заглавіемъ: «Изъ обозрѣнія глаголическихъ памятниковъ», со снимками. Сюда же слѣдуетъ отнести и его статью: «О глаголическихъ буквахъ на Иверской грамотѣ 982 г.». *Извѣстія Акад. Наукъ* по 2-му отдѣл., т. X, вып. 1-й, стр. 78—90 и 2-ю статью г. Викторова: «Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ», въ *Лѣтописи русской литературы и древности*, г. Тихонравова, к. 5-я, 1—55 стр.

2) *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей*, 1859, книга 1-я, статья «Московскіе Глагольскіе отрывки», Отд. Славян. матеріал., стр. 8.

3) *Извѣстія Археологич. Общества*, т. 1-й, Спб. 1859, статья: «Слѣды Глаголицы въ X вѣкѣ», стр. 371—2.

общаго повременнаго обозрѣнія *древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка*[1]). Это—указатель памятниковъ древностей литературы и языка въ хронологическомъ порядкѣ, съ небольшими историко-литературными и библіографическими замѣтками. Въ пользѣ подобныхъ руководящихъ обозрѣній не можетъ быть сомнѣнія; но мы бы позволили себѣ, для точнѣйшаго распредѣленія предметовъ и, смѣемъ думать, для большей пользы — пожелать, чтобы хотя въ концѣ этого указателя были отдѣлены собственно памятники языка, помѣченные годами или даже столѣтіями, отъ памятниковъ собственно литературныхъ: послѣдніе не всегда относятся къ тому столѣтію, къ которому слѣдовало бы ихъ отнести по содержанію, да къ тому же иногда и въ самомъ содержаніи можно замѣтить составныя части различныхъ вѣковъ! Знаніе вѣка рукописи, при изученіи исторіи литературы, болѣе чѣмъ необходимо. Трудъ г. Срезневскаго напомнилъ намъ почтенный «Списокъ русскихъ памятниковъ», М. 1822, П. И. Кёппена. Между ними много общаго, только, конечно, обозрѣніе г. Срезневскаго почти во сто разъ богаче матеріаломъ[2]). Статья г. Сухомлинова: «О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи»[3]) первое въ нашей литературѣ по этому любопытному предмету. Въ своемъ разсужденіи «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» (Спб. 1856) г. Сухомлиновъ мало обратилъ вниманія на эту, едва ли не важнѣйшую въ литературномъ отношеніи, часть лѣтописи; теперь же, воспользовавшись нѣкоторыми отрывочными замѣчаніями другихъ ученыхъ, пред-

---

1) *Извѣстія Академіи Наукъ* по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. X. Спб. 1861 г., выпуски 1 и 2-й, стр. 1—36, 81—109.

2) Желаніе соблюсти возможную полноту заставило г. Срезневскаго внести въ свое обозрѣніе такіе памятники, которые въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть названы ни памятниками, ни даже *вещью существовавшею*, таковы: грамотка на стрѣлѣ Настаса Корсунянина, молитва Св. Владимира по крещеніи Кіевлянъ и мн. др. Почему, въ такомъ случаѣ, не внести извѣстной *рѣчи* Святослава къ своимъ воинамъ...?

3) *Основа*, южно-русскій литературный ученый Вѣстникъ. 1861 г., іюль, стр. 51—71.

ставляетъ объ этомъ особыя изслѣдованія, занесенныя въ лѣтопись, а потомъ и народныя: скандинавскія и славянскія. По слѣдамъ, указаннымъ еще г. Буслаевымъ, авторъ довольно подробно сличаетъ месть Ольги съ исландскими Nial-saga и Styr-saga; по всему вѣроятію, этимъ имѣлось въ виду доказать скандинавскій источникъ русскаго преданія, но при всемъ нашемъ желаніи прійти къ тому же убѣжденію, мы не могли найти между приведенными преданіями никакой органической связи, никакого даже подобія; есть нѣкоторое отдаленное сходство между способами мести, какіе употребляетъ Ольга, и нѣкоторыми проявленіями скандинавской жизни, но вѣдь этого одного недостаточно для того, чтобы преданіе относить къ скандинавскимъ! На разборѣ лѣтописнаго сказанія о смерти Олега отъ своего коня — слѣдуетъ остановиться подробнѣе. По мнѣнію г. Сухомлинова, въ основѣ этого преданія лежитъ мысль о неизбѣжности судьбы, что она постигаетъ человѣка именно тогда, когда онъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполнѣ безопасенъ; въ доказательство этого и приводится польскій народный разсказъ о зловредныхъ очахъ, но такимъ сближеніемъ только, по нашему мнѣнію, усложняется дѣло, потому что во-1-хъ, польскій разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописнымъ сказаніемъ, да къ тому же и не доказываетъ мысли о неотразимости опредѣленій судьбы, потому что нигдѣ не говорится, чтобы старому слугѣ необходимо было умереть отъ взгляда своего пана; во-2-хъ, такихъ сказокъ множество у разныхъ народовъ и нѣкоторыя изъ нихъ очень близки къ преданію объ Олегѣ (см. W. Schwartz Der heutige Volksglaube und das alte Heidenthum. B. 1850, особенно стр. 21—22), но объясняютъ ли онѣ его? Вотъ сербское преданіе, записанное г. Сухомлиновымъ въ Шабцѣ на Фрушкой горѣ, чрезвычайно важно для рѣшенія вопроса о русскомъ или скандинавскомъ происхожденіи нашего лѣтописнаго сказанія. Шлецеръ въ своемъ «Несторѣ» не сомнѣвался, что оно скандинавское и идетъ отъ саги объ Орварѣ-Оддѣ. Не такъ рѣшительно говорилъ объ этомъ ученый издатель Antiquités

Russes — Рафнъ. Принимая въ соображеніе, что сага объ Орварѣ-Оддѣ принадлежитъ къ XIII вѣку и что сочинитель ея былъ превосходно знакомъ съ географіею Руси — можно подумать о заимствованіи обратномъ, т. е. Скандинавами отъ Русскихъ, но этому противорѣчитъ существованіе подобнаго преданія въ Норвегіи, гдѣ, слѣдуя сагѣ, жилъ Орваръ Оддъ. Рафнъ колеблется въ своемъ окончательномъ заключеніи и относитъ сказку къ разряду первоначальныхъ преданій, происхожденіе которыхъ скрывается въ глубинѣ отдаленной древности и которыя принадлежатъ всему племени индо-европейскому. Нѣчто подобное находимъ мы у Эзопа въ баснѣ объ изваянномъ львѣ, въ пасти котораго скрывалась змѣя (Antiq. Russes, t. I, p. 91). На этомъ заключеніи, мы думаемъ, едва ли можно теперь остановиться: правда, сербская сказка какъ нельзя лучше подтверждаетъ существованіе исконнаго индо-европейскаго мотива; въ ней, въ чертахъ поразительно сходныхъ, разсказывается то же, и объ Орварѣ-Оддѣ или Олегѣ, но тѣмъ не менѣе лѣтописное наше сказаніе, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой оно передается, рѣшительно скандинавское: оно существовало и прежде у племенъ славянскихъ, но изъ Скандинавіи зашло, такъ сказать, *вторично* и тѣмъ скорѣе принялось, что имѣло прочные корни въ народѣ. Таково наше мнѣніе; г. Сухомлиновъ оставляетъ дѣло не рѣшеннымъ. Вообще и послѣ статьи его—древнѣйшій поэтическій элементъ нашей первоначальной лѣтописи требуетъ еще пересмотра и объясненій: нѣкоторые, очевидно народные, разсказы оставлены авторомъ совершенно безъ вниманія; таковы разсказы о трехъ миѳическихъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, объ обрахъ, о козарской дани, о единоборствѣ отрока Усмоизвеца съ Печенѣжиномъ и нѣк. др. Заговоривъ о первоначальной русской лѣтописи, мы упомянемъ, для полноты обзора, и о разборѣ ея г. Костомарова въ его «Лекціяхъ по русской исторіи»[1]), къ сожалѣнію остановившихся, кажется, на

1) Спб. 1861 г., всего 32 страницы. Выпускались листами. Слѣдуетъ упомянуть также о небольшомъ литографированномъ изданіи Археографической

третьемъ печатномъ листѣ. Разборъ еще не оконченъ, но судя по началу—это лучшее, что до сихъ поръ имѣла наша историческая критика по такому темному и запутанному вопросу. Пожелаемъ, чтобы г. Костомаровъ издалъ скорѣе свои лекціи вполнѣ. Приведеніе въ извѣстность рукописей и извлеченія изъ нихъ продолжаются: въ истекшемъ году по этому предмету наука сдѣлала слѣдующія пріобрѣтенія: «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», арх. Макарія [1]), «Описаніе Евангелія, писаннаго на пергаменѣ въ Новгородѣ для Юрьевскаго монастыря въ 1118 — 28 г.», архим. Амфилогія [2]), Зографскій Апостолъ XIV вѣка, г. Н. Мурзакевича [3]). Сюда же слѣдуетъ отнести и статью г. Билярскаго: «Составъ и мѣсяцословъ Мстиславова списка Евангелія», представляющую извлеченіе изъ одной части описанія этого Евангелія г. Невоструева [4]). Въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ* по второму отдѣленію г. Погодинъ помѣстилъ статью: «Несторово житіе св. Ѳеодосія, какъ историческій источникъ» [5]). Это—не болѣе какъ простая группировка фактовъ, извлеченныхъ изъ житія. Методъ изслѣдованія совершенно вѣрный и даже, можно сказать, единственно возможный, но самая обработка памятника — небрежна, какъ все, что̀ ни напишетъ г. Погодинъ: никакихъ строгихъ историческихъ

комиссіи: «Сказанія о князьяхъ и царяхъ земли русской», 14 стр. 4⁰ съ 8 рисунками въ текстѣ. По всему вѣроятію, это отрывокъ изъ царственной книги, и притомъ изданный ad usum plebis. Не знаемъ, какія были побужденія Археографической комиссіи, но позволяемъ себѣ думать, что народъ не нуждается въ этомъ календарномъ перечнѣ пустыхъ событій изъ царствованія Владимира Мономаха, съ уродливо-аляповатыми картинками. Для него нужны иныя книги, а подобныхъ—у него и своихъ довольно!

1) *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей.* М. 1861 г., кн. 2-я, Матеріалы Славянскіе, стр. 1—40.

2) *Извѣстія Академіи Наукъ* по отд. рус. яз. и слов., т. X. (Спб. 1861 г.), стр. 73—78.

3) *Извѣстія Академіи Наукъ* по 2-му отд., т. X вып. 2, стр. 158—9.

4) Ibidem, стр. 110—137.

5) Ibidem. Томъ IX, стр. 193 — 214. На заголовкѣ этого выпуска стоитъ 1860 годъ, но онъ вышелъ въ 1861, что и видно изъ выпускной подписи непремѣннаго секретаря.

и литературныхъ выводовъ, никакихъ сравнительныхъ объясненій другими памятниками, все въ сыромъ видѣ, какъ черновая работа послѣ чтенія, и къ тому неумѣстный лиризмъ, дѣлающій— быть-можетъ — много чести прекрасному сердцу изслѣдователя, но очень мало говорящій въ пользу его историко-критическаго такта! «Отреченныя» книги русской старины, несмотря на свое огромное историческое значеніе и высокій литературный интересъ, до послѣдняго времени оставались невѣдомою страною для нашихъ изслѣдователей: ихъ знали только по названію (изъ статьи «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ», напечатанной впервые въ 1827 году въ «Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ», К. Калайдовича, стр. 208—212), да по небольшимъ выпискамъ въ «Описаніи» Востокова; теперь онѣ — предметъ, стоящій на очереди въ наукѣ и отчасти уже успѣвшій уясниться. Сравнительно съ текущимъ годомъ, прошедшій былъ небогатъ изслѣдованіями по этой отрасли исторіи древней нашей литературы: всего три небольшихъ статьи! Первое мѣсто по общему интересу принадлежитъ статьѣ: «Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ»[1]). Мы относимъ ее къ области «отреченныхъ или ложныхъ» книгъ, потому что главный предметъ ея есть разборъ апокрифической «Бесѣды трехъ святителей» (по весьма замѣчательнымъ редакціямъ) и сличеніе послѣдней съ нѣкоторыми космогоническими сказаніями, находящимися въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ. Неизвѣстный сочинитель открываетъ во всѣхъ этихъ памятникахъ ясные слѣды гностико-богумильскаго ученія и народныхъ миѳологическихъ представленій. И то и другое—не ново, но нѣкоторыя подробности (въ особенности о богумильскомъ элементѣ въ нашей древней словесности) чрезвычайно интересны и вызываютъ стремленіе къ дальнѣйшему и точнѣйшему изслѣдованію этого важнаго вопроса. Относительно языческаго элемента въ космогоническихъ представленіяхъ апокрифической «Бесѣды», а за ней

1) *Православный Собесьдникъ* 1861 г., мартъ, стр. 249—283.

и стихи о Голубиной Книгѣ — сочинитель ограничился разысканіями г Буслаева. Нисколько не думая окончательно уяснить вопросъ объ источникѣ этихъ представленій, мы не можемъ не привести здѣсь двухъ поразительно сходныхъ преданій, которыя, однако, не были извѣстны г. Буслаеву, когда онъ писалъ свое разсужденіе: быть-можетъ, и эти указанія не останутся безполезны для науки. По преданію индійскихъ брахмановъ, творцомъ міра является древнѣйшій первобытный человѣкъ (Urmensch) — Брама. Изъ его глазъ творится солнце, изъ его *грудей* — мѣсяцъ, изъ носа — воздухъ, изъ волосъ — растенія, изъ его соковъ (крови) — вода, изъ костей — камни. Вся природа произошла изъ человѣка, распавшагося на свои составныя отдѣльныя части, и новый человѣкъ, удѣлъ котораго жить на землѣ и быть ея распорядителемъ, представляетъ только соединеніе въ маломъ объемѣ этихъ отдѣльныхъ частей: всѣ элементы и силы природы обратно входятъ въ его тѣло: солнце образуетъ глазъ, мѣсяцъ — груди, воздухъ — носъ (дыханіе), растенія — волосы, вода — кровь, камни — кости... (см. W. Menzel, Mythologische Forschungen und Sammlungen, 1832, статья: Die Schöpfung des Menschen, p. 5—6, и его же Christliche Symbolik, t. 1, стр. 27). Еще важнѣе одно космогоническое преданіе древнихъ Фризовъ, указанное Яковомъ Гриммомъ и Рихтгофеномъ (Haupt-Zeitschr. p. Deutsch. Alterth., т. 1, 1641, ст. Altfriesische Kosmogonie, стр. 1—2, Altfriesische Rechtsquellen, стр. 211). Здѣсь творецъ создаетъ Адама изъ осьми вещей: кости изъ камня, тѣло — изъ земли, кровь — изъ воды, сердце — изъ вѣтра, мысли — *отъ облакъ*, потъ — изъ росы, волоса — изъ травы, глаза — изъ солнца. Это преданіе тѣмъ замѣчательнѣе, что оно носитъ на себѣ такіе же слѣды вліянія христіанскихъ идей, какъ и наши старинные памятники. Несмотря на такъ сказать литературную исторію этихъ представленій, мы считаемъ, однако, ихъ за чисто-народныя, за общее достояніе индо-европейскаго племени: въ этомъ убѣждаетъ насъ сказаніе древней Эдды о смерти великана Имира и послѣдовавшей за тѣмъ космогоніи изъ его тѣла. Такимъ памятникамъ,

какъ древняя Эдда, трудно подкладывать какіе-нибудь *литературные* источники! Статья г. Пыпина: «Для исторіи ложныхъ книгъ»[1]) представляетъ только отрывокъ изъ его обширнаго труда, но такъ какъ одна часть ея (отречен. книга «Трепетникъ») не повторена въ недавно вышедшемъ его изданіи «ложныхъ книгъ», и сверхъ того все снабжено историко-литературными объясненіями, то мы считаемъ необходимымъ сказать объ этой статьѣ нѣсколько словъ. Предметъ ея—разборъ трехъ (или вѣрнѣе—двухъ) отреченныхъ книгъ: «Трепетника, о дняхъ добрыхъ и злыхъ и Рафлей». Первыя двѣ — относятся къ примѣтамъ, послѣдняя къ гаданіямъ. Какъ распространено было встарину чтеніе и употребленіе подобныхъ книгъ и какъ живуче ихъ вліяніе—это показываютъ многія современныя примѣты, сохранившіяся не только у простого народа, но и въ сословіяхъ, успѣвшихъ отстать отъ древне-русскихъ привычекъ. Примѣты эти большею частію ведутъ свое происхожденіе отъ вышеназванныхъ отреченныхъ книгъ: къ иностранной основѣ (почти всегда греческаго или латинскаго происхожденія) присоединялись только русскія черты, возникшія непосредственно изъ условій народнаго быта. Г. Пыпинъ также болѣе наклоненъ видѣть въ нашихъ отреченныхъ книгахъ — иноземное происхожденіе: соотвѣтствіе между нашими апокрифическими повѣрьями и западными преданіями докажетъ только ихъ общность и древность; но знакомыя народу издавна, они, тѣмъ не менѣе, могли снова приходить къ нему въ новой формѣ изъ чужеземнаго источника. Чрезвычайно любопытное объясненіе предлагаетъ авторъ извѣстнымъ отреченнымъ «Рафлямъ», на западѣ *Raffla* — родъ бросанія жребія или азартной игры, отсюда наши Рафли—книга, по которой гадаютъ посредствомъ метанія костей. Въ своемъ изданіи отреченныхъ книгъ (1862) г. Пыпинъ помѣстилъ этотъ любопытный памятникъ вполнѣ, здѣсь же ограничился только небольшими

1) *Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, изд. Н. Калачовымъ, кн. 2-я, Спб. 1861 г. Отд. матер., стр. 15—27.

выдержками изъ него. Судя по строгимъ запрещеніямъ духовенства, Рафли были въ большомъ употребленіи въ старину. Кстати о запрещеніяхъ: теперь, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что эти запрещенія не могли имѣть дѣйствительнаго значенія и были чуть ли не гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что даже высшія духовныя лица, какъ митр. Макарій, не строго различали книги *истинныя* отъ *ложныхъ*. Одинъ образчикъ подобныхъ охуленій отреченныхъ книгъ былъ изданъ въ прошломъ году, это: «Посланіе Филоѳея, старца Псковскаго Елеазарова монастыря, къ дьяку Михаилу Мунехину»[1]). На вопросъ послѣдняго объ астрологическихъ предсказаніяхъ старецъ Филоѳей отвѣчаетъ, что всѣ разсказы о злыхъ и добрыхъ часахъ и дняхъ, о звѣздахъ и планетахъ, имѣющихъ будто бы отношеніе къ рожденію и судьбѣ людей на земли — суть *кощуны и басни*, выдумянныя прежде всѣхъ Халдеями, иже въ суетѣ ума ихъ столпъ зиждуще и на высотѣ бывша, и о *звѣздахъ соблазнишася*. «Ревнители истинныхъ книгъ изъ нихъ же черпали и свои доказательства противъ ложныхъ». Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской принадлежитъ также нѣкоторымъ образомъ къ числу отреченныхъ книгъ и упомянуто въ индексѣ; г. Тихонравовъ издалъ его по двумъ редакціямъ[2]) съ своимъ предисловіемъ, гдѣ приводится тотъ же разсказъ по латинскому и нѣмецкому текстамъ и указывается на византійскій его источникъ. Весьма любопытно, какъ одинъ и тотъ же основный мотивъ у разныхъ народовъ окрашивается особымъ характеромъ. При изслѣдованіи переводной повѣствовательной литературы этого важнаго пункта не слѣдуетъ упускать изъ виду: переводное произведеніе принадлежитъ исторіи литературы не по одному тому, что удовлетворяетъ нравственной потребности тѣхъ, для кого переводится, и служитъ до нѣкоторой степени выраженіемъ

1) *Православный Собесѣдникъ*. 1861. Каз. май. Памят., стр. 78—96.

2) *Лѣтописи рус. литературы и древности*, изд. Н. Тихонравовымъ кн. V. М. 1861. Отд. II, стр. 66—78.

этихъ потребностей, но еще болѣе по тѣмъ чертамъ, въ которыхъ выражается народность переводчика и публики, для которой переводили; а если къ этому прибавить литературныя измѣненія, передѣлки и вставки, тогда переводное произведеніе имѣетъ полное право на мѣсто въ исторіи словесности на ряду съ явленіями оригинальными. Повѣсть о Нифонтѣ XIII в., изъ которой г. Костомаровымъ представлены любопытныя выдержки[1]), тоже принадлежитъ отчасти къ литературѣ отреченныхъ книгъ; въ индексѣ она оставляется подъ сомнѣніемъ: «подобаетъ вѣдущаго вопросити аще истина суть» (Калайд. Екс. Бол., с. 200). Она чрезвычайно важна для исторіи демонологіи и въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчаетъ г. Костомаровъ, имѣла не мало вліянія на образованіе нашихъ народныхъ представленій, вѣрованій и убѣжденій. Любопытно было бы сличить греческій ея подлинникъ съ славянскимъ переводомъ: не окажутся ли въ послѣднемъ черты русской народности? Рукопись, которою пользовался г. Костомаровъ (въ библ. Троицкой Лавры), сдѣлана въ Ростовѣ и принадлежитъ къ числу великолѣпнѣйшихъ рукописей, какія только извѣстны.

Мы говорили о нѣкоторыхъ дурныхъ привычкахъ, вынесенныхъ изслѣдователями изъ того періода въ исторіи нашей науки, когда, по неопредѣленности метода и скудости внутренняго содержанія, въ нее торопливо заносили все, что̀ ни попадало подъ руку. Казалось, что по обнародованіи и разработкѣ значительной части матеріала эти привычки — сваливать все безъ разбора въ одну кучу — должны были исчезнуть и уступить мѣсто болѣе строгому опредѣленію границъ науки и ея метода. Но не то встрѣчаемъ мы: въ исторію словесности и теперь еще многими заносится то, что̀ собственно принадлежитъ инымъ наукамъ: исторіи церкви, права, общественной экономіи и т. д. Вопросъ о границахъ науки и точномъ опредѣленіи историко-литературнаго метода мы считаемъ существенно важнымъ и потому оста-

1) *Русское Слово*. 1861. Кн. III, ст. «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ».

новимся на немъ съ должнымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя явленія науки за истекшій годъ, какъ бы сами собою, вызываютъ на это. Во многихъ изданіяхъ часто помѣщаются у насъ древне-русскія слова и поученія, увѣщательныя грамоты, посланія, юридическія постановленія и правила, историческіе акты и т. д.[1]); спрашивается: въ какой мѣрѣ эти памятники имѣютъ право на мѣсто въ исторіи словесности? По методѣ г. Шевырева всѣ они безраздѣльно принадлежатъ ей и вносятся въ нее по хронологическому рангу, съ извлеченіемъ существеннаго содержанія и характеристическихъ частностей. Въ такомъ видѣ исторія словесности является какъ бы описаніемъ всего письменнаго матеріала, несмотря на разнообразіе его содержанія. Наука обращается здѣсь въ справочную энциклопедическую книгу, конечно, пригодную и полезную, но не заслуживающую имени науки уже потому, что у ней нѣтъ ни собственнаго содержанія, ни собственнаго опредѣленнаго метода. Да и что̀ литературнаго въ содержаніи дѣловыхъ посланій, юридическихъ постановленій и церковныхъ уставовъ! По всей справедливости такія явленія принадлежатъ или исторіи церкви, или исторіи

1) Въ *Православномъ Собесѣдникѣ* мы находимъ за истекшій годъ слѣдующія статьи по нашему предмету: «Посланія Дм. Герасимова къ арх. Новг. Геннадію XV и XVI в.» (№ 1, стр. 100—112), два древнихъ слова: 1) попомъ и простымъ людемъ, 2) о покаяніи и исповѣданіи грѣхъ» (№№ 3, стр. 333—344; 4, стр. 444—462), «Посланіе Филоѳея» (о немъ мы говорили выше); «Неиздан. поученія Фотія, митр. Кіевскаго» (№ 6, стр. 181—204 и № 7, стр. 303—322); «Новые списки церковнаго устава Владиміра» (№ 8, стр. 419—442); «Новые списки церковнаго устава Ярослава I-го» (№ 9, стр. 86—108); «Новые списки церковно-уставныхъ грамотъ Новг. князя Всеволода Мстиславича» (№ 10, стр. 205—226), «Церковно-судебныя опредѣленія Кипріана, митр Новгородскаго» (№ 11, стр. 335—348), «Новые списки правила святыхъ отецъ 165 о обидящихъ церкви Божія, новые списки ряда и суда церковнаго, установленнаго первыми князьями, новый списокъ посланія Владимірскаго епископа къ сыну Александра Невскаго, и — наконецъ, поученіе къ лѣнивымъ (№ 12, стр. 451—475). Отмѣтимъ также и изданное К. Невоструевымъ: «Вновь открытое поучительное посланіе Алексія митрополита»; I-я ч. *Душеполезнаго Чтенія*, стр. 449 и отдѣльно М. 1861, 19 стр., выписки изъ словъ неизвѣстнаго проповѣдника XVII в. (книга Статиръ) въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, 1861, т. I.

права, или, наконецъ, политической и гражданской исторіи: тамъ для нихъ законное мѣсто, надлежащее объясненіе и оцѣнка; но въ исторію литературы всякое замѣчательное произведеніе письменности входитъ не этою стороною, не какъ историческій памятникъ въ строгомъ смыслѣ, гдѣ всего важнѣе реальное, фактическое содержаніе, а какъ памятникъ литературный, какъ выраженіе литературныхъ и художественныхъ идей (если таковыя имѣются), какъ свидѣтель внутренней, идеальной жизни народа. Въ такомъ случаѣ придется ограничить и объемъ науки: есть письменные памятники, все значеніе которыхъ заключается только въ реальномъ, дѣловомъ содержаніи, они не имѣютъ въ себѣ ничего литературнаго и потому должны быть вовсе устранены изъ исторіи литературы. Сферу памятниковъ собственно литературныхъ отмѣтить не трудно: они не имѣютъ того строгаго практическаго характера, той узкой дѣйствительности, какою отличаются историческіе и юридическіе памятники; въ нихъ находятъ выраженіе болѣе свободныя силы души — чувство и фантазія, и вообще, говоря однимъ словомъ — въ нихъ болѣе поэзіи, какъ свободнаго акта человѣческой природы. Оттого литературный памятникъ всегда направленъ къ идеальной, внутренней сторонѣ человѣческой жизни, гдѣ болѣе простора для сердца, болѣе свободы для фантазіи и мечты; самые пріемы его не таковы, какіе употребляетъ произведеніе исторической или юридической прозы: будутъ ли эти пріемы естественны или искусственны — они всегда художественнѣе, всегда выработаннѣе послѣднихъ. Литературная или поэтическая идея можетъ сказаться, по временамъ, и въ памятникахъ не литературныхъ (напр. народная символика въ произведеніяхъ юридическихъ. Христіанскій символизмъ въ церковныхъ поученіяхъ и толкованіяхъ св. писанія и т. д.). Исторія литературы должна воспользоваться ею, но всегда отдѣливъ отъ строго-реальныхъ фактовъ, которыхъ она касается очень мало, или же вовсе не касается. Такимъ разграниченіемъ между памятникомъ литературнымъ и не литературнымъ, на нашъ взглядъ, вѣрнѣе всего опредѣляется

объемъ науки; по крайней мѣрѣ, руководясь такимъ правиломъ, изслѣдователь не рискуетъ уподобиться тому историку литературы, который, съ простодушіемъ *иныхъ* временъ, разсказывалъ, какъ стада волковъ выли и ревѣли кругомъ кельи преп. Сергія, приближались къ нему безвредно, окружали его и нюхали, а одинъ медвѣдь даже подружился съ нимъ; или какъ у князя Владимира Волынскаго гнила исподняя часть рта, опало все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы и т. д.

Теперь о *методѣ* изслѣдованія. Издавна во всѣхъ историческихъ наукахъ принятъ и упроченъ методъ исторически-повременный или хронологическій: въ жизни дѣйствительной, гдѣ существуетъ быстрая смѣна историческихъ моментовъ, называемая обыкновенно *развитіемъ*, повременный методъ изслѣдованія не только необходимъ, но и единственно возможенъ. Но въ исторіи литературы, гдѣ развитіе едва замѣтно, гдѣ движеніе совершается — такъ сказать — не въ глубь, а въ ширь, гдѣ одно и то же явленіе проходитъ чрезъ многіе вѣка, какъ бы повторяясь — исторически-повременный способъ изслѣдованія не можетъ быть принятъ безъ ограниченій; потому только что одно какое-нибудь явленіе помѣчено столѣтіемъ ранѣе или позднѣе — долженъ ли историкъ отрывать его отъ цѣлой серіи явленій ему однородныхъ, связанныхъ съ нимъ внутреннимъ родствомъ, долженъ ли ставить его особнякомъ и, для объясненія его, прибѣгать къ безпрестаннымъ повтореніямъ? Оттого примѣненіе строгой хронологической системы къ исторіи литературы не могло имѣть успѣха даже и на Западѣ, гдѣ во всей литературѣ замѣчается такое быстрое и одушевленное движеніе: наука обращалась въ сухой календарный перечень фактовъ безъ всякой внутренней между собою связи! Трудность и путаница увеличились, когда ту же систему захотѣли примѣнить къ исторіи нашей словесности. Не говоря уже о томъ, что такой попыткѣ противорѣчила неразработанность предмета, во всей нашей древней литературѣ до конца XV вѣка замѣчается особаго рода ровность относительно развитія одной части литературныхъ произведеній

и особый оригинальный характеръ развитія — относительно другой. И то и другое — безъ видимаго ущерба для науки — не могло укладываться въ дробныя хронологическія рубрики. Объяснимся точнѣе: въ древней русской литературѣ существуетъ не мало произведеній разныхъ мѣстностей и вѣковъ, имѣющихъ между собою такое внутреннее литературное сходство, какъ будто всѣ они были писаны въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ (таковы напр. произведенія поучительной литературы); дробить разсмотрѣніе ихъ по хронологической таблицѣ нельзя какъ по причинѣ вышеизложенной, такъ и потому, что бо́льшая часть ихъ не имѣетъ хронологическихъ опредѣленій; остается разсматривать ихъ въ совокупности или системѣ, соблюдая, разумѣется, *возможный* повременный порядокъ. Такой способъ изслѣдованія прямо выводитъ насъ къ другимъ произведеніямъ, гдѣ онъ не встрѣчаетъ прямаго приложенія и гдѣ гораздо яснѣе выступаетъ и *топографія*, и *хронологія*. Мы разумѣемъ такія произведенія, какъ лѣтописи, сборники, житейники и пр. Попытка г. Шевырева извлечь изъ нихъ *образцы святости* и *другихъ доблестей* — только запутала дѣло, смѣшавъ двѣ такія разнородныя вещи, какъ исторія доблестей и благочестія и исторія литературы: увлеченный душеспасительными образцами святости, онъ не замѣтилъ литературной стороны этихъ произведеній и ихъ оригинальнаго *мѣстнаго* характера, которымъ они становятся въ рядъ важнѣйшихъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ древней Руси. На эту сторону дѣла, если не ошибаемся, первый обратилъ вниманіе г. Буслаевъ: въ разныхъ отдѣлахъ своихъ «Историческихъ очерковъ» онъ не только указалъ на необходимость изученія многихъ произведеній древне-русской литературы по мѣстностямъ, но и предложилъ образцы подобныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій въ разборахъ житій святыхъ Кіевскихъ, Новгородскихъ, Смоленскихъ, Ростовскихъ, Муромскихъ и друг Общая мысль г. Буслаева та, что *первоначально не существовало словесности вообще русской*, а были преданія, сказанія мѣстныя — кіевскія,

новгородскія, муромскія и т. д., а потому, прежде чѣмъ строить полное историко-хронологическое зданіе развитія древней русской словесности, необходимо привести въ извѣстность всѣ ея мѣстныя, областныя видоизмѣненія. Само собою разумѣется, что при этомъ и повременный способъ разсмотрѣнія долженъ имѣть только частныя приложенія, какъ хронологія мѣстныхъ преданій.

Такимъ образомъ, собирая въ одно цѣлое все доселѣ сказанное объ объемѣ и методѣ изученія исторіи древней русской словесности, мы думаемъ, что прежде всего необходимо ограничиться только памятниками литературными, допуская произведенія практической прозы единственно, какъ пособіе, а не какъ главный предметъ изслѣдованія; потомъ, оставивъ календарный способъ разсмотрѣнія произведеній по вѣкамъ и городамъ вообще, обратить вниманіе на развитіе литературы по роду произведеній и по мѣстностямъ [1]). Послѣ этого длиннаго отступленія, возвращаемся къ прерванному нашему обозрѣнію.

Разсматривая съ историко-литературной точки зрѣнія памятники древне-русской духовной письменности, помѣщенные въ *Православномъ Собесѣдникѣ* и иныхъ изданіяхъ за истекшій годъ, мы находимъ въ нихъ очень много пригоднаго и для исторіи нравовъ и для исторіи литературы: для первой не мало матеріала предлагаютъ памятники юридическіе и въ особенности церковно-судебныя опредѣленія Кипріана, митрополита новгородскаго, для послѣдней — произведенія поучительной литературы, почти всѣ принадлежащія къ практическому ея направ-

1) Говоря о методахъ въ изученіи древней русской словесности, мы не можемъ не упомянуть здѣсь еще объ одномъ, представляющемъ животрепещущую, и доселѣ неслыханную, новость. Преосв. Макарій (еписк. харьковскій), обозрѣвая русскую духовную литературу монгольскаго періода (въ журн. *Духовный Вѣстникъ*, № 1—4, за 1862 г.), слѣдуетъ методу табели о рангахъ и разсматриваетъ сначала произведенія митрополитовъ, затѣмъ архіепископовъ, далѣе епископовъ, наконецъ прочей книжной чади! Для назидательныхъ цѣлей такая система всего лучше, но за то въ наукѣ уже никуда не годна; а вѣдь авторъ ея всему образованному свѣту извѣстенъ за человѣка науки!

ленію; важнѣйшія изъ нихъ тѣ, въ которыхъ встрѣчаются обличенія нравовъ и обычаевъ, уцѣлѣвшихъ отъ эпохи языческой. Простой взглядъ на эти памятники убѣдитъ каждаго, что между христіанствомъ и языческими идеями на Руси шла борьба долгая и продолжительная; но слѣдуетъ замѣтить: многія изъ такихъ обличеній, особенно церковно-юридическаго характера, суть не иное что, какъ переводъ соборныхъ опредѣленій и постановленій византійскаго каноническаго права: находя соотвѣтствіе и приложеніе къ русской жизни, они буквально переносились къ намъ въ Кормчихъ, Мѣрилахъ праведныхъ и проч. юридическихъ сборникахъ. Но есть и другія обличенія, очевидно происхожденія обще-славянскаго и русскаго, что̀ доказывается и приводимыми именами языческихъ божествъ, и самыми суевѣрными обрядами, слѣды которыхъ не остыли въ народной жизни еще и понынѣ. Посланіе Дмитрія Герасимова къ арх. Геннадію — очень замѣчательно: въ немъ идетъ рѣчь о «*лѣтѣхъ седми вѣковъ*» или о кончинѣ міра.

Страшная мысль о кончинѣ міра, имѣвшая такое рѣшительное вліяніе на всю европейскую литературу и искусство XIV и XV вв. [1]), отразилась и во многихъ произведеніяхъ нашей древней письменности: даже такіе образованные люди, какъ Геннадій и Кипріанъ (см. его прощальную грамоту), поддались мрачному обаянію этой тяжелой мысли. Въ своемъ посланіи Герасимовъ отрицаетъ мысль о близкой кончинѣ міра, хотя въ то же время вѣритъ, что она дѣйствительно послѣдуетъ въ *седмомъ числѣ*.

Вотъ предметъ, достойный особой монографіи: «Кончина міра въ произведеніяхъ средневѣковой литературы и искусства»! Удачнымъ рѣшеніемъ этого вопроса многое объяснилось бы въ исторіи раскола и религіозной русской поэзіи XVI и XVII вв. Сочиненія Максима Грека продолжаются изданіемъ: въ истек-

1) La fin du Monde, p. Charles Louandre. Revue de Paris. 1842, Décem. p. 27—46.

шемъ году приведена къ концу 2-я часть ихъ [1]). Полное изданіе ихъ не замедлитъ вызвать и полную историческую и литературную оцѣнку трудовъ этого замѣчательнаго дѣятеля русскаго просвѣщенія XVI в.; для исторіи литературы его произведенія особенно важны, какъ энергическій протестъ православія противъ двоевѣрной поэзіи и отреченной литературы.

Мы только что говорили о необходимости изслѣдованія мѣстнаго развитія русской жизни и литературы. Здравая мысль эта не прошла даромъ для исторической науки: уже г. Щаповъ, во введеніи къ своимъ статьямъ о великорусскихъ областяхъ, опредѣляя историческій методъ изслѣдованія, говоритъ, что предметомъ его должно быть «происхожденіе и развитіе мѣстныхъ областныхъ типовъ и особенностей, развитіе областной народной словесности и областныхъ нарѣчій (напр. разнообразныя областныя легенды русскія, легенды и инородческія), мѣстные варіанты однѣхъ и тѣхъ же русскихъ легендъ въ Сибири, въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ, мѣстныя пѣсни русскія, татарскія, финскія и пр. (*От. Зап.* 1861, № 10, стр. 583). Приложеніе этого плодотворнаго метода къ исторической наукѣ, на нашъ взглядъ, можетъ именно сообщить ей твердую точку опоры въ народномъ бытѣ съ его разнообразными видоизмѣненіями,

---

1) *Православный Собесѣдникъ* 1861 г. во всѣхъ 12 книгахъ (особая нумерація, стр. 89—460). Укажемъ кстати извѣстныя намъ литературныя пособія для изученія жизни и сочиненій Максима Грека: *А. Терещенко* «О трудахъ Максима Грека» (*Журн. Мин. Народ. Просв.* 1834, № 8, стр. 244—278). Здѣсь предложено описаніе извѣстныхъ его сочиненій и переводовъ и помѣщено примирительное посланіе къ Даніилу по рукописи XVI в.; пр. *Филарета*, арх. Черниг. «Максимъ Грекъ» (*Москвитян.* 1842, кн. XI, стр. 45—96). Кромѣ обстоятельнаго описанія жизни, находимъ также обозрѣніе сочиненій Макс. Гр. и два подлинные его труда: «Отвѣтъ собору и посланіе къ митрополиту Іоасафу» (А. В. Горскаго). «Максимъ Грекъ Святогорецъ» (отдѣльн. оттискъ изъ прибавленій къ *Творен. Св. Отц.*, въ русскомъ перев. М. 1859, стр. 49). Трудъ этотъ не оконченъ еще: онъ содержитъ въ себѣ жизнь Максима Грека до прибытія въ Россію, вызовъ его въ Россію и первые труды его въ Москвѣ. Упомянемъ также обозрѣніе сочиненій Максима Грека въ «Описаніи рукописей синодальной библіотеки» гг. Горскаго и Невоструева (отд. 2, ч. 2-я. М. 1859, стр. 520—591).

оригинальными интересами и потребностями. Доказательства такого поворота на лучшее уже обнаружились, и мы съ особымъ удовольствіемъ называемъ здѣсь статью г. Буслаева о новгородской литературѣ[1]): и по содержанію, и по своему методу, она такъ важна для науки, что мы должны остановиться на ней нѣсколько подробнѣе. Вопреки поклоненіямъ Москвѣ, какъ средоточію и представительницѣ русской земли, будто бы создавшей русскую народность, г. Буслаевъ слѣдитъ въ ней явное присутствіе темныхъ татарскихъ элементовъ, помощью которыхъ она поднялась надъ старыми городами и *такимъ образомъ спасла* русскую народность. Дѣйствительно, безъ тѣсной связи князей и духовенства съ татарскими ханами неизвѣстно еще, чѣмъ кончилась бы великая распря Москвы съ областями, и не даромъ нѣкоторые историки отрицаютъ вліяніе Татаръ на русскую жизнь: допустивъ его — пришлось бы бросить тѣнь и на Москву, съ именемъ которой соединяется столько возвышенныхъ воспоминаній для каждаго патріотическаго сердца. Но на сторонѣ г. Буслаева — историческіе факты. «Москва, говоритъ онъ, не только въ XIV, но даже и въ XV в. въ отношеніи литературномъ, несравненно ниже стояла Кіева или Новгорода XII столѣтія. Это значитъ не то, чтобы книжное просвѣщеніе на Руси коснѣло, или что въ XIV в. оно пошло назадъ; но то, что близорукій взглядъ историковъ Россіи, историковъ ея церкви и литературы, не умѣлъ отдѣлить мѣстнаго, т. е. городскаго и областнаго развитія русской жизни и литературы отъ общей хронологической таблицы по вѣкамъ, въ которую безсмысленно помѣщались факты разныхъ мѣстностей и только производили путаницу въ вопросахъ объ историческомъ развитіи древней Руси». Мысль, глубоко справедливая, и такъ какъ развитіе мѣстной жизни русскихъ областей всего яснѣе выражается въ житіяхъ святыхъ и сборникахъ мѣстныхъ легендъ, то, конечно,

---

1) *Лѣтописи рус. литературы и древности*, изд. Н. Тихонравовымъ, к. VI, ст. Лекціи изъ курса исторіи русской литературы, стр. 63—88.

обстоятельству, что этотъ родъ произведеній нашей древней литературы слишкомъ мало извѣстенъ — должно приписать и отсутствіе правильнаго историческаго воззрѣнія на развитіе русской жизни вообще и значеніе Москвы въ русской исторіи — въ особенности. Новгородскія житія святыхъ составились главнымъ образомъ въ эпоху предъ паденіемъ областной самостоятельности. «Надобно было привести къ окончательному результату все великое и славное, чѣмъ была богата православная, чисто-народная старина новгородская. Надобно было Новугороду, передъ своимъ паденіемъ, обратиться назадъ и свести свои историческіе счеты, чтобы всѣмъ и каждому было очевидно, что̀ онъ совершилъ великаго и славнаго для русской народности». Это и было совершено архіеп. Евѳиміемъ и Іоною. По ихъ мысли составились нѣкоторыя житія новгородскихъ святыхъ и памяти создателей великія церкви Софіи, и прочихъ князей русскихъ и архіепископовъ свято почившихъ. Такой «патріотическій подвигъ Евѳимія выступаетъ въ особенномъ свѣтѣ въ исторіи развитія литературныхъ идей, когда возьмемъ въ соображеніе ту эпоху, когда Новугороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго, имѣвшаго въ ту пору только смыслъ религіозный. Это духовное ополченіе, окруженное ореолами святости, — какъ нельзя лучше во-время, — было вызвано изъ старыхъ преданій и какъ бы пущено на встрѣчу притязаніямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями». Чрезвычайно любопытныя черты народнаго быта предлагаетъ намъ житіе юродиваго Михаила Клопскаго. Самое явленіе юродиваго на сценѣ общественной и политической замѣчательно: оно подтверждаетъ извѣстія иностранныхъ писателей о политической роли этого особаго рода духовныхъ шутовъ древней Руси. Статья г. Буслаева есть только небольшой отрывокъ изъ его лекцій и нельзя не пожелать, чтобы онъ обработалъ и издалъ ихъ вполнѣ: для исторической науки это былъ бы прочный шагъ впередъ къ ясному пониманію своей народности и старины!

Вопросъ о степени и направленіи образованности древней Руси, бывшій еще такъ недавно предметомъ горячихъ и часто не литературныхъ споровъ, кажется приходитъ къ окончательному рѣшенію. Мнѣніе объ особомъ характерѣ этой, какъ будто бы высокой, народной образованности, данной чуть ли не въ исключительный удѣлъ древней Руси, это мнѣніе нашихъ романтиковъ-славянофиловъ нынѣ едва ли найдетъ многихъ послѣдователей; по крайней мѣрѣ историческія данныя не благопріятствуютъ такому заключенію, и сколько бы ни старались нѣкоторые изслѣдователи изъ глухихъ лѣтописныхъ извѣстій и разныхъ отрывочныхъ замѣчаній объ училищахъ и ученіи книжномъ — нарисовать полную картину высокаго просвѣщенія и образованности древней Руси, такія попытки обнаружатъ въ ученыхъ только недостатокъ *той высшей критики*, о которой говорилъ намъ когда-то умный нѣмецъ Шлёцеръ. Изданные въ прошломъ году памятники и изслѣдованія по этому предмету приносятъ новое подтвержденіе нашей мысли о невысокой степени образованія и педагогики въ древней Руси. «Памятники стариннаго русскаго воспитанія», изданные г. Лавровскимъ съ замѣчаніями[1]), и статья г. Мордовцова «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII ст.»[2]), ясно раскрываютъ намъ тѣ немудрые правила и пріемы, которымъ слѣдовали древне-русскіе педагоги: вся система воспитанія, слѣдуя византійскимъ и библейскимъ образцамъ, основывалась главнымъ образомъ на страхѣ и наказаніи — и не даромъ въ нашей рукописной старинѣ такъ часто попадаются похвальныя слова розгѣ, которая «разумъ во главу дѣтей вгоняетъ» и даже «божественнаго писанія учитъ»; наши педагоги знали даже, въ какихъ случаяхъ и возрастахъ какая розга идетъ: *черемховая двоюлѣтняя или брезовая*[3]).

---

1) *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей.* М. 1861, кн. 3, III отд. 1—71 стр.

2) Ibidem, кн. IV, отд. 1-й, стр. 1—102.

3) Сличи «Историческіе Очерки Буслаева», т. I, стр. 584—5, *Правосл. Собесѣд.* 1861, № 12, стр. 472—475 (Поученіе къ лѣнивымъ). Статью Мордов-

Ученіе книжное не далеко ушло у насъ отъ воспитанія, такъ что, несмотря на упоминаніе семи свободныхъ мудростей, главнымъ предметомъ ученія все же были: азбука, часословецъ, псалтирь, письмо и церковное пѣніе; только впослѣдствіи, при благотворномъ вліяніи западныхъ идей чрезъ Малороссію, кругъ наукъ въ великой Руси начинаетъ расширяться и училища преобразовываются. Трудъ г. Мордовцова представляетъ подробное извлеченіе изъ нѣсколькихъ *школьныхъ* азбучниковъ или древне-русскихъ руководствъ къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, для самихъ учителей; въ этихъ школьныхъ книгахъ находятся также правила для учащихъ и учащихся, образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ. Любопытная статья Мордовцова не приведена къ концу, за недостаткомъ литературныхъ пособій[1]). Въ изданіи г. Лавровскаго особенно интересна та часть, въ которой онъ касается извѣстнаго слова о *злыхъ женахъ*. На основаніи этой повѣсти у насъ еще недавно строили такія безотрадныя заключенія о судьбѣ древней русской женщины! Г. Лавровскій справедливо возстаетъ противъ такихъ рѣзкихъ выводовъ, хотя и не отвергаетъ вообще незавиднаго общественнаго положенія древне-русской женщины. О самой повѣсти онъ говоритъ, что она носитъ на себѣ очевидные признаки постепеннаго распространенія изъ *чужихъ* источниковъ, и приводитъ затѣмъ нѣкоторыя соотвѣтствующія мѣста изъ твореній Іоанна Златоустаго. Совершенно вѣрно, но любопытно знать — одними ли *византійскими* источниками пользовался составитель повѣсти? Мы думаемъ — едва ли, и въ доказательство указываемъ на знаменитое произведеніе Петра Альфонса: «Disciplina Clericalis», и въ особенности

цова, стр. 3—4 и Лавровскаго, 5—7. Любопытно было бы сравнить русскую философію розги съ западною. См. соч. Zappert'a: Stab und Ruthe im Mittelalter. B. 1852 (напечатано въ 75 экз.).

1) Упомянемъ для полноты и статью г. Калачова: «Азбуки, прописи XVII и XVIII в.». *Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи.* Т. 3, Спб. 1861. Отд. III, стр. 3—18.

на французскую передѣлку его XIII в., извѣстную подъ именемъ «Le Castoiement ou instruction d'un père à son fils», гдѣ многія тирады буквально сходны съ русскою повѣстью; или, можетъ-быть, такое сходство произошло отъ общаго литературнаго источника ихъ: въ средневѣковой литературѣ заимствованія изъ Византіи не рѣдки. Какъ бы то ни было, но интересно, что на Западѣ, не менѣе, чѣмъ у насъ, гремѣли противъ злыхъ женъ и женщинъ вообще — и только недостаткомъ строгой литературной критики и малою разработкою сравнительной исторіи литературы вообще можно объяснить себѣ рѣзкіе историческіе выводы нашихъ изслѣдователей о положеніи русской женщины по *повѣсти о злыхъ женахъ*. Много любопытнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи древней русской литературы находится въ *Лѣтописяхъ русской литературы и древности*, издаваемыхъ г. Тихонравовымъ: мы не разъ уже упоминали объ изслѣдованіяхъ, тамъ помѣщенныхъ; въ книгахъ, вышедшихъ въ 1861 году (которымъ по настоящему слѣдовало выйти въ 1858), кромѣ изслѣдованій г. Буслаева, особенно обращаютъ вниманіе матеріалы по исторіи стариннаго театра, каковы въ 5-й части: «Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ» съ предисловіемъ г. издателя о началѣ русскаго театра (стр. 1—66), «интермедія на три персоны: смерть, воинъ, хлопецъ» (стр. 78—80), и въ 6-й книгѣ «Воскресеніе мертвыхъ, въ пяти дѣйствіяхъ, показанное трудомъ Георгія Конисскаго» (стр. 39—58). Изслѣдованіе г. Тихонравова «О началѣ Русскаго театра» есть первый удовлетворительный опытъ разработки начала драматической поэзіи и театра на Руси сравнительно съ Западомъ. Г. Тихонравовъ не ограничивается мистеріею или церковнымъ представленіемъ, а указываетъ и главнымъ образомъ на народныя основы, народные зачатки драматическихъ представленій, которыя прошли у насъ совершенно даромъ, таковы: народныя игры, празднества и обрядовыя дѣйствія и т. д. Можетъ-быть, именно, желая изслѣдовать этотъ важный предметъ (о немъ до сихъ поръ не говорилъ почти никто изъ нашихъ изслѣдователей литературы) съ

подобающимъ вниманіемъ, г. Тихонравовъ какъ-то мало останавливается на драмѣ собственно церковной и упоминаетъ только о представленіяхъ вертепныхъ, да и то очень кратко, не воспользовавшись, повидимому, самимъ текстомъ вертепной драмы, помѣщеннымъ у г. Маркевича («Обычаи, повѣрья Малороссіянъ». Кіевъ 1860, стр. 27—64). При всемъ томъ, изслѣдованіе г. Тихонравова разъясняетъ новую сторону вопроса; по методу своему — которымъ мы особенно дорожимъ — оно принадлежитъ къ тому направленію въ разработкѣ исторіи литературы, которое сознало, что безъ сравнительнаго сближенія съ литературой Запада всѣ наши выводы и заключенія о родной литературѣ будутъ односторонни и даже вовсе невѣрны. Статья г. Тихонравова есть лучшее свидѣтельство въ пользу истины такой мысли, и потому-то мы бы пожелали, чтобы онъ обслѣдовалъ этотъ предметъ во всемъ его объемѣ, тогда, быть-можетъ, сгладятся и тѣ небольшія неровности въ планѣ, какія мы замѣтили въ 1-й части изслѣдованія [1]). Кромѣ этого г. Тихонравовъ напечаталъ въ своемъ журналѣ нѣсколько замѣтокъ и матеріаловъ по старинной русской литературѣ, таковы напр. «Слово іеромонаха Евѳимія» (V, 17—20), «Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» (ibid. 20—33), «Замѣтки о Даніилѣ Заточникѣ (VI—93—4) и о судѣ Шемякинѣ» (V, 34—8). Какъ эти замѣтки, такъ и выборы помѣщенныхъ статей, ясно обнаруживаютъ историко-литературный тактъ издателя. Вообще въ настоящее время всѣ изслѣдователи русской старины и литературы раздѣлились, такъ сказать, на нѣсколько становъ: одни безраздѣльно держатся еще старыхъ преданій; другіе, желая угодить новому направленію, стараются сколько возможно итти среднею дорогою и къ старой ризѣ пришиваютъ новыя заплаты; наконецъ, третьи, вполнѣ свободные отъ *посторонних* внушеній, идутъ строгимъ

1) Сюда же должно отнести любопытную статью арх. Макарія: «Древніе церковные обряды въ Новгородѣ». *Чтенія въ Общ. Ист. и Др.* 1861, № 1, Отд. III, 1—44.

путемъ сравнительно-историческаго изученія. Мы видѣли многіе примѣры этого, но ими не исчерпывается литература науки за 1861 годъ. Г. Пѣвницкій, въ своей статьѣ объ Епифаніѣ Славинецкомъ[1]), разсматриваетъ труды этого подвижника русскаго просвѣщенія XVII в. съ гомилетико-церковной точки зрѣнія. Въ Епифаніѣ Славинецкомъ мы находимъ сочетаніе древнерусскихъ началъ съ новыми, возникшими вслѣдствіе распространенія просвѣщенія на югѣ Россіи. Г. Пѣвницкій отмѣтилъ и то и другое; такъ онъ говоритъ, что проповѣди Славинецкаго отличаются теоретическимъ и символическимъ характеромъ, а также и обиліемъ классической учености; въ первомъ онъ видитъ только слѣдствія особаго душевнаго настроенія и образа жизни, а о второй отзывается, что она даже не совсѣмъ прилична на церковной каѳедрѣ. И такая странность взгляда тѣмъ болѣе непонятна, что вся статья отличается несомнѣннымъ талантомъ и по своему матеріалу далеко не безполезна для науки. Очевидно, что для исторіи церковной словесности не наступилъ еще періодъ яснаго историческаго воззрѣнія, свободнаго отъ заранѣе принятыхъ правилъ и догматическихъ понятій. Еще непонятнѣе поступилъ г. Снегиревъ, перепечатывающій въ четвертый разъ свои изслѣдованія о лубочныхъ картинкахъ[2]). Онъ, повидимому, желалъ стать въ уровень съ современной наукой и поэтому распространилъ и пополнилъ тѣ отдѣлы разсужденія, гдѣ рѣчь идетъ о народныхъ произведеніяхъ въ лубочной галлереѣ; но какъ пополнилъ? Онъ просто взялъ нѣсколько сказокъ изъ собранія г. Аѳанасьева и нѣсколько пѣсенъ изъ Кирши Данилова и перенесъ ихъ, какъ будто лубочныя, въ свое произведеніе. Сверхъ того, онъ иногда говоритъ и о переводныхъ повѣстяхъ и сказкахъ; но опять какимъ образомъ? Съ чу-

1) *Труды Кіевской Духовной Академ.* 1861 г., августа и октября, стр. 405—438 и 135—182.

2) Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Соч. Ив. Снегирева. Москва, 1861 г., 136 стр.

жого голоса! Потому у него между сказками, занесенными къ намъ изъ Сербіи или Болгаріи, является и небывалая сказка о царѣ Троянѣ (стр. 109), тогда какъ это есть не иное что, какъ выписка изъ словаря Вука Стефановича Караджича, сдѣланная г. Буслаевымъ въ 1842 году (*Москвит.*, № 11). Намъ кажется, что подобные промахи непростительны въ изслѣдованіи, главная цѣль котораго заключается въ библіографической точности (объ историко-литературной оцѣнкѣ лубочныхъ картинъ у г. Снегирева мы не упоминали по пословицѣ: «на нѣтъ — и суда нѣтъ»); но добро бы это только одно, но вѣдь такими неряшливыми промахами полна вся книга, такъ напр. у него и Бова Королевичъ — *сербская* сказка, а мщеніе Олега за смерть Игоря — *умильная повѣсть* и его статья о лубочныхъ картинкахъ была помѣщена прежде въ *Симбирскомъ Сборникѣ* (тогда какъ она была помѣщена въ *Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній*, изд. Д. Валуевымъ. М. 1845); на 88 стр. объ Ильѣ Муромцѣ говорится то, что́ слѣдовало бы сказать о Добрынѣ Никитичѣ; но что́ всего важнѣе, это неполнота изданія не только вообще, но и относительно прежней редакціи этого сочиненія. Такъ, мы не нашли нѣкоторыхъ лубочныхъ картинъ, о которыхъ говорилось въ сборникѣ Валуева. Какъ точны описанія г. Снегирева, это можно видѣть изъ превосходной (и, къ сожалѣнію, не оконченной) статьи Буслаева по поводу той же книги г. Снегирева[1]). Спрашивается, что́ послѣ этого выиграла наука отъ стремленій Снегирева стать въ уровень съ современностью!

Объ изданіи раскольничьихъ сочиненій и важности этого предпріятія для науки мы уже имѣли случай высказать наше мнѣніе въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю[2]); здѣсь же, для полноты, мы приведемъ только самыя изданія: 1) «Исторія Выговской пустыни», соч. Ивана Филиппова, Спб. 1861

1) *Отеч. Зап.* 1861 г., № 9.

2) Предисловіе къ книгѣ: «Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ». 1861 г., XI б.

года[1]). 2) «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола», Спб. 1861 года, 2 части, 291+340. Сочиненіе крайне неточное и недостаточное въ библіографическомъ отношеніи. Способъ разсмотрѣнія рукописей церковно-догматическій. 3) «Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви», Павла Любопытнаго. Москва, 1861 года, 152 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ *Библіогр. Зап.* 1861 г. и, къ сожалѣнію, въ измѣненномъ противъ подлинника видѣ).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о Хрестоматіи церковн.-слав. и древне-русск. языковъ г. Буслаева, М. II+1632+8, представляющей много новыхъ, доселѣ неизданныхъ памятниковъ по древне-русской словесности.

IV.

Немногое остается досказать намъ, чтобы довести къ концу наше обозрѣніе.

Мы начали со старины, ею и окончимъ: *исторія русской словесности новаго періода* не входитъ въ наше обозрѣніе, она не принадлежитъ въ собственномъ смыслѣ ни къ русской старинѣ, ни къ русской народности, и нельзя не замѣтить, что съ возбужденіемъ общаго интереса къ изслѣдованію народности, ослабѣлъ и отошелъ на второй планъ интересъ къ изученію русской литературы XVIII и XIX вв. Для насъ по крайней мѣрѣ это—ясный знакъ, что между древнею и новою (съ Петра) русскою литературою не одно различіе только во времени, но и въ характерѣ и — скажемъ болѣе — въ ширинѣ интересовъ и потребностей, выраженіемъ которыхъ служитъ литература. Если вообще занятія историческія — не праздныя и суетныя занятія, то такое предпочтеніе старины предъ новымъ служитъ не ложнымъ доказательствомъ, съ одной стороны, узкости интересовъ новой литературы, всегда зависѣвшей отъ причинъ случайныхъ, а съ

1) Превосходный и гораздо полнѣйшій экземпляръ этого сочиненія намъ удалось видѣть въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго.

другой — успѣховъ современной общественной мысли, предпочитающей тяжелое, но строгое изученіе народности и старины, легкому и позволимъ себѣ сказать — безплодному знанію тѣхъ литературныхъ анекдотовъ, которыми, до сихъ поръ, изслѣдователи оживляли исторію петербургской и московской литературы прошлаго вѣка!

И такъ, о *языкѣ*. Сравнительно-историческое языкознаніе у насъ успѣло уже принести много добрыхъ плодовъ, но все это только начало, самая малая часть того, что́ можно ожидать, когда результаты и методъ лингвистики, во всемъ объемѣ ихъ, будутъ приложены къ языкамъ славянскимъ и русскому съ его областными развѣтвленіями; потому всякое новое явленіе въ этой дѣвственной области имѣетъ право на вниманіе, если не на снисхожденіе. Такъ смотримъ мы на трудъ г. Аблеса, принадлежащій вполовину русской, вполовину нѣмецкой литературѣ. Онъ носитъ двойное заглавіе, нѣмецкое и русское, хотя и писанъ понѣмецки[1]). Предметъ касается самой важной и интересной части науки о русскомъ языкѣ, именно — поэтической стихіи русской рѣчи. Поэтическое начало въ языкѣ такъ тѣсно связано со всѣми духовными отправленіями первоначальной жизни народа, что безъ точнаго его изслѣдованія, и вся духовная жизнь народа, открывающаяся въ его религіи, поэзіи, нравахъ и обычаяхъ, останется темною и непонятною буквою; слово — это эмбріонъ, хранящій въ себѣ элементы, и въ которыхъ потомъ развиваются поэтическія и художественныя представленія народа, и единственный свидѣтель юной жизни и психологіи его въ вѣка, лежащіе далеко за предѣлами исторіи. Какъ плодотворно для науки изслѣдованіе первобытнаго поэтическаго періода исторіи языка, свидѣтельствуютъ труды современныхъ лингвистовъ, каковы: Кунъ, М. Мюллеръ, Вакернагель, Пикте и другіе; но у насъ кромѣ

1) Впрочемъ, нѣмецкое заглавіе понятнѣе русскаго: «Gedanken über Natur und Wortpoesie der Russischen Sprache mit Berücksichtigung d. Romanischen und Germanischen Sprachen», v. D. W. Ables. Berl. 1861, XXXVI, 191 стр.

отрывочныхъ замѣтокъ г. Буслаева, разбросанныхъ по разнымъ его сочиненіямъ, и небольшого труда г-на Потебни («О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Харьк. 1860 года, 155 стр.), покамѣстъ не существуетъ никакихъ попытокъ разработки поэтической стороны нашего языка. Г. Аблесъ первый начинаетъ систематическія разысканія, но скажемъ прямо, начинаетъ такъ неудачно, съ такимъ темнымъ понятіемъ о предметѣ, съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній о современномъ состояніи сравнительно-историческаго языкознанія, что его трудъ прямо становится въ ряды издѣлій дилетантизма самаго поверхностнаго. Мы думали встрѣтить объясненіе эпической стороны, эпическихъ формъ и выраженій древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, когда ему еще были чужды отвлеченныя представленія и слово выражало не понятіе, а живое конкретное впечатлѣніе, производимое на душу человѣка извѣстнымъ предметомъ—и вмѣсто этого нашли небольшой азбучный выборъ русскихъ словъ, объясняемыхъ, по большей части, изъ языковъ семитическихъ, арабскаго и еврейскаго, которые, по мнѣнію автора, стоятъ въ близкой родственной связи съ языками индо-европейскими. Какъ далеки свѣдѣнія его въ сравнительномъ языкознаніи—это видно изъ того, что *грамматическія формы* языковъ семитическихъ сравниваются съ формами языковъ индо-европейскихъ, тогда какъ наука говоритъ очень ясно, что если и было сходство между этими двумя вѣтвями языковъ, то родство *догматическое*, *коренное*[1]). Русскій языкъ г. Аблесъ беретъ въ современномъ его видѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на историческія его видоизмѣненія и на формы прочихъ славянскихъ нарѣчій; оттого у него, напр., слово *царь* есть не иное что, какъ еврейское sar, тогда какъ всякому, сколько-нибудь знакомому съ дѣломъ, извѣстно, что *царь* есть сокращеніе слова *цесарь* (цьсарь),

1) Er. Renan: Histoire générale et système comparé des langues sémitiques. Paris, 1858, стр. 443—4. Ренанъ отвергаетъ всякое сродство семейства языковъ семитическихъ съ индо-европейскими. Ib. 457 с.

чадо (съ носов. звукомъ) — будто бы происходитъ отъ персидскаго sade — родить и т. д. Есть объясненія и сближенія дѣльныя, но ихъ нужно отыскивать въ кучѣ лингвистическаго мусора, нисколько не оправдывающаго громкаго титула книги. Все это заставляетъ сожалѣть, что за такой важный и любопытный вопросъ принялся человѣкъ, неимѣющій, повидимому, никакой прочной ученой къ тому подготовки.

Въ области собственно исторіи русскаго языка опять возобновился старый вопросъ о присутствіи малороссійскаго элемента въ русскомъ языкѣ до XIV вѣка. Въ отвѣтъ на филологическія письма г. Максимовича, когда то помѣщавшіяся въ *Русской Бесѣдѣ* (1856 г. № 3), г. Лавровскій написалъ цѣлое письмо къ г. Погодину, снова утверждая, что древній русскій языкъ въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, великорусское и малорусское, какое встрѣчаемъ впослѣдствіи и въ настоящее время [1]). Имѣя въ виду въ скоромъ времени представить объ этомъ предметѣ особое изслѣдованіе, мы замѣтимъ здѣсь только, что подобныя рѣшительныя заключенія едва ли возможны при современномъ состояніи науки русскаго языкознанія и при той манерѣ издавать старинные тексты, какую мы находимъ въ лѣтописяхъ и актахъ, гдѣ ни одна страница не можетъ похвалиться филологическою вѣрностью, а вѣдь на основаніи этихъ памятниковъ и выводятся подобныя заключенія. Какъ бы то ни было, чисто-филологическое мнѣніе г. Лавровскаго не даетъ еще никакого повода къ тѣмъ страннымъ историческимъ выводамъ, какіе поспѣшилъ изъ него сдѣлать г. Погодинъ; у него и Малороссы уже приходятъ изъ-за Карпатъ въ нынѣшнюю Украину не ранѣе XIV в.! Не за Карпатами ли, спросимъ мы, происходила и знаменитая битва князей Игоря и Всеволода съ Полов-

---

1) *Основа, Южно-Русскій Вѣстникъ*, 1861. Августъ, стр. 14—70. Тамъ же статья Лавровскаго: «По вопросу о южно-русскомъ языкѣ». Ноябрь и декабрь, стр. 72—83.

цами на рѣкѣ Каялѣ, битва, давшая поводъ къ происхожденію «Слова о Полку Игоревѣ», произведенія, безспорно, украинскаго, какъ по языку, такъ и по міросозерцанію, или Русскіе (великоруссы) сражались съ Половцами, а Малоруссы, сидя за Карпатами, воспѣвали ихъ подвиги! Для г. Погодина и это дѣло возможное: у него и *Константинополь вѣдь былъ столицею русской исторіи, въ продолженіе первыхъ двухсотъ ея лѣтъ?!*

Важнѣйшимъ явленіемъ въ области славяно-русскаго языкознанія было окончаніе «Словаря церковно-славянскаго языка», составлен. Востоковымъ (Спб., т. 2., 1861, 590—4). Значеніе Востокова въ наукѣ хорошо извѣстно: даже Копитаръ, всегда неравнодушный къ чужой ученой славѣ, называлъ его *создателемъ славянской филологіи*, и дѣйствительно, такая честь подобаетъ ему по всей справедливости: своимъ извѣстнымъ «*Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ*» Востоковъ сдѣлалъ переворотъ какъ въ понятіяхъ о древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, такъ и въ методѣ его изслѣдованія. Съ тѣхъ поръ было извѣстно, что Востоковъ готовитъ словарь и грамматику этого языка. Словарь вышелъ въ свѣтъ, а грамматика, какъ видно изъ протоколовъ засѣданій 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, тоже скоро будетъ напечатана въ *Ученыхъ Запискахъ*. Словарь Востокова важенъ для науки по той рѣдкой добросовѣстности, къ какой не пріучили насъ славянскіе лексикографы, не задумывающіеся часто жертвовать вѣрностью текста ради своихъ личныхъ убѣжденій и понятій; за исключеніемъ немногихъ словъ, взятыхъ у Миклошича, весь запасъ словъ собранъ самимъ Востоковымъ и идетъ изъ первыхъ рукъ, изъ непосредственныхъ источниковъ, тщательно имъ изученныхъ; сверхъ того каждое слово стоитъ у него въ томъ самомъ видѣ, какъ и въ рукописяхъ, ни на іоту не измѣненнымъ; смыслъ слова опредѣляется сопоставленіемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ различныхъ текстовъ, съ греческими, латинскими, а иногда и русскими значеніями. Словарь Востокова не есть собственно словарь церковно-славянскаго языка въ его *чистомъ* древнѣйшемъ видѣ, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ

пера просвѣтителей Славянъ, а того церковно-славянскаго языка, который исторически развился у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ. О полнотѣ словаря для всякаго знакомаго съ дѣломъ и рѣчи быть не можетъ; мы скажемъ только, что II отдѣл. Академіи Наукъ предположило издать къ нему цѣлый томъ дополненій.

«Толковый словарь живого великорусскаго языка», составляемый г. Далемъ (въ истекшемъ году вышли два первые его выпуска, 4°, М. 240 стр.), судя по началу, будетъ однимъ изъ капитальныхъ пріобрѣтеній русской науки. Въ настоящемъ случаѣ мы отмѣтимъ только одну изъ его особенностей, дающую ему полное право на вниманіе и уваженіе русской науки о старинѣ и народности. Мы разумѣемъ его этнографическую сторону: описанія народныхъ обычаевъ, дневниковъ, народнаго взгляда на жизнь и природу; а потому значеніе каждаго слова опредѣляется не столько личными воззрѣніями собирателя, сколько самими понятіями народа, приводится множество народныхъ поговорокъ, реченій и, что̀ особенно важно, очень часто обозначается и мѣстность самаго слова. По всему этому, мы имѣемъ полное право ждать отъ словаря г. Даля добрыхъ плодовъ для науки о русской народности: съ его выходомъ въ свѣтъ въ полномъ видѣ, мы думаемъ, можно будетъ извлечь не мало и общихъ заключеній, напр. о географіи русскаго языка, нравовъ и обычаевъ, объ областныхъ особенностяхъ народнаго характера и т. д. [1]).

Археологія въ тѣсномъ смыслѣ ограничивается у насъ пока приведеніемъ въ извѣстность богатаго матеріала, только немногіе изслѣдователи умѣютъ соединить съ этимъ ученую обработку предмета, таковы, напр., прекрасныя изслѣдованія гг. Филимонова и Стасова, подъ редакціею котораго съ прошлаго года

1) Отмѣтимъ также академическіе «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики», т. V. Спб. 1861, стр. 432, и «Разборъ филологич. объясненій Костомарова», Дювернуа (*Лѣтописи русск. литер.*, ч. VI, стр. 81—5).

выходили *Извѣстія Археологическаго Общества*[1]). Не останавливаясь на сыромъ матеріалѣ ихъ, мы упомянемъ о замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ, принадлежащихъ гг. Кунику и Стасову. Еще прежде, въ 1860 г., уничтоживъ небывалую гипотезу Кене о небывалой латинской монетѣ Олега, г. Куникъ теперь какъ бы не хотѣлъ оставить ему ни одной пяди земли и разогналъ всѣ призраки, возбужденные опростоволосившимся нумизматомъ: нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ *Извѣстіяхъ*, рѣшаютъ это дѣло окончательно, потому что послѣднее убѣжище Кене, авторитеты, за которые скрывался онъ, отказались отъ страннаго мнѣнія въ Ярославлемъ-сребрѣ видѣть латинскую монету Олега, будто бы чеканенную въ Новгородѣ. Изъ статей и замѣтокъ г. Стасова мы укажемъ на: «Изображеніе пр. Ильи Муромца, чудотворца Печерскаго на гравюрѣ XVII в.» (ст. 122—126), «Голосники въ древнихъ Новгородскихъ и Псковскихъ церквахъ»(ст. 126—142), «Коньки на крестьянскихъ крышахъ» (ст. 257—271). Особенно интересна послѣдняя статья; въ ней авторъ останавливается на обычаѣ крестьянъ украшать крыши изображеніемъ конскихъ головъ; съ помощью миѳологіи Гримма, онъ приходитъ къ заключенію, что «первоначальное значеніе конскихъ головъ, на верху крышъ, было *жертвоприносительное*: въ самое древнее время прикрѣпляли надъ кровлей не деревянныя изображенія, а настоящія конскія головы, выражая этимъ посвященіе божеству лучшей части коня, т. е. головы. Должно полагать, что обычай приносить въ жертву коня и украшать его головою кровли, былъ нѣкогда общимъ у Славянъ и Германцевъ; но возникъ онъ, очевидно, независимо у тѣхъ и другихъ, потому что относится къ эпохѣ жизни *осѣдлой* (иначе голова коня не помѣщалась бы на кровлѣ *дома*, *жилища*), когда уже не существовало никакой связи между русскими Славянами и нѣмецкими племенами. Каковъ взглядъ г. Стасова вообще на задачи археологіи—можно видѣть изъ его превосходнаго разбора книги арх. Макарія: «О

1) Т. 3-й, Спб. 1861, 528 столб., съ 17 снимками.

церковныхъ и новгородскихъ древностяхъ» («Тридцатое присужденіе Демидовскихъ премій». Спб. 1861, статья IV). Почти вся небогатая археологическая литература истекшаго года сосредоточивается въ *Извѣстіяхъ*[1]), и вообще должно сознаться: археологическія занятія до сихъ поръ еще не встрѣчаютъ должнаго участія; интересуются ими не многіе, да и то болѣе по случаю, когда сама судьба, такъ сказать, наведетъ ихъ на это, а между тѣмъ, годъ отъ году, памятниковъ старины становится менѣе и менѣе: старыя монеты и металлическія вещи попадаютъ въ горшки плавильщиковъ, памятники зодчества разрушаются или отъ ветхости, или по хитрой затѣѣ какого-нибудь мудреца архитектора— и все это было бы еще ничего, если бы у насъ существовалъ по крайней мѣрѣ прочный методъ изслѣдованія и если бы мы умѣли настоящимъ образомъ описывать памятники, сохранять ихъ ученымъ способомъ для будущаго зданія науки. Но пройдетъ много лѣтъ, памятники, быть-можетъ, исчезнутъ, и будущій изслѣдователь русской монументальной старины будетъ поставленъ въ немалое затрудненіе, усиливаясь извлечь какой-нибудь опредѣленный образъ изъ описаній гг. Снегирева, арх. Макарія и мн. др.

Сверхъ того есть иная, болѣе существенная, причина младенческаго состоянія нашихъ археологическихъ изслѣдованій: это глубокое презрѣніе къ черновому матеріалу и страсть къ виднымъ казовымъ концамъ, которые съ перваго раза бросались бы въ глаза. Особенно должно сказать это о нашей палеонтологиче-

---

1) Только гр. М. Толстой издалъ Святыни и древности Пскова, М. 1861. 124 + 42 съ рисун., да въ приложеніяхъ ко 2-му тому *Записокъ* отдѣленія русской и славянской археологіи, помѣщены важные снимки со старинныхъ (XVII в.) плановъ Москвы и Пскова, съ замѣчаніями г. Стасова. Спб. VI + IV + 20. Относительно книги гр. Толстаго мы пожелали бы меньшаго литературнаго лиризма, совершенно неумѣстнаго въ ученомъ трудѣ, и бо́льшаго археологическаго такта въ описаніи произведеній искусства и въ обработкѣ мѣстныхъ преданій. Сказать, что такая или такая икона въ серебряномъ окладѣ и украшена драгоцѣнными каменьями—сможетъ всякій; археологъ же долженъ опредѣлить идею художника и стиль произведенія, его исторію. Упомянемъ также о замѣткѣ г. Герца, о: «Миніатюрахъ Остромирова Евангелія» (*Лѣтописи* г. Тихонр. V, 3—5).

ской археологіи: русская земля содержитъ въ нѣдрахъ своихъ много отвѣтовъ на вопросы о древнѣйшей доисторической жизни народовъ Европы: другъ за другомъ проходили они по ней, ввѣряя ей памятники своего существованія, своего умственнаго и нравственнаго развитія. Пусть эти могилы, эти уродливыя каменныя изваянія—до сихъ поръ нѣмы предъ запросами археологіи; это не причина, чтобы пренебрегать ими и уничтожить ихъ. Предъ лицомъ всей европейской науки, принесшей намъ столько блага, мы обязаны не только сохраненіемъ ихъ, но и посильнымъ объясненіемъ; это будетъ *наша часть* въ наукѣ, гдѣ до сихъ поръ мы только ученики, только покорные послѣдователи! Въ Даніи, Скандинавіи, Германіи, Англіи, во всей Европѣ, тщательно берегутся самые, повидимому, ничтожные памятники доисторической жизни народовъ: ученые понимаютъ, что на нашъ взглядъ, самая малая вещь обыденной жизни, какой-нибудь кремневой ножъ или костяное долото — стоили человѣку долгихъ усилій и занимали важное мѣсто въ исторіи борьбы его съ природою. Нашу землю сама исторія сдѣлала какъ бы хранительницею, складочнымъ мѣстомъ памятниковъ жизни опочившихъ народовъ, и тѣмъ указала дорогу наукѣ; но какъ же воспользовались мы этимъ завѣщаніемъ? Къ наукѣ мы приложили современныя понятія о роскоши и цѣнности, и изо всего огромнаго запаса памятниковъ доисторической жизни народовъ снисходительно обратили вниманіе только на *золото* и *серебро*, оставляя на произволъ судьбы вещи изъ *неблагороднаго* матеріала. Таково, по крайней мѣрѣ, важнѣйшее археологическое хранилище русской земли! Немного чести для русской науки и еще менѣе для собирателей-археологовъ! Потому, думаемъ мы, не безъ существенной пользы для нашей науки пройдетъ изданное Академіей въ истекшемъ году сочиненіе Ворсо: «*Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ*» [1]). Оно, по крайности, научитъ насъ уваженію къ

1) Спб. 1861, XII + 40 русскаго текста и 200 стр. рисунковъ и датскаго текста (Kjöb.).

прошедшему, тому уваженію, которое стоитъ выше и мелкихъ соображеній торгаша, и снисходительнаго вниманія сибарита. Многія древнія вещи, описанныя у Ворсо, встрѣчаются и на русской почвѣ, въ чемъ легко убѣдиться, заглянувъ въ превосходное сочиненіе Эйхвальда: «*О чудскихъ копяхъ*» (*Записки Археол. Общ.*, т. IX, Спб. 57 г., 264—370). Очевидно, что онѣ принадлежали одному и тому же племени, когда-то занимавшему всю восточную и сѣверную Европу.

Наше обозрѣніе — кончено! Намъ остается только, въ видѣ *дополненія*, прибавить къ нему нѣсколько чисто-библіографическихъ указаній, почему бы то ни было не вошедшихъ въ текстъ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ 1-й главѣ. — Славянской миѳологіи, нѣкоторымъ образомъ, касается статья *Bühler*'а: «Zur Mythologie des Rig-Veda» I — *Parjanya* (Orient und Occident, hrsg. v. Benfey, 1861, I, 2, стр. 214—229). Она имѣетъ въ виду объяснить значеніе этого воздушнаго божества ведійской миѳологіи. Согласно съ Гриммомъ, Бюлеръ полагаетъ, что это божество относится еще къ арійской эпохѣ и находитъ его въ кельтскомъ *Perkons'ѣ*, литовскомъ *Перкунъ* и славянскомъ *Перунъ*. Дѣйствительно, многія изъ свойствъ ведійскаго божества встрѣчаемъ и въ славянскомъ, такъ что почти несомнѣнно ихъ первоначальное тожество; но не слѣдуетъ забывать, что славян. Перунъ получилъ свое окончательное опредѣленіе въ эпоху быта осѣдлаго, и потомъ онъ — божество земледѣльческое, весьма отличное отъ кочеваго ведейскаго *Parjanya*.

Сказанія Приска Панійскаго, изслѣдованіе и переводъ, съ археологическими примѣчаніями Г. С. Дестуниса (*Ученыя Записки* 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. 7-й, ст. III) во многомъ касается образа жизни и быта Славянъ.

Ко 2-й главѣ. Въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, издав. г. Тихонравовымъ, въ книгахъ 5 и 6-й, помѣщены слѣдующіе матеріалы по народной словесности:

Сказка объ Иванѣ Бѣломъ, кн. 5, III от., стр. 18—15.

Любовное заклинаніе изъ слѣдственнаго дѣла, кн. 6, III Отд. 92—3.

Народные стихи: объ Адамѣ, о преданіи Христа Іудою, о Пятницѣ, сообщ. г. Глѣбовымъ, кн. 6, Отд. II, стр. 174—176. Стихъ объ Антихристѣ, кн. 5, Отд. III, стр. 15—16.

Упомянемъ также и о двухъ книгопродавческихъ спекуляціяхъ, изданныхъ: 1) подъ именемъ: «Русскія простонародныя легенды. b) Д(д)ополненныя (!?) вос(ь)мью новыми. Спб. IX + 59 + 34. Объ ней мы говорили прежде (*Моск. Вѣд.* 1861, № 263. 2). Преданія о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. М. VI + 184, перепечатка изъ словаря Чулкова, 1782 г.

Превосходный опытъ приложенія сравнительной разработки къ русскимъ и нѣмецкимъ народнымъ сказаніямъ сдѣланъ акад. Шифнеромъ. См. *Bulletin de l'Académie*, t. IV, стр. 273.

Къ третьей главѣ. «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ». Соч. арх. Макарія. *Чтенія Общ. Исторіи и Древностей*, 1861, кн. II, III Отд., стр. 1—40.

Муромское преданіе о Марѳѣ и Маріи, ст. Ѳ. Буслаева. *Лѣтописи рус. литературы и древности*, кн. 5, Отд. I, стр. 56—62. Статья эта вошла въ «Историческіе очерки», т. 2, стр. 245—251.

Симеона Полоцкаго, «Врученіе книги *Вѣнецъ вѣры* царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ». *Лѣтописи рус. лит. и древности*, кн. 6, III Отд., стр. 86—88. Это выдержка изъ *рѵѳмологіона* Полоцкаго.

Въ *Библіографическихъ Запискахъ 1861 г.*, т. III-й, матеріала по старинѣ и народности очень немного и сравнительно съ прежними двумя томами этого изданія, и сравнительно съ богатымъ

матеріаломъ по исторіи новой литературы настоящаго, третьяго тома. Отмѣтимъ его: «Старинный трактатъ о физіономикѣ» (стр. 137—144). «Притча изъ русскаго Синодика», ст. Ѳ. Буслаева (223—226) въ дополненіе къ притчѣ о Корыстолюбцѣ, изданной г. Костомаровымъ въ отрывкѣ. Памятники старин. русской литературы перваго изданія. Изъ старинnаго «лѣчебника» (575—578). Вообще, намъ кажется, что библіографическому изданію не мѣшаго бы поболѣе удѣлять мѣста произведеніямъ древней литературы, только, конечно, не такимъ, каковы нелѣпыя вирши, напечатанныя на стол. 161—4, подъ именемъ духовныхъ стихотвореній XVII и XVIII в.

Въ «Исторической Христоматіи церковно-славянскаго и русскаго языка», составл. г. Буслаевымъ, мы укажемъ нѣкоторыя, сколько намъ извѣстно, впервые напечатанныя, статьи: 1) для исторіи богослужебныхъ книгъ предлагаетъ матеріалъ *первый отдѣлъ книги*, содержащій въ себѣ выдержки изъ богослужебныхъ рукописей, между которыми особенно важны *служебники* и *паремейники* (стр. 63—83, 85—7). 2) По литературѣ сборниковъ свѣтскаго и духовнаго содержанія: выписки *изъ двухъ извѣстныхъ Святославовыхъ сборниковъ* (261—305), изъ Патериковъ: *Синайскаго* (333—341), *Скитскаго* (411) и другихъ (429—439, 727—753), изъ сборниковъ поученій: *Златой Цепи* (477—503); изъ этой драгоцѣнной рукописи кое-что было уже напечатано прежде въ *Москвитянинѣ* 1851, № 6, кн. 2, стр. 119—138, *Паисіева сборника* (513—545); изъ сборниковъ энциклопедическаго, философскаго и повѣствовательнаго содержанія: изъ *Пчелы* (545—557), изъ *Сборниковъ*, принадл. Обществу Исторіи и Румянцовск. Музею (641—656, 695—709), изъ *Матицы Златой* (683—695), изъ *Златоструя* (709—715), изъ *Хронографовъ* (715—723, 975—981), изъ разныхъ сборниковъ, лѣчебниковъ и переводныхъ сочиненій. Матеріалъ, какъ видно, богатый; но, къ сожалѣнію, въ отрывочномъ видѣ, какъ этого, впрочемъ, и требовала педагогическая цѣль книги!

Къ литературѣ раскола присоединимъ изданныя г. Мельни-

ковымъ «*Письма о Расколѣ*». Спб. 1862 (1), 95 стр. Это историко-литературное и библіографическое введеніе къ исторіи раскола было помѣщено въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1861 г. *Автобіографія протопопа Аввакума*, сначала въ *Лѣтописяхъ* г. Тихонравова, кн. 6-я, II от., стр. 117—173, а потомъ отдѣльно. Спб. 1862, въ 12-ю д. л., 118 стр.

Къ главѣ четвертой. «Село Николо-Гостунское». I. Л. въ «Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древ.», кн. IV, Отд. V, 187—198 и попр. въ концѣ книги. Кромѣ того, *слѣдуетъ исправить*: въ III главѣ, гдѣ говорится о статьѣ г. Сухомлинова «Народныя преданія въ древней русской лѣтописи»—по недосмотру, пропущена цѣлая строка; вмѣсто *представляетъ особыя изслѣдованія, занесенныя въ лѣтопись*, слѣдуетъ сказать: *представляетъ особыя изслѣдованія. Сначала онъ разбираетъ преданія апокрифическія, занесенныя въ лѣтопись, а потомъ* и т. д...

Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?

1862.

> «Si liceat historiam pro sua cuique cupiditate detorquere — quid intactum manebit et integrum?»
>
> Kopitar — Hesychii discipulus.

Эти слова покойнаго Копитара, несмотря на всю суетность ихъ по отношенію къ автору, имѣютъ полное оправданіе и въ нашей современной исторической наукѣ: стóитъ только вспомнить, какъ г. Соловьевъ, положивъ въ основу своей исторической системы идею о государственномъ нарядѣ, засудилъ все казачество, видя въ немъ только броженіе противогосударственнаго элемента; какъ г. Погодинъ, въ древней русской исторіи норманнскаго періода, искалъ оправданія и поддержки своимъ политическимъ идеямъ, навѣяннымъ событіями послѣдней войны, и,

по этому поводу, создалъ теорію, по которой истинною *столицею русской исторіи*, въ первыя 200 лѣтъ по основаніи государства, является *Константинополь;* о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ и историковъ — и говорить нечего: они хорошо извѣстны читателямъ «Основы»... Но добро бы политическія и религіозныя убѣжденія, всегда имѣющія живой, страстный характеръ, добро бы они одни приводили историковъ къ неумышленному искаженію истины; нѣтъ — наклонность вымучивать у исторіи желанные отвѣты встрѣчается часто тамъ, гдѣ нѣтъ пищи ни пристрастію, ни антипатіи, — въ такихъ мирныхъ уголкахъ науки, какъ напр. вопросъ о древнемъ отечествѣ южнорусскаго племени. Только увлеченіемъ собственною мыслью историка можно объяснить такое явленіе; но излишняя любовь къ собственной мысли, какъ она ни дорога у историка, для исторической истины вещь не безопасная, такъ какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ ея бываетъ ложное пониманіе дѣла. Это, дѣйствительно, мы и находимъ въ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ малороссовъ.

Общее мнѣніе объ этомъ предметѣ таково, что малороссы суть исконные — мы разумѣемъ это слово въ чисто-историческомъ его значеніи — обитатели днѣпровскаго бассейна; но существуетъ и иное мнѣніе, по которому они являются довольно поздними колонистами этого края. Никто яснѣе и рѣзче г. Погодина не выразилъ этого мнѣнія; мы и обратимся только къ нему одному и разберемъ подробно его историческія доказательства.

Въ своей «Запискѣ о русскомъ языкѣ», помѣщенной въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», г. Погодинъ, путемъ чистыхъ логическихъ заключеній, пришелъ къ выводамъ, совершенно новымъ въ исторической наукѣ; вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1-е. Наши южныя лѣтописи писаны на такъ-называемомъ языкѣ церковно-славянскомъ и, такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего непонятнаго для русскаго, то должно признать,

что *церковно-славянскій и русскій языки въ сущности одинъ и тотъ же языкъ.*

2-е. Въ языкѣ южныхъ нашихъ лѣтописей нигдѣ не видно присутствія малорусскаго элемента: если бы онъ былъ, то многое въ нихъ было бы непонятно великоруссу, потому что не могли лѣтописцы писать совершенно чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ: они, хоть ненарокомъ, должны были обмолвиться и сдѣлать уступки въ пользу роднаго нарѣчія; такихъ уступокъ нигдѣ не замѣтно въ лѣтописяхъ: въ нихъ все не только понятно великоруссу, но и принадлежитъ ему, какъ его кровная собственность; потому должно признать, *что южныя лѣтописи* (а равно и другія произведенія южно-русской письменности до татарскаго періода) *писаны великоруссами.*

3-е. Изъ предыдущихъ положеній уже нѣкоторымъ образомъ слѣдуетъ, что и *обитателями южной Руси въ кіевскій періодъ должны были быть великоруссы...* Это находитъ рѣшительное подтвержденіе: а) въ тѣхъ характерахъ (типахъ), какіе намъ рисуютъ лѣтописи и другіе памятники письменности той эпохи: всѣ эти характеры не имѣютъ въ себѣ ничего малорусскаго, а, напротивъ, все — великорусское; b) въ полномъ отсутствіи у малороссовъ кіевскаго богатырскаго эпоса и поэтическихъ преданій о кн. Владимирѣ — красномъ солнышкѣ: и то и другое есть *исключительное* достояніе великороссовъ.

4-е. Если великороссы были древнѣйшими обитателями Полянской земли, то гдѣ же были въ то время малороссы, откуда, когда и по какому поводу пришли они въ нынѣшнее свое отечество? *Татарскій погромъ оттѣснилъ великороссовъ съ юга на сѣверъ; пустыя и брошенныя ими земли, по прекращеніи татарскихъ ужасовъ, были заняты малороссами, которые выселились туда изъ-за Карпатъ — своей прародины. Случилось это въ XIV вѣкѣ.* Положеніе это находитъ оправданіе и въ языкѣ памятниковъ письменности, гдѣ *только* съ XIV вѣка появляются, по мнѣнію г. Срезневскаго, а за нимъ и г. Лавровскаго, на-

стоящіе признаки малорусскаго языка, до того времени нигдѣ и ничѣмъ себя не обнаружившіе.

Вотъ главныя положенія г. Погодина. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками его «Записки», а потому и не могли придерживаться его собственныхъ словъ; мы изложили только его мысли и, кажется, не опустили ничего существеннаго, не исказили ихъ лишнею прибавкою чего-либо посторонняго.

Вся система имѣетъ видъ стройной логической постройки, и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія; но, къ счастію или сожалѣнію, для исторической истины недостаточно однихъ логическихъ основаній: нужны достовѣрныя данныя и правильное ихъ пониманіе. Съ этой стороны мы и хотимъ взглянуть на систему г. Погодина. О логической постройкѣ собственно и говорить нечего: если въ основаніи лежитъ ложная мысль, то, само собою разумѣется, и дальнѣйшія посылки и заключеніе также будутъ ложныя.

На первомъ пунктѣ — о тожествѣ церковно-славянскаго языка съ русскимъ — мы не остановимся долго: есть вопросы въ наукѣ, которые рѣшаются однажды навсегда; послѣдующіе успѣхи въ наукѣ, каковы бы они ни были, могутъ расширить это рѣшеніе, уяснить его частностями и подробностями, но не измѣнить его въ основѣ; — потому, порѣшивъ разъ, уже никто болѣе не возвращается къ такимъ вопросамъ. Таковъ, по нашему понятію, и вопросъ объ этнографическомъ, если можно такъ выразиться, различіи языка церковно-славянскаго отъ русскаго. Въ славянской лингвистикѣ — это давно признанный фактъ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній; но если не важно опроверженіе основной мысли г. Погодина, то въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важна *причина* этой мысли, — то, почему онъ пришелъ къ ней... Не на строгомъ сравнительно-историческомъ разборѣ звуковъ и грамматическихъ формъ обоихъ языковъ основалъ онъ свое мнѣніе, а на простомъ явленіи, что въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ, писанныхъ, по его мнѣнію, на языкѣ церковно-славянскомъ, нѣтъ ничего непонятнаго для

русскаго. Очевидно, что здѣсь опущена изъ виду древнѣйшая близость всѣхъ славянскихъ нарѣчій вообще, и еще бо́льшая близость юго-восточной вѣтви этихъ нарѣчій: и въ древнѣйшихъ юго-славянскихъ рукописяхъ глагольскаго и кирилловскаго изводовъ также нѣтъ ничего особенно непонятнаго для русскаго (а тѣмъ болѣе для русскаго *ученаго*, знакомаго съ древнимъ языкомъ ex ipso fonte); но кто скажетъ, что всѣ эти памятники писаны на языкѣ русскомъ? Отсюда видно, что не только мысль г. Погодина, но прежде всего самое ея *основаніе* несправедливо и несостоятельно въ ученомъ отношеніи, потому что *совершенно оставлена безъ вниманія историческая сторона вопроса.* Тотъ же роковой недостатокъ находимъ мы и во *второмъ* положеніи г. Погодина. Говоря о томъ, что въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ до XIV в. присутствія малорусскаго элемента, онъ отправляется отъ современнаго южно-русскаго языка, какъ будто эта позднѣйшая форма южно-русской рѣчи есть та идеальная мѣра, по которой можно мѣрить все историческое развитіе языка! Это все равно, если бы кто сказалъ, что въ языкѣ новгородскихъ лѣтописей не видно присутствія русскаго элемента, потому что современный русскій языкъ далеко не похожъ на лѣтописный новгородскій! — Потому и попытка г. Погодина доказать это положеніе выборкой словъ и выраженій изъ лѣтописей не имѣла успѣха: «Филологическія Письма» г. Максимовича ясно показали, что эти выраженія на столько же русскія, на сколько и малороссійскія, а вслѣдъ затѣмъ и г. Лавровскій прямо объявилъ, что со стороны лексической этотъ вопросъ и рѣшать нельзя. Значитъ, и въ этомъ случаѣ г. Погодинъ примѣнялъ современное къ старинѣ и тѣмъ отступилъ отъ основного закона историческаго изслѣдованія, запрещающаго мѣрить старину аршиномъ новѣйшаго издѣлія. Такъ какъ г. Погодинъ не входитъ въ сравнительно-историческій разборъ звуковъ и грамматическихъ формъ южно-русскаго языка, то и мы оставимъ, до поры до времени, вопросъ о присутствіи малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в. Вопросъ этотъ требуетъ особой уче-

ной осторожности, и можетъ быть рѣшенъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія памятниковъ древней южно-русской письменности [1]). Вотъ почему и изслѣдованія г. Лавровскаго (Журн. М. Н. Пр. 1859 и «Основа» 1861, іюль), предпринятыя въ томъ же духѣ отрицанія малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в. — не могли убѣдить насъ; но какъ бы то ни было, допустивъ даже, что малорусскаго элемента дѣйствительно не видно въ южно-русской письменности до татарскаго періода — даетъ ли намъ это одно поводъ и право утверждать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что и малорусское племя пришло въ Полянскую землю изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома? — Мы думаемъ — никоимъ образомъ!

Посмотримъ сперва на это *третье* положеніе: «великоруссы являются коренными обитателями Полянской земли, потому что лѣтописные характеры — всѣ чисто великорусскіе». Здѣсь опять у г. Погодина виденъ *не*-историческій пріемъ: задавать старинѣ вопросы и требованія, почерпнутыя изъ современности. Характеръ народа не есть нѣчто неподвижное, однажды навсегда данное или прирожденное: онъ есть результатъ многихъ историческихъ и природныхъ условій, вообще всего прожитаго. Если бы характеръ народа былъ неподвиженъ и какъ бы предопредѣленъ, не могло бы существовать никакой разницы не только между великоруссомъ и малоруссомъ, но даже между нѣмцемъ и русскимъ, между французомъ и индусомъ, потому, что всѣ они принадлежатъ къ индоевропейскому племени и вышли изъ одного источника. Мы говоримъ о вещахъ слишкомъ рудиментарныхъ; но что же дѣлать, когда и безъ нихъ иногда нельзя обойтись...

Ничто такъ сильно не вліяетъ на измѣненіе народнаго характера, какъ историческія событія и въ особенности *народныя* историческія событія, гдѣ народъ не былъ только послушнымъ орудіемъ иной посторонней силы, но дѣйствовалъ свободно и са-

1) Мы скрѣпляемъ наше мнѣніе судомъ такого знатока этого дѣла, какъ О. М. Бодянскій. См. его примѣч. къ сочин. Лавровскаго: «Описаніе семи рукописей...»

мостоятельно, весь предавался борьбѣ, вѣнчался торжествомъ ея или позоромъ. Когда съ этой точки мы взглянемъ на сравнительную исторію великорусскаго и южнорусскаго племени, мы не только объяснимъ современное различіе въ ихъ характерахъ, но и поймемъ, почему великорусскій характеръ, можетъ-быть, ближе къ лѣтописному, чѣмъ современный малорусскій.

Этой бурной, тревожной жизни, этой великой вѣковой борьбѣ за свободу родины, борьбѣ безысходной, на жизнь и смерть, среди которой совершались судьбы малорусскаго племени — что́ подобное находимъ мы у великоруссовъ? Никогда исторія у нихъ не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, никогда она такимъ усиленнымъ шагомъ не спѣшила впередъ, какъ у малоруссовъ. Была и въ Великой-Россіи своя борьба, но борьба пассивная, борьба, въ которой человѣкъ скорѣе терялся, чѣмъ крѣпнулъ. Понятно, почему у нихъ не развилась та могучая своенравная энергія, тотъ гордый непреклонный духъ, яркіе слѣды которыхъ въ народномъ характерѣ малорусса не сокрушились еще и теперь—послѣ вѣковаго рабства. Великоруссъ имѣлъ всѣ условія, чтобы сохранить старинный характеръ, малоруссъ — напротивъ — всѣ условія, чтобъ измѣниться и — въ новой школѣ исторіи — образовать новый самобытный характеръ. Исключительно государственный характеръ великорусской исторіи (съ XV в.) не могъ сообщить народу никакой дѣятельной иниціативы и своею мелкою привязанностію къ наружному обряду и казуистикѣ всегда удерживалъ и смирялъ самобытное народное стремленіе впередъ.... Прибавимъ къ этому вліяніе пространственныхъ отношеній и, вообще, внѣшнихъ условій, предрасполагающихъ къ пассивности духа.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду существенной разницы въ этнологическихъ основахъ обѣихъ народностей: на сѣверѣ и востокѣ чудскій элементъ ничего не внесъ въ великорусскую народность, никакого *своего*, новаго, оживляющаго начала: онъ видимо уступалъ предъ нею въ нравственной силѣ и потому долженъ былъ поступиться; въ пограничныхъ мѣстностяхъ образовалась временная переходная помѣсь, но въ сердцѣ великорус-

ской народности не залегло ни одного основнаго, долговѣчнаго чудскаго зерна... Совершенно иное встрѣчаемъ у малоруссовъ: элементъ восточныхъ азіатскихъ кочевниковъ яркою полосою проходитъ по исторіи и бытовой жизни казачества. Здѣсь онъ— уже не внѣшнее начало, но основная черта народности, черта столь же, по крайней мѣрѣ, сильная, сколь сильна и стихія славянская. Этнологія древнихъ и среднихъ вѣковъ убѣждаетъ насъ, что такое вліяніе двухъ различныхъ народностей всегда производитъ *новую*, *самобытную* и энергическую народность....

Искать въ такой далекой старинѣ, каково время до XIV вѣка, причинъ для отрицанія или оправданія современнаго малорусскаго народнаго характера, значитъ, по нашему крайнему убѣжденію, противорѣчить историко-этнологическимъ началамъ изслѣдованія, безъ которыхъ нельзя и браться за вопросъ *о народности и народномъ характерѣ*. Итакъ, если въ настоящее время различіе въ народныхъ характерахъ великоруссовъ и малоруссовъ разительно и очевидно для каждаго, — оно есть результатъ различія въ историческихъ и этнографическихъ судьбахъ того и другаго племени: не будь этого послѣдняго, не существовало бы и перваго; вотъ почему, въ древности, до начала государственной централизаціи у великоруссовъ и народной исторіи у малоруссовъ—разность племенныхъ характеровъ почти незамѣтна: вотъ почему въ южныхъ лѣтописяхъ нельзя видѣть собственно ни малорусскихъ, ни исключительно великорусскихъ современныхъ характеровъ. Только отбросивъ историко-этнологическую сторону вопроса, г. Погодинъ могъ видѣть въ южныхъ лѣтописяхъ исключительно великорусскіе типы — и потому правъ былъ г. Максимовичъ, когда возражалъ, что въ тѣхъ самихъ характерахъ, на которые указывалъ г. Погодинъ, онъ не видитъ ничего немалорусскаго! Оттого у г. Погодина и вопросъ о характерахъ поставленъ чрезвычайно глухо, — скорѣе какъ дѣло личнаго вкуса и чувства, чѣмъ какъ ученое основаніе...

Кореннымъ различіемъ двухъ народныхъ исторій объясняемъ мы и то обстоятельство, что кіевскій эпосъ существуетъ исклю-

чительно у великоруссовъ (это второе доказательство г. Погодина) и совершенно не существуетъ у малоруссовъ. Мы не коснемся здѣсь вопроса о существованіи малорусскаго туземнаго (кіевскаго) эпоса въ эпоху до образованія казачества, потому что намѣрены сказать объ этомъ подъ конецъ нашихъ замѣчаній; но не можемъ не замѣтить, что если историческія обстоятельства и условія благопріятствовали сохраненію эпоса въ Великой Руси, то тѣ же историческія условія сдѣлали существованіе и продолженіе стариннаго эпоса совершенно невозможнымъ для Южной Руси. Дѣло въ томъ, что эпосъ, какъ плодъ органическаго совокупнаго развитія народа, для своего возникновенія и дальнѣйшей жизни нуждается *въ извѣстныхъ* жизненныхъ условіяхъ, внѣ которыхъ источникъ его перемѣняетъ свое направленіе, или окончательно изсякаетъ. Эти эпическія условія жизни главнымъ образомъ заключаются въ наивности и первичной простотѣ быта, воззрѣнія на людей и на природу. Какъ скоро въ жизнь вторгается новое начало и возмущаетъ спокойный, ровный, опредѣленный вѣковѣчнымъ преданіемъ ходъ ея, — наивность и простота народнаго быта и воззрѣнія пропадаютъ, человѣкъ со страстію и увлеченіемъ отдается настоящему съ его интересомъ; съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ или перерождается и старинный эпосъ: онъ болѣе не согрѣваетъ народа своей теплотой; на мѣсто его выступаютъ новыя литературныя формы, и по содержанію и по взгляду болѣе соотвѣтствующія текущему времени. Такимъ рѣшительнымъ переломомъ въ народной жизни бываютъ историческія *народныя* событія. Теперь, когда припомнимъ, какъ слабо исторія коснулась великорусскаго племени въ сравненіи съ южнорусскимъ, мы не удивимся, что старинный эпосъ могъ уцѣлѣть въ своей первобытной свѣжести на такихъ окраинахъ, какъ земли олонецкія, Пермь, Сибирь, куда даже не доходила исторія... У малоруссовъ — грозныя событія казацкой эпохи всколебали до дна народныя массы: народъ не былъ только зрителемъ, но и актеромъ кровавой драмы, актеромъ не по неволѣ, но по глубокому сочувствію общему дѣлу, по восторженному убѣжденію въ

святости и правотѣ его. При такомъ общемъ воодушевленіи — не было недостатка въ истинномъ героизмѣ и высокихъ жертвахъ для мести за оскорбленную святыню родины... На эту новую, полную великой поэзіи, сторону исторической жизни обратилось народное поэтическое воодушевленіе: старые образы померкли, уступили мѣсто новымъ, современнымъ, для которыхъ создалась и новая поэтическая форма, извѣстная подъ именемъ *думы*.

Этимъ объясненіемъ мы, однако, еще не разрѣшаемъ вопроса: «почему именно *кіевскій* эпосъ сохранился у великоруссовъ». При всей недостаточности и несовершенствѣ ученой разработки русско-народной поэзіи, мы не рискуемъ сдѣлать большую ошибку, если скажемъ, что для названія великорусскаго эпоса *кіевскимъ* — не существуетъ прочныхъ ученыхъ основаній: этнографія нашихъ былинъ, несмотря на то, что дѣйствіе происходитъ по большей части «во стольномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя Володимира», не можетъ быть названа южнорусскою въ строгомъ смыслѣ; богатыри — почти всѣ не-кіевляне; народы, съ которыми приходится воевать имъ, чаще сосѣдники великоруссовъ, чѣмъ малоруссовъ. Этимъ обстоятельствамъ мы придаемъ значеніе на столько, на сколько нужно для подкрѣпленія нашего крайняго убѣжденія, что происхожденіе и образованіе нашего богатырскаго эпоса совершилось до племеннаго раздѣленія на велико- и мало-руссовъ; это эпосъ — русскій, но никакъ не исключительно великорусскій; корень его, можетъ-быть, дѣйствительно, возникъ на кіевской почвѣ — и тѣмъ самимъ *Кіевъ вошелъ въ великорусскій побѣгъ русскаго эпическаго дерева, какъ сказочная столица* еще болѣе *сказочнаго Владимира—красна солнышка*. О немъ въ настоящее время и говорить нечего, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей причины видѣть въ немъ историческаго Владимира, и есть много причинъ принимать это лицо за позднѣйшую замѣну — древнѣйшей миѳической личности Волотомана или Волота.

Разобравъ всѣ доказательства г. Погодина, мы возвратимся къ вышеоставленному нами вопросу: если въ южныхъ нашихъ лѣтописяхъ до XIV в. и не видно присутствія малорусскаго эле-

мента,—даетъ ли это намъ право утверждать, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что нынѣшніе южноруссы пришли въ землю Полянъ изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома? Послѣ всего нами сказаннаго, мы, конечно, не задумаемся отрицательнымъ отвѣтомъ; малорусскіе элементы могли быть и не быть въ лѣтописяхъ; но южнорусское племя, непосредственные потомки котораго сохранились въ современныхъ намъ малоруссахъ или украинцахъ, составляло отъ древнѣйшихъ временъ и непосредственныхъ обитателей Днѣпровскаго и Бужскаго бассейновъ[1]).

Мы покончили со мнѣніемъ г. Погодина, но не съ самимъ дѣломъ; нашъ разборъ до сей поры имѣлъ главнымъ образомъ отрицательную цѣль; теперь взглянемъ на нѣкоторыя положительныя данныя, дающія нашему мнѣнію силу несомнѣннаго историческаго факта.

Не всякое историческое научное положеніе бываетъ основано на непосредственныхъ, ясныхъ свидѣтельствахъ: многое принимается наукою только потому, что не существуетъ никакихъ противоположныхъ указаній; здѣсь историку предстоитъ или вовсе отказаться отъ всякаго сужденія, или послѣдовать закону логическому: отказаться отъ всякаго сужденія — значитъ отказаться отъ науки, отъ всякой попытки уяснить прошедшія судьбы человѣчества; такимъ образомъ получаетъ силу процессъ логической мысли: онъ восполняетъ для науки то, о чемъ нѣтъ, и даже не можетъ быть, помину въ историческихъ свидѣтельствахъ. Добытое такимъ путемъ положеніе не всегда можетъ имѣть значеніе непререкаемой истины, какъ потому, что зависитъ отъ чистологическихъ соображеній, такъ и потому, что впослѣдствіи могутъ встрѣтиться нѣкоторыя противорѣчащія свидѣтельства; тогда вопросъ принимаетъ новую форму, переизслѣдуется — и вмѣсто *argumentum a silentio*—является *историческое доказатель-*

1) Г. Погодинъ опирается на изслѣдованія г. Срезневскаго, который (Мысли о. ист. рус. яз.) утверждалъ, что малорусскій элементъ является въ письменности послѣ XIV в. Но вѣдь г. Срезневскій XIV вѣкъ принимаетъ эпохою переворота во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а не въ одномъ малорусскомъ!...

ство. Яснѣе всего это видно на нашемъ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ южнорусскаго племени. До послѣдняго времени, наша историческая наука принимала исконную историческую туземность малорусскаго племени на русскомъ югѣ; никто не бросалъ сомнѣнія на это положеніе, потому что ничто не вызывало на это сомнѣніе: южнорусское племя живетъ теперь главнымъ образомъ по теченію Днѣпра; ни въ лѣтописяхъ, ни въ иныхъ письменныхъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ, что оно пришло откуда-нибудь изъ другаго мѣста уже въ историческое время; а потому, весьма естественно и законно признать это племя за исторически-исконныхъ обитателей страны (вопросъ о переселеніи съ Дуная сюда не идетъ, такъ какъ мы говоримъ объ эпохѣ исторической). Теперь, когда г. Погодинъ[1]) признаетъ этотъ *argumentum a silentio* недостаточнымъ и, на основаніи логическихъ соображеній, приходитъ къ совершенно иному заключенію, наука обязана взглянуть на дѣло серьознѣе и поискать уже историческихъ доказательствъ своего положенія. Какъ логическія, такъ и историческія соображенія г. Погодина оказались несостоятельными, но пытливость — глубже изслѣдовать вопросъ—возбуждена (и это не малая заслуга г. Погодина!) и мы попытаемся, по нашему крайнему разумѣнію, удовлетворить хотя аористически этому стремленію.

Первое доказательство исторической туземности нынѣшняго южнорусскаго племени на Полянской землѣ есть лѣтописная географическая номенклатура городовъ, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д. Почти вся она всецѣло сохранилась у теперешнихъ южноруссовъ: если бы они пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в., то, нѣтъ сомнѣнія, принесли бы съ собою и новыя топографическія названія, которыя напоминали бы ихъ прежнюю родину.

Второе доказательство — народныя южнорусскія преданія: въ нихъ и Царьградъ и историческіе Татаре играютъ довольно

1) Нѣчто подобное утверждалъ, помнится, г. Даль, въ своей статьѣ: «О нарѣчіяхъ русскаго языка». Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками этой статьи.

видную роль. Таковы, напр., легенда о Кіевскихъ Золотыхъ Воротахъ или о Михалкѣ Семіліткѣ, пѣсня о службѣ южноруссовъ въ Царыградѣ (Малорусск. Сборникъ г. Мордовцова: пѣсни собранн. г. Костомаровымъ); но, что́ всего важнѣе — въ современномъ южнорусскомъ народѣ хранятся и такія преданія, которыя занесены въ начальную Кіевскую лѣтопись, таковы: о Кириллѣ Кожемякѣ, въ которомъ изслѣдователи, не безъ основанія, видятъ отрока Владимирова, Усмошвеца, о бѣлгородской осадѣ—какъ горожане обманули Печенѣговъ (и теперь показываютъ тѣ колодцы, гдѣ, по лѣтописи, была разведена сита и кисель). Древлянскій край и теперь полонъ памятью объ Ольгѣ, рѣки и водные источники—носятъ ея имя; также названіе Кіевскихъ урочищъ (Щековица и Хоревица), рѣки Лыбеди—указываютъ на преданія начальной лѣтописи. Предположить, что все это зашло къ народу изъ письменныхъ источниковъ и послѣ XIV в. — невозможно; остается принять, что тотъ же народъ, который жилъ въ эпоху начальной лѣтописи, живетъ и нынѣ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ своихъ потомкахъ.

Третье доказательство — «Слово о Полку Игоревѣ», поэтическій складъ котораго находитъ полное оправданіе въ современной народной поэзіи малоруссовъ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій этого вопроса гг. Максимовичемъ (лекціи о Сл. о П. Иг., въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1837 г.), Буслаевымъ и Бодянскимъ (въ изданіи Памятн. г. Дубенскаго) — южнорусская основа памятника уже не можетъ подлежать сомнѣнію: народъ, поющій малороссійскія думы, есть потомокъ народа, создавшаго «Слово о Полку Игоревѣ», такъ какъ между этими произведеніями народной поэзіи открывается не внѣшнее, но внутреннее, этнографическое, родство и преемственность.

Четвертое доказательство принадлежитъ уже области христіанскаго вѣрованія и легенды: мы разумѣемъ идеалы братской любви, *народныхъ* св. Бориса и Глѣба. Что до XIV в. эти идеалы были присущи благочестивому чувству южнорусскаго человѣка, это доказывается не только начальною лѣтописью, но

и житіемъ ихъ, дошедшимъ къ намъ въ рукописи XII в. И что же? Тогда какъ въ Великой Руси мы нигдѣ не замѣчаемъ особеннаго *народнаго* значенія этихъ святыхъ, въ Южной Руси (въ Переяславлѣ) имъ посвященъ особый *народный* праздникъ[1]); здѣсь они — въ полномъ смыслѣ — *народные святые*, стоящіе въ непосредственвой связи съ историческими воспоминаніями народа. Кто скажетъ, что этотъ праздникъ возникъ въ позднее время, установленъ церковью, а не созданъ народомъ?

Но *главное доказательство* туземности малорусскаго народа въ Полянской землѣ — это опять несостоятельность самой мысли, чтобы страну, оставленную *своимъ* населеніемъ въ такое страшное время, какъ татарскій погромъ, могло занять *чужое*. Что вызывало на такое невыгодное перемѣщеніе, что могло заставить выйти изъ покойныхъ и природою обезопасенныхъ жилищъ, каковы Карпаты — затѣмъ, чтобы *подвинуться* къ татарамъ и на открытомъ мѣстѣ служить постоянною приманкою для дикихъ кочевниковъ?

Только любовь къ родному пепелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединялось много дорогихъ воспоминаній, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженіи татаръ, населеніе — къ *возвращенію* на прежнія жилища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной казацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ, святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера — и оно-то, главнымъ образомъ, служитъ вѣрною порукою, что нынѣшніе малороссіяне — прямые и достойные потомки тѣхъ *русичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступиться за землю Русскую и за обиду того времени!*

---

1) Объ этомъ празднествѣ см. статьи М. А. Максимовича, въ «Кіевлянинѣ», 1850 г., кн. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр

Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося столѣтія его грамматикѣ 1
О лѣтописи Якимовской, П. А. Лавровскаго 9
По поводу сочиненія г. Даниловскаго объ Осповьянепкѣ 13
Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ 25
Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ (Дополненіе къ предыдущей статьѣ) 65
Два вопроса русской исторической науки (Письмо къ редактору газеты Молва по поводу изданія русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго) 76
Сказанія о русскихъ богатыряхъ 81
Новыя изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности 122
Мистеріософія бардовъ Бретани (Le mystère des bardes de l'île de Bretagne ou la doctrine des bardes Gallois du moyen âge sur Dieu, la vie future et les transmigrations des âmes. Par A. Pictet) 132
Очеркъ исторіи русской поэзіи, г. Милюкова 139
О нравственной стихіи въ поэзіи, соч. Ореста Миллера 163
Исторія русской словесности (ч. III, Лекціи С. Шевырева). — Русскій народъ и государство (Исторія русскаго общественнаго права до XVIII ст., соч. В. Лешкова) 193
О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ, рѣчь профессора В. Григоровича 216
О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, рѣчь профессора Ѳ. Буслаева 232
Исторія русской словесности, преимущественно древней. Ст. Шевырева (ч. III. Столѣтія: XIII, XIV и начало XV) 245

*

стр.

Богданъ Хмельницкій, сочиненіе Н. Костомарова..... 267
Народні оповидáння, Марко Вовчкá..... 286
Археологическія изслѣдованія по памятникамъ (Вып. 1-й. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ. Соч. Филимонова)..... 304
Les scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves: leur état social, moral, intellectuel et religieux; esquisse ethnogénéalogique et historique, par S. G. Bergmann..... 314
Опытъ исторической грамматики русскаго языка, составл. Ѳ. Буслаевымъ..... 344
Стихотворенія Полежаева..... 417
Русская народная литература (Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, выпускъ 1-й «Илья Муромецъ»). — Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный В. Варенцовымъ. — Памятники старинной русской литературы, издаваемые подъ редакціею Н. Костомарова, вып. 1-й..... 439
Рутина въ преподаваніи исторіи словесности (Курсъ исторіи поэзіи для воспит. женскихъ институтовъ и женск. гимназій, сост. А. Линниченко)..... 450
Новые труды по русской старинѣ и народности (Старосвѣтскій бандуристъ. Сост. И. Закревскій.—Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, изд. Де-Пуле и Глотова. — Воронежскій Литературный Сборникъ, вып. 1-й, изд. Н. Гарденинымъ подъ редакціей П. Малыхина. — Русскія простонародныя легенды, дополненныя восмью новыми)..... 492
Двѣ новыя хрестоматіи (Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности, отъ Петра I до нашего времени). Составлена А. Галаховымъ. — Для чтенія и разсказа. Хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Сост. П. Басистовъ..... 514
Старина и народность за 1861 годъ..... 527
Были ли малороссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?..... 624